АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО МАДЖАРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

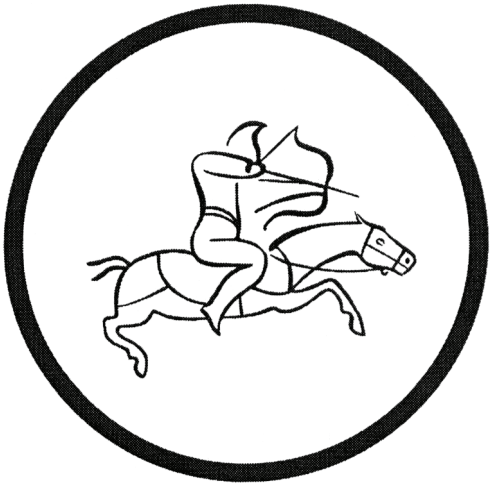
ВЫПУСК 23

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ
Муниципальное учреждение культуры “Краеведческий музей села Прасковея”
Государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края
“Пятигорский краеведческий музей”

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 23

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО МАДЖАРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

Казань – 2016

ББК 63.4
Б 79

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 23

Редактор-составитель:

Ю.Д. Обухов

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, ***Хузин Фаяз Шарипович*** (Казань) – сопредседатель, ***Артемьева Надежда Григорьевна*** (Владивосток), ***Афанасьев Геннадий Евгеньевич*** (Москва), ***Байпаков Карл Молдахметович*** (Алматы, Казахстан), ***Белорыбкин Геннадий Николаевич*** (Пенза), ***Боталов Сергей Геннадьевич*** (Челябинск), ***Бочаров Сергей Геннадиевич*** (Ялта), ***Волков Игорь Викторович*** (Москва), ***Гмыря Людмила Борисовна*** (Махачкала), ***Евглевский Александр Викторович*** (Донецк, Украина), ***Кляшторный Сергей Григорьевич*** (С.-Петербург), ***Кызласов Игорь Леонидович*** (Москва), ***Мухамадиев Азгар Гатауллович*** (Казань), ***Мыц Виктор Леонидович*** (Санкт-Петербург), ***Нарожный Евгений Иванович*** (Армавир), ***Овсянников Владимир Владиславович*** (Уфа), ***Руденко Константин Александрович*** (Казань), ***Савенко Сергей Николаевич*** (Кисловодск), ***Савинов Дмитрий Глебович*** (С.-Петербург), ***Табалдиев Кубатбек Шакиевич*** (Бишкек, Киргизия), ***Татауров Сергей Филиппович*** (Омск), ***Тихонов Сергей Семенович*** (Омск), ***Тишкин Алексей Алексеевич*** (Барнаул), ***Фодор Иштван*** (Будапешт, Венгрия), ***Худяков Юлий Сергеевич*** (Новосибирск).

Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Будённовск – 2012 год. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 23. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016;; Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, 2016. – 308 с.
ISBN 978-5-9909131-2-7

Маджар на протяжении трёх столетий являлся объектом научного интереса многих исследователей. Работа по изучению этого уникального памятника культурного наследия ведется с начала XVIII в. и продолжается в наши дни. За эти годы накоплен значительный пласт исторических и археологических материалов, который необходимо ввести в полноценный научный оборот. Для объединения усилий учёных различных специальностей в изучении этого памятника в сентябре 2012 года был организован и успешно проведён Первый межрегиональный Маджарский археологический форум. Материалы, которого легли в основу Выпуска 23 серии «Археология Евразийских степей». Сборник состоит из четырёх тематических разделов. Раздел первый - «Золотая Орда – политические, культурные и торговые связи территорий», объединяет исследования золотоордынских памятников на значительном территориальном пространстве от Дона на западе до Казахстана на востоке. Во втором разделе – "Золотоордынский город Маджар – административный, торгово-ремесленный и культурный центр Северного Кавказа", представлены статьи, посвященные непосредственно городу Маджару и памятникам его округи. В третью главу – "Маджарские коллекции в музейных собраниях" были выделены публикации анализирующие архивные и музейные материалы, относящиеся к истории изучения Маджарского городища в основной своей массе раннее не издававшихся. В отдельном, четвёртом разделе представлены материалы, повествующие о гибели в 1318 г. Тверского князя Михаила Ярославовича (канонизированного в последствии Русской православной церковью) в ставке хана Узбека у города Маджара.

Сборник научных статей предназначен для историков, археологов, этнографов, музееведов, специалистам по истории культурного наследия и имеет большую познавательную ценность для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9909131-2-7

ББК 63.4
Б 79

© Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, 2016
© Муниципальное учреждение культуры «Краеведческий музей села Прасковея»
© Государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей»
© Ю.Д. Обухов Редактор-составитель
© Авторы
© ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016

ВСТУПЛЕНИЕ

Маджарское археологическое городище (золотоордынский город Маджар) находится на территории Будённовского района и юго-восточной окраине современного города Будённовск, Ставропольского края. В истории Золотоордынского государства этот город занимал особое место и как административный центр обширного Северокавказского региона и как перекрёсток где сходились основные торговые магистрали запада и востока, севера и юга, связывавшие Китай, Индию, Среднюю Азию с Северным Причерноморьем и Крымом, Нижневолжские столичные города с Закавказьем и Ираном.

Маджар на протяжении трёх столетий являлся объектом научного интереса многих исследователей. Работа по изучению этого уникального памятника культурного наследия ведется с начала XVIII в. и продолжается в наши дни. За эти годы накоплен значительный пласт исторических и археологических материалов, который необходимо ввести в полноценный научный оборот. Для объединения усилий учёных различных специальностей в изучении этого памятника в сентябре 2012 года был организован и успешно проведён Первый межрегиональный Маджарский археологический форум. Это научное мероприятие было приурочено к двум памятным датам: 270-летию начала научного изучения крупнейшего средневекового памятника археологии Северного Кавказа федерального значения - «Маджарское городище» и 10-летию открытия Краеведческого музея в селе Прасковея Будённовского района Ставропольского края. Первый Маджарский археологический форум был организован и проведён МУК «Краеведческим музеем села Прасковея» и ГБУК СК «Пятигорским краеведческим музеем». Идея его проведения принадлежала руководителям этих музеев Юрию Дмитриевичу Обухову и Сергею Николаевичу Савенко.

В работе Первого Маджарского археологического форума приняли участие 30 специалистов в области археологии, истории, антропологии, археозоологии, охраны памятников истории и культуры и музейного дела из 12 регионов, 19 городов и населённых пунктов России (Буденновск, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Минеральные Воды, Ставрополь, Нальчик, Азов, Элиста, Волгоград, Саратов, Казань, Тверь, Кашин, С.-Петербург, Москва, Симферополь, Прасковея, Селитренное). На форуме было заслушано 26 докладов и сообщений, посвященных различным аспектам изучения Маджарского городища конца XIII – начала XV вв, исследованию межрегиональных и международных экономических, политических, культурных связей населения Маджар с другими регионами и городами Золотоордынского государства. Ключевое место в докладах было уделено важнейшим вопросам сохранения археологических памятников золотоордынского периода, в особенности городища Маджары.

Принимая во внимание особое значение материалов Первого Маджарского археологического форума для изучения истории и археологии Золотой Орды и сопредельных территорий и государств директор Института Археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан совместно с организаторами этого форума подготовили к публикации настоящий сборник научных статей.

Сборник состоит из четырёх тематических разделов. Раздел первый - «Золотая Орда – политические, культурные и торговые связи территорий», объединяет исследования золотоордынских памятников на значительном территориальном пространстве от Дона на западе до Казахстана на востоке. Во втором разделе – «Золотоордынский город Маджар – административный, торгово-ремесленный и культурный центр Северного Кавказа», представлены статьи, посвященные непосредственно городу Маджару и памятникам его округи. В третью главу – «Маджарские коллекции в музейных собраниях» были выделены публикации, анализирующие архивные и музейные материалы, относящиеся к истории изучения Маджарского городища в основной своей массе раннее не издававшихся. В отдельном, четвёртом разделе представлены материалы, повествующие о гибели в 1318 г. Тверского князя Михаила Ярославовича (канонизированного впоследствии Русской православной церковью) в ставке хана Узбека в предгорьях Кавказа и пребывания траурной процессии в городе Маджаре.

Хочется надеяться, что издание материалов Первого Маджарского будет востребовано специалистами по средневековой истории и археологии Восточной Европы и станет ещё одним важным звеном в реализации идеи самостоятельного Маджарского археологического музея, высказанной исследователем края и археологических памятников Северного Кавказа Г.Н. Прозрителевым (1849-1933) еще в начале XX века.

Ю.Д. Обухов, А.Г. Ситдиков.

ГЛАВА I

ЗОЛОТАЯ ОРДА – ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ТЕРРИТОРИЙ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА УВЕКСКОМ ГОРОДИЩЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА В ЗОНЕ СПЛОШНОЙ ЗАСТРОЙКИ.[1]

Кубанкин Д.А.

Письменные источники свидетельствуют, что золотоордынский город Укек[2] располагался на правом берегу Волги, на полпути между Болгаром и Сараем [*Евтеев, Кубанкин 2009. с. 125*]. Он был городом «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» [*Тизенгаузен 1884, с. 303*]. Здесь находилась переправа к одной из кочевых ставок хана [*Кубанкин 2012, с. 186*], что, видимо, обусловило активное развитие города еще в последней трети XIII в.

Не смотря на расстояние более чем в 750 км, разделяющее Укек и Маджар, у этих двух памятников есть много общего. Во-первых, оба они были построены еще в XIII в. Во-вторых, располагавшиеся рядом с ними ставки ханов Золотой Орды способствовали активному развитию данных центров. Именно в эти периоды города чеканят собственную монету. Наконец, современное плачевное состояние двух неординарных памятников городской культуры объединяет Укек и Маджар. Оба объекта подвержены разрушению в результате активной хозяйственной деятельности и, мягко выражаясь, слабо изучены, в то время как имеющиеся в музеях находки свидетельствуют о больших перспективах в области полевого исследования археологического наследия Укека и Маджар. Полагаю, что опыт археологических раскопок на Увекском городище может оказаться полезным и для Маджар.

Площадь Увекского городища - не менее 205 га [*Недашковский 2000. с. 3*]. По нашим подсчетам еще порядка 90 га оказалось затоплено р. Волгой. Сегодня берег в районе Увекского городища имеет бетонные укрепления и более не разрушается. Практически вся площадь городища застроена частным сектором или отведена под коммуникации (железная дорога, нефтепроводы) Остались лишь незначительные окраинные участки,

где располагаются средневековые некрополи [*Евтеев, Кубанкин 2009, с. 129-151*], отдельные сооружения [*Кубанкин 2012*] со слабым культурным слоем в 5-10 см либо вообще без него.

В сложившейся ситуации привычные археологические исследования невозможны, исключение составляют лишь охранные раскопки в случае крупномасштабных хозяйственных работ на территории памятника. История полевого исследования Увекского городища в очередной раз подтверждает тот факт, что неизученные свободные участки памятника могут в любой момент оказаться уничтоженными или застроенными.

Раскопки на Увекском городище до начала XXI в. не носили планомерного характера. Наиболее известны исследования членов Саратовской ученой архивной комиссии под руководством П.Н. Шишкина 1913 г., в результате которых были обнаружены остатки крупного золотоордынского мавзолея, где раскопано семь богатых элитарных захоронений [*Кротков 1915*], а также работы профессора Саратовского университета Ф.В. Баллода 1919 г., в результате которых обнаружены богатые захоронения в склепах, частично исследованы сырцовый мавзолей и жилая постройка [*Баллод 1923*].

Основу коллекции археологических находок с Увекского городища составил подъемный материал. Примечательно, что из 611 инвентарных номеров в книге записей музея Саратов-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 12-31-01246 тип а2.

2 Золотоордынский город, по данным нумизматики и письменных источников, принято называть Укек. Археологический памятник на месте разрушенного города принято называть по ближайшему населенному пункту (пос. Увек) – Увекское городище.

ской ученой архивной комиссии, относящихся к материалам с Увекского городища, лишь 37 относятся к поступлениям в результате археологических раскопок. Все остальные пополнили фонды в результате сбора, закупки или дара, т.е. были случайными находками [*Кубанкин 2006, с. 288*]. В 1893-1894 гг. по поручению и при финансовой поддержке Императорской археологической комиссии саратовский краевед Ф.В. Духовников проводил сборы на Увекском городище. Им была собрана и в общих чертах описана коллекция находок общим весом в 21 пуд [*Архив ИИМК. Ф1/1893. Д. 107., с. 18-80*]. Описание коллекции содержало 314 записей. Позднее эти материалы легли в основу коллекции находок с Увекского городища в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Государственном музее республики Татарстан, вошли в коллекцию Саратовского областного музея краеведения [*Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки, 2005; Недашковский 2000; Полубояринова 1978*]. Итак, в то время, когда основная часть Увекского городища была свободна от застройки, в силу целого ряда причин не удалось организовать постоянные раскопки. Поэтому основной упор был сделан на сбор подъемного материала и редкие раскопки. Так была сформирована основа коллекции находок с Увекского городища.

С 2005 г. археологическая экспедиция Саратовского областного музея краеведения проводит ежегодные раскопки на Увекском городище и постоянный мониторинг состояния памятника. За это время достигнуты определенные результаты. Главный вывод состоит в том, что в большинстве мест, несмотря на современную застройку, культурный слой средневекового города еще сохранился и достигает мощности до 3,5 м, без учета хозяйственных ям на уровне материка. На центральных улицах, возле оползающих склонов и в прибрежной части, в районе железной дороги, слой перекрывается балластом мощностью до 2 м. Поэтому даже ленточный фундамент для домов или траншеи под водопровод не смогли окончательно уничтожить этот слой.

Наибольшему разрушению подверглись следующие участки. На возвышенностях слой оползает и уничтожается в результате хозяйственной деятельности. По обрывам происходит полное обрушение. На месте расположения нефтеналивных цистерн срыты колоссальные участки слоя. То есть наибольшую угрозу представляет современное масштабное строительство многоэтажных или частных построек с глубокими подвальными помещениями, а также промышленное строительство. Правовой статус городища весьма низкий – памятник археологии регионального значения. Местные органы охраны памятников за все время так и не смогли придать Увекскому городищу федеральный статус и включить его в Единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ. В сложившейся ситуации весьма вероятным представляется активная хозяйственная деятельность на Увекском городище без предварительных археологических раскопок.

С 2010 г. работы экспедиции проводятся следующим образом. Достигается договоренность о раскопках с местными жителями, чьи частные владения располагаются в центральной части городища или на участках, где фиксируется культурный слой. Примечательно, что в большинстве частных владений постоянно ведутся строительные работы или таковые ожидаются в перспективе. Поэтому наши раскопки предваряют будущее строительство, а жители участков не оплачивают охранные раскопки, поскольку исследования проводятся при финансовой поддержке министерства культуры Саратовской области, спонсоров и грантовых средств. С каждым годом площадь раскопа увеличивается. Если в 2010 г. было раскопано всего 18 кв. м., то в 2011 – 44 кв.м., а в 2012 г. – 84 кв.м. При этом уровень культурных напластований до материка достигает 3,5 м.

В результате раскопок удалось обнаружить русский квартал с остатками православного храма, декорированного фресковыми росписями. Частично раскопано подвальное помещение с сервизом парадной глиняной посуды из Ирана (или Египта) и Византии, собрана коллекция редких монет 1270-х – 1313 гг., найдена китайская стеклянная шпилька, каменный барельеф со сценой терзания льва грифоном, фрагменты деревянных изделий, в том числе ручка ковша в виде протомы барса, фрагменты хлебных лепешек и пр. Подобные результаты свидетельствуют о необходимости продолжения раскопок даже на небольших участках частных владений. Вряд ли стоит ожидать того времени, когда можно будет заложить большой раскоп одновременно на территории нескольких землевладений. Такие ожидания могут привести к уничтожению культурного слоя в условиях активного развития городской инфраструктуры.

Поэтому приходится вырабатывать особую методику. Раскоп изначально ограничен участком землевладения, при этом территория под домом и прочими хозяйственными соору-

жениями не входит в площадь раскопа. Задействовать под раскоп сразу всю площадь, отданную владельцами участка, нельзя, т.к. приходится оставлять участки под отвалы. Учитывая, что раскопки проходят на городской территории, отвалы приходится вывозить на самосвале за пределы поселка, а по завершении работ завозить обратно. С раскопа 2012 г. было извлечено около 200 куб. м грунта. Даже при вывозе отвалов необходимо оставить место под первичное складирование земли и проход техники, которая эту землю погрузит на самосвал.

Поэтому копать приходиться модулями – условно выделенными для раскопа участками, где проводится единовременная выборка грунта по пластам. Оптимальная площадь модуля в условиях частного сектора – 20-30 кв. м, но иногда она уменьшается до 8-10 кв. м. На планах модули объединяются в единый раскоп, и представляется общая планиграфия. Модульная система отрицательно сказывается на планиграфических наблюдениях, т.к. единовременно проводятся раскопки лишь на части раскопа. Этот недостаток компенсируется многочисленными стратиграфическими наблюдениями за бортами модулей и стратиграфических бровок. Помимо раскопок в центральной части городища, продолжаются исследования на окраинах. За период с 2005 по 2012 г. археологической экспедицией СОМК было вскрыто 650 кв. м. на разных участках городища.

Раскопки сопровождаются многочисленными репортажами в СМИ, в Саратовском областном музее краеведения проводятся выставки, посвященные Увекскому городищу. В сентябре 2012 г. на прилегающих к городищу участках в рамках Дня города состоялся исторический фестиваль «Один день из жизни средневекового города», который посетило более 3 тыс. человек. Эта деятельность привлекает внимание общественности и руководителей разного уровня, появляются спонсоры раскопок. При таком содействии становится легче получить новые средства на раскопки.

Таким образом, в сложившейся на Увекском городище ситуации возможны раскопки в частных владениях при условии комплексного финансирования со стороны местных властей, частных спонсоров и грантовых средств. Для активного привлечения средств необходима масштабная научно-просветительная работа, активное освещение, как самих раскопок, так и исследуемой проблематики в СМИ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Архив ИИМК. Ф1/1893. Д. 107.

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005-2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9. Саратов, 2009.

Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. М.:, 2009.

Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2005-2011 гг. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9. Саратов, 2012.

Кубанкин Д.А. Изучение Увекского городища Саратовской ученой архивной комиссией // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию Саратовской губернской ученой комиссии. Саратов, 2006.

Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. Вып. 1. Казань, 2012.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ И БОЛДЫРЕВСКОЕ СЕЛИЩЕ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Недашковский Л.Ф.

В 1993-1994 гг. автором статьи были впервые научно обследованы два археологических памятника ближайшей округи золотоордынского Укека – Александровское местонахождение и Болдыревское селище.

Александровское местонахождение (в бассейне р. Чернихи). Данное местонахождение золотоордынского времени было открыто нами в 1993 г. и обследовалось в 1994 г. [*Недашковский 1993-1995*]. Располагается в 700 м к юго-востоку от с. Александровки, в 400 м к югу от заводских складов-ангаров г. Саратова, в 1125 м от железнодорожной станции Александровка и в 90 м к северо-западу от дачных участков. Располагается на высокой террасе Чернихи, в 60 м к западу - юго-западу от железнодорожного полотна на участке между станциями Чернихa и Нефтяная. На проселочной дороге, окаймляющей лесопосадку, подобраны четыре фрагмента гончарной лощеной керамики с примесью мелкого песка в тесте, с орнаментом в виде прочерченных горизонтальных линий и многорядной волны (рис.1,1), а также венчик древнерусского сосуда диаметром около 16,5 см с примесью мелкого песка в тесте [*Недашковский 1997, 2000, 2004*]. Прилегающие к дороге участки задернованы; в близлежащих выкидах из нор грызунов и на нижней террасе Чернихи подъемного материала не обнаружено. Шурфовка в 1994 г. на предмет наличия культурного слоя не дала положительного результата, однако в шурфе была найдена кость животного.

Болдыревское селище. Было обнаружено в 1978 г.; осматривалось М.И. Куракиным в 1978-80 гг. [*СМОК. СМК 35342/А-9*] и автором в 1994 г. [*Недашковский 1993-1995*]. Располагается к северо-западу от пос. Тепличный (бывшее с. Болдыревка, ныне в черте Заводского района г. Саратова), от окраины которого поселение отстоит не более чем на 20 м. Данное селище золотоордынской эпохи (на поселении найдена также поздняя русская серая лощеная керамика и фрагменты сосудов эпохи бронзы) вытянуто с северо-запада на юго-восток; оно располагается на первой террасе р. Увековки и имеет размеры 210х95 м. Шурфовка показала мощность культурного слоя времени Золотой Орды - до 35-40 см. Материал с памятника представлен преимущественно фрагментами коричневой и красной неполивной золотоордынской керамики с примесью мелкого песка (рис.1,3-11), иногда орнаментированными прочерченными параллельными линиями (рис.1,4-10), фестонами (рис.1,*9*) и оттисками гребенчатого штампа (рис.1,8,10), в том числе перекрещивающимися (рис.1,10). Многие золотоордынские сосуды с Болдыревского селища отличаются плохим промесом теста, о чем свидетельствует их поверхность с чешуйчатыми отслоениями (рис.1,5,10); данный факт может быть поздним хронологическим признаком – конца XIV в. Имеются также фрагменты древнерусских горшковидных сосудов с диаметром венчика 14-16 см, с примесью дресвы и мелкого песка (рис.1,12), и только песка, с отверстием, сделанным при починке сосуда (рис.1,13), а также один небольшой кусочек белой кашинной чаши с бирюзовой поливой (рис.1,*2*). В 1994 г. в центральной части Болдыревского селища были найдены венчик [*Недашковский 1997, 2000, 2004*] и два неорнаментированных фрагмента стенок древнерусских сосудов коричневого цвета с примесью в тесте дресвы и песка; от общего количества керамики XIII-XIV вв., собранной тогда на поселении, древнерусская составляет 3,4%.

С целью выяснения мощности культурного слоя на участке памятника, не занятом лесом и не поврежденном оврагами было заложено 2 шурфа. В одном из них был зафиксирован насыщенный культурный слой мощностью 35-40 см, в профиле северной стенки шурфа зафиксированы остатки деревянного столба, очевидно относящегося к XVIII-XX вв. Во втором шурфе керамики обнаружено не было, слой супеси между дерном и материком составил 5-9 см.

Датируют селище находки медных монет [*Моржерин 1997*] времени Токтамыша (Сарай 787 г.х.-1; Хорезм 790 г.х.-2) и клад [*Моржерин 1997; Недашковский 1997, 2004*], найденный

в 1983 г. у пруда «Пионерский», в непосредственной близости от поселения, содержащий 74 серебряных дирхема, младшие из которых (11 экз.) отчеканены в 761 г.х. Данные нумизматики позволяют ограничить период существования селища второй половиной XIV в.

В 70 м к северо-востоку от Болдыревского селища вдоль дороги в пионерский лагерь «Ударник» располагается могильник золотоордынского времени размерами 55х225 м, на котором на площади 524 кв.м были вскрыты 50 захоронений, ориентированных головой на северо-запад и запад [*Захариков, Касанкин, Четвериков 1990*]. Лишь в пяти из них был зафиксирован погребальный инвентарь: погр. 13 - бронзовый перстень, погр. 18 - парчовая ткань, погр. 35 - белая ткань с вышивкой, погр. 39 - неопределенный предмет из кожи, погр. 40 - стеклянная бусина; в остальных прослеживались лишь остатки гробов, в ряде случаев - и гвозди от них. В засыпи могильных ям ряда погребений встречались угли.

Данные разведочные работы показывают необходимость проведение полноценных археологических исследований, которые позволят понять специфику снабжения города Укек сельскохозяйственной продукцией из прилегающих селищ и кочевой степи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Захариков А.П., Касанкин Г.И., Четвериков С.И. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника золотоордынского времени в зоне строительства пионерского лагеря «Ударник» у с. Болдыревка Саратовского района Саратовской области в 1990 году // Архив ИА РАН, р.1, д.14951-14952.

Моржерин К.Ю. Случайные находки на территории Саратовской области (из фондов СОМК, поступления 1980-1995 гг.) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов: Орион,1997. Вып.2. с.166, 169-170, рис.2,*8*; СОМК № СМК 39933, аН-2.

Моржерин К.Ю. Случайные находки на территории Саратовской области (из фондов СОМК, поступления 1980-1995 гг.)… с.169-170; *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа... с.160; *Nedashkovsky L.F.* Ukek: The Golden Horde city and its periphery… P.94-95; СОМК № СМК 38324, Д-876.

Недашковский Л.Ф. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.: Изд-во НПБО “Фонд археологии”,1997. Т.3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. с.232, 234, рис.3,*10*;

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН,2000. с.110, 131, 215, рис.31,*10*; *Nedashkovsky L.F.* Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series,1222. Oxford: Archaeopress,2004. P.79, 246, fig.83,*10*.

Недашковский Л.Ф. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи… с.232, 234, рис.3,*23*; *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа... с.110, 118, 215, рис.31,*23*;

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery… P.68, 246, fig.83,*23*.

Недашковский Л.Ф. Разведки к юго-западу от Саратова… с.228-229; *Недашковский Л.Ф.* Отчет о разведках к юго-западу от Саратова в 1994 году…, д.18682, л.2-4.

Недашковский Л.Ф. Разведки к югу - юго-востоку от Саратова // Археологические открытия 1993 года. М.: Моск. тип. № 9,1994. с.144; *Недашковский Л.Ф.* Разведки к юго-западу от Саратова // Археологические открытия 1994 года. М.,1995. с.229;

Недашковский Л.Ф. Отчет о разведках к югу - юго-западу от Саратова в 1993 году // Архив ИА РАН, р.1, д.17975, л.4-5; *Недашковский Л.Ф.* Отчет о разведках к юго-западу от Саратова в 1994 году // Архив ИА РАН, р.1, д.18682, л.5-6.

СОМК (№ СМК 35342/А-9).

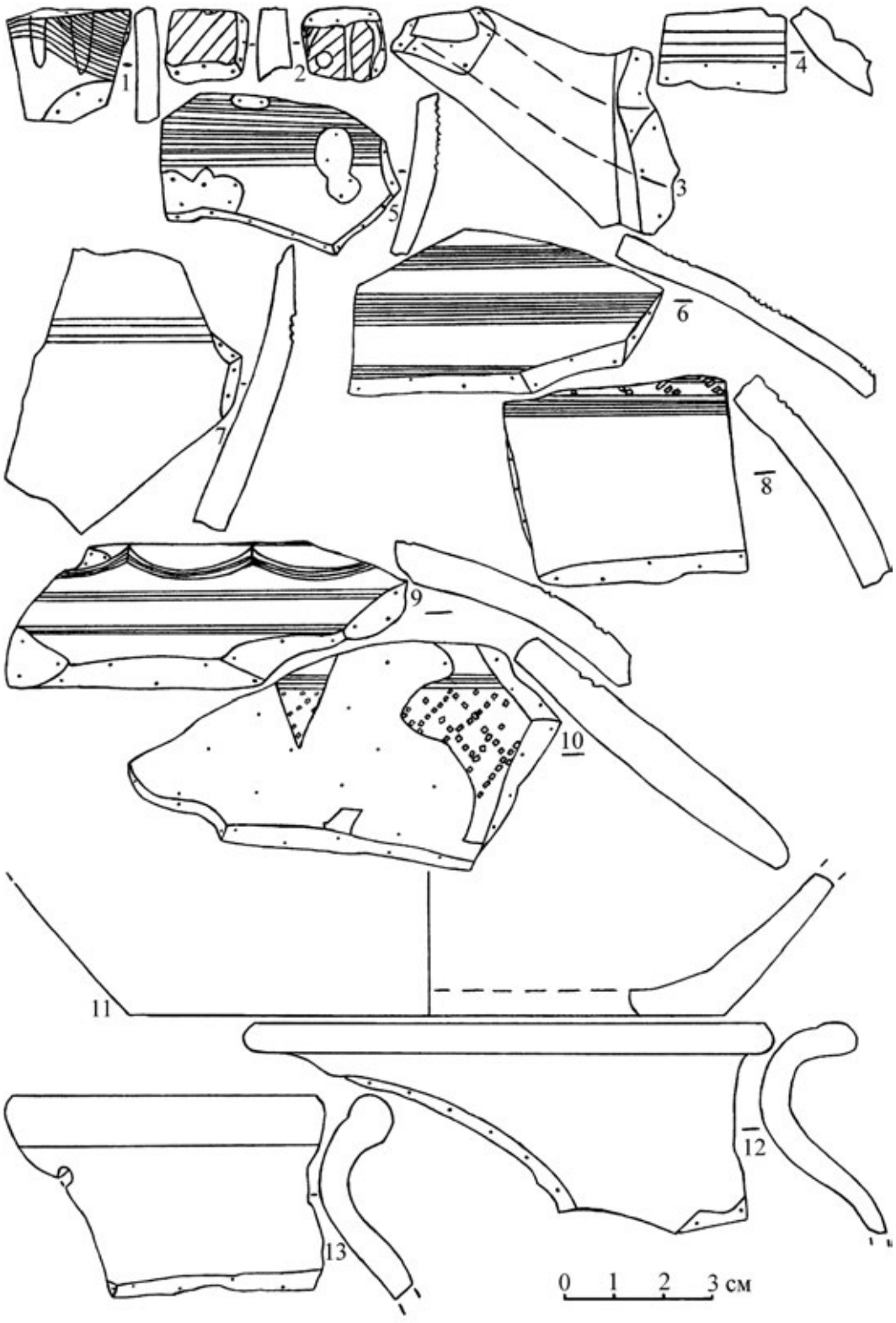

Рис.1.Фрагменты золотоордынской красноглиняной неполивной гончарной (*1,3-11*), поливной кашинной (*2*) и древнерусской (*12-13*) керамики с Александровского местонахождения (*1*) и Болдыревского селища (*2-13*).
1-11 – СОМК, разведки автора: 1 - № НВСП 34901, 2 - № НВСП 34909, 3 - № НВСП 34907, 8 - № НВСП 34903, 9 - № НВСП 34902, 11 - № НВСП 34908. 12-13 – предоставлены М.И.Куракиным. 1,4-12 – коричневая, 2 – белая, 3 – красная, 13 – серая. 1,3,5 – лощеная, 4,6-13 – нелощеная.
1,3,6,12-13 – плохой обжиг (с темной прослойкой в средней части излома), 4-5,7-11 – хороший обжиг.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ II (ЗАПАДНОЕ ЗАКУБАНЬЕ, ДОЛИНА РЕКИ АДАГУМ) (XIII-XIV ВВ.)

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н.

В 2012 г. на р. Адагум у г. Крымск исследовалось поселение Железнодорожный II. Большой объем материалов и однослойность памятника делают его интересным объектом для изучения керамического комплекса поселений Закубанья времен Золотой Орды. В работе представлен предварительный анализ. Использована коллекция из раскопок ГАУК РО «Донское наследие» (руководитель – С.Е.Жеребилов). Проанализировано – 34928 фрагментов керамики. Практически все находки датируются XIII-XIV вв. – 34919 (99,9%). Из них 34889 фрагменты посудной керамики.

Использована методика, разработанная А.А. Бобринским [*Бобринский 1978, с.278*]. Также использовались разработки И.В. Волкова и результаты его многолетних исследований тарной керамики Причерноморья [*Волков 1992,с.195*]. Привлекались результаты изучения керамического комплекса Азака [*Масловский 2006, с.308-473*]. Основная масса фрагментов относится к сосудам местного производства – 24321 ед. (69,7%). Под местным производством подразумевается не только изделия гончаров поселения Железнодорожный II, но продукция всего предгорного Закубанья. Самой яркой чертой гончарства Закубанья в XIII-XIV вв. является сохранение мастерских специализированных на производстве холодной (столовой и тарной) или горячей (кухонной) керамики. Данные группы резко отличны друг от друга.

Закубанье 1 группа – 21408 ед. (88% местного производства и 61,4% всего комплекса). Мастера производили столовую и тарную керамику. Представлена продукция более 10 мастерских. Наиболее многочисленны изделия 4-5 из них, которые располагались на самом поселении или в его ближайшей округе. Принципиально возможно выделение продукции каждой мастерской. Между ними существуют заметные различия, но в целом группа более однородна, чем продукция крупных золотоордынских центров.

Керамика изготовлена путем ленточного налепа с последующим заглаживанием поверхности на круге (РФК-2 – Развитие функций круга по А.А. Бобринскому). В редких случаях вращение круга использовано для профилировки венчика (РФК-3), но возможно эти образцы привезены из небольших городов в бассейне Кубани. Машинное заглаживание небрежное и плохо прослеживаемое. Часто сосуды асимметричны. Практически во всех диагностируемых случаях использовались донные начины. На днищах нет следов подсыпки, но заметны следы от пальцев. На местах прилепов ручек, до их приклеивания гребнем делались глубокие вертикальные насечки. Для профилировки венчиков кувшинов и кружек не использовались дополнительные жгуты. Ручки овальные в сечении, часто профилировались одним или двумя небольшими валиками. Есть также ручки округлые в сечении.

Обжиг, за единичными исключениями, окислительный. Цвет от темно-коричневого до светло-бежевого. Отмечен как сквозной, так и трехслойный обжиг. Преобладает трехслойный обжиг. Наиболее многочисленны сосуды светлой окраски. По способу обработки поверхности выделяется 4 отдела: без дополнительной обработки, с лощением по черепку, с лощением по красному ангобу, с красным ангобом. Последние два представлены незначительным числом образцов. Наибольшее число сосудов - с лощением по черепку (68,0%). Лощение нанесено небрежно, редкими тонкими линиями. Наряду с вертикальным лощением отмечено горизонтальное, косое, сетчатое лощение, иногда все варианты на одном сосуде. Исключение составляют некоторые кружки, с тщательно выполненным сплошным лощением. Отмечен пролощенный орнамент в виде скобок, восьмерок, зигзагов.

Также использовались врезные и налепные орнаменты. Поверхность сосуда при помощи зубчатого штампа сплошь или поясами покрывалась расчесами из очень неглубоких (0,5-1 мм) узких желобков. Иногда поверх наносилось вертикальное лощение. Врезной орнамент выполнялся преимущественно при помощи резца. Им покрывалась вся поверхность или отдельный пояс. Кроме линейного встречен волнистый орнамент или их сочетание. Значительно реже

отмечены ряды насечек или единичные желобки, а также оттиски зубчатого штампа (рис.1, 2). Налепной орнамент представлен крупными коническими или мелкими полукруглыми налепами и накладными валиками. Конические налепы расположены на ручках или под нижними прилепами, а также на плечах сосудов. Налепные валики в большинстве своем горизонтальны. Иногда они покрывались насечками. Единичны фигурные валики в виде бараньих рогов.

Основу ассортимента составляют кувшины и корчаги. Встречены также кружки, чаши, крышки, амфоры. Кувшины представлены ограниченным числом типов:

1. С коротким широким и воронковидным горлом и сливом на венчике.
2. С узким и высоким горлом со сливом на венчике.
3. С ручкой под углом 90° к сливу.
4. Двуручные.
5. С двумя ручками и двумя сливами. Венчики не профилированы.

Верхние прилепы ручек, как правило, расположены ниже венчиков, реже на венчике. Нижние прилепы на верхней части плеча. Ручки короткие слабо изогнутые в продольном сечении. Корчаги представлены как очень большими сосудами высотой около 1 м, так и небольшими сосудами. Венчики профилированы дополнительными жгутами и вариабельны.

Кружки с приземистым округлым туловом и широким горлом. Ручки часто расположены под углом 90° к сливу (рис.1, 1). Встречены кружки с двумя сливами и двумя ручками. Чаши представлены различными типами: с усеченноконическим, сегментовидным туловом, а также с туловом, имеющим вертикальное гофрирование. Крышки плоские с прямоугольной прорезной вертикальной ручкой. Амфоры по профилировке сходны с амфорами, производившимися в Азаке. Особняком стоит сосуд с высокой, широкой шейкой, узкими плечами, низким сегментовидным туловом и короткой ручкой.

Местная кухонная керамика ещё менее однородна. Основная доля приходится на сосуды с примесью крупной кварцевой дресвы (до 30%) - 2630 (90,3% кухонной посуды, 10,8% местной керамики, 7,5% всей керамики). Представлена продукция минимум 3-х мастерских. Сосуды изготовлены при помощи ленточного налепа с последующим машинным заглаживанием поверхности (РФК-2). Машинное заглаживание фиксируется с трудом. Вероятно, значительная часть сосудов изготовлена на уровне РФК-1. Во всех диагностируемых случаях использованы донные программы начинов. Обжиг в большинстве восстановительный. Окраска поверхности от светло-серой до черной. Встречаются сосуды с буро-коричневой окраской. Черепок большинства сосудов имеет сквозной обжиг.

Использовались преимущественно врезные орнаменты. В единичных случаях отмечены налепные орнаменты. Чаще декор покрывает венчики (ряд косых насечек, вдавлений, иногда защипы, косые оттиски ногтя). Редко под венчиком налеплен горизонтальный валик с защипами или оттисками. На тулове декор разнообразней. Тулово покрыто сплошь или поясами расчесов или полосами линейного орнамента. Расчесы выполнены при помощи зубчатого штампа в виде мелких и неглубоких желобков. Линейный орнамент выполнен как при помощи резца, так и зубчатым штампом и отличается большей шириной и глубиной желобков. Остальные варианты декора сосредоточены на плечах. Наиболее часты одиночные линии в виде волны, зигзага, фестона, гирлянды (рис.1, 7). В некоторых случаях орнамент ими и ограничивается, но в большинстве случаев, ниже расположен линейный орнамент или расчесы. Гораздо реже использовались оттиски полой трубочкой (рис.1, 6) и оттиски различных форм.

Подавляющее большинство сосудов относится к кухонным горшкам. Встречены также крупные тарные горшки, кружки, крышки, миниатюрные сосуды, пряслица. Горшки стандартны по форме. Венчик маленький отогнут наружу. Тулово бочковидное или усеченно-сферическое. Кружки с ручкой имеют бочковидное тулово и короткую отогнутую шейку.

Вторая группа кухонной керамики – 269 ед. (9,2% местной кухонной керамики, 0,8% всей керамики) отличается наличием в тесте большого количества обломков раковины размерами до 3 мм, а также более тонкими стенками и лучшим качеством теста. Обжиг неустойчив. Наряду с восстановительным, часто встречается окислительный режим. Горшки могут иметь как черную, так и светло-бурую окраску. Отмечен линейный орнамент, выполненный зубчатым штампом и оттиски на венчике. Помимо горшков встречены кружки. Форма сосудов не отличается от горшков с примесью дресвы.

Значительную долю составляют импорты – 10568 (30,3% всей керамики). Они позволяют дать достаточно точную датировку поселения. Большинство из них относится к тарным сосудам - 10226 (96,8% всех импортов).

Основную массу тары составляют трапезундские амфоры – 9265 (87,7% импортов, 26,6% всей керамики). До 1280-х гг. использовался вариант стыковки двух частей, при котором изнутри образовывалась складка, обращенная вниз (рис.1, 3). В XIII - 1 чет. XIV вв. часть (до ¼) небольших амфор имеют плоское дно. С середины XIV в. распространение получают сосуды с ярко-красным черепком. Амфоры трапезундской группы, встреченные на поселении, поступали сюда преимущественно с сер. XIII в. до кон. 1 чет. XIV в. Позднее объем ввоза резко сократился. Обнаружено одно клеймо (рис.1, 4).

Вторыми по численности являются амфоры группы клейма SSS – 732 ед. (6,9% всех импортов, 2,1% всей керамики). В XIII в. это преимущественно небольшие плоскодонные сфероконические амфоры с дуговидными, поднятыми над венчиком ручками, изготовленные по донно-емкостной программе. Судя по составу формовочных масс, они производилась в ряде центров, из которых значительным числом представлены пять. На поселении встречены крупные круглодонные амфоры, изготовленные путем соединения двух частей. Стыковочный шов на месте максимального диаметра (рис.1, 5). В небольшом количестве поступали горшки с короткой отогнутой шейкой и плоскими ручками. Группа поступала в большом количестве в Северное Причерноморье в сер. – 3 чет. XIII в. Уже в 1280-е гг. её поступление резко сокращается и к кон. XIII в. прекращается.

Третьей по численности группой являются амфоры Триллии – 42 ед. (0,4% импортной тарной керамики). На поселении Железнодорожный II их больше чем в Азаке. Единичные образцы с поселения могут быть отнесены к XII в.

Четвертая по численности группа «светлоглиняные амфоры с воронковидным горлом» – 34 ед. (0,3% импортной тарной керамики). Формовочные массы содержат много мелких чешуек слюды. Цвет от светло-серого до светло-желтого. Рифление одинаково на всем тулове. Ручки короткие с верхним прилепом ниже венчика. На поселении амфоры этой группы встречены в большем количестве, чем обычно на золотоордынских памятниках.

Пифосы представлены в основном 2 группами. Первая – «пифосы с трапециевидным венчиком» – 101 (1% импортной тары, 0,3% всей керамики). Сосуды небольшие с трапециевидным венчиком четкого контура (рис.1, 8). Венчик и плечо могут иметь орнамент наколами, волнами или налепными валиками с оттисками. Выделяется продукция двух центров. Пифосы поступали в Северное Причерноморье в XIII в. Вторая группа – продукция Крита - 35 ед. (0,3% импортной тары). Сосуды вытянуты из отдельных частей с дальнейшей стыковкой. Формовочные массы пластичные с шамотом. Данная группа поступала в Причерноморье в XIV в., преимущественно с 1330-х гг. Их наличие указывает на присутствие венецианцев.

Импортная столовая и кухонная керамика малочисленна – 342 (3,2% импортов, 1,0% всей керамики), но разнообразна. Наиболее многочисленна продукция Юго-Восточного Крыма (Солхат, Каффа, Судак) – 98 ед. (28,7% импортной столовой и кухонной керамики, 0,9% импортов). Производство возникает в 4 чет. XIII в. Почти половина керамики на поселении поливная – 44 ед. (53,6% поливной керамики). Большая часть относится к двум видам. 1) Аптечные амфоры с петлевидными ручками на плечах. 2) Винные кувшины с подглазурной расцветкой пятнами марганца. Из сосудов с узкой датировкой чаши с расцветкой пятнами марганца (1330-е гг.) и монохромные чаши без орнамента (преимущественно кон. XIII – 1 треть XIV вв.). Практически все находки продукция Солхата и Судака и датируются в кон. XIII – 1 пол. XIV вв.

Вторая по численности группа Юго-Западного Крыма – 73 ед. (21,3% импортов столовой и кухонной керамики). Отличается высоким технологическим уровнем (РФК-7). Стенки очень тонкие (3-4 мм) с четкими следами вытягивания. Формовочные массы с мелким цветным, слабо окатанным песком. Черепок темно-коричневого или красно-коричневого цвета. Часть сосудов имеет роспись белым ангобом и иногда неводостойкую роспись красным и черным. Ассортимент за пределами Крыма, ограничивается тремя видами – горшками с ручкой, двуручными кувшинами и одноручными кувшинами со сливом. Керамика производилась практически без изменений длительное время. Обращает внимание высокий процент данной группы относительно продукции Юго-Восточного Крыма. Это не характерно и для Золотой Орды и для городов Юго-Восточного Крыма (Каффы и Судака) через которые должен бы был осуществляться вывоз этой керамики на Кубань.

На третьем месте продукция Азака – 30 ед. (8,8% импортов кухонной и столовой керамики). Здесь работало две группы мастеров. Первая родственна 1 группе керамики Закубанья. Сосуды изготавливались ленточным налепом с машинным заглаживанием и частичным профилированием (РФК-3-4). От местной отличаются более высоким технологическим уровнем и широким использованием красного ангоба. Остальные отличия сводятся к обычным региональным различиям. Одно из них использование дополнительных жгутов для профилировки венчиков кувшинов и шеек корчаг. Оговоримся, что одна из подгрупп местной керамики похожа на 1 группу Азака.

Рис. 1. «Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина р. Адагум) (XIII-XIV вв.)» ***1*** – кружка (Закубанье, 1 группа); ***2*** – ручка кувшина с крестом (Закубанье, 1 группа); ***3*** - стенка амфоры со стыковочным швом (Трапезунд); ***4*** – ручка амфоры с клеймом (Трапезунд); ***5*** – стенка амфоры со стыковочным швом (амфоры группы клейма SSS); ***6***; ***7*** – фрагменты горшков с дресвой (Закубанье, 2 группа); ***8*** – венчик пифоса

Возможно доля Азака несколько выше, поскольку уверенно могут быть определены только профильные фрагменты и некоторые стенки с высоким качеством изготовления. На поселение представлены кувшины и корчаги производства Азака. 2 группа Азака представлена всего 3 фрагментами поливных сосудов (3,7% поливной керамики).

Значительная часть поливы - продукция византийских центров. Особенность технологии - изготовление поддонов чаш путем выборки полости сегментовидного профиля в монолитной заготовке. Поливная керамика «типа Кабарди» [*Волков 2005*, *с.122 – 160, с.136-137*] - 7 ед. (8,5% поливы) датируется сер.-3 чет. XIII в., когда она преобладает в Приазовье. Формовочные массы содержат значительную примесь мельчайших чешуек слюды. Черепок светло-коричневый. Орнамент в технике сграффито ограничен, как правило, концентрическими окружностями. Белоглиняная керамика с дресвой – 2 фрагмента. В Северное Причерноморье поступала почти исключительно кухонная посуда группы (горшки и низкие котлы с горизонтальными ручками). Цвет черепка от светло-серого до розового. В XIII-XIV вв. продолжает бытовать белоглиняная столовая полива. Найден 1 фрагмент венчика кувшина с зеленой глазурью. 15 фрагментами представлена продукция ещё нескольких византийских центров. Среди них 2 фрагмента принадлежит группе характерной для Азака (группа 14А).

Единственным фрагментом представлена группа, встреченная в комплексах Азака в 1 чет. XIV в. (группа «большого водолея»). Она отличается от византийской техникой изготовления поддона. Черепок имеет комковатую фактуру с заметными округлыми известковыми включениями. Единственным образцом представлена кашинная керамика Нижнего Поволжья. Это фрагмент чернильницы с подглазурной росписью кобальтом под бирюзовой поливой.

На поселении также найдена поливная керамика, производство которой в настоящий момент не может быть надежно локализовано – 8 ед. Большинство из них относится к продукции одного центра, гончары которого изготавливали поддон путем вырезания полости резцом поставленным почти вертикально. Формовочная масса менее пластична, чем у продукции городов Юго-Восточного Крыма с округлыми известковыми включениями.

Ещё несколько групп импортов представлены очень небольшим числом находок. Группа Херсона – второй гряды крымских гор – 5 ед. Формовочные массы пластичны как у группы Юго-Восточного Крыма, но заметно течение формовочной массы. Сосуды часто покрывались росписью полосами белого ангоба. На поселении Железнодорожный II, доля этой керамики больше, чем в золотоордынском Азаке. Это связано, вероятно, с тем, что её поступление сопряжено с поступлением группы керамики Юго-Восточного Крыма. Группа Эски-Кермена– 5 ед. Сосуды изготовлены из пластичной формовочной массы, что и керамика Херсона с заметным течением формовочной массы. Однако при её изготовлении использовался ленточный налеп. Основная масса керамики поступавшей за пределы Крыма - крупные тарные кувшины. Керамика эта изготавливалась в домонгольский период и её наличие одно из немногих свидетельств возникновения поселения в домонгольский период. Единственным фрагментом ручки амфоры представлена продукция Херсона, также вероятно домонгольского времени.

Двумя фрагментами представлена продукция золотоордынского Нижнего Поволжья. Эта группа генетически родственна местной керамике 1 группы, изготовлена из формовочной массы с естественной примесью частиц обломочной извести. Продукция более восточных районов Предкавказья (Кисловодская котловина?) также родственна местному производству. Могут быть выделены фрагменты венчиков кувшинов со сливами, вылепленными из отдельного куска глины. Качество изготовления сосудов данной группы керамика заметно выше, чем у местной продукции. Проблематично выделение продукции Маджара, которая близкородственна местной продукции. Определен единичный фрагмент. Единичным фрагментом представлена штампованная керамика (фляга) производства Хорезма (?). Скорее он является реимпортом из крупного золотоордынского центра.

Значительная доля столовой и кухонной керамики – 77 ед. (22,5% импортной столовой и кухонной керамики) относится к продукции центров в настоящий момент не выделенных в отдельные группы. Все они изготовлены путем вытягивания из комка глины. Из числа возможных центров экспортеров, вероятно, следует исключить города Крыма. Небольшое число фрагментов (11 ед.) относится к сосудам, для которых невозможно определить технологический уровень изготовления или к сосудам, изготовленным путём ленточного налепа с последующим машинным заглаживанием поверхности.

Суммируя наблюдения, сделанные при анализе керамического комплекса можно прийти к следующим выводам. 1) Поселение, возможно, возникает в домонгольский период в кон. XII в. – нач. XIII в., но существует очень недолго или имеет небольшие размеры. 2) Вновь оно возникает в сер. XIII в. в результате переселения крупной общины или ряда общин. 3) Во 2 пол. XIII – 1 трети XIV вв. поселение переживает расцвет. 4) К сер. XIV в. оно приходит в упадок и окончательно погибает в 3 чет. XIV в. 5) Местное керамическое производство архаично и не достигает уровня ремесленного производства. 6) Поселение поддерживало связи с Юго-Западным (Горным) Крымом не через порты Юго-Восточного Крыма (Судак, Каффа). 7) Фиксируется присутствие венецианцев. 8) Основное направление торговых связей - порты Тамани. 9) Связи с внутренними областями Золотой Орды прослеживаются слабо.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М. 1978. – с.278.

Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. Рукопись диссертации на соис. степ. к.и.н., М. 1992. с.195.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. - Киев, 2005. с.122-160.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып.21. Азов, 2006. с.308-473.

О РУССКИХ ЛЮДЯХ НА ЦАРЁВСКОМ ГОРОДИЩЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИКИ).

Юдин Н.И.

В истории монгольского нашествия на Русь и его последствий есть немало «белых пятен». Одна из таких проблем - жизнь русских людей в городах основанных монголами в степях Нижней Волги.

Работа посвящена изучению (на основании преимущественно находок керамики) вышеуказанной проблемы в отношении Царёвского городища (Россия, Волгоградская область, Ленинский район) – одного из крупнейших золотоордынских городищ XIV века (Рис. 1)

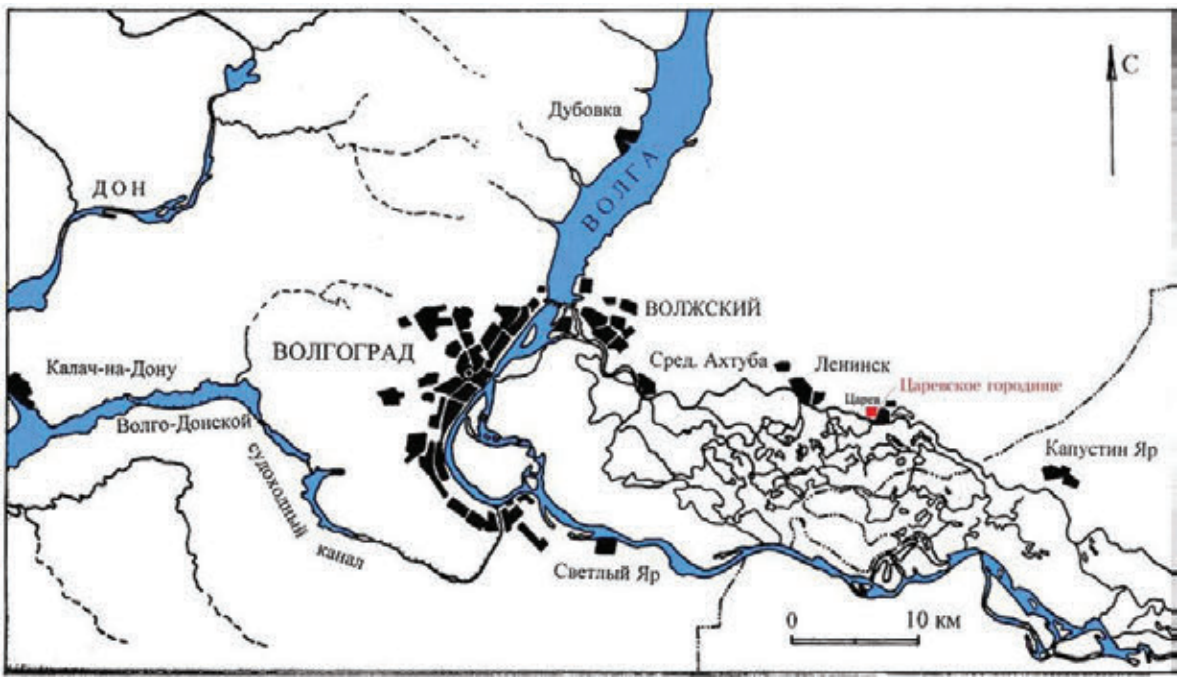

Рис.1 Карта расположения Царёвского городища

Главным источником информации выступают находки типичной русской керамики, найденной на раскопках городища. Следует сразу оговориться, что общее количество раскопанных (как профильных, так и непрофильных) фрагментов керамики по предварительным подсчетам составляет примерно 1-1,5% от общего количества черепков.

Вместе с тем, на основании находок, сделанных на территории средневековой Руси городищах, и на других памятниках, признаки этой керамики определены четко: сероглиняные горшки, изготовленные посредством скульптурной лепки с последующей обработкой на гончарном круге (РФК 3-4 по А.А. Бобринскому [*Бобринский 1978*]), имеющие значительно отогнутый наружу венчик с загибом т.н. «чернового края» внутрь. Определить типичную для данной керамики орнаментации нельзя из-за незначительного числа находок и отсутствия среди них археологически целых форм или же выразительных фрагментов стенок с орнаментом (Рис. 2-6).

Однако, при внешнем сходстве форм имеющихся профильных фрагментов, визуальный осмотр всей выборки позволяет выделить в ее числе две группы изделий. Группы дифференцируются исходя из состава теста и разницы в режиме обжига, применявшегося при изготовлении горшков:

1-я группа. Тесто черепков в изломе светло-серого цвета, с частыми включениями дресвы;
2-я группа. Тесто черепков в изломе черного цвета, без видимых примесей в тесте, но с многочисленными порами (следы выгорания органического компонента в тесте?).

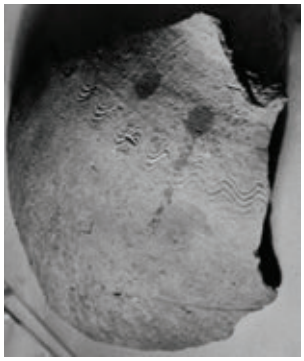

Рис. 2
Фрагмент русской керамики. Раскоп 1960 г.

Рис. 3
Фрагмент венчика русского горшка. Раскоп 1964 г.

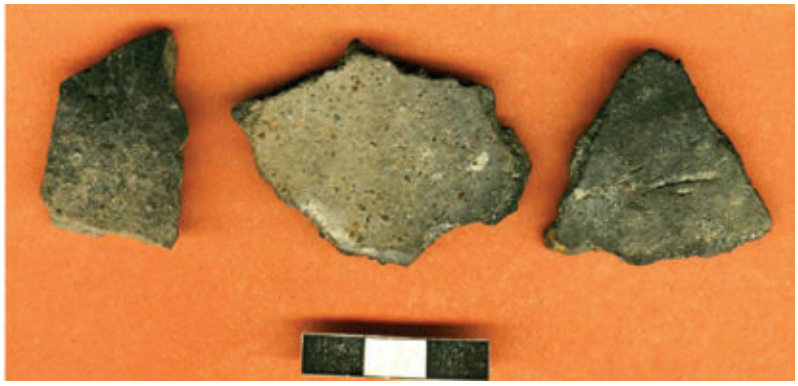

Рис. 4 Фрагменты русского(?) сосуда. Раскоп 2008 г.

Рис.5 Фрагменты русского(?) сосуда. Раскоп 2010 г.

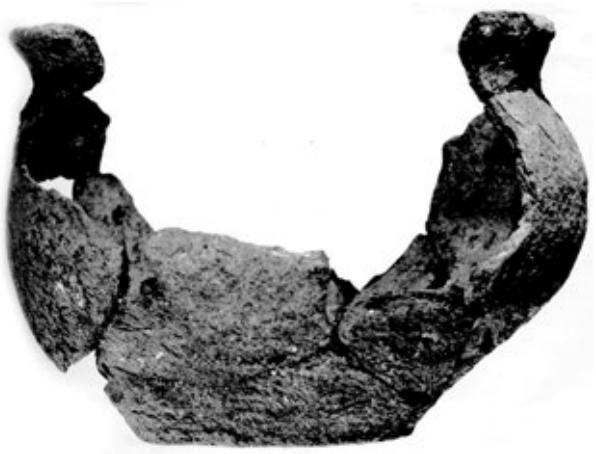

Рис. 6 Русский кухонный горшок из раскопок на Царёвском городище в 1964 г.

Учитывая данные о предназначении аналогичной продукции средневековых русских городов, исследованная керамика является кухонной. Об этом говорят следы копоти на внешней стороне сосудов, что означает их долгое нахождение в печи.

Небольшое число сделанных находок, о котором упоминалось выше, в сравнении с аналогичными показателями для других городищ Нижней Волги говорит о том, что керамика Руси на городище не являлась товаром, специально импортируемым сюда, скажем из городов Верхнего Подонья [*Гоняный, Кац, Наумов 2003, с. 243, 247, 248*]. Вероятнее всего, она попадала сюда в единичных экземплярах с переселенцами городов русского юга. Объяснить такой переход очень просто. Как уже говорилось ранее, горшки – кухонная посуда. Она приспособлена для приготовления определенных видов пищи в условиях специфичного температурного режима. Видимо, такой режим позволяли создать только печи т.н. «русского типа». После миграции на территорию городища, русские переселенцы столкнулись с необходимостью использования печей типа «тандыр», долговременное применение в которых горшков, привезенных с собой, было затруднительно. К тому же, для тандыров вполне подходила кухонная посуда местного производства, в большом количестве имевшаяся в городе.

Следует также рассмотреть еще один любопытный момент. Предметы христианского (православного) культа, найденные на городище, датируются, на основании аналогий, не позднее конца XIII века.

В то же время, наиболее распространенная датировка комплексов с русской керамикой, как уже, говорилось ранее - 40е-60е гг. XIV века.

Вышеуказанные данные позволяют сделать интересные предположения, иллюстрирующие ситуацию с русским населением на городище.

Первые русские переселенцы в город, принесшие с собой атрибуты собственной веры, успела полностью раствориться в городской среде, прежде всего в плане быта (отсутствие на Царевском городище закрытых комплексов XIII века с русской кухонной керамикой доказывает это).

Второе поколение (вторая «волна» иммигрантов?) русских затронуло определенные районы городского поселения. При этом материальные свидетельства наличия первой волны могли стать своего рода «семейными реликвиями» для участников второй.

Конечно, керамика, датируемая 40-ми – 60-ми годами XIV века, могла попасть на городище с представителями, скажем, купеческого сословия, которые предпринимая путешествие из далекой родины в Орду, для бытовых нужд пользовались привычной для них посудой. И она, в конечном счете «осталась» на городище.

Картографирование сделанных находок позволяет предположить примерные места проживания представителей обеих волн (Рис. 7).

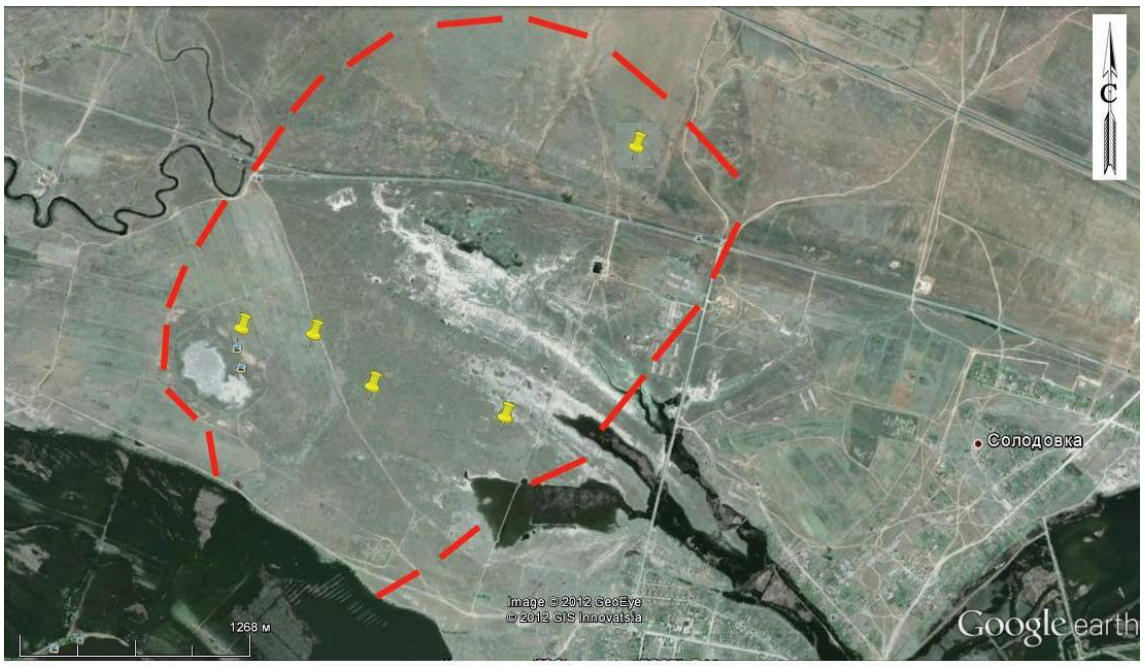

Рис.7 Космоснимок Googl с указанием мест обнаружения русской керамики

Так или иначе, факт наличия общины русских, исповедовавших христианство получает еще одно подтверждение и для Царевского городища [*Полубояринова 1978, с.54-76*], наряду с другими золотоордынских городами (к примеру, Укек [*Кубанкин 2011,с. 213*], Водянское городище (Бельджамен) [*Мыськов 2001, с.255-260*]). Масштабы миграции русского населения на территорию рассматриваемого памятника на данный момент достоверно определить невозможно. Дальнейшие полевые исследования позволят уточнить ситуацию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения / М.: 1978.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука, 2003. с.243,247,248; Рис. 13,14.

Кубанкин Д.А. Христианское население золотоордынского города Укек // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, Астрахань: 2011. с. 213.

Мыськов Е.П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Вып. 4. Донецк: 2001. с.255-260.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде / М.: Наука, 1978. с. 54-76.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА С РОСПИСЬЮ МАРГАНЦЕМ (ВИЗАНТИЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА)

Бочаров С.Г., Масловский А.Н.

Поливная керамика XIII-XV вв. из раскопок на территории Восточной Европы потенциально является очень важным источником для изучения самых разных исторических вопросов. Например, она может стать надежным датирующим материалом, о чем уже писалось ранее [*Масловский 2011, с.163-164*]. Однако нельзя сказать, что методика её изучения в достаточной мере разработана. Связано это, прежде всего с тем, что в большинстве случаев основная её масса автоматически признается местной продукцией. После этого элементы орнаментов, фиксируемые на, как правило, фрагментарном материале сопоставляются с широким кругом аналогий с ещё более широкого круга памятников. После этого делаются выводы о влияниях и предлагаются датировки, основанные на сходстве орнаментов. Не отрицая важности изучения орнаментов нужно признать, что методика их сопоставления является весьма несовершенной.

В основе изучения поливной керамики должно лежать выделение продукции конкретных производственных центров. Вторым шагом должно стать выделение серий изделий с идентичным декором, который различается лишь в деталях. Далее такие серии должны получать датировки на основании их находок в закрытых комплексах. Лишь после этого можно начинать сравнительный анализ орнаментики на изделиях различных гончарных центров. Это позволит, во-первых, получить надежные датирующие материалы, во-вторых, позволит поставить вопросы о влияниях одних гончарных центров на другие и о развитии орнаментики поливной керамики на надежную почву.

В качестве примера подобного анализа мы рассмотрим керамику разных производственных центров с орнаментом в технике расцветки «брызгами марганцем». В качестве примера для рассмотрения эти изделия обладают рядом преимуществ. Во-первых, они относятся к числу одних из самых многочисленных серий сосудов и необычайно широко распространены географически. Во-вторых, даже небольшие фрагменты могут быть опознаны со сравнительно невысокой вероятностью ошибки. В-третьих, большая часть находок относится к периоду наивысшего расцвета городов Золотой Орды.

Определение красителя как окиси марганца условно, поскольку специальных химических анализов не производилось. Оно базируется на том, что часть изделий покрывают пятна насыщенного лилового или фиолетового - «марганцевого» цвета. Но немало сосудов с темно-коричневой разных оттенков окраской пятен.

К данным сериям мы относим только те изделия, на которых пятна выступают как основной или чаще единственный элемент декора и имеют размытые границы. Сюда не относятся сосуды с двух или трехцветной расцветкой орнамента в технике сграффито или сосуды, на которых коричневый краситель нанесен кистью.

Основой исследования послужили материалы Азака, где большая часть находок происходит из закрытых комплексов датированных медными монетами и для которых накоплен значительный статистический материал. Были также использованы материалы и с других памятников Восточной Европы.

Первой следует рассмотреть одну группу византийской керамики[1]. Она наиболее распространена на памятниках Восточной Европы XIII-XIV вв. Как и в других византийских центрах того времени поддоны сосудов изготавливались из монолитного куска, в котором выбиралась сегментовидная (или трапециевидная) в профиле выемка, со сглаженным контуром перехода: от подошвы - к центру и с хорошо заглаженной поверхностью полости. От других групп византийской керамики она отличается характеристиками черепка.

Глина содержит примесь мельчайших слюдистых чешуек, очень мелкого песка, рыхлых коричневых частиц размером от 0,5 до 2-3 мм. Как правило, заметны продольные поры от

[1] Группа 14А по классификации керамики Азака [2].

выгоревших органических волокон длиной 1-3 мм, иногда округлые или раковистые поры такого же размера. Цвет черепка колеблется от светло-коричневого до оранжевого. Достаточно часты образцы с признаками перекала, вплоть до бордового цвета. Фактура черепка мелкозернистая. Он рыхлый, легко крошится. Края венчика часто обламывались и зашлифовывались в древности. Толщина стенок в средней части колеблется от 3 до 5 мм. Учитывая значительные колебания в количестве примесей в сочетании с колебаниями цвета черепка и деталями профилировки поддонов, можно говорить о том, что мы, вероятно, имеем дело с продукцией не одного, а нескольких расположенных неподалёку друг от друга гончарных центров. Было высказано предположение о трапезундском производстве массовых групп византийской столовой поливной керамики, включая рассматриваемую [*Волков 2004, с.288-290*].

Судя по датированным материалам Азака и Укека эта группа керамики поступала на территорию Золотой Орды в последние десятилетия XIII – 1 пол. XIV вв. При этом, если в кон. XIII – самом начале XIV вв. её доля достигает 4/5 всей поливной керамики, то уже в 1 чет. XIV в. её доля падает до 15-20%, а в дальнейшем не превышает 3,5%.

Сосуды с расцветкой пятнами марганца относятся к двум отделам. На большей части сосудов орнамент ограничен расцветкой пятнами (рис.1, 5-9*;* 2, 1, 5. 6, 8; 9, 2, 3). В отличие от других групп керамики, для которых отмечена подобная техника орнаментации, есть немало сосудов с сочетанием расцветки пятнами марганцем и простейшего гравированного орнамента из одной или нескольких концентрических окружностей (рис.1, 1-4; 2, 2, 3, 4, 7; 8, 9, 1, 4). Пятна марганца занимают, как правило, не менее ½ всей поверхности чаши. Иногда эта доля достигает 90%. Встречаются пятна трех типов: крупные аморфные пятна, удлиненные пятна разной ширины, мелкие округлые или аморфные пятна. Часто отмечается их сочетание. Следует также сказать, что данная группа единственная среди описываемых, где отмечена расцветка пятнами зеленого цвета без орнамента в технике сграффито.

В основном сосуды с такой орнаментацией относятся, как и вся керамика этой группы, к чашам разной профилировки и тарелкам. Гораздо реже встречаются плоскодонные чашечки (рис.1, 7) и кувшины (рис.2, 8).

Сосуды с орнаментацией такого типа отмечены стабильно на протяжении всего периода поступления керамики данной группы на территорию Восточной Европы. Однако массовой эта серия была только в 1 чет. XIV в. [*Масловский 2010, с.237*]. В некоторых комплексах в это время её доля в общем объеме керамики данной группы составляет около 20% [*Дмитриенко, Масловский 2006, с.243, 256*].

Помимо Азака византийские чаши с расцветкой пятнами марганца встречены на поселении XIII в. Посидима в Юго-Восточном Крыму, Укеке[2] (рис.9, 1, 4), Аккермане (Белгороде-Днестровском) (рис.9, 3), Маджаре (рис.9, 2). Хотя о точной статистике говорить затруднительно, по-видимому, только в Укеке эта серия представлена значительным числом образцов. Здесь она отмечена в комплексе, датирующемся последними десятилетиями XIII в. [*Кубанкин 2012, с.141*]. За пределами восточной Европы в пределах византийского мира поливная керамика с такой орнаментацией не встречена в публикациях. Авторам известна одна, причем не бесспорная аналогия [*Papanicola-Bakirtzi D., Zekos N. 2010, с.137*].

Второй по времени появления становится продукция Юго-Восточного Крыма, производившаяся в трех основных центрах – Судаке, Солхате, Каффе. Неоднородная по своему происхождению (на что указывают различия в технике изготовления поддонов) эта группа гончаров использовала однотипные глины, которые по характеристикам сильно отличались от сырья практически любой другой керамики этого времени на территории Восточной Европы. Высокопластичные сильно ожелезненные глины при обжиге давали очень однородный и твердый черепок. Изломы фрагментов очень гладкие «стекловидные». Цвет черепка от бежевого до красного с преобладанием коричнево-розовой окраски. В качестве основной примеси использовался шамот разного размера и различной концентрации. Часто встречающаяся естественная примесь этих глин - оолитовые известковые включения разного размера. В 1 пол. XIV в. эта керамика составляла порядка 50% всей поливной керамики Азака, но и позднее её доля никогда не падала ниже 25%.

В Азаке эта орнаментальная серия представлена очень большим количеством образцов. Отчасти это связано с тем, что именно на период её массового производства приходится до

[2] Авторы выражают признательность Д.А. Кубанкину за возможность ознакомиться и использовать материалы из его раскопок

половины всех закрытых комплексов исследованных в Азаке. Подобный декор использовался на очень разнотипных сосудах открытых форм (рис.3-5, 6, *1-6*; 10-12, 13, *1*; 14) и на винных кувшинах с удлиненным корпусом (рис.6, *7-12*; 13, *2-4*). Как и на сосудах византийского производства встречены пятна трех типов: крупные аморфные пятна, удлиненные пятна разной ширины, мелкие округлые или аморфные пятна. Однако характер их размещения сильно отличается. Они занимают, как правило, менее ½ поверхности чаши. Нанесены они достаточно небрежно, зачастую неравномерно распределены по поверхности чаши (рис.3, 3; 4. 7). Встречаются впрочем, сосуды с очень аккуратно выполненным декором (рис.4, 2).

Говоря о времени производства этой серии необходимо разграничить сосуды открытых форм и винные кувшины. Последние встречаются как в комплексах конца XIII в. [*Белинский, Масловский 2007, с.327*], так и в комплексах 1360-х гг. и поэтому в качестве хроноиндикатора использованы быть не могут. Иное дело сосуды открытых форм (чаши, тарелки, блюда). Хотя отдельные находки отмечены в конце XIII в. и 1320-х гг. подавляющее их большинство происходит из комплексов с монетами 1336/7 г. хиджры. Иногда их доля достигает порядка 40% поливной керамики производства городов Юго-Восточного Крыма [*Масловский 2008, с.96*]. Они встречаются практически во всех комплексах этого времени, если в них встречено более 10 фрагментов импортных поливных чаш. Уже в середине XIV в. эта серия представлена отдельными фрагментами, которые могли попасть в заполнение закрытых комплексов случайно. Производство этой керамики в Юго-Восточном Крыму продолжалось, вероятно, немногим более 10 лет и она выступает одним из самых надежных хроноиндикаторов, позволяющим выявлять материалы и комплексы 1330-1340-х гг. на территории всей Восточной Европы.

Распространена эта серия поливной керамики очень широко. Помимо самого Азака и его округи она отмечена на сельских поселениях Закубанья, на территории самих городов Юго-Восточного Крыма (рис.14, 3, 6), и других памятниках Крыма (рис.14, 2, 7), где она, однако теряется в общей массе находок, в Болгаре (рис.14, 5) [*Полубояринова 2008, с.63*], Укеке (рис.14, 1), Водянском городище (рис.14, 3), территории Руси [*Коваль 2010, с.115-116* [3]], впрочем, здесь было сделано всего две находки фрагментов чаш. В случае если она будет обнаружена на Царевском городище, можно будет с уверенностью говорить о начале жизни на этом памятнике в 1330-е гг. В отличие от монет, которые могли попадать в город через десятилетия после своего выпуска, поливные чаши использовались в быту достаточно непродолжительный период времени.

Третьей по времени появления группой гончаров, которые стали использовать расцветку пятнами марганца стали гончары Азака. Встречены чаши (рис.7, 1-5; 15, 1, 3, 4) и винные кувшины (рис.7, 6) с такой орнаментацией. Все находки датируются временным отрезком 1350-1360-х гг. Но даже в этот период данный отдел керамики составлял менее 1% поливной посуды производства гончаров Азака [*Масловский 2012, с.25*] и отмечен только на нескольких раскопах. Учитывая датировку азакских чаш и их количественное соотношение с импортными изделиями вполне очевидно, что перед нами попытка имитации местными мастерами изделий переставших поступать на городской рынок. Один из образцов (рис.7, 3; 15, 4) является достаточно точной попыткой воспроизвести не только декор, но и форму византийского образца. Однако по каким-то причинам дальше нескольких, небольших партий производство не пошло. Тем не менее, образец такой керамики встречен на Царевском городище (рис.15, 3). Особый интерес эта серия представляет в связи с тем, что это единственная попытка гончаров Азака использовать полихромию для декорирования поливных сосудов.

Чаши с орнаментацией брызгами марганца производились также в Маджаре (рис.7, 7; 15, 2, 5, 6). Небольшое число образцов и то, что находки в самом Маджаре происходят из сборов, не позволяет однозначно решить вопрос о времени их производства. Единственная находка из Азака (рис.7, 7; 15, 2) датируется сер. XIV в.

Возможно, керамика с такой орнаментацией производилась и в других городах Золотой Орды, например в Аккермане, но нигде кроме городов Юго-Восточного Крыма она не выпускалась в большом количестве.

Таким образом, техника декорирования поливной керамики путем нанесения брызг марганца получила распространение первоначально в одном из византийских центров, вероятно на территории Трапезундской империи. Её экспорт шел в северном направлении. Удален-

[3] приводимая в данном исследовании ссылка на работу, соавтором которой был один из авторов этой статьи, о якобы широкой датировке этой серии в Причерноморье-XIV-XV вв. явное недоразумение. Золотоордынский Азак в XV в. не существовал. Датировка представленных материалов XIV в. указана уже на первой странице.

ность и изолированность от других византийских центров привели к тому, что производство таких сосудов было, по всей видимости, ограничено почти исключительно бассейном Черного моря. Производство это в разных центрах велось в различные временные отрезки. Между началом выпуска сосудов с брызгами марганцем в византийском центре и в Азаке прошло более 50 лет. Масштабы и длительность производства в разных городах сильно различались. Сосуды открытых форм с орнаментом брызгами марганцем произведенные в византийском центре и городах Юго-Восточного Крыма являются хорошим хроноиндикатором. Византийские чаши для периода 1290-1325 гг. Чаши Юго-Восточного Крыма для периода 1330-1345 гг.

Гончары в новом гончарном центре копировали привозные изделия. Причем происходило это после того, как в старом центре это производство заканчивалось. Перед нами попытка замещения товара, который перестал поступать на рынок. В случае с гончарами Юго-Восточного Крыма эта попытка была очень удачной. Масштаб её производства был гораздо больше, чем в центре, где это производство было налажено первоначально. Для Азака и Маджара дальше экспериментов дело не пошло. Связано это могло быть и с исчезновением моды или, что кажется более вероятным, с неумением местных гончаров добиться нужного зрительного эффекта готовых изделий.

Керамика с таким декором в стилистическом отношении стоит обособленно и среди византийской и среди золотоордынской поливы. Однако вопрос о механизме появления новых декоративных схем на средневековой поливной керамике выходит за рамки данной статьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Белинский И.В., Масловский А.Н. Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Москва, Иерусалим, 2007. с.327, рис.3, *13-14*.

Волков И.В. Надпись тушью на чаше из Азова // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып.19. Азов, 2004. с.288-290.

Дмитриенко М.В., Масловский А.Н. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып.22. Азов, 2006. с.243, 256.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX-XVII века. М., 2010. с.115-116, рис.39, *5-6*; цв. ил.42, *2, 3*.

Кубанкин Д.А. Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010-2011 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.10. Саратов, 2012. с.141.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып.21. с.392-397, рис.33-34

Масловский А.Н. О датирующих возможностях поливной керамики XIII-XIV вв. для городов юга Восточной Европы// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том II. Санкт-Петербург – Москва – Великий Новгород, 2011. с.163-164.

Масловский А.Н. Об одной группе византийской поливной керамики кон.XIII- 1-й пол. XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Донецк, 2010. с.237.

Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 6. Донецк, 2008. с.96, рис.6, *1, 4*; 7, *2-7*; 23, *2*.

Масловский А.Н. Поливная керамика местного производства в золотоордынском Азаке. Краткий очерк // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 11. Донецк, 2012. с.25

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М., 2008. с.63, вкл., ил.VI, 4.

Papanicola-Bakirtzi D., Zekos N. Late Byzantine Glazed Pottery from Thrace. Reading the Archaeological Finds. Thessaloniki, 2010. P.137.

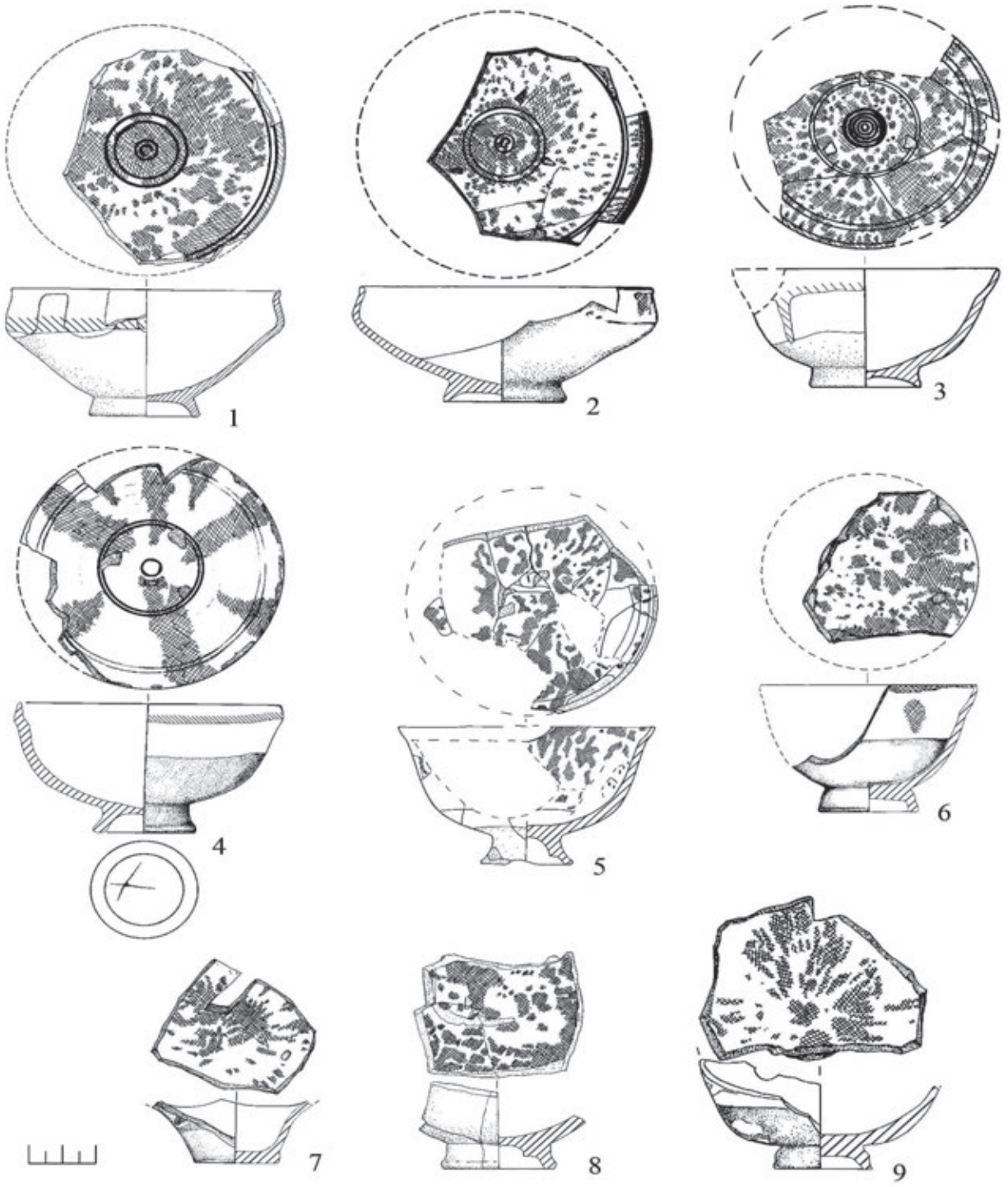

Рис.1 Азак. Продукция Византии (группа 14А). Чаши (***1-6, 8-11***), плоскодонная чашечка (*7*).
1, 2 - спуск. Р. Люксембург, Я-17 (1992 г.); ***3, 5*** - ул. Московская, муз. шк., Р-II, Я-5Б (1993 г.);
4 - спуск Р. Люксембург, Я-6 (1992 г.); ***6*** - ул. Толстого 28, Я-2 (1994 г.); ***7*** - ул. Чехова 3, Р-II, Я-4 (1997 г.);
8 - ул. Чехова, Я-5 (1988 г.); ***9*** - ул. Московская 7, Я-3 (1995 г.).

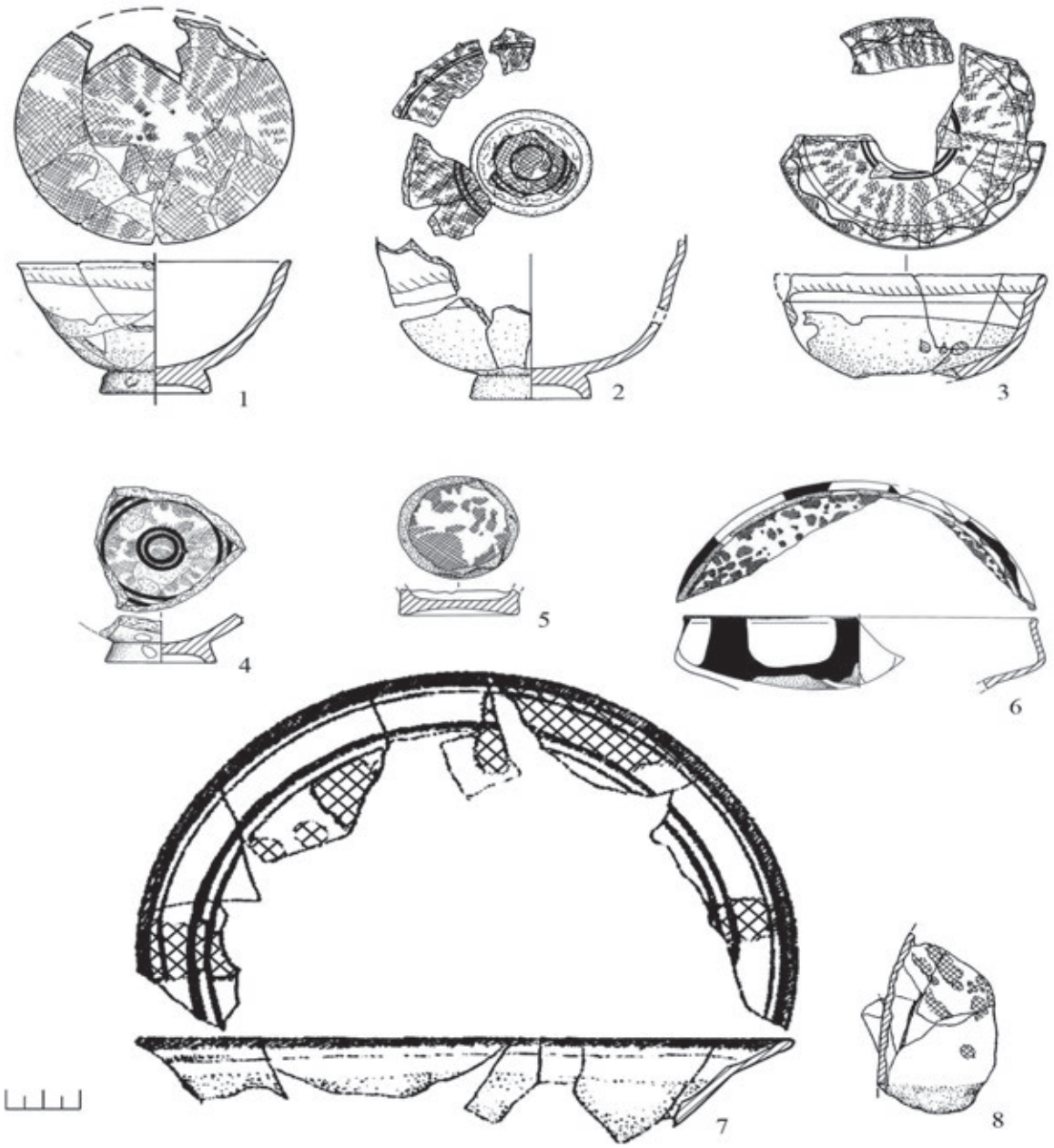

Рис.2. Азак. Продукция Византии (группа 14А). Чаши (***1-6***), тарелка (***7***), кувшин (***8***).
1, 7 – ул. Ленинградская 42, Я-25А (1985 г.); ***2*** – ул. К. Либкнехта 14, Я-2 (1995 г.); ***3*** - ул. Дзержинского 49, Я-12 (2008 г.); ***4*** - ул. Московская 4, жил. 2 (2005 г.); ***5*** – ул. Калинина 8; ***6*** - ул. Чехова, Я-5 (1988 г.); ***8*** – спуск. Р. Люксембург, Я-6 (1992 г.).

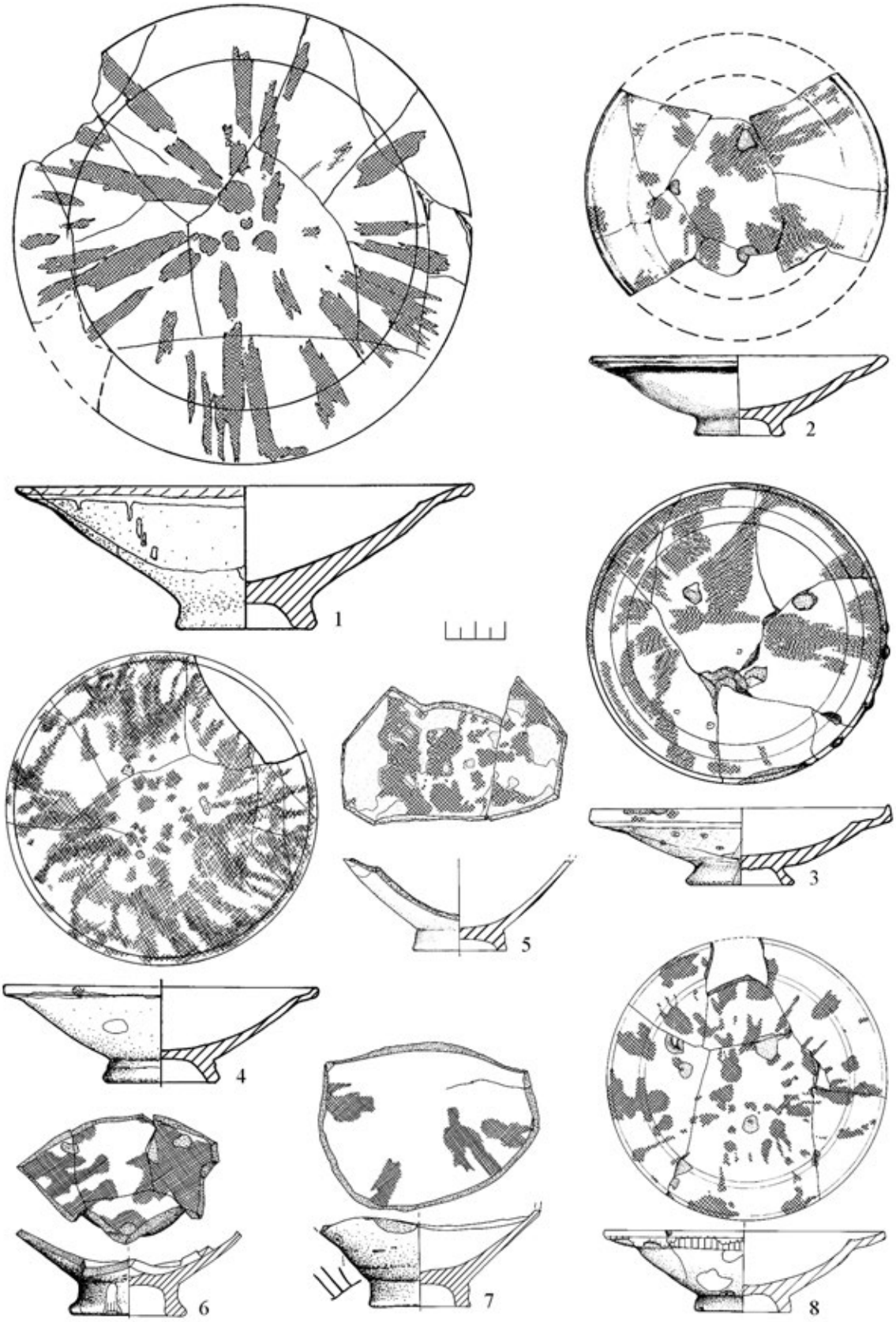

Рис.3. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (группа 3). Блюдо (***1***), тарелки (***2-4, 8***), чаши (***4-7***).
1 - ул. К. Либкнехта 12, Р-I, Я-4 (1985 г.); ***2*** - спуск Р. Люксембург, Я-17 (1992 г.); ***3*** - ул. Толстого 41-43, Я-25 (2000 г.); ***4*** – ул. Ленинградская 42, Я-26 (1985 г.); ***5*** - ул. Ленинградская 42, Я-17 (1985 г.); ***6*** – ул. Чехова, Р-3, Я-7 (1988 г.); ***7*** – ул. Мира-Бебеля, котлован (1964 г.); ***8*** – ул. Привокзальная 12Б, горн 11 (2008 г.).

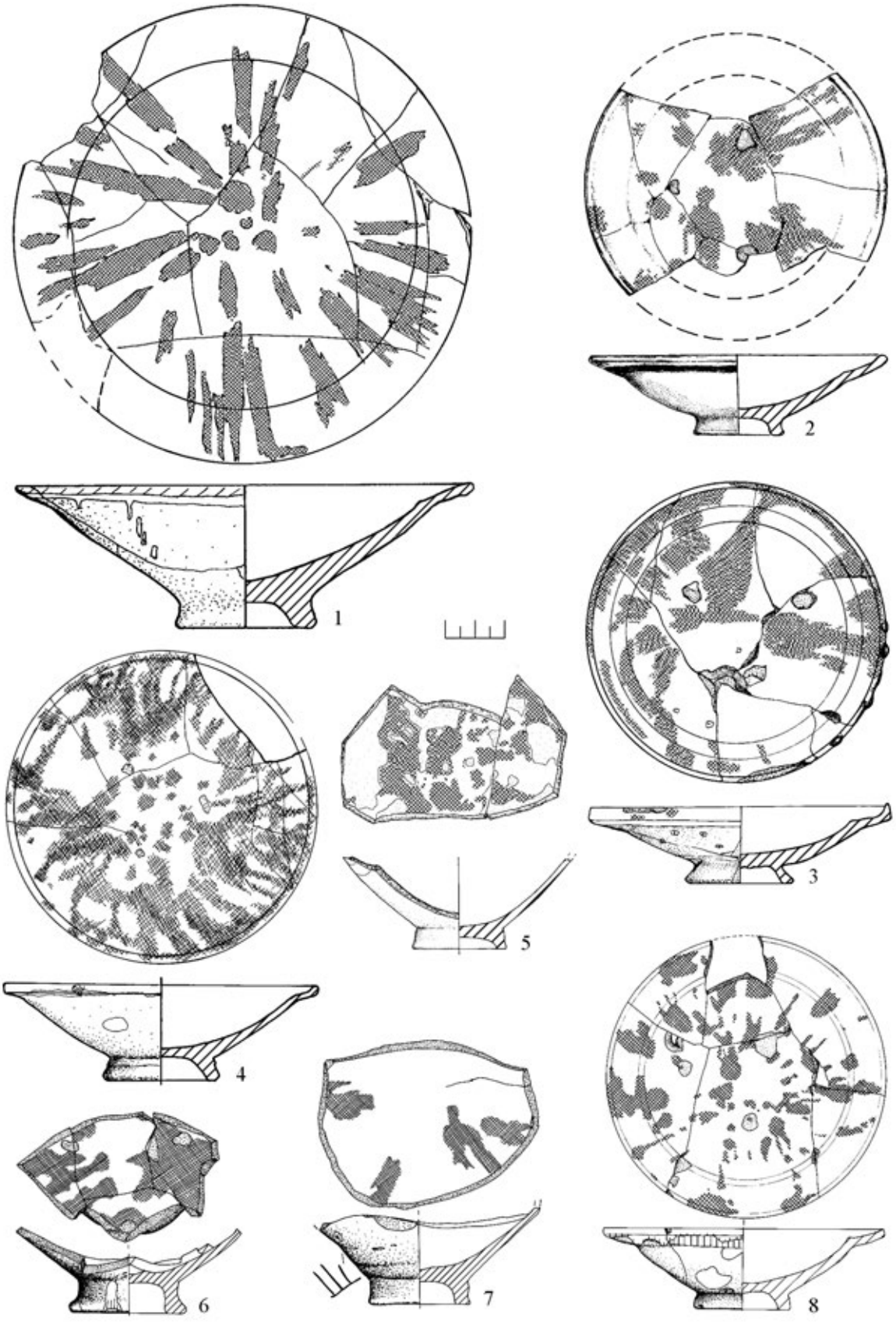

Рис.4 . Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (группа 3). Чаши (***1-9***).***1*** – ул. Ленина 46, *Я*-8 (2003 г.); ***2*** - ул. Толстого 2, *Я*-2 (1984 г.); ***3*** - ул. Толстого 41, Р-II, Ж-26 (2001 г.); ***4, 5*** - АКМ, Р-V, *Я*-21, *Я*-3 (1999 г.); ***6, 9*** – спуск Р. Люксембург, *Я*-17 (1992 г.); ***7*** – ул. Ленинградская 42, *Я*-26 (1985 г.); ***8*** - АКМ, Р-V, *Я*-1 (1999 г.).

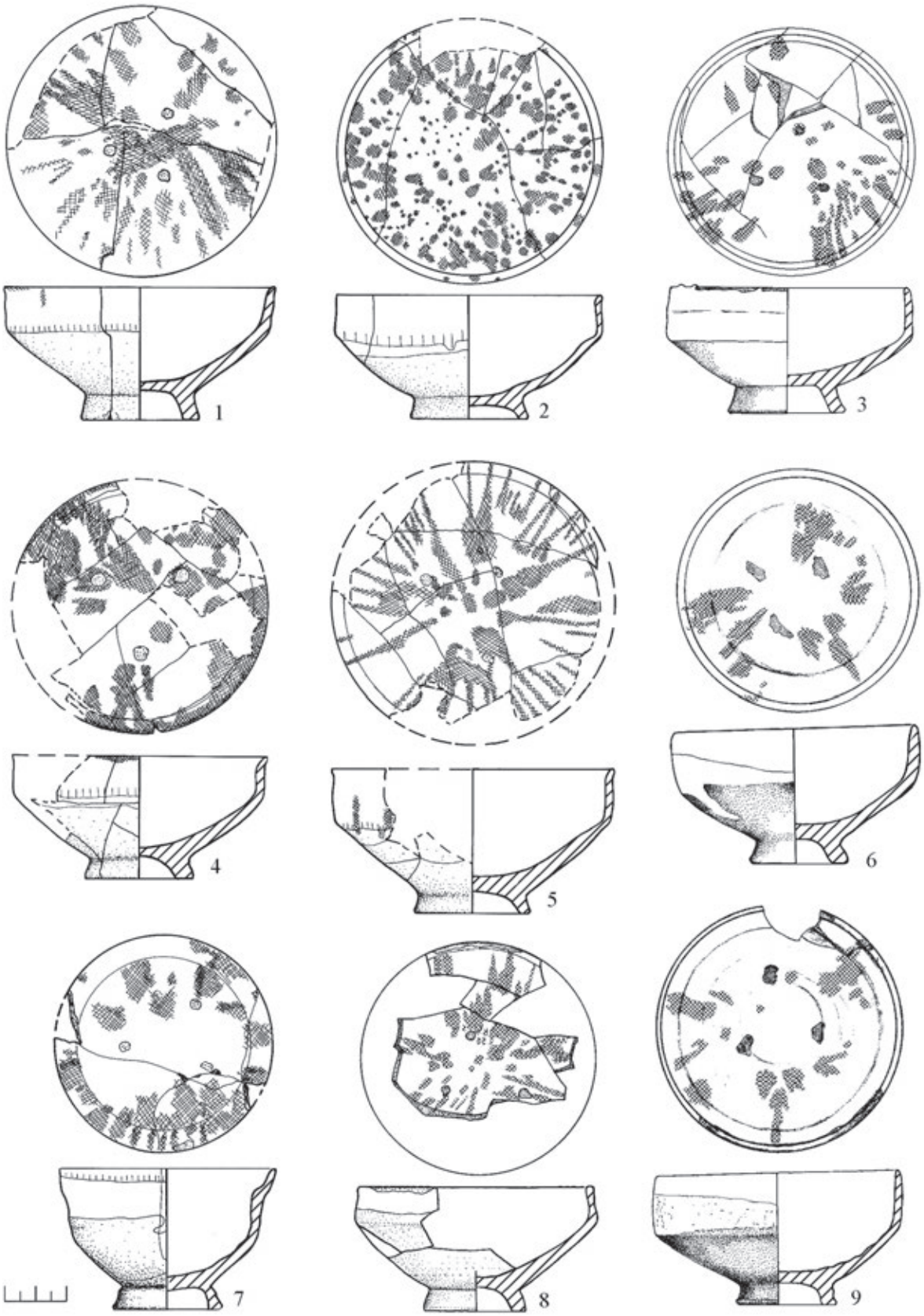

Рис.5. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (группа 3). Чаши (***1-8***).***1*** – ул. Ленинградская 42, Я-32 (1985 г.); ***2, 8*** – ул. Московская 4, Ж-2 (2005 г.); ***3*** - ул. Измайлова 49, Ж-2 (2002 г.); ***4*** – ул. Ленина 53, Я-48 (2008 г.); ***5*** – ул. Мира 45, Я-45 (2008 г.); ***6*** – спуск. Р. Люксембург, Я-6 (1992 г.); ***7*** – Моск. муз. школа, кв. 6Б, Я-2 (1981 г.).

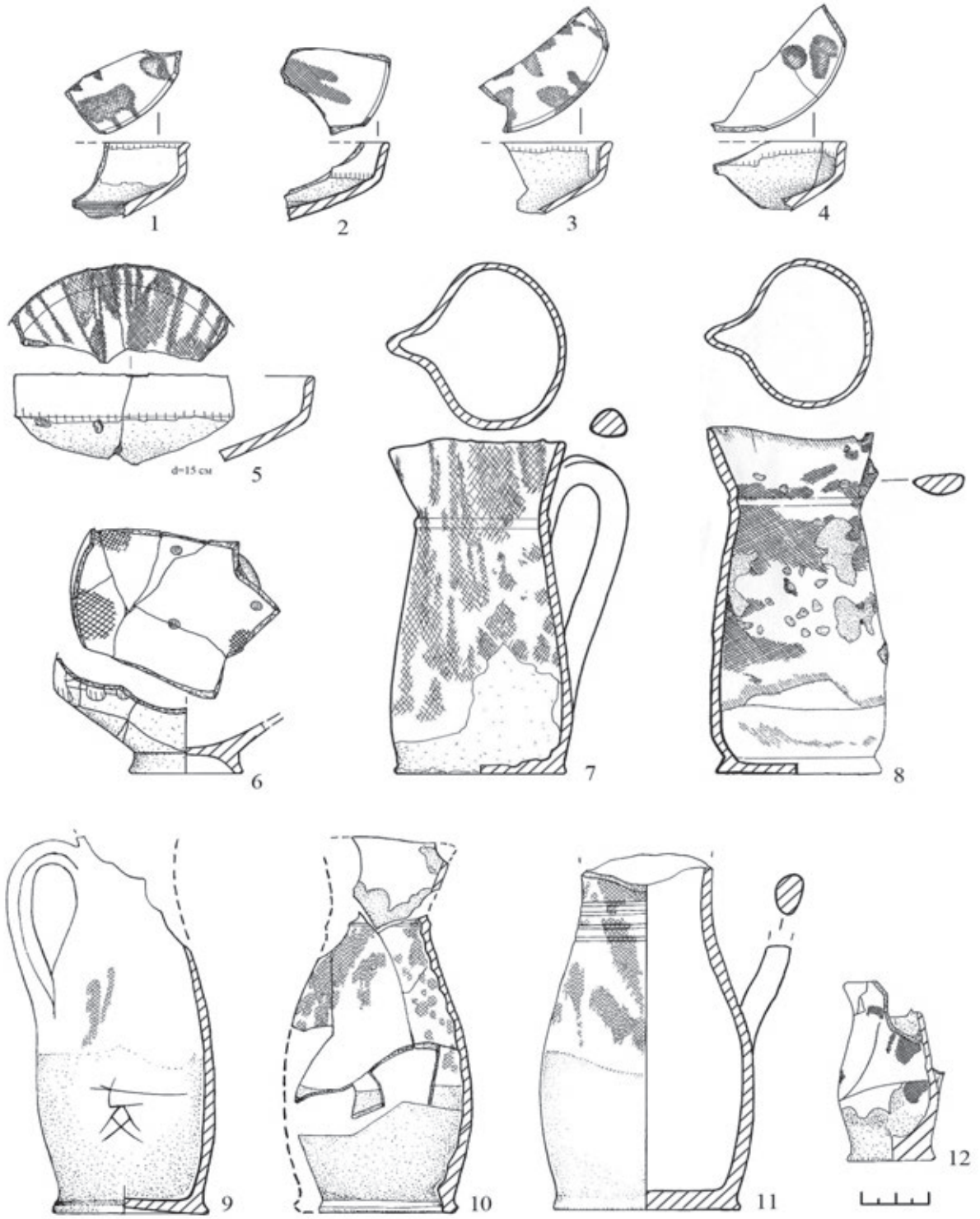

Рис.6. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (группа 3). Чаши (***1-6***), кувшины (***7-12***). ***1-6 -*** ул. Московская 4, Ж-2 (2005 г.); ***7*** - ул. Чехова, Я-13 (1988 г.); ***8*** – ул. Чехова (1979 г.); ***9, 10*** – спуск Р. Люксембург, Я-5 (1992 г.); ***11*** – ул. Чехова 3, Я-4 (1997 г.); ***12***– ул. Привокзальная 12Б, Ж-7 (2008 г.).

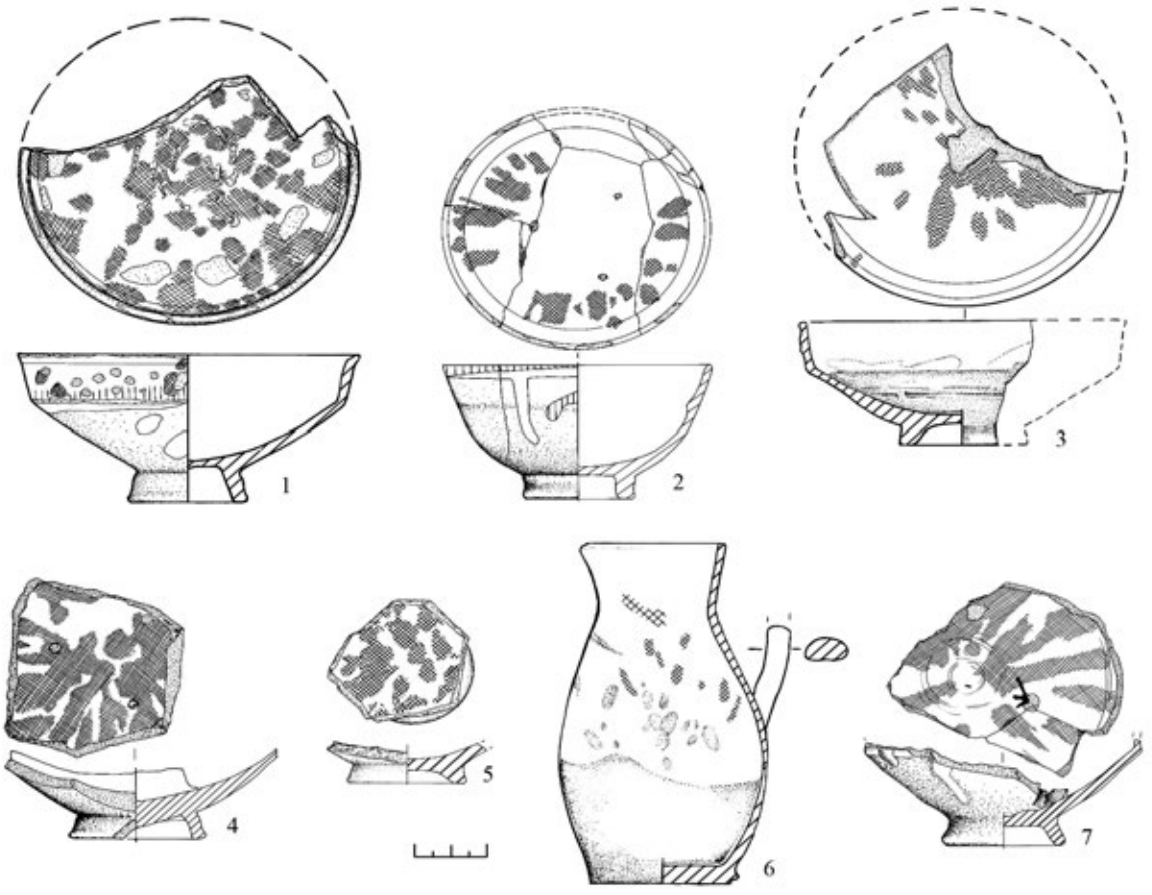

Рис.7. Азак. Продукция Азака (***1-6***). Продукция Маджара (**7**). Чаши (***1-5, 7***), кувшины (***6***). ***1*** – пер. Социалистический 61А, Я-11 (2006 г.); ***2*** – ул. Привокзальная 12Б, Я-46 (2008 г.); ***3, 6*** - ул. Чехова 3, Я-4 (1997 г.); ***4*** – ПРС №1; ***5*** – ул. Ленинградская 42, Я-17 (1985 г.); 7 – Петровский бульвар 7 Р-II, кв.7Г, пл.11 (2013 г.).

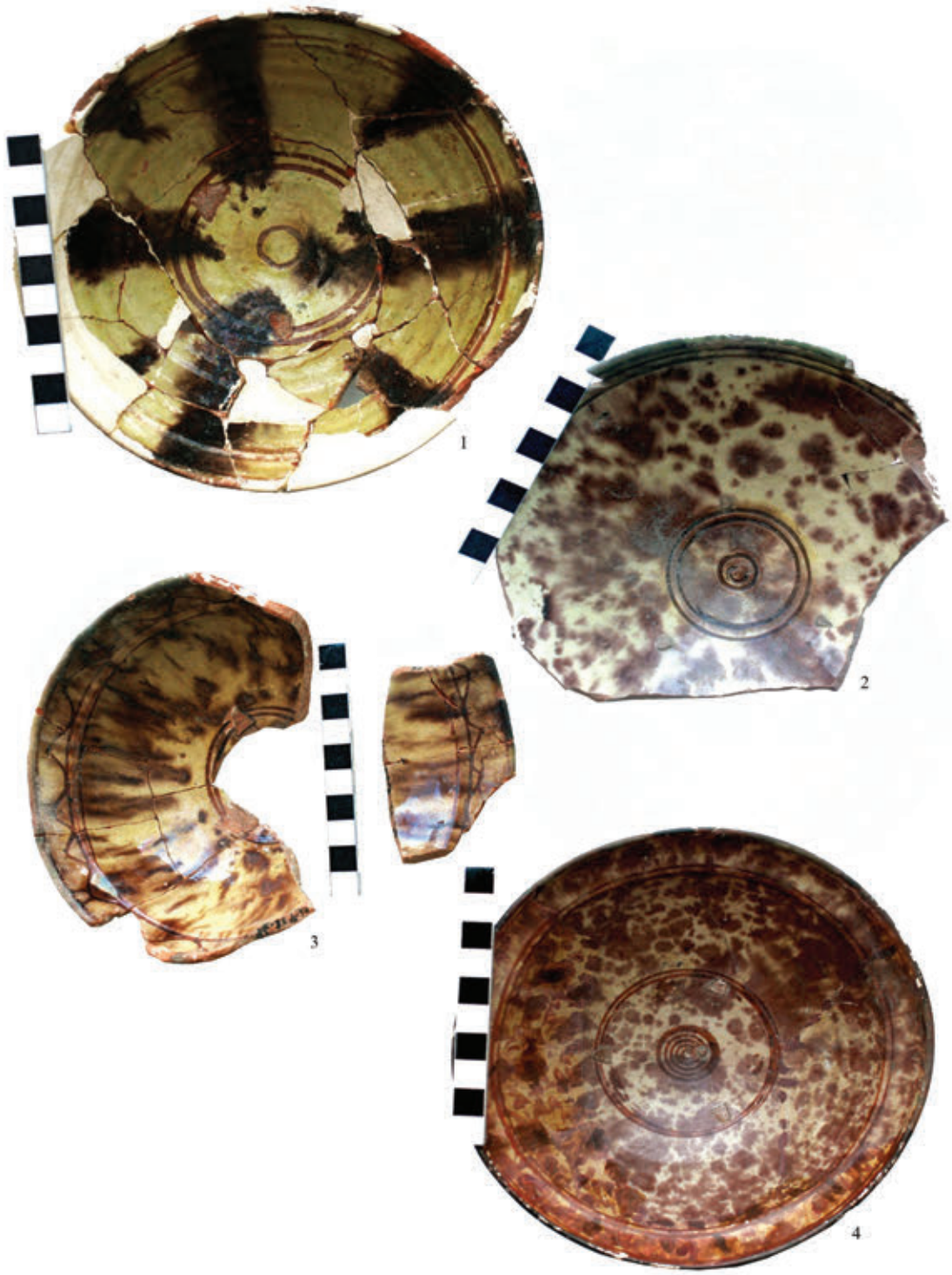

Рис.8. Азак. Продукция Византии (группа 14А). Чаши (***1-4***). ***1*** - спуск Р. Люксембург, Я-6 (1992 г.); ***2*** - спуск Р. Люксембург, Я-17 (1992 г.); ***3*** - ул. Дзержинского 49, Я-12 (2008 г.); ***4*** - ул. Московская, муз. шк., Р-II, Я-5Б (1993 г.).

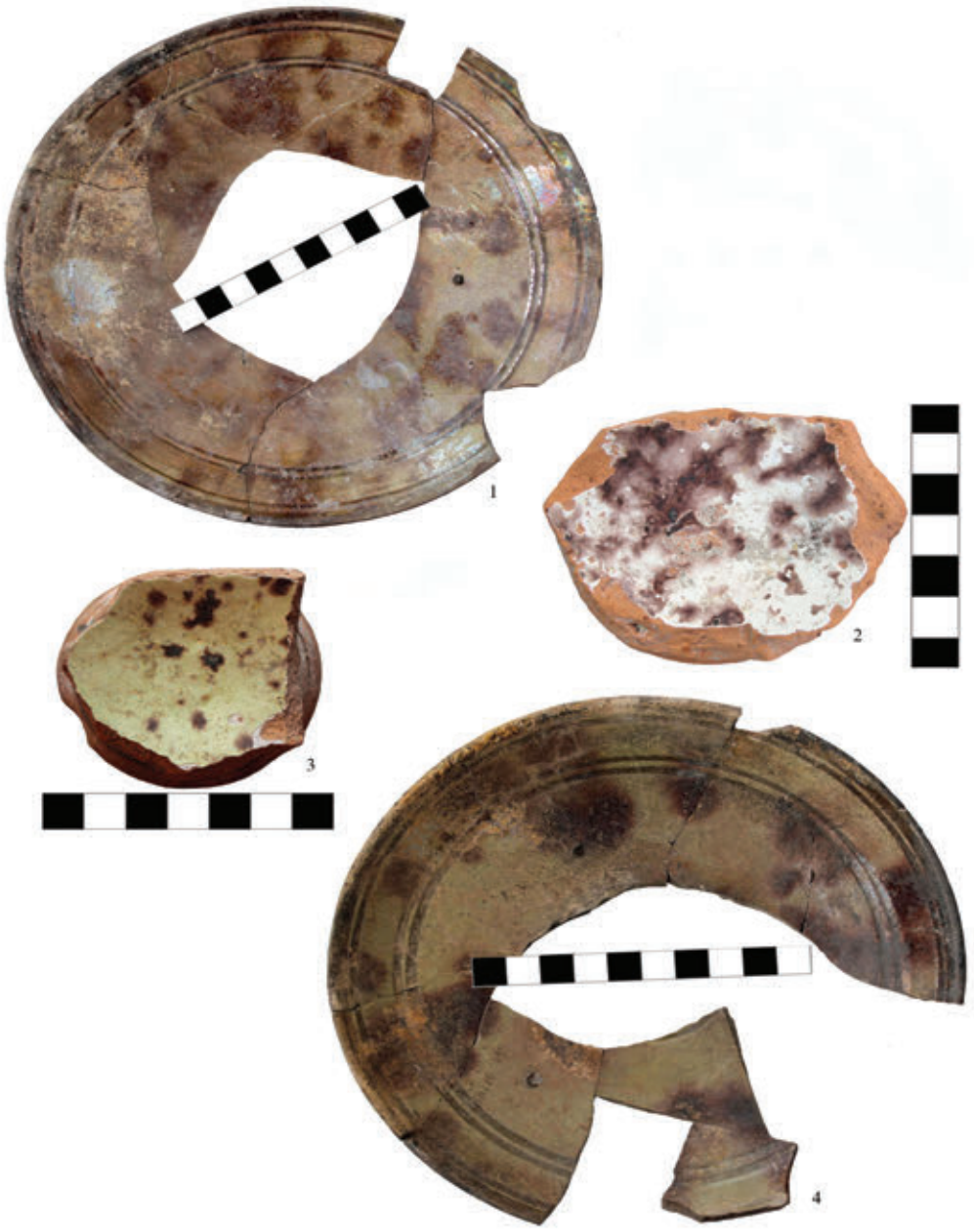

Рис.9. Продукция Византии (группа 14А). Тарелки (***1, 4***), чаши (***2, 3***). ***1, 4*** – Укек, ***2 -*** Маджар, ***3*** – Аккерман (Белгород – Днестровский).

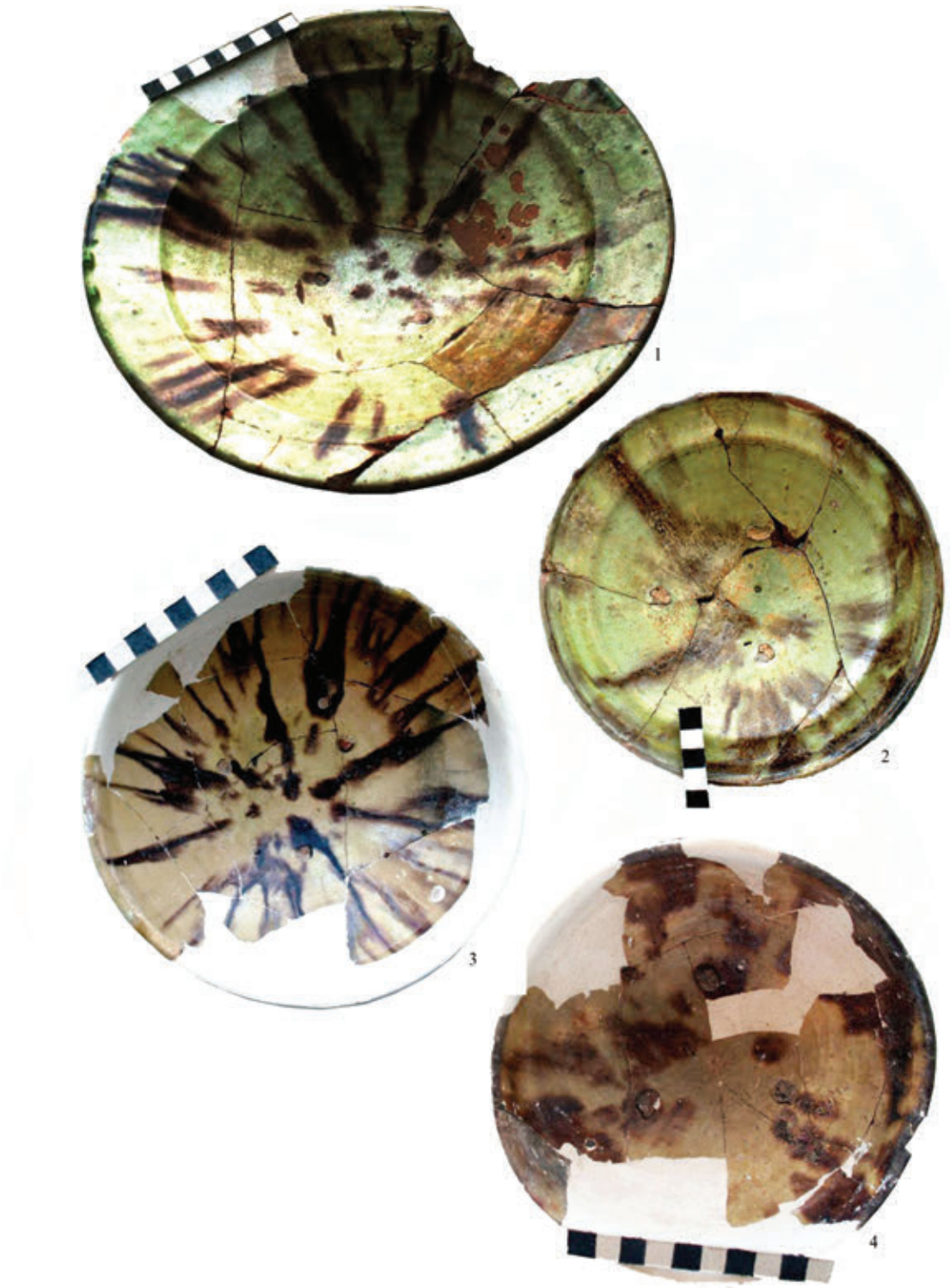

Рис.10. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (3 группа). Блюдо (***1***), тарелка (***2***), чаши (***3-4***).
1 - ул. К. Либкнехта 12, Р-I, Я-4 (1985 г.); ***2*** - ул. Толстого 41-43, Я-25 (2000 г.); ***3, 4*** - АКМ, Р-V, Я-3, Я-21 (1999 г.).

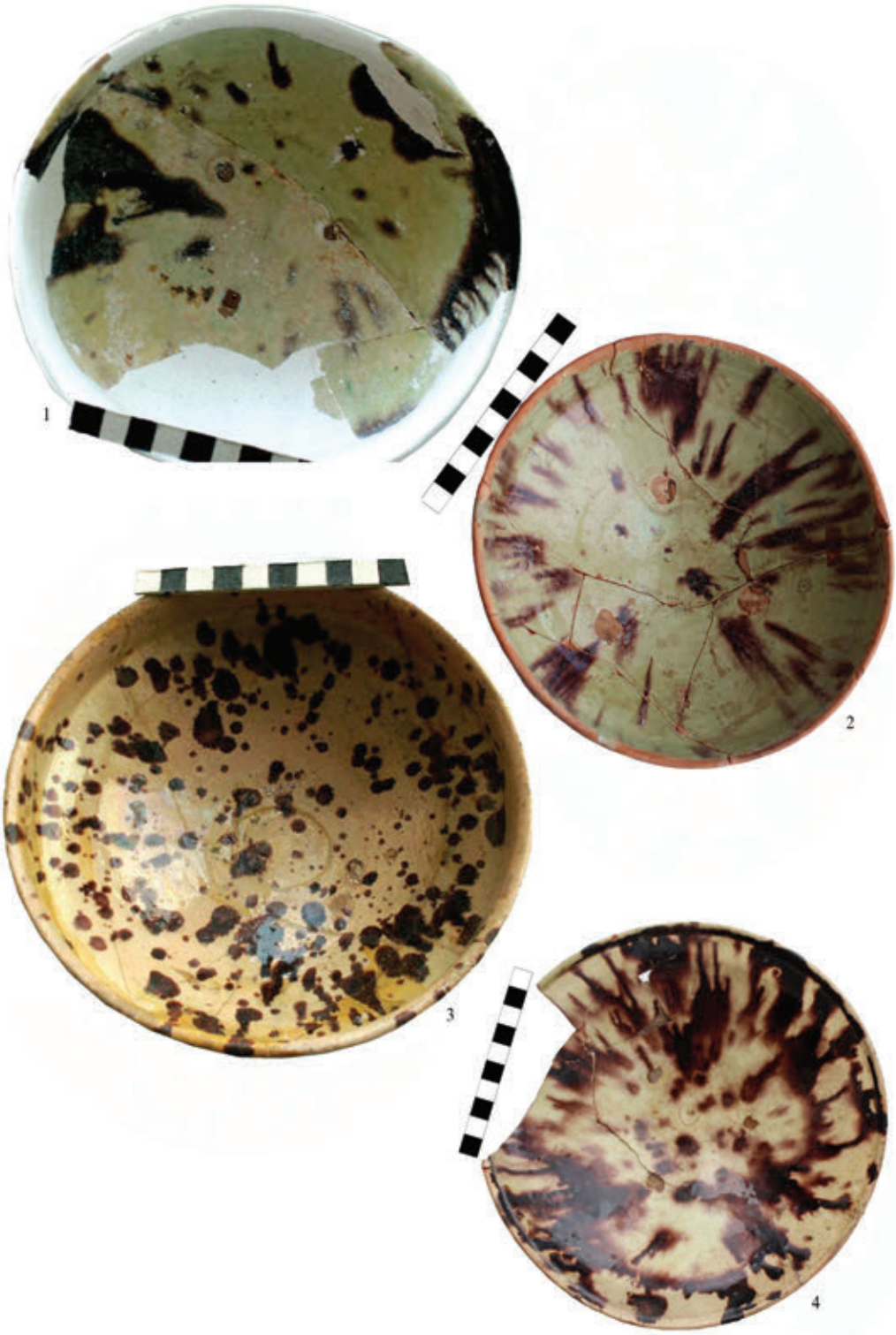

Рис.11. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (3 группа). Чаши (***1-3***), тарелка (***4***). ***1*** – ул. Ленина 46, Р-II, Я-8 (2003 г.); ***2*** – ул. Чехова Т.-II. я. (1979 г.); ***3*** - ул. Толстого 2, *Я*-2 (1984 г.); ***4*** – ул. Ленинградская 42, *Я*-26 (1985 г.).

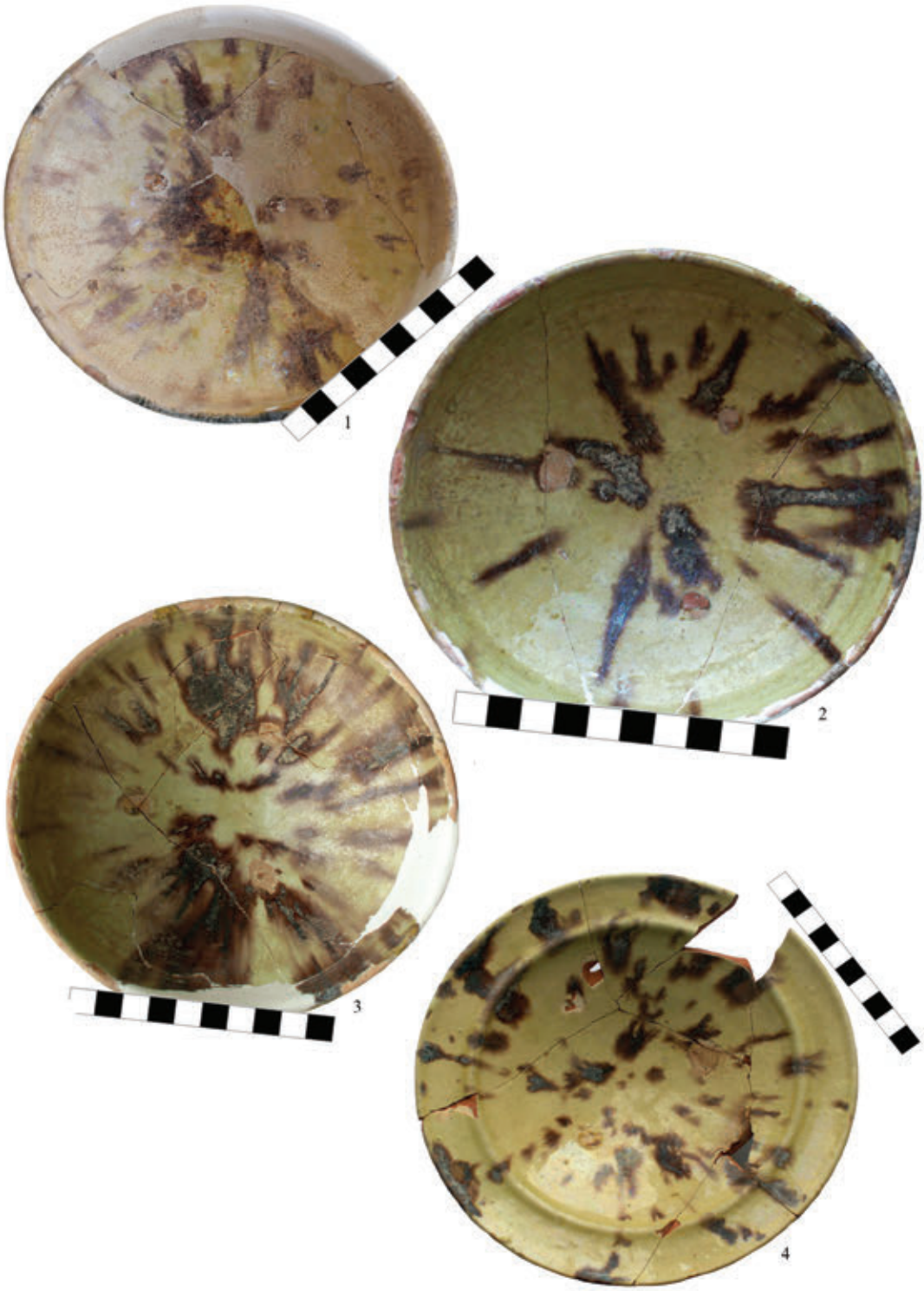

Рис.12. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (3 группа). Чаши (***1-3***), тарелка (***4***). ***1*** – ул. Ленина 46, Я-8 (2003 г.); ***2*** - ул. Ленина 53, Я-48 (2008 г.); ***3*** – ул. Мира 45, Я-45 (2008 г.); ***4*** - ул. Толстого 41-43, Я-25 (2000 г.).

Рис.13. Азак. Продукция Юго-Восточного Крыма (3 группа). Тарелка (***1***), кувшины (***2-4***). ***1***- АКМ, Р-V, Я-1 (1999 г.); 2 – пер. Социалистический (1979 г.); ***3*** – спуск Р. Люксембург, Я-5 (1992 г.); ***4*** - ул. Чехова, Я-13 (1988 г.).

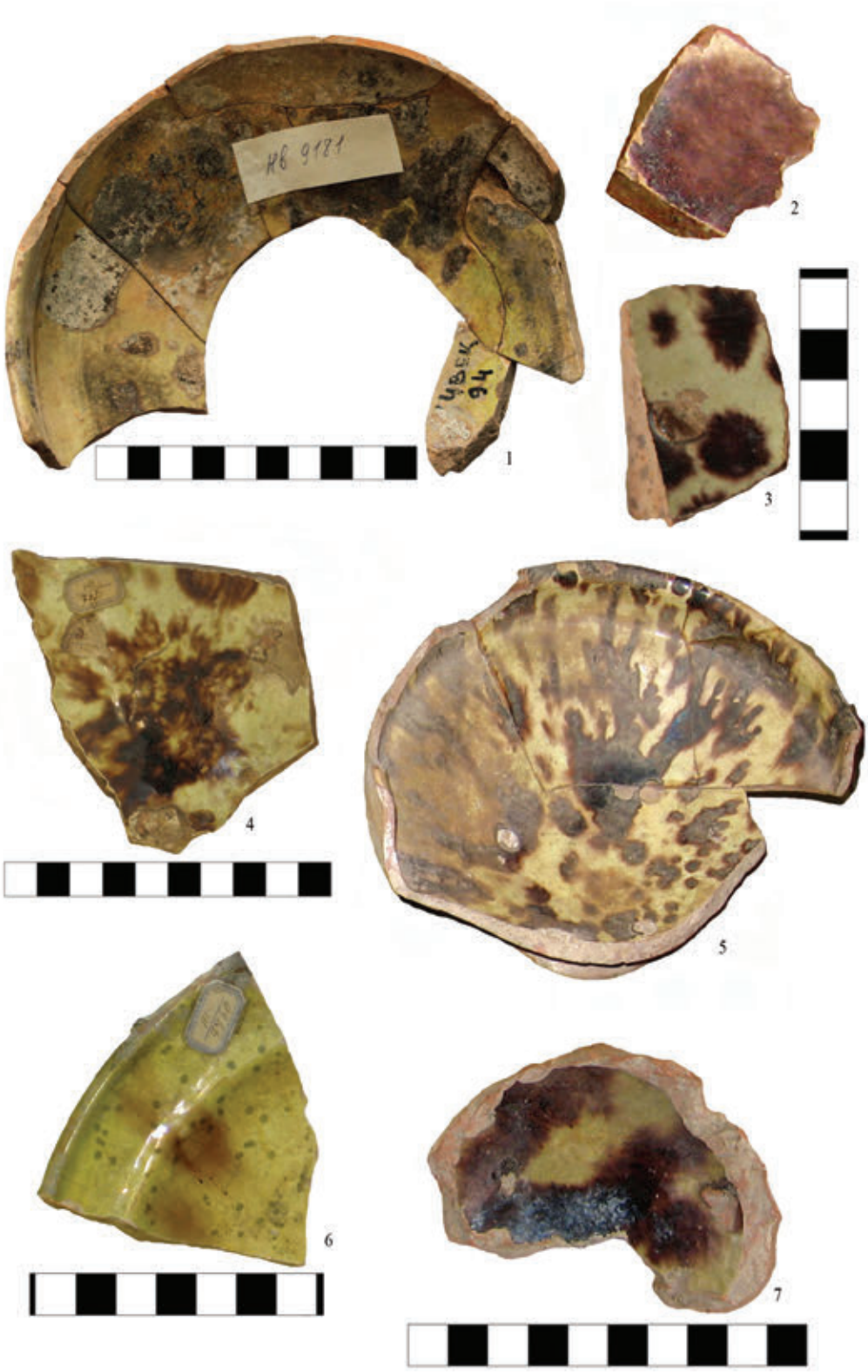

Рис.14. Продукция Юго-Восточного Крыма (3 группа). Чаши (***1-4, 6***), тарелка (***5***). ***1*** - Укек, ***2, 7*** – Калиера, ***3*** **–** Водянское городище***, 4, 6*** – Каффа, ***5*** - Болгар

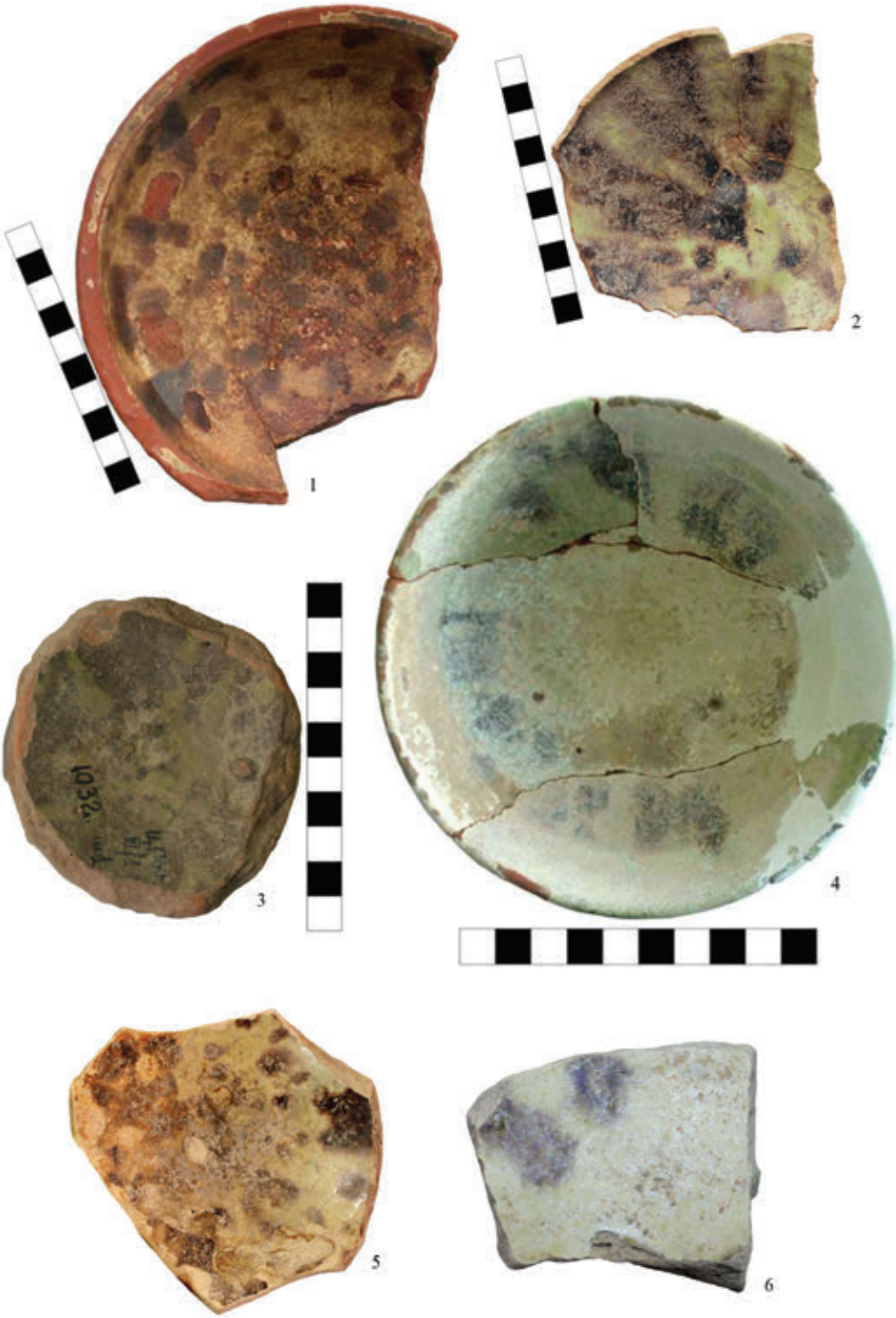

Рис.15. Продукция Азака ***(1, 3, 4)***. Маджара ***(2, 5, 6)***. ***1*** – пер. Социалистический 61А, Я-11 (2006 г.); ***2*** - Петровский бульвар 7, Р-II, кв.7Г, пл.11 (2013 г.); ***3*** – Царёвское городище; ***4*** – ул. Привокзальная 12Б, Я-46 (2008 г.); ***5-6*** – Маджар, сборы.

ПОСУДНОЕ СТЕКЛО ИЗ РАСКОПОК АЗАКА.

Кравченко С. А.

Ежегодно из раскопок Азака происходит значительное количество находок из стекла. Ассортимент стеклянных изделий в Азаке разнообразен, и несколько отличается от других золотоордынских городов. Все изделия можно разделить на три основных отдела: украшения (бусы, перстни, браслеты, подвески, вставки), оконное стекло и стеклянная посуда. О последнем и пойдет речь в данном исследовании.

Представленная работа является первой обобщающей публикацией, посвящённой стеклу из Азака. Отдельные находки были отмечены ранее разными авторами в информационных статьях [*Белинский, Масловский 1998, с. 243; Гудименко, Дмитриенко 2004, с. 130; Дмитриенко 2006, с.132; 2010, с. 311; Кравченко, Широченко, Гончарова 2012; Масловский 2000, с.117; 2006, с. 105, 113, 118; 2006, с.109; 2006, с. 286, 290; 2008, с.157, 159; 2010, с.188, 222; Перевозчиков 1997, с.69; 1998, с.150*], а также упоминались в отчётах об археологических раскопках в г. Азове [*Белинский 1993; Гудименко 1988*].

Цель работы – классифицировать стеклянную посуду из раскопок Азака по технологическим признакам, функциональному назначению, а также дать краткую характеристику некоторых восстановимых форм.

Все находки стеклянной посуды можно условно разделить на пять групп, принадлежавших, по-видимому, к разным центрам производства.

Первая группа: изделия, изготовленные из прозрачного стекла, изготовленного без добавления искусственных примесей для его окрашивания или обесцвечивания, имеющие характерный зеленоватый оттенок. К ним принадлежат тонкостенные стаканы с гладкими стенками, гранёные, с ячеистым, зигзагообразным или цветочным рельефным орнаментом, а также графины. В единичном экземпляре встречен толстостенный кувшин (?) с накладными нитями (рис.1. 6).

Стаканы по форме тулова делятся на четыре типа: 1. Усечено-конические (рис.1.1) 2. Бочёнковидные (рис.1.2) 3. Цилиндрические, с раструбным венчиком (рис.1.3). 4. На кольцевом поддоне (рис.1.4). Диаметры дна колеблются от 3,5 до 6,5 см, венчиков – от 5,5 до 10,0см, высота – от 5,5 до 8,0 см.

Графины однотипны: с узким цилиндрическим горлом, раструбным венчиком и сферическим туловом (рис.1. 5,7).

Вторая группа: сосуды, изготовленные из прозрачного, специально обесцвеченного стекла, иногда имеющего желтоватый оттенок. Встречаются изделия без орнамента, оформленные накладными бесцветными прямыми валиками или горизонтальными с защипами, рельефными фигурами в виде шипов, округлых бляшек, а также украшенные синими рельефными накладными нитями. Толщина стенок колеблется от 0,2 до 0,5см. Ассортимент представлен стаканами, графинами, кубками, чашами, вазами, флаконами.

Стаканы по форме тулова делятся на пять типов: 1. Усечено-конические (Высота около 7,5 см), (рис.1.10) 2. Приземистые, широкие, усечено-конической формы (Высота = 5,5 см, D дна = 6,5см), (рис.1.11). 3. Цилиндрические, со слегка зауженным дном (рис.1.9). 4. Цилиндрические (рис.1.12). 5. Широкогорлые, с раструбным венчиком (рис.1.13). Встречаются стаканы с гладкими, гранёными и рельефными стенками, с отделкой накладными валиками с защипами или накладными синими нитями.

Графины бывают двух типов: 1. С узким горлом, слегка расширяющимся венчиком, сферическим гофрированным туловом (рис.1.17). 2. С коротким усечено-коническим горлом, оформленным под венчиком желобком для декантации, с раструбным венчиком, и гофрированным туловом (рис.1.16).

Кубок найден в единичном экземпляре: (высота = 19,2 см, D венчика = 7,5см), имеет гранёное усечено-коническое тулово на высокой полой ножке, расширяющейся книзу и уплощённый поддон (рис.1.8).

Флаконы – толстостенные, из желто-зелёного стекла, с яйцевидным туловом, скруглённым дном (рис.1.14). Имеют узкую короткую шейку и горизонтальный, немного скошенный внутрь венчик (рис.1.15).

Вазы толстостенные, из желтоватого стекла, представлены двумя типами: 1. Большие (d венчика = 30,2см), со сферическим гофрированным туловом, низкой шейкой и маленьким горизонтальным венчиком, с уплощенным дном (рис.1.18). 2. Миниатюрные (d венчика = 12,0см), с сегментовидным в сечении туловом и валикообразным, овальным в сечении венчиком (рис.1.19).

Чаши тонкостенные, представлены двумя типами: 1. Миниатюрные (D венчика = 12,5см) с приземистым, сегментовидным в сечении туловом на выделенном низком, цилиндрическом поддоне (рис.2.4). 2. Большие чаши (D венчика = 30,8 см) с отогнутым наружу венчиком, гофрированным туловом на небольшом каплевидном в сечении кольцевом поддоне (D = 12,5см), (рис.2.1).

Третья группа: сосуды, изготовленные из специально обесцвеченного стекла, имеющего желтоватый оттенок, с полихромной росписью эмалями и позолотой. Иногда встречается накладной рельефный орнамент из бесцветного стекла. Толщина стенок варьирует от 0,2 до 0,5см. Представлена стаканами, графинами и лампами для мечетей.

Стаканы однотипны: с цилиндрическим туловом и отогнутым наружу раструбным венчиком (рис.2.2).

Графины имеют реповидное тулово, узкое горло и горизонтальный венчик, в виде широкой полочки (рис.2.5).

Лампы - толстостенные, с биконическим туловом, широким, усечено-коническим горлом, и накладными ручками (рис.2.3).

Четвёртая группа: сосуды, изготовленные из прозрачных, окрашенных стёкол: бордовых, вишнёвых, коричневых, тёмно-синих, зелёных, оранжевых. Посуда этой группы неоднородна, наряду с богатой украшенной полихромной росписью и золочением или накладными белыми нитями парадной посудой, встречаются не расписанные сосуды с каннелированным туловом или толстостенные неорнаментированные изделия. Представлена: флаконами, кувшинами, лампами, чашами, миниатюрными сосудиками.

Флаконы делятся на 3 типа: 1. С узким горлышком и раздутым, овальным в сечении туловом (рис.2.6). 2. С узким горлышком и удлинённым цилиндрическим или усечено-коническим туловом (рис.2.7,9,10). 3. С узким горлышком и удлинённым скруглённым дном (рис.2.8). Флаконы изготовлены из тонкого вишнёвого, бордового или синего стекла, с полихромной росписью эмалями и золочением или украшены белыми накладными нитями.

Кувшины однотипны: тонкостенные, с узким горлом и раструбным венчиком, плоской ручкой, биконическим каннелированным туловом на кольцевом поддоне (рис.2.13). Изготовлены из синего, коричневого, оранжевого или зелёного стекла.

Лампы - тонкостенные, со сферическим туловом, широким, усечено-коническим горлом, на кольцевом поддоне, с тремя накладными петельчатыми ручками для подвешивания, из синего стекла, украшены полихромной росписью эмалями и золочением (рис.2.11).

Чаши – миниатюрные, на округлом в сечении валикообразном кольцевом поддоне (рис.2.14).

Миниатюрные сосудики представлены одним типом: с желудевидным каннелированным туловом (рис.2.12).

Пятая группа: изделия, изготовленные из глухого цветного стекла. Ассортимент представлен чашами и сосудами закрытой формы.

Чаши однотипные, миниатюрные (D венчика = 12,0 см), с полусферическим туловом, прямым венчиком, и округлым в сечении валикообразным кольцевым поддоном (рис.2.16), изготовлены из фиолетового, бело-голубого, печёночно-красного, салатного стекла, иногда украшенные белыми накладными нитями. Особняком стоит фрагмент венчика чаши из полихромного (коричнево-жёлто-сине-белого) «мраморного» стекла (рис.2.15).

Так как найденная в Азаке стеклянная посуда изготавливалась способом свободного выдувания и выдувания в форму, практически у всех них имеется вогнутое коническое дно, со следом понтия.

В Азаке за все годы раскопок не было найдено ни одной стеклоделательной мастерской или её сопутствующих признаков. Обнаружено было несколько слитков бирюзового, зелёного и фиолетового глухого стекла, служивших сырьевым материалом для изготовления ювелирных изделий [*Масловский, 2010, с.188, 222*]. Поэтому стеклянные изделия рассматриваются лишь в качестве товара, являвшегося одной из статей импорта.

Локализовать стеклянные изделия по центрам производства без подкрепления данных химическими анализами довольно сложно. Однако, основываясь на уже имеющихся исследованиях, по аналогиям находок Поволжья [*Белинский, Масловский 1998, с.243; Полубояринова 1988*], Болгара [*Перевозчиков 1998, с.150*], Биляра [*Бусятская 1976; Полубояринова 1963*], русских городов [*Перевозчиков 1998; Широченко, Масловский 2011, с.186; Щапова 1997*], можно сказать, что основные пути проникновения стекла в Азак шли с Ближнего Востока, Средней Азии, возможно, что часть продукции поступала сюда из городов Золотой Орды, имеющих собственное стеклоделательное производство. Обилие стеклянных изделий, обнаруженных на территории итальянской Таны (раскоп оп ул. Розы Люксембург в 1992 году) [1], не исключает возможности, что некоторые стеклянные изделия из Азова относятся к венецианскому производству.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Белинский И.В. 1993. Отчет о спасательных раскопках в зоне строительства церкви иконы Азовской Божьей Матери по спуску Р. Люксембург, в г. Азове, в 1992 году// Архив АМЗ. КВФ 11917/ 1 .

Белинский И.В., Масловский А.Н. 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7), стр.243, рис.24. ИАИАНД, Вып.15. Азов.

Бусятская Н.Н. 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.)// Средневековые памятники Поволжья. М.

Валлиулина С.И. 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища) // Казань.

Гудименко И.В. 1988. Отчёт о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Чехова в марте-апреле 1988 г.// Архив АМЗ, КВФ 11170/1,2.

Гудименко И.В., Дмитриенко М.В. 2004. Итоги археологических исследований по ул. К. Либкнехта 12 в г. Азове в 2003 году, с.130, рис.2. ИАИАНД, Вып. 20. Азов.

Дмитриенко М.В. 2006. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Толстого 70 в 2005 году, с. 132, рис.6. ИАИАНД, Вып.22. Азов.

Дмитриенко М.В. 2010. Итоги спасательных археологических раскопок на территории города Азова в 2007 году, с.308, рис.2; с.311. ИАИАНД. Вып.24. Азов.

Кравченко С.А., Широченко Э.Б, Гончарова С.М. 2012. Раскопки в Азове в 2010 году, с.182, рис.3; с. 184, рис.5; с.186, рис.6; с.190, рис. 9; с.192, рис.10; с.193, рис.11; с.195, рис.12; с.208, рис.21; с.210, рис.22. ИАИАНД. Вып.26. Азов.

Масловский А.Н. 2000. Работы I Азовского отряда в 1998 году, с.117, рис.1. ИАИАНД, Вып.16. Азов.

Масловский А.Н. 2002. Раскопки в Азове, с. 219, 221, рис.4, 5. ИАИАНД, Вып.18. Азов.

Масловский А.Н. 2006. О времени возникновения Азака, стр. 290; стр286, рис.15. ИАИАНД, Вып. 22. Азов.

Масловский А.Н. 2006. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году, с. 105, рис.3; с.112; с.113, рис.9; с.115; 118, рис.11; с. 119, рис.13; с. 120-121, рис.14; с.122. ИАИАНД, Вып.22. Азов.

Масловский А.Н. 2006. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году, с.103; с.105, рис.10; с.108, рис.13; с.109; с.112, рис.14. ИАИАНД, Вып.21. Азов.

Масловский А.Н. 2008. Исследования в Азове, Азовском районе и в Ростове в 2006 году, стр.157, рис.8; стр.159, рис.9. ИАИАНД, Вып.23. Азов.

Масловский А.Н. 2010. Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2007-2008 гг. с.188, рис.4; с.194-195; с.193, рис.7; с.205, рис.14; с.217, рис.23; с.221, рис.26; , с.222, рис.27; с. 225, рис.29; с.226, рис.30; с.230, рис.33; с.239, рис.40; с.241, рис.42. ИАИАНД, Вып.24. Азов.

Перевозчиков В.И. 1997. Раскопки во дворе Азовского краеведческого музея в 1994 году, с.69, рис.13. ИАИАНД, Вып.14.

Перевозчиков В.И. 1998. Спасательные археологические работы на территории Азовского музея в 1995-1996 гг., с.150, рис. 7. ИАИАНД, Вып.15.

Полубояринова М.Д. 1963. Стеклянная посуда древнего Турова// СА №4.

Полубояринова М.Д. 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища// Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Широченко Э.Б. 2010. Археологические исследования в г. Азове в 2008 году, с.253; с. 254, рис.1. ИАИАНД, Вып. 24.

Широченко Э.Б., Масловский А.Н. 2011. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году, с.186, рис.16. ИАИАНД, Вып.25.

Щапова Ю.Л. 1997. Стеклянная посуда // Археология. Древняя Русь. Быт и культура, М.

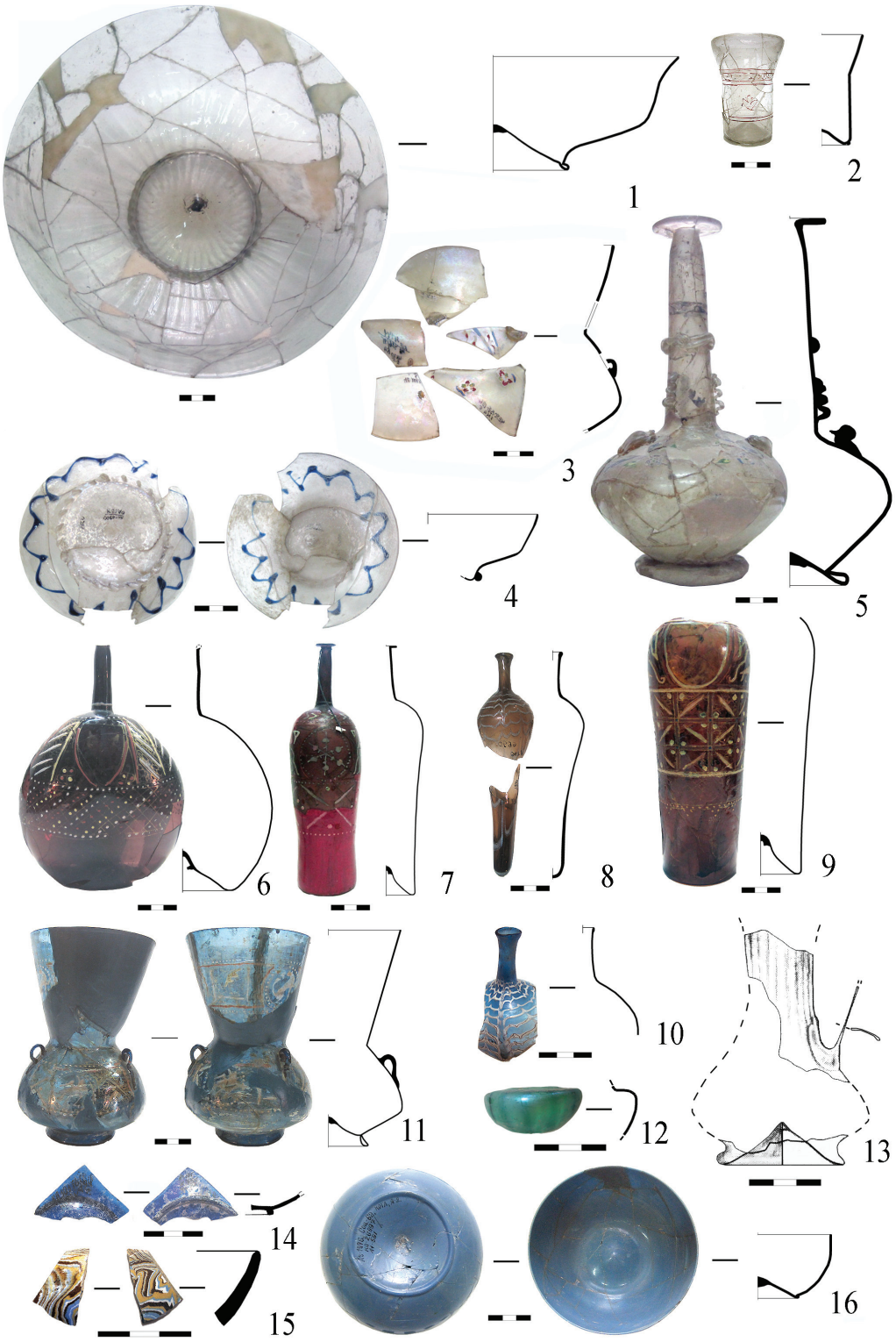

Рис. 1. ***1,4 – стеклянные изделия 2-й группы:*** *1,4* – чаши (*1* – Аз-1984, ул. Толстого 2; *4* – Аз-1981, ул. Ленинградская)
2,3,5 – стеклянные изделия 3-й группы: *2* – стакан (Аз-1992, спуск Р. Люксембург); *3* – графин (Аз-1978, ул. Толстого, у дома милиции); *5* – лампа (Аз-1988, ул. Чехова). ***6-14 – стеклянные изделия 4-й группы:*** *6-10* – флаконы (*6,8-10* – Аз-1992, спуск Р. Люксембург; *7* – Аз-1973, ул. Социалистическая); *11* – лампа (Аз-1988, ул. Чехова); *12* – миниатюрный сосудик (б/шифра); *13* – кувшин (Аз-1995, ул. Московская 7); 14 – чаша (Аз-2010, ул. Калинина 65Б). ***15-16 – стеклянные изделия 5-й группы:*** *15-16* – чаши (*15* - Аз-1984, ул. Ленинградская 62; *16* – Аз-1976, ул. Социалистическая 62).

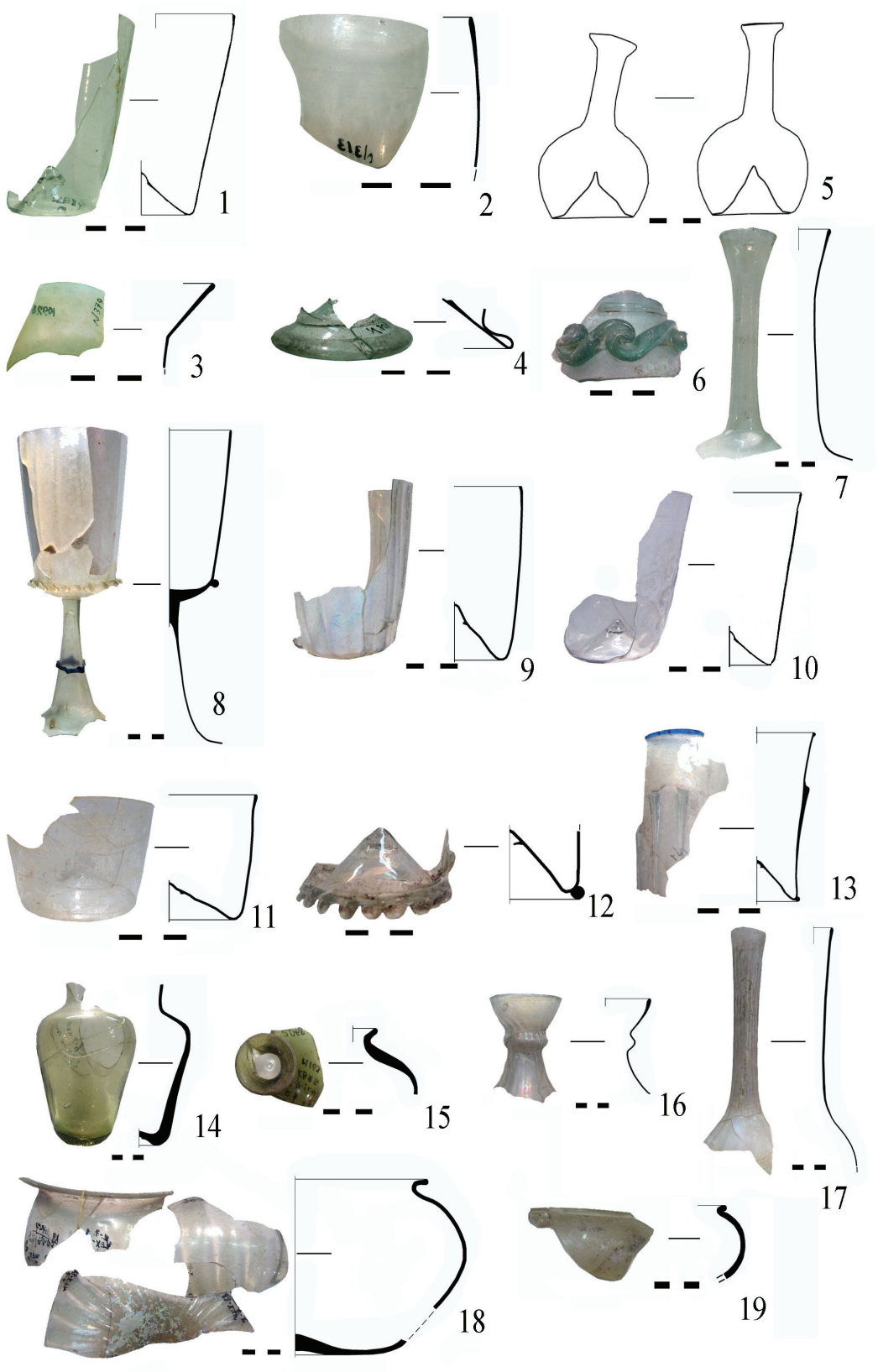

Рис. 2. ***1-7 – стеклянные изделия 1й группы:*** *1-4* – стаканы (*1*- б/шифра; *2-4* – Аз-1992, спуск Р. Люксембург); *5,7* – графины (*5* – Аз-1998, ул. Энгельса 15; *7* – б/шифра); *6* – кувшин с накладными нитями (Аз-1984, ул. Толстого 2). ***8-19 – стеклянные изделия 2-й группы:*** *8* – кубок (Аз-1978, ул. Чехова, котлован под ОВД); *9-13* – стаканы (*9-11* – б/шифра; *12,13* – Аз-1992, спуск Р. Люксембург); *14-15* – флаконы (Аз-1992, спуск Р. Люксембург), *16 –17* – графины (б/шифра), *18-19* – вазы (*18* – Аз-1988, ул. Чехова; *19* – Аз-1984, ул. Ленинградская 62).

КРАСНОЯРСКОЕ ГОРОДИЩЕ - ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ.

Пигарёв Е.М.

Красноярское (Монгольское) городище расположено в с. Красный Яр, на слиянии рек Бузан и Маячная (рис.1). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. История Красноярского городища в исторической литературе, практически не освещена, хотя памятник был известен уже во второй половине XVIII в. [*Катанов 1907, с.241; Полное собрание ученых путешествий по России, 1824, с.143*]. В Трудах Астраханского губернского Статистического комитета в разделе «Описание населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г.» сообщается о многочисленных «могильных холмах» в окрестностях Красного Яра [*Труды Астраханского статистического комитета, 1875*].

В 1989-1991 гг. были проведены первые археологические исследования городища, которые выявили здесь остатки жилых домов, гончарной мастерской по изготовлению поливной посуды, городского кладбища [*Казаков, Пигарёв 1998, с.72-83; Артемьев 1992*]. Часть монет, полученных в ходе раскопок, была отчеканена на монетном дворе Сарая, и приходится на 20-30 гг. XIV в.

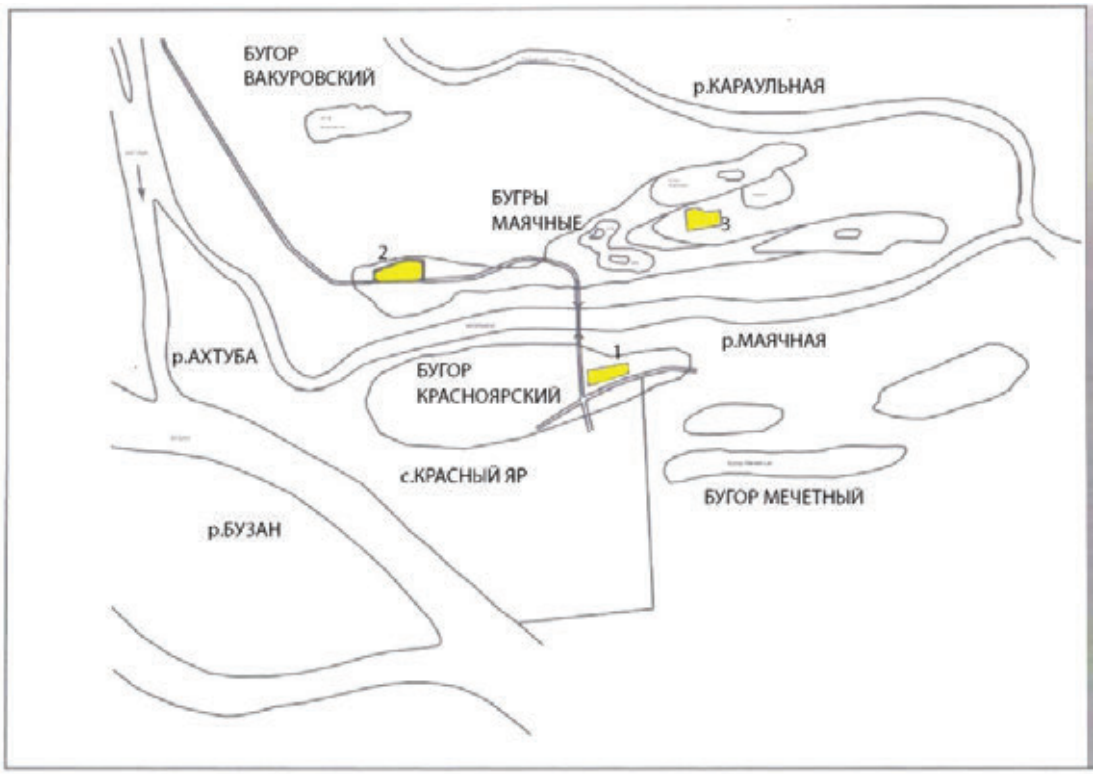

Рис.1 Схема расположения археологических объектов у райцентра Красный Яр (1 – раскопы 1989-1990 гг.; 2 – современное кладбище; 3 – кирпичный завод).

Это обстоятельство дало возможность сделать предположение о существовании на Красноярском городище первой столицы Золотой Орды города Сарая [*Пачкалов 2002, с.177*]. Остальной нумизматический корпус показывает, что жизнь в этом населенном пункте не угасала на протяжении всего XIV в. [*Скисов 2010, с.377-378*; *Пигарёв, Скисов, Лосев, Минаев 2005, с.148-149*]. Полученный вещевой материал позволяет сделать выводы о хозяйственной жизни населения города. Красноярское городище являлось крупным центром городской культуры с развитой сельскохозяйственной округой. Это подтверждают находки дигирей, серпов, зерен проса, дынь, арбузов, тыквы. Кроме того, обследования округи городища, выявили ряд

сельских поселений золотоордынского времени. Находки предметов из железа, стекла, кости, остатки гончарного производства, говорят о развитой ремесленной деятельности.

Считается, что центральная часть городища располагалась на Красноярском бугре (правый берег р. Маячной) и достигала размеров 800/1000 – 400/500 м, при мощности культурного слоя от 0,5 до 4 м. [*Белецкий 1958, с.34*]. Вокруг городища расположены многочисленные могильники (бугры Маячные, Вакуровские, Мечетные) [*Васильев 2007, с.84*].

На наш взгляд, Красноярское городище имеет более сложную историю развития, отличающуюся от процессов развития других нижневолжских золотоордынских городов. На основании анализа природных условий и результатов археологических исследований можно выделить два основных этапа с принципиальными изменениями его планировки.

1 этап: середина XIII в. – 1310-е гг. Образование города. Город функционирует на острове, образованном реками Ахтуба, Караульная и Маячная.

2 этап: 1310 – 1390-е гг. Перенос (расширение) городской застройки на правый берег реки Маячная. Город функционирует на острове, образованном реками Бузан, Маячная и Прорва.

Характеристика естественно-природных условий.

Городище располагается в стратегически важном месте – в точке разделения главных проток Волги (реки Ахтуба и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем.

Кроме того, именно здесь полупустыня и степь с востока подходят к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль, представляющую собой северную ветку Великого шелкового пути.

Наличие островов, образованных реками Ахтуба, Бузан, Караульная, Маячная и Прорва, создавало комфортные условия для освоения этих территорий.

Красноярское городище относится к городищам мысового типа. Особенности топографии подобных городищ во многом определялись рельефом, естественной защищенностью. Их заселение происходило с мысовой части с освоением более удобных для проживания районов, расположенных у подножия близко к воде.

Характеристика 1 этапа (сер. XIII – 1310-е гг.).

В южной части острова, образованного реками Ахтуба, Караульная и Маячная, находится возвышенность, состоящая из четырёх смыкающихся бэровских бугров, получивших название «Маячный». На трёх из них располагается грунтовый могильник с одноименным названием «Маячный-I, II, III», на одном, самом западном, зафиксирован культурный слой золотоордынского поселения. На наш взгляд, освоение этой территории в эпоху Золотой Орды и строительство здесь населенного пункта, началось именно с этого западного бугра (в настоящее время на нем находится христианское кладбище).

Бугры Бэра занимают большую часть территории Астраханской области, от Харабалинского района на севере до побережья Каспийского моря на юге. Бэровские бугры протянулись длинными грядами по линии З – В. Практически на всех бэровских буграх зафиксированы археологические памятники различных эпох, в том числе и периода Золотой Орды. Для золотоордынских поселений, расположенных на буграх Бэра, характерна одна особенность. Западную часть возвышенностей занимают жилые и производственные постройки, в восточной части располагаются некрополи. Такую же картину мы наблюдаем и на городище, расположенном на группе бугров «Маячный».

По всей видимости, именно на западном бугре маячинской группы в середине XIII века началось строительство золотоордынского города. Скорее всего, основные сооружения этого периода были представлены сырцовыми постройками, в которых проживало традиционно оседлое население, пришедшее на Нижнюю Волгу с монголами (чиновники, торговцы, ремесленники). Вероятно, что в этом периоде монументальная архитектура отсутствовала, т.к. верхушка монгольского общества, хан и аристократия, находилась в постоянной перекочевке, а при возвращении на зимовку рядом со стационарным поселением возникал большой юртовый город [*Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука., 1993, с.103*]. Такая ситуация, видимо, сохранялась до начала XIV века – времени прихода к власти хана Узбека.

Характеристика 2 этапа (1310 – 1390-е гг.).

В северной части острова, образованного реками Бузан, Маячная и Прорва, расположен Красноярский бугор, где, как считалось, и находится изначальное место золотоордынского

города. К востоку от него расположены грунтовые могильники «Мечетные» [*Васильев 2009, с.110*]. Кроме того, городской некрополь расположен и в восточной части Красноярского бугра [*Казаков, Пигарёв 1998, с.78-80*].

В 1313 г к власти в Улусе Джучи приходит хан Узбек, которого активно поддерживала хорезмийская мусульманская группировка. В годы его правления происходят кардинальные изменения в политической, экономической и культурной жизни государства. В эти же годы активизируется процесс градостроительства, появляется множество новых населенных пунктов, идет активное освоение свободных территорий, Узбек начинает строить новую столицу, которая превратилась в крупный город при правлении Джанибека [*Фёдоров-Давыдов 1994, с.21*]. Для всех этих мероприятий требовались большие людские ресурсы.

Поток нового (пришлого) населения из Средней Азии проходит по одному из основных транзитных маршрутов – через Красноярское городище, которое в этот момент являлось основными «воротами» из Азии на территорию ханского домена. С приходом на Нижнюю Волгу новых групп населения (в основном мусульманского), возникает дефицит территории на левом берегу реки Маячная, что побудило к переселению части населения на правый берег реки. Здесь возникает новая часть города, более современная и развитая.

Таким образом, можно предположить, что на протяжении 1-го этапа городская жизнь развивалась на бугре Маячный (западный, на левом берегу реки Маячная). Восточные бугры этой группы (Маячный – I, II, III) использовались населением для организации некрополя. В начале XIV века город расширяется, захватывая правый берег реки. Левобережное население продолжает использовать в качестве некрополей бугры Маячные. В связи с увеличением проживающих и уже существующим некрополем, появляется новое городское кладбище на территории бугра Вакуровский.

Население, освоившее правый берег реки, в качестве городского кладбища использует восточный склон Красноярского бугра и бугры Мечетные.

Косвенно, эту версию могут подтвердить следующие обстоятельства:

- монеты XIII в. найдены только на левобережье на территории грунтового могильника «Маячный – I, II», и только в его центральной (ранней) части. Восточнее от центра могильника погребения, выполненные в доисламской обрядности, не зафиксированы. Также «немусульманские» захоронения не выявлены на могильнике «Вакуровский».

- в раскопах 1989-1990 гг, расположенных на правобережье реки Маячной, монеты XIII в. отсутствуют, весь известный к настоящему времени нумизматический материал с территории современного Красного Яра относится к XIV в. Также на могильнике «Мечетный», расположенном в непосредственной близости к городищу не выявлено погребений, выполненных в доисламских традициях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Артемьев С.Б. Отчет об археологических разведках в Красноярском районе Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. Архив ИА РАН. Т. 1. № 16111.

Белецкий В.Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Гос.Эрмитажа за 1957 г. Л., 1958. Архив ИА РАН. № р-1 2536. с.34.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань. 2007. с.84.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование. Астрахань. 2009. с.110.

Казаков П.В., Пигарёв Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989-1990 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998. с.72-83.

Казаков П.В., Пигарёв Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989-1990 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998. с.78-80.

Катанов Н.Ф. О древностях Волги и Кавказа // ИОАИЭ. 1907. Т.XXIII, вып.3. с.241.

Пачкалов А.В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія східноі европи: матеріали І дослідження. Т.3. Одесса, «Друк», 2002. с.177.

Пигарёв Е.М., Скисов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище» (Астраханская область 2001-2003 гг) // Труды международных нумизматических конференций / Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII – XV веков (Саратов 2001, Муром 2003). М., 2005. с.148-149.

Полное собрание ученых путешествий по России. СПб, 1824. Т.III. с.143.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы. 1993. с.103.

Скисов С.Ю. Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010. с.377-378.

Труды Астраханского статистического комитета. Астрахань, 1875. Вып.5.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М. 1994. с.21.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАРАВАН-САРАЙ ТАСКЕШУ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Кольцов П.М., Кольцова К.П.

Степной Казахстан издревле находился на пересечении важнейших трансконтинентальных сухопутных и водных торговых маршрутов, связывающих Европу со Средней Азией, Индией, Китаем, Закавказьем. С образованием в сер. 13 в. Золотоордынского государства в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане начинают строиться города (Сарай на Ахтубе, Сарай ал-Джедид или Новый Сарай, Бельджамен, Укек, Сарайчик на Урале и др.), поселки, караван сараи [*Манылов, Юсупов 1982, с.170-182*]. Расцвет градостроительства приходится на периоды правления ханов Узбека и Джанибека и связан с распространением на территории Золотой Орды ислама, политической стабильностью и экономическим подъемом. Золотоордынские города активно торговали и платили за покровительство властей процент в ханскую казну.

Большинство средневековых городищ золотоордынского времени были сосредоточены в бассейне крупных рек и их притоков. Прежде всего это было связано с торговлей. Купцы из Крыма и Азака-Таны шли вверх по течению Дона до места наибольшего сближения его с Волгой, где была переволока. Далее суда попадали в Волгу или Ахтубу, где был расположен Сарай - крупнейший торговый город. От него торговые пути шли на Сарайчик – золотоордынский город в низовьях реки Урал и далее благоустроенный караван-сараями, известный путь на Ургенч, север Индии и торговые пункты Северного Китая.

Из источников известно, что купеческий караван из Крыма в Сарай добирался за 2 месяца, затем до Сарайчика еще 8-10 дней и из Сарайчика в Хорезм – 20 дней пути. Таким образом, расстояние из Крыма в Хорезм купцы покрывали за 3 месяца [*Федоров-Давыдов 2001, с.217*].

Кроме водных путей были и сухопутные дороги, которые пролегали по необозримым степным и полупустынным пространствам Прикаспия. Причем это была не одна единственная караванная тропа, а несколько дорог, которые располагались вблизи друг друга, иногда они соединялись, например, в местах перехода через реку по мелководью, т.е. брод.

К числу таких мест можно отнести брод Таскешу, расположенный на левом берегу реки Сагыз. В средневековье здесь был построен караван сарай, который в исторической литературе получил название Таскешу. Это слово в языке тюркских народов (кыпчаков, казахов) означает переход, брод, для охраны которого и был построен караван сарай с толстыми стенами и сторожевыми башнями. Они обслуживали интересы торговых караванов, которые нуждались в кратковременном отдыхе после мучительных и тяжелых переходов по песчаным и безводным пространствам. В местах ночевок стали строить жилища, склады, небольшие мечети и бани. Так постепенно, караван-сараи превращались в комплексы, обеспечивающие относительно комфортное путешествие.

Впервые караван-сарай Таскешу был исследован в 1950 г. разведочным маршрутом Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Из краткого отчета исследователя мы узнаем, что караван-сарай сложен из крупного обожженного кирпича. Здание построено в форме прямоугольника, размером 42×45 м с рядами помещений вдоль стен и внутренним двором. Во дворе и в северной части здания были заложены шурфы; в восточной части производилась зачистка. Культурный слой мощностью около 2,5 м, содержал обломки обожженных кирпичей, фрагменты раннесредневековой керамики, раздробленные кости животных. На окружающих здание такырах собрана поливная и неполивная керамика золотоордынского времени [*Толстов 1953, с.301-325*].

Планомерные раскопки средневекового городища Таскешу начались в 2008 г. Атырауским областным центром истории и археологии при участии заведующего отделом археологии Астраханского краеведческого музея В.В. Плахова. Затем полевые работы были продолжены в 2009 году.

Следующая страница в истории исследования средневекового городища Таскешу началась в июне 2010 г. с работы международной археологической экспедиции в составе Атырауского

областного центра истории и археологии, Атырауского госуниверситета им. Х. Досмухамедова и Калмыцкого госуниверситета (г. Элиста, Россия). Ученые из Калмыкии впервые приняли участие в исследовании уникального памятника археологии, архитектуры и истории – Таскешу, однако одного взгляда на раскоп средневекового городища было достаточно, чтобы понять, что перед нами караван сарай золотоордынского времени, построенный в лучших традициях восточной архитектуры [*Гарифолла, Кольцов 2012, с.25-33*].

Археологические раскопки городища Таскешу позволили установить, что стены памятника возведены из жженого кирпича, на фундаменте из того же материала. Основным строительным материалом был обожженный кирпич размером 35х35х5 см. Изготавливался он на месте из лессовидных глин с добавлением органических веществ. Формовался кирпич, по-видимому, в деревянных рамках без дна, затем просушивался на солнце и обжигался в специальных печах. Кирпичная кладка крепилась на растворе из смеси извести, песка и мелкотертого кирпича.

Раскопки памятника велись в 5 секторах (№№ 34, 35, 36, 43, 44) послойно-квадратным методом с зачисткой поверхности после снятия каждого слоя. Исследованные сектора раскопа дали возможность приблизительно понять проект данного городища. Оно имело четырехугольную форму площадью – 55х55 м с дугообразными выступами на углах в виде башен (рис. 1).

Рис. 1. Караван-сарай Таскешу. Вид на башню и стены городища с южной стороны.

В центре зафиксирован четырехугольный внутренний двор, площадью примерно 15х15м (рис.2). Вокруг городища отмечены следы оборонительного рва. Вдоль северной стены обнаружен коридор, который вел к башне.

Если посмотреть стратиграфию бровок между секторами, то можно установить, что развалины расположены, начиная со средневекового строительного горизонта, по всей высоте бровки. По объему развалин можно предположить, что здание караван-сарая разрушалось постепенно на протяжении многих лет. Разрушение происходило в результате воздействия как природных, так и антропогенных факторов. Великолепный комплекс оборонительных, жилых и торговых сооружений, возведенных еще в 14 веке, сохранился до высоты 1-1,5 м.

Во время раскопок средневекового городища были обнаружены не только остатки кирпичных стен, но и постройки. Среди них есть жилые (гостиные) комнаты со следами глиняной обмазки пола, печей на полу с подогреваемой софой. Каналы отопления обложены со стороны стенок дома рядом плиточных кирпичей, уложенных на ребро. Местами караван-сарай был украшен глазурованными плитками.

Самым массовым материалом, полученным при работе на городище, является керамика. Среди них имеется простая и поливная керамика. Основная масса посуды была, по-видимому, импортной. Форма венчиков, ручек и орнамент на керамических изделиях отличается друг от друга своим разнообразием.

К интересным и важным находкам следует отнести монеты, которые позволяют установить даты тех или иных исторических событий. Медная монета найденная в окрестностях караван-

сарая была чеканена при хане Узбеке, который правил золотоордынским государством с 1312 по 1341 гг. Другая монета золотоордынского времени была найдена на поверхности развалин городища Таскешу. Она датируется временем правления хана Джанибека (40-е годы XIV в.). Описанные выше монеты были чеканены в Сарае аль-Джадид.

Рис.2 Караван-сарай Таскешу. Вид с восточной стороны.

По историческим сведениям купцы, которые проходили по Великому Шелковому пути между Хорезмом и Волгой, переправлялись через р. Сагиз в брод. По дну реки из жженого кирпича была сложена переправа, которую очевидно обслуживал караван-сарай. В строительстве новых караван сараев была заинтересована ханская власть и степная аристократия, поскольку процветающая торговля гарантировала им твердый доход.

Подводя итоги вышесказанному, следует сказать, что городище Таскешу является первоклассным источником для решения ряда проблем средневековой кочевой цивилизации. Более того, раскопки столь уникального памятника позволяет судить об облике и структуре караван сараев, которые в золотоордынское время были рассредоточены на пути к Сарайчику и от него к Ургенчу, где проходила распродажа купцами со всего света разнообразных товаров. Архитектура памятника и большое количество импортной керамической посуды дают широкие возможности для изучения экономических и культурных связей населения Западного Казахстана в 14 веке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Гарифолла А.Г., Кольцов П.М. Археологические раскопки средневекового городища Таскешу // Материалы Международной конференции посвященной юбилею Атырауского государственного университета. Атырау, 2010. с. 25-28; Кольцов П.М., Кольцова К.П., М.С. Касенов и др. Раскопки международной археологической экспедиции средневекового караван-сарая Таскешу в Западном Казахстане // Научный журнал. Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. Вып. 3. Элиста, 2012. с. 25-33.

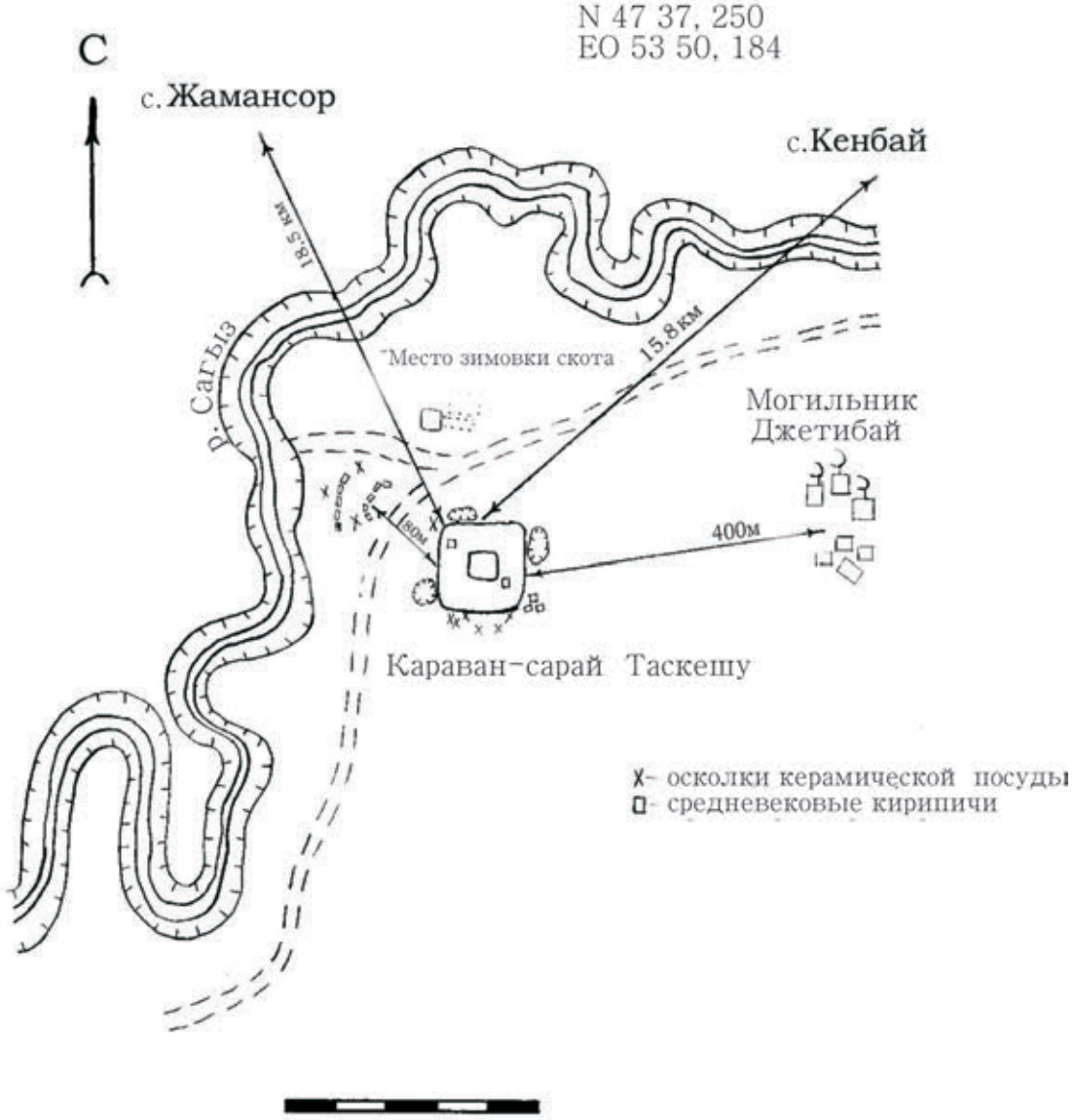
Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю., Караван сараи Центрального Устюрта // СА 1982 г. № 1. с. 170-182.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г. // Советская археология: Сборник статей, М.,. 1953 г. т. XYIII. с. 301-325.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001. с. 217.

Атырауская область
Макатский район

Средневековый
караван-сарай Таскешу
N 47 37, 250
EO 53 50, 184

Руководитель: А. Гарифолла
Исполнитель: А. Суюев

ОБ ОДНОМ БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ ИЗ ФОНДОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМЕНИ Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г.К. ПРАВЕ

Кравцова С.Л., Ли Джи Ын.

В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве в составе археологической коллекции губернского музея Северного Кавказа хранится круглое бронзовое зеркало с рельефными изображениями на оборотной стороне (рис. 1).

Старые документы музея о нём сообщают следующую информацию: *инвентарная книга* музея Северного Кавказа от 1918 года в групповой записи под номером 4503/316: «Разные древние предметы. Бронзовые: зеркальцо съ фигурами… от Макара Ивановича Ермоленко приобретены покупкою за 25 руб.» [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа.* Отдел археологии (Общий список). 1918 Ставрополь]; *учётная карточка* Краевого музея краеведения города Ворошиловска от 1941 года под номером 14082/1-11 – «…2 зеркала…из Минусинского уезда Енисейской губернии. Бронзовый век» [*Каталог учётных карточек Краевого музея краеведения г. Ворошиловска 1941*]. В действующей *книге поступлений № 1* от 1954 года музея-заповедника зеркало записано под номером основного фонда 2828 в составе одиннадцати бронзовых предметов: «Топор, ножи, зеркала и другие вещи» [*Книга поступлений № 1 Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, 1954*].

Для удобства описания предмета разделим его декорированную сторону на условные изобразительные поля – верхнее, среднее и нижнее. Правое и левое направления определим исходя из положения предмета перед глазами зрителя.

Итак, зеркало (рис.1-2) представляет собой плоский бронзовый диск (d-8,7 см), без окислов, с высоким узким бортиком (h-0,6 см), направленным от внешнего края диска внутрь декорированной стороны изделия. В поперечном сечении бортик подтрапециевидной формы. Лицевая (*функциональная*) сторона зеркала ровная и гладкая, оборотная – украшена рельефным изображением двух антропоморфных фигур в окружении растений. В центральной части расположена ручка-петелька фигурно-подквадратной формы. При внимательном рассмотрении декоративной поверхности создаётся впечатление многослойности изображения – слой основного сюжета и слой, создающий фон сюжетной композиции. Так, изображение фигур мальчиков, цветов, стеблей и листьев словно бы нанесено на предварительно созданный фон из коротких насечек – возможно, перед нами художественный приём показа поверхности водоёма, подёрнутого рябью, где произрастают лотосы и другие цветы, показанные на рельефе. В верхнем изобразительном поле, по мнению кандидата биологических наук по специальности ботаника, заведующего отделом природы музея-заповедника Данилевич В.Г., расположены три разных растения. Первым обращает на себя внимание распустившийся цветок лотоса, в центре которого завязь будущей коробочки с семенами. С правой стороны от него расположен цветок с тремя удлинёнными лепестками – возможно, фуксия. С левой стороны помещён цветок с тремя округлыми лепестками, предположительно, орхидея (или плод лотоса), наполненный круглыми семенами, которые часто называют «орешками» [*Жизнь растений, 1980, с.192*].

В центральном поле рельефа размещены фигуры двух играющих мальчиков в окружении цветов. Головы и костюмы их изображены без детальных подробностей. Тем не менее, возможно рассмотреть причёски, в виде собранных в узлы волос. [*Мэн-да бэй-лу 1975, с.75*] Плохо читается крой детских костюмов. Некоторые детали ускользают из-за погрешностей отливки предмета.

В нижней части изображения помещён крупный лист лотоса. Чуть выше влево – ещё цветок лотоса.

Таким образом, на зеркале из фондов Ставропольского музея-заповедника мы видим изображение известного сюжета на привозных дальневосточных и китайских зеркалах – «играющие мальчики с лотосом». [*Недашковский, Ракушин 1998, с.38*] Хронологически зеркало относится к IV домонгольскому периоду (середина X в. – начало XIII в.). [*Лубо-Лесниченко 1975, с.8*] По классификации Недашковского Л. и Ракушина А. его можно отнести к отделу А *(*узкий высокий бортик) и типу 5 отдела *Б* (изображение на оборотной стороне изделия) [*Недашковский, Ракушин 1998, с. 38*].

Рис.1 Зеркало из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Рис.2 Зеркало из района Дэхуэйхоучэнцзы провинции Гирин

Аналогии ставропольскому зеркалу обнаружены на территориях нынешних Кореи и Китая. К таковым, например, относится бронзовое зеркало (d-9,1см) из старой крепости района Дэхуэйхоучэнцзы (德惠後城子古城) провинции Гирин (吉林). (рис. 2)

По описанию исследователя, Ли Нан Ёнга, оно имеет узкий высокий бортик. Оборотная его сторона украшена рельефным изображением, с похожим сюжетом – «играющие два мальчика с цветами». В центре композиции расположена ручка-петелька в виде пуговицы. Рельефный рисунок не имеет фонового слоя из коротких насечек и такой насыщенности изобразительными элементами, как в описанном выше изделии. В верхнем поле рельефа помещён распустившийся цветок лотоса, а в нижнем – лист и цветок лотоса. Фигуры мальчиков изображены в центральной части композиции. Они динамичны и обращены друг к другу. Следует обратить внимание на прически и одежды мальчиков. Причёски хорошо проработаны и выглядят как два небольших пучка собран-

ных волос по обеим сторонам головы. Одежды мальчиков состоят из рубашек с жилетами (или короткими кофтами) и штанов. Читаются складки ткани на одеждах. Сюжет носит название «Два мальчика, собирающие лотос (**雙童採蓮鏡**), Шуан тун цай лянь цзин)». Зеркало представляет эпоху династии Цзинь (**金**, 1115-1234) [*Ли Нан Ёнг 2010, с.208*]**.** Исходя из описания Ли Нан Ёнга, зеркало можно отнести к *отделу А (*узкий высокий бортик) и *типу 5 отдела Б* (изображение на оборотной стороне изделия) по классификации Л. Недашковского и А. Ракушина [*Недашковский, Ракушин 1998, с.38*].

Рис.3 Зеркало из района Шан Ча провинции Хэбей

Следующее зеркало (d-8,9см) найдено в местечке Дацинцзюй района Шан Ча провинции Хэбей (河北省 尙叉縣 大淸泃) (рис. 3).

По его бортику прочерчены пять иероглифов. Из-за нечёткости изображения исследователю не удалось прочитать первые три иероглифа. Последние два, предположительно, читаются как *гуан циан* (官匠) - «государственная мастерская». Чаще всего в эпоху Цзинь иероглифы на бортике сообщали о месте производства зеркала; давали название района или мастерской. [*Ли Нан Ёнг 2010, 65, с. 106-107*] С оборотной стороны изделие украшено рельефным изображением уже знакомого нам сюжета. Центром его является ручка-петелька в виде пуговицы полусферической формы. С левой и правой сторон в декоративном поле изображены два играющих среди цветов мальчика. Как и на предыдущем зеркале, их причёски показаны в виде собранных волос в два пучка. Костюмы детей мастерски проработаны – создаётся впечатление, что одежда пошита из нежной струящейся ткани, возможно, шёлка. В верхней части изобразительного поля читаются переплетённые между собой стебли, листья и цветы лотоса, в нижней – большой лист лотоса. Сюжет зеркала называется «Играющие два мальчика с лотосом (二子玩蓮鏡) Эр цзы вань лянь цзин)». Артефакт относится к эпохе китайской династии Цзинь (金, 1115-1234) [*Ли Нан Ёнг, 2010, с.209*]**.** Исходя из описания исследователем изображения на зеркале, его можно отнести к *5 типу отдела Б* классификации Л. Недашковского и А. Ракушина. [*Недашковский, Ракушкин 1998, с. 38*].

И ещё одно бронзовое зеркало (d-9,7см) с «играющими мальчиками в окружении лотосов» (二子玩蓮鏡), Эр цзы вань лянь цзин) происходит из района Вэйчан провинции Хэбэй (河北省圍場縣) (рис. 4).

Этот образец имеет больше сходных позиций со ставропольским зеркалом, чем два предыдущих. В описании автора исследования бортик у него тонкий и высокий. Оборотная сторона декорирована многослойным рельефным изображением, состоящим из фонового слоя, сформированного короткими насечками, и основного сюжетного слоя из сложно переплетённых стеблей лотоса и двух фигур детей, играющих среди растений. Костюмы и причёски мальчиков проработаны не чётко, но читаются короткие кофты и штанишки с особым кроем – штанины не сшиты между собой по шаговому шву. Эта деталь хорошо видна по открытым ягодицам ребёнка, обращённого к зрителю спиной. На ставропольском зеркале увидеть эту подробность не представляется воз-

Рис.4 Зеркало из района Вэйчан провинции Хэбэй.

можным из-за появившейся каверны на месте ягодиц мальчика в результате отливки изделия. В верхнем поле рельефа изображены орхидея, лотос и фуксии (?), а в нижнем – лист лотоса. В центре рельефа находится ручка-петелька фигурно-подпрямоугольной формы. Зеркало относится к эпохе Цзинь(金, 1115-1234). [*Ли Нан Ёнг 2010, с.210*]. По классификации Л. Недашковского и А. Ракушина его можно отнести к отделу А *(*узкий высокий бортик) и типу 5 отдела *Б* (изображение на оборотной стороне изделия). [*Недашковский, Ракушин 1998, с.38*]

Исходя из вышенаписанного и принимая во внимание отсутствие спектрального анализа металла, можно высказать предварительное мнение о том, зеркало из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве относится к предметам (или репликам) китайского импорта эпохи династии Цзинь и датируется первой половиной XII-серединой XIII веков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Ли Нан Ёнг, 2010, Исследование зеркал в эпоху Корё. // Сеул, с.65, 106-197; с.208, рис.40; с.209, рис.41; с.210, рис.42.

Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, Привозные зеркала Минусинской котловины, М. с. 8

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) /Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. 1975. М.,. с. 75.

Недашковский Л., Ракушин А., 1998, Бронзовые зеркала второй половины X-XIV вв. из музея Саратовской области. // Сб. Татар. Археологиясе №2 (3), Казань.

Недашковский Л., Ракушкин А. 1998, Средневековые металлические зеркала из Увека. // Сб. Татар. Археологиясе №1 (2), Казань. С. 38

Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, Ставрополь.

Каталог учётных карточек Краевого музея краеведения г. Ворошиловска. 1941, Ставрополь.

*Книга поступлений № 1 Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.*1954, Ставрополь.

Жизнь растений, 1980. Т.5 (I кн.). М. с.192.

ГЛАВА II

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД МАДЖАР — АДМИНИСТРАТИВНЫЙ, ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

МАДЖАР КАК ОДНА ИЗ ОРДЫНСКИХ СТОЛИЦ ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ХАНА УЗБЕКА

Юрченко А. Г.

1. Кочевники и города

При Чингис-хане Монгольское государство достигло беспрецедентной степени централизации и начало завоевание Северного Китая и Центральной Азии. Города на завоеванных территориях монголов не интересовали, разве что как объекты хищнической дани. Не интересовали монголов города и позже. Несколько случаев, когда был отдан приказ сровнять города с землей, объясняются причинами, значимыми в рамках имперской политической мифологии XIII в.: при осаде были убиты Чингизиды [*Юрченко 2010, с. 68–72*]. Не стоит вслед за Р. Груссе придавать ситуации излишний психологический драматизм, приписывая кочевникам слепое разрушение городской цивилизации [*Grousset, с. 230; к дискуссии: Хазанов с. 418–430; Крадин, с. 330–351; Кычанов, с. 312–313*].

Елюй Чу-цай, китайский ученый-конфуцианец, советник и астролог при Чингис-хане, первый министр при великом хане Угедее, — отвечал за реформы управления и налогообложения, захваченных монголами земледельческих стран. В тексте на посмертной стеле Елюй Чу-цая, сооруженной в 1261 г., есть поразительный эпизод. Кочевая аристократия замыслила превратить земледельческие территории Северного Китая в пастбища. Города и деревни должны были быть уничтожены за ненадобностью. Имперская военная машина не отличала мирное время от времени экспансии и мирное население от военных. Война с воображаемым противником грозила вылиться в войну с другой, отличной от кочевой, культурой. Причина в социальной слепоте монгольских нойнов, видимо, даже не догадывавшихся о практике сбора налогов с податного населения. Нойоны знали только один способ обогащения — грабеж.

«После карательного похода Тай-цзу[1] на запад не оказалось ни одного *доу* зерна и ни одного *чи* шелковой ткани в амбарах и на складах, и императорский посол Бе-де и другие вместе заявили [его величеству]: „Хотя завоеваны ханьцы[2], но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех. Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища!“. Его превосходительство (Елюй Чу-цай) тут же выступил вперед и сказал: „При обширности Поднебесной и богатстве [страны] четырех морей как можно не получить того, чего добиваешься! [Мы] только бездействуем и все! Как можно называть ханьцев бесполезными!“. Поэтому [Елюй Чу-цай] представил доклад императору о том, что ежегодно можно получать 500 тыс. *лян* серебра, 80 тыс. кусков шелковых тканей и 400 тыс. *ши* зерна [за счет] поземельного налога, торгового и монопольных налогов на вино, уксус, соль, железо и [произведения] гор и водоемов» [*Мункуев 1965, с. 73*]. Богатства Китая передать в руки кочевников могли только опытные управленцы. Прямое налогообложение стало возможным при формировании административных элит, осознававших свою силу в противостоянии с кочевой аристократией. В заслугу Елюй Чу-цаю поставлено разделение этих групп: «Его превосходительство представил доклад императору о том, чтобы старшие чиновники ведали делами только гражданского населения, темники (*вань-ху-фу*) возглавляли военную власть, а налоговые управления распоряжались денежными и натуральными налогами, и чтобы все [они] не управляли друг другом, и тогда же [это] было возведено в твердый закон» [*Мункуев 1965, с. 74*]. Однако общественной гармонии не наступило. Сбор налогов был передан в руки откупщиков, что привело к невиданным злоупотреблениям.

---

[1] Тай-цзу — китайское посмертное имя Чингис-хана.

[2] Хань-жэнь в период монгольского владычества в Китае обозначал население уничтоженной монголами империи Цзинь, т. е. китайцев-северян, чжурчжэней, киданей и т. д. — прим. Н. Ц. Мункуева.

Вернемся к теме городов. Следующий, не менее показательный пример, связан с осадой монголами в 1233 г. Бяньцзина, одной из пяти столиц чжурчжэньского императора. «Как только враг, отклонив приказ [о сдаче], выпускал хотя бы [одну] стрелу или метательный камень [по осаждающим войскам], в соответствии с [существовавшей] государственной системой, [все] убивались без пощады во всех случаях. Накануне падения Бяньцзина главнокомандующий Субудай прислал [к императору] человека с донесением. Там говорилось: „Этот город долго сопротивлялся нам, убито и ранено много [наших] воинов, [поэтому] хочу вырезать его весь“. Его превосходительство (Елюй Чу-цай) поспешно прошел [в императорскую ставку] и сказал императору: „Воеводы и воины вот уже десятки лет мокнут на земле и пекутся на солнце только ради завоевания земель и народов. Если получить земли без народа, то как они будут использованы!“. Его величество колебался, но еще не решался. [Тогда его превосходительство] доложил ему еще: „Все мастера-лучники, оружейники, золотых дел мастера и семьи богатых и знатных чиновников и народа собрались за стенами этого города. Если перебить их, то не будет никакой прибыли, а это означало бы, что [войска] потрудились напрасно!“. Его величество только теперь согласился с ним» [*Мункуев 1965, с. 76*].

Речь идет о столкновении двух цивилизационных стратегий: «кочевнической» и «земледельческой» [*Мункуев 1962, с. 49–67; Кадырбаев с. 163–164; Флетчер с. 239–243; Строева с. 206–220*]. В период рождения империи эти стратегии взаимно исключали друг друга, однако компромисс был возможен. Конфликт между военными и чиновниками, после вмешательства Елюй Чу-цая, завершился победой последних. Города в Северном Китае остались на своих местах, но это не означает, что монголы приступили к строительству новых городов в степи [*ср.: Данилов, с. 77–8*4]. Возведение же в 1235 г. столичного города Каракорум в Монголии было инициативой уйгуров, убедивших великого хана Угедея в престижности такого имперского проекта [*Дмитриев, 2009, с. 87–89; Дмитриев, 2011, с. 152–179*].

Два вышеприведенных примера, где говорится о заслугах Елюй Чу-цая перед правящим домом, дают основания сформулировать одну из гипотез дальнейшего исследования: в существовании городов была заинтересована старая бюрократия, перешедшая на сторону монголов-победителей. В имперском пространстве вырисовывается конфликт двух сил, кочевой аристократии и гражданской администрации, представленной уйгурами, китайцами, сирийцами, персами, арабами и т. д. Благополучие новой бюрократии определялось устойчивостью вертикали власти, на вершине которой находился великий хан. Для него же, чуждая в ментальном плане, бюрократия была надежным инструментом управления в Китае и Иране. Сбылось предсказание Елюй Чу-цая, который однажды заметил Чингис-хану: «Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» [*Мункуев 1965, с. 73*].

Уточню эту мысль: сидя на коне, нельзя было управлять земледельческими странами. Ни Китай, ни Иран, ни земледельческую зону в Средней Азии нельзя было контролировать без привлечения прежних владетелей и местной администрации, которые и были заинтересованы в сохранении существовавших городов и строительстве новых столиц. Большая часть кочевой аристократии продолжала «сидеть на коне», а компромисс был найден в создании параллельных управленческих структур [*Мункуев 1968, с. 55–58*].

Если на завоеванных территориях прекращалась война, приносившая кочевникам шелк и серебро, то с неизбежностью должны были возникнуть города, в которых условные «шелк и серебро» накапливались для передачи кочевникам усилиями администраторов. Войну заменило хищническое налогообложение. Собственно, в Иране для этих целей и был возрожден вазират (гражданское руководство государственным бюрократическим аппаратом). Обычно пишут мягче: вазират — один из ключевых элементов административной системы исламского государства, был востребован Монгольской империей [*Кораев, с. 25–*35]. В топографическом плане это привело к созданию новой столицы (при Хулагу в Иране ею стала Марага, но его наследники предпочли Тебриз), строительству ханской резиденции с золотым престолом в Уджане и назначению некоторых городов складами для сбора зимних запасов в областях, где планировалось разбить кочевую ставку ильхана [*Рашид-ад-дин 1971, с. 230*].

Какие города выполняли аналогичную функцию в Золотой Орде? Если для ильханата мы имеем подробную документацию (с поштучной росписью предметов, начиная от одежд и заканчивая благовониями) в виде переписки вазира Рашид-ад-дина с ответственными лицами, то для Золотой Орды таких документов нет. Однако возникновение городов, обусловленное сезонными резиденциями ханского двора, кажется, несомненным. В таком случае, наша задача — выявить по косвенным признакам местоположение сезонных столиц кочевой империи хана Узбека. Такие города были производной от кочевой ставки, первичным же было регулярное появление в той или иной области ханской орды, которое, в свою очередь, определялось длительностью внутреннего мира в кочевом государстве.

Поскольку орда хана Узбека из года в год летом располагалась в степной зоне Северного Кавказа, зададимся вопросом: можно ли средневековый город Маджар, входивший в область этих перекочевок, назвать сезонной южной столицей во владениях хана Узбека? Прямых свидетельств для ответа на этот вопрос нет, поэтому будут привлечены косвенные аргументы. В нашем распоряжении имеются материалы, которые позволяют изменить взгляд на Маджар. Дальнейшие размышления на заданную тему строятся на анализе аналогичных явлений в других улусах Монгольской империи.

2. Сезонные столицы великого хана

Каракорум, который принято считать имперской столицей, был одной из четырех сезонных резиденций великого хана Угедея, причем весенние и зимние дворцы разделяло расстояние в 450 км [*Noriyuki Shiraishi, с. 105–119; Boyle, с. 145–151; Легран*]. Двор Угедея совершал в течение года четыре перекочевки, наглядно демонстрируя, что в Монгольской империи политический центр всегда мобилен.

Кочевая ставка хана обозначалась термином *орда* [*Кычанов, с.* 28]. Вот описание орды Угедея из отчета южносунского дипломата Пэн Да-я, прибывшего ко двору в 1233 г.: «Шатер правителя располагается один впереди всех, [входом] к югу, за ним — [шатры] его жен и наложниц, а за ними [шатры] незаконных[3] [членов] свиты и телохранителей, а также незаконных чиновников. Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется „волито“. Что касается его золотого шатра (стойки [внутри] сделаны из золота. Поэтому [шатер] называется золотым), то когда [вместе с ним] ставятся шатры всех незаконных императриц вместе со стойбищем [других подданных], только [это] называется „большой ордой“ [4]» [*Мункуев 1960, с. 138]*. *Волито* — китайская транскрипция монгольского *ordu* или *ordo*, термина позаимствованного монголами из древнетюркского языка. Значение его ‘лагерь’ или ‘дворец’. *Ordu* в китайских источниках XIII в. имеет значение ‘походный шатер’, ‘лагерь’ и ‘дворец’[5].

Каково было соотношение политического веса Каракорума и Большой Орды, стационарной столицы и мобильной кочевой ставки? Двор Угедея останавливался во дворце близ Каракорума в третий весенний месяц, в остальное время года политическая жизнь в городе, с большой вероятностью, замирала.

Кочевая жизнь двора времени правления великого хана Угедея живописно обрисована в книге персидского историка Ала-ад-дина Ата Малика Джувайни (1226–1283). Следует отметить, что свою «Историю завоевателя мира» Джувайни писал при великом хане Мунке (1251–1259), дважды посетив Монголию. Записывая сведения, услышанные из уст внушающих доверие людей, Джувайни исполнил их волю. Речь идет о персидских администраторах, пользовавшихся доверием Мунке. Это эмир Аргун, хаким большей части областей Иранской земли, и его сахиб-диван Беха-ад-дин Джувайни, отец историка Ала-ад-дина Джувайни. Их стратегической целью было сохранение существующего положения дел. Политическим оппонентом этой группы была кочевая аристократия, стремившаяся к продолжению экспансии. На повестке дня стоял вопрос: расширять пределы империи или нет.

В книге Джувайни сезонные перемещения двора, вписанные в природные циклы, в своей гармонии противостоят ужасам войны, которая велась на далеких границах империи. В самой же Монголии царил мир. Символом покоя являлся ханский дворец Вань-ань гун 萬安宮 («Дворец десяти тысяч спокойствий»), построенный близ Каракорума. Во дворце был сооружен громадный трон. Примером китайского стиля в оформлении городской среды могут служить каменные черепахи. Стелы, воздвигнутые на основании в виде каменных черепах, с надписями, представлявшими собой конфуцианские изречения или восхваления предков и героев, были широко распространены в Китае. Несколько каменных черепах — это все, что сохранилось до наших дней. Что же касается Каракорума, то это единственная из четырех резиденций Угедея, чье географическое местоположение было установлено Орхонской экспедицией, организованной в конце XIX в. Российской Академией наук. По результатам раскопок 1948–1949 гг. С. В. Киселев полагал, что обнаружил остатки дворца Угедея; на деле же это оказался буддийский храм [*Hüttel, с. 140–146*].

---

[3] Для Пэн Да-я как представителя национальной китайской династии южных Сунов всякий другой император на территории Северного Китая не мог являться законным (прим. Н. Ц. Мункуева, с. 146).

[4] По-монгольски yeke ordu.

[5] Термин ordu обозначал у монголов не только местоположение охотничьего шатра монгольского хана (прим. Н. Ц. Мункуева, с. 150, прим. 54).

Согласно Джувайни, первый месяц весны, с 21 марта по 21 апреля, двор Угедея находился во дворце Вань-ань гун близ Каракорума. Затем двор перемещался в другой дворец, именовавшийся Qarši Sūrī (вероятно, «Сирийский дворец») [*Boyle, c. 145*], где пребывал в течение сорока дней, т. е. до конца мая. Этот дворец располагался в местности Карчаган в одном дне пути от Каракорума, среди озер с водоплавающей птицей, превосходном месте для соколиной охоты. По пути к летним пастбищам двор останавливался в тридцати *ли* от Каракорума около башни Тургу-Балык, где отмечался праздник середины лунного года. Для этого праздника характерен следующий ритуал: «все одевали одинакового цвета одежду» [*Рашид-ад-дин, 1960, с. 41*]. В летней же ставке вместо дворца был возведен китайский шатер: «Там разбили такой большой шатер, что в нем помещалась тысяча человек, и его (шатер) никогда не убирали. Скрепы его были золотые, внутренность его была обтянута тканями; его называли „Золотая ставка“» [*Рашид-ад-дин, 1960, с. 71*]. В целом картина передвижений двора Угедея выглядела так: «Весенним его местопребыванием были окрестности Каракорума, летним — луговья…, осенним — [местность] [от] Куше-нор до Усун-кул, в одном дне пути от Каракорума, а зимним — Онг-хин» [*Рашид-ад-дин 1960, с. 71*].

Тем не менее, я вновь вернусь к теме сезонных перекочевок двора и приведу большую цитату из книги Джувайни. Во-первых, эта картина поможет нам представить типологически сходное явление в Улусе Джучи, где мы не имеем подробного отчета о сезонных резиденциях золотоордынских ханов. А, во-вторых, позволит поставить под сомнение гипотезу о том, что кочевые ставки с неизбежностью превращались в стационарные поселения.

По сведениям Джувайни, заповедный парк с дворцом возвели китайцы, в традиции которых дворцовые комплексы имели четверо ворот. «Возле города был разбит парк для каана с четырьмя воротами: одни предназначались для императора, правящего миром, другие для его детей и родственников, еще одни для девиц и жен ханского рода, а четвертые — для прохода городских жителей. И посреди этого парка китайские мастера возвели дворец с дверями, подобными воротам парка, внутри которого был трон с тремя рядами ступеней: один для самого каана, другой для его жен, а третий для виночерпиев и прислуживающих за столом; а справа и слева от дворца — дома для его братьев и сыновей и для стражи, с написанными [на стенах] картинами. И в помещении виночерпиев они поставили бочки, которые нельзя было сдвинуть с места, так они были тяжелы, и другую утварь сообразно необходимости. Там же были слоны, верблюды, лошади и люди, за ними присматривающие, в потребном количестве[6]. А вся утварь была из золота и серебра и украшена драгоценными камнями. Два раза в год каан останавливался в этом прекрасном жилище. Всякий раз, когда солнце входило в созвездие Овна, когда мир радовался, а лицо земли, видя плач дождя, улыбалось глазами цветов, он целый месяц, подобно солнцу, предавался веселью в своем дворце, достойном Венеры; и как щедрость дождя испытывают на себе равно деревья и травы, так и в этих увеселениях принимали участие и великие, и малые, и нужда бежала прочь от собравшихся там людей. <…> А когда прелесть весны достигала своей вершины, а травы вырастали в полный рост, он отправлялся в другое место, построенное мусульманскими мастерами на зависть китаям, под названием Карши-Сури. Это был очень высокий замок, с разноцветными, украшенными драгоценными камнями вышивками и коврами. У входа стоял трон, вполне достойный этого места, а в зале для пиршеств были вазы из яшмы, и кувшины, украшенные жемчугами и другая подобная утварь. Здесь он обычно пировал сорок дней. И перед дворцом были водоемы (которые они называют *куль*), где водилось множество водоплавающей птицы. И он наблюдал за охотой на этих птиц, а после того предавался веселию пития и расстилал ковер щедрости, который никогда не убирали. И каждый день, пока он жил в этом месте, он непрестанно осыпал своею щедростью всех и вся; и пировал и веселился без устали. <…> И когда жизнь весны достигала зрелости, а ее дни шли на убыль, он возвращался в свою летнюю резиденцию. А поскольку его путь пролегал через парк и городской дворец, он жил там по несколько дней по заведенному им порядку, исполняя приказания Господа, а потом двигался дальше. И когда он уезжал оттуда, он отправлялся в малый дворец, который он построил на вершине холма в трех милях от города, через который он также проезжал, возвращаясь из своей зимней ставки. И оба раза он предавался веселью в том месте по четыре или пять недель, и из города приносили ему различные угощенья. А летом он отправлялся оттуда в горы, где для него ставился китайский шатер, стены которого были сделаны из деревянных решеток, а потолок — из расшитой золотом ткани, и весь он был покрыт белым войлоком. Это место называлось Шира-Орду. В тех местах холодные реки и много травы. Там он оставался до того времени, когда солнце входило в созвездие Девы и выпадал снег. И здесь поток его щедрости был обильнее, чем в других местах. И, уезжая отсюда, он прибывал в свою зимнюю резиденцию к кон-

[6] Переводчик не разобрался со смыслом предложения. На самом деле речь идет не о животных, а о чашах для питья в форме животных, как то: слона, тигра, лошади и других. Ср.: Рашид-ад-дин, 1960, с. 40.

цу осени, которая у них есть начало зимы. Там он веселился три месяца, и в течение этого времени его щедрость была несколько умереннее и не текла так привольно» [*Джувайни, с. 163–165*].

По мнению М. Г. Крамаровского, «из текста Джувайни следует, что уже во второй трети XIII в. домостроительные инновации, основанные на архитектурных традициях Дальнего и Ближнего Востока, адаптированных к потребностям ранних Чингизидов, входят в рутинную практику царствующего дома, серьезно потеснив степную линию. <…> На раннем этапе существования „Великого монгольского государства“, когда кочевнические традиции преобладали, официальная жизнь Чингизидов старшего поколения концентрировалась в основном в летних резиденциях, где проходили курултаи, интронизации, пиры, вершился суд, принимались послы, назначались войсковые чины, утверждались решения о проведении сезонных охот. Однако после смерти основателя государства в 1227 г. великие ханы на востоке все еще единой империи (формально до конца 1260-х гг.) правили уже из столичного Каракорума и в дальнейшем из таких городов, как Даду, построенного Хубилаем, или Шанду. Бату-хан первоначально обосновался в г. Болгаре, где в 40-е гг. XIII в. начался чекан первых джучидских монет» [*Крамаровский с. 568–570*].

На мой взгляд, картина, нарисованная Джувайни, со всей очевидностью показывает, что великий хан Угедей проводил значительную часть года в походных лагерях и охотничьих угодьях, и «центр власти» передвигался вместе с ним. Декоративный китайский дворец и усадьбы царевичей, возведенные по указу Угедея, во время отсутствия владельцев не несли никакой административной нагрузки. Постройка Каракорума не может быть аргументом для эволюционной теории, согласно которой монголы проделали путь от сезонных ставок к стационарным городам. Из того бесспорного обстоятельства, что Монгольская империя нуждалась в продуктах труда земледельцев и ремесленников, не следует, что для этого непременно нужна стационарная столица в степи. Напротив, такая столица сама нуждалась в непрерывном снабжении, что делало ее крайне уязвимой в условиях политической нестабильности.

По сведениям Рашид-ад-дина снабжение Каракорума выглядело так: «Из китайской страны до того города расположили ямы (от кит. *чжам* ‘почтовая станция’), помимо баян-ямов, и назвали [их] нарин-ямами. Через каждые пять фарсангов [находился] один ям. Вышло 37 ямов. На каждом перегоне для охраны тех ямов поставили по одной тысяче. Он (Угедей) установил такой порядок, чтобы ежедневно туда [в Каракорум] прибывали из областей пятьсот повозок, груженных съестными припасами и напитками; [чтобы их] складывали в амбары и оттуда брали для расхода. Для зерна и вина устроили [такие] большие повозки, что каждую везли восемь волов» [Рашид-ад-дин 1960, с. 41]. Каракорум располагался в 700 милях от земель уйгуров, 650 — от бывшего государства тангутов и 750–900 милях — от Северного Китая [*Хазанов с. 424–425*]. В исторической перспективе этот город был обречен.

Великий хан Мунке, подобно Угедею, кочевал дальними меридиональными маршрутами, назначив губернатора Каракорума. Только дважды в год он устраивал пиршества во дворце Вань-ань гун. По свидетельству Вильгельма де Рубрука, одно из этих событий было главным (его дата 7 июня 1254 г.). Праздник середины лунного года собирал знать со всей империи для возобновления системы власти и принятия совместных решений [*Юрченко 2013, с. 33–35*]. Пиры, с их жесткой иерархичностью мест, были ритуальным действием, которое закрепляло за каждым участником определенное место в системе власти. «В Каракоруме у Мангу имеется рядом с городскими стенами большой двор, обнесенный кирпичною стеною, как окружают у нас монашеские обители. Там помещается большой дворец, в котором хан устраивает попойку дважды в год: раз около Пасхи, когда он проезжает там, и раз летом, когда возвращается. И это последнее празднество более значительно, так как тогда ко двору его собираются все знатные лица, хотя бы они находились где-либо даже на расстоянии двух месяцев пути, и хан тогда дарит им платья и другие вещи и являет великую славу свою» [*Itinerarium, XXX.1*][7].

Было бы непростительной ошибкой, вслед за Вильгельмом де Рубруком и Джувайни, полагать, что монгольский хан только тем и занимался, что пировал и раздавал подарки. Ключевое слово в имперской системе власти — *курултай* (съезд знати). В календарном плане курултай был приурочен к двум праздникам, отмечавшим начало и середину лунного года. На праздниках обязаны были присутствовать царевичи, военачальники, князья, правители провинций. Скрытая мотивация подобного рода мероприятий: непосредственный, личный контакт верховного правителя со сво-

[7] Ipse Mangu habet apud Caracarum magnam curiam iuxta muros ville, clausam muro latericio, sicut clauduntur prioratus monachorum apud nos. Ibi est unum magnum palatium in quo tenet potationem suam bis in anno, semel circa pascha quando transit illac et semel in estate quando revertitur. Et hec ultima est maior, quia tunc conveniunt ad curiam suam omnes nobiles qui longe sunt itinere duorum mensium alicudi; et tunc largitur eis vestes et inunera et ostendit magnam gloriam suam. Sunt ibi multe alie domus longe sicut grangie, in quibus reconduntur cibaria sua et thesauri sui (Itinerarium, XXX.1).

ими военачальниками и наместниками из отдаленных областей для подтверждения последними лояльности центральной власти.

О декларируемых целях великого курултая 1235 г., организованного Угедеем, известно следующее: «В этом году, [году] барана, он захотел собрать еще раз всех сыновей, родственников и эмиров и заставить их вновь выслушать ясу и постановления. Все явились согласно приказу. Всех он отличил разного рода пожалованиями и милостями. [Целый] месяц беспрерывно родственники в согласии пировали с раннего утра до звезды, и, по принятому обычаю, все богатство, которое было собрано в казнохранилищах, он [каан] раздарил собравшимся. Когда закончили пиры и развлечения, он обратился к устроению важных дел государства и войска» [Рашид-ад-дин 1960, с. 35].

Что следует понимать под щедростью хана, показывает следующий пример. Ильхан Газан (1295–1304) во время курултая в Уджане лично раздавал деньги, халаты и пояса в первую очередь тем, кто свершил славные дела и проявил похвальное усердие, то есть оказался полезен правящему дому. «Затем он отдавал предпочтение тем людям, которые имели степень родства [с ним] по отцу, а потом давал эмирам тысяч правой и левой руки согласно тому, как было принято и установлено. Он еще раньше приказал, чтобы разного рода одежды в порядке разложили по сортам и по назначению, чтобы вытащили и [расставили] отдельно разного рода мешки с золотыми и серебряными деньгами и надписали, какое в них количество и чьи они, сообразно их [жалуемых лиц] способностям и заслугам. Он вызывал по одному и приказывал [каждому] принимать свою долю тут же в его присутствии. Таким порядком он распределял добро десять-одиннадцать дней. Он роздал триста туманов наличными деньгами, двадцать тысяч штук одежд, пятьдесят штук поясов, украшенных драгоценными камнями, триста штук золотых поясов и сто штук балышей червонного золота» [Рашид-ад-дин, 1946, с. 216]. Механизм раздач преследовал единственную цель: перераспределить богатства внутри властного сообщества.

В пределах Каракорума Мунке по образцу киданьских городов-башен возвел в 1256 г. высокую пятиярусную пагоду Синъ-юань-гэ. В сборнике «Сюй-ю-жэнь» (1341 г.) имеются следующие сведения о деятельности Мунке: «Постройка дворцов и кумирен была только начата при Огодае и продолжена Сянь-цзуном (Мунке), которым в 1256 году построена была громадная пагода с пятиэтажным теремом над ней, высотою в 300 чи, в нижнем этаже которого с четырех сторон было по комнате, в 7 звеньев каждая, вокруг которых были расположены изображения будд в порядке, указанном в священных книгах» [*Мэн-гу-ю-му-цзи, с. 382*]. Китайские авторы обращают внимание на градостроительную деятельность монгольского хана, поскольку в культурном плане такая деятельность сближала хана с китайским императором, тогда как независимый наблюдатель, францисканец Вильгельм де Рубрук, отметил кочевой характер центра власти.

В тот год, когда Джувайни завершил свое сочинение, звезда Каракорума закатилась. Стационарная столица кочевой империи на поверку оказалась химерой. Исследователи ищут и находят тому резонные объяснения. По мнению китаиста М. Россаби, «чтобы построить и содержать новый город, требовалось подвозить огромные количества припасов, так как, будучи искусственной столицей, он не мог прокормить своих жителей собственными ресурсами. Каракорум располагался вдали от торговых путей и источников сырья, на окраине сельскохозяйственной области» [*Россаби, с. 33*].

Этот имперский город нуждался в поставках продовольствия извне. После гибели великого хана Мунке во время военной кампании в Китае в 1259 г., оба его брата, Хубилай и Ариг-Буга, объявили себя великими ханами. Стоило Хубилаю разбить Ариг-Бугу и отрезать Каракорум от источников снабжения, как в этой области разразился великий мор и голод [*Барфилд, с. 334*].

С позиции монгольской имперской военной машины Каракорум был мнимой ценностью. Никто из соперников за трон не сражался за этот город. В войне между Чингизидами обитатели Каракорума оказались бесполезным ресурсом. «Имамы, бахши и христиане доложили [жалобу Ариг-Буке]: „Как нам оказать [содействие], когда повинность тяжка?“. Он сказал: „Какое войско разбили эти три разряда [людей] и какая от их [помощи] польза? Пусть они остаются здесь и помогают нам [только] молитвой, а если прибудет каан, то пусть поспешат к нему!“ — и отправился воевать с Алгу. Вскоре после его ухода к Каракоруму подошел каан с большим войском и обложил город. [Из города] вышло по нескольку человек от каждой религиозной общины; они доложили [каану] об образе действий Ариг-Буки. Он обласкал их и в соответствии с указами Чингис-хана и Менгу-каана сделал тарханами на прежних основаниях» [*Рашид-ад-дин 1960, с. 164*]. Стоило центру власти переместиться, и Каракорум потерял всякое значение.

Насколько верно утверждение, что Хубилай правил из своей столицы Шанду?

За четыре года до междоусобной войны, в 1256 г. Хубилай решил обзавестись собственной резиденцией поближе к Китаю и поручил своему советнику Лю Бин-чжуну (1216–1274) найти, исходя из принципов китайской геомантии, благоприятное место, разработать план го-

рода и выстроить его, что и было сделано. Новый город, названный Кайпином 開平 (позже нередко упоминается под названием Шанду 上都, Верхняя столица), был построен в степях в 350 км к северу от совр. Пекина, неподалеку от озера Долон-нор (местность Зуннайман-сумэ в 35 км к северо-западу от совр. г. Долунь на юго-востоке Внутренней Монголии); в 1260 г. именно здесь Хубилай был провозглашен великим ханом [*Дмитриев 2009, с. 89–90*].

Кайпин был построен по образу и подобию древних китайских столиц. Если не брать в расчет обширные охотничьи угодья — дань монгольской традиции, планировка города отражает китайское влияние. Город был разделен на три части. Внешний город представлял собой квадрат, обнесенный земляным валом от 12 до 18 футов в высоту. Каждая сторона имела 4500 футов в длину, а войти в эту часть города можно было через шесть ворот: по двое ворот на западной и восточной сторонах, и одни ворота на южной и северной. Со всех четырех сторон земляные стены охраняли сторожевые башни.

Вторая часть Кайпина представляла собой Внутренний Город, в котором находились резиденции Хубилая и членов его свиты. Подобно Внешнему Городу, в основу его планировки был положен квадрат, хотя в действительности стороны его были неравны. С востока на запад его протяженность составляла 1836 футов, а с севера на юг — 2016 футов. Весь Внутренний Город был обнесен кирпичной стеной от 10 до 16 футов в высоту, а с каждой стороны было сооружено по четыре сторожевых башни. На искусственной земляной платформе высился императорский дворец, по-китайски называвшийся Да-ань-гэ («Павильон Великой Гармонии»), имевший около 500 футов в длину с запада на восток и 50 футов с севера на юг [*Россаби, с. 63–65*]. Скорее всего, именно на этой платформе стоял великолепный мраморный дворец, о котором рассказывает Марко Поло: «Залы и покои золоченые; чудесные и прекрасно вызолочены» [*Марко Поло, с. 96*].

Главной особенностью, отличавшей устройство Кайпина от типичной планировки китайской столицы, были охотничьи угодья, занимавшие третью часть города, хотя некоторые китайские династии и разбивали небольшие парки для охоты. В этих угодьях, расположенных к западу и к северу от Внешнего Города, были и луга, и леса, и реки. Парк был также окружен земляной стеной и рвом, а войти в него можно было через четыре пары ворот с разных сторон. Для развлечения Хубилая здесь содержались разные виды прирученных животных, главным образом олени. Еще одной охотничьей забавой, которой он предавался на этих просторах, была соколиная охота. По словам Марко Поло, там возвели особый дворец. «В той равнине, за стеной, великий хан, знайте, выстроил большой дворец из бамбука; внутри он вызолочен и расписан зверями и птицами тонкой работы. Крыша тоже из бамбука, да такая крепкая и плотная, никакой дождь ее не попортит. Строился дворец из бамбука вот как: бамбуки эти, знайте по правде, толщиною в три пяди, а в длину от десяти до пятнадцати шагов. Разрезают их по узлам, а как разрежут, куски такие толстые и большие — и крышу крыть, и на все поделки они годятся. Дворец тот, как я выше говорил, весь бамбуковый; великий хан построил его так, чтобы можно его по желанию переносить; более двухсот шелковых веревок поддерживали его. Великий хан живет здесь три месяца: июнь, июль и август; живет он тут в это время потому, что здесь не жарко, а очень приятно; в эти месяцы бамбуковый дворец великого хана собран, а в остальные он разобран. Построен он так, что можно по желанию и разобрать, и собрать» [*Марко Поло, с. 96*]. Мы помним, что в летней резиденции Угедея тоже был разбит шатер.

В Монгольской империи столица «перемещалась» вслед за правителем. У великого хана Хубилая, правившего Китаем, было три резиденции: зиму он проводил в Ханбалыке, *кит*. Чжунду (Срединная Столица), весной двор перемещался к Южному морю, занимаясь охотой на птиц, а лето великий хан проводил в Шанду (Верхняя столица), на границе китайских возделанных земель и монгольских пастбищ. Передвижения двора определялись практикой перекочевок и хронологией государственных праздников. Наличие дворцов не следует путать со стремлением к оседлому образу жизни. Как отметил В. В. Бартольд по другому случаю, постройка дворца чагатайским ханом Кебеком (1318–1326) не означала отказа от кочевой жизни [*Бартольд 1968, с. 162*].

В Китае властная кочевая аристократия сохраняла свой образ жизни в условиях урбанизированного ландшафта. Сезонные передвижения двора были сродни военным операциям на вражеской территории. Вот свидетельство францисканца Одорика де Порденоне, который провел при дворе юаньского императора Исун-Тэмура (1324–1328), современника хана Узбека, три года: «Господин летом проживает в области, именуемой Шанду, которая находится в горах и является самым холодным местом в мире. А на зиму он остается в Ханбалыке, и когда возжелает переехать верхом из одной области в другую, то делает это следующим образом: четыре конных войска он берет с собой; одно войско в течение первого дня выдвигается вперед, второе же на другой день следует за великим ханом, тем же образом следуют третье и четвертое, так что сам он всегда следует в центре креста. Когда они движутся таким образом, каждое из войск имеет предписания. При этом

в пути, они находят все необходимое для пропитания. Свита, которая сопровождает его, передвигается следующим образом. Сам царь передвигается на двухколесной повозке, на которой установлен красивейший шатер, сделанный целиком из дерева алоэ и золота, снаружи украшенный большими и красивыми жемчужинами и многочисленными драгоценными камнями. И эту колесницу везут четыре украшенных слона, запряженных парами; в нее также впряжены четыре красивейших коня в великолепной сбруе. И рядом с повозкой следуют четыре барона, которых именуют çuche; они охраняют повозку и смотрят за тем, чтобы никто не нанес обиды царю (*Одорик де Порденоне*. XXVI. 9–10) [*Юрченко 2007, с. 191*].

Китайское влияние сказалось в использовании колесницы, влекомой четырьмя слонами: практичность была принесена в жертву в угоду торжественности. Монгольский хан пересел с коня на колесницу.

3. Кочевые ставки в Улусе Джучи

Карта кочевок в Улусе Джучи, в том числе и орды Бату, изложена в книге Иоанна де Плано Карпини со слов осведомленных людей, и потому является достоверной [*Ракушин, с. 61–170*]. В половецких степях монголы кочевали вдоль четырех рек: Днепра, Дона, Волги и Яика. В частности, орда Бату кочевала вдоль Волги, спускаясь зимой к морю, а летом двигаясь на север[8].

А вот взгляд на орду Бату с близкого расстояния (из наблюдений Вильгельма де Рубрука): «Когда я увидел двор[9] Баату, то содрогнулся, потому что его собственные дома[10] выглядели, как некий большой город, вытянутый в длину и окруженный со всех сторон людьми на целых три или четыре левки[11]. И так же, как народ Израиля знал, в какую сторону от шатра[12] должен был каждый ставить палатки[13], они знают, в какую сторону от двора они должны становиться, когда устанавливают дома. Поэтому они называют на своем языке двор [словом] *орда*, что означает середину, так как [хозяин двора] всегда находится в середине, [окруженный] своими людьми, за тем исключением, что точно на юг [от шатра] никто не становится, так как в эту сторону открыты ворота двора. Но направо и налево растягиваются настолько, насколько хотят, в соответствии с требованиями местности, только бы не расположиться точно перед двором или с противоположной стороны двора» [*Itinerarium, XIX. 4*]. Библейский текст, на который ссылается Вильгельм, — это Чис. 1. 50–54; 2. 1–31. Не случайно, поэтому, употребление здесь библейской лексики — *tabernaculum* и *tentoria* (в русском синодальном переводе Библии: *скиния* и *стан*).

Первая фраза процитированного пассажа не сразу понятна; казалось бы городом должна была выглядеть вся ставка в целом, а не только «собственные дома» Бату. Разъяснение вносится другой цитатой из отчета Вильгельма де Рубрука: «У Баату двадцать шесть жен, у каждой из которых один большой дом, не считая других, маленьких [домов], которые ставят сзади больших; они представляют собой как бы комнаты[14], в которых живут рабыни; причем к каждому из этих домов могут прилегать и двести парных повозок. А когда они устанавливают дома, первая жена устанавливает свой двор первым с запада, а затем другие согласно их положению, так что последняя жена будет находиться на восточном конце, а расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться броску камня. Поэтому двор одного богатого моала будет выглядеть как некий большой город, [и] однако в нем будет чрезвычайно мало мужчин» [*Itinerarium, II. 4*]. Слово *curia* ‘двор’ у Вильгельма соответствует монгольскому *ordu*. Что касается ошибочного перевода Вильгельмом монгольского слова *orda* как «середина», то П. Пелльо предполагает, что наш автор перепутал монг. *ordu* ‘palais, campement central’ и тюрк. *urta* или *orta* ‘середина’, что, по его мнению, является дополнительным доказательством тюркского языкового окружения Вильгельма [*Pelliot, c. 106*].

---

[8] Ivimus autem per totam terram Comanorum, que tota est plana, et habet quatuor flumina magna: primum Neper appellatur, iuxta quod ex parte Ruscie ambulabat Corenza, et ex parte altera, per illa campestria, Mouci, qui maior est quam Corenza; secundum Don, super quod ambulat quidam princeps, qui habet sororem Bati in uxorem, qui Carbon appellatur; tertium Volga, istud flumen est valde magnum, super quod vadit Bati; quartum Iaec appellatur, super quod millenarii duo, unus ex una parte fluminis et alter ex altera parte, vadunt. Omnes isti in hyeme ad mare descendunt, et in estate super ripam eorumdem fluminum ascendunt ad montes [Liber Tartarorum, IX.13].

[9] двор — *curia.*

[10] дома — *domus.*

[11] Примерно 11,5–15,5 км.

[12] шатер — *tabernaculum.*

[13] палатки —— *tentoria.*

[14] комнаты — *camere.*

Круг как кочевое поселение и как способ построения войска, кроме монголов, отмечен у многих кочевников евразийских степей.

И для армянского историка Киракоса Гандзакеци кочевой образ жизни правителя Улуса Джучи не был секретом: «Великий военачальник Батый, находившийся на севере, обосновался на жительство на берегу Каспийского моря и великой реки Атль (Итиль), равной которой не найдется на земле, ибо из-за равнинной местности она растекается, подобно морю. Там в великой и обширной долине Кипчакской и расположился он вместе с огромным, неисчислимым войском, ибо обитали они в шатрах, а когда снимались с места, шатры перевозили на повозках, впрягая в повозки множество волов и лошадей» [*Киракос Гандзакеци, гл. 55*].

С какой целью я обратился к этим известным сюжетам? С целью подтвердить свой главный тезис: правитель Улуса Джучи всегда находился в своей кочевой ставке. Сколь либо длительное пребывание Бату вне орды, скажем, в городе Сарай на Волге или в Болгаре, было бы равносильно отказу от власти. В свете вышеизложенных исторических свидетельств, тезис М. Г. Крамаровского о том, что Бату обосновался в г. Болгаре [*Крамаровский, с. 570*], не выдерживает критики. Ни при каких условиях Бату не мог покинуть орду, войско, гвардию, жен, разве что лишившись всего этого в результате беспощадной войны. В кочевом государстве быть ханом означает быть во главе орды, но не вне орды. Хан был военным лидером и не мог делегировать свои военные функции третьим лицами [*Флетчер, с. 224*]. Для удержания власти над ордой ему необходим был непосредственный контакт со своим окружением с опорой на гвардию, при этом кочевая орда обеспечивала жизненными ресурсами своего лидера. Хан и орда — это одно целое. Рассматривать их как несвязанные друг с другом элементы, просто не понимать суть проблемы. Современники отдавали себе отчет, что кочевание — это образ жизни. Персидский историк и географ Хамдаллах Мустауфи ал-Казвини (1281–1349), автор всемирной истории («Та'рих-и гузиде», 1330), отметил: «У монголов нет обычая обитать в городах, и это противно Ясаку (т. е. Ясе) Чингис-хана» [*Бартольд 1963, с. 538*].

4. Нужны ли кочевой элите города?

Монгольская империя есть результат компромисса между кочевой аристократией и гражданскими администраторами [*Ди Космо, с. 214–216*]. Рядом с фигурой великого хана Угедея мы видим киданя Елюй Чу-цая и перса Махмуда Ялавача; рядом с великим ханом Гуюком — двух несториан, Кадака и Чинкая, ведавших ханской канцелярией; рядом с великим ханом Мунке — старшего секретаря двора Булгая, при Бату — Елдыгая, рядом с ильханом Газаном — его знаменитого вазира, персидского еврея Рашид-ад-дина. Все что связано с гражданским управлением было в руках администраторов. Монгольской аристократии незачем было менять стереотип кочевнического хозяйствования в пользу оседлого образа жизни. Большая Орда[15] существовала параллельно городской культуре.

В таком случае, какую роль в политической жизни степной империи играли города? Те города, что оказались вблизи сезонных резиденций ханского двора или специально были построены там, в первую очередь, обслуживали проведение курултаев и имперских праздников, главным из которых был праздник середины лунного года. Таково было назначение Каракорума в правление великого хана Мунке, и Болгара и Сарая в правление Берке. Так я интерпретирую сообщение Марко Поло о торговой поездке в 1260 г. венецианских купцов Никколо и Маффео Поло из Константинополя в Судак и далее во владения Берке: «Вышли из города и пустились в путь; по дороге с ними ничего не случилось; так-то они и прибыли к Барка-хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае. С большим почетом принял Барка Николая с Матвеем; обрадовался он их приходу; а братья все драгоценности, что принесли с собой, отдали ему; а тот взял их с охотою; очень они ему понравились. Приказал Барка вдвое заплатить за драгоценности; давал он им и другие большие и богатые подарки» [*Марко Поло, с. 45*]. Купцам в Константинополе было известно, что в кочевой ставке пользуются спросом предметы престижа. Купцы направлялись в один из городов на Волге, где сосредотачивались товары для монгольского двора. В данном случае, Болгар и Сарай были городами-складами, а реплика Марко Поло о том, что Берке живет в этих городах — метафора. По свидетельству египетских послов, направлявшихся ко двору Берке в 1264 г., они обнаружили его не в городе, а в кочевой орде на берегу Волги. И принимал он их не во дворце, а в шатре, вместившем сто человек [*Сборник материалов, с. 75*].

Кочевой образ жизни вели все золотоордынские правители, вплоть до хана Узбека, чьи сезонные передвижения отмечены в исторических источниках. Счесть ли утверждение о том, что Бату был обитателем Болгара, опиской М. Г. Крамаровского? Для ответа обратимся к авторскому

[15] Обозначение «Большая Орда» и «Главная Орда» используется Рашид-ад-дином в письмах [Рашид-ад-дин, 1971, № 5, 8, 26, 28, 30, 33, 53].

концепту: «Для золотоордынской культуры характерно сочетание двух хозяйственных типов — кочевнического (степного) и оседлого (сельского и городского). С возникновением в 50-х гг. XIII в. первой общегосударственной столицы — Сарая кочевническая (она же воинская) элита поселяется в городах, тем более что в это время начался процесс восстановления разоренных войной „старых“ городов. Спустя столетие эта тенденция в сочетании со строительством новых городов привела к созданию более или менее сбалансированной системы под контролем кочевнических верхов, которую можно обозначить как союз степи и городов» [*Крамаровский, с. 575*]. Далее, со ссылкой на исследование В. Л. Егорова, говорится о 110 населенных пунктах городского типа на археологической карте Золотой Орды. На деле, сотня городов Золотой Орды — мнимая величина, что блестяще показано в статье В. Г. Блохина [*Блохин, с. 164–170*].

Бесспорный тезис М. Г. Крамаровского о сочетании двух хозяйственных типов — кочевнического и оседлого, соседствует с ложным, на мой взгляд, тезисом о поселении воинской элиты в городах. Какая сила в такой короткий срок могла изменить культурный стереотип поведения нойонов и царевичей? И второй вопрос: что мотивировало Джучидов «к масштабному городскому строительству», если мы не видим такого стремления у Чингизидов, правивших в Китае и Иране?

Установление монгольского контроля над Ираном и Средней Азией не принесло ни мира, ни благополучия покоренным провинциям. Напротив, наступил упадок. Говорить о «союзе степи и городов» оснований нет. Прислушаемся к словам вазира Рашид-ад-дина, отвечавшего за гражданское управление в Иране при ильхане Газане.

«Во время завоевания владений [население] больших многолюдных городов и обширных областей до того подвергали избиению, что редко кто-либо оставался [в живых], подобно тому как было в Балхе, Шабургане, Таликане, Мерве, Серахсе, Герате, Туркестане, Рее, Хамадане, Куме, Исфахане, Мераге, Ардебиле, Берда, Гяндже, Багдаде, Мавсиле, Ирбиле и большей части областей, принадлежащих этим городам. В некоторых областях, вследствие того, что они были окраинами и по ним часто проходили войска, жители совершенно были перебиты или разбежались, и земли остались лежать втуне, вроде областей Уйгурии и прочих областей, ставших рубежом между кааном и Кайду, некоторых областей между Дербентом и Ширваном и части Абулустана, как Харран, Руха, Сарудж, Ракка и множество городов по эту и по ту сторону Евфрата, которые все разорены и брошены. А то, что пришло в запустение вследствие резни в других областях, вроде опустошенных земель Багдада и Азербайджана или разрушенных городов и деревень Туркестана, Иранской земли и Рума, которых люди воочию видят, это больше того, чему можно было бы указать границы. В общем, если произвести относительное сравнение, то окажется, что только одна десятая часть владений находится в цветущем состоянии, а все остальное в запустении. В последние времена никто совершенно и не желал привести его в благоустроенный вид. Если же изредка из любви к этому и начинали возводить здания в некоторых местах, подобно тому как Хулагу-хан, Абага-хан, Аргун-хан и Гейхату хотели выстроить несколько дворцов в Аладагу[16], Урмии, Сугурлуке, Седжасе, Хучане, Зенджане и Сарай-Мансурийе в Арране, привести в цветущий вид земли, или построить какой-нибудь базар или город и его заселить, или провести оросительный проток, то из-за этого множество областей разорялось еще пуще, расходовались несметные средства и принудительно сгоняли множество ра'иятов из других областей на трудовую повинность. Но ни одно из мест не стало благоустроенным и [стройки] не доведены до конца, как мы сами воочию видим. Ясно, что если бы даже эти стройки были закончены, какое они составили бы [незначительное] количество, в сравнении с опустошенностью областей» [*Рашид-ад-дин 1946, с. 308–309*].

Возведение дворцов в сезонных резиденциях ильханов Рашид-ад-дин не относит к благотворной градостроительной деятельности. Видимо, в этом же ключе стоит оценивать и дворцы хана Узбека, и так называемые знатные усадьбы, исследованные археологами на Селитренном городище. Аналитический обзор Рашид-ад-дина ставит под сомнение, по крайней мере, для Ирана, жизненность тезиса о сочетании двух хозяйственных типов — кочевнического и оседлого. Кочевая аристократия в Иране была самой деструктивной силой.

В отличие от В. Г. Блохина, показавшего отсутствие надежных археологических критериев для создания типологии поселений на территории Золотой Орды, меня занимают концептуальные построения сторонников тотальной урбанизации степи, изложенные в частности, М. Г. Крамаровским: «Система городов и поселений в Дашт-и Кыпчаке была создана ханским домом искусственно, без опоры на традицию. В условиях превалирования кочевого уклада основной массы тюркского населения эти новые и обновленные „старые“ города, как мы уже отмечали, были призваны

[16] В Аладаге (область Гарни, севернее озера Ван) летняя ставка ильхана Хулагу получила монгольское название Лабнасагут («Обитель лам»); в 1261–1265 гг. здесь возвели буддийский храм и монастырь [см.: Рашид-ад-дин, 1946, с. 49].

обеспечить нужды правящей династии. Но только в той мере, в какой ханской ставке удавалось сдерживать сопротивление степной аристократии» [*Крамаровский, с. 574*].

Во-первых, тезис о сопротивлении кочевой аристократии политике урбанизации противоречит другому авторскому тезису о том, что воинская элита поселялась в городах. Во-вторых, нет ни одного исторического примера, свидетельствующего о конфликте между ханской ставкой и кочевой аристократией по вопросу о новых городах. Хан и его нойоны были носителями одной и той же «кочевой» ментальности, что исключало конфликты в сфере жизненных ценностей. Потенциальный конфликт мог разделять кочевую аристократию и гражданских чиновников, стоявших за существование городов. Чиновники и отвечали за города, «призванные обеспечить нужды правящей династии». В частности, как я полагаю, одним из таких городов во времена хана Узбека был Маджар.

Для создания бесспорной теории градостроительства в Золотой Орде не хватает исторических сведений о том, какие социальные группы создавали города в степи. Исключением, которое подчеркивает правило, являются генуэзские и венецианские торговые фактории на территории Золотой Орды. Что же касается других городов, то мы даже не знаем, кто инициировал строительство Сарая на Волге при Бату. В таком случае, следует вернуться к вопросу о роли старой гражданской бюрократии, перешедшей на сторону монголов-победителей (см. ч. 1). Она была резервом, где монгольская знать находила кадры опытных администраторов, сборщиков налогов, откупщиков. При отсутствии письменных свидетельств, ответ могут дать результаты широкого антропологического исследования материалов могильника Красноярского городища [*Перерва и др*.] (существует предположение, что именно здесь, в дельте Волги, располагалась первая стационарная столица Улуса Джучи).

Кочевая аристократия сохраняла привычный образ жизни, памятуя, что Поднебесную, она получила «сидя на коне». Так, весной 1269 г. на берегу Таласа состоялся курултай, на котором монгольские царевичи решили прекратить распри и «справедливо поделить летние и зимние стойбища» Мавераннахра. Договор был скреплен клятвой, которая в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина обозначена термином *зар хўрданд*, т. е. поклялись на золоте. «По обряду и обычаю своему они скушали золота и условились, что впредь будут селиться в горах и степях и не будут бродить вокруг городов, не будут выгонять животных на нивы и предъявлять раʻиятам несправедливые требования» [*Рашид-ад-дин 1946, с. 71*]. Управление же оседлым населением по-прежнему было возложено на Масʻуд-бека, сына Махмуда Ялавача [*Бартольд 1963, с. 583*]. Об управлении улусами из городов не могло быть и речи. «Судя по словам Рашид-ад-дина, Масʻуд-бек заведовал делами всего оседлого населения Средней Азии, от Уйгурии до Хорезма, следовательно, не только мусульманскими странами; известие Юань-ши показывает, что Масʻуд-бек действительно, по крайней мере при Мунке, управлял Уйгурией. Джувайни особенно прославляет постройки, воздвигнутые при Масʻуд-беке в Бухаре, именно медресе Ханийе, построенное на средства царицы Сиюркуктени-бики (вдовы Тулуя), и медресе Масʻудийе, постройку Масʻуд-бека» [*Бартольд 1963, с. 549*]. В лице Масʻуд-бека мы видим фигуру администратора, отвечавшего за благосостояние городов.

По мнению Л. В. Строевой, «практического результата решения курултая не имели. <…> Значительный приток в Семиречье кочевников, а также полное пренебрежение монгольской кочевой знати интересами местного оседлого населения привели к тому, что к середине XIV в. вся территория Семиречья была обращена в пастбища» [*Строева, с. 208*]. То, что удалось предотвратить в Северном Китае, случилось в Семиречье. Арабский историк Ибн Фадлаллах ал-ʻУмари (1301–1348) писал со слов человека, побывавшего в этих местах: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием» [*Бартольд 1968, с. 161*].

Быт монгольской аристократии был связан с перекочевками ханских и улусных резиденций — орд. В Средней Азии в XIV в. сохранять верность кочевому образу жизни было для каждого султана или эмира делом обязательным. Сын Казагана, Абдулла, улусный правитель Мавераннахра из тюрко-монгольских эмиров, получив власть в 1358 г. после гибели отца, своим желанием постоянно жить в Самарканде вызвал недовольство кочевой части населения и был низложен эмирами главных племен Мавераннахра. Внук Казагана, эмир Хусейн, повторил судьбу отца, сделав резиденцией Балх, не послушав совета Тимура. Только Тимуру удалось сделать своей столицей город Самарканд и остаться у власти [*Бартольд 1968, с. 173–174*].

5. Политическая география Золотой Орды в восприятии чужестранцев

Нынешние исследователи обычно не учитывают типологию городов, предложенную средневековыми географами. В функциональном плане на территории Улуса Джучи были разные города (всего их насчитывали двенадцать). С позиции сирийского историка и географа Абу-л-Фиды (1273–1331) Булгар был мусульманским городом, Солхат обозначен как главный город Крыма, небольшой городок ал-Карш (Керчь) населяли «неверные кипчаки», жители морского порта Судак принадлежали к разным народам и вероисповеданиям, но господствующее положение занимали христиане, а новый город, Сарай на Волге, служил местопребыванием хана.

«Город Булар, который по-арабски называется Булгар, — это поселение у северных пределов обитаемой земли. Он расположен близ берега [реки] Атил, с северо-восточной стороны. Булар и Сарай находятся на одном берегу [реки], и между ними более 20 переходов. Булар лежит на равнине, на расстоянии по крайней мере в один день пути от горы. В городе есть три бани. Жители города исповедуют ислам ханифитского толка». В описании Сарая религиозная составляющая уступает место другим характеристикам: «Это великий город в государстве ат-татар, являющийся резиденцией повелителя северных стран. Того, кто правит в настоящее время, зовут Узбек. Город расположен на равнине, к северо-западу от моря ал-Хазар[17], на расстоянии около двух дней пути [от него]; море ал-Хазар лежит к юго-востоку от города. Рядом с городом протекает река ал-Асил[18], приходящая с северо-запада и текущая на юго-восток до впадения в море ал-Хазар. Город Сарай стоит на берегу реки ал-Асил, на северо-восточной стороне [реки]. Это огромный торговый порт, где ведется торговля тюркскими рабами. Это новый город по своему происхождению: его основание связывают с одним из потомков Джинкиз-хана, называемым Сала-Бату» [*Коновалова 2009, с. 124–125*].

Упоминает Абу-л-Фида и город Маджар: «Куммаджар — это город в государстве татар Берке. Он расположен на полпути между „Железными воротами“ (Дербент) и ал-Азаком, к востоку от ал-Азака и к западу от „Железных ворот“, с небольшим отклонением от них к югу. Поблизости от этого города находится страна ал-Лакзи (горцы Дагестана). Эта народность живет на горе, отделяющей северных татар — я имею в виду татар Берке — от южных, то есть татар Хулаву. Их главный город называется Лакз» [*Коновалова 2009, с. 115*].

Статус двух городов — Сарая и Маджара — следует уточнить, поскольку из поля зрения Абу-л-Фиды выпало то обстоятельство, что ежегодно двор хана Узбека совершал регулярные перекочевки, что предполагало существование сезонных столиц. Сарай на Волге — не единственная резиденция хана.

В картине мира западных картографов столичные города были незыблемыми символами. На венецианской морской карте 1367 г. братьев Франциска и Доминика Пицигани изображена столица Улуса Джучи с пояснительной надписью: «В городе Сарай находится император Узбек; его империя огромна, и она простирается от провинции Болгария, от города Вичина[19] до города Органджи (Ургенча)» [*Фоменко, с. 133*].

На Каталонском атласе 1375 г. хан Джанибек (1341–1357) изображен на левобережье Волги, между городами Сарай и Адитархан (Хаджитархан / Астрахань), держа в правой руке скипетр, а в левой — державу; рядом присутствует легенда, в которой указаны границы Золотой Орды: Açí està l'emperador de aquesta regió septentrional, del qual lo imperi comença en la província de Burgària e feneix en la ciutat de Organcio. Lo senyor és appellat Jambech, senyor del Sarra — 'Вот император северной области. Империя этого правителя начинается в провинции Бургария (Болгария) и простирается до города Органцио (Ургенч). Правитель именуется Джанибек, и он является властителем Сарая' [*Freiesleben, c. 31*].

Марокканец Ибн Баттута (1304–1369) проехал большую часть этой территории и был удостоен приема ханом Узбеком. Впечатления путешественника таковы: «Этот султан — [обладатель] огромного царства, силен могуществом, велик саном, высок достоинством, сокрушитель врагов Аллаха, жителей Константинополя Великого, [усердный] борец за веру в войне с ними. Владения его обширны, и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Хорезм и столица его (султана) Сарай. Он один из тех семи царей, которые величайшие и могущественнейшие цари мира» [*Сборник материалов, с. 217*].

Мусульманского путешественника, как и венецианских картографов, влечет столица кочевой империи; город для них — символ цивилизации, неопровержимое свидетельство освоенного культурой пространства. Большой Орде они не придают особого значения, тогда как Орда была

[17] *Море ал-Хазар* — одно из названий Каспийского моря в арабо-персидской литературе, прим. переводчика.

[18] *Река ал-Асил* — Волга.

[19] Город Вичина, гавань в нижнем течении Дуная.

сосредоточением всех политических и административных функций. С позиции кочевой аристократии, стационарная столица не имела особого значения в геополитическом раскладе. Центр кочевой империи находился там, где находился правитель и его двор. На практике это выглядело так. Ярлык хана Узбека венецианским купцам Азова, выданный 9 сентября 1332 г., был подписан в орде, а не в столице. Заключительная статья ярлыка гласит: Dedimus baisa et priuilegium cum bullis rubeis in anno simie octaue lune, die quarto exeunte, justa fluuium Coban, apud ripamrubeam existentes, scripsimus — 'Дали байсу и привилегию с красной печатью; в год обезьяны восьмого месяца в четвертый [день] убывающей [Луны], у реки Кобан на Красном берегу, когда [мы] находились, написали' [*Григорьев А. П., Григорьев В. П., с. 24*]. Переводчики уточняют место выдачи ярлыка: «Если предположить, что река Кобан латинского перевода ярлыка — это Кубань, то Красный берег у нее находился где-то в районе старого устья Кубани, некогда впадавшей основным руслом в Кызылташский лиман Черного моря» [*Григорьев А. П., Григорьев В. П., с. 26*]. Вспомним, что 6 сентября 1318 г. тверской князь Михаил Ярославич нашел орду Узбека «оу моря Сурожьскаго, идеже вътече Дон река», т. е. под Азовом [*Рогожский летописец, стб. 38*].

Современник хана Узбека, Ибн Фадлаллах ал-'Умари (1301–1349), египетский чиновник и ученый, государственный секретарь при султане ан-Насире, в своей обширной энциклопедии несколько строк уделил описанию дворца монгольского хана: «Рассказывал мне доблестнейший Шуджа' ад-дин 'Абд ар-Рахман ал-Хваразми, толмач, что город Сарай построен Берке-ханом на берегу Туранской реки [Итиля]. Он [лежит] на солончаковой земле, без всяких стен. Место пребывания царя там — большой дворец, на верхушке которого [находится] золотое новолуние, [весом] в два кантара египетских. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения» [*Сборник материалов, с. 179*].

Благодаря осведомленному собеседнику ал-'Умари, мы узнаем, что Сарай на Волге был зимней резиденцией хана Узбека. Где в таком случае искать летнюю резиденцию? Летом Большая Орда хана Узбека находилась на Северном Кавказе. Следует предположить, что город Маджар в зоне летних кочевок хана Узбека возник и функционировал с единственной целью: этот город был призван обслуживать кочевую орду. По аналогии с сезонными резиденциями великого хана Угедея, Маджар был летней столицей хана Узбека. Решающее доказательство заключается в том, что Маджар был вписан в календарь имперских праздников. Мы помним, что в кочевой империи центр власти мобилен, а главный механизм в управлении — это курултай.

6. Маджар

Подобно тому как Каракорум был функциональным приложением к кочевой орде Угедея и обеспечивал проведение курултаев, так и Маджар обеспечивал проведение летних курултаев времени правления хана Узбека.

По свидетельству Ибн Баттуты, в начале мая 1334 г. ставка Узбека располагалась в четырех днях пути от Маджара в местности Бишдаг на Северном Кавказе. Вскоре ханская орда перекочевала в окрестности Маджара. По словам Ибн Баттуты, орда напоминала «большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху: она варят [пищу] во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся» [*Сборник материалов, с. 216–217*]. Ханские жены, каждая из них со своими людьми, располагались отдельно. Дочь Узбека жила в отдельной ставке, на расстоянии около шести миль от ставки отца. Ибн Баттута успел съездить в Булгар и вернуться в кочевую ставку 28 рамадана 734 г. хиджры (2 июня 1334 г.). До окончания мусульманского поста оставалось два дня, но богослужение было перенесено, ибо 3 июня в орде отмечали праздник середины лунного года [*Юрченко 2011, с. 201–220*].

В имперской традиции к этому празднику (начало июня) были приурочены курултай и коронации. Приведу лишь один пример. Восшествие на престол ильхана Улджэйту (мусульманское имя Султан Мухаммад Худабанде) определялось той же датой монгольского имперского календаря. «Когда падишах Худабанда с величием и славой отправился в ставку Табриза, все сановники и эмиры вышли [к нему] навстречу. Созвали *курултай* в Уджане[20], говорили речи и в середине 703 г. в месяце зу-л-хиджжа (середина июля 1304 г.) султанство падишаха Худабанда стало единогласным, и он воссел на престол. Все эмиры, согласно обычаю монголов, сняли шапки, набросили ремни на шею и по очереди внутри и снаружи шатра кланялись [ему]. И после этого [стали] называть его Улджайту-султан, т. е. Падишах Благословенный» [*Хафиз Абру, с. 28*].

Ежегодный летний курултай выполнял интегрирующую функцию, ибо это был единственный инструмент, подтверждающий полномочия монгольского правителя, равно как и всей элиты.

[20] В Уджане при Газан-хане была построена ханская резиденция с золотым престолом.

Сценарий праздника в июне 1334 г. полностью следует порядку монгольского курултая. Суть события заключалась в сборе в определенный день и в определенном месте всей элиты с единственной целью: продемонстрировать наличие и незыблемость иерархии, на вершине которой находится хан. Поддержание системы соподчинения было единственной альтернативой хаосу и усобицам. На курултай явились оба сына Узбека, Джанибек и Тинибек, со своими войсками, а также семнадцать темников во главе своих войск. Каждый из темников получил почетный халат и участвовал в особом ритуале: «Надев его, он подходит к подножию султанской башни и кланяется. Поклон его [заключается] в том, что правым коленом он прикасается к земле и вытягивает под ним ногу свою, а другую выпрямляет. Потом приводится оседланный и взнузданный конь, приподнимается копыто его, эмир целует его и отводит его (коня) с собой к своему сидению, там садится на него верхом и остается при своем войске. Это проделывает каждый из эмиров» [*Сборник материалов, с. 225*].

Для пиршества был разбит большой шатер на четырех деревянных стойках, покрытых листами позолоченного серебра. Церемония, в которой хан сидит на золотом троне в золотом шатре, дублирует код коронации. Новые халаты тысячников означают обновление статусов. В политической жизни Большой Орды это был главный ритуал. В семиотическом плане золотые шатер и трон символизируют Центр Мира. С точки зрения участников церемонии они находились в «столице» (сезонной столице кочевой империи).

Ибн Баттуты знал о сути этого праздника: «Чингиз составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак, а у них положено, что тот, кто не выполняет постановлений этой книги, должен быть свергнут. По его постановлению они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется *туй*, или „день празднества“. К тому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиза — эмиры, хатуны и крупные военачальники» [*Ибн Баттута, с. 272*]. Выше (см. ч. 2) было показано, что при великом хане Мунке ежегодно в июне отмечался праздник середины лунного года, на который съезжалась вся знать. Праздник проходил в окрестностях Каракорума, что и делало этот город столицей.

Праздник в июне 1334 г. с его состязаниями стрелков из лука, построением войск, раздачей халатов и пиршествами в шатрах требовал больших пространств. Город не мог вместить всех участников курултая, да и в этом не было необходимости. Вероятнее всего, дело обстояло так: в Маджар по приказу двора в течение года свозилось и хранилось все необходимое для проведения праздника (халаты для раздачи темникам и другие престижные вещи, женские украшения из благородных металлов, благовония, запасы продовольствия и кумыса, изделия из дерева, металлов, керамика и т. д.). Нерв политической жизни находился в Большой Орде, город же в этой связке выполнял функцию накопителя ресурсов. Собственно, это обстоятельство и позволяет признать Маджар летней столицей хана Узбека.

В средневековом Маджаре было 45 мавзолеев [*Зиливинская, с. 149–155*], что скорее указывает на его высокий религиозный статус, чем торговый. Кроме мусульманских мавзолеев в Маджаре и его округе [*Бабенко, с. 263–264*], обнаружены христианские древности [*Волков, 1996, с. 213–214; Обухов, с. 400–407*]. Такое религиозное разнообразие было характерно для ордынских столиц. Так в северной столице Узбека, по сведениям Ибн Баттуты, было «13 мечетей для соборной службы; одна из них шафи‘итская. Кроме того, еще чрезвычайно много [других] мечетей. В нем [живут] разные народы, как-то: монголы — это [настоящие] жители страны и владыки [ее]; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы; русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет на своем участке отдельно; там и базары их» [*Сборник материалов, с. 231*].

В научной литературе представлено мнение, что Маджар возник на пересечении торговых путей. На самом деле, торговые пути вели к сезонной резиденции хана. То, что Маджар был ханским городом и пережил расцвет при Токте и Узбеке, а затем угас, показал анализ нумизматических материалов. В частности, при Токте в Маджарах были отчеканены монеты, где имя хана начертано монгольским квадратным письмом пагсба (710 г.х., Маджар) [*Беляев, с. 75. № 5; Гумаюнов, Лебедев, с. 123–125*]. «Квадратное» монгольское письмо было разработано по приказу великого хана Хубилая Пагсба-ламой (1235–1280) в 1269 г. и задумывалось как «государственная письменность» (*го-цзы*), предназначенная для всеобщего применения в Монгольской империи вместо уйгурской письменности. Использование этого алфавита на монетах Улуса Джучи — явление нерядовое. Это была прокламация отношений с кааном, служившая упрочению власти хана Токты [*Беляев, Сидорович, с. 202*].

По мнению специалистов, медное обращение Маджара, возникнув в конце правления хана Токты, стало заметно расти при Узбеке. Достигнув апогея в 750–760 гг. х. (1359 г.), оно затем пошло на убыль и полностью прекратилось после 797 г.х. Обращение же серебряных монет Маджара целиком обеспечивалось сарайским чеканом сначала Токты, затем Узбека. С 1359 г. резко снизилось поступление в Маджар дангов столичного чекана, а поставка пулов прак-

тически полностью прекратилась. Важной особенностью денежного обращения Маджара является активное участие в нем международной валюты того времени — индийских золотых динаров XIV века [*Ртвеладзе, с. 69–71; Волков, 2001, с. 109; Нарожная, с. 173–187*].

На даты курултаев исследователи обычно не обращали внимания. Кроме дат, не принимали во внимание и место проведения торжеств. Монголы проводили курултаи не в городах, а в местах летних кочевок. Поэтому не стоит принимать на веру сообщение на венецианской карте 1367 г.: «В городе Сарай находится император Узбек». Узбек со своей ордой находился в движении, следуя ритмам сезонных перекочевок, а не сидел в столице. Центр кочевой империи Узбека на летние месяцы перемещался на Северный Кавказ, в окрестности города Маджар. Аналогичным образом Хубилай лето проводил в Шанду, а ильханы — на пастбищах Аладага, горного хребта севернее озера Ван.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Бабенко В. А. Округа золотоордынского города Маджара (к постановке проблемы) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы междунар. науч. конф. г. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. —1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. СПб., 2009.

Беляев В. А. Монгольское квадратное письмо на монетах и банкнотах // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. и сообщ. М., 2004.

Беляев В. А., *Сидорович С. В*. Ставка Великого хана и улусы по нумизматическим данным // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. М., 2008.

Блохин В. Г. Золотоордынские города Нижнего Поволжья: проблема социокультурной идентификации археологических бытовых памятников // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международ. Нижневолжская археолог. конф., г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г. Тез. докл. Волгоград, 2007.

Волков И. В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир; М., 1996. № 2.

Волков И. В. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджар // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.

Григорьев А. П., *Григорьев В. П*. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Гумаюнов С. В., *Лебедев В. П*. Обзор маджарского чекана хана Токты // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды МНК–V. Волгоград, 2006. М., 2008.

Данилов С. В. К вопросу о появлении городов в Монголии в эпоху империи (XIII–XIV вв.) // Чингис-хан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2002. Т. 1.

Джувайни — Чингис-хан. История завоевателя мира, записанная *Ала ад-дином Ата-Меликом Джувайни* / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.

Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф.). Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.

Дмитриев С. В. К вопросу о Каракоруме // Общество и государство в Китае: XXXIX науч. конф. М., 2009.

Дмитриев С. В. Каракорум, Отюкен и ранняя история уйгуров // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011.

Зиливинская Э. Д. Еще раз о мавзолеях Маджара // От палеолита до средневековья. Сборник научных статей. М., 2011.

Ибн Баттута — Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия / Пер. с араб., введение, историко-лингвист. коммент. Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова. Ташкент, 1996.

Кадырбаев А. Ш. О двух тенденциях в политике монгольских завоевателей по отношению к оседлому населению Китая. XIII–XIV вв. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987.

Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.

Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст, перевод, комментарий. М., 2009.

Кораев Т. К. Социально-политические функции вазирата в государстве Хулагуидов второй половины XIII — начала XIV в. // Meyeriana. Сборник статей, посвященный 70-летию М. С. Мейера. М., 2006. Т. I.

Крадин Н. Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. М., 2011. Вып. 72. № 1–2.

Крамаровский М. Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.

Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., исправл. и дополн. СПб., 2010.

Легран Ж. Кочевые формы городов в степных кочевых империях // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы: материалы международ. конф. Алматы, 2004.

Марко Поло — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956.

Мункуев, 1960 — «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5.

Мункуев Н. Ц. О двух тенденциях в политике монгольских ханов в Китае в первой половине XIII в. // Материалы по истории и филологии Центральной Азии (Труды Бурятского комплексного НИИ, вып. 8). Улан-Удэ, 1962. [Вып. 1].

Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Пер. и исследование. М., 1965.

Мункуев Н. Ц. Традиционные китайские административные институты у монголов в первой половине XIII в. (По запискам китайских путешественников XIII в.) // Роль традиций в истории Китая. Тез. докл. симпозиума. М., 1968.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. П. С. Попова // Записки Имп. Русского Географического общества по отд. этнографии. СПб., 1895. Т. XXIV.

Нарожная Ф. Б. О находках золотых делийских динаров на Маджарах (Ставропольский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 1.

Обухов Ю. Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международ. конф., посвящ. памяти проф. МГУ Г. А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 г. Азов, 2009.

Перерва Е. В., *Кутуков Д. В.*, *Балабанова М. А.*, *Зубарева Е. Г.* Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды: (археология и антропология). Волгоград, 2010.

Ракушин А. И. К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников Улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960.

Рашид-ад-дин. Переписка / Пер., введен. и коммент. А. И. Фалиной. М., 1971.

Россаби М. Золотой век империи монголов / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб., 2009.

Ртвеладзе Э. В. Два динара делийских султанов с городища Маджар // Советская археология. М., 1972. № 1.

Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 15. Вып. 1.

Сборник материалов — История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Переработ. и дополн. изд. Алматы, 2005.

Строева Л. В. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика И. Ю. Крачковского. [Сборник]. Л., 1958.

Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XIV в. М., 2007.

Хазанов А. М. Кочевники и города в евразийском степном регионе и прилегающих странах // Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.

Хафиз Абру (Шахиб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с персид., предисл., коммент., примеч. и указ. Э. Р. Талышханова. Казань, 2011.

Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

Юрченко А. Г. Чингис-хан: война с хаосом (почему монголы превращали города в «заповедники смерти»?) // Война и сакральность: Материалы Четвертых междунар. науч. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург–Выборг–Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.). М.; СПб., 2010.

Юрченко А. Г. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). СПб., 2011.

Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013.

Boyle J. A. The Seasonal Residences of the Great Khan Ogedei // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker / G. Hazai and P. Zieme (eds.). Berlin, 1974.

Freiesleben — Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375 nach dem in der Bibliothèque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben Mit einer Einführung und Übersetzungen von H.-Ch. Freiesleben. Stuttgart, 1977.

Grousset R. L'Empire des Steppes. New Brunswick, 1994.

Hüttel H-G. Der Palast des Ögedei Khan – Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastvon Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, 2005.

Itinerarium — Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi – Firenze, 1929.

Liber Tartarorum — *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestò; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989.

Noriyuki Shiraishi. Seasonal migrations of the Mongol Emperors and the perl-urban area of Kharakhorum // International Journal of Asian Studies. Cambridge, 2004. Vol. 1.

Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, opera postuma pubblicata a cura di Jean Dauvillier e Louis Hambis. Paris, 1973.

РИСУНКИ МАДЖАРСКИХ МАВЗОЛЕЕВ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

Зиливинская Э.Д.

Маджар, крупнейший золотоордынский город Северного Кавказа, во многом, получил широкую известность из-за своих мавзолеев, которые сохранились до конца XVIII в. Мавзолеи были неоднократно зарисованы, и эти рисунки являются бесценными источниками, которые позволяют представить архитектурные памятники золотоордынских городов во всем их великолепии.

Самым ранним по времени изображением мавзолеев Маджара является рисунок «Академии наук ученика живописного» Михаила Некрасова, посланного Астраханским губернатором В.Н.Татищевым для зарисовки маджарских развалин. Экспедиция состоялась в июле 1742 г. История ее была неоднократно описана [*Пальмов 1925, с. 209–210; 1928, с.334–338; Аджимамедов 1992, с.44-46; Зиливинская 2010, 2011, 2012*].

В результате В.Н.Татищеву был представлен акварельный рисунок, изображающий берег р. Кумы с примерно 45 мавзолеями на нем и карта, составленная топографом Андреем Голохвостовым, на которой, в частности, изображены планы более чем 40 построек.

В альманахе А.Ф. Бюшинга опубликованы литографии, одна из которых сделана по рисунку М.Некрасова[1] а другая, принадлежащая неизвестному автору, содержит изображения трех мавзолеев различных типов [*Büsching 1771, 530*]. Впоследствии эти изображения приводились другими исследователями [*Аджимамедов 1992, с.44-46; Bähr,1839; Волкова 1972, с.44–45*]. Лучшими изображениями маджарских мавзолеев до последнего времени считались цветные литографии из книги П.С. Палласа, который посетил Маджар дважды, в 1780 и 1793 годах[2] [*Pallas 1799, с.276-284*].

Недавно в Отделе рисунка Государственного Русского музея было найдено несколько акварелей художника М.М. Иванова, на которых изображены мавзолеи маджарского некрополя. Рисунки эти до сих пор были известны лишь специалистам, занимающимся творчеством М.М. Иванова. В качестве археологического источника они до сих пор не привлекались.

Михаил Матвеевич Иванов (1748-1823) являлся известным пейзажистом второй половины XVIII века. С 1780 по 1791 гг. Иванов находился на военной службе при Генеральном штабе, вице-президентом которого являлся светлейший князь, генерал-аншеф Г.А.Потемкин.

В 1782 году Иванов был послан в Армению и Грузию для «снятия» территорий этих государств, а в 1783 года – в Крым «по случаю присоединения той области к России». В Русском музее хранится альбом, отразивший эти путешествия художника. В альбоме имеются четыре рисунка, выполненные сепией и акварелью, на которых изображены постройки Маджара и его окрестностей. Они относятся к 1782 году.

На первом из них (Р-30009) изображена заброшенная и начавшая уже разрушаться постройка, которая, без сомнения, представляет собой мавзолей (рис. 1).

Нижняя часть здания призматическая, в передней стене угадывается дверной проем с арочным завершением. Никаких следов портала, даже разрушенного, на рисунке не видно. Над призмой возвышается круглый барабан, увенчанный коническим куполом. Барабан расчленен 18 узкими щелевидными оконными проемами, ложными или настоящими. В нижнем правом углу подпись: «От крепости Егорьевской в 45 верстах к Мажарам». Под рисунком еще одна подпись: «На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам». Из этой над-

[1] Иного мнения, с которым стоит согласится, придерживался член русского географического общества Р.Э. Аджимамедов, в частности литография с изображением Маджарских развалин выполненная по рисунку М. Некрасова была дополнена изображениями мавзолеев, изданных Бюшингом в 1771 г., и впервые опубликована К.М.Бэром в 1841 г. (прим. ред.)

[2] На сегодняшний день в литературе обстоятельно описана только экспедиция П.С. Палласа посетившая Маджар в начале сентября 1793 г. (прим. ред.)

писи следует, что мавзолей, изображенный на рисунке находится возле селения Маслов Кут (совр. Стародубское).

Рис. 1 Рисунок из альбома М.М. Иванова. Русский музей Р-30009.

Интересно, что в книге П.С.Палласа [*Pallas 1799, 276-284*] приводится рисунок еще одного мавзолея из Маслова Кута. Это постройка совершенно иного типа представляет собой восьмигранный башенный мавзолей. Интересен сам факт того, что в Масловом Куте зафиксированы два мавзолея различных типов. Вероятно, здесь также находился крупный некрополь золотоордынского времени.

Рис. 2 Рисунок из альбома М.М. Иванова. Русский музей Р-30010

На второй акварели (Р-30010) изображены собственно развалины Маджара (рис.2) Автор озаглавил ее «Мажарские остатки». На переднем плане мы видим грунтовую дорогу, которая вьется среди живописных развалин. С двух сторон от дороги в беспорядке раскиданы ступенчатые надгробия типа «мастаба», сделанные, скорее всего, из камня. Чуть дальше за дорогой, с правой стороны, находятся развалины постройки кубической формы. За ней – два мавзолея.

Ближайший мавзолей обращен к зрителю боком. Призматический нижний ярус постройки в передней части имеет высокий портал, вписанный в объем здания. В боковой стене видна узкая прямоугольная ниша, в которую вписана другая – такой же ширины, но со стрельчатым завершением. Ниша глухая, в ее стене примерно на середине высоты сделано маленькое прямоугольное окошко с закругленным верхом. Прямоугольная ниша имеется и в задней стене здания. Второй ярус мавзолея представлен 12-гранным барабаном, высота которого почти вдвое меньше основного объема. Грани разделены пилястрами, на плоскостях граней сделаны выступающие стрельчатые арочки. Завершает здание граненый шатровый купол. На поверхности его видны выступающие гурты, которые являются продолжением пилястр барабана. Такая деталь на других изображениях не встречалась. Слева от этого мавзолея, чуть далее находится еще один точно такого же строения, но с несколько более разрушенным куполом.

Еще левее, с другой стороны дороги находится здание в виде восьмигранной башни. Спереди у него имеется выступающий прямоугольный портал. Это здание весьма напоминает восьмигранный башенный мавзолей, изображенный на рисунке М.Некрасова. В то же время, следует отметить, что грани здания на рисунке М.М.Иванова сильно сужаются кверху, и вся постройка имеет, скорее, пирамидальную форму. Мавзолей пирамидальной формы с выступающим порталом изображен на рисунке из альманаха А.Ф. Бюшинга. Этот рисунок у многих исследователей вызывает сомнение. Однако, С.Г. Гмелин также отмечал сужающиеся пирамидально здания в самом Маджаре и три зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы [*Шестаков 1884, с.8,11*]. Рисунок М.М.Иванова является еще одним подтверждением существования подобных мавзолеев.

Рис. 3 Рисунок из альбома М.М. Иванова. Русский музей Р-30011.

Слева от многогранной постройки стоят еще два портальных мавзолея. Архитектурные формы их в точности повторяют мавзолей на переднем плане. У обоих зданий полностью разрушено шатровое покрытие, и барабан венчают уплощенные полусферические внутренние купола. У левого края картины М.М.Иванова видны очертания еще трех мавзолеев, у которых сохранились только нижние части.

Следующая картина (Р-30011) представляет собой наиболее удачное изображение мавзолеев Маджара. В верхней части ее стоит подпись автора «Мажарские древности». На картине изображены пять мавзолеев, стоящие в ряд (рис. 3).

Лучше всего проработан мавзолей у правого края рисунка. Это портальная постройка, увенчанная шатровым куполом. Это тот же самый мавзолей, что и на предыдущем рисунке, но запечатленный с другой точки. Здесь хорошо просматривается портал здания. Плоскость его расчленена двумя прямоугольными рамами, образованными выпуклыми и довольно узкими орнаментальными фризами. Внешний фриз образован переплетенными в виде косы жгутами. Внутренний – представляет собой череду выпуклых элементов полукруглой формы. Внутри рамы находится стрельчатая арка с выступающим архивольтом. Над аркой, на тимпане – еще один орнаментальный фриз, состоящий из четырех горизонтальных рядов волнообразного орнамента.

Рис.4 Рисунок из альбома М.М. Иванова. Русский музей Р-30012

Внутри глубокой арки портала, на ее боковой стене, видна арка также стрельчатого очертания. Перед порталом изображены люди, которые могут служить своеобразным масштабом для определения примерной высоты здания. Если предположить, что средняя высота этих людей (мужчин) 1,8 м, то высота портала здания составит около 7-7,5 м, а общая высота – 10,5-11 м.

Остальные три здания на данном рисунке практически идентичны первому мавзолею, у них лишь полностью или частично разрушены шатровые купола.

Завершает серию маджарских зарисовок акварель (Р–30012) с изображением вида долины реки Буйволы (рис.4).

Внизу и в верхней части она имеет одинаковую подпись: «Река Байвала вдали от Мажар». На этом пейзаже также видны остатки трех полуразрушенных строений без четких архитектурных деталей. Общий облик их позволяет предполагать, что это были такие же здания призматической формы с барабанами и куполами в верхней части.

Рисунки М.М.Иванова не содержат принципиально новой информации по архитектуре мемориальных построек Маджара. Здания, изображенные на них уже известны по панораме М.Некрасова и литографиям из альманаха А.Ф. Бюшинга и сочинений П.С.Палласа. Тем не менее, на них видны некоторые архитектурные детали, которые не были отмечены другими художниками. Кроме того, эти рисунки, выполненные рукой мастера, прекрасно передают романтическую атмосферу древних развалин.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1992. с. 44-46.

Волкова Н.Г. Маджары. Из истории городов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып.V. М., 1972. с. 44–45.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3.

Зиливинская Э.Д. Еще раз о мавзолеях Маджара // От палеолита до средневековья. М., 2011.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII века. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №2.

Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева. // Известия Российской Академии наук. 1925. №№ 6-8. с. 209–210

Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева. // Известия Российской Академии наук. 1928. №№ 1-10. с. 334–338

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре. // Труды IV археологического съезда. Т. 1.Казань, 1884. с.8,11.

Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching. Hamburg, 1771. S. 530.

Bähr K. Beiträge zur Kenntnisse des Russischen Reiches. B. III. S.-Pb,1839. Tab. 1.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793-1794. B. I. Leipzig, 1799. S. 276-284.

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ С МАДЖАРСКОГО ГОРОДИЩА

Лопан О.В.

К началу второго тысячелетия н. э. традиция изготовления металлических зеркал в Восточной Европе сохранялась только у алан Северного Кавказа. В половецкий период ношение металлических зеркал практикуется также и в среде кочевого населения южнорусских степей: в это время зеркала с простым геометрическим декором не только встречаются в женских курганных погребениях [*Плетнева, 1981, с. 217*], но и входят в число поясных аксессуаров, иногда изображаемых на женских каменных изваяниях [*Плетнева, 1958. Рис. 33-35; Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 26; 28; Плетнева, 1974; Плетнева, 1981. Рис. 89; Навротский, 1995. Табл. 2, 1*]. Традиция получает дальнейшее развитие в золотоордынский период, когда зеркала разнообразных типов, судя по стабильным находкам в женских курганных захоронениях степной зоны, являлись значимой принадлежностью костюма взрослой женщины [*Каримова, 2013. с. 75, 76*]. Декор зеркал становится сложнее и разнообразнее: наряду с развитием и усложнением геометрических мотивов, восходящих еще к аланской традиции, начинается производство зеркал с сюжетным декором, копирующим импортные образцы этих изделий, поступавших на земли джучидского государства с Дальнего Востока и с территории Ирана. Серии однотипных зеркал, декорированных по сюжетам восточных прототипов, встречаются на крупнейших городищах и на окрестных поселениях и могильниках в Поволжье [*Полякова, 1996; Яворская, 2001; Недашковский, 2000; Руденко, 2004*]. Большинство подобных зеркал относятся к репликам n-ого порядка, тиражированным по формам-оттискам с импортных образцов, что прослеживается по тождеству деталей в орнаментах [*Полякова, 1996, с. 239; Яворская, 2011. с. 268*][1]. Для производства же зеркал-подражаний иногда могли использоваться весьма аккуратно выполненные каменные формы [*Fyodorov-Davydov, 1984, Ill.107, 2*]. Хотя зачастую декор на зеркалах-подражаниях бывает грубым и схематичным [*Яворская, 2011. с. 270. Илл. 4*].

Самая представительная коллекция зеркал в Предкавказье происходит из сборов на крупнейшем золотоордынском памятнике Прикубанья - городище Ангелинский Ерик [*Волков, Лопан, 2012*]. Количество зеркал, собранных на этом памятнике за последнее десятилетие (63 экземпляра), почти сопоставимо с числом зеркал, известных на Увекском городище [*Недашковский, 2000, с. 48*].

Белым пятном на этом фоне выглядит практически полное отсутствие в печати информации о зеркалах главного золотоордынского центра Предкавказья – Маджара. За последние годы на Маджарском городище местными жителями были собраны обломки девяти зеркал, большинство из которых сейчас хранятся в фонде формирующегося Маджарского археологического музея. Сведения об этих находках публикуются здесь благодаря любезному разрешению и помощи Ю.Д. Обухова.

Четыре изделия (№№ 1-4) относятся к отделу В-I по типологии Г.Ф. Поляковой, еще три принадлежат к отделу В-II (№№ 7-9) [*Полякова, 1996*].

№ 1. Разбитое на пять частей зеркало с арочным орнаментом (Рис. 1, 1; 2, 1). Линии рельефного декора – неровные, сглаженные и нечеткие. Диск обрамлен невысокой, подтреугольной в сечении, закраиной. Диаметр 69-72 мм. В центре нечеткими слаборельефными линиями намечен кружок и сохранились следы от припаянной округлой в плане полой петли, что получают распространение в золотоордынское время путем подражания восточным образцам.

[1] Определенным указанием на многократное перекопированние является не только размытость и неровность рельефа, но, в первую очередь, последовательное уменьшение диаметров однотипных зеркал, происходящее за счет усыхания формы после оттискивания (Волков, Маслов, Петренко, 2001). Однако следует иметь в виду, что полученные по оттискам формы могли подвергаться ручной доработке в зоне бортика, что могло приводить к изменению в ту или иную сторону общего диаметра изделий. Поэтому объективными показателями для выявления степени усадки должны служить расстояния между фиксированными точками орнамента.

Орнамент состоит из одинарных арок, расположенных в два ряда и повернутых выпуклостями к центру. Арки внешнего орнаментального ряда местами пересекаются.

Золотоордынские зеркала с арочным декором выступами к центру представлены множеством орнаментальных композиций. Г.Ф. Полякова для Болгара группирует их в виде вариантов внутри типа B-I-6, где к подтипу B-I-6е отнесено зеркало с аналогичной двухрядной композицией, но «собранной» из двойных арок, что и отличает его от маджарского экземпляра [*Полякова, 1996, с. 224. Рис. 70, 2*]. Кроме того, орнамент маджарского зеркала выполнен небрежно – арки на нем расположены асимметрично. Можно отметить, что подобная небрежно-асимметричная манера декора наблюдается у зеркала из собрания Национального музея РТ, украшенного одинарными арками в один ряд [*Руденко, 2004, с. 114. Рис. 10, 1*].

№ 2. Фрагмент зеркала с невысокой закраиной, также украшенный арочным орнаментом из одинарных дуг, расположенных в один ряд по краю диска, диаметр которого составлял около 70 мм (Рис. 1.2; 2.2). Судя по диаметру изделия и размаху дуг, сохранившихся на фрагменте, общее их число на целом зеркале можно реконструировать как пять или шесть штук. Декор из пяти-шести дуг, повернутых выпуклостями к центру представлен еще на аланских зеркалах [*Албегова, Ковалевская, 2015. Рис. 2, тип 21*]. На золотоордынских зеркалах разнообразные композиции с дугами также были довольно популярны [*Полякова, 1996; Руденко, 2004. Рис. 9-10*].

№ 3. Неорнаментированный фрагмент зеркала диаметром около 100 мм (Рис. 1.3; 2.3). Отсутствие орнаментации на фрагменте формально допускает очень широкую дату изделия, вплоть до XIII-XIV вв. [*Пьянков, Раев, 2005. с. 227-228*]. Последняя дата и представляется наиболее вероятной, учитывая саму датировку памятника. Можно отметить, что на золотоордынском городище Ангелинский Ерик в Прикубанье почти половина найденных зеркал (30 экземпляров) представлена неорнаментированными фрагментами, а диаметры изделий колеблются от 80 до 130 мм.

№ 4. Фрагмент зеркала с закраиной в виде низенького, подтреугольного в сечении, валика внутри которого располагается окружность со вписанным в нее орнаментом, от которого сохранилась часть то ли круга с точкой то ли завитка (Рис. 1.4; 2.4). Диаметр – около 65 мм. Край изделия неровный, зазубренный. Сохранившегося фрагмента явно недостаточно для поиска аналогий и реконструкции декора, хотя можно и отметить, что композиции со вписанными кружками известны на зеркалах с закраинами – с Болгарского [*Полякова, 1996. Рис. 70, 6; Руденко, 2004. Рис. 11, 25*] и с Увекского городищ [Недашковский, 2000, Рис. 11, 6], на зеркале с Лаишевского селища [*Руденко, Шайхутдинов, 1994. Рис. XXIV, 8*], на зеркале из погребения конца XIII – XIV вв. могильника у с. Кабардинка в Северо-Восточном Причерноморье [*Крым…, 2003. Табл. 102, 2*], а завитки встречаются, например, на зеркалах из нижневолжских погребений золотоордынского времени [*Мамонтов, 1993. Рис. 9, 4; Мамонтов, Ситников, 1994. Рис. 3, 9; Котеньков, Котенькова, 2010. Рис. 2, 8*]. Можно добавить, что орнамент в виде кружков с точками известен еще на аланских зеркалах VI-VII вв., встреченных на Черноморском побережье Северного Кавказа [*Ковалевская, Албегова, Пьянков, Евсюков, 2006. Fig. 01, m. 2e.; Fig. 42, 1, 2*].

№ 5. На еще одном маленьком фрагменте зеркала сохранился высокий массивный заостренный валик, отделяющий центральную часть композиции от периферийной (Рис. 1.5; 2.5). Линии декора высокорельефные, довольно широкие. Качество отливки невысокое – декорированная сторона имеет бугристо-шероховатую фактуру. Вероятно, что в данном случае имела место отливка по оттиску с зеркала-образца. Точным образом интерпретировать данный фрагмент не удалось, но сам высокий характер рельефа недвусмысленно указывает на восточное происхождение первичного изделия, с которого была произведена реплика.

№ 6. Фрагмент зеркала(?) с невысоким (2 мм) и нешироким (2 мм) уплощенным бортиком-валиком (Рис. 3.1). Та сторона, которая у зеркал именуется лицевой, у данного изделия довольно гладкая, но (при нынешней сохранности[2]) не обладает отражающими свойствами, хотя обычно, даже несмотря на обширные очаги коррозии, у зеркал все же сохраняются участки идеально заполированной отражающей поверхности. Диаметр – около 62 мм. Декор – зональный: по краю диска, под валиком, располагается узкий ячеистый орнаментальный поясок, также, в свою очередь, отделенный низеньким валиком. На тыльной и лицевой поверхностях имеются надписи: литая – снаружи, гравированная – «с лица». Одна часть гравированной над-

[2] Нам неизвестно какие манипуляции с предметом производил находчик: нынешний интенсивно-красноватый цвет «лицевой» поверхности изделия не исключает возможность его химической обработки.

писи идет вдоль края зеркала по кругу, другая - располагается прямыми параллельными строками-рядами в центре изделия.

Интерпретация надписей для данной публикации выполнена И.В. Волковым[3].

Литая надпись на тыльной стороне не поддается реконструкции из-за краткости. Формально сохранившиеся остатки следовало бы читать как «... له اک ...». Как вариант возможной интерпретации может рассматриваться «[нет товарища] ему. Ве[лик...».

На гладкой лицевой стороне гравированная надпись настолько схематична, что выделение прототипа – бесперспективно. Предельно авантюрна интерпретация двух букв из начальной (правой) части круговой надписи как « دم » и числа 95 (٩٥) над конечной (левой) частью надписи.

Сохранились фрагменты трех строк каракулей «почерком куфи», которые при определенном насилии над источником можно интерпретировать следующим образом:

Мухаммед	محمد
Нет бога кроме [Аллаха	لا اله الا ا [لله
нет товарища ему	لا شر يک

По характеру декора тыльной поверхности ближе всего к данному изделию фрагмент с Болгарского городища – с низким бортиком-валиком и узким «треугольно-ячеистым» орнаментальным пояском[4]. Диаметр – 65 мм. *[Мухаметшин, Хакимзянов, 1996, с. 298]* (Рис. 3.2*).*

Здесь в аналогичной манере выполнена круговая надпись. Сохранившийся фрагмент текста ничтожен, но его вполне допустимо воспринимать частью благопожелательной надписи:

...у]спех и	الا] و قبال

На золотоордынских зеркалах другого типа известен декор в виде круговой рельефной «надписи», исполненной в аналогичной грубой «каллиграфической манере». Одно такое зеркало происходит из женского погребения золотоордынского времени могильника Харинка (курган 11) в Ростовской области [*Атавин, Каменецкий, 2002. Рис. 9, 2*]. Данное изделие имеет низкий, подтреугольный в сечении бортик-валик по краю; диаметр – около 69 мм (Рис. 3, 3). Вероятно к тому же типу, что и зеркало из Харинки, относится сильно патинированное зеркало, найденное в погребении золотоордынского периода могильника Большие Копены 2 (курган 1) в Саратовской области [*Матюхина, 2005; Захариков, Матюхина, 2006*]. Диаметр изделия соответствующий – около 70 мм; по краю – небольшой подтреугольный бортик-валик (Рис. 3.4). Похожее зеркало известно на Нижней Волге [*Яворская, 2001. Рис. 2, группа I, тип 1, г*].

№ 7. Фрагмент зеркала с орнаментом в виде рельефных полушаровидных выпуклин-«жемчужин» на дисковидном основании и S-образных фигур, выполненных углубленными линиями (Рис. 1.7; 2.7). Бортик изделия – тонкий высокий (4 мм), подтреугольный в сечении, обточенный снаружи; реконструируемый диаметр – около 88-90 мм. Тип Т-I по Г.А. Фёдорову-Давыдову и К.А. Руденко; тип В-II-1 по Г.Ф. Поляковой; тип А8 по Л.Ф. Недашковскому. Г.А. Фёдоров-Давыдов упоминает находку зеркала типа Т-I в Маджарах [*Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 83*]. В золотоордынское время зеркала с подобным декором получают наибольшее распространение в Поволжье, но встречаются и на Северном Кавказе. Подробная сводка местонахождений золотоордынских зеркал с подобным декором приведена в книге Л.Ф. Недашковского [*Недашковский, 2000, с. 53*] и отчасти может быть дополнена некоторыми сведениями из публикаций последующих лет [*Кузьмин, 2000. Рис. 1, 2; Пьянков, Раев, 2004. Рис. 1, 3; Нарожный, 2005. Рис. 28, 3; Гарустович, Сунгатов, Яминов, 2004. Рис. 1, 8, 11; Гарустович, 2009. Рис. 2, 10; Волков, Лопан, 2012. Рис. 4, 7; Дружинина, 2010. Рис. 1*].

№ 8. Фрагмент зеркала с крупной арабской надписью почерком «насх» по краю диска (Рис. 1.8; 2.8). Тип С-I по Г.А. Фёдорову-Давыдову и К.А. Руденко; тип В-II-6 по Г.Ф. Поляковой; тип А10 по Л.Ф. Недашковскому. Бортик – узкий, высотою 3,5 мм, обточенный снаружи и

[3] Этот текст выделен курсивом.

[4] Следует отметить, что Г.Ф. Полякова данный фрагмент в сводке болгарских зеркал не рассматривает.

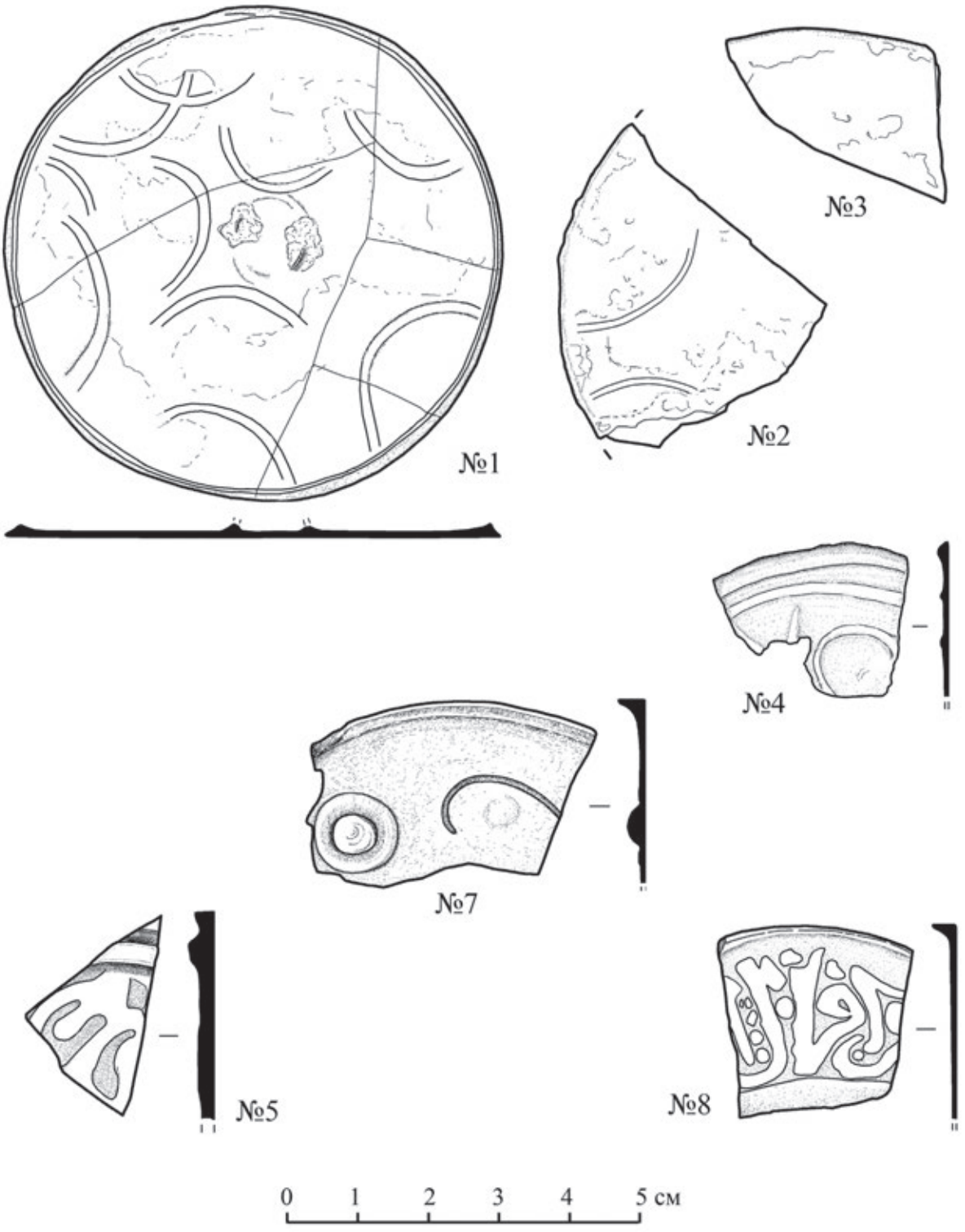

Рис. 1 Бронзовые зеркала с Маджарского городища

Рис. 2 Бронзовые зеркала с Маджарского городища

Рис. 3 1 - Маджарское городище; 2 – Болгарское городище (Мухаметшин, Хакимзянов, 1996); 3 – Харинка, кург. 11 (Атавин, Каменецкий, 2002); 4 – Большие Копены 2, кург. 1 (Матюхина, 2005; Захариков, Матюхина, 2006).

сверху; диаметр – около 76-78 мм. Рельеф низкий, изображение крайне расплывчатое. Зеркала данного типа встречаются в золотоордынское время на обширной территории – в Поволжье, степном Поднепровье, в Нижнем Подонье, в Приазовье и в Крыму, на территории Краснодарского и Ставропольского краев. Сводка местонахождений зеркал данного типа приведена в коллективной статье И.В. Волкова, В.Е Маслова и В.Г. Петренко [*Волков, Маслов, Петренко, 2001*]. В последние годы была опубликована информация о находках еще целого ряда подобных зеркал [*Попандопуло, 2002, Рис. 5,1-3; Пьянков, Раев, 2004. Рис. 1, 2; Ларенок, 2009. Рис. 9; Евглевский, Кульбака, 2003. Рис. 10, 4; 11, 5; Крамаровский, Гукин, 2006. Табл. 177, 10*[5]*; Валиулина, Зайцева, 2011. Рис. 2,3; Волков, Лопан, 2012. Рис. 5, 3; Василиненко, Пьянков, 2013. Рис. 3, 1*]. Сразу три фрагмента таких зеркал были найдены на городище Ангелинский Ерик.

№ 9. Особый интерес представляет найденный на территории торгово-ремесленного центра Маджарского городища фрагмент зеркала очень редкого для европейских степей типа: с широкой арабской надписью почерком «процветший куфи» по краю и с изображением сцены «гона зверей» на фоне завивающихся растительных побегов во втором поясе (Рис. 4). Диаметр – около 180 мм. Бортик – очень высокий (около 9 мм), заостренный, сложнопрофилированный. Огромный размер этого изделия, высота и характер профилировки бортика, резко выделяют его среди прочей массы зеркал золотоордынского времени.

Рис. 4 1 – Маджарское городище (№ 9).

Еще одно зеркало данного типа хранится в фондах Новороссийского государственного исторического музея-заповедника. «Оно происходит из старой коллекции музея, и, судя по запискам Г.Ф. Чайковского, было найдено у с. Владимировка в 1927 г.» [*Шишлов, Колбасина, 1999*][6]. Диаметр изделия – около 182 мм, бортик – сложнопрофилированный.

Зеркало с аналогичным декором было найдено в Сибири. Это изделие, служившее почти три века назад предметом поклонения у остяков, обитавших у слияния Оби и Иртыша, близ села Самарово[7], было отнято у них при крещении [*Радлов, 1891. Прил. с. 28. Табл. IX; Лубо-Лесниченко, 1975. с. 104, № 287. Рис. 99*] (Рис. 5.1).

Еще одно зеркало указанного типа экспонируется в Государственном Эрмитаже (Зимний дворец, 1 этаж, зал 68). Бортик у этого изделия - «уступчатый»; диаметр зеркала – 18,5 см [*Золотая Орда, 2005. № 650*].

Очень качественный экземпляр зеркала с изображением гона животных и куфической надписью, имеется в собрании Нью-Йоркского Метрополитен-музея, на сайте которого разме-

[5] Помещенная в данной публикации прорисовка фрагмента довольно нечеткая, но все же на ней угадывается часть надписи, состоявшая из букв «…لعاز…». Размеры изделия, которые можно приблизительно реконструировать, опираясь на масштаб рисунка, укладываются в пределы «габаритного» ряда зеркал типа B-II-6: диаметр составляет около 80 мм, а ширина внешнего орнаментального пояса с надписью – немногим более 20 мм.

[6] НМ 1295

[7] Территория современного Ханты-Мансийска.

Рис. 5
1-Самарово (Радлов, 1891);
2 – Иран (Reinaud, 1828).

щено несколько фотографий данного изделия, атрибутируемого как иранское [*Роджерс фонд, Инв. № 42, 136*][8].

Диаметр составляет 75/8 дюйма (19,3-19,4 см). Судя по максимально большому диаметру и высокому качеству рельефа, на котором читаются мельчайшие детали, данный экземпляр можно рассматривать как отлитый с использованием первоначальной «родной» (вероятнее всего, каменной) формы или матрицы.

При сравнении с нью-йоркским экземпляром становится ясным, что зеркала из Новороссийского музея, из Эрмитажа и из Маджар представляют собою копийные отливки (в формах, полученных путем оттискивания зеркала-образца), что отразилось на качестве рельефа и на уменьшенных размерах этих изделий. Кроме того, у зеркала из Новороссийского музея отсутствует центральная розетка, обрамляющая шишковидную петлю на зеркале из Нью-Йорка – вместо розетки там находится неорнаментированное кольцо. Отсутствие центральной розетки на зеркале из Новороссийского музея также может указывать на отливку по оттиску в форме, центр которой затем подвергся заглаживанию.

Е.И. Лубо-Лесниченко указывает (но без ссылки на источник информации), что зеркала с этим сюжетом в XI-XIII вв. производились в Иране [*Лубо-Лесниченко, 1975, с. 104*]. Перевод надписи на зеркале из Самарово, помещенный в этом труде Е.И. Лубо-Лесниченко, приведен со ссылкой на М. Рено. В связи с чем следует отметить, что зеркало, опубликованное в работе М. Рено, хотя и обладает бесспорным сюжетным и стилистическим сходством с изделием из Самарово, но отличается от него как композиционно (две пары животных, бегущих против часовой стрелки), так и по тексту надписи [*Reinaud, 1828, p. 397].* (Рис. 5.2).

[8] http:www/metmuseum.org/toah/works-of-art/42.136; http:www/metmuseum.org/collections/search-the-collections/140007786.

В европейских степях в золотоордынское время распространение получили зеркала «упрощенного» типа, на которых сцена «гона» располагалась непосредственно по краю диска, и с высоким тонким, чуть суженным к верху, бортиком: тип B-II-10 по Г.Ф. Поляковой, тип А9 по Л.Ф. Недашковскому [*Полякова, 1996, с. 230-232. Рис. 74, 1; Недашковский, 2000, с. 54. Рис. 9, 12*]. Подробная сводка сведений о местонахождениях подобных зеркал приведена в книге Л.Ф. Недашковского. В последние годы была опубликована информация о находках еще целого ряда зеркал типа B-II-10 со сценой «гона» [*Гармашов, 2002. Рис. 5, 3; Попандопуло, 2002. Рис. 3, 1, 2; Пьянков, Раев, 2004. Рис. 6, 9; Басов, Нарожный, 2005. Рис. 2, 3; 6, 3; 14; Бабенко, 2009. Рис. 2; Доде, 2010. Рис. 54; Супруненко, Маевская, 2010. Рис. 2; Валиулина, 2001. Рис. 1, 22; Валиулина, 2004. Рис. 5, 3*]. Пояс со сценой гона на этих изделиях, также как и на больших зеркалах типа Самарово, включает изображения трех пар животных, бегущих по кругу (по часовой стрелке) на фоне растительных побегов, спинами к краю зеркала. Среди животных узнаваемы: лев, вислоухие собаки, заяц, лиса и олень [*Лубо-Лесниченко, 1975, с. 104; Полякова, 1996, с. 232; Недашковский, 2000, с. 54*]. При сравнении фотографических изображений наблюдается полное сходство поясов со сценой гона как на больших зеркалах с надписью, так и на тех изделиях типа B-II-10, рельеф на которых еще не успел утратить детальность из-за многочисленных переотливок. В то же время на рисованных изображениях встречаются расхождения в некоторых мелких деталях, что, надо полагать, объясняется невнимательностью рисовальщиков. Узкие декоративные пояса, изнутри следующие за сценой гона, и у большеформатных зеркал типа Самарово, и у изделий типа B-II-10 также оформлены идентичным стилизованно-растительным орнаментом. Однако, эти типы отличаются в орнаментации центра: на большеформатных зеркалах (Метрополитен-музей, Эрмитаж, Самарово) – это простая гладкая восьмилепестковая розетка, обрамляющая пространство, отведенное для петли, а на зеркалах типа B-II-10 – розетка пятилепестковая, дополненная в промежутках растительными завитками. Эта центральная розетка с тщательно проработанными побегами-завитками на зеркалах типа B-II-10 выполнена в полном стилистическом единстве с их общим декором, что заставляет признать собственно иранское происхождение «укороченного» варианта, с которого затем и были тиражированы восточноевропейские образцы изделий типа B-II-10.

Поскольку все описанные здесь маждарские зеркала происходят из сборов, в заключение нужно отметить следующее. Большинство зеркал, собранных за последние годы на Маджарском городище, несомненно принадлежат к золотоордынскому времени (№№ 1,5, 7-9 и предмет № 6). Принимая во внимание датировку самого памятника, остальные фрагменты зеркал (№№ 2-4), в отношении которых чисто гипотетически, исходя из сохранившихся на них элементов орнамента, можно было бы допускать и более раннюю дату, скорее всего, также должны относиться к золотоордынскому периоду.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Албегова З.Х, Ковалевская В.Б. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой как исторический источник (таксоны 9-17) // Историко-археологический альманах. Вып. 13. Армавир-Краснодар-Москва, 2015.

Атавин А.Г., Каменецкий И.С. Харинка: средневековый слой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002.

Бабенко В.А. Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и в Калмыкии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов, 2009.

Басов В.И., Нарожный Е.И. Новые позднекочевнические комплексы с территории Северного Кавказа (Публикация материалов. Часть 1) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.

Валиулина С.И. Балынгаузское (Торецкое) III селище // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Валиулина С.И. Балынгаузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. 2004. № 1-2 (12-13).

Валиулина С.И., Зайцева И.Е. К вопросу о цветной металлообработке Торецкого поселения XV в. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, 2011.

Василиненко Д.Э., Пьянков А.В. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешебс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2013.

Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье // РА. 2001. №2.

Волков И.В., Лопан О.В. Городище Ангелинский Ерик: основные итоги исследований // Наследие и современность: Информационный сборник. Вып. 18. М., 2012.

Гармашов А.И. О некоторых памятниках XIV века в Аксайском районе // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002.

Гарустович Г.Н., Сунгатов Ф.А. Яминов А.Ф. Брик-Алгинские древности XIV в. на Западе Башкортостана // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.

Гарустович Г.Н. Местонахождение XIV в. у дер. Брик-Алга в Башкирском Приуралье // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов, 2009.

Доде З.В. Кубачинские рельефы: Новый взгляд на древние камни. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск X. М., 2010.

Дружинина И.А. Металлические зеркала из погребальных памятников адыгов эпохи средневековья района Анапы-Новороссийска // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. Вып. XI.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.

Золотая Орда. История и культура. СПб, 2005.

Захариков А.П., Матюхина Ю.А. Курганный могильник «Большие Копены-2» // Археология восточно-европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань, 2013.

Ковалевская В.Б., Албегова З.Х., Пьянков А.В., Евсюков А.Н. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. Вып. 3. М., 2006. CD-издание.

Котеньков С.А, Котенькова О.Ю. Элементы язычества в погребальных обрядах грунтовых могильников «Маячный I-II» - золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской обл. // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 18-21 октября 2010 г. Астрахань, 2010.

Кузьмин В.Н. Позднекочевнические погребения на территории г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб., 2006.

Ларенок П.А. Золотоордынский могильник в Низовьях Дона. Курганный могильник «Ливенцовский-7» // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII вв. / Археология. М., 2003.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975.

Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // Древности волго-донских степей. Вып. 3. 1993.

Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения курганного могильника Быково III // Древности волго-донских степей. Вып. 4. Волгоград, 1994.

Матюхина Ю.А. Новые позднекочевнические комплексы Нижнего Поволжья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Навротский Н.И. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир-М., 1995.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7. Армавир; Ставрополь, 2007.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА. № 62. М.-Л., 1958.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4-2. 1974.

Плетнева С.А. Кочевники восточноевропейских степей X-XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология. М., 1981.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Попандопуло З.Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002.

Пьянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып. 2. Волгоград, 2004.

Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 2. / МАР № 5. СПб., 1891.

Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Руденко К.А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. № 1-2 (12-13).

Супруненко А.Б., Маевская С.В. Погребение золотоордынского времени с остатками костюма девочки-кочевницы на Нижнем Псле // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Донецк, 2010.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Шишлов А.В., Колбасина Л.А. Археологические фонды Новороссийского государственного исторического музея-заповедника // РА. 1999. №1.

Яворская Л.В. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища) // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Яворская Л.В. Металлические зеркала из городов и некрополей золотоордынского Поволжья: к проблеме типологии и традиций орнаментации // Вопросы археологии Западного Казахстана. 2011. №1.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984.

Reinaud M. Description des Monuments musulmans du Cabinet de M. Le duc de Blacas. Vol.2. Paris, 1828.

ЕЩЁ РАЗ О НАХОДКАХ ЗОЛОТЫХ ДЕЛИЙСКИХ ДИНАРОВ НА МАДЖАРАХ

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.

Самые первые сведения о находках золотых монет из округ ряда золотоордынских городищ Поволжья и Северного Кавказа, принадлежат В.Н. Татищеву. [*Нарожная 2000, с.21-27, 222-223, 188-189, 173-188*]. В нескольких своих письмах, записках и отчетах, адресованных различным учреждениям, а также и Российской Академии наук, астраханский губернатор подчеркивал: нумизматические находки отсюда, включая и бассейн р. Кумы, «весьма часты»; «нередкими» называет он и находки золотых монет, взяв обязательство при случае прислать часть таких находок в Петербург. Несмотря на отсутствие конкретного определения подобных монет, представляется возможным предполагать, что речь в указанных источниках могла идти о находках золотых монет, относившихся к эмиссиям различных делийских султанов. С территории Маджарского городища, одни из первых таких монет были опубликованы Э.В. Ртвеладзе [*Ртвеладзе 1968; 1972, с.269-271*]. Сопоставляя их с другими известными случаями обнаружения подобных монет, главным образом из золотоордынского Поволжья, Э.В. Ртвеладзе попытался определить и причины появления интересующих нас экземпляров на Северном Кавказе. Ссылаясь на свидетельство ибн-Баттуты [*Тизенгаузен 1884*], исследователь, счел возможным рассматривать опубликованные им монеты. Как платежный эквивалент в торговле лошадьми местных пород [*Ртвеладзе 1972, с.270*]. Впоследствии, версия была востребована и другими авторами. В.А. Кузнецов, к примеру, эту версию конкретизировав, склоняясь к тому, что подобный торговый эквивалент мог предлагаться за лошадей «ахалкетинской породы» [*Кузнецов 1971, с.80*]; гипотезу разделил и Ю.А. Прокопенко [*Прокопенко 1996, с.31 и др.*]. Впоследствии, о новых монетных находках золотых монет индийских султанов сообщалось в публикациях других авторов - А.А. Калмыков [*Калмыков 1990, 27*] и Э.Д. Зиливинская [*Зиливинская 1994, с.65*], И.В. Волков [*Волков 2001, с.113*]. Специалисты по праву считают, что «важной особенностью денежного обращения Маджара является активное участие в нем международной валюты того времени - индийских золотых динаров XIV века», поскольку «в настоящее время на этом городище зафиксированы находки наибольшего для отдельного памятника количества динаров - 29, в том числе 10 в составе исследованного монетного комплекса. Динары находились в разных местах городища, как по одиночке, так и в составе небольших кладов. Обсуждены основные предметы экспорта Маджара в Индию и другие страны» [*Лихачев 1886, с. 440*].

Помимо территории золотоордынских Маджар, золотые монеты индийских султанов ныне, хорошо известны на территории золотоордынского Поволжья, в Прикамье [*Лихачев 1886, с.12*], в Северном Причерноморье [*Слепова 1996, с.26*], известны они и в Крыму [*Крамаровский 1992, с.37-39*], включая состав знаменитого Симферопольского клада, содержавшего сразу 10 экземпляров таких монет [*Мальм 1980, с.16*]. Этот «клад датируется серебряной пайцзой золотоордынского хана Кельдибека, подробно проанализированной Н.Ц. Мункуевым и содержит десять золотых монет делийского чекана. Две из них чеканены представителями Халджидской династии Ала ад-дином Мухаммед-шахом (698 г.х. = 1298/99 гг.) и Кутб ад-дином Мубарек-шахом (719г.х. = 1318/19 гг.), а остальные представителями династии Тоглукидов: три - Гийяс ад-дином Тоглуком (724г.х. = 1323/24 гг. и 725г.х. = 1324/25 гг.), одна - Мухаммедом ибн Тоглуком (726г.х. = 1325/26 гг.), две - Мухаммедом от имени египетского халифа ал-Хакима II, правившего с 741 по 753г.х. = 1340 - 1353 гг. Первые шесть монет тоглукидов чеканены в Дели; место чеканки остальных не обозначено. Монеты Симферопольского клада определены С.А. Яниной» [*Крамаровский 1992, с. 37*]. Среди ближайших их аналогий, М.Г. Крамаровский указывает «три находки монет из Северной Индии: золотую танку середины XIV в. из Шехр ал-Джедид Махмуда II, чекан Дели (752 г.х. = 1351/52 гг.), аналогичный экземпляр в составе Брэштского монетно-вещевого клада» (Республика Молдова), «тезаврированного на рубеже XIV-XV вв… и два динара с городища Маджар, чеканенных от имени Ала

ад-дина Мухаммада (695-715 г.х. = 1296-1316 гг.) из династии Хальджи и от имени халифа Мустакфи в 742 г.х. = 1341/42 гг..» [*Крамаровский 1992 ,с. 37*]. М.Г. Крамаровский учел более 60 таких находок, «разбросанных» по Днестровско-Карпатскому, Крымскому, Северокавказскому районам и примыкающих к массиву находок монет делийских султанов, из Поволжья и Прикамья [*Крамаровский 1992*, *с.37-39*].

Ю.А. Прокопенко привел сведения о целом «кладе» новых золотых динаров с территории Маджара, содержащего чуть ли не половину от всех, учтенных М.Г. Крамаровским монет. Видимо, те самые динары индийских султанов с Маджара были учтены В.П. Лебедевым и В.М. Павленко. Общая численность находок золотых монет с этого городища, по их подсчетам, достигла уже 29 экземпляров[1] [*Лебедев, Павленко 2008, с.440-441*]. Несмотря на перманентный интерес к рассматриваемой проблеме, среди специалистов, все же, нет единого мнения по целому ряду аспектов проблемы в целом. Случайный характер происхождения абсолютного большинства находок монет делийских динаров на Маджарах, заставляет часть исследователей видеть в них разновременные по времени обнаружения остатки одного или нескольких (два-три) «монетных кладов» длительного накопления, собранных в разных частях Маджарского городища [*Лебедев, Павленко 2008*, *с.440-441*].Такой трактовке монет, на наш взгляд, сильно мешает хронологическая разница монетных эмиссий, обнаруженных на Маджарах, хотя наибольшая активность притока данных монет приходится на первую половину-середину XIV вв. - время стабильности джучидской государственности [*Крамаровский 1992, с.37-39*]. Во-вторых, дискуссионными выглядят и «реконструкции» самих торговых путей, по которым динары могли попадать на территорию Золотой Орды [*Нарожная 2003*, *с.173-188*]. Не менее спорной выглядит и проблема характеристики таких торговых операций: являлись ли они прямыми (Золотая Орда - Индия), либо же, монеты индийских султанов попадали в Золотую Орду и в ее северокавказские владения в результате опосредованных, например, через Тану или Поволжье, торговых операций [*Крамаровский 1992, с.37-39*].

Не менее дискуссионным выглядит и вопрос об эквивалентах такой торговли [обзор см.: *Крамаровский 1992, с.38-39, 29, 173-188*].

Специалисты считают: по данным «Летописи Кипчакской степи», полуостров «Крым являлся конечной целью европейской части торгового пути из Индии; на этом отрезке, судя по эпизоду с продажей большой партии мускуса в одни руки, высоко ценилось партнерство солхатских купцов. Крым с Индией в XIV в. связывали два пути: через Кандагар, Бухару, по Амударье, Каспию, Волге, затем сушей к излучине Дона, по Дону вниз к Тане (Азаку), далее, караванным маршрутом в Крым; другой путь вел через Каспий по Куре к Тифлису, по Риони к Черному морю и уже морским путем в Кафу» [*Крамаровский 1992, с.38-39*]. Причастность Каспия к указанному маршруту, возможно, должна предусматривать и сухопутный маршрут через Дербент, в связи с чем любопытными являются недавние открытия в округе этого города остатков сооружения, трактуемого двояко – как «зороастрийского погребального сооружения XIII-XV вв.», представляющего собою так называемый «дом для мертвых» поздних зороострийцев - *задмарг-хане*, или же, с «*наса-хане*» индийских парсов этой же округи [*Гаджиев 2004, с. 28-31, 35-42, 125-127*]. Совершенно не случайной кажется и развитие торговли более поздней Астрахани с Индией, осуществлявшейся как в обход Каспия, так и через Дербент [*Юхт 1975*, *с.202-207.*]. Выше упоминавшийся отрезок торгового маршрута через Тифлис совсем не исключает и возможности использования торговцами из Индии сезонного Дарьяльского горного прохода.

Наиболее спорным выглядит вопрос об эквивалентах такой торговли, обеспечивавшей приток золотых индийских динаров. Упоминание ибн-Батуттой торговли лошадьми, как указывалось выше, заставляет многих исследователей увязывать интересующие нас монеты с «платой» за таких лошадей. Тем не менее, среди археологических материалов не только Северного Кавказа, но и Золотой Орды хорошо известны находки раковин каури, происхождение которых связывают с Индийским океаном [*Полубояринова 1991*]; в самой Индии такие раковины выполняли функции мелкой монеты [*Ашрафян 1983*]. Другие полагают, что приток таких монет обеспечивался разностью курсов золота и серебра в Индии и в Золотой Орде:

[1] Приведённые авторами статьи сведения, являются весьма сомнительными, поскольку основаны на устных свидетельствах неустановленных лиц и не подтверждены изобразительными и метрическими данными, а так же учитывая возбуждение уголовных дел (по факту не законного поиска артефактов при помощи металлоискателя на городище Маджары № 63105) в отношении одного из соавторов упомянутых источников, закономерно усомниться в объективности приведённых данных и как следствие, возможного научного обсуждения. (Прим. ред.)

на золотые динары приобретались в Золотой Орде серебряные слитки, затем вывозившиеся в Индию [*Федоров-Давыдов 1965, с. 209; 1978*; *Нарожная 2000, с.2*]. Третьи считают, что «золотые динары делийских султанов не могут свидетельствовать о прямых контактах отдельных провинций Золотой Орды с Северной Индией, хотя Крым, как и Поволжье, обладали известным приоритетом. Только в Поволжье и Крыму археологически зафиксированы отдельные вещевые находки, чье происхождение связано с Индией: ажурная костяная накладка с басенным или эпическим сюжетом, найденная А.В. Терещенко на Царевском городище (в собрании Эрмитажа); в 1981 году на городище Солхата раскопана косторезная мастерская XV в., где в качестве исходного сырья использованы редкие раковины из южной части Индийского океана (для изготовления ковшиков и, возможно, музыкальных инструментов)». Известны сведения о торговле индийской «дорогой кладью и мускусом», о чем сообщают Ибн Батутта (XIV в.) и Ризван-заде (нач. XVII в.). Известен и эпизод с продажей большой партии мускуса в одни руки и то, что « высоко ценилось партнерство солхатских купцов. Крым с Индией» [*Крамаровский 1992, с.39*]. В.П. Лебедев и В.М. Павленко торговлю лошадьми считают приоритетной. «Ибн-Батутта, проезжавший по этим местам в 1334 году,- пишут они,- отмечал, что: «лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделицу. Так отличному коню цена 50-60 дирхемов тамошних, равняющихся одному нашему динару или около того … Лошади эти развозятся в страны Индийские и бывает их в караване по 6 тысяч … Они продают в Индии дешевого [коня] за 100 динаров серебра, что составляет на золото Магребское 25 динаров …, нередко вдвое и втрое дороже». Опираясь на эти данные можно подсчитать, что на 29 динаров в Маджаре можно было приобрести 35-40 лошадей, за которые в Индии можно было выручить до 1000 или более динаров» [*Лебедев, Павленко 2008, с.440-441*].

Другой и важной статьей экспорта из Золотой Орды в Индию, подчеркивают те же исследователи, «были рабы. Из Маджара на невольничий рынок поставлялись преимущественно представители многочисленных северокавказских народностей». Ссылаясь на Е.Г. Еманова В.П. Лебедев и В.М. Павленко указывают на рабов-черкесов, аланов, адыгов и других, суммарно именовавшиеся в итальянских источниках «projenne de manjat» [*Лебедев, Павленко, 2008 с.440-441, 130*].

Еще одной, следующей по важности статьей торговли на Востоке, опять-таки со ссылкой на «коммерческие справочники» XIV века, называют кожи всех видов [*Еманов 1995*, *93, с.44-441*]. «Многочисленные костные остатки мелкого рогатого скота, находимые при археологических раскопках в Маджаре,- считают те же авторы,- показали, что овцеводство здесь было одним из основных в животноводстве» [*Лебедев, Павленко 2008*, *с.440-441*]. Но и эта статья, вряд ли обеспечивала приток именно золотых динаров. Таким образом, несмотря на разнообразные точки зрения относительно объяснения причин распространения золотых индийских динаров на территории Золотой Орды, включая и Маджарское городище, проблема по-прежнему продолжает оставаться открытой. Между тем, наиболее предпочтительной продолжает оставаться версия, связывающая приток золотых динаров в качестве платежных средств, на которые приобреталось золотоордынское серебро, хотя нельзя исключать и других эквивалентов.

В связи с рассматриваемой проблемой, включая и вопрос о характере торговых отношений между Индией и Золотой Ордой, как прямых или опосредованных необходимо указать на еще один любопытный артефакт – фрагментированный штемпель для чеканки индийских монет от имени «султана Мухаммада б. Туглака». Монеты «этого типа неоднократно публиковались в качестве находок с территории бывшего Улуса Джучи – в Ставропольском крае, в Волгоградской области, в Крыму и в Татарстане», хотя «в публикациях на русском языке, экземпляры, чеканенные рассматриваемым штемпелем» неизвестны [*Нарожная 2001, с.72-73*]. Уникальная находка, поставившая серию вопросов [*Евстратов 2005*, *с.73-74*], тем не менее, может оказаться и важным артефактом, свидетельствующим о возможности выпуска таковых монет не только в Индии, но и в одном из столичных городов Золотой Орде, откуда подобные монеты и «расходились» по выше указывавшимся регионам Улуса Джучи, включая и Маджары.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Ашрафян К.З. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII в. М.1983.

Быков А.А. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе// ЭВ. Вып. XIX. Л. 1969.

Волков И.В. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджара// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. 2001.

Гаджиев М.С. Археологические исследования в зоне Дербента: некоторые итоги // Вестник РГНФ. № 4. 2005.

Гаджиев М.С. О зороастризме в средневековом Дербенте // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тез. докл. международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004.

Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. Исследования в зоне Дербента // АО 2000 г.ода. - М., 2001.

Евстратов И.В. Штемпель для чеканки золотой индийской танка с Селитренного городища // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11-15 апреля 2005 г.). Тезисы докладов и сообщений- М. «Альфа-Принт». 2005..

Еманов Е.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень.1995.

Зиливинская Э.Д. Археологические работы на городище Маджары в 1989-91 и 1993 гг.// XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск. 1994.

Калмыков А.А. Исследования на городище Маджары в 1989 г. // Тезисы докладов и сообщений второй зональной северокавказской Олимпиады по археологии и краеведению. Грозный. 1990.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов – наследие Золотой Орды. СПБ.2001.

Крамаровский М.Г. Индийский динар из Солхата (К характеристике связей Золотой Орды с Индией) // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 год». 25-28 февраля 1992 г. Государственный Эрмитаж. СПБ. 1992. с.37-39.

Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. – Орджоникидзе.1971.

Лебедев В.П., Павленко В.М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6: Золотоордынское время. – Донецк. 2008.

Лихачев А.Ф. Золотой клад из динаров Патанских Султанов Индии // ЗВО РАО. Т. I. СПб.1886.

Мальм В.А. Стмферопольский клад. Л. ГЭ. 1980.

Нарожная Ф.Б. Х.М.Френ и начальный этап изучения нумизматических находок XIII-XIV вв. Северного Кавказа//Вопросы северокавказской истории. Сб. статей. Вып.5. Армавир. АГПИ. 2000.

Нарожная Ф.Б. К вопросу о происхождении монет с северокавказскими штемпелями из публикации Х.М.Френа // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь 11-14 сентября 2001 г.). М-Ставрополь. 2001.

Нарожная Ф.Б. О золотых монетах делийских султанов на Маджарах // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Сб. тезисов. Вып.6. Армавир. АГПИ. 2000.

Нарожная Ф.Б. О находках золотых делийских динаров на Маджарах (Ставропольский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 1. – Армавир, 2003.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Из истории изучения нумизматики Северного Кавказа золотоордынского периода // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань. 2012.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М. 1991.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь.1996.

Ртвеладзе Э.В. Два динара делийских султанов с городища Маджар//СА. № 1. 1972.

Ртвеладзе Э.В. Динар Мухаммеда Туглака // Вокруг света. № 7. М. 1968.

Слепова Т.И. Некоторые аспекты распространения византийских и трапезундских монет и их подражаний в восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII-XV вв. // Тр. ГЭ, Вып. XXVI. Т.6. Нумизматика. Л.1996.

Тизенгаузен В.Г. Сборник матеориалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб. 1884.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Две заметки по золотоордынской нумизматике// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. 1978.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода// НЭ. T.V. 1965.

Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-е годы XVIII в. // Историческая география России XII-XVIII вв. М. Наука. 1975.

РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ СТАДА ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ДРЕВНЕГО ГОРОДА МАДЖАРЫ

Швырева. А.К.

Остеологические материалы, полученные в результате археологических раскопок в районе Маджар, представляет интерес, потому что сведений о домашних животных, сопровождавших древнее население этого региона, почти нет. Археозоологические исследования проводились всего дважды за всю историю исследования этого памятника истории: экспедицией В.А.Городцова в 1907 году [*Городцов 1907, Таб. Прозрителева, ОФ СГМЗ №№ 3458, 3459, 3460*] и в 1997 году под руководством ставропольского археолога В.А. Бабенко. В руки исследователей попало около 1500 костных остатков из «кухонных ям», кроме того в сборах присутствуют кости животных, которые использовались в погребальных ритуалах и в качестве поделочного материла, например, игральных костей из астрагалов [*Швырева 2007, 2008, с.62-64*]. Согласно методике, разработанной Е.Е. Антипиной [*Антипина 2004, с.106-120; 2006, с.339-342*], необходимо учитывать происхождение костей на памятнике, чтобы избежать неоднородности остеологических материалов и искажения объективной модели стада.

На первом этапе исследования определяется видовой состав животных. Изучение костного материала шло по методикам, разработанным В.И. Цалкиным [*Цалкин 1961; 1970, с.161-266*] и С.К. Даля [*Даль, ОФ СГМЗ*].

На этой основе восстанавливается реальные свойства мясного потребления обитателей древнего города. Далее, используя метод Е.Е.Антипиной [*Антипина 2004, 106-120.;2006, с.339-342*], пересчитывается состав мясного потребления в условных единицах. Таким образом, через остеологический спектр приходим к составу стада домашних животных.

Итак, по итогам двух экспедиций получено 1453 костных остатка. Из них: крупному рогатому скоту принадлежит 242 остатка (16,66%);

мелкому рогатому скоту – 1083 (74,54%); лошади – 110 (7,57%); собакам и прочим съедобным животным – 17 остатков (1,17%).

Далее точкой отсчета становится остеологический спектр домашних животных (процентное соотношение), установленный по кухонным остаткам (Таблица 1). Но это еще только показатель количества сохранившихся костей того или иного вида. Согласно остеологическому спектру видно, что в сборах преобладают остатки мелкого рогатого скота, на втором месте по количеству особей крупный рогатый скот, на третьем лошади. Кроме того, мы ввели в мясной рацион собак, рыбу, птицу и пр. животных. Однако это не значит, что крупному рогатому скоту в хозяйстве уделялось меньше внимания. Само собой понятно, что и коровы и лошади дают мясной продукции в несколько раз больше, чем мелкий рогатый скот. Для этого вводится переменная, которая позволяет оценить разницу весовых показателей у разных видов. Как правило, за единицу принимается вес одной овцы (40-50 кг). Крупный рогатый скот и лошади тяжелее овцы в 7 раз.

Из данных таблицы видно, что на первое место по численности в стаде выдвигается крупный рогатый скот. Это объясняется тем, что эти животные единовременно дают большое количество мяса. Кроме того коровы дают молоко, к тому же крупный рогатый скот можно использовать как транспортное средство и тягловую силу, а шкуры животных находят применение при строительстве кибиток, жилищ, при пошиве обуви, т.е. учитывается многофункциональное потребительское значение этих животных. Маджарцы должны были постоянно заботиться о воспроизводстве стада крупного рогатого скота и положительном балансе между маточным и рабочем поголовьем.

Мелкий рогатый скот рогатый скот разводился потому, что он не требует особого ухода. И животные достигают потребительской спелости очень рано. По пропорциям костей животные близко стоят к овцам Древнего Хорезма, а из современных - к туркменским и каракульским овцам. Эти породы сочетают в себе высокие мясосальные качества с хорошей шерстяной продуктивностью, а кожи используются для изготовления одежды и обуви..

Таблица 1
Расчет объемов потребления мяса домашних животных по остеологическим данным в г. Маджары

Крупный рогатый скот	Лошади	Мелкий рогатый скот	Собаки и пр. съедобные животные	
I. Остеологические спектры				
16,66	7,57	74,54	1,17	100%
II. Кратность веса туш по отношению к весу 1 туши овцы				
7	7	1	0,5	
Объемы мясных продуктов в условных единицах				
116,62	52,99	74,54	0,59	244,74
III. Соотношение объемов мясной продукции в %				
47,65	21,66	30,46	0,25	100%
IV. Иерархия видов по относительной численности в модели общего стада				
1	3	2	4	

Анализ состояния зубной системы мелкого рогатого скопа позволил выделить четыре возрастных группы животных:

1. P_3 – молочный, M_1 есть, M_2 отсутствует – возраст 3-12 месяцев (7 особей);
2. P_3 – молочный, M_2 едва затронут стиранием, M_3 отсутствует – возраст 12-24 месяца (5 особей);
3. P_3 – постоянный, зуб M_3 едва выдвинулся из челюсти и слегка затронут стиранием – возраст чуть более 24 месяцев (3 особи);
4. P_3 – постоянный, M_3 сильно стерт, корни его закрытые – возраст более 34 месяцев (2 особи).

Таким образом, преобладают животные не старше 2-х лет, среди них больше всего овец, возраст которых не старше года, то есть ягнята (41% от общего числа особей).

Поскольку маджарские лошади по пропорциям костей конечностей очень близки киргизским лошадям, которые имеют универсальные производственные качества, они, прежде всего, использовались по прямому назначению. Эти малорослые лошадки очень выносливы, они приспособлены для работы, как в условиях пересеченной местности, так и на открытых пространствах с твердыми грунтами. Они прекрасно работают и под седлом, и под вьюком, в упряжи в легких транспортных средствах и в сельскохозяйственных работах. В случае надобности они могут быть хорошим подспорьем в мясном питании населения. Кобылы обладают высокой молочной продуктивностью. Молоко идет на приготовление кумыса. Шкуры животных также могут быть использованы в быту. Таким образом, и лошадей разводили для многофункционального потребления в хозяйстве древнего города.

В сборах имеется череп с нижней челюстью хоря перевязки. Возможно, это случайно оказавшийся зверек в зоне раскопок. Но известны случаи, когда этого свирепого хищника приручали с целью борьбы с грызунами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава домашних животных в археологии / Е.Е. Антипина // Современные проблемы археологии России. Т. II. – Новосибирск, 2006. с. 339-342.

Антипина Е.Е. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада.

Антипина Е.Е. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино5,6,7 в середине I тыс. //Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6.) М., 2004. с.106-120.

Городцов В.А .Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Библиотека СГМЗ, инв.№ 26927.

Даль С.К. Отчет об обработке костного материала из раскопок кургана № 6. Александровский район Ставропольского края, окр. хутора «Красное Знамя». ОФ СГМЗ

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы.// МИА.1970. с.161.-266.

Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского Общества испытателей природы. Отделение биологии. М., 1961. T.LXV1/ №5.

Швырева А.К. Остеологические исследования на месте развалин г. Маджара за 1907 год // Четвертые Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции 21-22 ноября 2007 г. Ставрополь, 2008. с.62-64.

Таблицы Г.Н. Прозрителева. ОФ СГМЗ №№ 3458, 3459, 3460.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА МАДЖАРЫ

Яворская Л. В.

На территории Ставропольского края давно известен замечательный археологический памятник – крупное средневековое городище Маджары. Этот город был одним из важнейших пунктов на средневековых торговых путях, и результаты его археологических исследований имеют большое значение для понимания экономической структуры государства Золотая Орда. Однако этот памятник еще очень слабо изучен археологически, и, как следствие этого, в распоряжении исследователей пока еще нет тщательно собранных при его раскопках объемных коллекций остеологического материала, который является базовым источником палеоэкономической информации.

Поэтому сегодня при эпизодически происходящих раскопках этого городища результаты изучения полученных при этом даже небольших выборок костей животных заслуживают внимания и публикации. Обсуждение именно такой остеологической коллекции и является целью данной статьи. Вместе с тем будут рассмотрены и некоторые методические аспекты археозоологических исследований на крупных памятниках городского типа, связанные как со своеобразием проводящихся здесь раскопок и особенностями формирования остеологических коллекций, так и со спецификой самой системы жизнеобеспечения древних городов.

Археологические проекты, реализующие масштабные раскопки древних городов, редки. Участие автора именно в таком проекте при раскопках древнего Ярославля [*Археология древнего Ярославля: загадки и открытия, 2012*] заставило обратить внимание на отличительные характеристики изучаемых городских остеологических материалов. Как правило, крупные городища и городские поселения раскапываются небольшими участками. В результате по конкретным раскопам собираются незначительные в количественном отношении коллекции костей животных, структура которых может заметно отличаться друг от друга. С одной стороны на облик таких «малых» выборок могут оказывать влияние случайные факторы, с другой стороны особенности таких остеологических коллекций из разных археологических объектов могут отражать специфику той или иной деятельности или диеты обитателей этих территорий. Бесспорно, что для получения достоверных археозоологических результатов необходимо работать с достаточно крупными в количественном отношении материалами, и для этого «малые» выборки зачастую просто суммируются. Но такая процедура без анализа археологического контекста обнаружения костных остатков может привести к существенным ошибкам.

Следуя разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН методологической схеме археозоологического исследования, за минимальный количественный объем, который позволяет получить достоверное представление о соотношении наиболее многочисленных по остаткам видов животных (их остеологический спектр), можно принять 400 определимых до видового уровня костей [*Антипина 2004, с.7-33*]. Конечно, соблюдение столь точной границы вряд ли возможно, поэтому представляется более приемлемым рассмотрение минимальной выборки в рамках 300-400 определимых фрагментов.

Однако важно подчеркнуть, что именно для крупных поселений городского типа чрезвычайно важным археологическим параметром является общее количество костных остатков (суммарно определимых и неопределимых). На фоне достоверного археологического контекста этот параметр может быть использован для оценки интенсивности жизни поселения либо на конкретном участке либо в конкретный хронологический период [*Яворская 2012, 2013*].

Базовым источником палеоэкономической информации по любым древним поселениям являются так называемые «кухонные остатки». И хотя такие костные отбросы превалируют в городских напластованиях, выделению этой категории должна сопутствовать фиксация на костях следов разделки туш животных. В итоге полученные исключительно по выборкам пище-

вых костных отходов остеологические спектры позволяют составить представление об особенностях диеты жителей и оценить относительные объемы потребления мяса конкретного вида.

Особый статус городов как торговых, ремесленных и административных центров, а по системе жизнеобеспечения – потребителей сельскохозяйственной продукции, заставляет с крайней осторожностью использовать городские остеологические материалы в палеоэкономическом моделировании, особенно при реконструкции состава стада [*Антипина 2008, с.67-85*]. В этом плане наиболее достоверной оказывается их проекция исключительно на структуру потребления городским населением мясных продуктов [*Антипина 2005, с.181-190*].

Возвращаясь к остеологическим материалам из раскопок городища Маджары, необходимо обратиться к результатам самых ранних определений костей животных из этого поселения, которые дал его первый исследователь Василий Алексеевич Городцов, проведший в 1907 году полевые работы на нескольких участках этого города [*Городцов 1911*]. Из этой публикации удалось вычленить некоторые количественные данные о найденных на памятнике костях животных и собрать их воедино (табл. 1). Коллекции определимых до видового уровня костей животных с каждого из раскопов Городцова невелики: от 242 до 425 фрагментов. И все же они почти соответствуют указанному выше минимальному объему, по которому возможно получения вполне достоверного остеологического спектра. Вместе с тем надо подчеркнуть, что их определение проводил не специалист-зоолог, а сам исследователь – археолог.

Таблица 1.
Таксономически идентифицированные кости животных из раскопок В.А Городцова в 1907 году на городище Маджары.

Объекты	Таксоны							Всего
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Птицы	Рыбы	
Урочище "Кирки" Холм 1	56	31	267	1	3			358
Урочище "Кирки". Траншея 2	47	16	197		2			262
Холм 2 Траншея 2	36	19	182		3	2	?*	242
Здание 3	54	29	342				?	425

**Кости рыб упомянуты в тексте публикации, но количество их не указано*

В соответствие с традиционной в то время методикой В.А. Городцовым была обработана выборка только тех костных остатков, которые он считал определимыми: это или целые кости, или их крупные части с эпифизами. Понятно, что все остальные средние и мелкие фрагменты оказались в группе, так называемых неопределимых остатков, и их общее число не подсчитывалось и не упоминалось в тексте публикации. При подобном подходе, остается неизвестным общее количество костей найденных на конкретном раскопе – важный параметр археозоологического исследования. Отсутствует также информация о сохранности костей, их раздробленности, и следах кухонной разделки, что оставляет сомнения в принадлежности всех этих костей к кухонным отбросам. И эти сомнения вполне закономерны, потому как на сегодняшний день для средневековых городов, в том числе и золотоордынских, хорошо известны ритуальные и бытовые захоронения собак, кошек и даже домашних копытных. Строительная практика любого функционирующего города во все времена способствовала перемещению культурных напластований и разрушению таких захоронений, разрозненные и раздробленные кости из которых могут быть приняты за кухонные отбросы.

Указанные в таблице 1 объекты исследования Городцова представляют собой отдельные раскопы, заложенные в разных частях городища Маджары, на территории которых в средневековье могло проживать этнически и социально различное население с собственными предпочтениями в мясной диете. Однако конкретная археологическая информация по этим объектам остается неясной.

Все эти обстоятельства заставляют выделить из результатов, полученных Городцовым, в качестве наиболее достоверной информации только видовой состав животных. Это пять видов домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья и собака. И, хотя соотношения остатков этих видов (остеологические спектры) нельзя считать абсолютно достоверными, стоит отметить их значительную стабильность: в каждой выборке около 75% – это кости мелкого рогатого скота (МРС), около 15% – крупного рогатого скота (КРС), около 8% – лошади и около 2% – останки собак (если они присутствуют).

В 1990 году археологические исследования проводились в пределах городища Маджары на левом берегу р. Кума. Раскоп №1 был заложен на пустыре в южной части территории больницы г. Буденновск, вблизи котлована, вырытого для нового больничного корпуса [*Белинский, Зиливинская, Бабенко 1991*]. Общая площадь раскопа 1400 кв. м, а мощность культурного слоя до материка в пределах 60 см (три штыка или пласта) оказалась близкой к тем оценкам, которые получены по золотоордынским городам XIV века. Кости животных, составившие обширную коллекцию, извлекались из всех вскрытых слоев и объектов.

По просьбе археологов автором данной статьи обработана небольшая случайно сохранившаяся часть этой коллекции, которая была представлена в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН. Она исследована с соблюдением всех требований методической схемы археозоологического исследования, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН [*Антипина 2004, с.7-33*]. Помимо общепринятых в археозоологических исследованиях методов, таких как таксономическая идентификация, определение по костным остаткам возраста и пола животных, измерение костей для получения размерных характеристик, применялись и другие менее известные в российской археологии методики. Оценивалась естественная сохранность костных фрагментов и степень их раздробленности, фиксировались также костные патологии и характер намеренных манипуляций с костями: следы огня и высокой температуры, разрубов и надрезов лезвием ножа, «кухонного» дробления, погрызов хищниками и грызунами, ремесленной обработки [*Антипина 2004, с.7-33*].

Для представляемых здесь материалов из Маджар наиболее информативными оказались следующие параметры:

- Степень естественной сохранности фрагментов (по пятибалльной шкале) (табл. 2);
- Индекс раздробленности костей млекопитающих (число фрагментов, заполняющие стандартную единицу объема – 1 куб. дм) (табл. 2);
- Следы искусственного воздействия (табл. 3);
- Таксономическая структура остеологической коллекции (табл. 4);

Остеологическая коллекция разделена на выборки по трем пластам культурного слоя, обозначенным в археологическом отчете 1991 года как «штыки» [*Белинский, Зиливинская, Бабенко 1991*].

Общий объем коллекции составляет 497 фрагментов, из них определимых – почти 79% (табл. 2). Такая доля определимых костей при обработке остеологических материалов специалистом-археозоологом является довольно обычным показателем для городов Золотой Орды [*Яворская 2012, с.216-237*]. Естественная сохранность костных фрагментов оценивается в основном как «удовлетворительная» (3 балла, табл. 2), что также характерно для подобных памятников. Раздробленность костных остатков определена делением общего числа фрагментов в конкретной выборке на занимаемый ими объем. Итоговый показатель – индекс раздробленности – указывает на то, сколько обломков наполняют объем в 1 дм^3, по сути – насколько сильно раздроблены кости. На данном участке Маджарского городища индекс раздробленности варьирует от 32 до 49 фрагментов в 1 куб.дм. Такая раздробленность укладывается в границы обычной кухонной и в среднем соответствует раздробленности костей животных на других городских памятниках Золотой Орды, в частности, центральной части города Болгар в синхронный позднеордынский период [*Яворская 2012, с.216-237; Яворская 2013, с.91-102*]. Таким образом, основные показатели – естественная сохранность и раздробленность костей, зафиксированные для остеологических выборок данного участка городища Маджары, характеризуют их как «кухонные» остатки.

Таблица 2.
Остеологическая коллекция из раскопок 1990 года на городище Маджары (раскоп №1): общие сведения

Объекты	Показатели							
	Число костей					Доля (%) определи-мых костей	Индекс раздроблен-ности*	ЕС**
	млекопитающих			птиц	всего			
	определимых до вида	неопределимых до вида						
		крупных по размерам тела	средних по размерам тела					
Штык 1	222	48	22	2	294	76,2	49	3
Штык 2	105	27	3		135	77,7	32	4
Штык 3	56	6	6		68	82,3	40	3
По всем объектам	385	81	31	2	497	78,7	40	3

** расчет индекса см. в тексте*

*** ЕС - естественная сохранность костей по условной шкале от 1 до 5 баллов, где 1 – самая низкая оценка*

Важным показателем, удостоверяющим потребление мяса конкретных животных, являются также следы от кухонной разделки туш (разрубы костей, их специфическое дробление и порезы ножом) и отчасти погрызы собаками. Однако, при «удовлетворительной» естественной сохранности костей, когда поверхностный слой компакты костных фрагментов нарушен или частично разрушен, такие следы сохраняются не на всех обломках. И все же их удалось зафиксировать на большей части костных остатков: 75% костей имели разного рода следы (табл. 3). Более того, фрагменты с «кухонными» следами оказались достаточно равномерно распределенными по конкретным штыкам (пластам): их доля в каждой из выборок остается довольно высокой и варьирует от 65 до 85%. В наибольшем количестве встречены следы порубов или разрубов (от 52 до 63%) и кухонного дробления костей (от 27 до 42 %), которые являются следствием разделки туш тяжелым орудием с толстым металлическим лезвием, типа топора, что еще раз подтверждает «кухонный» характер накопления костных остатков на данном участке памятника.

Видовой состав животных обсуждаемой коллекции включает всего четыре вида домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, собака. Среди таксонов по остаткам решительно преобладают домашние копытные, которых, как правило, причисляют к мясным видам. На костях именно этих животных и были обнаружены следы кухонной разделки. На имеющихся в коллекции остатках собак (4 фрагмента) нет следов разделки. Хотя в истории населения южных регионов Восточной Европы имеются сведения об использовании мяса собак в пищу, они относятся к памятникам железного века, на которых обнаружены кости собак с яркими следами кухонной разделки их туш [*Журавлев 1981, 130-159; Антипина 2002, с.137-148*]. Для золотоордынских городов подобные факты неизвестны.

Таблица 3.
Остеологическая коллекция из раскопок 1990 года на городище Маджары (раскоп №1): зафиксированные следы искусственного воздействия на костных фрагментах

Объекты	Всего костей	Число костей со следами					
		погрызов	огня	разрубов	кухонного дробления	порезов ножом	всего
Штык 1	294	10	1	105	73	3	192 (65,3%)
%		5,2	0,5	54,7	38,0	1,6	100,0
Штык 2	135	11		73	31	1	116 (85,9%)
%		9,5		62,9	26,7	0,9	100,0
Штык 3	68	3		26	21		50 (73,5 %)
%		6,0		52,0	42,0		100,0
По всем объектам	497	24	1	204	125	4	358 (72,0%)
%		6,7	0,3	57,0	34,9	1,1	100,0

Таблица 4.
Остеологическая коллекция из раскопок 1990 года на городище Маджары (раскоп №1): таксономический состав домашних млекопитающих

Объекты	Число костей по таксонам				Всего костей домашних млекопитающих
	КРС	лошадь	МРС	собака	
Штык 1	133	21	66	2	222
Штык 2	65	7	32	1	105
Штык 3	34	5	16	1	56
По всем объектам	232	33	114	4	383
%	99,0			1,0	100,0
	379 (100%)				
%	61,2	8,7	30,1		

В представленной коллекции численно преобладают остатки крупного рогатого скота (61%). Кости мелкого рогатого скота занимают вторую позицию (30%), а лошади – третью (около 9%, табл.4). Если использовать этот остеологический спектр для оценки мясного потребления, то, в соответствии с разработанными в ИА РАН методиками [*Антипина 2004, с.7-33*], на первом месте в мясной диете жителей рассматриваемой локальной территории городища будет говядина (82%), далее, в значимо меньших объемах – конина (11%) и баранина (7%, см. выборку №1, табл.5). Аналогичные подсчеты, проведенные для одной из выборок Городцова (здание 3, табл.1), показали разительные отличия мясной диеты у обитателей другого участка городища.

Для этого населения фиксируется значительное потребление баранины и говядины почти в равных долях, которые в совокупности составляют около 80%. Конина также в заметном количестве (около 20%, см. выборку №2, табл.5) входила в мясной рацион.

Конечно, нельзя забывать, что обе выборки являются небольшими, и на их структуру могли влиять случайные факторы. Но нельзя отбрасывать и указанную выше для материалов Городцова стабильность остеологических спектров по домашним копытным. А для изученной автором

коллекции превалирование костей КРС подтверждается доминированием остатков крупных по размерам тела млекопитающих среди костных фрагментов неопределимых до вида (см. табл.2).

Таблица 5.
Городище Маджары: расчеты относительных объемов потребляемого населением мяса домашних копытных

Выборки	Домашние копытные			Всего, % и усл. ед.
	КРС	Лошадь	МРС	
Остеологический спектр, %				
№ 1 (данные Яворской по всей обработанной части коллекции 1990 г., табл.4)	61,2	8,7	30,1	100,0
№ 2 (данные Городцова, выборка из здания 3, табл.1)	12,7	6,8	80,5	100,0
Кратность веса туши с/х животных к весу одной туши МРС				
для обеих выборок	6	5,5	1	
Объемы мясных продуктов в условных единицах				
№ 1	367,2	47,9	30,1	445,2
№ 2	76,2	37,5	80,5	194,2
Соотношение объемов мясных продуктов, %				
№ 1	**82,5**	**10,7**	**6,8**	100,0
№ 2	**39,2**	**19,3**	**41,4**	100,0

Представленные выше результаты проведенного автором исследования небольшой коллекции из городища Маджары, а также проанализированные данные Городцова позволяют проецировать некоторые характеристики этих выборок на вероятный облик других, собранных при будущих раскопках, остеологических материалов этого памятника и оценить перспективность дальнейших археобиологических исследований.

Прежде всего, можно прогнозировать, что в культурных напластованиях городища тафономические условия способствуют сохранению костей животных. Удовлетворительное состояние костной ткани остатков (естественная сохранность 3 или 4 балла) позволяет провести достоверную таксономическую идентификацию для значительной части собранных остеологических материалов (до 70%).

В культурных напластованиях Маджар присутствуют разные (как минимум две) категории археозоологических материалов. Наиболее многочисленная – это костные «кухонные» остатки главным образом домашних копытных с характерными следами от разделки туш животных. Другую категорию могут представлять кости собак без следов кухонной разделки. Разные категории костных остатков должны исследоваться отдельно по специальным методикам.

В целом, таксономический состав животных, зафиксированных сегодня на городище по костным остаткам, включает и уровень крупных таксонов – млекопитающих, птиц и рыб, и более детальную идентификацию видовой принадлежности костей млекопитающих. Среди домашних видов достоверно присутствуют крупный и мелкий рогатый скот (главным образом овцы), лошадь, свинья и собака. Остатков костей диких промысловых животных на городище пока не зарегистрировано.

Предварительные оценки структуры мясного потребления показали значительные различия в мясной диете жителей разных участков города. Такие различия в мясном рационе

позволяют поставить вопрос о существовании на территории Маджар районов компактного проживания населения с разной этнической или социальной структурой.

И наконец, исследование даже небольшой остеологической выборки ясно показывает, что на городище Маджары необходимо осуществление полноценных крупномасштабных раскопок с тщательным и полным сбором всех биологических и других материалов для проведения полного спектра археобиологических исследований, в том числе и археозоологических, уже традиционных для современной мировой археологии. Это позволит ввести в научный оборот все археологические и археобиологические данные по памятнику и сопоставить их с информацией по другим синхронным золотоордынским городам. В итоге должна быть получена достоверная информация о повседневной бытовой жизни и системе питания горожан, о хозяйстве округи города Маджары, и о его месте в экономической системе Золотой Орды – одного из крупнейших государств Евразии XIII-XIV вв..

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №14-06-00427.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Антипина Е.Е., 2002. Остеологические материалы Елизаветовского городища и особенности потребления мясных продуктов его населением // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов. с.137–148.

Антипина Е.Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М. Языки славянской культуры. с. 7–33.

Антипина Е.Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. Научные редакторы и составители: Е.Н.Черных и В.И.Завьялов. М.: Языки славянской культуры. с.181–190.

Антипина Е.Е., 2008. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Изд-во «Параллели». с. 67-85

Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. 2012. 2-е изд., доп. и переработ. М.: ИА РАН.

Белинский А.В. Зиливинская Э.Д. Бабенко В.А., 1991. Отчет об археологических работах на городище Маджар Ставропольского края в 1989-90-х гг. М., 1991. Архив ИА РАН.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году //Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 год, под редакцией графини Уваровой. Том III. г. Москва, 1911.

Журавлёв О.П., 1981. Фауна поселения Черноморка-II (на материалах костных остатков) // Использование методов естественных наук в археологии. Киев: «Наукова Думка». с.130–159.

Яворская Л.В., 2012. Костные остатки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. №1. с. 216-237.

Яворская Л.В., 2013. Специфика заполнения культурных слоев и динамика мясного потребления в городе Болгар (по археозоологическим материалам раскопа № CLXXIX) // Поволжская археология, №3. с. 91-102

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ИЗ МАДЖАРСКОГО ГОРОДИЩА.

Евтеев А.А.

Первые палеоантропологические материалы из некрополя Маджара были получены в 1907 г. в ходе археологических раскопок под руководством В.А. Городцова. Серия из 14 черепов поступила в фонды НИИ и Музея антропологии МГУ и получила инвентарные номера 5730-5748. Однако объектом исследования эти материалы стали гораздо позднее: индивидуальные данные и описание маджарской серии приведены в книге В.П. Алексеева «Происхождение народов Кавказа» [*Алексеев 1974*]. Важно отметить, что В.А. Городцов произвел раскопки одновременно двух могильников: золотоордынского и могильника I-II вв. нашей эры. Поэтому, как пишет В.П. Алексеев, «…в составе нашей серии могут быть отдельные черепа более раннего сарматского времени» [*Алексеев 1974.с. 23*]. Один череп (5736) был исключен им из серии, так как согласно инвентарной книге относился к раннему могильнику.

По мнению автора, серию в целом можно считать европеоидной с небольшой монголоидной примесью. Ее мужская часть характеризуется умеренной брахикранией и высокой черепной коробкой, крупными размерами лицевого скелета, резкой профилировкой лица на уровне субспинале и некоторой его уплощенностью на уровне назиона, массивностью, невысокими орбитами и узким, сильно выступающим носом с хорошо профилированным переносьем. В целом серия была признана однородной, так отличия между отдельными индивидуальными черепами не складываются в устойчивые комплексы.

Переходя к межгрупповому сопоставлению, В.П. Алексеев констатирует отличие выборки из Маджар от серии из Саркела и выборок средневекового кочевого населения, в первую очередь в значительно меньшей выраженности монголоидных черт в серии из Маджар. По данным межгруппового анализа, выборка сближается с сериями из других золотоордынских городов [*по Дебецу 1948*], а также из сельских могильников с территории Волжской Булгарии – Кайбельский и Воровской Враг. Здесь нужно отметить, что межгрупповое сравнение проводилось по ограниченному набору из пяти краниометрических признаков - 1, 8, 17, 45 и 48 по Мартину [*Алексеев 1974, с. 25*], и степень сходства этих групп по многим другим важным размерам, например выступанию носа и горизонтальной профилировке лица, осталась неясной. Приводимые графики (рис. 4 и 5, с. 25) также не демонстрируют полного сходства сравниваемых групп. Тем не менее, автор приходит к выводу о «…прямой генетической связи между населением городских поселений Золотой Орды и г. Маджары» [с. 24].

Далее анализируется вопрос о возможной связи этногенеза карачаевского и балкарского народов с населением Маджара, так как именно об этом свидетельствуют легенды этих народов. Автор считает такую связь маловероятной, главным образом потому, население Маджара имело некоторую монголоидную примесь, а современные карачаевцы и балкарцы – нет [*Алексеев 1974, с. 26*].

На данные В.П. Алексеева ссылается Л.Т. Яблонский в статье «Монголы в средневековых городах Поволжья» [*Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987*]. Сравнивая маджарскую серию с новыми палеоантропологическими материалами из нижневолжских городищ, Л.Т. Яблонский отмечает, в некотором противоречии с выводами В.П. Алексеева, своеобразие первой, выражающееся, по его мнению, в почти полном отсутствии монголоидной примеси у населения Маджара [с. 226].

В ходе раскопок АЭ СГПИ в 1989-1990 гг. под руководством Э.Д. Зиливинской были получены новые антропологические материалы из некрополя этого города [*Бабенко 2004*]. Серия составила 14 черепов разной сохранности и была опубликована, суммарно с черепами, изученными В.П. Алексеевым, автором данной статьи [*Евтеев 2003*]. Добавление этого нового материала не изменило существенным образом общей характеристики серии. Средние значения в женской части изменились несколько сильнее, чем в мужской, что неудивительно, учитывая малочисленность женщин в серии 1907 г.

Хотя визуальная морфологическая неоднородность серии подчеркивалась мной в той работе, стандартные отклонения лишь нескольких признаков в ней превышают средние [*Алексеев, Дебец 1964*]. С другой стороны, внутригрупповые коэффициенты корреляции многих признаков существенным образом отличаются от средних («биологических») корреляций, в частности наблюдается тесная связь между размерами мозгового и лицевого отделов, никак не связанными топографически или онтогенетически [*Ефимова 1991; Заллер 1964; Звягин 1986; Евтеев 2014*]. Кроме этого, в серии существенно завышен уровень полового диморфизма по целому ряду признаков.

В результате внутригруппового анализа, проведенного методами главных компонент, кластерного и канонического анализов, в мужской части серии были выделены три варианта. Первый характеризуется крупным брахикранным черепом, широким, но не очень высоким лицом, низкими орбитами, сильной горизонтальной профилировкой лица и сильным выступанием носа. Второй также отличается резко выраженными европеоидными особенностями, но при этом средними размерами лица и мозгового отдела¸ а также мезокранией. Третий во многом сходен с первым, отличаясь от него особенно резкой брахикранией и большой высотой лица в сочетании со средней его шириной.

В женской части выборки все черепа характеризуются сильной горизонтальной профилировкой и выступанием носа, однако два выделяются мезокранией и узколицестью. Мнение о преобладании монголоидных черт в облике третьего варианта мужской выборки, которое я постулировал тогда, сейчас вызывает некоторые сомнения.

Межгрупповой анализ был представлен в статье 2003 г. не вполне корректно. В ней подробно разбирались подвыборки по трем выделенным вариантам отдельно, тогда как график сопоставления общей средней не был приведен. Трудно признать такой подход удачным. Кроме всего прочего, численность подгрупп колебалась от 2 до 4 черепов, а при такой численности фактор случайности выборки приобретает решающее значение.

Результатом оказалось сближение первого варианта с брахикранным и широколицым европеоидным населением Кавказа, с одной стороны (Верхний Джулат, Самтавро, Дзивгис, склеп 21, Верхняя Кобань), и Волжской Булгарии – с другой (Кайбельский VIII-IX вв., Малый Минарет). Второй вариант нашел аналогии в группах «понтийского типа»: Гамовское, Салтово, Бабий бугор, Дегва, Дзивгис, склеп 15. Третий тип не нашел себе близких аналогий и оказался явным «выбросом» анализа.

Анализ с использованием общей средней показал ее близость к выборкам из могильников «Четырехугольник», Кайбелы (X-XII вв.) и билярской с территории Волжской Булгарии, а также Селитренного городища. Женская же часть населения Маджара, по данным компонентного анализа, сближается с серией из Зливкинского могильника, и в меньшей степени – с сериями из Селитренного и Водянского городищ.

Эти результаты, надо признать, полностью подтверждают выводы В.П. Алексеева (1974). Однако роль местного антропологического элемента в этой выборке, на мой взгляд, остается по-прежнему неясной. С одной стороны, внутригрупповой анализ показал неоднородность группы и возможную связь некоторой ее части с населением Кавказа, но с другой - корректно проведенный межгрупповой анализ подтвердить этого не смог.

В последние годы антропологи также обращались к анализу серии из Маджар.

С.Г. Комаров в своей диссертации (2013) использует маджарскую серию в качестве сравнительной, но получает при этом интересные результаты. По результатам кластерного анализа (там же, рис. 2, стр. 89) мужская часть группы сближается с сериями из Старого Орхея, Миздахкана, Мамай-Сурка и Маячного бугра, однозначно попадая в кластер золотоордынского городского населения. По данным компонентного анализа (рис. 3, стр. 92) – с этими же группами (с Миздахканом в данном случае в меньшей степени) и, несколько неожиданно, с мезокранной серией из Нижней Студенки, представляющей, вероятно, восточнославянское население золотоордынского Поволжья. Однако речь идет преимущественно о сходстве с городским населением западных регионов Орды, но не крупных памятников Нижнего Поволжья. По мнению С.Г. Комарова, присутствие монголоидной примеси, если оно и есть в серии из Маджар, по сравнению с другими группами золотоордынского населения минимально (там же, стр. 94).

Женская часть маджарской выборки в анализах, проведенных С.Г. Комаровым, демонстрирует большое своеобразие (там же, рис. 4, стр. 104; рис. 5, стр. 106). Можно сказать, что ее морфологический облик не находит прямых аналогий среди сравниваемых серий. Нужно от-

метить, что в наборе серий, использованных в межгрупповом анализе С.Г. Комаровым не представлены серии северокавказского населения (за исключением Верхнего и Нижнего Джулата) и Волжской Булгарии (использованы две достаточно своеобразные выборки из Мари-Луговского и Березовского могильников). Такой подбор групп, безусловно, объясняется задачами исследования, но для анализа положения именно маджарской серии он недостаточно представителен.

В недавней статье М.М. Герасимовой (2014), посвященной вопросу этногенеза карачаевского и балкарского народов, серия из Маджар (мужчины) по данным кластерного анализа сближается с несколькими выборками позднесредневековых адыгов, будучи в то же время совершенно не похожа на предков карачаевцев и балкарцев. Таким образом, подтверждается мнение В.П. Алексеева о неучастии населения Маджар в этногенезе этих народов. Самому факту сходства маджарской выборки с некоторыми кавказскими не следует в данном случае придавать большого значения, так как в работе анализировался исключительно кавказский материал.

Таким образом, небольшая серия из Маджара неоднократно становилась объектом исследования, и в целом о ее антропологическом облике многое известно. Несомненно ее отличие от кочевого населения региона и сходство с брахикранным европеоидным населением золотоордынских городов, преимущественно из западных регионов Орды, а также Волжской Булгарии. В то же время вопрос о возможном наличии местного кавказского компонента в этой группе остается достаточно запутанным.

В данной публикации я ставил перед собой следующие задачи:

1) Уточнить параметры краниометрических признаков в маджарской серии.

2) Ввести в научный оборот индивидуальные данные по новой части выборки (раскопки Э.Д. Зиливинской 1989-1990 гг.)

3) В ходе внутригруппового анализа сосредоточится на отличиях частей серии разных годов раскопок, происходящих, возможно, из разных частей городища.

4) Провести подробный межгрупповой анализ серии с привлечением максимально широкого спектра сравнительных материалов и с использованием различных статистических методов.

5) Опубликовать некоторые данные палеопатологического анализа выборки.

Материал и методы.

При подготовке данной работы новые измерения маджарских черепов не производились, но состав мужской части выборки был несколько изменен. Из нее был исключен череп под инвентарным номером 5736 (НИИ и Музей антропологии), относящийся по данным В.П. Алексеева к могильнику сарматского времени [*Алексеев 1974; стр. 23*]. В то же время, в нее был включен череп из коллекции НИИ МА, опубликованный Алексеевым, но не измерявшийся и не включенный мною в выборку в 2003 г. Самым существенным результатом такого изменения состава выборки стало уменьшение поперечного диаметра на 1,2 мм, другие же размеры изменились значительно меньше.

Состав женской часть выборки не изменился по сравнению с публикацией 2003 г [*Евтеев 2003*].

Таким образом, в подсчете средних использовались следующий набор черепов.

Мужские: 5731 (номера, начинающиеся на «57» - по каталогу НИИ и Музея антропологии), 5734, 5738, 5740, 5741, 5743, 5744, 5747, 5748, «Алексеев, №2» (череп из хранения НИИ МА, второй в таблице индивидуальных данных В.П. Алексеева – там же, стр. 176-183), погребения 6 и 9 из раскопок 1990 г. (эти и следующие черепа – из раскопок Э.Д. Зиливинской, хранятся в Секторе физической антропологии ИЭА РАН), одна случайная находка 1989 г. и две – 1990 г. Всего 15 черепов.

Женские: 5730 (номера, начинающиеся на «57» - по каталогу НИИ и Музея антропологии), 5733, 5742, погребения 2, 4 и 6 из раскопок 1989 г. (эти и следующие черепа – из раскопок Э.Д. Зиливинской, хранятся в Секторе физической антропологии ИЭА РАН), погребения 5, 7 и 8 из раскопок 1990 г., а также одна случайная находка 1990 г. Всего 10 черепов.

Юношеские черепа из п. 8 раскопок 1989 г. и случайная находка («№3») 1990 г., как и в работе 2003 г., при подсчете средних не использовались.

Черепа из раскопок 1989-1990 гг. были измерены по следующей программе (приводятся принятая нумерация и сокращения названий признаков): 1, 8, 17, 9, 11, 12, 5, 40, 45, 48, 55, 54, 51, 52, ширина и высота изгиба скуловой кости по Woo, MC, MS, SC, SS, 75(1), 77, угол ZM [*Алексеев, Дебец 1964*]. По этой же программе мною были перемерены черепа из раскопок

Городцова. При публикации индивидуальных данных (Приложение 1) я приводил только свои измерения, за исключением упомянутого выше черепа, который не был измерен в 2003 г.

Величины стандартных отклонений признаков и коэффициенты полового диморфизма сопоставлялись с опубликованными средними [*Алексеев, Дебец 1964; Евтеев 2008*].

Внутригрупповой анализ был проведен методом главных компонент, только в мужской части выборки, по 13 измерительным признакам: продольному и поперечному диаметрам черепа, скуловой ширине и верхней высоте лица, высоте и ширине орбиты, высоте и ширине носа, максиллофронтальным и симотическим ширине и высоте, зигомаксиллярному углу. В нем использовались 9 индивидов (5731, 5741, 5743, 5744, 5747, 5748, погребения 6 и 9 раскопок 1990 г, случайная находка 1990 г).

Межгрупповой анализ проводился в несколько этапов, с использованием двух статистических методов, отличающихся по своим принципам: компонентного анализа и многомерного шкалирования. Совпадения результатов обоих методов, на мой взгляд, дополнительно свидетельствует о не случайности сходства тех или иных выборок между собой.

При анализе мужской части выборок использовалась 121 сравнительная группа, женской – 89 групп (Приложение 2). В обоих случаях использовался один и тот же набор из 12 признаков: 1, 8, 17, 45, 48, 51, 52, 54, 55, симотические размеры, зигомаксиллярный угол. В сериях, взятых из книги Т.К. Ходжайова (1987г.), значение ширины орбиты от максиллофронтале (51) получалось путем умножения значения ширины орбиты от дакрион (51а) на поправку в 1,067 [*Алексеев, Дебец 1964*], так в публикации первый признак не приводится. В женской части серии из склепа 15 в с. Дзивгис недостающее значение зигомаксиллярного угла было получено путем усреднения этого признака во всех северокавказских группах.

На первом этапе все имеющиеся данные анализировались методом главных компонент, и по результатам этого определялся достаточно широкий круг серий, сравнительно близких к маджарской, тогда как выборки, очевидно не сходные с ней, из дальнейшего рассмотрения исключались.

На втором этапе набор серий, отобранных на первом этапе, анализировался сначала методом главных компонент с визуальным представлением результатов распределения групп в пространстве первых четырех главных компонент, а затем – методом многомерного шкалирования на основе попарных евклидовых расстояний между всеми выборками. Результаты многомерного шкалирования представлялись в пространстве двух или трех осей. Таким образом, оценивалось сходство серии из Маджар со сравнительными выборками на трех или четырех графиках, результаты для каждого из графиков заносились в таблицу. Для объективизации процесса, в качестве «похожих» выборки отбирались согласно определенному диапазону значений главных компонент (осей шкалирования). Анализ полученной таблицы позволял оценить «устойчивость» сходства маджарской серии с другими выборками.

Заключительным этапом межгруппового сопоставления был канонический дискриминантный анализ, в котором использовались индивидуальные данные по тем сериям, которые оказались наиболее близки маджарской по данным предыдущих анализов (табл. 2). Он проводился только для мужской части серии. К сожалению, в моем распоряжении были индивидуальные данные далеко не по всем выборкам, приведенным в табл. 2, поэтому в некоторых случаях использовались территориально или этнически близкие им серии. В итоге, в анализ были включены следующие выборки, суммарной численностью 175 черепов:

- население Волжской Булгарии [*по Газимзянову 2001*]: Усть-Иерусалимский (15 черепов), Больше-Тиганский II (6 черепов), «Малый минарет» (8 черепов), Кожаевский (17 черепов), Старокуйбышевский I (10 черепов)

- могильник золотоордынского времени из Саратовской области Болдыревка, 10 черепов (Касанкин, 1990; неопубликованные данные автора)

- серия XV в. из Старого Орхея, 8 черепов [*Великанова 1993*]

- серия XIII-XIV вв. из Миздахкана, 32 черепа [*Ягодин, Ходжайов 1970*].

- население Северного Кавказа: осетины XVI-XVIII вв., Кобань, 24 черепа [*Абдушелишвили 1955; Алексеев 1974*]; используемая здесь случайная выборка черепов из сборов Б.А. Куфтина была измерена автором; Чирюрт, 10 черепов (измерения автора); Адиюх, 10 черепов [*Алексеев 1974*]

- население Крыма: Херсонес (базилика, нартекс, раскопки 1935 г.), 13 черепов [*Иванов 1998*]; Тепе-Кермен, 12 черепов (измерения А.В. Иванова).[1]

[1] Выражаю глубокую признательность А.В. Иванову за представленные данные по средневековому населению

Из самой маджарской серии в анализ были включены 9 черепов под номерами 5731, 5741, 5743, 5744, 5747, 5748, погребения 6 и 9 из раскопок 1990 г., случайная находка (№2) из раскопок 1990 г.

Канонический дискриминантный анализ проводился с использованием 10 признаков: продольного (1) и поперечного (8) диаметров черепа, скуловой ширины (45) и верхней высоты лица (48), высоты орбиты (52), высоты (55) и ширины (54) носа, симотических ширины и высоты, зигомаксиллярного угла.

Результаты данного анализа были представлены в двух вариантах: график распределения средних выборочных значений первых двух канонических переменных и график многомерного шкалирования попарных расстояний Махаланобиса между сериями.

Результаты

Средние значения и другие параметры краниометрических признаков, а также эмпирические коэффициенты полового диморфизма в серии из Маджар приводятся в табл. 1. Индивидуальные данные приведены в Приложении 1.

Таблица 1.
Средние значения, численность выборки, минимальные и максимальные значения признаков, стандартные отклонения и коэффициенты полового диморфизма краниометрических признаков в серии из Маджар.

№№ признаков	Мужчины					Женщины					КПД*
	X	N	S	Min	Max	X	N	S	Min	Max	
1. Продольный диаметр	178,9	15	**6,85****	168,0	189,0	167,5	10	**6,47**	158,0	177,0	**1,068*****
8. Поперечный диаметр	144,9	14	**7,10**	133,0	153,0	140,2	9	3,42	136,0	147,0	1,033
17. Высотный диаметр	134,4	13	4,48	128,0	143,0	123,8	6	**5,04**	119,0	132,0	**1,085**
8/1. Черепной указатель	81,2	14	**5,89**	73,1	89,9	83,9	9	**4,43**	76,8	89,4	0,967
11. Ширина основания черепа	126,8	13	**6,02**	118,0	139,0	121,7	7	3,90	118,0	129,0	*1,042*
12. Ширина затылка	111,0	14	**6,41**	102,0	128,0	106,8	6	2,93	104,0	112,0	1,040
5. Длина основания черепа	103,7	14	**6,03**	91,0	112,0	94,2	6	**4,36**	87,0	99,0	**1,101**
9. Наименьшая ширина лба	96,2	15	3,11	90,0	101,5	92,2	5	3,03	88,0	96,0	**1,043**
40. Длина основания лица	100,9	11	4,74	95,0	109,0	98,0	5	3,06	92,9	101,1	*1,030*
40/5.Указатель выступания лица	96,8	11	**5,61**	90,5	110,0	92,1	8	2,03	89,0	95,0	1,050
45. Скуловой диаметр	134,9	11	4,37	130,0	143,0	123,7	7	**5,22**	117,0	132,0	**1,090**
48. Верхняя высота лица	72,1	12	3,82	66,0	78,0	65,3	8	2,71	62,0	69,0	**1,104**
48/45. Верхний лицевой указатель	53,7	11	2,99	49,6	59,5	54,0	6	2,46	51,2	58,5	0,995
51. Ширина орбиты	43,3	12	1,68	41,0	45,0	40,4	8	1,59	38,5	43,0	**1,071**
52. Высота орбиты	31,7	11	1,62	29,0	34,0	32,3	9	0,87	31,0	34,0	*0,981*
52/51. Орбитный указатель	73,6	11	4,39	66,7	81,0	79,5	8	3,17	74,4	84,6	0,925
55. Высота носа	52,0	12	2,45	48,0	58,0	49,6	7	2,15	47,0	52,0	1,048
54. Ширина носа	25,3	11	1,27	24,0	28,0	24,2	7	**2,08**	22,0	27,5	1,044

Крыма

54/55. Носовой указатель	48,3	11	1,99	45,3	51,9	48,4	5	3,13	44,9	51,0	0,998
MC. Максиллофронтальная ширина	19,5	11	2,10	15,5	22,2	19,1	7	0,68	17,9	19,8	1,021
MS. Максиллофронтальная высота	8,0	10	1,53	6,3	10,6	7,3	7	0,73	5,8	7,8	1,100
MS/MC. Максиллофронтальный указатель	41,0	10	5,83	31,3	51,7	38,4	7	4,64	29,3	43,6	1,184
SC. Симотическая ширина	10,0	11	1,80	7,7	12,4	9,3	8	1,11	7,7	10,5	**1,077**
SS. Симотическая высота	5,0	11	0,81	4,1	6,3	3,9	8	**0,98**	3,0	5,6	**1,304**
SS/SC. Симотический указатель	51,2	11	8,28	34,5	64,9	41,4	8	7,75	33,3	54,4	1,237
Ширина скуловой кости (по By)	57,2	10	2,89	53,3	60,9	53,3	7	2,31	48,6	55,5	1,073
Высота изгиба скуловой кости (по By)	12,5	10	1,73	8,6	14,8	11,5	7	1,56	9,8	14,4	1,092
Указатель высоты изгиба скуловой кости	21,9	10	2,82	16,0	26,3	21,5	7	2,38	18,4	25,9	1,018
75(1). Угол выступания носа	29,8	10	4,89	22,0	38,0	24,6	7	4,83	16,0	31,0	1,213
Бималярная ширина	98,4	11	3,73	94,3	104,1	93,0	8	2,77	87,8	96,8	**1,058**
Высота nasion над бималярной хордой	18,6	12	3,65	12,3	23,5	16,5	8	2,99	11,5	19,2	1,129
Зигомаксиллярная ширина	96,9	11	2,27	92,7	99,8	89,3	7	4,72	84,6	98,7	1,084
Высота над subspinale зигомаксиллярной хордой	25,0	11	2,58	21,3	29,8	21,3	7	2,61	18,4	26,1	1,176
77. Назомалярный угол	137,5	11	**5,74**	130,6	146,4	141,3	8	**6,44**	135,0	152,6	*0,974*
ZM. Зигомаксиллярный угол	125,4	11	5,23	116,1	132,5	129,1	7	**6,33**	116,7	136,4	*0,972*

** - коэффициент полового диморфизма*

*** - жирным шрифтом выделены величины стандартных отклонений, превышающие верхнюю границу средних величин по Алексееву, Дебецу, 1964.*

**** - жирным шрифтом выделены значения КПД, превышающие верхнюю границу средних величин по Алексееву, Дебецу, 1964; жирным шрифтом с подчеркиванием – превышающие верхнюю границу средних величин по Евтееву, 2008; курсивом выделены значения КПД, менее нижней границы средних величин по Алексееву, Дебецу, 1964; курсивом с подчеркиванием - менее нижней границы средних величин по Евтееву, 2008.*

Можно отметить, что стандартные отклонения в мужской части выборки завышены практически по всем признакам мозгового отдела и лишь по одному – лицевого (признака скорее «пограничного» – назомалярного угла). Это свидетельствует о неоднородности выборки, однако неоднородность эта связана с изменчивостью формы мозговой коробки, тогда как лицевой

скелет не столь изменчив. Можно предположить, что сравнительно большие его размеры и европеоидные особенности характерны практически всех индивидов, вошедших в выборку.

В женской части выборки наблюдаются сходные тенденции: форма мозговой коробки явно более изменчива по сравнению с лицевым отделом.

Интересной особенностью выборки являются отклонения коэффициентов полового диморфизма практически всех признаков, для которых имеются такие данные, от средних величин [*Алексеев, Дебец 1964; Евтеев 2008*]. Отклонения наблюдаются как в сторону повышения, так и понижения коэффициентов, то есть отличия двух частей выборки явно не объясняются только половым диморфизмом и можно предполагать различное происхождение мужчин и женщин этой группы.

Результаты *внутригруппового анализа мужской части серии* представлены на рис. 1. В области больших значений первой главной компоненты (ГК1), значения которой здесь и далее отображены по оси абсцисс, располагаются черепа, для которых характерно уменьшение продольного и увеличение поперечного диаметров черепа, увеличение высоты лица и глазницы, уменьшение всех максиллофронтальных и симотических размеров, увеличение зигомаксиллярного угла. Максимальные значения ГК1 характерны для черепов 5731 и 5741, также в области ее положительных значений находится череп 5747. ГК1 описывает 39,1% общей изменчивости в выборке.

ГК2 (здесь и далее - ось ординат) описывает 19,7% изменчивости, и связана, в первую очередь, с изменениями скулового диаметра, высоты и ширины носа, которые согласованно уменьшаются в области ее больших значений. Крайне малыми значениями этой компоненты выделяются черепа 5748 и случайная находка 1990 г.

В целом следует отметить достаточно сильный разброс индивидов в пространстве двух первых главных компонент. Явных отличий между черепами разных годов раскопок не отмечено.

На первом этапе *межгруппового анализа мужской части выборки* мы использовали обширный набор сравнительных групп, включающий 121 выборку из всех регионов Золотой Орды, а также некоторых прилегающих территорий. Сравнивались преимущественно серии золотоордынского времени, но также и некоторые выборки предшествовавшего (не ранее VIII в. н.э.) и последующего (не позднее XVII в., за исключением осетинских серий, где некоторые черепа могут относиться к XVIII столетию) периодов. Это делалось в тех случаях, когда можно было предполагать связь такой ранней или поздней группы с населением Маджар, в частности для северокавказских выборок. Общий список использованного сравнительного материала с источниками и датировками приведен в Приложении 2.

Анализ проводился методом главных компонент. Главной целью анализа на этой предварительной стадии было не столько установить, какие выборки наиболее близки маджарской, сколько определить круг серий, среди которых следует искать ей параллели, отсекая при этом явно морфологически отличающиеся группы

Результаты анализа представлены на рис. 2. В области больших значений ГК1 (38,4% изменчивости) расположены серии с большой шириной черепа, большими размерами лица и глазницы, большой высотой носа, повышенными значениями зигомаксиллярного угла и сравнительно небольшими симотическими размерами. В области больших значений ГК2 (14,5% изменчивости) можно видеть группы с малыми значениями симотических ширины и высоты. Выборка из Маджар обозначена номером 46, сплошной квадрат.

Во избежание субъективизма, серии для последующего анализа отбирались согласно значениям главных компонент: ГК1 от -2 до1, ГК2 – от -2 до 0 (обозначены на графике прямоугольником). В этот диапазон вошли 57 выборок, которые и стали предметом более детального анализа.

Результаты компонентного анализа с использованием этих 57 выборок представлены на рис. 3. Номера серий соответствуют рис. 2 и Приложению 2. В области больших значений ГК1 (26,6% изменчивости) увеличиваются поперечный диаметр, ширина и, в меньшей степени, высота лица, размеры глазницы, высота носа, немного убывают симотические размеры. ГК2 (18% изменчивости) связана, в первую очередь, с увеличением продольного диаметра, уменьшением поперечного диаметра, симотической ширины и зигомаксиллярного угла.

Серии, находящиеся на графике (рис. 3) в непосредственной близости от маджарской (приблизительно от -1 до 0 по значениям ГК1 и -0,5 до 0,5 по значениям ГК2), перечислены в первом столбце табл. 2. Данный список разнообразен и не полностью проясняет картину

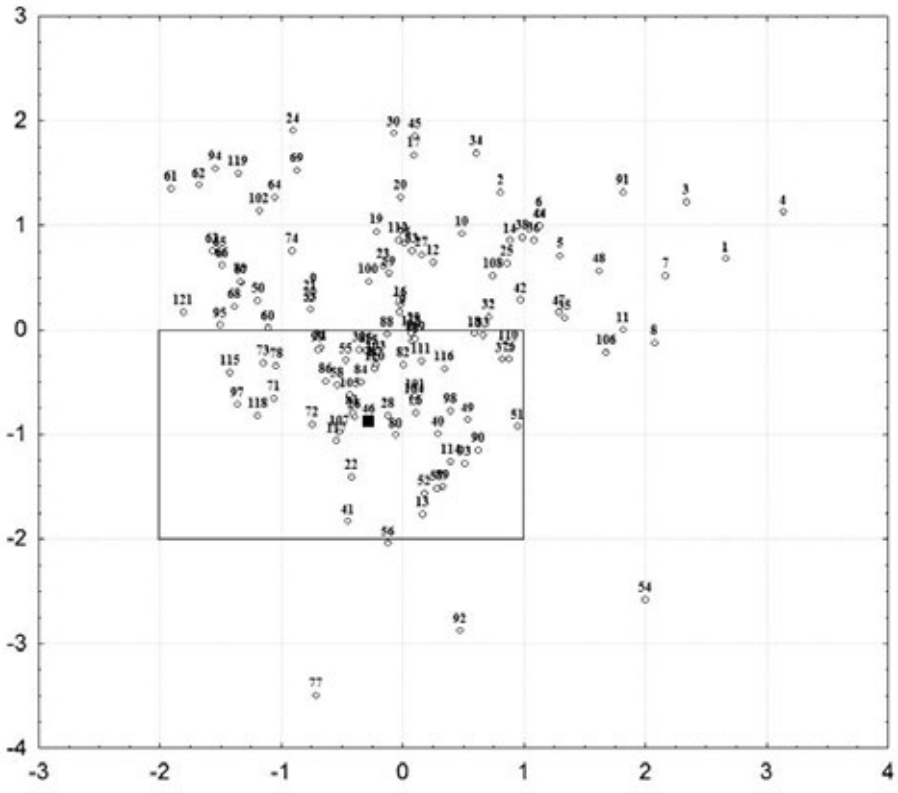

Рис. 1.Внутригрупповой анализ мужской части серии из Маджар методом главных компонент

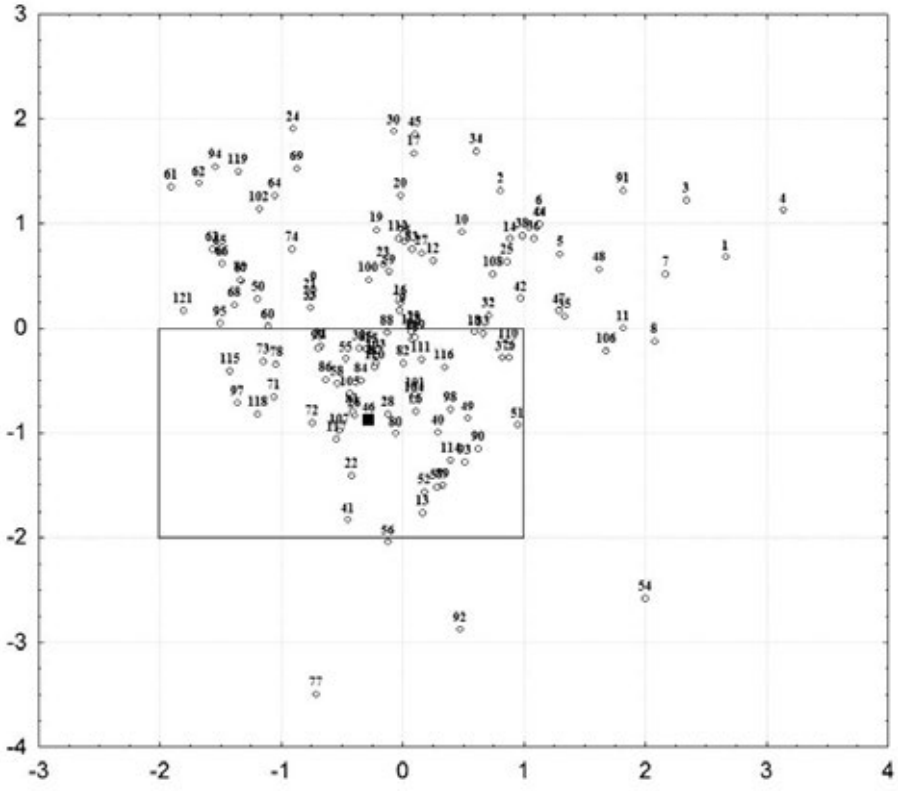

Рис. 2. Результаты межгруппового анализа мужской части выборки из Маджар методом главных компонент с использованием 121 сравнительной выборки.

межгрупповых связей маджарской серии, однако следует отметить значительное количество северокавказских выборок в этом списке.

Во втором столбце табл. 2 можно видеть выборки, наиболее близкие к серии из Маджар по значениям ГК3 и ГК4 того же анализа (рисунок не приводится). ГК3 (12,7% изменчивости) описывает увеличение ширины носа и уменьшение его высоты, некоторое увеличение зигомаксиллярного угла и высоты черепа. В области больших значений ГК4 (8,4% изменчивости) располагаются группы с большей высотой черепа и меньшей симотической шириной. Выборки, наиболее близкие маджарской, напечатаны обычным текстом, а более удаленные (ориентировочно от -0,7 до 0,7 ГК3 и от -0,8 до 0,25 ГК4) – курсивом. Можно видеть, что некоторые выборки близки к серии из Маджар как по значениям первых двух главных компонент, так и ГК3 и ГК4. Это, в первую очередь, серия из Старого Термеза, а также Мамай-Сурка, осетины (Лац), одна из выборок из Херсонеса, Болдыревка.

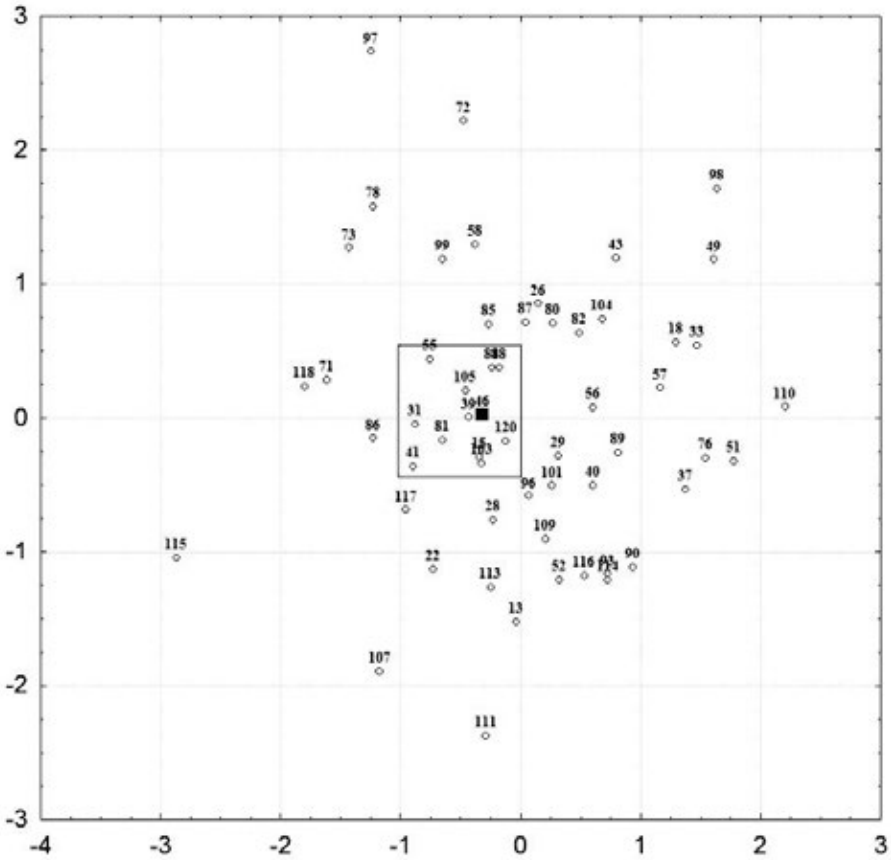

Рис. 3 Результаты межгруппового анализа мужской части выборки из Маджар методом главных компонент с использованием 57 сравнительных выборок.

Далее, те же 57 выборок были сопоставлены с помощью многомерного шкалирования матрицы попарных евклидовых дистанций между всеми группами. Шкалирование было проведено в 3 измерениях с показателем стресса 0,08. Распределение групп в пространстве первых двух измерений представлено на рис. 4.

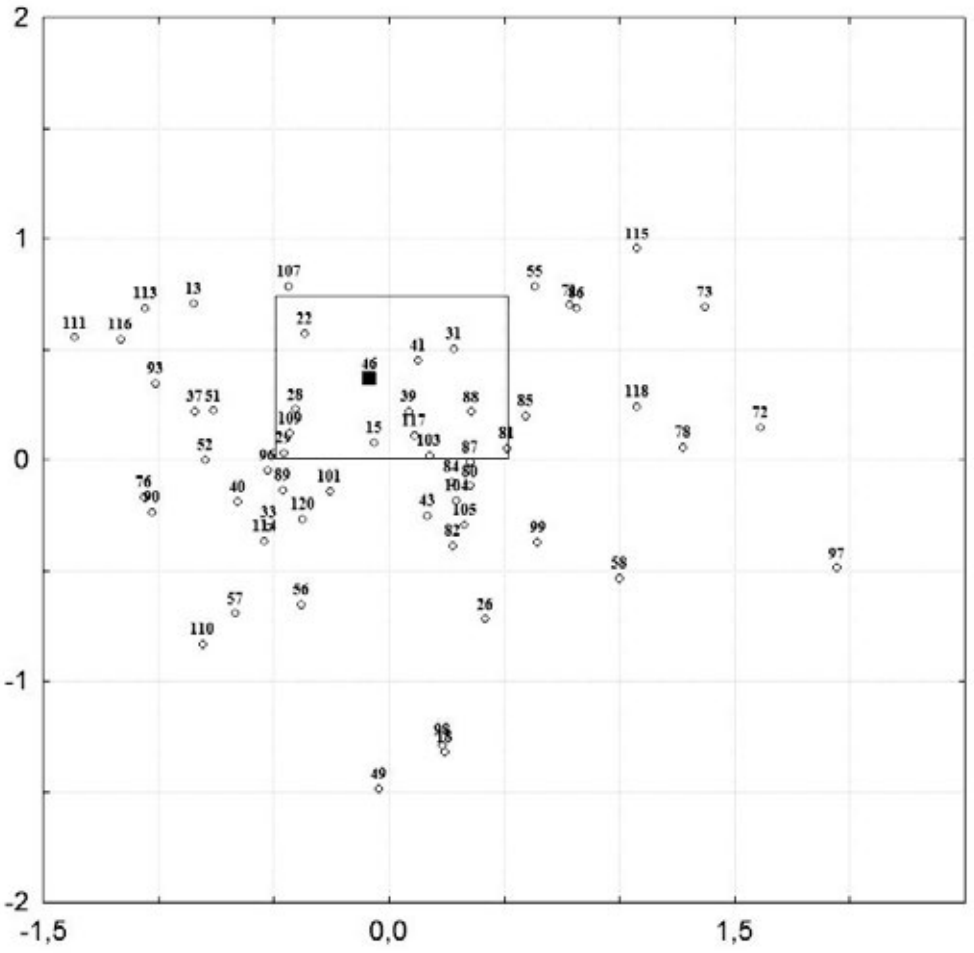

Рис. 4. Результаты межгруппового анализа мужской части выборки из Маджар методом многомерного шкалирования евклидовых расстояний с использованием 57 сравнительных выборок.

В третьем столбце табл. 2, можно видеть выборки, наиболее близкие к серии из Маджар на графике первых двух измерений многомерного шкалирования, а в четвертом столбце – на графике второго и третьего измерений того же анализа (не приводится).

Сопоставляя графики анализов (рис. 3 и 4) и данные разных столбцов табл. 2, можно видеть значительное сходство результатов компонентного анализа и многомерного шкалирования. Согласно данным, представленным в табл. 2, наиболее близкими выборками к исследуемой являются:

- различные серии позднесредневековых осетин, из которых чаще всего с маджарской серией сближается выборка из Мацуты; также из кавказских групп – лакцы (Сумбатль) и Дзивгис (склеп 21)
- могильник Мамай-Сурка в Запорожской области
- выборки с территории Волжской Булгарии: Усть-Иерусалимский могильник и серия из Биляра
- могильник Старый Орхей (выборка XV в.) из Молдавии.

Таблица 2.
Результаты межгруппового анализа мужской части выборки из Маджар методами компонентного анализа и многомерного шкалирования (близкие серии).

Компонентный анализ, ГК1 и 2	Компонентный анализ, ГК3 и 4	Многомерное шкалирование, оси 1 и 2	Многомерное шкалирование, оси 2 и 3
15 – Усть-Иерусалимский 31 – Биляр, суммарно 39 – Мамай-Сурка 41 – Старый Орхей, XV в. 55 – Старый Термез 81 – Осетины, Мацута 84 – Осетины, Лац (полуподземные склепы) 88 – Лакцы, Сумбатль 103 – Дзивгис, склеп 21 105 – Херсонес, базилика, нартекс 120 - Болдыревка	55 – Старый Термез 71 - Каиры 90 - Балкарцы 110 - Балаклава 117 – Северный берег *29 – I Старокуйб., X-XII вв.* *33 – Кайбелы, ранняя серия* *39 – Мамай-Сурка* *84 – Осетины, Лац* *87 – Осетины, В. Рокк* *101 – Верхняя Кобань* *105 – Херсонес, базилика, нартекс* *120 – Болдыревка*	15 – Усть-Иерусалимский 22 – II Большетиганский 28 – II Семеновский 29 – I Старокуйб., X-XII вв 31 – Биляр, суммарно 39 – Мамай-Сурка 41 – Старый Орхей, XV в. 81 – Осетины, Мацута 87 – Осетины, В. Рокк 88 – Лакцы, Сумбатль 103 – Дзивгис, склеп 21 109 – Тепе-Кермен 117 – Северный берег	13 – Греческая палата 29 – I Старокуйб., X-XII вв 51 - Миздахкан 52 – Миздахкан (ранний) 55 – Старый Термез 73 - Дмитриевский 81 – Осетины, Мацута 85 – осетины, Джимара 88 – Лакцы, Сумбатль 113 - Гончарное 117 – Северный берег

В меньшей степени близки к серии из Маджар такие выборки, как:
- Старый Термез (юго-восток современного Узбекистана)
- крымские серии Северный берег и Херсонес (базилика, раскопки 1935 г., нартекс)
- ранняя часть серии из I Старокуйбышевского могильника из Волжской Булгарии
- Болдыревка (окрестности Саратова).

В каноническом дискриминантном анализе из перечисленных серий использовались следующие: Усть-Иерусалимский, Старый Орхей (XV в.), Херсонес (базилика, раскопки 1935 г., нартекс), поздняя часть серии из I Старокуйбышевского могильника, Болдыревка. Средневековые осетины были представлены случайной выборкой осетин-иронцев из Кобани. Кроме того, в анализе были использованы еще несколько серий из Волжской Булгарии, серия XIII-XIV вв. из Миздахкана, две средневековые группы северокавказского населения (более подробное описание выборки см. в разделе Материалы и методы).

Распределение средних значений первых двух канонических переменных (КВ) в исследованных группах представлено на рис. 5. В области больших значений КВ1 (25,4% общей изменчивости) располагаются группы с увеличенным продольным диаметром черепа, широким, но невысоким лицом, большой высотой орбиты. КВ2 (21,3%) – уменьшенным продольным диаметром, большой высотой орбиты (ведущий признак) и малой симотической шириной.

Можно видеть (рис. 5), что наиболее близкими к маджарской выборке оказываются две серии с территории Волжской Булгарии, Усть-Иерусалимский и Старокуйбышевский могильники. Все три северокавказские серии, также как и две крымские, существенно отличаются от маджарской.

Сходную картину можно видеть на графике многомерного шкалирования (проведено в двух осях, стресс 0,19) расстояний Махаланобиса между теми же группами (рис. 6). Наиболее близкими к серии из Маджар оказываются те же две выборки, явного сходства с северокавказскими сериями (за исключением, возможно, Чирюрта) не прослеживается

Анализ был повторен после исключения из маджарской выборки черепов с номерами 5731 и 5741 (графики не приводятся), однако результатов это не изменило.

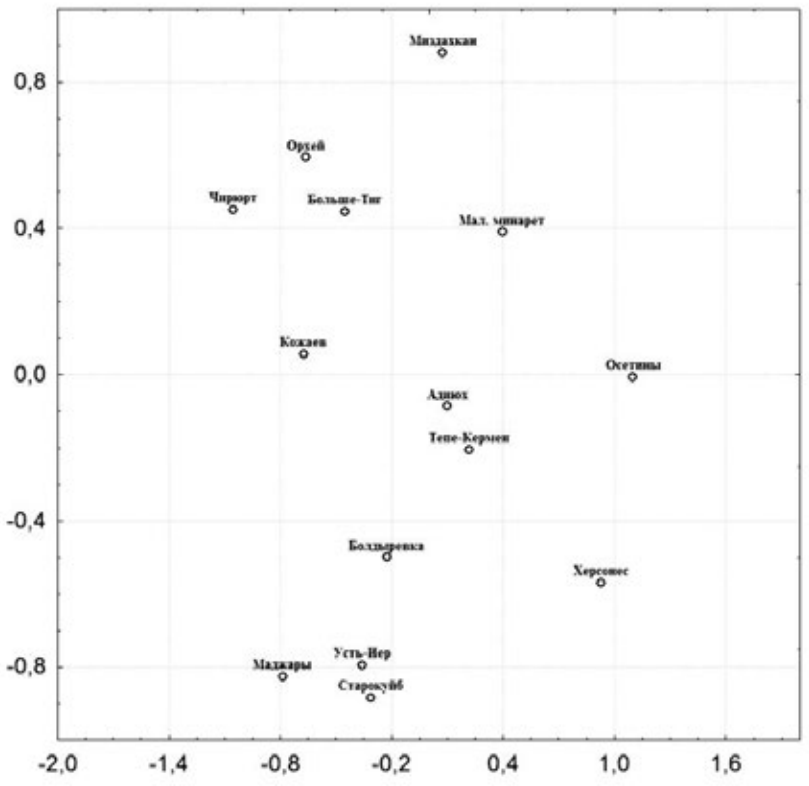

Рис. 5. Средние значения первых двух канонических переменных в мужской части выборки из Маджар и 13 сравнительных группах.

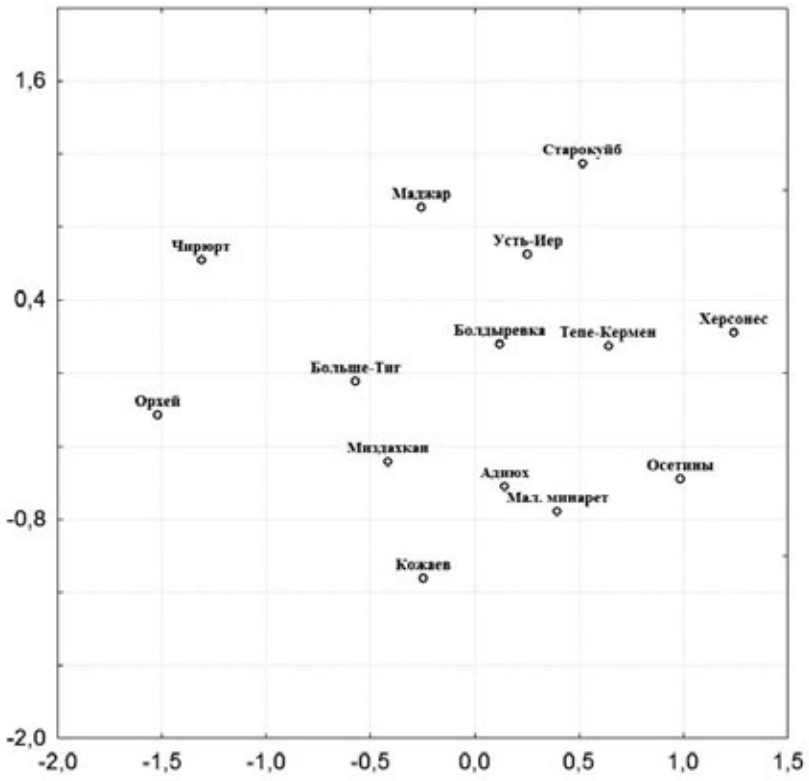

Рис. 6. Результаты многомерного шкалирования расстояний Махаланобиса между выборкой из Маджар и 13 сравнительными группами (мужчины)

Алгоритм *межгруппового анализа женской части выборки* был тем же, что и для мужской ее части. На первом этапе был использован максимально широкий набор сравнительных групп, включающий 89 серий.

Результаты анализа представлены на рис. 7. В области больших значений ГК1 (27,3% изменчивости) расположены серии с большой высотой носа (ведущий признак), большими размерами орбиты, шириной лица, зигомаксиллярным углом, поперечным диаметром, но сравнительно небольшим продольным диаметром. В области больших значений ГК2 (14,8% изменчивости) можно видеть группы, характеризующиеся уменьшением высоты черепа и симотической высоты, увеличением ширины носа и зигомаксиллярного угла. Выборка из Маджар обозначена номером 46, сплошной квадрат.

22 выборки, вошедших в диапазон значений ГК1 от -1 до1 и ГК2 от 0 до 2 (обозначены на графике прямоугольником) стали предметом более детального анализа.

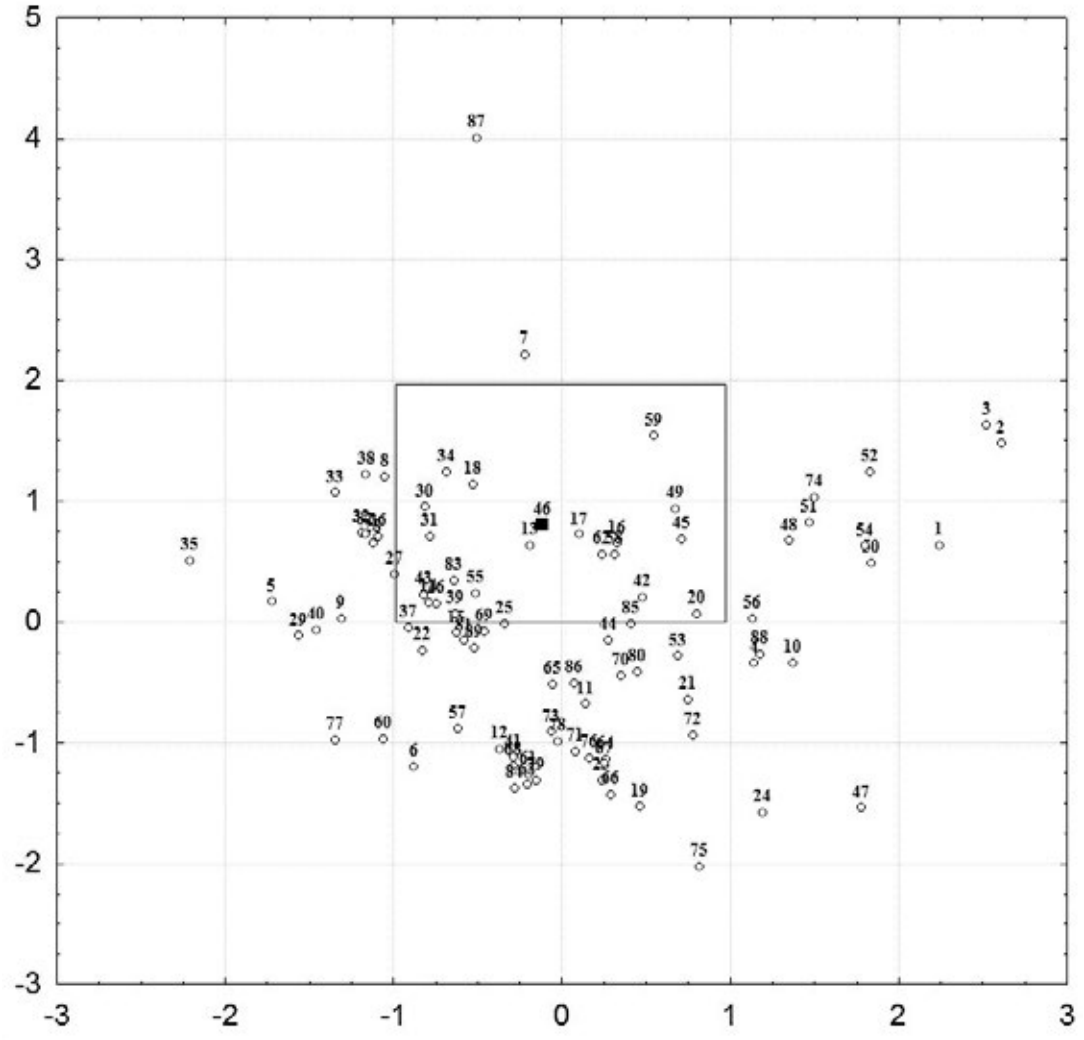

Рис. 7 Результаты межгруппового анализа женской части выборки из Маджар методом главных компонент с использованием 89 сравнительных выборок.

Результаты компонентного анализа с использованием этих 22 выборок представлены на рис. 8. Номера серий соответствуют рис.7 и Приложению 2. В области больших значений ГК1 (28,8% изменчивости) наблюдается увеличение ширины при уменьшении длины черепа, увеличение общих размеров лица, высоты носа, увеличение зигомаксиллярного угла, в меньшей степени – уменьшение симотических размеров. ГК2 (24,7% изменчивости) связана с увеличением длины и высоты черепа, высоты лица и ширины глазницы, ширины носа, симотических размеров, некоторым уменьшением зигомаксиллярного угла.

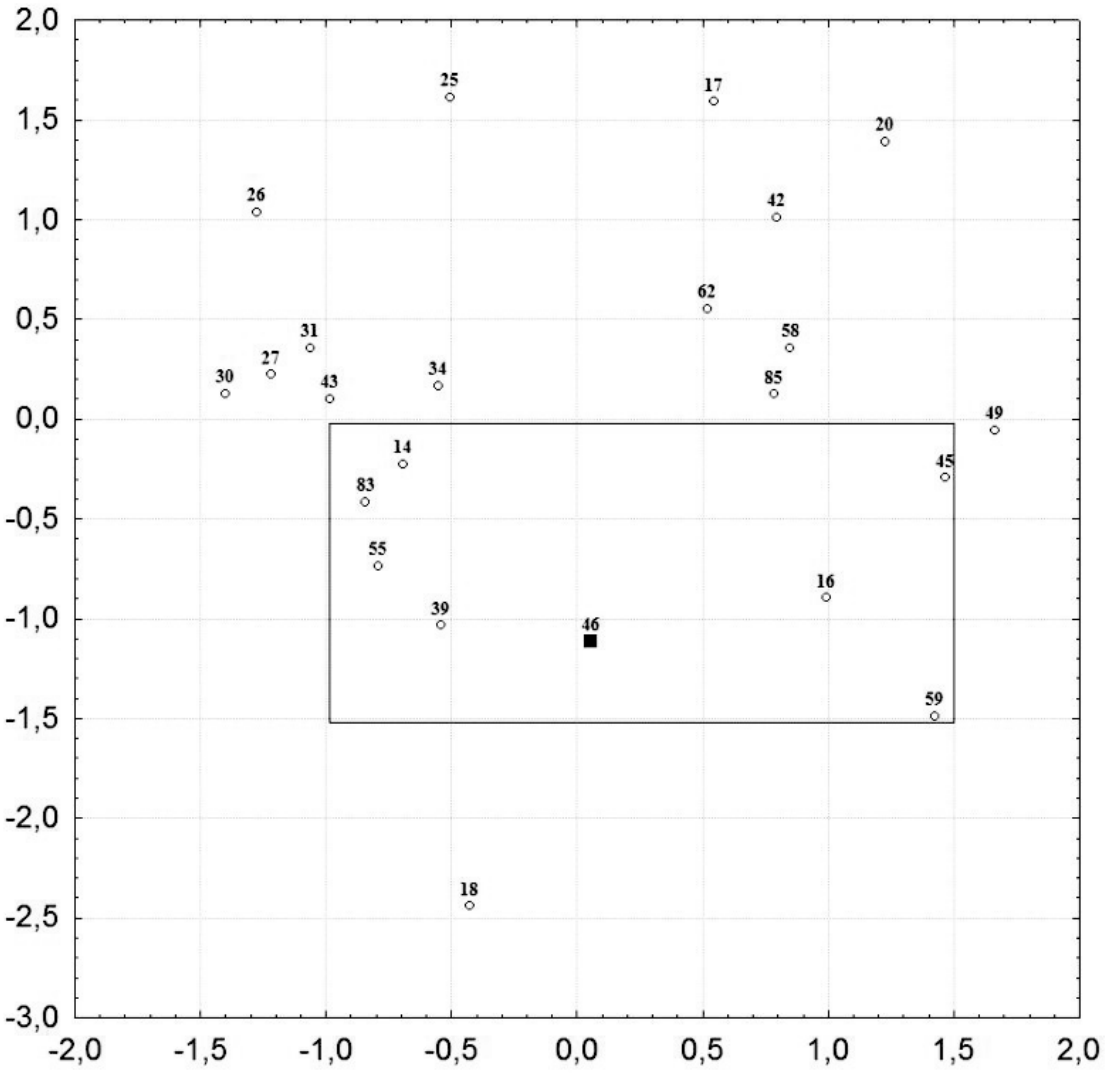

Рис. 8 Результаты межгруппового анализа женской части выборки из Маджар методом главных компонент с использованием 22 сравнительных выборок.

Серии, находящиеся на графике (рис. 8) поблизости от маджарской (приблизительно от -1 до 1,5 по значениям ГК1 и -1,5 до 0 по значениям ГК2), перечислены в первом столбце табл. 3. Бросаются в глаза существенные отличия набора сходных групп по сравнению с анализом мужской части выборки.

Во втором столбце табл. 3 можно видеть серии, наиболее близкие к серии из Маджар по значениям ГК3 и ГК4 того же анализа (рисунок не приводится). ГК3 (10,9% изменчивости) описывает увеличение симотических размеров, в первую очередь высоты, увеличение высоты носа и высоты глазницы. В области больших значений ГК4 (7,7% изменчивости) располагаются группы с большой высотой глазницы. В связи со своеобразным в целом положением выборки из Маджар, в таблице выделены жирным шрифтом наиболее близкие серии, но наряду с этим приводятся и серии более удаленные.

Далее, те же 22 выборки были сопоставлены с помощью многомерного шкалирования. Шкалирование было проведено в 2 измерениях с показателем стресса 0,09. Распределение групп в пространстве первых двух измерений представлено на рис. 9. В третьем столбце табл. 3 можно видеть выборки, наиболее близкие к серии из Маджар на графике первых двух измерений многомерного шкалирования.

Таблица 3.
Результаты межгруппового анализ женской части выборки из Маджар методами компонентного анализа и многомерного шкалирования (близкие серии).

Компонентный анализ, ГК1 и 2	Компонентный анализ, ГК3 и 4	Многомерное шкалирование, оси 1 и 2
14 - I Старокуйб, X-XII вв. **16 - Азметьевский** **39 – Чернигов, детинец** 45 - Маяки 55 - Новохарьковский 59 - Зливки 83 - Херсонес, базилика, нартекс	55 – Новохарьковский **85 – Тепе-Кермен**	**18 - Дербешки** 55 – Новохарьковский **59 - Зливки**

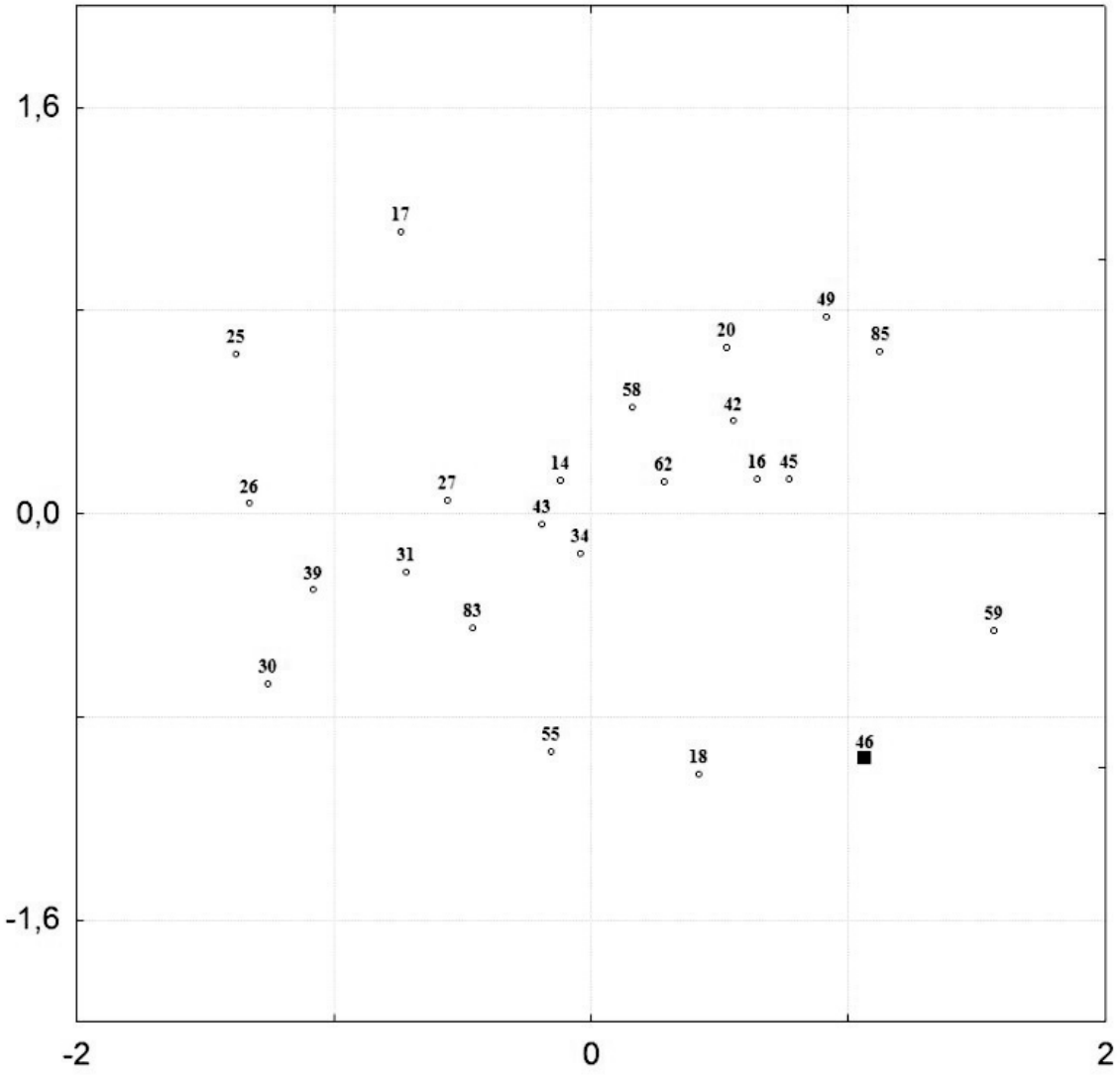

Рис. 9 Результаты межгруппового анализа женской части выборки из Маджар методом многомерного шкалирования евклидовых расстояний с использованием 22 сравнительных выборок.

Суммируя данные многомерного шкалирования и компонентного анализа женской части серии из Маджар, нужно отметить, прежде всего, ее определенное морфологическое своео-

бразие на фоне достаточно обширного и разнообразного сравнительного материала. Далее, можно отметить большую разнородность групп, с которыми наблюдается сходство по данным разных анализов. Есть только две выборки, устойчиво демонстрирующие близость маджарской: Зливки (население салтово-маяцкой культуры) и Новохарьковский могильник (золотоордынская эпоха). В меньшей степени это относится к сериям из детинца Чернигова, крымской серии из Тепе-Кермена и двум выборкам чиаликской культуры с северо-востока Волжской Булгарии: азметьевского и дербешкинского могильников.

При визуальном осмотре серии из Маджар была отмечена *высокая частота травматических повреждений костной ткани черепа*, которые можно отнести к проявлениям межличностного насилия. На лобной кости черепа 5741, справа - заживший след от удара острым оружием (22× 9 мм.). На черепе 5743 на правом теменном бугре есть след от скользящего удара рубящим оружием. У индивида 5742 (женщина) верхняя часть чешуи затылочной кости разрушена острым предметом (размер 27× 10 мм). 3). На черепе 5748 был отрублен и впоследствии прирос фрагмент правой скуловой кости размером 16× 8 мм. У индивида из погребения 6 раскопок 1990 г. отмечен хорошо сросшийся перелом нижней трети левой носовой кости и прилегающего участка лобного отростка верхнечелюстной кости. Таким образом, частота встречаемости таких травм составляет в мужской части серии 25%. Такова же частота встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений височно-нижнечелюстного сустава, которые зачастую также имеют травматическое происхождение.

Обсуждение.

Анализ изменчивости и межполовых отличий краниометрических признаков (табл. 1) в серии из Маджар показал повышенную вариабельность многих из них, но почти исключительно – признаков мозгового отдела. Последующий внутригрупповой анализ мужской части выборки методом главных компонент показал наличие в ней вполне отчетливой внутренней структуры, проявляющейся в своеобразии черепов под номерами 5731 и 5741 по значениям ГК1 и 5748 и случайной находки 1990 г. – по значениям ГК2. Коэффициенты полового диморфизма практически по всем признакам, для которых имеются соответствующие рубрикации, отличаются от средних, причем как в сторону повышения, так и в сторону понижения.

В целом это не позволяется согласиться с утверждением В.П. Алексеева (1974) о морфологической однородности данной выборки. Кроме этого, налицо серьезные отличия женской части выборки от мужской, не сводящиеся к обычному уровню полового диморфизма, что подтвердил и последующий межгрупповой анализ.

Обращаясь к вопросу о наличии или отсутствии монголоидной примеси (в любом случае, очень небольшой) в исследуемой группе, нужно дать краткое описание черепов 5731 и 5741. Им свойственна резкая брахикрания при небольшом высотном диаметре, лицо очень высокое (77 и 78 мм), в случае 5741 – еще и достаточно широкое (138 мм). Им также свойственна большая высота глазницы, но заметно сниженные на фоне выборки максиллофронтальные размеры. У них достаточно слабо выступает нос (25 и 26 градусов) и велики значения углов горизонтальной профилировки. На мой взгляд, такую комбинацию практически всех признаков трудно объяснить иначе, нежели монголоидной примесью, хотя ее происхождение и степень выраженности не может обсуждаться на таком малочисленном материале. Таким образом, с утверждением В.П. Алексеева о наличии монголоидной примеси в серии из Маджар, которое оспаривалось Л.Т. Яблонским (1987) и С.Г. Комаровым (2013), можно полностью согласиться.

Межгрупповой анализ мужской части выборки показал ее сходство с целым рядом северокавказских серий синхронного или чуть более позднего времени (различными группами позднесредневековых осетин, лакцами из аула Сумбатль и выборкой из склепа 21 в Дзивгисе), некоторыми группами с территории Волжской Булгарии (Усть-Иерусалимский могильник, Биляр, в меньшей степени – ранняя серия из Старокуйбышевского), Мамай-Сурка из Нижнего Поднепровья и серией из Старого Орхея, причем несколько неожиданно – постзолотоордынского периода (XV в). Также по данным разных анализов сближались с серией из Маджар выборки «Северный берег» из Херсонеса и Старый Термез.

Анализируя этот, весьма разнородный, набор серий, нужно отметить, прежде всего, практически полное отсутствие сходства с населением других золотоордынских городов. Таким образом, трудно согласиться с мнением В.П. Алексеева о «…прямой генетической связи между населением городских поселений Золотой Орды и г. Маджары» [*Алексеев 1974 стр. 24*].

Скорее мои данные согласуются с позицией Л.Т. Яблонского (1987) и С.Г. Комарова (2013), которые отмечали существенные отличия населения Маджара от населения других крупных золотоордынских городов, связанные со значительно меньшей монголоидной примесью. Заметим, что в своем межгрупповом анализе В.П. Алексеев не использовал размеры переносья и углы горизонтально профилировки, без учета которых маджарская серия, действительно, может быть сходна с нижневолжскими.

Утверждение о полном отсутствии связи населения Маджар и местного северокавказского населения [*Алексеев, 1974, стр. 26*], на первый взгляд, вызывает сомнение, так как на графиках компонентного анализа и многомерного шкалирования евклидовых расстояний их сходство выглядит достаточно очевидным. Однако проведенный канонический дискриминантный анализ подтверждает скорее мнение В.П. Алексеева.

Данные о сходстве маджарской выборки с некоторыми сериями из Волжской Булгарии подтверждаются полностью. Более того, по данным канонического анализа, именно две болгарские серии (из Усть-Иерусалимского и Старокуйбышевского могильников) оказываются наиболее близкими маджарской. Важно отметить, что исключение из анализа двух черепов из некрополя Маджар с предполагаемой монголоидной примесью (5731 и 5741) ничего в результатах не меняет. Конечно, представить себе массовое движение булгарского населения в северокавказские степи, как и сохранение его в данном регионе с конца I тысячелетия н.э. до золотоордынского времени, довольно сложно. С другой стороны, это не кажется более удивительным, чем, например, переселение северокавказского и даже закавказского населения в поволжские города, фиксируемое историческими источниками [*Греков, Якубовский 1950*] и по данным антропологии [*Трофимова 1956*]. Так или иначе, сходство мужской части маджарской серии именно с булгарскими выборками устойчиво подтверждается всеми тремя методами межгруппового анализа.

Сходство серии из Маджар с выборкой из Мамай-Сурка, помимо наших данных, отмечалось и С.Г. Комаровым, использовавшим другой набор сравнительных групп.

Л.В. Литвинова (2006) в работе, посвященной серии из Мамай-Сурка, приводит данные исторических и археологических работ, свидетельствующих о движении северокавказского населения на Нижнее Поднепровье в золотоордынскую эпоху. В мужской части этой краниологической серии, на ее взгляд, при общей смешанности, преобладает «аланский компонент» (стр. 59). Очень любопытно, что при внутригрупповом анализе выборки, Литвинова выделяет в ней два из тех трех компонентов, которые были выделены мной в серии из Маджар в данной и предшествующей работах [*Евтеев 2003*]: мезокранных относительно узколицых и массивных брахикранных европеоидов.

Что же касается сходства маджарской серии с выборкой из Старого Термеза, то оно представляется в значительной мере случайным. Термез находится на крайнем юго-востоке современного Узбекистана, то есть чрезвычайно удален территориально, и к тому же относился не к Золотой Орде, а к Чагатайскому улусу. При этом сходства маджарской выборки с хорезмийскими, гораздо более близкими территориально и политически, по моим данным не наблюдается.

Анализируя картину межгрупповых связей женской части выборки, нужно, прежде всего, вслед за С.Г. Комаровым, отметить ее своеобразие: серий, которые непосредственно сближались бы с ней по данным анализов, очень немного. Представляется, что это результат одновременно малочисленности и неоднородности данной выборки. Однако уверенно можно сказать, что она существенно отличается от мужской части группы по своему положению среди серий сравнительного материала. Наиболее близкой по данным разных анализов к ней оказывается выборка золотоордынского времени и неясной этнической принадлежности из Новохарьковского могильника на Верхнем Дону [*Алексеева и др, 2002*]. Также можно отметить сходство с серией из Зливок. В остальном набор близких групп очень разнообразен, он включает в себя серии чиаликской культуры с северо-востока Волжской Булгарии (Азметьевский и Дербешки), крымские серии из Тепе-Кермен и Херсонеса, а также детинца Чернигова, Маяк и ранней части Старокуйбышевского могильника. Нужно еще раз подчеркнуть, что сходство это чаще всего условное, и перечисленные выборки не слишком близки к маджарской в пространстве главных компонент или осей шкалирования (рис. 7-9). На мой взгляд, в данной ситуации следует ограничиться констатацией отличия женской части серии от мужской и воздержаться от определенных выводов о ее происхождении.

В заключение несколько слов о палеопатологическом исследовании серии. Наиболее интересным его результатом оказался очень высокий процент травм черепа в мужской части выборки (25%), причем 3 из 4 случаев (а также еще один случай в женской части серии) можно интерпретировать именно как «боевые» травмы: следы ранения рубящим оружием. Это несколько противоречит представлениям о мирной жизни золотоордынских горожан [*Греков, Якубовский 1950*] и довольно резко отличает маджарскую выборку от серий других золотоордынских городов. Так, по данным Л.Т. Яблонского (1987), на всем исследованном им огромном материале из некрополей Селитренного и Водянского городищ было отмечено всего два случая боевых травм. Е.В. Перерва публикует цифры около 12% встречаемости травм черепа в серии из Маячного бугра, и около 5% - Вакуровского [*Перерва и др., 2010; Балабанова, Перерва 2013*]. Для более широкого сравнения, в средневековых славянских сериях данный показатель составлял в среднем менее 10%, и лишь в отдельных случаях приближался к уровню 20% [*Бужилова 1995*]. В сериях салтово-маяцкой культуры в среднем было отмечено 11,5% встречаемости травм черепа, и только в серии из Дмитириевского - 21,2% [*Бужилова 1995*]. К этому нужно прибавить 25% встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений височно-нижнечелюстного сустава в маджарской серии, которые также могут иметь травматическое происхождение. Таким образом, население Маджар было, вполне вероятно, так или иначе вовлечено в многочисленные военные события, происходившие в регионе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Абдушелишвили М. Г. Материалы к краниологии Кавказа. Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. Т. V. Тбилиси, 1955

Акимова М.С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника //Вопросы антропологии. 1973. Вып.45. С. 15-29

Алексеев В.П. Золотоордынский форпост на марийской земле // Вопросы антропологии. 1967. Вып.26. С. 158-166

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964

Алексеева Т.И. Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. Вып. 3. с. 85-89

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973

Алексеева Т.И., Козловская М.В. Антрополгический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002. с. 111-123

Бабенко В.А. Погребальный обряд населения г. Маджара (по материалам раскопок на городском кладбище) // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). М., 2004. С. 13-15

Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища / Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград, 1999.

Балабанова М.А. Краниологическая характеристика населения золотоордынского Азака // Донская археология. Вып. 3-4. Ростов-на-Дону, 2000.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Маячный бугор могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология). Волгоград, 2013.

Батиева Е.Ф. Материалы к антропологии нижнедонского населения эпохи Золотой Орды // Человек: его биологическая и социальная история. М., 2010. Т.1. с. 130-138

Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. № 168. с. 196-223

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995

Великанова М.С. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным // Советская этнография. 1965. №6. с. 61-75

Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск X. Кн.3. М., 1993

Вуич Л.Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. №109. Т. III. 1963. с. 420-449

Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Дисс. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. М., 2001

Герасимова М.М. Скелеты древних булгар из раскопок у села Кайбелы // Труды института этнографии. Антропологический сборник. Т.1. М., 1956. С. 146-165

Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале) / Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М., 1997. с. 606–654

Герасимова М.М. Краниология калаусских ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск IV: Антропология ногайцев. М., 2003. с. 36-68

Герасимова М.М. краниология средневекового населения Куртатинского ущелья (Северная Осетия) по материалам из могильника у с. Дзивгис / Вестник антропологии. Вып. 10. 2003. с. 57-74

Герасимова М.М. К вопросу о происхождении балкарцев и карачаевцев / Вестник антропологии. Вып. 25, 2013. с. 52-71.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л., 1950.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Дебец Г.Ф.. Палеоантропология СССР. М., 1948.

Долженко Ю.В. Антропологічний склад давньоруського Чернігова // Історична антропологія та біоархеологія України. Випуск I. Киев, 2014. с. 49-84

Евтеев А.А. Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // Вестник антропологии. Вып. 10. М., 2003. с. 91-103.

Евтеев А.А. Антропологические материалы из Могильника Нижняя Студенка-I // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007. с. 221-237.

Евтеев А.А. Проблема полового диморфизма в краниологии. Дис. ... канд. биол. наук. М, 2008.

Евтеев А.А. Грунтовый могильник у разъезда «Ивановский» // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10. с. 514 – 527

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология, 2013. № 1. с. 88–103

Евтеев А.А. Анализ корреляционной структуры измерительных признаков лицевого черепа как основа оптимизации краниометрической программы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII . Антропология, 2014. № 4. с. 18-30.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья М., 1991

Заллер К. Коррелятивная изменчивость размерных признаков черепа, ее значение для истории расовых «типов» и расогенеза / Современная антропология. М., 1964. с. 244-261

Звягин В.Н. Краниометрические комплексы и реконструкция черепа / Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. с. 84-92

Зіневич Г.П. Матеріали до вивчення антропологічних особливостей черепів з Каїрського могильника XI-XIII ст. // Матеріали з антропології України. Выпуск 1. Київ, 1960. с. 98-102

Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго Западного Крыма. Киев, 1973

Иванов А.В. Краниологические материалы из раскопок часовни в квартале « Х- б» херсонесского городища.// Херсонесский сборник. Вып.IX. Севастополь, 1998. с.254-265

Иванов А.В., Потехина И.Д. Антропологические материалы из средневековой крепости Чембало. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005г. СПб.-Симферополь, 2006. Вып. V. с. 53-58.

Иванов А.В., Иванова А.Г. 2500-летний юбилей Балаклавы и реалии археологического исследования города. // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Ялта, 2009. с. 92-95

Касанкин Г.И. Отчет о раскопках грунтового могильника в зоне строительства пионерского лагеря «Ударник» у села Болдыревка Саратовского района Саратовской области в 1990 г. Саратов, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1, № 14800.

Комаров С.Г. Население степей Восточной Европы II тысячелетия по данным краниологии. Дис. ... кандидата исторических наук. М., 2013

Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника // Советская антропология. 1957. Вып. 1. с. 55-59

Кондукторова Т.С., Сегеда С.П. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей салтово-маяцкой культуры из села Дмитровское // Вопросы антропологии. 1990. № 3. с. 138-149

Литвинова Л.В. Население эпохи средневековья Юга Украины (по материалам грунтовых могильников XII – начала XV вв) // Вестник антропологии. Вып. 15. М., 2006. с. 52-61

Наджимов К.Н. О черепах Зливкинского могильника. // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1955 . Вып. 24. с. 66-75

Перерва Е.В, Кутуков Д. В., Балабанова М. А., Зубарева Е. Г. Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология). Волгоград, 2010

Рудич Т.О. Антропологічний склад населения давньоруського міста Возвягель / Старожитності I тисячоліття нашої ери на территорії Україні. Киів, 2003. с. 135-142

Саливон И.И. Краниологическая характеристика средневекового населения г. Новогрудка // Матеріали з антропологи Україні. Випуск 5. Киев, 1971. с. 92-110

Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода / Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1952. №15

Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. с. 63-87

Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників Инкерманськоі долині // Археологічні пам'ятки УРСР. Стародавніі пам'ятки Инкерманськоі долини. Киев, 1962. т. XШ. с. 124-154

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X-XVвв. // Труды института этнографии (новая серия). Антропологический сборник I. Т. 33. 1956. с. 73-145

Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент, 1987

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII-XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Донецк, 1992. с. 74-78

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения низовьев Волги по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. с. 139-168

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970

ОКРУГА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАРА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ).

Бабенко В.А.

Город Маджар возник в излучине р. Кумы, на ее левом берегу, к югу от устья ее левого притока р. Мокрая Буйвола, на стыке Ставропольской возвышенности, Прикумской возвышенности и степей Центрального Предкавказья. Э.В. Ртвеладзе отметил основные факторы географического положения Маджара с точки зрения связей между различными регионами Золотой Орды и международной торговли [*Ртвеладзе 1972, с. 155*].

Кума является одной из крупнейших рек Северного Кавказа. В эпоху Золотой Орды, согласно сведениям Ибн Са'ида, она впадала в Каспийское море [*Коновалова 2009, с.32*]. В Среднем Прикумье река имеет в основном левые притоки, впадающие со стороны Ставропольской возвышенности (Мокрый Карамык, Томузловка и Мокрая Буйвола). Единственный правый приток Кумы в ее среднем течении — р. Золка. Верховья рек Золка и Малка (левый приток Терека) расположены довольно близко. Ю. Клапрот предположил, что долина Золки является древним руслом р. Малка [*Клапрот 2008, с.189*]. Возможность прохождения по долине Золки естественного маршрута в сторону Кабардинской равнины подтверждается материалами раскопок курганов эпохи ранней бронзы в Кировском районе [*Канторович, Маслов, Петренко, 2010, с.167]*. По территории Прикумской возвышенности протекает р. Горькая балка. Из района излучины Кумы открывается путь в различные районы Центрального Предкавказья, Подонья, Нижнего Поволжья и Закавказья.

К сожалению, по степени изученности город и его округа не могут сравниться с золотоордынскими памятниками Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья, для которых успешно апробированы критерии выделения округи. Однако, накопленные материалы позволяют поставить вопрос о выделении границ маджарской округи.

Название города варьирует как арабских, так и в западноевропейских источниках. В трудах Ибн-Баттуты [*Тизенгаузен 1881, с.287*] и Ибн-Халдуна [*Тизенгаузен 1881, с.378*] город упоминается как Маджар. В труде Абу-л-Фиды приводится другой вариант названия города: – Куммаджар [*Коновалова 2009, с.115*]. Следует согласиться с предложенным Ю. Клапротом толкованием данного названия города – Маджар на Куме [*Клапрот 2008, с.189*]. Это название имеет параллель и в западноевропейских источниках.

А.Б. Малышев опубликовал текст анонимного автора, датирующийся не позднее 1329 г. В списке монастырей Аквилонского викариата после Таны упомянуты два «места» в Куммагерии [*Малышев 2006, с.187*]. По мнению А.Б. Малышева, это – средневековое итальянское название местности на Таманском полуострове [*Малышев 2006, с.185*]. На наш взгляд, в документе упоминается округа Маджара. Одно «место» в Куммагерии – это непосредственно сам Маджар. Второе «место» может быть локализовано в округе города, с учетом предложенной В.А. Кузнецовым локализация пункта Michaha на месте «разоренного города Хаха, к югу от Маджара, как это показано на карте Кавказа Георга Трайтеля 1774 г. [*Кузнецов 2002, с.136*]. В ряде работ Ф.К. Бруна приводятся различные варианты названия города в ватиканских грамотах: Comech [*Кузнецов 2002, с.138*], Majeria [*Брун 1880, с.297*] и Mager [*Брун 1880, с.298,*].

Очевидец похода турок на Астрахань в 1569 г. описывает «поля Можарские», которые участники похода преодолевали 2 дня [*Записки Одесского общества истории и древностей, 1872, с.485-487*] Очевидно, что под этим названием упомянута не только территория самого города, но и его округа, маркировавшаяся на местности остатками зданий и сооружений.

В последнее время проблема выделения округи провинциального золотоордынского города стала объектом дискуссии. Л.Ф. Недашковский определил для округи Укека удаление не более чем на 60 км (2-3 дня пути) [*Недашковский 2000, с.113.*]. Подобная трактовка понятия округи вызвала многочисленные возражения оппонентов [*Пигарев 2010, с.347*]. Применительно к территории Прикумья более предпочтителен подход А.Н. Масловского. Он предложил

выделять две округи – ближнюю и большую, по степени вовлеченности жителей данных поселений в экономические связи с городом. Следует согласиться с А.Н. Масловским, что такие золотоордынские города, как Азак, Маджар, Укек, Сарайчик, должны были иметь сельскую округу [*Масловский 2009, с.322.*]. В настоящее время бытовые памятники в окрестностях городища Маджары практически не исследованы.

В конце XVIII-начале XIX вв. на территории Среднего Прикумья был обнаружен ряд золотоордынских памятников: Верхние Маджары (локализуются, предположительно, в устье Томузловки, Средние Маджары (городище Маджары) и Нижние Маджары (локализуются на участке между с. Кумская Долина и с. Бургун-Маджары), мавзолей в районе с. Маслов-Кут (совр. с. Стародубское Будённовского района) и мусульманское надгробие у деревни Фёдоровка (территория совр. г. Зеленокумск Советского района).

Во второй половине XIX-начале XX вв. на территории Прикумья и прилегающей территории Ставропольской возвышенности было обнаружено несколько случайных находок, в основном монетных кладов. Г.Н. Прозрителев писал о «маджарских» кирпичах, найденных им в разрытых жителями могильниках близ сел. Падинки (совр. с. Падинское Новоселицкого района, Прикалаусские высоты, бассейн р. Томузловка), рассматривая в этом влияние Маджара [*Прозрителев 1906, с.14.*]. Во второй половине XIX-начале XX вв. на территории Прикумья и прилегающей территории Ставропольской возвышенности было обнаружено несколько случайных находок, в основном монетных кладов. С 1950-х гг. на территории современных Будённовского, Новоселицкого и Нефтекумского районов был выявлен ряд новых погребальных памятников. В настоящее время на территории Среднего Прикумья и прилегающих территориях известны золотоордынские памятники различной типологии (рис.1)

Поселения. Поселения и усадьбы на территории Прикумья практически не изучены. За исключением Средних Маджар, эти памятники еще не локализованы. Исключение составляет поселение «Орловское-1» на северной окраине с. Орловка Будённовского района. Оно расположено в долине Кумы, на ее правом берегу.

По предположению В.Л. Егорова, район вокруг трех Маджарских городищ, выявленных С.-Г. Гмелиным, представлял сплошную зону оседлости [*Егоров 1985, с.123.*]. Вероятно, участок между Верхними и Средними Маджарами мог образовывать сельскую округу (по терминологии А.Н. Масловского), которая снабжала Маджар продуктами земледелия, садоводства и животноводства.

Монетные клады. Клады серебряных монет были обнаружены в с. Новогригорьевском (территория совр. г. Зеленокумск), в окрестностях с. Грушевского и с. Северного (совр. Александровский район, Прикалаусские высоты, бассейн р. Томузловки). Среди монет значительную часть составляют дирхемы ханов Узбека и Джанибека. Все клады можно отнести к 60-70 г.г. XIV в. [*Федоров-Давыдов 1960, с.15, 95.*].

Мавзолеи. На территории Маджара и его округи мавзолеи еще не исследованы археологически. П.-С. Паллас зафиксировал в окрестностях с. Маслов-Кут мавзолей. К востоку от поселения «Орловское-1» выявлены остатки мавзолеев из обожженного кирпича. Кроме того, известно надгробие у деревни Федоровка. В начале XX в. в окрестностях с. Александрия (совр. Благодарненский район, бассейн р. Мокрая Буйвола) крестьянами при добыче камня из кургана было обнаружено каменное надгробие.

Курганные могильники. В окрестностях Будённовска исследованы курганные могильники, содержавшие, преимущественно, захоронения эпохи бронзы и раннего железного века. В непосредственной близости от городища Маджары кочевнические погребения эпохи Золотой Орды не выявлены, в отличие от столичного региона Золотой Орды, В курганном могильнике «Буйвола-1» в насыпи кургана 4 было обнаружено 2 сфероконуса. Сосуды не были связаны с погребениями этого кургана и являются кладом [*Березин 2006, с.204-205.*]. Интересно, что этот обширный могильник расположен напротив городища на левом берегу р. Мокрая Буйвола.

Ближайший погребальный памятник, выявленный здесь – курганный могильник Покойное-2. Он расположен на водоразделе левой надпойменной террасы р. Кумы к северу от с. Покойное Будённовского района. Возможно, под насыпью кургана 8 были скрыты остатки разрушенного распашкой сырцового сооружения. Здесь было обнаружено 6 погребений и 15 дирхемов (Отдельные находки 2-14). Погребенные лежали вытянуто, на спине, с небольшим разворотом на левый бок, головой на запад-юго-запад.

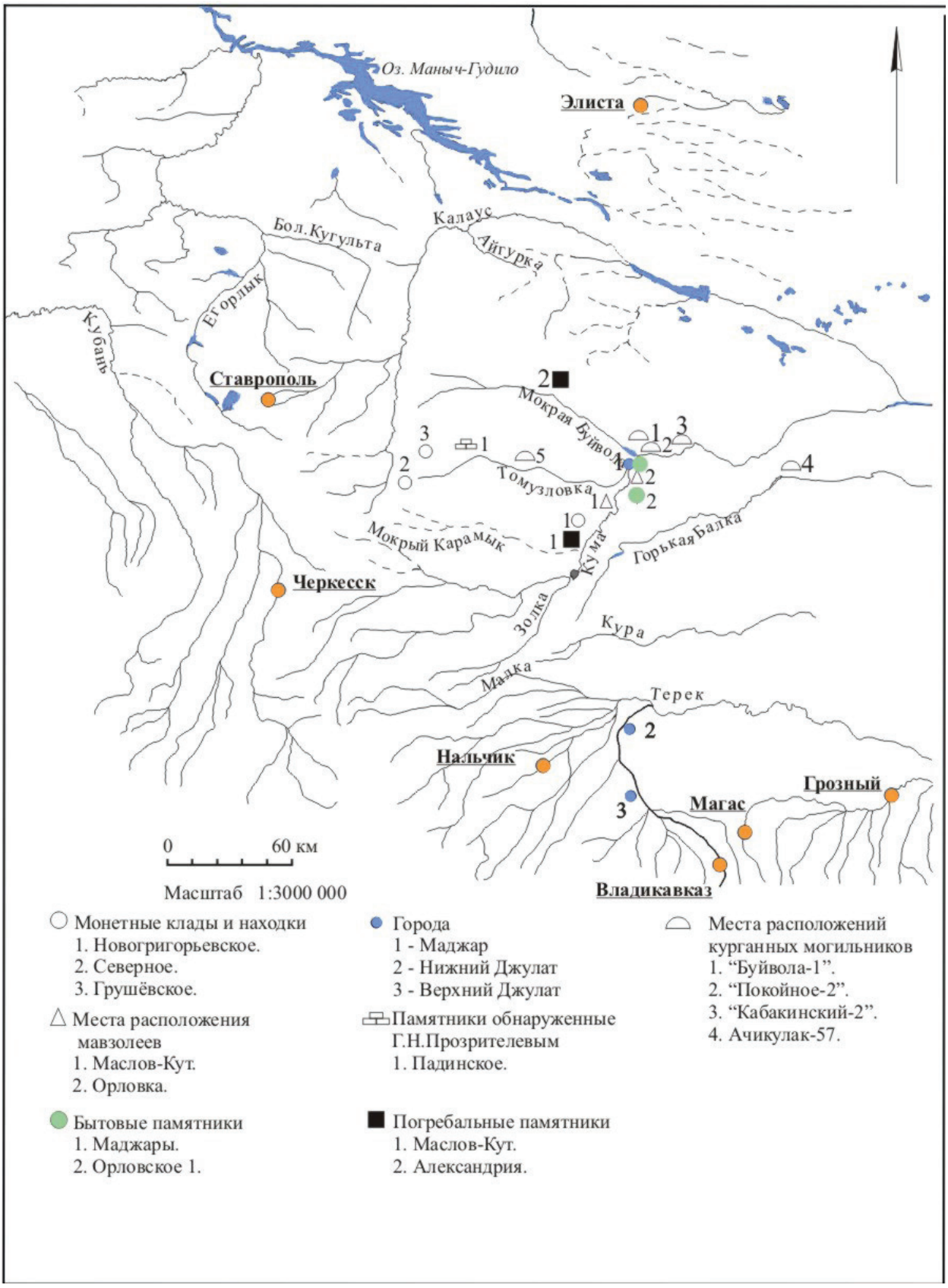

Рис.1. Памятники в округе Маджар

Подобная ориентировка характерна для городского кладбища Маджара. В заполнении погребения 5 было обнаружено 2 дирхема, в насыпи кургана – еще 13 монет. Возможно, данные артефакты являются частью распаханного или разрушенного при строительстве газопровода монетного клада. Его временной состав укладывается в рамки 710-727 гг.; 4 монеты принадлежат Токта-хану (1291-1312 г.г.), а 11 монет –Узбек-хану (1313-1342 г.г.). Сокрытие клада относится к 30 гг. XIV в. Комплекс относится к более раннему периоду, чем известные клады на территории Прикумья [*Бабенко, Обухов 2010, с.227*].

Погребения с монетами. В последнее время на территории Буденновского, Левокумского, Нефтекумского и Новоселицкого районов был исследован ряд погребений с монетами (Ачикулак-1957, Китаевское 8-7, Кабакинский 2-1-6), которые характеризуют денежное обращение в маджарской округе [*Бабенко, Обухов 2010, с.227-228*].

Таким образом, несмотря на давние традиции изучения, золотоордынские древности Среднего Прикумья остаются недостаточно изученными. Необходима активизация исследований на территориях современных Благодарненского, Будённовского, Георгиевского, Нефтекумского, Левокумского и Советского районов.

Очевидно, что округа Маджара была привязана к речной сети или водоразделам; она тяготела к долинам Кумы, ее левых притоков и восточным склонам Ставропольской возвышенности, относящихся к лесостепной зоне. Данные о наличии на Прикумской возвышенности бытовых и погребальных памятников пока отсутствуют. Погребения с монетами, введенные в научный оборот могут характеризовать т.н. большую округу или территорию, зависимую в административном и экономическом отношениях от Маджара. Она простирается от Прикалаусских высот Ставропольской возвышенности до Нижнего Прикумья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Маджара и его округи (тезисы) // Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Издательский дом «Астраханский университет». 2010. с. 227-228.

Березин С.Я. Два новых сфероконуса с территории Ставрополья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир. 2006. С. 204-205. Рис. 1.

Брун Ф.К., О разных названиях Киева в прежние времена. // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852-1877 г.). Часть II. Одесса. 1880. с. 297, 298.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV в.в. М. 1985. с. 123.

Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1872. – Т. 8. с.485-487.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана №1 могильника «Марьинская-5» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас. 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас. 2010. с. 167.

Клапрот Ю. Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик. Издательский центр «Эль-Фа». 2008. с. 189

Клапрот Ю. Указ соч. С. 99.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. Текст, перевод, комментарий /И.Г. Коновалова; Ин-т всеобщей истории РАН. — М. : Вост. лит., 2009. 223 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы: изд. с 1977 г. / осн. сер. В.Т. Пашуто; редкол.: В.Л. Янин (отв. ред.) и др.). с. 32.

Коновалова И.Г. Указ. Соч. с. 115.

Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ. 2002. с. 136, 138

Малышев А.Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов.: Научная книга. Вып. 4. 2006. с. 185,187.

Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Донские древности. Выпуск 10. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. Азов, 2009. с. 322.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М. 2000. с. 113.

Пигарев Е.И. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге // Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Издательский дом «Астраханский университет». 2010. с. 347.

Прозрителев Г.Н. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь. 1906. с. 14

Ртвеладзе Э.В., 1972. К истории города Маджар. // СА. №3. с. 155.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Спб. 1881. с. 287, 378.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М. 1960. с.15, 95.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ В РАЙОНЕ Г. ЕССЕНТУКИ 1963 И 1971 ГОДОВ (Т. Б. ПАЛИМПСЕСТОВА И А. П. РУНИЧ).

Полковский Д.Г.

Задачей этого исследования является сравнительный анализ кирпичей и элементов декора из надмогильных конструкций золотоордынских мавзолеев, датируемых XIV веком, проведенный в ходе составления коллекционной описи и может быть использован для дальнейших исследований в области выявления стандартизации при изготовлении строительных материалов использовавшихся в Золотой Орде на Северном Кавказе. Аналогичные более углубленные исследования проведены Д.В. Васильевым по результатам раскопок золотоордынских могильников Северного Кавказа и Поволжья [*Васильев 2004, с.73-79*].

Материалы были получены из раскопок Е.Е. Ивашнёва и Т.Б. Палимпсестовой в 1963г. [*Ртвеладзе 1969, с.262-26*] и раскопок Т.Б. Палимпсестовой и А.П. Рунича в 1971 г. [*Палимпсестова, Рунич 1974, с.229-239*] и в данный момент находятся в фондах Ессентукского историко-краеведческого музея им. В.П. Шпаковского. К сожалению сейчас, нельзя точно выяснить к каким именно раскопкам относятся эти материалы. Поэтому их пришлось изучать комплексно, но предположительно, большинство предметов могут соотносится с раскопками 1971 г., часть из них узнаваема в иллюстрациях отчета о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971г. А.П. Рунича [*Рунич 1971*].

Рис.1

Весь материал был условно разделен на три основные группы.

В первую группу вошли строительные кирпичи квадратной формы размером 22,5х22,5х5,5 см (рис. 1). Такой размер был, вероятно, обусловлен стандартом, так называемого пядничного размера[1]. А так же производные от этого размера: прямоугольный кирпич размер 23,5х12х5 см, треугольной формы размер граней 18х19х26х5 см. Имеют посредственный обжиг. Обработка кирпичей грубая, при изготовлении были использованы формы, не имеющие дна (дном служила выровненная земля), либо на землю подстилалась солома. Верхняя часть кирпича имеет продольные полосы (следы, от пальцев рук, нанесенные при выравнивании поверхности). Из этой группы хотелось бы выделить кирпич треугольной формы. Степень его обработки более высокая по сравнению с остальными. Состав глины по внешним признакам близок к составу изразцов. Полосы на поверхности нанесены при выравнивании глины, каким-то инструментом, а не руками. Треугольная форма придана изначально, вероятно этот кирпич использовался при строительстве арочного свода (рис. 2).

Вторую группу составляют кирпичи, использовавшиеся для облицовки мавзолеев. Все они представлены пятью основными типами[2].

Тип 1. Большие массивные кирпичи трапециевидной формы. Размеры: лицевая сторона – 22х11 см (что соответствует ½ плинфы), высота – 7-11см, основание – 15-18х6-8 см.

[1] [33]Пядь — расстояние от конца большого пальца до конца мизинца при наибольшем возможном их раздвижении.

[2] Здесь и далее даны цвета соответствующие таблице HTML цветов в шестнадцатеричном коде.

Рис.2

Лицевая сторона покрыта глазурью разных цветов: ярко-бирюзового (#08e8de), аквамаринового (#00ffcc), зеленой сосны (#01796f) и нефритового (#00a86b). На боковых гранях кирпича имеются широкие (4 см) и глубокие (2 см) заглубления, сделанные для лучшей связки кирпичей между собой. Глина в этих заглублениях выбиралась либо с помощью рук (видны следы от пальцев), либо с помощью инструмента -палка, нож. Тесто кирпичей цвета гуммигут (#e49b0f), и песочный (#edce6d). Лицевая сторона этих кирпичей имеет как ровную горизонтальную, так и наклонную поверхность.

Эти кирпичи могли быть использованы для облицовки полукруглых поверхностей (купол здания) (рис. 3).

Тип 2. Облицовочные кирпичи трапециевидной или практически прямоугольной формы. Плоские и высокие, не имеют боковых заглублений. Высота составляет 9-12 см, ширина 5-5,5см. Лицевая сторона покрыта глазурью различных цветов: циан (#00ffff), ярко-бирюзового (#08e8de) и кварцевого (#99958c). Тесто кирпичей красно-бурого (#cd5700), песочного (#edce6d) и желто-коричневого (#d2b48c) цветов (рис. 4).

Лицевая поверхность наклонная, вероятно, эти кирпичи использовались для облицовки куполов зданий.

Тип 3. Кирпичи этого типа аналогичны типу 2. Отличие состоит в том, что они покрыты глазурью с двух сторон (рис. 5).

Форма прямоугольная или клиновидная. Угол составляет 90˚. Высота 8,5-9 см, ширина 6,5. Лицевая сторона покрыта глазурью цвета циан (#00ffff). Тесто кирпичей желто-коричневого (#d2b48c) цвета.

Эти кирпичи могли использоваться в облицовке в качестве угловых элементов и арочного свода.

Тип 4. Узкие длинные кирпичи трапециевидной формы. В ряде случае одна из сторон имеет ассиметричную форму – более острый угол одной из граней. Так же есть ряд кирпичей имеющих не ровную поверхность, а изогнутую или с угловой гранью, угол составляет 45˚. По бокам имеют широкие канавки аналогичные заглублениям на кирпичах типа 1 или без таковых.

Рис.3

Рис.4

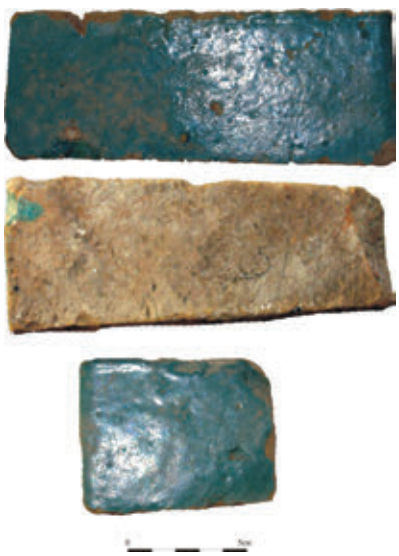

Рис.5

Тесто кирпичей краснобуро-оранжевового (#cd5700), песочного (#fcdd76) и цвета гуммигут (#e49b0f). Лицевая сторона покрыта глазурью разнообразных цветов: циан (#00ffff), голубой (#42aaff), ярко-бирюзовый (#08e8de), лазурный (#007fff), зеленой сосны (#01796f), нефритовый (#00a86b). Высота 5-8 см, ширина – 5-7 см, длина 19-21 см.

Основная масса этих кирпичей могла быть использована для облицовки стен, углов и купола здания (рис. 6).

Тип 5. Вспомогательные элементы облицовки. Небольшие клиновидные кирпичики с лицевой гранью квадратной или прямоугольной формы изготовлялись из боя кирпича типа 4. Многие из них имеют следы обработки инструментом типа закольник или долото, ширина рабочей кромки – 15-25 мм. На многих кирпичиках после придания им клиновидной формы видны следы шлифовки граней. Размер лицевой стороны 4,5-6см.

Лицевая сторона покрыта глазурью цвета циан (#00ffff), ярко-бирюзового (#08e8de) и темно-синего (#000080). Тесто кирпичей красно-бурого (#cd5700), песочного (#edce6d) и цвета гуммигут (#e49b0f).

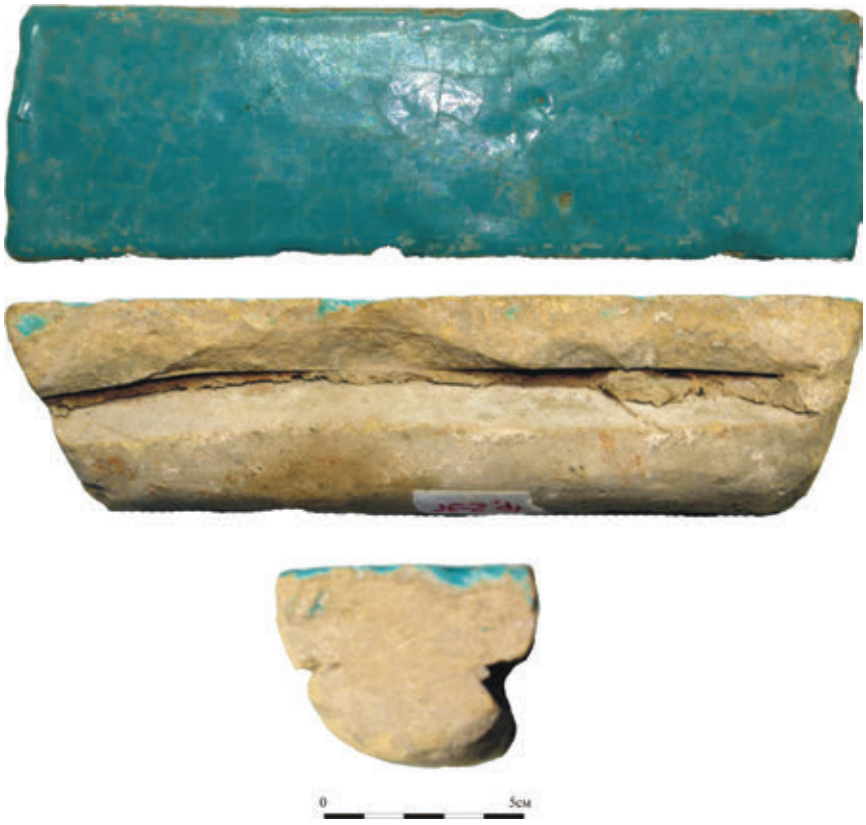

Рис.6

Рис.7

Эти элементы могли быть использованы в «замковой» части арочных элементов кладки (рис. 7).

Третья группа представлена декоративными элементами облицовки и условно разделена на два типа.

Тип 1. Облицовочные плиты, на лицевую сторону которых был, нанес сложный резной растительный орнамент, покрытый сверху глазурью. Вероятней всего изготавливалась панно (полоса) шириной 41 см с рамочным обрамлением, внутри которого и наносился, с помощью трафаретов, орнамент.

Потом полоса разрезалась на части и покрывалась глазурью. Многие фрагменты имеют следы обработки и после обжига. Плитам придана нужная форма. В некоторых случаях это форма отделки арочного свода и боковые грани тщательно обработаны.

Рис.8

Лицевая сторона этих фрагментов покрыта глазурью ярко-бирюзового (#08e8de), темно-синего (#000080) и голубого (#42aaff) цвета. Тесто кирпичей красно-бурого (#cd5700) цвета. Толщина плит от 3,5 до 5 см. По сохранившимся элементам можно предположить, что эта группа отделочных материалов использовалась для отделки входа в здание (портала) (рис. 8).

Тип 2. Этот тип представлен фрагментами разнообразной формы. Кирпичик стреловидной формы, ромбики, овалы, элементы ветвей орнамента. Часть элементов выпилена из готовых кирпичей, части форма придана изначально.

Цвета глазури разнообразны. Присутствует белый (#ffffff) с небольшим голубоватым оттенком, циан (#00ffff), тёмно-лазурный (#08457e) и голубой (#42aaff). Тесто фрагментов песочного (#edce6d) и цвета гуммигут (#e49b0f).

Многие элементы имеют в сечении трапециевидную форму и являлись частями наборного декоративного панно. Способ изготовления таких панно хорошо известен в архитектуре Азербайджана. Собирались они глазурованной стороной вниз на гладкой поверхности, а затем заливались с обратной стороны раствором (рис. 9).

При описании самих раскопок 1963 г. как в художественном периодическом издании [*Палимпсестова 1968*], так и в аналитической статье [*Ртвеладзе 1969*] нет упоминаний о таких элементах как плиты с растительным орнаментом и элементы панно. Но в статье «О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек хана» все эти предметы описаны и некоторые из них узнаваемы в иллюстрациях [*Палимпсестова, Рунич 1974, с.229-239*]. Поэтому можно с полной уверенностью отнести материалы данного типа к раскопкам 1971 г.

Рис.9

Отдельно хотелось бы выделить из основной массы несколько кирпичей в силу их незаурядности.

Первый это - фрагмент кирпича, на поверхности которого остались отпечатки лап животного (собака?). Кирпич имеет размеры 20x15x4 см и относится к первой группе мате-

Рис.10

Рис.11

риалов. Отпечатки лап животного были оставлены на сырой глине при изготовлении кирпичей. Могут представлять интерес для антропологических исследований.

Второй кирпич так же относится к первой группе материалов. Имеет размер 22,5х23х5 см. На одной из сторон выдавлен по сырой глине штамп. Размер символа 6х2 см. Может являться тамгой (рис. 10).

Третий кирпич аналогичен предыдущему кирпичу. Но его размер 17,5х11х4,5 см. На боковых гранях видны следы от обработки инструментом. На одной из сторон выдавлен символ. Так же может являться тамгой (рис. 11).

И четвертый кирпич относится к типу второй группы и является облицовочным кирпичом на одной из сторон которого нанесена надпись, которая представляет несомненный интерес (рис. 12).

По данной надписи абсолютно точно устанавливаются лишь следующие обстоятельства: строка не принадлежит к так называемым степным (древнетюркским) руническим надписям; также надпись нельзя напрямую связать с глаголицей; как сами образующие ее знаки, так, следовательно, и вся строка начертаны слева направо, значит, в этом направлении и должны читаться[3].

Данный материал определено представляет интерес для отдельного углубленного научного исследования.

Путем визуального сравнения с аналогичными образцами материалов из формирующегося фонда Маджарского археологического музея можно предположить, что данные строительные материалы были изготовлены в городе Маджар. Это так же косвенно подтверждается отсутствием в черновом заполнении стен зданий бракованного кирпича.

Хотя в непосредственной близости от мавзолеев (400-500 метров) находятся выходы глины пригодные для производства кирпича. Там же находился кирпичный завод, который существовал до середины 80-х годов XX столетия. Поэтому нельзя полностью исключать, что при разработке глиняных карьеров завода могли быть уничтожены остатки печей для производства кирпича времен Золотой Орды.

Рис.11

[3] Выводы сделаны на основании личной переписки с Алексеем Владимировичем Чернецовым и Игорем Леонидовичем Кызласовым.

Автор благодарит директора Ессентукского историко-краеведческого музея им. В.П. Шпаковского – А.В. Корчневую и научного сотрудника А.В. Данилова за помощь и предоставленные материалы из фондов музея.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Васильев В.Д. 2004 г. О размерах золотоордынских кирпичей (опыт статистико-метрологического анализа). //Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Всероссийской научной конференции 22-23 апреля 2004 г.

Палимпсестова Т.Б., 1968 г. «Тупой угол» или «девять знамен»? //Уральский следопыт. №6.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П., 1974 г. О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек – хана. //СА. №3

Ртвеладзе Э.В., 1969 г. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА, № 4.

Рунич А.П., 1971 г. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971г. // Архив ИА. Р-1 №4633.

НОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГОРОДА НОВОПАВЛОВСКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ.

Березин С.Я.

Археологические исследования, которые проводит, начиная с 2002 года ГУП «Наследие» в районе г. Новопавловск Кировского района Ставропольского края дали возможность выявить и частично изучить археологические памятники, относящиеся к различным периодам освоения юго-восточной части края. Наиболее известным из исследованных объектов является Новопавловский могильник эпохи Золотой Орды, раскопанный Н.А.Охонько в 1982 г. [*Нарожный, Охонько 2007*]. Одним из таких памятников является гончарная печь эпохи Золотой Орды из окрестностей г. Новопавловск, свидетельствующая о наличии гончарного производства в данном регионе, исследованная в 2002 году.

Печь находилась в карьере Новопавловского кирпичного завода, в том же карьере, где были раскопаны Охонько Н.А. указанные погребения. Точное их соотношение установить уже нельзя, но есть вероятность того, что они располагались не более 0.6 км от печи. Обнаружена печь случайно сотрудником ГУП министерства культуры Ставропольского края ″Наследие″ Климовым Н.Н. В процессе выборке грунта для кирпичного завода работники карьера на землеройной технике зацепили самый край обжигательной камеры печи (рис.1).

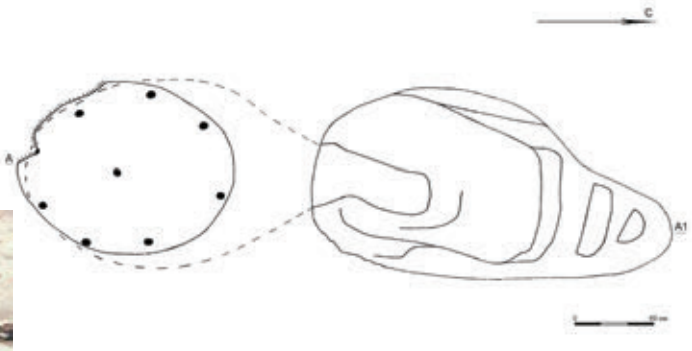

Рис.1 План-схема печи. Вид сверху.

Фото.2 Топочное отверстие

Печь (Фото.2-4) состояла из двух камер – внутренней и наружной. Камера для обжига округлой формы, была выкопана в материковом грунте, стенки камеры были обложены кирпичом в один ряд, высота ряда достигала 4-6 слоев кирпича (как целый так и половинки).

Кирпичная кладка была обмазана глиняным раствором. Вероятно, был выведен свод с верхним отверстием для загрузки-выгрузки. Диаметр обжигательной камеры около 1.55м, наибольшая глубина от уровня фиксации достигала 0.75м. С северной стороны печи была выкопана длинная яма (пандус) грушевидной формы со ступеньками, длиной 2.76м, наибольшая ширина 1.75м. Дно ямы опускалось с севера на юг к печке, наибольшая глубина от уровня фиксации 0.98м. В южной части этой ямы было проделано отверстие, шириной 0.6м и высотой 0.31м, через которое была выбрана внутренняя камера печи – топочная. Между обжигательной ямой и топочной оставался материковый слой толщиной около 0.3м, в котором было проделано 9 сквозных отверстий (продухов), через которые поступало необходимое для обжига тепло из внутренней камеры во внешнюю.

Фото.3 Обжигательная камера после выборки заполнения и снятия обмазки

Фото.4 Стенка печи после снятия слоя обмазки

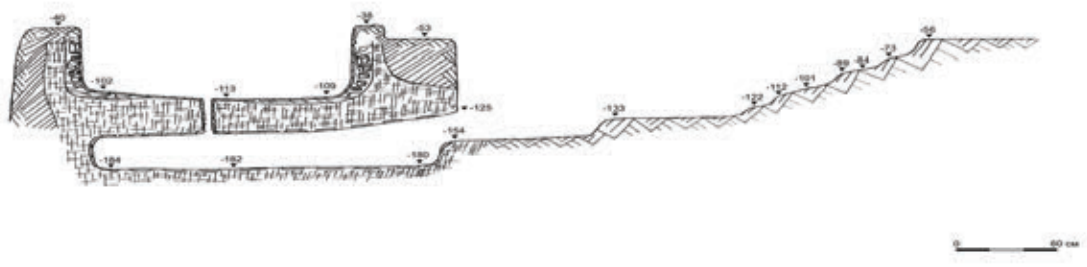

Рис.5 План-схема печи в разрезе.

Продухи располагались по кругу у стенок печи – 8 штук, и 1 продух находился в центральной части камеры. Диаметр отверстий около 8-10см. Отверстия обильно обмазаны глиной.

Внутренняя камера печи в плане имела каплеобразную форму и служила топочной камерой и была сделана в материковой глине, стенки и пол обмазаны глиняным раствором (рис.5). Топочное устье внутренней камеры располагалось в северной сужающейся части. Заполнение топочной камеры трехслойное: 1. мешаный материковый грунт с золой, 2. мешаный гумусированный грунт с золой и углями, 3. мешаный сильно обугленный материковый грунт с углями.

В процессе эксплуатации было произведено не менее двух ремонтов. Проследили по разновременным слоям обмазки внутри печи и ремонтах обсыпавшихся продухов. Тем не менее, эта деятельность длилась не долго, менее года. По одному из предположений такая конструкция не выдержала бы в открытом виде полный осенне – зимний цикл. С другой стороны, материковый целик между камерами простоял до наших дней.

Недалеко от печи, к востоку от нее, была раскопана яма с большим количеством чистой, вымешанной глины, вероятно, запас материала.

После завершения своей работы печь была заброшена. В ней и над ней, в заполнении обжигательной камеры, расчистили мусор (обломки кирпичей, керамика, кости животных, камни и проч. Внутри пандуса, ведущего к поддувалу, закрывая

топочное отверстие, лежал скелет. Он не датируется никак, закопан уже в мусорный слой, образовавшийся после заполнения пандуса, инвентаря нет. Связано это погребение с печью или нет, точно установить не удалось.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Нарожный Е.И., Охонько Н.А., Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей//Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир-Ставрополь, 2007 г.

КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАРА

Волков И.В.

Цель предлагаемой работы – создать самое общее представление о керамическом комплексе Маджарского городища. Коллекции керамики содержатся в разных хранилищах и в сумме дают адекватное представление о керамическом комплексе. В общем случае 10000 фрагментов из раскопа дают приблизительно адекватное представление о керамическом комплексе поселения, которое может уточняться; а 100000 фрагментов из раскопок уже слабо поддаются корректировке, только в области редких импортов (в остальных случаях результат получается приблизительно одинаковым). Представленные здесь материалы разнородны, но все же могут характеризовать керамику памятника. Основа – эта та коллекция, которая хранилась в Буденовском народном музее и была перерисована в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Формировалась она за счет случайных поступлений, преимущественно, 1960-1970-х гг. Судьба их складывалась очень неровно. Судить о сохранности можно по косвенному признаку – пережившим трансформации музея памятникам эпиграфики. Вообще камни с надписями лучше всего переживают катаклизмы. Могут утрачиваться их паспорта, но сами предметы обычно не уходят за пределы фондов и лапидариев. При составлении сводки эпиграфических памятников Л.И.Лавров имел сведения о 4-5 камнях [*Эпиграфические…, 1966, с.117, 122-123, №№ 285, 286, 296, 302, возможно, 304*], но в настоящее время их осталось только 2, причем 1 – не учтенный Лавровым [*Волков 2001а, с.113-115*]. Подобным же образом изменилось и количество сфероконусов. В посвященной им статье Э.В.Ртвеладзе учел в разных музеях более 20 целых и около 30 фрагментов, на рисунке представлено 14 экземпляров [*Ртвеладзе 1974, с. 281, 282, рис.1*], один из них напоминает сфероконус из ГИМа. Масштаб рисунков не позволяет соотнести их с конкретными находками, из которых в настоящее время остались только публикуемые здесь, причем один фрагмент передан в музей из частной коллекции уже в 1996 г.

Тем не менее, коллекция музея состоит в основном из предметов местного производства. Но для характеристики всего ассортимента мастерских этого города материала не достаточно. (Впрочем, он в основе общий для эмирских городов).

Для большей полноты привлечены находки из частных коллекций, составляющих формирующийся фонд Маджарского археологического музея. Материалов, собранных в результате распашки правобережной части городища и размыва берегов довольно много. Но эти находки, скорее, характеризуют набор импортов, а не местную керамику, поскольку в них отбираются совсем необычные или целые предметы.

Незначительное дополнение – сборы автора на городище в 1990 г., когда на одном поле была собрана коллекция браков и полуфабрикатов одной мастерской (большая часть утрачена в настоящее время). Некоторое количество керамических предметов хранится в Ставропольском музее, преимущественно из сборов Н.П. Ивлева. Выборочно использованы материалы исследований В.А. Городцова в 1907 г., хранящиеся в Государственном историческом музее [*ГИМ 45493, Оп. В-184*], поскольку часть лощеной керамики может относиться не к золотоордынскому времени, а происходить с городища первых веков н.э. на левобережье, в пределах Маджара.

Специфика происхождения находок такова, что общую дату можно определять только исходя из общей даты существования города. Время основания города точно не известно. Существование здесь домонгольского поселения возможно, но пока надежно не подтверждается [*ср. Обухов 2001, с.130*].

Первые упоминания Маджара связаны со временем монгольского завоевания, но эти сведения отрывочны и могут отражать ретроспективную оценку событий. Существенно, что в списке областей, завоеванных Бату, регулярно упоминается и Маджар, что переводчики и комментаторы обычно считают Венгрией. Однако этот топоним чаще всего помещается между названиями половцев и народов Северного Кавказа. Например, Марко Поло сообщает, о том, что “этот царь Саин покорил Росию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию”

[*Плано Карпини Дж. Дель, 1997, с.193*]. Сходная информация содержится в сочинении Рашид-ад-дина, к сожалению только в названии главы: “Рассказ о войнах, которые вели царевичи и войско монгольское в Кипчакской степи, Булгаре, Руси, Мокше, Алании, Маджаре, Буларе и Башкирде, и завоевании (ими) тех областей” [*Рашид-ад-дин 1960, с.37*]. Хотя Маджар здесь явно соответствует какой-то области, а не городу, существенно, что описываются события 1236 г., когда боевые действия не могли охватить территорию западнее Днепра.

С незначительными искажениями эти сведения повторены в более позднем сочинении хивинского хана Абу-л-Гази (автора XVII века, но джучида по происхождению) где маджры упоминаются в списках народов не только на момент монгольского завоевания, но и на время нашествия половцев [*Абуль-Гази 1906, с.18, 151, 158; Кононов 1958, с.43*]. Едва ли речь идет о современной Венгрии, которая так и не была завоевана. Скорее, сообщения касаются или “Великой Венгрии” в районе современной Башкирии, или какой-то области Северного Кавказа, населенной остатками венгерского населения. Возможно, это и округа будущего города Маджара.

В целом большая часть упоминаний города в письменных источниках укладывается в XIV в. К этому же столетию относятся почти все монеты, найденные на городище. Надо полагать, в пределы века укладывается и большая часть рассматриваемой керамики, хотя наличие небольшого количества находок XIII и XV вв. допустимо.

На европейских картах XIV в. город не получил отражения, что обусловлено ограниченностью водного пути к нему. Однако не исключено, что на картах каталонского стиля с расширенным содержанием он все же обозначался. На морской карте Джорджио Сидери (прозвище – Каллапода из Кандии) 1541 г., выполненной в традиции протографа мастерской Фра Мауро, на Северном Кавказе существенно восточнее Кубани обозначен символ города с подписью Mancj[r] (?) [*Ratti, 1988, fig.1*]. К сожалению, эта карта хранится в неизвестной частной коллекции. На его же карте 1550 г. Маджар с подписью Machieçar также обозначен (рис.1). Эта карта хранится в музее Коррер в Венеции (1409, Port. 6) [*Biadene 1990, p. 72-73*]. Поскольку этому автору были знакомы подробные карты каталонского стиля, какие использовались в мастерской

Рис.1. Фрагмент морской карты Джорджио Сидери (прозвище – Каллапода из Кандии) 1550 г. с подписью Machieçar.

Фра Мауро [*Ratti 1988, p. 77-85*], восходящие к протографу времени расцвета Золотой Орды, есть надежда, что найдутся еще карты с обозначением Маджара.

Как бы то ни было, практически вся золотоордынская керамика, находимая на городище относится к XIV в.

Величественные развалины мавзолеев, отмечавшиеся путешественниками XVIII-XIX вв., располагались на высоком левом берегу Кумы. В настоящее время эта территория почти полностью занята современным городом, преимущественно зданиями печально известной больницы. Городской культурный слой на левом берегу также присутствует, но судя по монетам из раскопок на территории больницы, он формировался до 1330-х гг. (затем возведение мавзолеев и их постепенное разрушение).

Большая часть городской застройки располагалась в пойме, на правом берегу Кумы, которая до XX в. оставалась заболоченной. Здесь сохранялся микрорельеф, по которому можно было судить о планировке города. При освоении этой территории в конце 1950-х гг. большая часть возвышающихся над поверхностью остатков города была уничтожена. Сбором находок и кратким описание построек занимался инженер Н.П.Ивлев.

“Городище Верхние Маджары” [*Волкова 1972, с.54; Егоров 1985, с.122*], отмечавшееся в 3 км к западу от Маджар, в действительности является частью все того же золотоордынского города, если только за него не были приняты остатки редута, фиксировавшегося на русских планах [*Волков 2001б, с.203, рис.3*]. Редут располагался как раз в 3 верстах от оконечности мыса, образованного долинами Кумы и Буйволы. Отдельные находки встречаются на полях почти вплоть до села Прасковея, что отмечает территорию города более точно. Как и у всякого города, была зона сплошной застройки и садово-парковая [*Большаков 1984, с.101-109*], где слой сильно разрежен, но встречаются участки его концентрации в местах построек. Обилие садов в Маджаре особо отмечено Ибн Батутой: “Поехал я в город Маджар – пишется через ма, джа, р, - город большой, из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами. Мы остановились там в ските благочестивого, религиозного, престарелого шейха Мухаммеда Эльбатаихи, из Батаиха Иракского. Он был преемником шейха Ахмеда Эррефаи, да будет над ними благоволение Аллаха! В ските его около 70 факиров арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых. Живут они подаяниями” [*Тизенгаузен 1884, с.287*].

Малые Маджары, располагающиеся рядом с современным с. Бургун-Маджары – ближайший населенный пункт в одном дневном переходе по дороге, ведущей на восток, по которой можно было двигаться в Дербент, Хаджи-Тархан, Новый Сарай. На картах XVIII в. здесь фиксировали только остатки мавзолеев и курганы [*Волков 2001б, с.204, рис.4*], но при обследованиях Н.П. Ивлева выявлены следы городских сооружений [*Ивлев 1960, л.11-12, 16-18*].

КЕРАМИКА.

Керамика Маджара рассматривалась неоднократно, и в целом, и по отдельным группам и видам. Первая классификация поливной керамики памятника выполнена О.А. Дудко по схеме принятой тогда в Поволжской экспедиции [*Дудко 1963, с.108-118*]. Эта студенческая работа касалась только поливной продукции, здесь были использованы данные полуколичественнго спектрального анализа глазурей. Рассмотренные находки ограничены: коллекция из раскопок В.А.Городцова 1908 г., хранящаяся в Историческом музее, и сборы Северо-Кавказской экспедиции в 1955 г. Классификация соответствует уровню знаний того времени. Автор исходит из того, что большая часть керамики производилась на месте, а некоторое количество привезено из Средней Азии, Закавказья и Поволжья [*Дудко 1963, с.117*]. Между тем происхождение предметов оговорено не всегда, а едва ли не большая часть работы посвящены импортам, прежде всего кашинной керамике, достоверных следов производства которой в Маджаре нет. Выделены и экзотические типы. Например, кашинная с прозрачной зеленой свинцовой поливой и гравировкой [*Дудко 1963, с.111*], кашинная коричневая с гравировкой, буро-красная с голубыми пятнами [*Дудко 1963, с.115-116*]. Теперь уже невозможно узнать, что имелось в виду, а скорее всего – это результат неправильных определений. (Наиболее вероятно, что за кашинную была принята желтоглиняная керамика). Во всяком случае, при последующих раскопках и обильных сборах ничего подобного встречено не было. В целом подход лучше, чем «современное» безумное деление керамики на «фаянсы, полуфаянсы, майолики и полумайолики», но все же неудачен.

В работах Н.С.Гражданкиной и Э.В.Ртвеладзе рассматривалась только та керамика, которую авторы связывали с влиянием Хорезма [*Гражданкина, Ртвеладзе 1971, с.127-139; Ртве-*

ладзе 1975а, с.17-21; 1975б, с.105-140]. Эти исследования выполнены под влиянием работ А.Ю.Якубовского, который выделил на 5 групп керамики (кашинной, сероглиняной штампованной и штампованной с бирюзовой и синей глазурью), появление которых в Новом Сарае он связывал с влиянием Хорезма [*Якубовский 1931, с.30-47*]. Тогда шагом вперед было то, что на сходство этих 5 "групп" обратили пристальное внимание. Для всей остальной керамики он усматривал "местные корни", в наше время это заключение звучит почти анекдотично: "Но не надо забывать, что разобранные образцы сарайской посуды только часть ее, правда, огромная. Другая – в Хорезме не найдет себе источника, зато почти целиком уложится в ту керамику, которая известна в Крыму, бывшем в эту эпоху проводником культурных влияний Передней Азии и особенно Египта" [*Якубовский 1931, с.47*]. Через полвека выяснилось, что как раз остальная часть делится на 2 группы, для одной из которых нет местных корней. Влияние крымского керамического производства почти не прослеживается в Сарае, а египетского – вообще нигде в Золотой Орде.

Остановлюсь несколько подробнее на общей проблеме определения того, импортная керамика или местного производства. Вопрос часто оказывается сложным, и выработать единый подход для его решения просто невозможно. Для правильного подхода существенны подсказки, предоставляемые самим археологическим материалом.

Например, каменные котлы из талькохлорита распространены на всей территории Золотой Орды. Все они необыкновенно похожи по формам, технологии, материалу, хотя можно найти и отличия, в том числе и в ассортименте изделий [*Фёдоров-Давыдов 2001, с.211,213, табл.105,2; Рябой 1988, с.115,119, рис.2,3; Гражданкина, Ртвеладзе 1971, с.131*]. Очевидно, что источник поступления должен находиться там же, где и источник сырья. К тому же есть сообщение письменного источника синхронного находкам, ал-Омари: "Находятся в Хорезме каменоломни, в них добываются камни, из которых делают котлы для варки, которые держатся около 60 лет, не портясь" [*Тизенгаузен 1884, с.242; ср. Пругер 1975, с.352*]. На Маджарах найден подсвечник из этого камня, аналогий которому не известно ни в публикациях находок из очага производства, ни столиц Золотой Орды (рис. 2). Значит ли это, что он сделан на месте? Вероятность этого предельно мала, поскольку нет отходов производства, да и факт перевозки камня в качестве сырья, а не в готовых изделиях почти немыслим: не менее чем на порядок увеличивается вес товара при транспортировке, а возможные дефекты делают ее почти бессмысленной.

Рис.2. Фрагмент подсвечника из такькохлорита, сборы 1989 г

Но делать дедуктивное обобщение на этом основании не следует. Ювелирные камни в историческое время перевозили необработанными в значительном количестве. При определении керамики сложностей значительно больше.

Мысль о местном произ-водстве любой сложной продукции будоражит археологов, это позволяет говорить о том, что исследуемая культура ничем не хуже всех остальных. Например, Г.А. Пугаченкова "открыла" производство люстровой керамики в Мерве, основываясь на находке нескольких фрагментов в гончарной печи вместе с браком [*Пугаченкова 1960, с.84-86*]. До этого "находили" следы производства в разных местах – почему бы не увеличить список еще на один пункт? В действительности на представленном рисунке [*Пугаченкова 1960, с.85, рис.1*] нет ни одного целого (деформированного или растрескавшегося при обжиге) сосуда, а только довольно мелкие фрагменты, ни один из них не имеет следов производственного брака. Но "открытие" ти-

ражировалось, с повторением курьезных трактовок: “На фрагментах одной из разбитых чаш (мастер раскалывал неудавшийся при обжиге предмет) есть необычный для рейских сосудов мотив – шествие груженых верблюдов. По-видимому, керамист хотел потрафить местным вкусам богатого степняка или городского купца, ибо верблюжий караван играл немалую роль в жизни и скотовода – обитателя Каракумов, и жителя прилежащих земледельческих оазисов” [*Пугаченкова 1967, с.84-86*]. Автоматическим продолжением сказанного должно быть утверждение, что всякий найденный осколок разбит мастером после неудавшегося обжига, а не неосторожной кухаркой; а верблюжьи караваны в Мерве были более важны, чем в центральных областях Персии, где верблюдов больше. Да и само определение того, что «хотел» древний мастер, промолчавший на тему – симптом опасный.

Однако использованные люстровые находки имеют роспись, следовательно, благополучно пережили первый обжиг, а для повторного низкотемпературного восстановительного требовались совсем другие печи. Брак в этом случае мог касаться только люстрового покрытия, которое как раз получилось качественно. Следовательно, “открытие” является вымыслом. Со временем выяснилось, что в самой Персии был только один очаг производства такой керамики – Кашан, а все остальные – лишь результат неправильной интерпретации находок [*Watson 1985, p.37-44*]. Однако версии среднеазиатского производства люстровой керамики продолжают жить [*Атагаррыев 1976, с.13,17*], и, видимо, будут повторяться в будущем. Но даже архитектурный декор с люстровой росписью перевозили на многие сотни километров [*Мамедов 2008, с.61-64, табл. XIII*].

Несколько сложнее определяется происхождение более простой и дешевой керамики. Может показаться оправданным, что фрагмент, найденный в гончарной печи признается местным. Но все исследованные горны – или исчерпавшие свой ресурс, или заброшенные по причине прекращения производства. Вероятность того, что разгром поселения, землетрясение или эмиграция мастеров случатся внезапно именно в момент обжига – предельно мала. Во всяком случае, вероятность того, что проверка качества последней загрузки горна состоится, и сосуды будут изъяты, напротив – предельно велика.

Если поселение продолжает существовать, то отслуживший свой ресурс горн ждет судьба вообще всех углубленных конструкций: он превращается в помойку, и в него может попадать любой бытовой мусор, в том числе и керамика, не относящаяся именно к этой мастерской.

Использовать заполнение горнов для характеристики производства все же можно. Новая, более поздняя печь для обжига, скорее всего, будет находиться неподалеку. Керамический брак, составляет значительную часть мусора, образовывающегося в пределах мастерской и усадьбы. Вполне подходящее место для его выброса – отработанные горны. Поэтому для вычленения продукции мастерской, к которой относилась печь, надо выбрать материал однородный и имеющий следы брака при обжиге. При этом надо учитывать, что часть фрагментов со следами нестандартного пребывания в огне все же может не иметь отношения к производству. Дата основной массы находок из горна в общем случае – от последней загрузки и моложе.

Особенно остро вопрос определения импорта относится к золотоордынской кашинной керамике. Большая часть находок на всей территории Золотой Орды действительно похожи, как две капли воды. С точки зрения формальной логики это может иметь несколько объяснений. 1. Могли иметь место поставки продукции из одного или нескольких пунктов государства в остальные. 2. Производство могло распространиться из одного города в другой. 3. Источник технологии для всех местных очагов производства вообще мог находиться за пределами Золотой Орды. 4. Во всех золотоордынских городах она была импортом. (Так, видимо, было до организации собственного производства в столицах).

Если процент находок кашинной керамики невелик (до 3%), и нет никаких намеков на местное производство – это просто импорт. Такая ситуация характерна для абсолютного большинства золотоордынских городов за исключением столиц и Хорезма (Ургенча).

Если в двух пунктах много идентичных находок, и зафиксировано их производство, то вопрос о заимствовании технологии из одного в другой может быть определен по датам. Например, в Сарае (Селитренном городище) производство кашинной керамики зафиксировано с 1330-х гг., а в Новом Сарае (Царевском городище) – не ранее 1340-х гг. Близость населенных пунктов оставляет мало почвы для сомнений в направлении влияния.

Сложнее, если заимствование технологии шло из третьего очага – в оба. В этом случае об их взаимовлиянии говорить не приходится: источником воздействия был третий очаг. При этом

очень сложная технология кашинной керамики не является золотоордынским изобретением, поскольку в Персии она появилась уже в XI в., а независимое изобретение ее заново немыслимо.

Но сходство кашинной керамики Хорезма и Европейской части Золотой Орды долго продолжали объяснять только одним способом – угоном ремесленников завоеванных стран. Вероятно, к этому подталкивал "мусульманский облик" находок и лучшая сохранность архитектурных сооружений Средней Азии (преимущественно, второй половины XIV в. и более позднего времени). Существенно, что датировка слоев золотоордынского времени XIII-XIV вв. как в Хорезме, так и в Золотой Орде в целом – условна. Стратиграфия обычно позволяет только выделить слои после монгольского завоевания, без уточнения. Время их формирования определяли как двухвековой интервал на основании событий политической истории. В действительности отложения XIII в. являются величайшей редкостью, обычно это одно-два последние десятилетия.

Со временем оказалось, что положения А.Ю.Якубовского во многом ошибочны, что убедительно показано в работах Г.А.Фёдорова-Давыдова, Н.М. Булатова, Л.М.Носковой и других: характерный набор золотоордынской керамики появляется в Хорезме не раньше, чем на Нижней Волге, а по серии составляющих – заметно позже [*Фёдоров-Давыдов 1994, с.132-135; Булатов 1969, с.49; 1974, с.137; Носкова 1976, с.23-24, 28-29*]. Можно даже проследить, как по мере накопления материала археологи отказывались от положений А.Ю.Якубовского. В одной из первых своих работ Н.М.Булатов еще признавал это мнение [*Булатов 1968, с.104*]. Затем появились серьезные возражения, которые сейчас аргументированы значительно лучше. "После разгрома Хорезма в 1218 г. воинами Чингис-хана керамическое ремесло здесь в течение почти трех десятков лет находилось в состоянии крайнего упадка [*Вактурская 1959, с.300*], а новый расцвет культуры городов Хорезма, вошедшего в состав Золотой Орды, происходит с середины XIII в. одновременно с расцветом культуры городов золотоордынского Поволжья. Кашинная керамика… до XIII в. практически неизвестна в Хорезме" [*Булатов 1969, с.48*]. Некоторые виды архитектурного декора вообще в Хорезме появились позже, чем на Волге [*Фёдоров-Давыдов 1978, с.35*].

Но многие недоказуемые утверждения настолько укореняются в литературе, что бороться с ними почти бесполезно. Например, в рассматриваемых работах [*Гражданкина, Ртвеладзе 1971, с.139; Ртвеладзе 1975а, с.24*] делается вывод, что одной из основных причин проникновения среднеазиатской культуры на Северный Кавказ был "насильственный угон и переселение части ремесленников из Хроезма в города Золотой Орды". Но сложение сходных керамических комплексов относится уже к XIV в., когда со времени завоевания ушло два поколения, исчезли видимые поводы для насильственного переселения жителей одного района своей же страны в другой. И напротив, Хулагуидо-Джучидские войны продолжались и в XIV в., и они могли сопровождаться угоном пленных ремесленников, но совсем с другой территории. Впрочем, достоверных письменных свидетельств о таких перемещениях населения не сохранилось, они касаются только детей малика Ашрафа – Султанбахт и Дамир-Таша [*Казвини 1990, с.111,114*]. Однако есть лишь «точечные» упоминания о добровольных иммигрантах в Золотую Орду с территории Ильханов. Например, таким был кади Махи ад-Дин Барда'и, проповедовавший в Сарае Берке [*Казвини 1990, с.108*]. В действительности добровольных переселенцев-ремесленников должно было быть множество.

Прежние тезисные публикации керамики Маджара [*Волков 1991, с.26-29; Волков, Зиливинская 1996, с.38-41; Ярош, Волков 2007, с.18-19; Волков 2007, с.33-42; Обухов, Волков 2007, с.20-25*] связаны с иным подходом к классификации, основанном на технологических признаках, в основе выделенных А.А.Бобринским [*Бобринский 1978*]. Хотя значительная часть используемых технологических признаков в принципе не учитывалась А.А. Бобринским по причине отсутствия на горшках Восточной Европы, принцип подхода приблизительно тот же. Это позволило, во-первых разделить местную и импортную керамику, даже рядовую, во вторых – строить классификацию на основе объективного родства производств.

При классификации используются четыре уровня деления материала. В основу классификации положены группы. В группу объединяется продукция мастерской или родственных мастерских (в том случае, если невозможно выделить устойчивые характерные признаки для каждой из них). При этом вовсе не обязательно, чтобы весь набор технологических признаков внутри группы был единым. Использование разных технологий внутри одной мастерской отражается в распределении изделий по отделам. Например, неполивные и поливные туваки, изготовленные в одной мастерской, будут занимать место в одной группе, но разных отделах. То

же самое можно сказать о поливных чашах без орнамента, с подглазурной росписью ангобом, сграффито и т.д.

Третьим уровнем членения являются виды изделий. Вид составляют сосуды, обладающие определенным набором морфологических признаков, связанных с назначением (вне зависимости от того, известно ли нам это назначение). Вид характеризует самые общие стереотипные представления об ассортименте сосудов. Примерами видов являются кувшины, горшки, афтоба, амфоры и т.д. Каждое название единицы ассортимента – это вид, то есть, что «через запятую» ответят этнографу на вопрос: “Какие сосуды вы делаете?”

На нижней ступени систематизации находятся типы, характеризующиеся устойчивым набором технологических и морфологических признаков, а также размеров. Например, один и тот же гончар делает разные кувшины – они составят разные типы, даже если они отличаются только устойчивой кратностью размеров (объемов).

Тезисные публикации давали очень неполное представление о керамическом комплексе, поэтому есть необходимость представить его с иллюстрациями и описаниями.

Характеристика керамики всех золотоордынских городов XIV в. очень похожа, хотя везде имеются свои яркие отличия. Почти везде присутствуют две основных местных группы и стандартный набор импортов. Местные группы везде составляют основу керамического комплекса, а количественное соотношение импортов меняется в зависимости от дальности от источника поступления. Наиболее полно выделенные на текущий момент группы импорта рассмотрены в работах А.А. Масловского [*Масловский 2006; 2012*].

Местная керамика одного города или района в другом становится импортом. Основные местные группы отличаются по технологическим признакам: способам составления формовочных масс, формовки, качества обжига. При этом в течение существования золотоордынских городов между ними шло постоянное смешение традиций. В зависимости от размеров города и количества в нем мастерских это смешение бывало более или менее значительным.

Существенным его отличием Маджара от других городов было то, что река Кума, на которой стоит город, была в золотоордынское время, как и сейчас, не судоходна. Поэтому проникновение в город импортных керамических изделий шло, в основном, по оживленным сухопутным дорогам. В связи с этим при исследовании мы имеем картину того, как шло передвижение купцов, путешественников, беженцев, обычных мигрантов и других «пассажиров» степи. Отсутствие водных путей к Маджару обусловило то, что общий процент импортной керамики здесь несколько ниже, чем в степных ордынских городах, обладающих таковыми, а предметы редкого дальнего импорта представлены вообще только в частных коллекциях.

Водные пути кончались далеко от города, но все же сказывались на формировании керамического комплекса. Определенную роль в этом играл Каспий, который в то время по судоходной Амударье был соединен с Хорезмом [*Бартольд 1963а, с.155-156; 1963б, с.725-727; 1963в, с.795; 1964а, с.13; 1964б, с.248*]. Это сыграло определенную роль в наборе импортов с востока и юга, в сходстве некоторых технологий.

В Маджаре, как и в других степных городах работали две большие группы мастерских. Одна из них выпускала только неполивную керамику с применением спирально-жгутового налепа, другая - неполивную и поливную, преимущественно вытянутую на круге. Естественно, что при этом шло смешение традиций производства между группами, но несмотря на это сформировались два массива керамики, обладающие значительным внутренним единством и по ассортименту, и по технологии.

Сходное у обеих групп – традиции составления формовочных масс, что может быть обусловлено едиными источниками исходного сырья. Легче всего маджарская керамика определяется по глине – значительно более пористой, чем в любом золотоордынском городе, хотя вариации плотности все же есть, и весьма существенные. Во-вторых, у местной продукции чаще встречается желтый цвет, но это тоже не жесткий признак. Цвет керамики варьирует от почти белого до красно-розового.

Первая группа (только неполивной керамики) представляет собой часть массива, развивавшегося на салтовских традициях. В основной своей массе это керамика с красным ангобом и лощением, сделанная с помощью спирально-жгутового налепа на этапе РФК-3-4. Дно сосудов обычно с зольной подсыпкой, нижний прилеп ручки – с дополнительным глиняным жгутом с внутренней стороны, что создает округлый переход контура от ручки к стенке. Близ-

кие технологические традиции развивались в бассейнах Дона и Кубани, по всему Северному Кавказу и Северному Причерноморью, в обеих Болгариях.

Еще одной отличительной чертой маджарской керамики этой группы являются используемые ангобы. Красные ангобы, которыми пользовались больше всего, имеют более яркую красно-оранжевую окраску. Толщина слоя ангоба обычно меньше, чем в других местах, сквозь него может быть видна основа изделия, в подавляющем большинстве случаев видны следы кисти для нанесения цветной глины (рис.3:1-2). Кроме того, в Маджаре достаточно многочисленна группа керамики с лощением по белому ангобу или светлой поверхности без ангоба (рис.4). В редких случаях встречаются экзотические цвета ангоба, например, фиолетовый с бурым оттенком. Лощеная керамика с наиболее плотным тестом может иметь тонкий слой поверхности отличающегося цвета, но не являющийся ангобом (рис. 5).

Формовочные массы имеют некоторые отличия, связанные с качеством исходного сырья. Концентрация чешуек слюды в краснолощеной наиболее плотной керамике Маджара в 2-3 раза выше, чем в азовской и закубанской (рис.3:3; 5). Поскольку этот признак приспособительный, и связан только с естественными свойствами используемых глин, он не дает оснований для надежного выделения маджарской керамики.

В Маджаре есть существенные сложности, связанные с географическим положением. В отличие от Азова, Нижнего Поволжья, и степных городов в целом Маджар находился на расстоянии прямой видимости от Кавказских гор. Поэтому в непосредственной близости от города в горных долинах находилось значительное количество родственных, но существенно изолированных друг от друга очагов производства. Отличение их от местного городского производства весьма проблематично. Уже при первом знакомстве с керамикой Маджара бросается в глаза наличие серии подгрупп внутри первой группы, отличающихся по составу формовочных масс и особенностям обработки поверхности, особенностям обжига (отчасти и по набору форм изделий). Цвет колеблется от белого до интенсивного красного, у наиболее пористой керамики обычно есть карбонатные включения, у наиболее плотной – округлые железистые.

Есть особенные изделия со сложными орнаментами из налепных валиков, что характерно для адыгов и алан; есть обработка поверхности (в том числе внутренней) гребенчатым штампом, они, скорее, являются импортами. Несколько путается разделение из-за значительного смешения 1 и 2 групп местной керамики.

Приходится признать, что часть продукции пока невозможно определить как местную или импортированную от ближайших соседей (также северокавказскую).

Обжиг этой керамики чаще бывает трехслойным, но незначительные отличия в обжиге от местной неполивной керамики других районов (Северного кКавказа и Подонья) все же есть: средняя темная прослойка имеет меньшую интенсивность окраски и более «размытые» границы. Ширина этой прослойки по сравнению с азовской керамикой также оказывается меньшей – она не превышает 1/3 толщины черепка. Значительная часть (около 30%) маджарской керамики этой группы вообще имеет сплошной обжиг.

Эталонный комплекс керамики этой группы из Маджара был получен при раскопках горна, поврежденного при строительстве нового корпуса больницы, в северо-западной части городища в 1990 г. Горн – обычный двухярусный с круглыми продухами без козла, диаметром 1,5-2 м. Разнобой в составе формовочных масс керамики из этого горна, связанный, видимо, с тем, что его использовали разные гончары, показывает, что им пользовались мастера с разными традициями. В целом можно отметить, что эта керамика более пориста, чем в остальных частях обозначенного «постсалтовского» массива (Подонья с Азаком и Закубанья).

Большую часть керамики этой группы в слое в пересчете на фрагмент составляют обломки крупных тарных сосудов с 2 вертикальными ручками на уровне около максимального диаметра неудачно называемых корчагами и крупных одноручных и двуручных кувшинов. К сожалению, они представлены только фрагментами (рис. 5; 6:1). Разнообразие столовых кувшинов велико, но имеющихся находок не достаточно для представительной классификации. В сборах представлен целый горшок с ручкой (рис. 6:3). В подъемном материале представлены фрагменты горшков с ангобом интенсивного цвета без лощения (рис.7).

Крышки оказались представлены в коллекциях непропорционально многочисленными, поскольку очень часто один фрагмент дает полный профиль изделия (рис.6:4-7). Надо полагать, что предназначались они преимущественно для кухонных горшков.

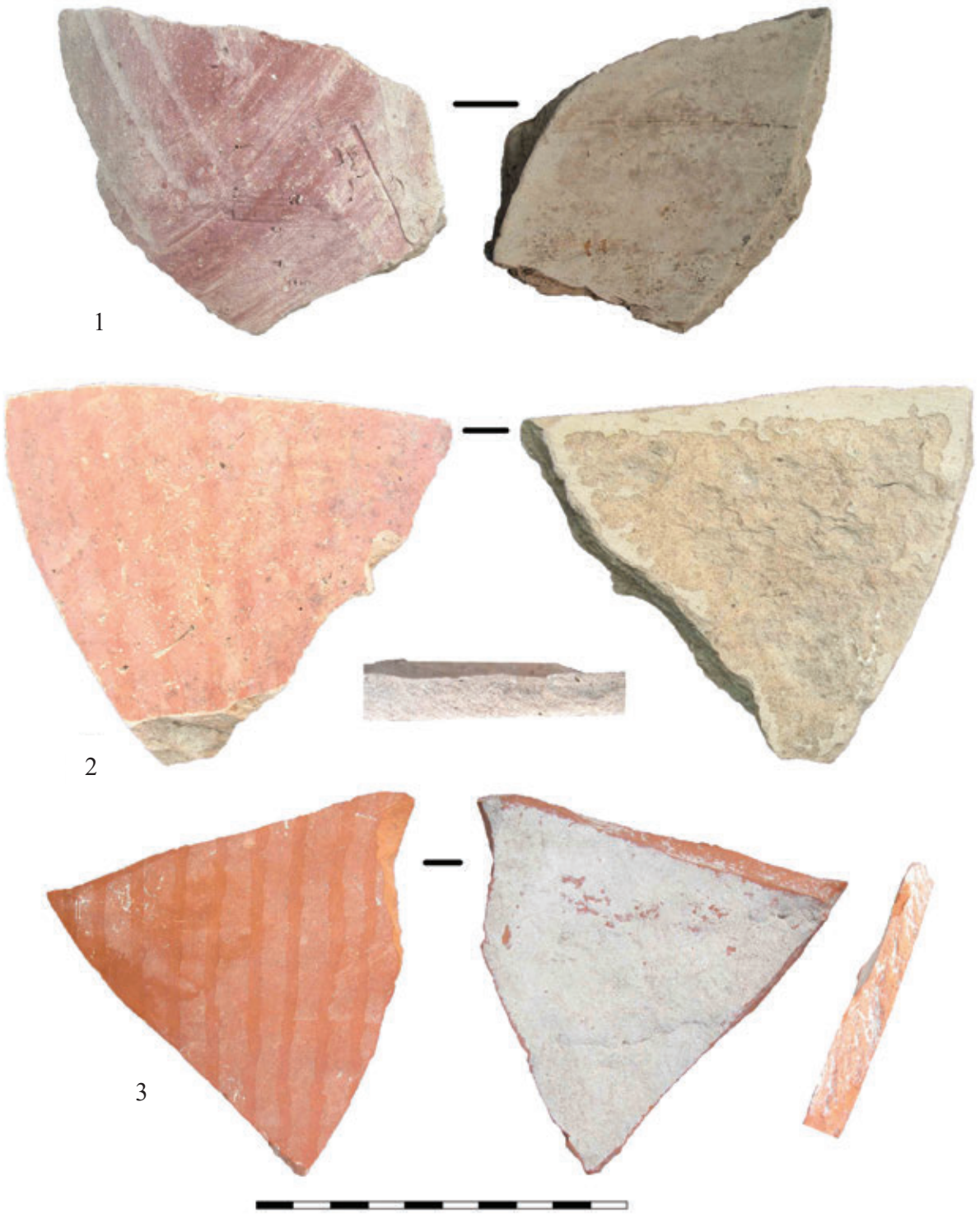

Рис. 3. Фрагменты крупных сосудов 1 группы местной керамики, сборы.

Рис. 4. Фрагменты крупных сосудов 1 группы местной керамики с лощением по белому ангобу, сборы. Сборы Ю.Д. Обухова.

Рис.5. Фрагмент крупного одноручного или двуручного тарного сосуда, сборы. Лощение – без ангоба, следов кисти нет даже под ручкой, разводы цвета поверхности – плавными границами. Сборы Ю.Д. Обухова.

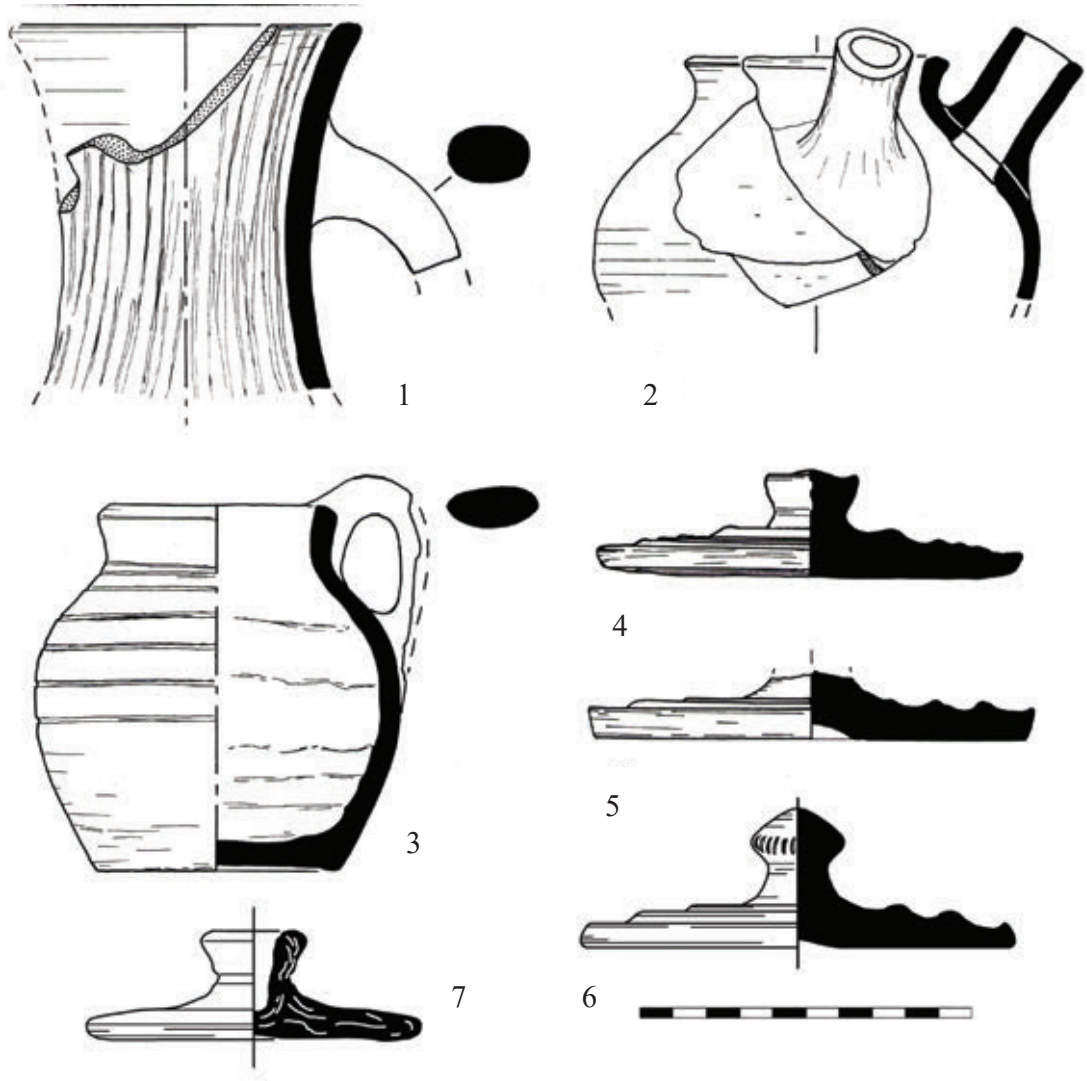

Рис. 6. Первая группа местной керамики. 1 - БМ, ОФ-595; 2 - БМ, ОФ-166; 3 – п.м.; 4 - БМ, ОФ-154; 5 - БМ, ОФ-592; 6 – ГИМ, 45439, В-184, №43/27а; 6 – ГИМ, 45439, В-184, №43/1а.

Естественно, довольно много водолеев (афтоба). Фрагмент водолея с широким низким горлом и широким коротким носиком не имеет аналогий в степных городах Золотой Орды (рис. 6:2).

Редкой формой является почти целый водолей с закрытым горлом (к сожалению, часть отбита) и конической трубкой внутри, идущей от дна (рис. 8:1). Прежде в связи с рассмотрением сосудов такого вида (Волков, Зеленеев, 2002, с.51; Волков, 2004, с.143-144, 158) этот сосуд уже реконструировался по аналогии с находкой с Царевского городища (рис.8:2) и предлагалось интерпретация его использования для возгонки (рис. 8:3). Увы, предложенная интерпретация неверна и уж во всяком случае, маловероятна, поскольку этнографически известны сосуды аналогичной конструкции, использовавшиеся для обычных питьевых жидкостей (Калинин А.Т., 2004, с.128-129, 212, 259-263).

Рис. 7. Фрагмент горшка с линейно-волнистым орнаментом, с оранжевым ангобом без лощения. Сборы Ю.Д. Обухова

Амфоры – редкий в Маджаре вид изделий [*Волков 2002, с.58-59*]. Само их наличие не вполне объяснимо, поскольку такая круглодонная тара предназначалась для морских перевозок жидкостей, а водный путь у города не проходил. Фрагменты амфор (4 единицы) были найдены при сборах 1990 г. на месте мастерской на правобережье Кумы, они отличаются крупными размерами, очень пористой глиной розового цвета, низко опускающимся «ложным» рифлением, нанесенным притупленным острием, а не в результате вытягивания на круге (рис. 9:1-3; 10:1). Сам этот факт – свидетельство активного смешения традиций двух основных местных групп в керамическом производстве города. Фрагмент придонной части найден при сборах 1989 г., он из более плотной слюдистой глины с трехслойным обжигом, меньшего стандарта объема (рис.10: 2). Следовательно, при всей редкости находок их производили по крайней мере две мастерские. Наиболее светлые и пористые находки (рис. 11) допускают и большее число мастерских. Общий морфологический признак – низкое опускание рифления в отличие от продукции других городов.

Дигирные сосуды (рис. 12:1, 3) обычны для золотоордынских городов и отличаются формной донной части. Специализация на производстве сосудов этого вида допустима, но все же недостаточно вероятна. У дигирных сосудов емкостный начин, емкостно-донная программа конструирования полого тела, а собственно донная часть на внутренней стороне может иметь яркие признаки формовки на круге, хотя основная часть полого тела сформована с помощью скульптурной лепки (спирально-жгутовым налепом). Это яркий пример того, что дедуктивный подход при анализе золотоордынской керамики не всегда возможен: за пределами зоны лесного горшка субстратность признаков существенно меняется (все оказывается сложнее, чем по классификации признаков А.А. Бобринского).

Полые шары с отверстием и шариком внутри относятся к первой группе условно, поскольку они не имеют признаков использования гончарного круга. Вполне допустимо их изготовление алхимиками разной степени специализации. Им посвящены отдельные работы [*Волков 1993; 2004*], где обосновывается их использование как химических реакторов.

Такие изделия встречены на Водянском [*Фёдоров-Давыдов, Мухамадиев 1972, с.225, рис.125 - керамический шар*] и Селитренном [*Фёдоров-Давыдов, Егоров, Булатов 1981, л.88; Фёдоров-Давыдов, Булатов 1989, с.212*] городищах, Азове [*Галкин 1975, с.258-259, рис.5,19-20 на с.257; Волков 1993; Белинский 2000, с.58-59, рис.1,3*], Укеке [*Недашковский 2000, рис.17,9; 18,1,3*], на городоще Актобе у поселка Тындык в Гурьевской области на р. Урал [*Галкин 1998, с.78-80*].

В Маджарах найдены 2 целых шара [Минаева 1968, с.285; Волков 2004, с.160, рис. 3: 2, 4, 5, 7] и 2 крупных фрагмента (рис.13). Рентгеновский снимок одного из целых шаров (рис.13:2) показал наличие внутри круглого шарика диаметром около 1,5 см, а внутренняя поверхность неровная.

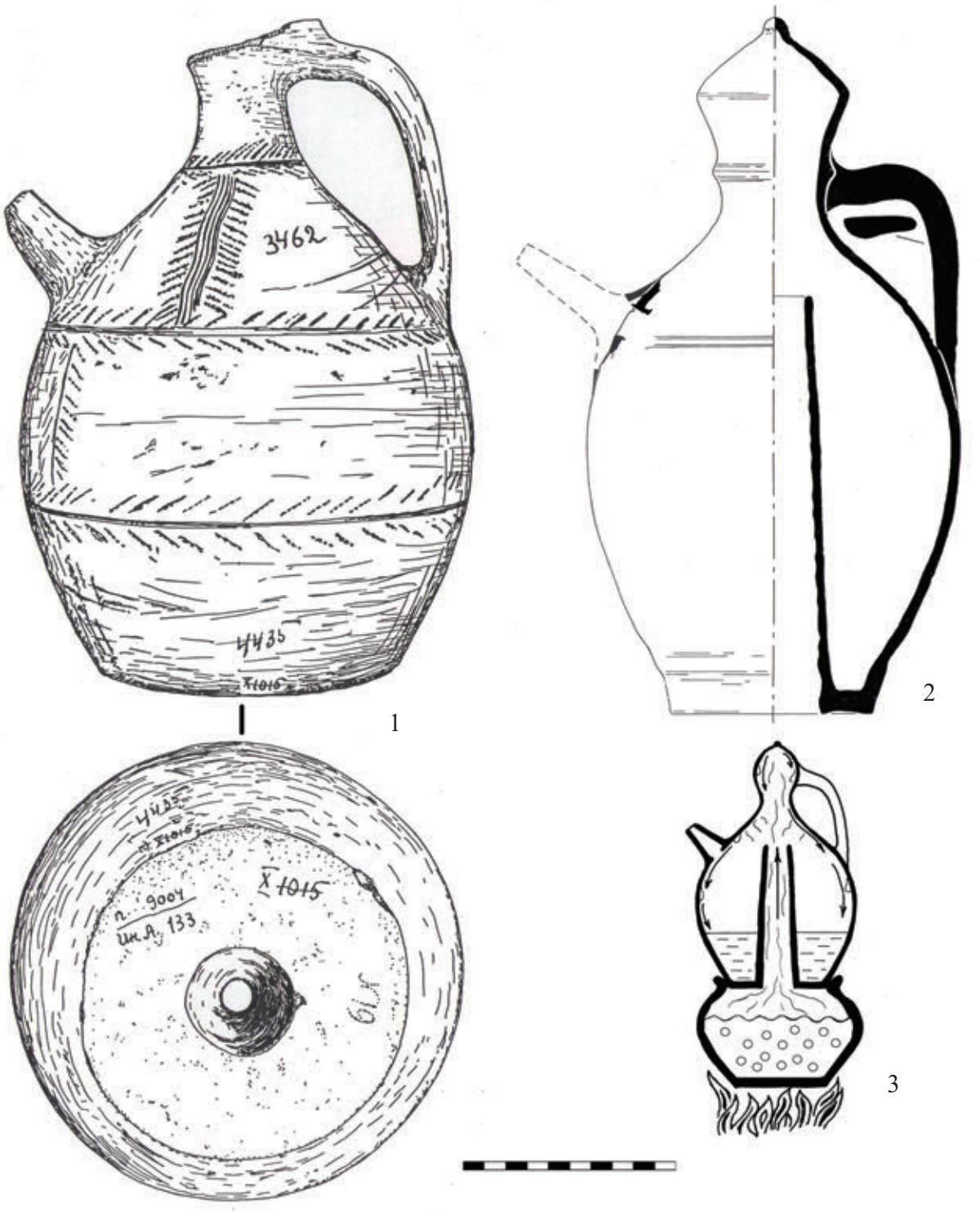

Рис. 8. Первая группа местной керамики. 1 – маджарский сосуд с трубкой внутри, Ставропольский музей; 2 – аналогичный сосуд с Царевского городища (Цг-96, арык 1; Цг-97, яма 42 (12 фрагментов и ручка с горлом), Цг-97, сооружение 6 (45 фрагментов и внутренняя трубка); 3 – не подтверждающийся способ использования для возгонки (Волков, 2004, с.158).

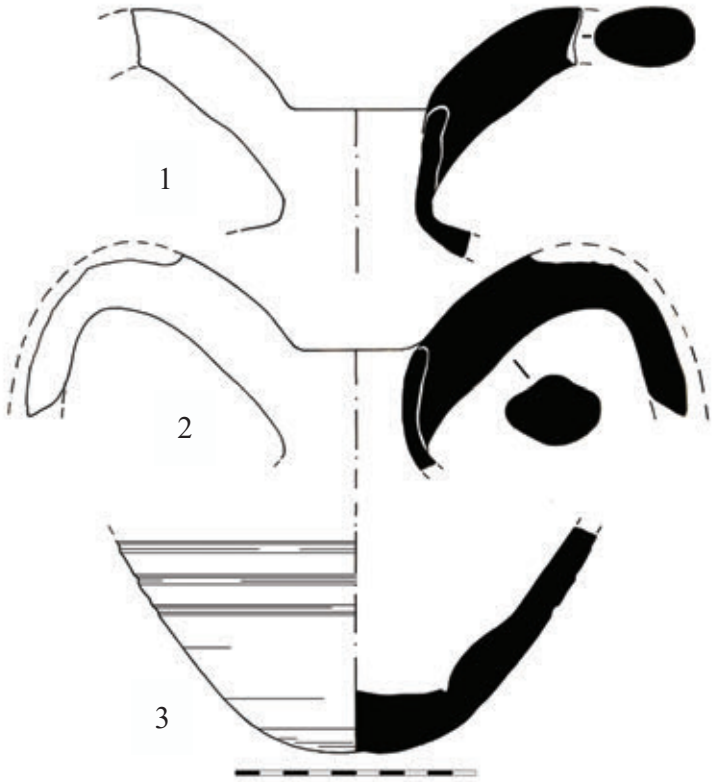

Рис. 9. Первая группа местной керамики. Фрагменты амфор, сборы 1990 г. на месте распаханной мастерской.

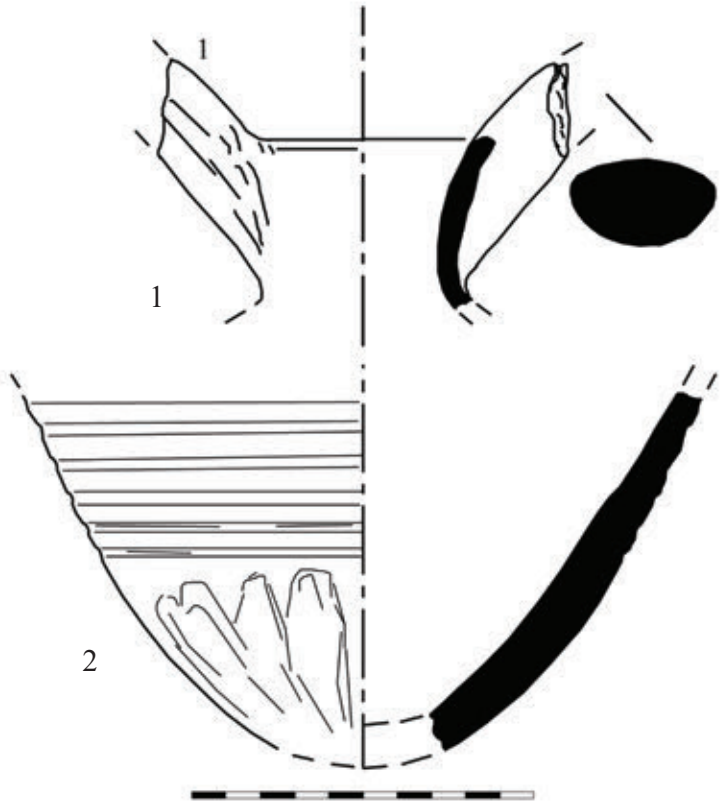

Рис. 10. Первая группа местной керамики. Фрагменты амфор, 1 - сборы 1990 г. на месте распаханной мастерской; 2 – сборы 1989 г.

Рис. 11. Первая группа местной керамики. Фрагменты придонной части амфоры.

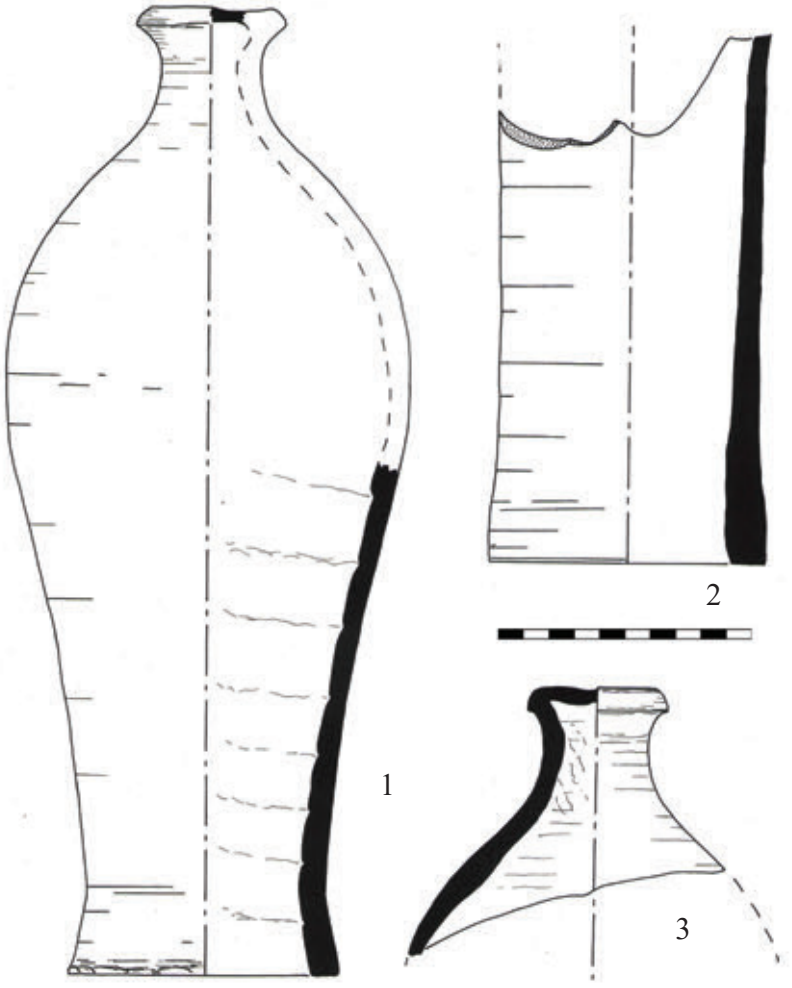

Рис. 12. Первая группа местной керамики.
1 – дигирный сосуд, БМ, ОФ-586; 2 – фрагмент трубы, п.м., БМ, ОФ-166; 3 – фрагмент дигирного сосуда.

На одном из маджарских шаров (рис.13:1) сохранились потеки стекловидной массы, что может быть следствием помещения сосуда в горн, где обжигалась глазурованная керамика. Все же техника формовки не позволяет отнести его ко второй группе местной керамики. Это свидетельствует о сложности интерпретации «субстратных» признаков: или один горн использовали мастера, работавшие в разных традициях; или принципиально разные способы формовки применялись одними и теми же мастерами. Один из крупных фрагментов – двухслойный: внутренний шар обмазан дополнительным слоем глины, у него, как минимум, два отверстия (рис.13:3). Это больше всего это напоминает обмазывание сосуда реактора, практиковавшееся ремесленниками и алхимиками [*Каримов 1957, с.118, прим. 25*]. Крупный особенно пористый фрагмент имеет очень тонкий красный слой внешней поверхности, остальное – черное, с неровной внутренней поверхностью (рис. 13:4).

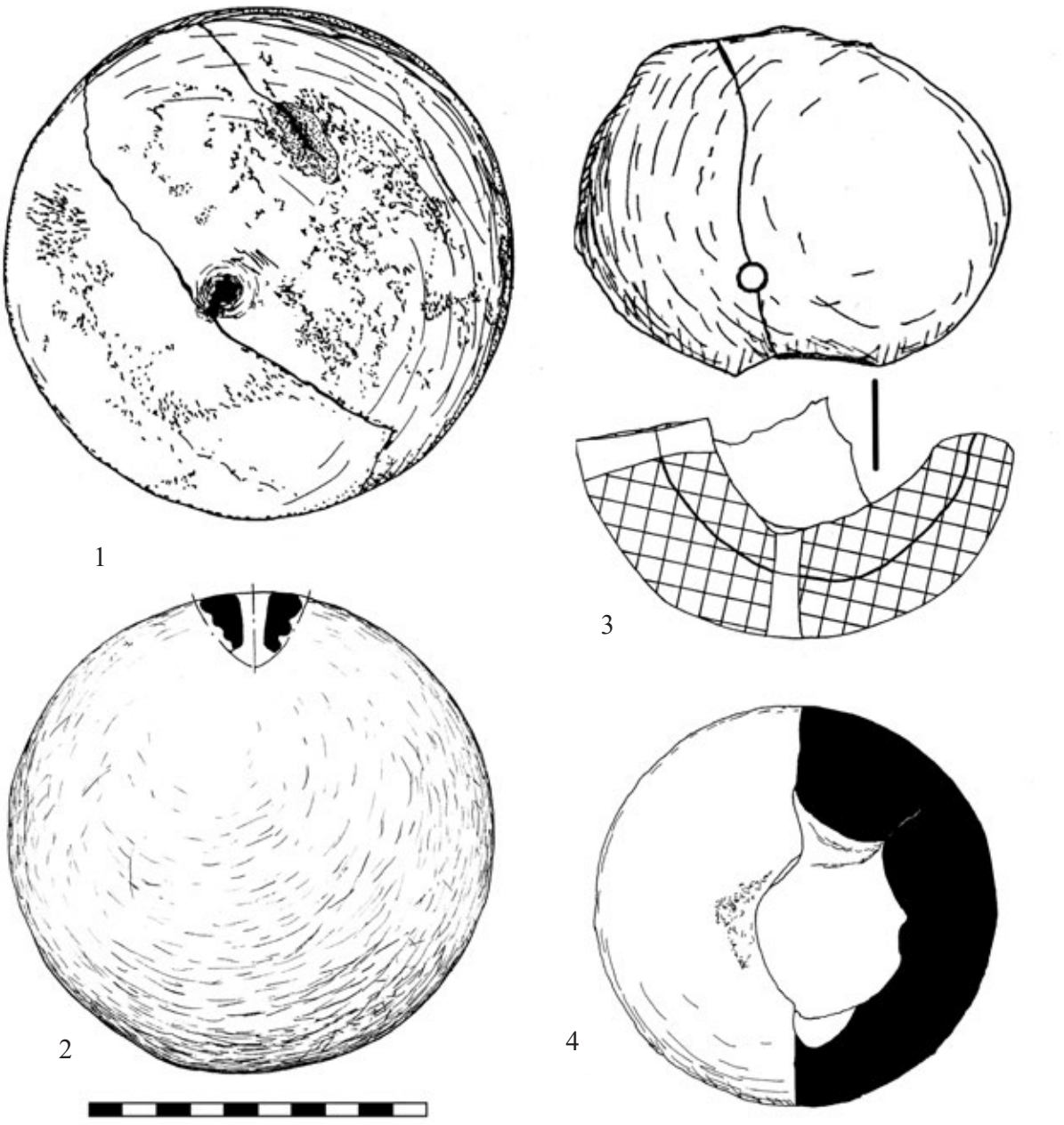

Рис. 13. Первая группа местной керамики, полые керамические шары. 1 – Ставропольский музей; 2 – БМ, ОФ-166; 3 – сборы 1996 г.; 4 – БМ, ОФ-122.

Повторю основные положения, связанные с их назначением. Л.Л. Галкин высказал предположение, что такие шары использовались в военном деле в качестве метательных снарядов для катапульт [*Галкин 1998, с.79-80*]. Основанием послужили находки целых предметов “на крышах домов”. Если бы все же столь непродуктивное использование керамических шаров для катапульт все же имело место, то они должны были бы биться на очень мелкие фрагменты, а реальные находки бывают не только вообще целыми, но и разбитыми ровно настолько, сколько требуется для изъятия их содержимого. В простейшей “алхимической” ремесленной деятельности, напротив, существовали операции, которые как раз и надо было проводить в керамическом сосуде на самом сильном солнечном жаре в течение многих дней, например, получение соли мочи, весьма широко используемой в металлургии при проведении очистительных плавок [*Каримов 1957, с.88, 130, прим. 63*]. Крыши домов для этого вполне подходят. Также алхимики использовали “двойной тигель” (бутабурт), у которого одна из составляющих частей имела 1, 2 или 3 отверстия [*Каримов 1957, с.148, прим. 263*]. Описание его практического использования показывает, что после проведения реакции предмет ломали для изъятия содержимого [*Каримов 1957, с.89-90*], что очень напоминает рассматриваемые шары.

Ближайшую аналогию шару с двойной обмазкой мы находим в трактате X в. «Описание ремесел», составленном персидским ученым Тифлиси. Пористая глиняная обмазка сосуда более всего напоминает «глину мудрости»(гил-и хикмат), упомянутую у этого автора. Ею обмазывали сфероконус (склянку в форме турунджа) при изготовлении киновари [*Тифлиси 1976, с.69(I,13)*], склянку с золотой амальгамой [*Тифлиси 1976, с.75(I,32)*], сосуд при выплавке искусственных камней [*Тифлиси 1976, с.79-80(II,4,6,7)*], чашку при окраске яхонтов и изумрудов [*Тифлиси 1976, с.81-82(III,1,2,5,6)*], кувшин с хрустальной и эмалевой массой при варке [*Тифлиси 1976, с.85(IV,7,8)*], сосуд для варки масла и орехи при помещении их в огонь [*Тифлиси 1976, с.92(VIII,3), 129 (XVI,12); 9,с.136(XVIII,5)*]. Кроме того, из этой глняой обмазки делали специальную коробочку при производстве хрусталя [*Тифлиси 1976, с.84(IV,1)*] и упомянутый сосуд для получения киновари [*Тифлиси 1976,с.68(I,8)*]. В аналогичном контексте упомянут сосуд из глиняной обмазки в средневековом рисале по искусству [*Тифлиси 1976, с.178 (Прил., I, 18)*] и в трактате ар-Рази [*Каримов 1957, с.118, 128, прим. 25, 27, 347*]. Сходным было использование глиняной обмазки (философской глины) у средневековых армянских алхимиков – ее использовали также для изготовления сосудов-реакторов в форме шара, ею обмазывли медную посуду, в которой готовили розовую воду и т.п. [*Казанджян 1955, с.125-129*]. В рукописях приводится также способ изготовления шарообразных сосудов-реакторов из философской глины по восковой модели, однако для них указываются меньшие размеры [*Казанджян 1955,с.128-129*].

Если мы посмотрим на то, что же объединяет технологические процессы, связанные с глиняной обмазкой, то неизбежно заметим, что это температурный режим проведения реакций. Тифлиси оставил такие характеристики режима обжига: медленный огонь [*I,7-с.68; III,6-с.82; VIII,3-с.92*], «чтобы огонь не был сильным»[*II,6-7-с.80*], маленький огонь [*IV,1-с.84*]. Все описанные реакции длительны и проходят при невысокой для горна температуре.

Вполне естественно, что в таких случаях было удобно использовать пористую обмазку из «глины мудрости», т.к. она пропускала газы, создающие избыточное давление и препятствовала росту микротрещин в случае перепада температур [*Arnold 1985, p.23*]. Этой цели полностью соответствует способ приготовления обмазки из глины мудрости, приведенный у Тифлиси. Он пишет, что для этого использовали глину печников (тондырную глину), в которую добавляли проскурняк (травянистое растение семейства мальвовых), соль и мелко порезанные волосы [*I,13-с.69*]: “Приготовление глиняной обмазки. Пусть возьмет печной глины, положит в нее немного проскурняка и поваренной соли и хорошенько разотрет, а потом ножницами настрижет очень мелко волосы и примешает к ней. Затем еще раз как следует разотрет, чтобы глина стала плотнее, и употребляет”. Сходный состав предложен в сочинении ар-Рази [*Каримов 1957, 156, прим. 358*].

Рациональное объяснение находит и шарик, помещаемый внутрь сосуда. Он обеспечивал лучшее перемешивание в случае кипения содержимого сосуда. С его помощью можно было перемешивать содержимое шара, если отверстие было заткнуто металлическим стержнем, не извлекая его из горна. (Принцип – тот же, что и у современных флаконов с лаком для ногтей или корректирующей жидкостью). Но главной причиной помещения его внутрь реактора было, видимо, стремление предотвратить бурное закипание. Любые нейтральные предметы, помещенные в жидкость внутри сосуда-реактора препятствуют неконтролируемому бурному

кипению, а в практике средневековых мастеров для этой цели использовали свинцовые шарики [*Казанджян 1955,с.134*].

Все это позволяет утверждать, что керамические шары с одним отверстием были сосудами для проведения реакций. Однако необходимо отметить, что реакции, избранные для описания в трактатах достаточно специфичны. В постоянной же бытовой практике эти сосуды могли использовать и для получения каких-то более простых препаратов, не вызывавших интереса авторов рукописей. Это вполне вероятно по той причине, что каждый средневековый алхимик на Востоке был еще и ремесленником и мог использовать специальные знания в обыденной ремесленной деятельности [*Казанджян 1955, с.10,63*].

2 группа Маджара (поливной и неполивной керамики). Она значительно легче поддается выделению, поскольку весьма своеобразна и, видимо, является привнесенной в золотоордынское время. Смешение этой группы с 1-й – значительно выше, чем между 1-й и 2-й группами, например, в Азаке. Здесь могут присутствовать такие признаки, как зольная подсыпка (вместо срезания нитью с круга), налепливание ручки с дополнительным жгутом с внутренней стороны нижнего прилепа, использование аналогичных 1-й группе ангобов и других способов обработки поверхности, например, лощения, наколов гребенчатого штампа и т.п. Показательна в этом смысле горловая часть кувшина с вмазанным «ситечком» (рис.14).

Ассортимент этой группы известен не только по находкам из «бытового» культурного слоя, но и по сборам на месте керамической мастерской в юго-восточной части городища. О том, что на месте находилась мастерская, можно было судить по находкам печного припаса и полуфабрикатов изразцов и чаш, а также потому, что на очень компактном участке было сконцентрировано огромное количество находок одинакового качества, хотя в радиусе 300 м культурный слой очень разрежен. Большую часть ассортимента составляла неполивная керамика, хотя присутствовал печной припас для поливной и полуфабрикаты.

В общем случае для формовочных масс керамики этой группы характерен желтый или розово-оранжевый цвет черепка и сплошной обжиг.

Рис. 14. Фрагмент горловой части кувшина с вмазанным ситечком. Сборы Ю.Д. Обухова.

Самым ярким признаком формовочных масс является высокая пористость, даже бóльшая, чем у первой группы (до четверти объема). В результате удельный вес черепка разительно

отличается от плотности керамики других городов. Способы формовки могли быть различными. Маленькие сосуды чаще вытягивали из одного куска глины (РФК-6-7, донно-емкостная программа). Большие, сформованные с помощью спирально-жгутового налепа (РФК-4-5) встречены на месте гончарной мастерской на правом берегу Кумы. Возможно, это результат совместного использования одних и тех же горнов гончарами, формовавшими сосуды в разных традициях.

Характер обработки поверхности для неполивной керамики в общем случае – это простое заглаживание рукой. Но ориентация на запросы рынка обусловила то, что в отдельных случаях применяли ангоб и лощение. Это относится в основном к тем случаям, когда приходилось делать традиционные «местные» формы, а не привнесенные вместе с культурой Золотой Орды и исламом. В рамках этой группы в Маджаре лощение и ангоб встречаются только на водолеях (афтоба) и небольших горшках и кувшинах (большие тарные не входили в ассортимент). На горшках, которые также не входили в состав собственно золотоордынского ассортимента, встречается мелкое рифление, нанесенное гребенчатым штампом по всему тулову.

Рис. 15. Шестиугольные кирпичи. Сборы Ю.Д. Обухова. На торцевой части (2) видна трещина между порциями глины.

НЕПОЛИВНАЯ ЧАСТЬ АССОРТИМЕНТА

Очень условно можно отнести к этой группе неполивные строительные материалы, то есть кирпичи. Обычно их производители имели строгую специализацию, использовали прямоугольные горны особых конструкций, а для формовки применяли раму, а не гончарный круг.

Основная масса кирпичей – обычные квадратные, с незначительными вариациями размеров, встречающимися на всей территории государства, с продольными следами пальцев на

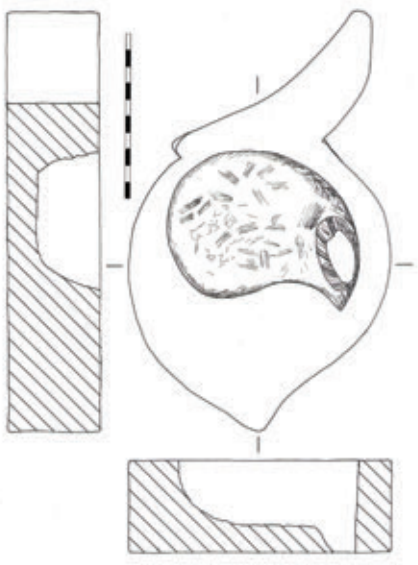

Рис. 16. Выпиленный лекальный кирпич с раковиной и отверстием, БМ, ОФ нет.

Рис. 17. Резная керамическая панель архитектурного декора. Вставная красноглиняная плитка с бирюзовой глазурью – отдельное изделие. Сборы Ю.Д. Обухова.

одной плоскости и невыразительной подсыпкой на другой. На торцевых сторонах могут быть полости, образовавшиеся между порциями глины.

Для вымостки полов применялись 6-угольные кирпичи также стандартных размеров (рис. 15:1-2).

В редких случаях для создания архитектурного декора из кирпича выпиливали фигурные детали. Одна из них (рис. 16), предположительно, была использована вторично. В ней выдолблено грубое углубление со сквозным отверстием на противоположную сторону, причем на всей выдолбленной поверхности хорошо видны следы долота шириной 5 мм. Объяснить это можно или попыткой инкрустировать отделочный кирпич, или сделать раковину для тошнау.

Также к строительному материалу относятся фрагменты архитектурного декора – резной терракоты, иногда дополнительно инкрустированные отдельными поливными плитками (рис.17).

Кувшины представлены преимущественно фрагментами, в том числе, с распаханной мастерской (рис.18:1-5). Вероятно, к этому же виду изделий относится дно с признаками вытягивания на круге, зольной подсыпкой и псевдобортиком (рис.18:6).

Миски представлены фрагментами, по которым выделяются, по крайней мере, несколько типов, от крупных, по размерам при-

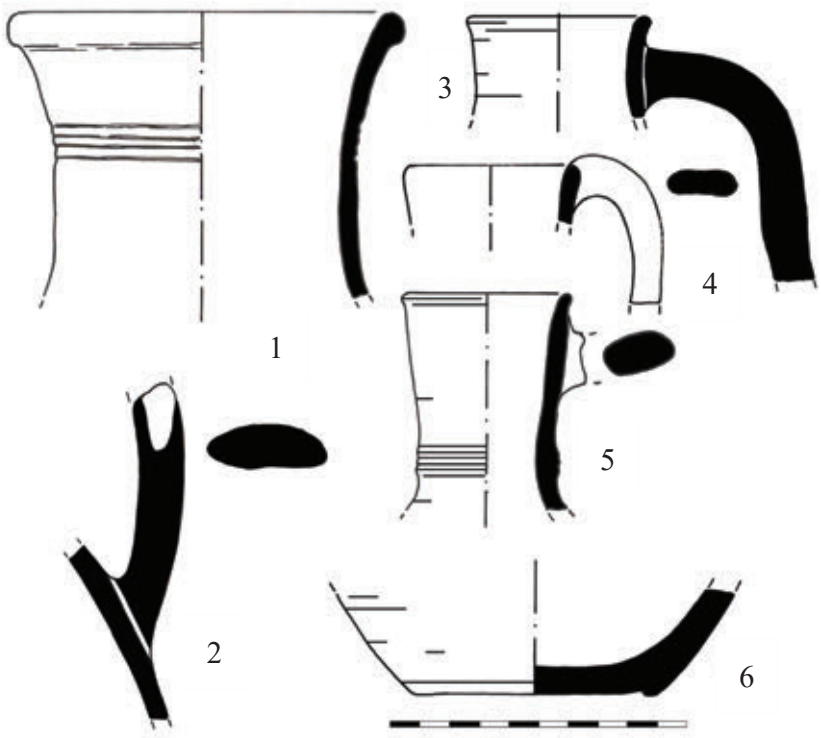

Рис. 18. Фрагменты кувшинов, собранные в 1990 г. на месте распаханной мастерской на правом берегу Кумы

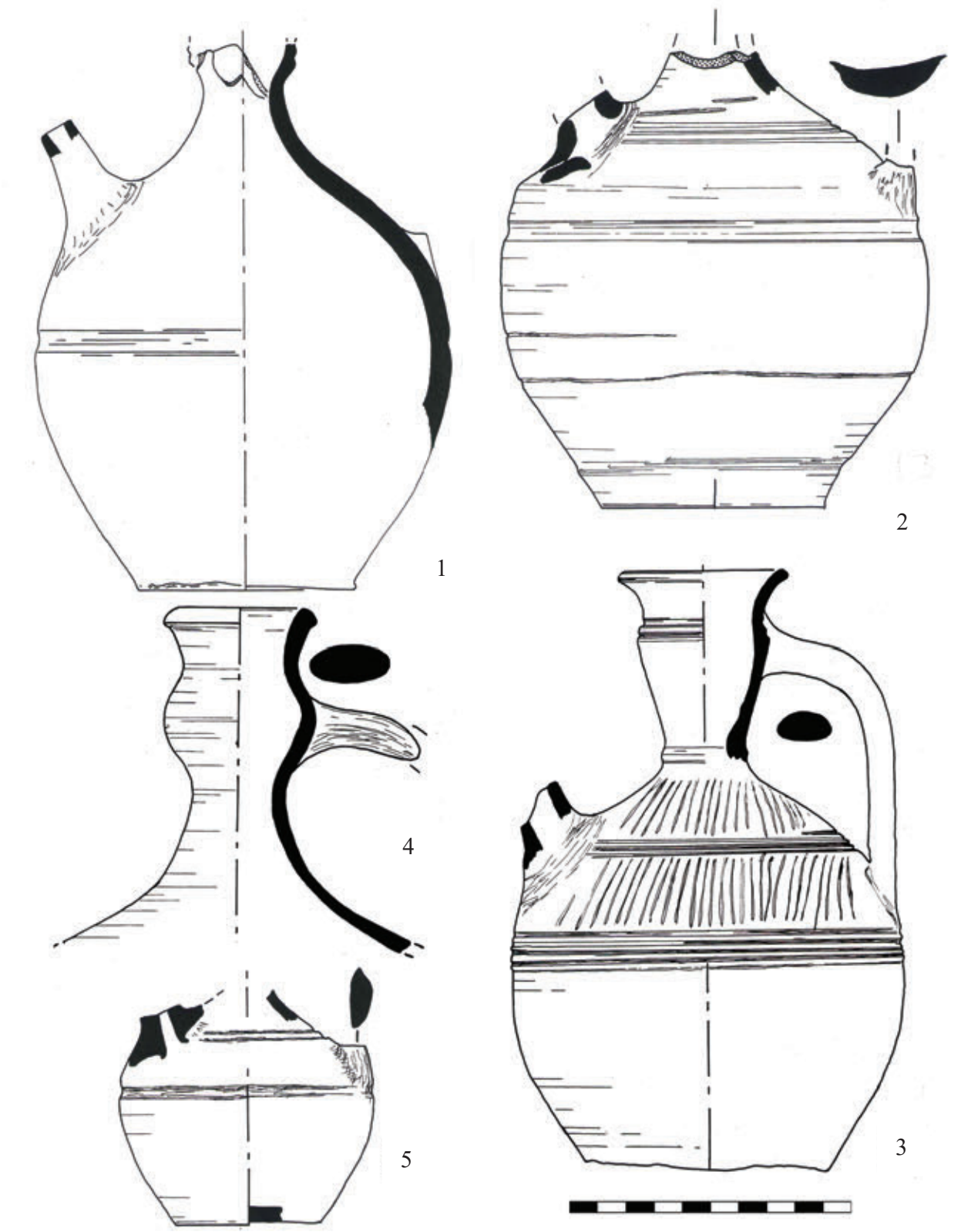

Рис. 19. Афтоба 2-й группы Маджара. 1 – БМ, ОФ-114 (на горле – РФК-5, срез ниткой); 2 – БМ, ОФ-113 (на горле – РФК-5, светло-коричневый ангоб, зольная подсыпка, следы псевдобортика); 3 – БМ, ОФ-587 (на горле – РФК-5, красный ангоб, аккуратное лощение в верхней части, сеяная зольная подсыпка, возможно, горло сформовано отдельно, выраженная асимметрия); 4 – БМ, ОФ-166 (напоминает азовскую, но тесто более пористое); 5 – БМ, ОФ-140 (на горле – РФК-5, напоминает азовскую, больше слюды, есть железистые включения, сеяная зольная подсыпка, псевдобортик).

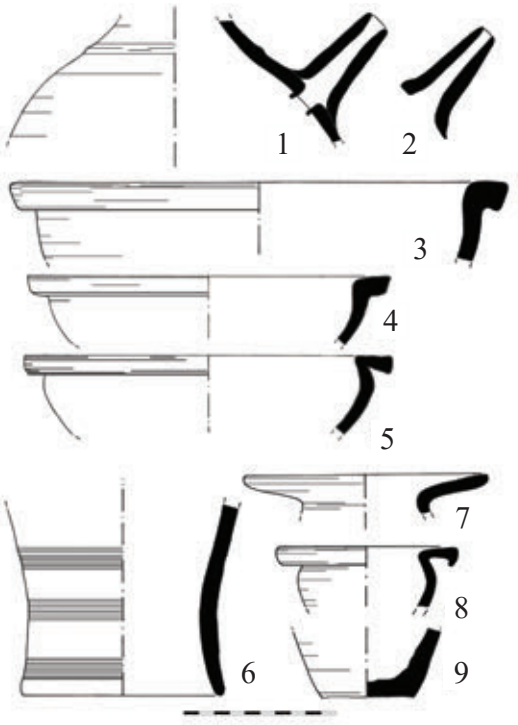

Рис. 20. Фрагменты кувшинов, собранные в 1990 г. на месте распаханной мастерской на правом берегу Кумы.1-2 – афтоба; 3-5 – миски (3 – по размеру близко к тагора); 6 – фрагмент дигирного сосуда; 7-9 – фрагменты туваков;

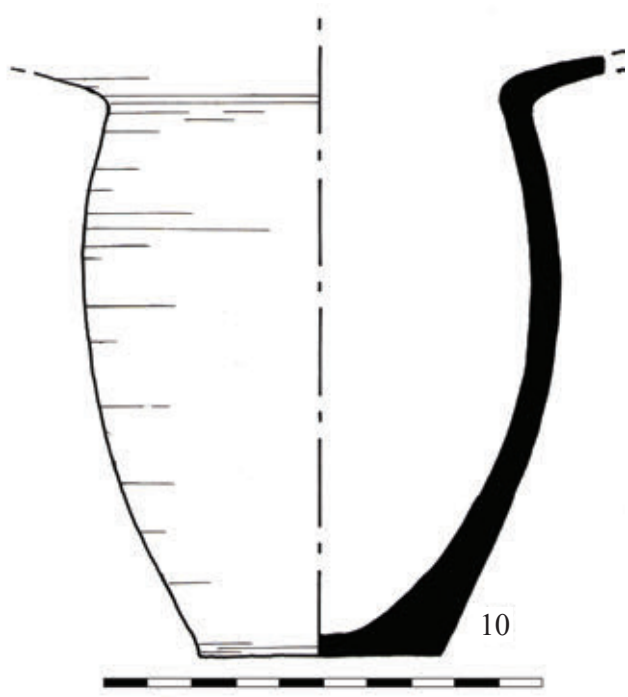

Рис. 20 (продолжение). Фрагменты кувшинов, собранные в 1990 г. на месте распаханной мастерской на правом берегу Кумы.
10 –тувак 2-й группы, БМ, ОФ-126.

ближающихся к лохани (тагора) (рис.20:3-5), до столовых, близких обеденным чашам (каса) (рис.21:1-4).

Афтоба этой группы в коллекциях представлены небольшими сосудами (рис.19:1-5). На поле с распаханной мастерской есть были фрагменты более крупных типов (рис.20:1-2). Судя по фрагментам, пропорции тулова были такими же, как в Азаке и Поволжье, а горловые части могли быть раструбными (рис.19:3), раструбными с валиками (рис.19:1), дутыми (рис.19:4). Другой вид санитарной посуды, туваки, также относятся к наиболее распространенным типам ближайших степных регионов (рис.20:7-10).

Светильники представлены несколькими типами: простыми плошками с загнутым внутрь краем, ручкой-стержнем и сливом, такими же, но с гнездом для свечи в центре (рис. 22:2; 24:1-2), комбинированными светильниками-подсвечниками на ножке (рис. 22:3; 24:2-4), просто подсвечниками на ножке (рис.24:1). Не вполне вписывается в эту схему (традиционную для соседних степных городов) фрагмент с очень крупным налепленным гнездом для свечи, смещенным относительно центра, из коллекции В.А. Городцова (рис.24:5).

Дигири имеют признаки вытягивания в районе «дна». Фрагмент венчика с признаками вытягивания и горизонтальными полосами гребенчатого штампа снаружи найден на месте мастерской (рис.20:6). Донные части могут быть расширяющимися или заостренными со следами срезания излишков глины (рис.23:6).

Копилки, судя по фрагментам, такие же, как в аналогичной группе в соседних городах (без шишечки сверху в центре). Один экземпляр с полным профилем происходит из коллекции Н.П. Ивлева (рис. 25).

В Маджаре существовало производство сфероконусов (рис. 26;27) из местной желтой или желто-розовой пористой глины с ограниченным количеством углубленных орнаментов от выпуклого штампа [*Волков 1991, с.27-28,рис.33*]. Даже в тех случаях, когда на них пытались копировать орнаменты сероглиняных импортных изделий (рис. 27:2), определение местной продукции не вызывает трудностей: для декора всегда испытывали выпуклый штамп. Они не имели широкого распространения за пределами Маджара. На двух сфероконусах сохранились

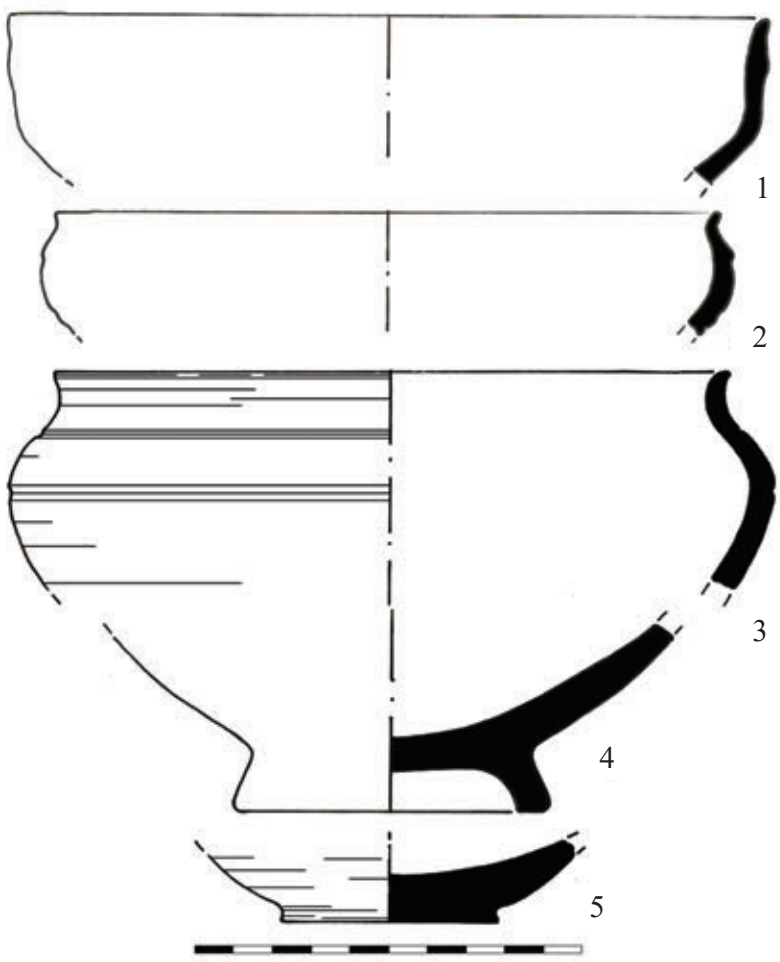

Рис. 21. Фрагменты сосудов, собранные в 1990 г. на месте распаханной мастерской на правом берегу Кумы. 1-4 – чаши, 5 – дно закрытого сосуда, срезанное нитью.

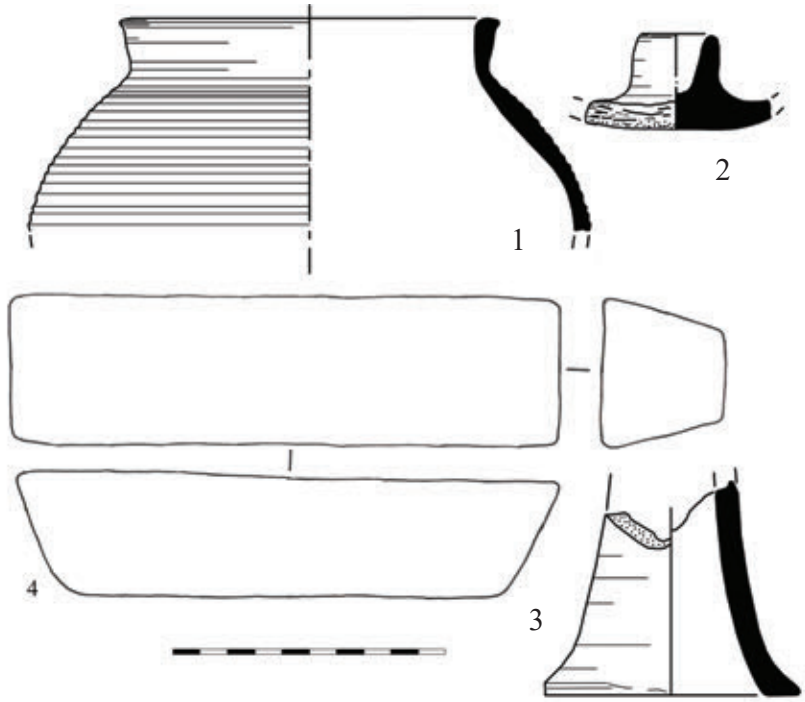

Рис. 22. Фрагменты сосудов, собранные в 1990 г. на месте распаханной мастерской на правом берегу Кумы. 1 – горшок; 2 – светильник-подсвечник; 3 – светильник на ножке; 4 – полуфабрикат изразца.

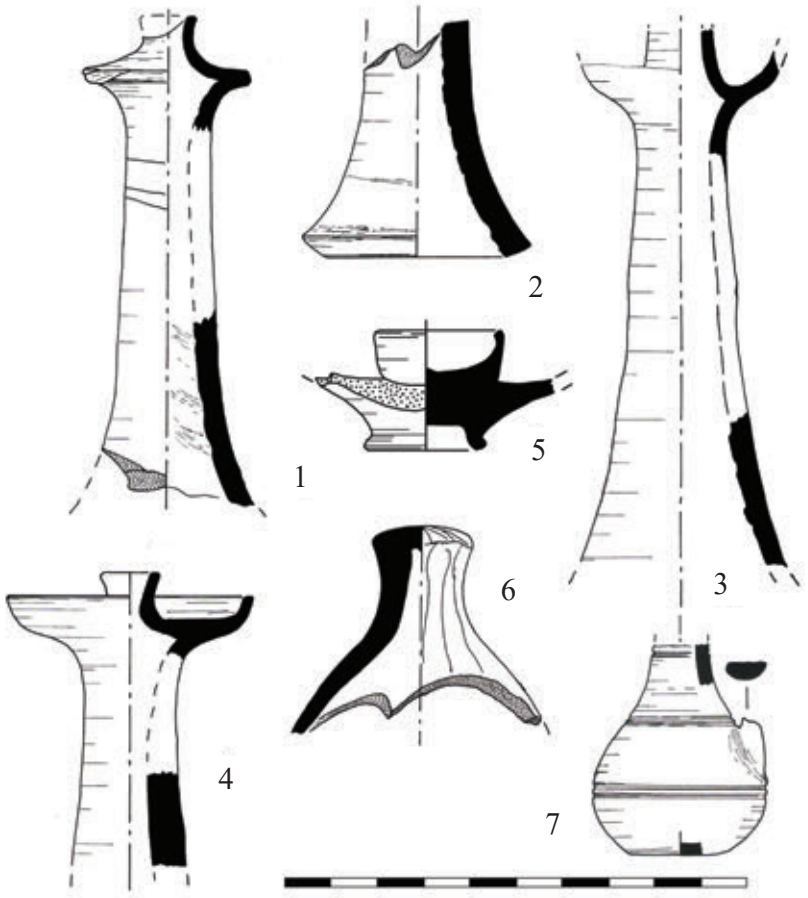

Рис. 23. Неполивные изделия второй группы керамики Маджара. 1 – подсвечник, БМ, ОФ-166; 2 – ножка подсвечника, БМ, ОФ-166; 3 – светильник-подсвечник на ножке, Ставропольский музей, №13930 (сборы Н.П. Ивлева); 4 – светильник-подсвечник на ножке, БМ, ОФ-166; 5 – светильник, ГИМ, Инв. 45439, Оп.184, №135, Хр101-34б-1; 6 – дно дигирного сосуда, БМ, ОФ-166; 7 – толстостенный кувшинчик, БМ, ОФ-588.

Рис. 24. Светильники-подсвечники. Сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 25. Копилка. Ставропольский музей. Сборы Н.П. Ивлева.

Рис. 26. Сфероконусы маджарского производства с каплями зеленой поливы, желтый пористый. БМ, ОФ-131 (то же, что рис. 27: 4).

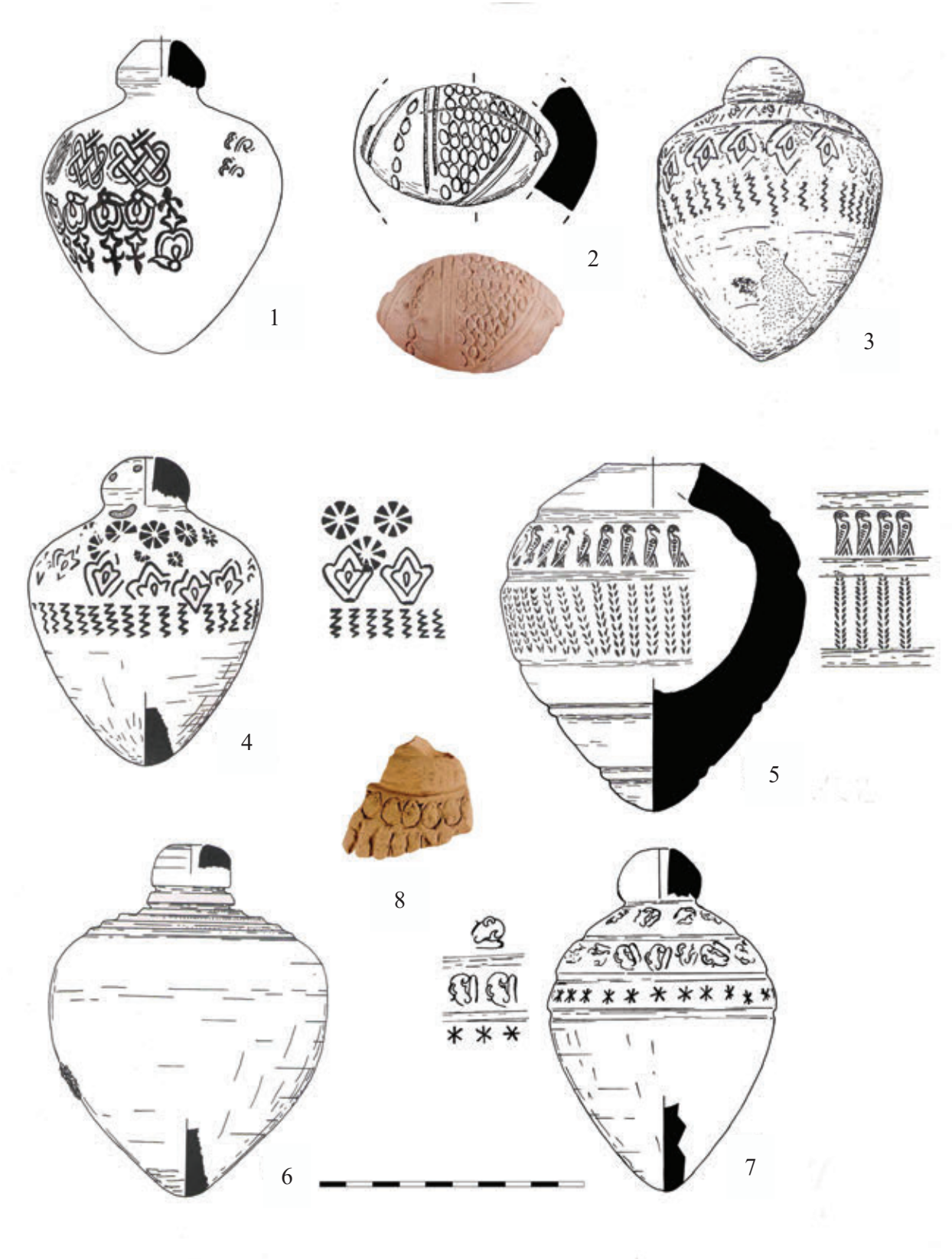

Рис. 27. Сфероконусы маджарского производства. 1 – ГИМ, группа В, колл. оп. №2764, №1 (сборы О.А. Дудко 1961 г., с каплей зеленой поливы); 2 – сборы Ю.Д. Обухова; 3 - Ставропольский музей (сборы Н.П. Ивлева); 4 – БМ, ОФ-131 (с каплями зеленой поливы, желтый пористый); 5 – БМ, ОФ-132 (желто-розовый, незначительно плотнее обычного); 6 – БМ, ОФ-133 (желто-розовый пористый); 7 – БМ, ОФ-591 (красноглиняный песчанистый, местное производство вызывет наибольшие сомнения; 8 – сборы Ю.Д. Обухова, плотнее обычного, возможно, импорт.

случайно попавшие капельки светло-зеленой глазури, что подтверждает их отношение именно ко второй группе. Обжиг их не клинкерный, а совершенно обычный для группы.

Изделиям этого вида посвящена обширная литература, а отдельные упоминания находок при раскопках просто не счесть. Этот вид изделий (тюркское название – симобкузача, т.е. «ртутный кувшинчик») входил в ассортимент множества центров производства керамики мусульманского (и христианского тоже) мира. Следовательно, вид «сфероконусы» входит во многие группы, то есть их делали во многих очагах производства.

Количество таких центров пока не определено. Отчасти это связано с особенностями самого источника. Во-первых, торговцы активно перевозили сфероконусы из одного города в другой. В "Практике торговли" Ф.Б. Пеголотти неоднократно специально оговаривается, что ртуть всегда продается и взвешивается вместе с тарой, которая бесплатно достается покупателю [*Pegolotti 1936, p.108, 179, 313*]. Во-вторых, потребительские качества сосудов требовали особого обжига и состава сырья, в результате они могут отличаться от основной массы местной керамики того города, в котором произведены (к счастью, это соблюдалось не везде).

Отчасти причина неопределенности числа очагов производства и их отличительных признаков связана с не вполне адекватной реальности направленностью исследований. В значительной части литературы, посвященной сфероконическим сосудам, основная мыслительная нагрузка долго сводилась к определению их функций (Подробную библиографию см.: Джанполадян Р.М., 1982; также Абызова, 1982; Кравченко, 1984; Волков, 1994; Пигарев, 1994). Это привело к значительной трудности объяснения выпадения их в культурных слоях. (Ситуация приблизительно такая же, как если бы исследователи ожесточенно спорили о назначении древнегреческих амфор, но, не имея на них клейм с названиями городов, их символикой, именами астиномов, классифицировали их, как "амфоры сарматского мира", "амфоры Центральной Европы" и т.п.). К сожалению, и в последнее время появляются работы, в которых находки сфероконусов с определенных памятников рассматривают как продукцию местного производства, а их эволюцию рассматривают, не разделяя продукцию отдельных самостоятельных центров гончарства [*Пигарев 1994, с.214; Фёдоров-Давыдов 1994, с.141-142; Галиева 2001*]. Результат получается приблизительно такой же, как если бы рассматривали эволюцию амфор не каждого отдельного центра производства, а тех, что попадали в скифские и сарматские курганы вместе, как продукцию одних и тех же мастерских.

Данные письменных источников и этнографии позволили доподлинно установить, что основным их назначением было хранение и перевозка ртути и ее препаратов [*Джанполадян 1982, с.23-25; Лунин 1961; Васильчевский 1961*]. Такими препаратами могли быть: каломель (слабительное), сулема (дезинфецирующее), меркузал (мочегонное), используемые в медицине; киноварь (краситель). Лишь изредка приходится сталкиваться с рецидивами определения их как «бомб» в трудах особо одаренных авторов [*Rosser 1985, с.87; Ettinghausen 1965, p.218-228*]. Второстепенным могло быть их использование как химической посуды более широкого профиля [*Лунин 1961; Васильчевский 1961; Михальченко 1974, с.49; Волков 1994*].

Из этого следуют несколько умозрительных заключений:

1) Массовое производство сфероконусов должно было существовать там, где есть месторождения ртути (или содержащих ее пород, или ядовитых ископаемых).

2) Из таких пунктов сосуды должны были расходиться по всему миру.

3) В пунктах, не имеющих поблизости крупных месторождений, сфероконусы могли делать также в качестве химической посуды для проведения реакций, а не тары.

4) В таких местах находки однотипных сосудов (вернее, изделий одной группы, одного очага производства) должны локализоваться более компактно.

Кавказские месторождения киновари были известны еще со времен античности, но едва ли они были мощными. Возможно, сфероконусы в Маджаре использовали для местного сырья.

Условно выделяемые две группы импортных сфероконусов будут рассмотрены вместе с импортами ниже.

ПОЛИВНАЯ ЧАСТЬ АССОРТИМЕНТА

Строительный материал относятся к этой группе условно, поскольку формовались не на круге, а в рамах. Для изразцов были освоены также бирюзовая (прозрачная и глушеная), белая (глушенная), ультрамариновая, иногда имеющая почти черный цвет и слабую прозрачность. Неполивной полуфабрикат такого изразца (рис. 22:4) был найден на месте мастерской на пра-

вом берегу Кумы. В определенном смысле красноглиняные и желтоглиняные изразцы с бирюзовой глазурью являются «визиткой» Маджара, здесь их делали больше, чем в столицах (хотя там они тоже известны в небольшом количестве, правда, еще меньшем, чем красноглиняные плитки с бирюзовой глазурью). При раскопках на территории больницы, на мысу между Кумой и Буйволой, где и находились мавзолеи, составлявшие городище Маджары, поливная керамика была представлена почти исключительно фрагментами бирюзовых изразцов. Производство было настолько значительным, что изразцы экспортировали на значительные расстояния. По крайней мере одна мечеть в Азаке (находилась приблизительно по адресу Ленинградская ул., дом 29) была отделана маджарскими брусковидными изразцами. Допустимо, что это была монументальная постройка иного назначения, полностью переработанная при осадных работах русской армии, но она находилась как раз на расстоянии полета стрелы от венецианской Таны, где по рассказу Иосафата Барбаро посольство с ним в заброшенной мечети встречалось с Улу Мухаммедом. Также маджарскими бирюзовыми изразцами был отделан степной мавзолей в 2,5 км к северу от хутора Полтавский в Красноармейском районе Краснодарского края. Можно не сомневаться, что аналогичные находки в радиусе 400 км от Маджара будут сделаны еще.

Имеющиеся в коллекциях изразцы имеют форму усеченных пирамид с вытянутым прямоугольным основанием покрытым глазурью. Пока материала для разбивки на типы по размерам не достаточно. По конструктивным особенностям их можно разделить на 3 типа: 1 – с продольными пазами пазами на длинных боковых гранях (рис.28:2-4; 29:1, 3-4); 2 – с короткими полостями на них (рис.28:5-6); 3 – с просто гладкими боковыми гранями (рис.28:1; 29:5). Пазы обычно сделаны просто пальцем, полости имеют следы вырезания ножом. Вне зависимости от

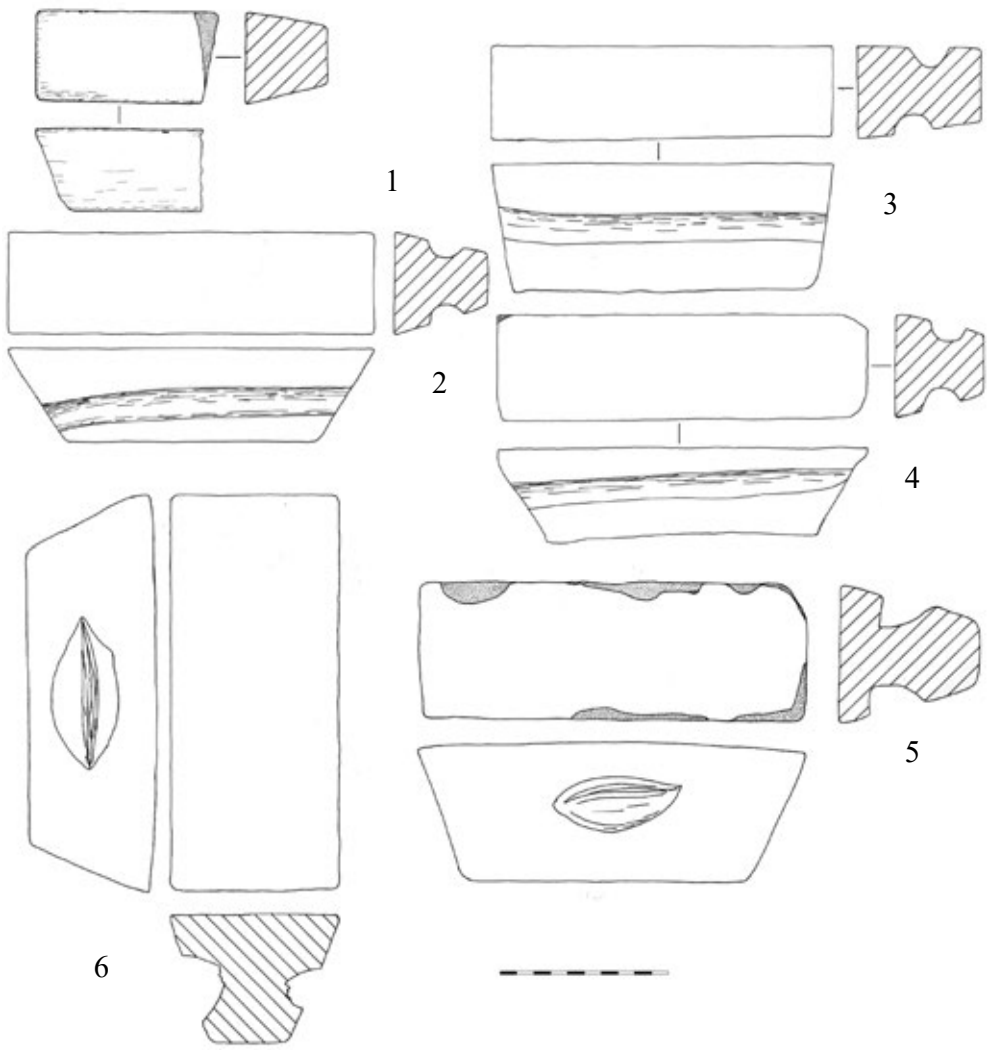

Рис. 28. Желтоглиняные и красноглиняные маджарские изразцы с бирюзовой глушеной глазурью. 1 – БМ, ОФ-597; 2 – БМ, ОФ нет; 3 – БМ, ОФ-143; 4 – БМ, ОФ-143; 5 – БМ, ОФ нет; 6 – БМ, ОФ-144.

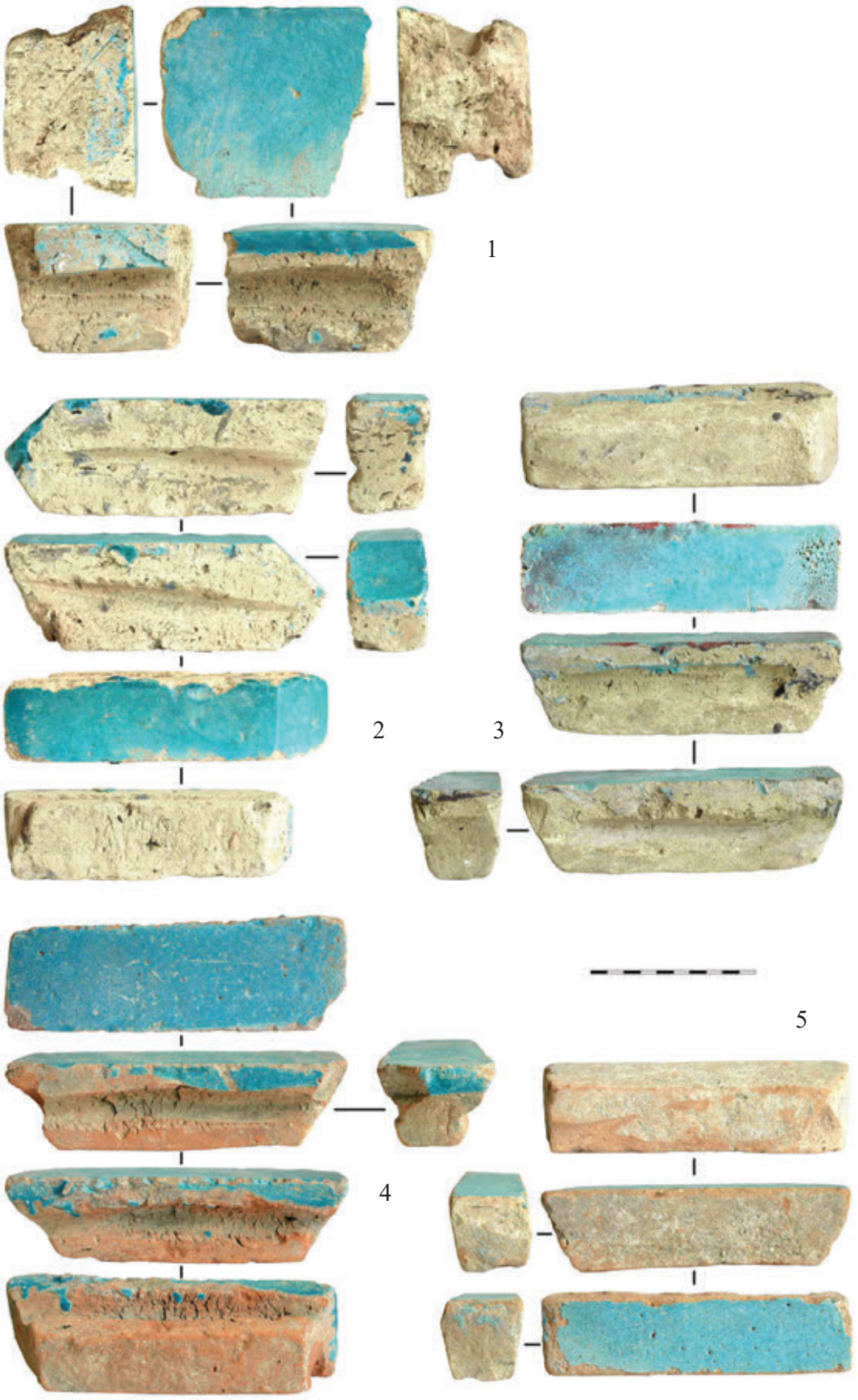

Рис. 29. Желтоглиняные и красноглиняные маджарские изразцы с бирюзовой глушеной глазурью, сборы Ю.Д. Обухова.

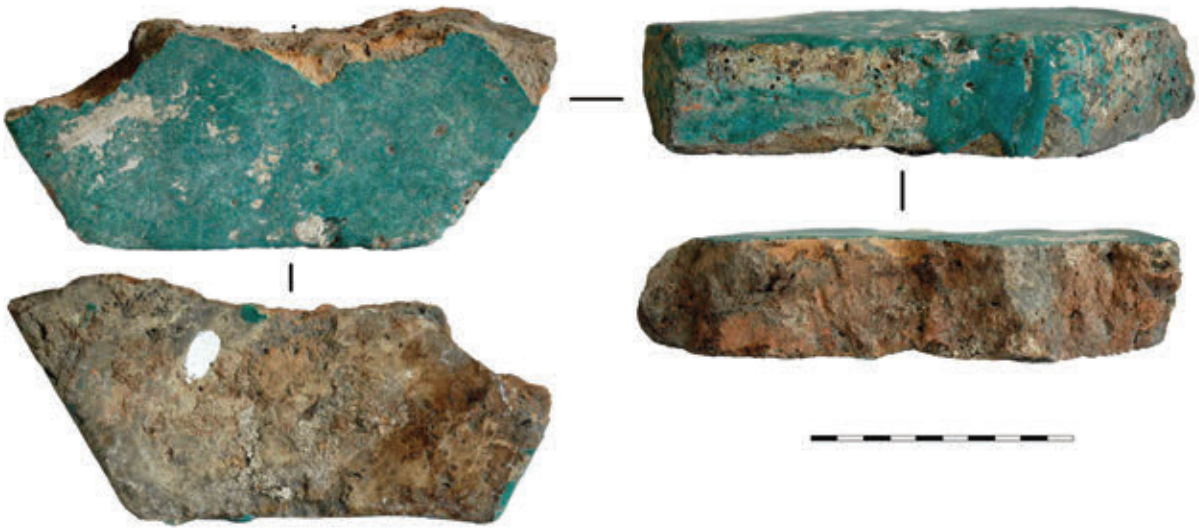

Рис. 30. Фрагмент облицовочного кирпича с бирюзовой глазурью, сборы Ю.Д. Обухова.

того желтая или розовая глина использованы на пазах обычно бывают видны «складки песочного теста» характерные для керамики бассейна Сырдарьи и соседних регионов. Отдельным вариантом можно считать изразцы с изогнутой (выпуклой) глазурованной поверхностью, которые использовались для отделки минаретов и, возможно, куполов (рис.28:5-6). Существенно отличается по конструкции облицовочный кирпич для восьмигранного шатрового свода или восьмерика (угол между основной внешней гранью и торцевой - 135°), пазы у такого кирпича ориентированы наклонно (рис.29,2). Изредка встречаются шестиугольные облицовочные кирпичи с бирюзовой глазурью на одной лицевой и торцевых гранях (рис. 30).

В значительно меньших количествах встречаются глазурованные плитки, причем для них кроме бирюзовой могли использовать зеленую, темно-фиолетовую и белую глушеную глазурь. Они по технике декора делятся на 3 основных отдела: 1 – со штампованным в форме рельефом (рис.31; 32); 2 – с резным рельефом (очень малочисленны); 3 – гладкие. В первом отделе есть малочисленный подотдел: на таких плитках углубленные части заполняются глазурью почти до уровня поверхности. В изломах обычно видны трещины между двумя-тремя порциями глины по толщине: сначала небольшое количество глины плотно запрессовывали в рельефную часть формы, затем последовательно заполняли глиной остальную часть рамы формы. По течению глазури в расплавленном состоянии обычно бывает видно, что рельефные плитки обжигали в наклонном состоянии.

Индивидуальная особенность архитектурного декора Маджара – это использование красноглиняной пиленой мозаики с бирюзовой, темно-синей и белой глазурью (рис. 33). Невозможность производить кашинную керамику обусловила использование этого материала неудобного для обработки пилой. Тем не менее, все признаки изготовления мозаики здесь присутствуют на красной глине. Набор форм стандартен: прямоугольники, квадраты, шестиугольники, треугольники, дельтоиды, «бантики» (пересекающиеся острыми углами дельтоиды).

Здесь целесообразно рассмотреть печной припас (с распаханной мастерской и неопределенных мест), который мог использоваться для обжига архитектурного декора и обычной посуды. Это сепая (рис.34: 1-2; 35), конусы для разделения плоских изразцов (рис. 34:3), колпаки для продухов в обжигательной камере и установки на них сепая, то есть так называемые «сари» (рис. 34:4-5; 36). Показательно, что один фрагмент колпака для продуха оказался лощеным (и перекаленным), что говорит о смешении традиций двух групп, но найден он не на месте мастерской. О типах горнов можно судить также по находкам штырей (рис. 34:6), которые использовались преимущественно гончарами, применявшими глазури белого, бирюзового, синего и ультрамаринового цветов. К этой же группе, вероятно, относятся остатки еще двух мастерских, зафиксированные в центральной части городища, на правом и левом берегах Кумы. Именно с горнами со штырями связана находка еще одного типа печного припаса – «раструб» с потеками бирюзовой глазури (рис. 37). В основном они использовались при обжиге кашин-

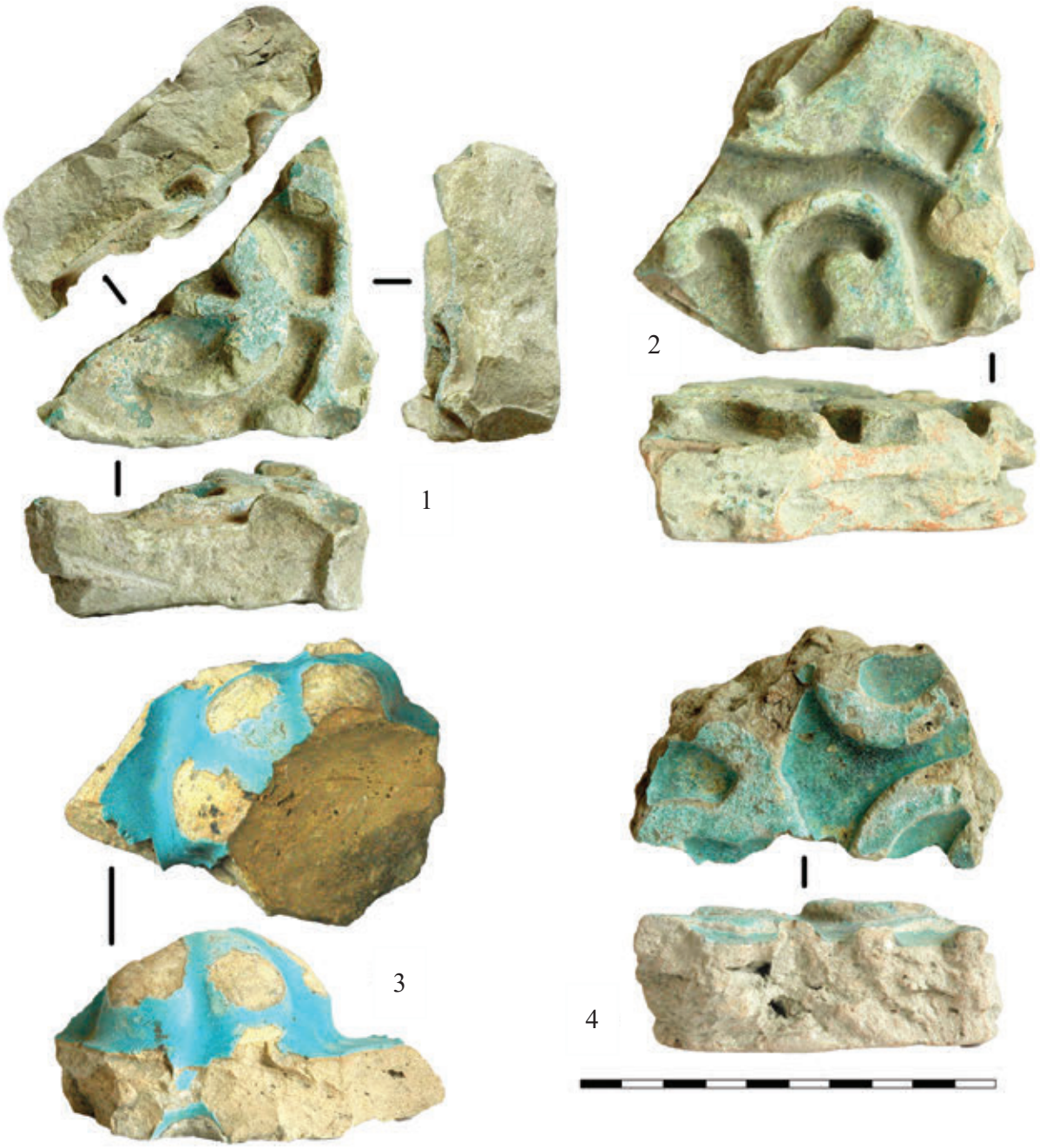

Рис. 31. Фрагменты штампованных в форму облицовочных плиток с бирюзовой глазурью, сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 32. Фрагменты штампованных в форму облицовочных плиток с бирюзовой глазурью, сборы Ю.Д. Обухова.

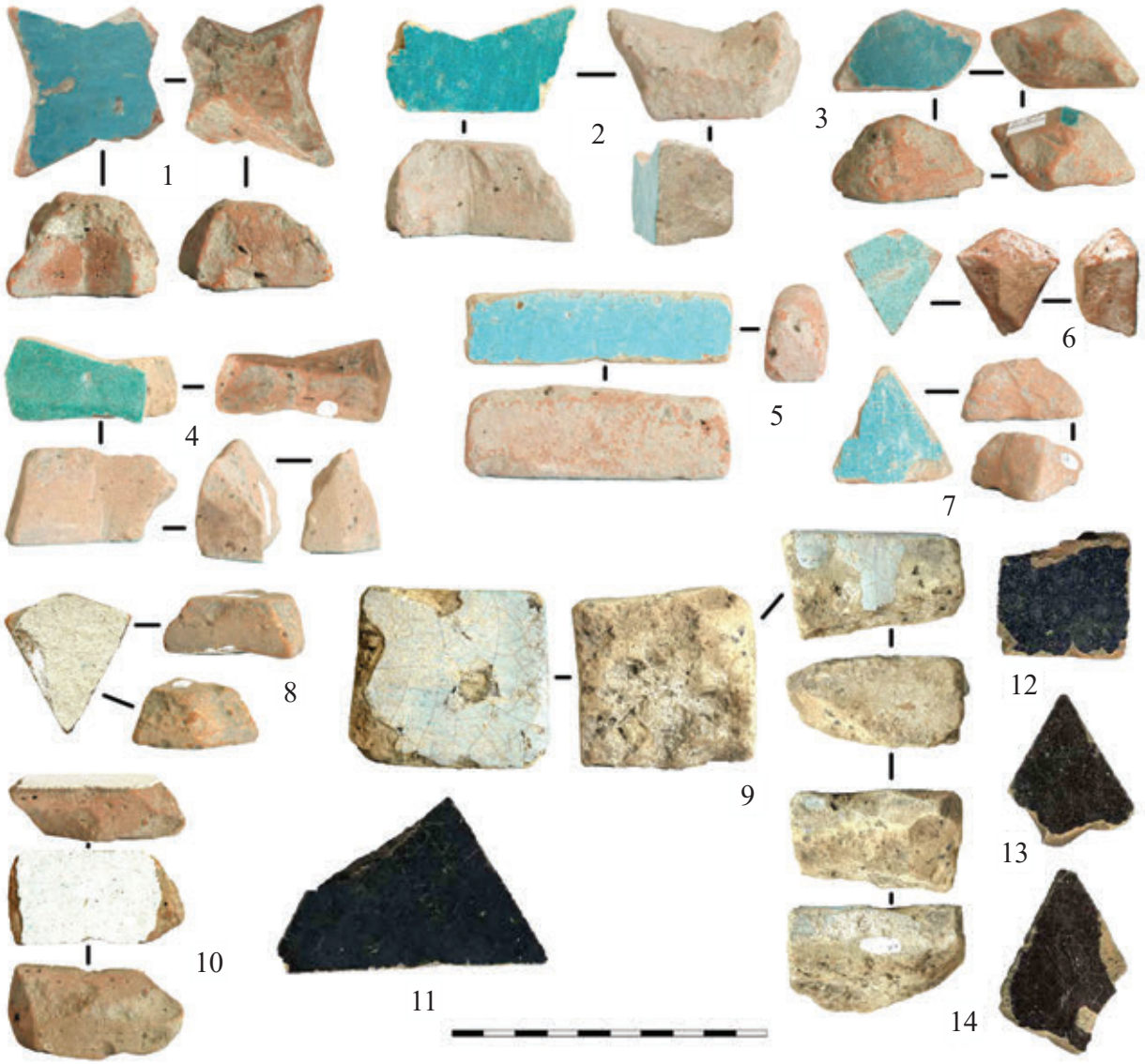

Рис. 33. Ячейки пиленой красноглиняной мозаики. Сборы Ю.Д. Обухова.

ной керамики [*Фёдоров-Давыдов, Булатов 1989, с.233*], но вполне годились для компактного расположения другой керамики в горнах с ярусами из штырей: у глиняных чаш бирюзовая глазурь всегда стекает от венчика ко дну, следовательно, они обжигались не на сепая, венчиком вверх, для чего и были нужны подставки-«раструбы».

Местная поливная посуда в слое представлена плохо, ее даже меньше, чем импортной. Однако в формирующемся фонде Маджарского музея ассортимент представлен широко.

Присутствуют и специфичные техники декора (отделы). Кроме стандартных зеленых и желтых глазурей для глиняных (не кашинных) изделий в Маджаре использовалась бирюзовая прозрачная и глушенная глазурь не только на архитектурном декоре, но и на посуде (рис. 38). Однако отделение этой части керамики от импорта представляет некоторые сложности. К местной относится та, у которой тесто аналогично продукции второй группы в целом. Сомнительно относить к местной керамике чаши, если при примазанном поддоне существенно отличается по составу формовочная масса (рис. 39:1) или поддон вырезной. С явными признаками обработки поверхности гончарным ножом (рис.39:2). Бирюзовая глазурь на предположительно местную керамику наносились на ангобированную или не ангобированную поверхность; использовались в сочетании с росписью по ангобу (рис. 38:1), гравировкой по ангобу (рис. 38:2-3) или с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью, копирую-

щей аналогичную на кашинной керамике (рис. 38:4-6). Есть проблемы в отнесении к местной продукции последних (желтоглиняных чаш с черной росписью под бирюзовой прозрачной глазурью) (рис. 38:6).

Цвет желтой и зеленой глазурей также очень специфичен, что отчасти объясняется цветом глиняной основы, значительно более светлой, чем в других городах. В результате контрастность гравированного орнамента существенно ниже общей. Использовали светло-зеленую, темно-зеленую или желтую двух оттенков (очень светлую и почти коричневую) поливу.

Отделы по технике декора (обработки поверхности) поливной керамики фактически укладываются в те классификационные единицы, которые выделены на красноглиняных материалах Азака и Нижнего Поволжья. 1. Нанесение глазури непосредственно на керамическую основу (очень редко, что можно расценивать как брак, рис. 41:1; 43). 2. Нанесение глазури на ангоб. В редких случаях это сочетается с глубокой гравировкой до нанесения ангоба (рис.40:7). 3. Гравировка по ангобу (сграффито) (рис.40:1-6, 10; 41:2-4; 44). 4. Подглазурная роспись анго-

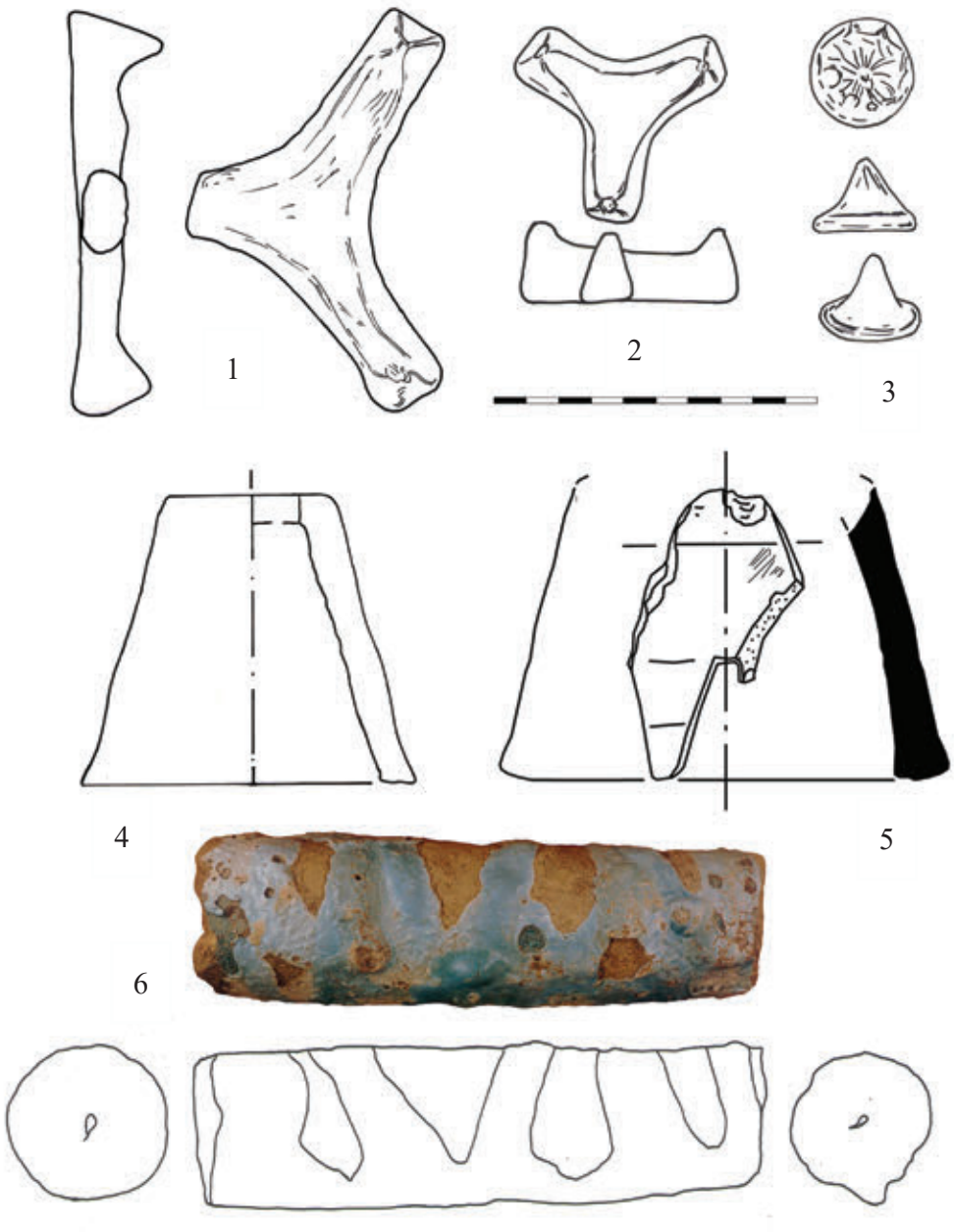

Рис. 34. Печной припас. 1-2 – сепая для второго обжига чаш; 3 – конус для обжига изразцов и мозаичных пластин; 4-5 – подставки «сари»; 6 – штырь с потеками бирюзовой глушенной глазури. 1-4 – подъемный материал 1990 г. на месте распаханной мастерской на правом берегу Кумы.

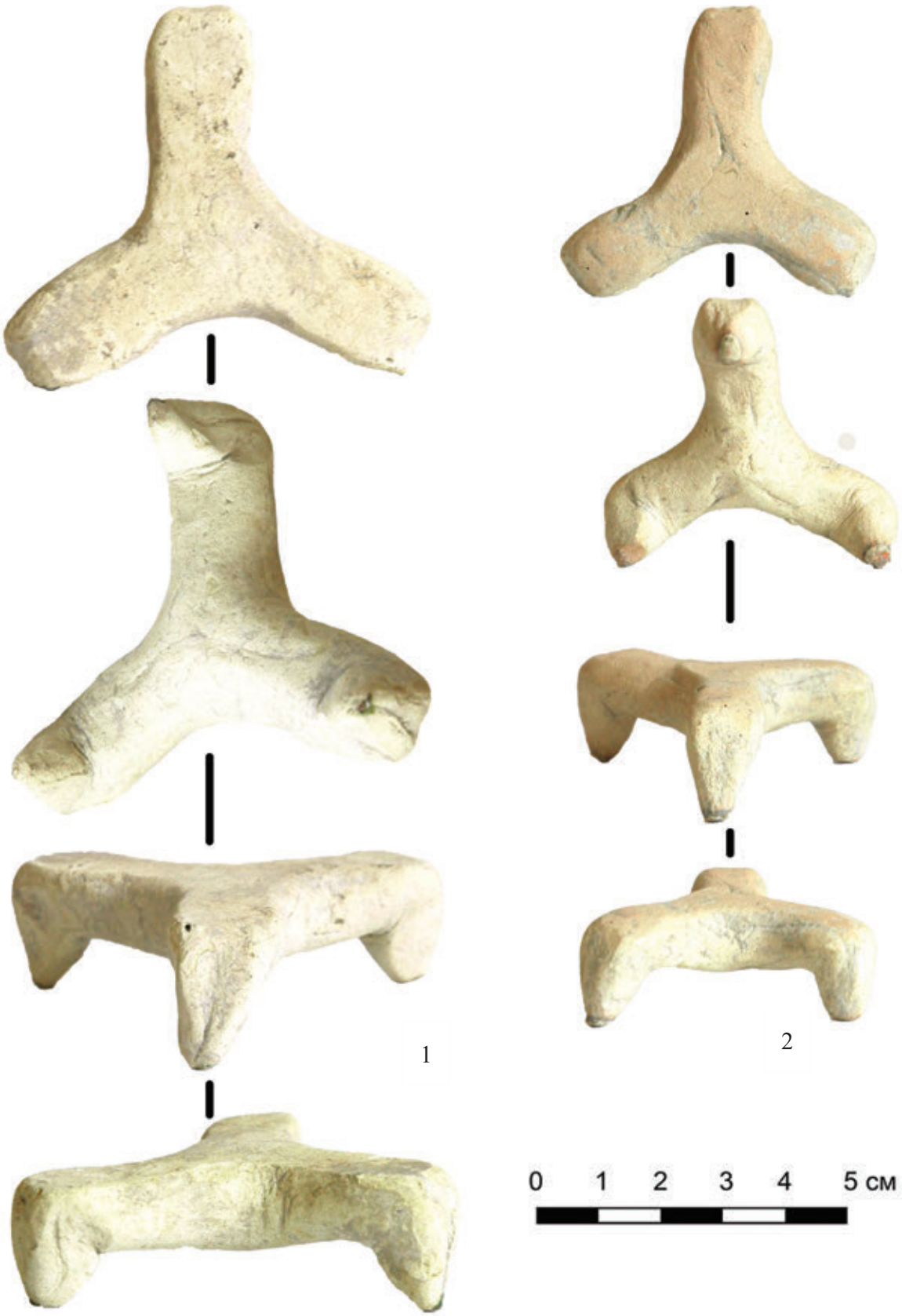

Рис. 35. Сепая, сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 36. Фрагмент «сари» со следам лощения и признаками закипания при обжиге, сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 37. Печной припас «раструб» с потеками бирюзовой глазури, пригодный для обжига чаш и изразцов, приобретение Ю.Д. Обухова.

бом (очень редко). 5. Без гравировки, со светло-зеленой поливой и потеками красителя коричневого или фиолетового цвета (рис.40:7-8; 41).

Основную часть поливной посуды составляют фрагменты чаш разного размера (каса и пиала) с обычными вариациями формы венчика, что позволит сделать традиционное разделение на типы. Кувшины представлены неполными экземплярами с зеленой и желтой поливой. От афтоба мелких размеров найдены только фрагменты. Маленькая тарелка из Буденновского городского музея имеет редкую форму (рис.42), в подъемном материале предстафлены фрагменты гулабданов (рис.40:8-9), причем неполивные налепы гулабданов могут быть полуфабрикатами.

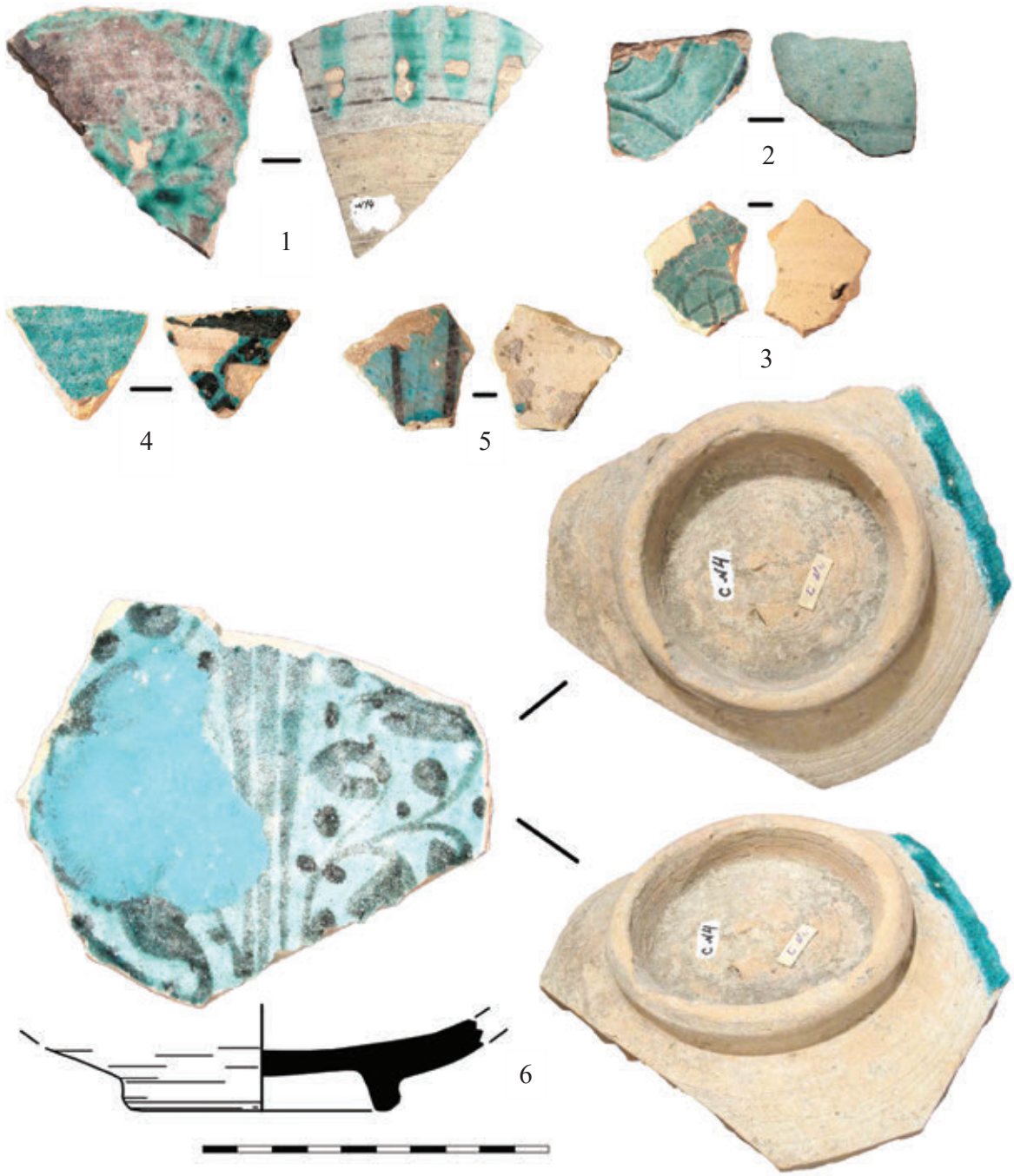

Рис. 38. Желтоглиняная пористая местная керамика с бирюзовой глазурью. Сборы Ю.Д. Обухова.
1 – с подглазурной росписью ангобом; 2-3 – с подглазурной гравировкой; 4-5 – с подглазурной черной росписью; 6 – в подглазурной черной росписью с вырезным поддоном, что допускает импортное происхождение. Капли непрозрачной глазури внутри – следствие обжига венчиком вверх ярусом ниже других изделий.

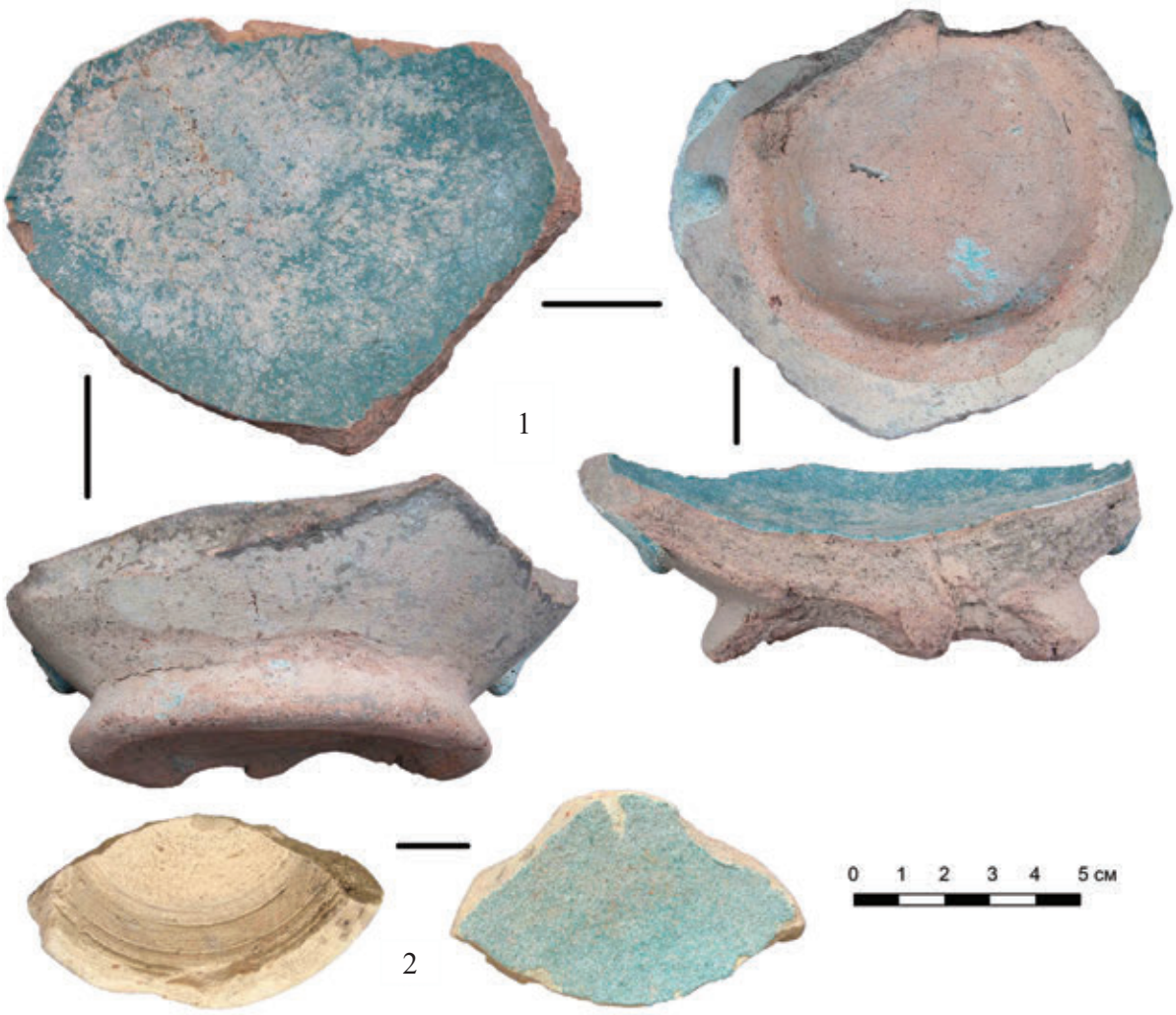

Рис. 39. Желтоглиняная и розоволиняная керамика с бирюзовой глазурью, предположительно импортная. 1 – с зернистой формовочной массой с примесью крупного окатанного песка;. 2 – с вырезным поддоном и слабопористой формовочной массой. Сборы Ю.Д. Обухова.

При идентификации и технологической характеристике керамики самой информативной частью является дно, для поливной – поддон. Маджарскую поливную керамику (чаши) делали по донно-емкостной программе сначала плоскодонной, а затем налепливали кольцо-поддон. В результате поддоны не имеют следов вырезания внутренней полости ножом, их поверхность заглажена мокрой рукой, часто присутствуют характерные трещинки или небольшое углубление в месте соединения поддона, внешняя линия емкости внутри поддона и снаружи обычно совпадают. Спорным определение становится, когда есть признаки вырезания поддона, а желтая формовочная масса по степени пористости близка к местной керамике (рис. 38:6; 39:2).

Особый отдел – это штампованная керамика, у которой детали орнамента выделены росписью бирюзовой или синей поливой (рис. 45-47). Небольшое количество фрагментов без глазури вполне могут принадлежать участкам, которые не глазуровали, хотя целые сосуды принадлежали этому отделу. Калыпы на текущий момент не найдены. Эти изделия весьма широко экспортировались, что долго мешало признать местом ее производства именно Маджар. Они достаточно широко представлены на Селитренном городище [*Фёдоров-Давыдов 1994, с.146,147*] и в Хорезме [*Вактурская 1959, с.306, 308*). Значительно количество такой керамики в Сарайчике [*Самашев, Кузнецова, Плахов 2008, с.154-159*] В Куня-Ургенчском музее хранится целый такой кувшин (рис. 48). Однако отличить маджарскую керамику от любой другой про-

Рис. 40. 2-я группа Маджара, пористая керамика с зеленой поливой. 1-6, 10 – сграффито;
7 – сграффито с рельефной гравировкой до покрытия ангобом (закрытый сосуд);
8-9 – штампованные налепы гулабданов. Сборы Ю.Д. Обухова.

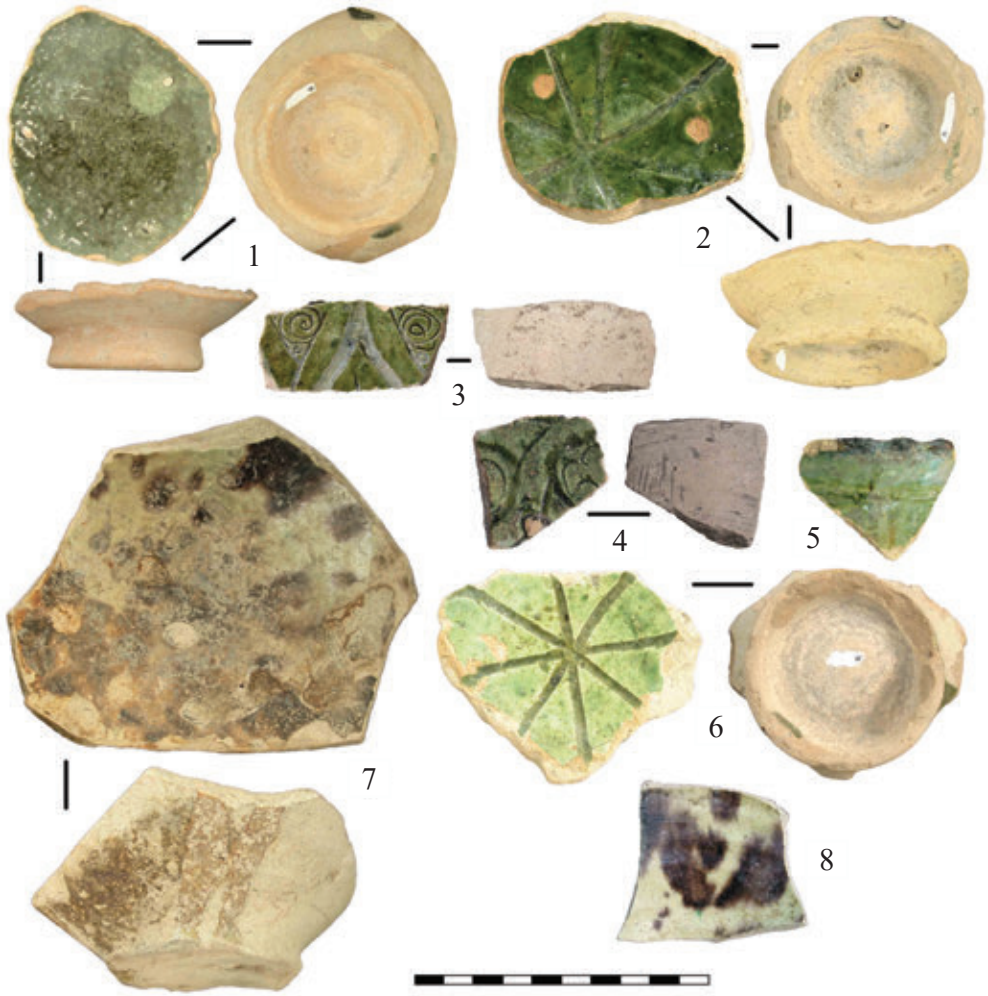

Рис. 41. 2-я группа Маджара, пористая керамика. 1, 5 – с зеленой поливой без орнамента; 2-4, 6 – с зеленой поливой, сграффито; 7-8 – со светло-зеленой поливой и брызгами марганца. 7 – поддон отколот по линии налепа. Сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 42. Мелкая тарелка, 2-я группа Маджара, пористая керамика, со светло-зеленой поливой и брызгами марганца. БМ, ОФ-97.

Рис. 43. Альбарелло с зеленой поливой 2-й группы керамики Маджара. Приобретение Ю.Д. Обухова.

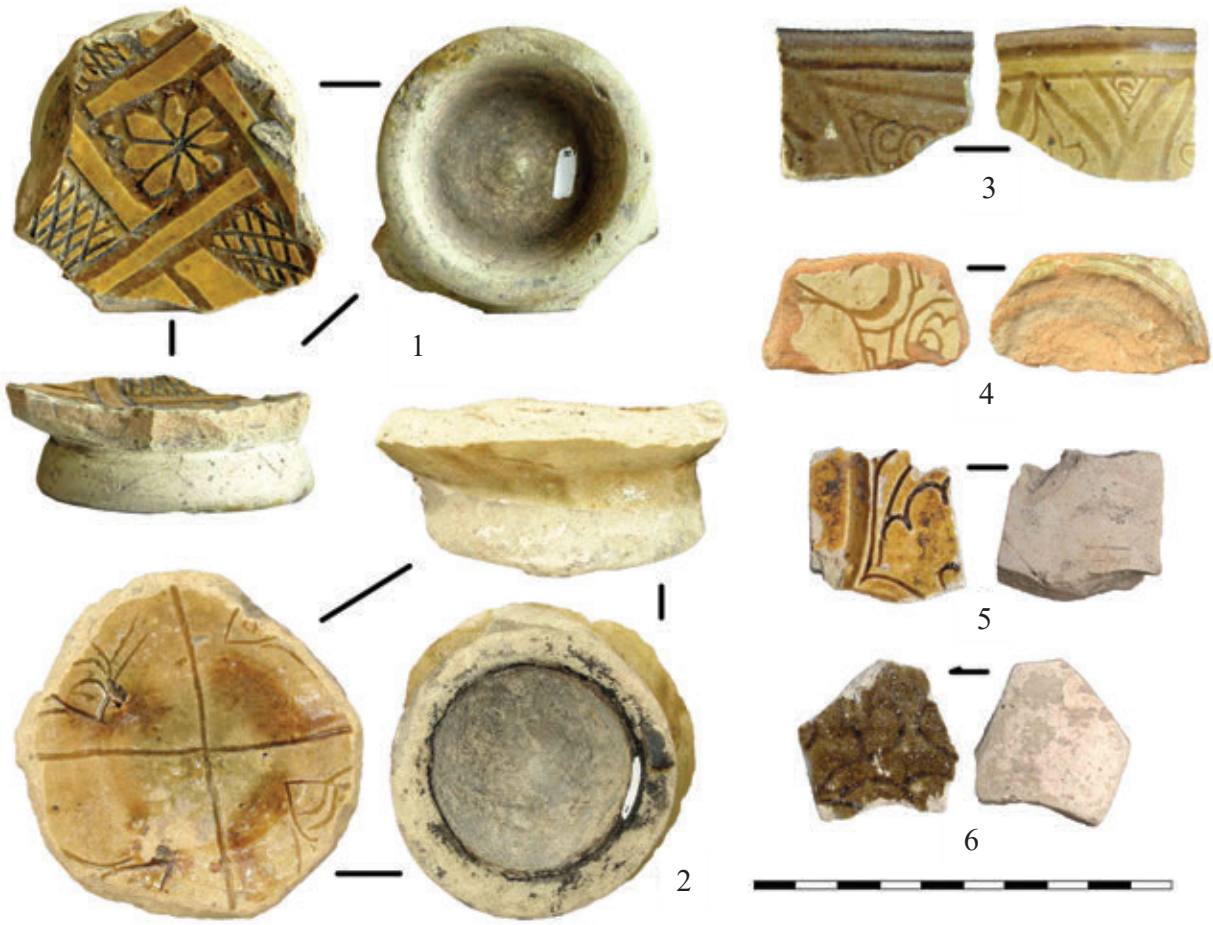

Рис. 44. 2-я группа Маджара, пористая керамика с желтой поливой, сграффито. 1, 4 – явные признаки наклеивания поддона. Сборы Ю.Д. Обухова

Рис. 45. Желтоглиняная штампованная керамика с расцветкой бирюзовой, синей и белой глазурью. 1 – крышка, БМ, ОФ нет; 2 – горло кувшина – БМ, ОФ-166 (глазури нет).

ще всего по цвету глины и очень высокой пористости. Общее количество желтоглиняной штампованной керамики в Маджаре превосходит сероглиняные импорты (а в Нижнем Поволжье напротив уступает не менее, чем на порядок), что можно расценивать как веский аргумент в пользу ее местного производства.

Техника была описана лучше других [*Давидович 1960, с.109-133*]. Впрочем, ее адаптация на территории Европейской части Золотой Орды заключалась в том, что при изготовлении калыпов не обязательно пользовались каменными матрицами. Золотоордынская, в том числе Маджарская штампованная керамика рассматривалась в отдельной работе [*Панина, Волков 2001, с.89-91*]. Эта керамика относится ко второй группе, хотя на внутренней стороне основной емкости не найдется следов вытягивания, а будут лишь вмятины от надавливания рукой. Такие следы образовывались

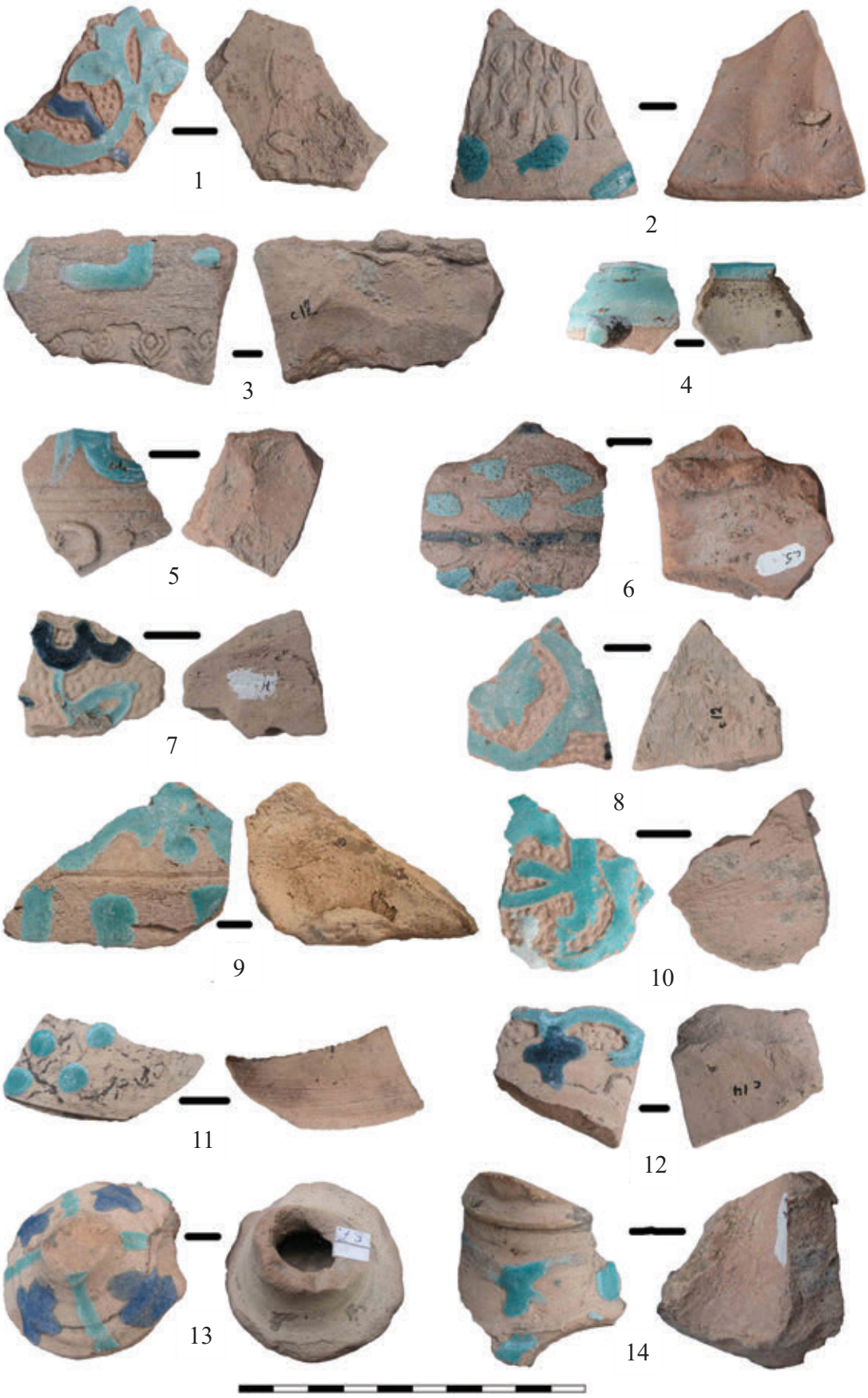

Рис. 46. Желтоглиняная штампованная керамика с расцветкой бирюзовой, синей и белой глазурью. Сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 47. Желтоглиняная штампованная керамика с расцветкой бирюзовой, синей и белой глазурью. Приобретения Ю.Д. Обухова. 3 – с личиной на вершине алифа; 4 – с изображением зайцев; 5 – с изображением птиц.

на стадии оттиска заготовки в калыпе. Но саму заготовку первоначально вытягивали на круге, поскольку иначе невозможно получить качественный оттиск и соблюсти приблизительно одинаковую толщину стенок. Безграмотное высказывание о том, что есть сосуды “декорированные в технике свободного формования ручным оттиском в форме-колыбе (т.е. со штампованным рельефным орнаментом)” [*Перевозчиков 2006, с.18*] должно быть отброшено.

Допустимо, что часть керамики этого отдела произведена на месте, а часть – самая плотная – импорт из Средней Азии или Закавказья.

Импортная керамика представлена обычным для степных городов Золотой Орды набором групп. В первую очередь бросается в глаза обилие нижневолжской кашинной керамики, которую не всегда можно отличить от хорезмской и персидской.

Кашинная керамика Поволжья – устойчивый импорт во всех золотоордынских городах. Ее классификация по техникам нанесения декора и отчасти – мотивам росписи наиболее полно сделана на материалах столиц Золотой Орды [*Булатов 1969, с.4-7; Фёдоров-Давыдов 1994, с.78-124*]. Она же рассматривалась в работах Э.Р.Ртвеладзе и Н.С.Гражданкиной. Делать добавления к классификации на материалах столиц Золотой Орды, казалось бы, нет смысла. Она совершенствовалась порядка 40 лет и очень полна. Фрагментарные материалы Маджара (рис.49-56) не позволяют добавить к этому чего-то принципиально нового, а лишь сделать некоторые комментарии.

В последнее время в подражание части западной литературы получило распространение наименование кашинной керамики «фаянсами», а с прозрачной глазурью – «полуфаянсами». В целом деление керамики на фаянсы, майолики, полуфаянсы и полумайолики крайне нелепо.

Единого общепринятого определения фаянса не существует [*Сайко 1969, с.82-85*]. Это обусловлено тем, что критериями для оценки являются разные, очень опосредованно связанные признаки: цвет черепка, его плотность (количество пор) или твердость, цвет и прозрачность глазури. Если следовать определению, предложенному Э.К. Кверфельдом [*Кверфельд 1947, с.8*], затем слегка искаженному Э.В.Сайко [*Сайко 1969, с.82-85*] и широко распространенному в существенно извращенном виде в послед-

Рис.48. Жёлтоглиняный штампованный кувшин с расцветкой бирюзовой, и синей глазурью. Куня-Ургенч, музей.

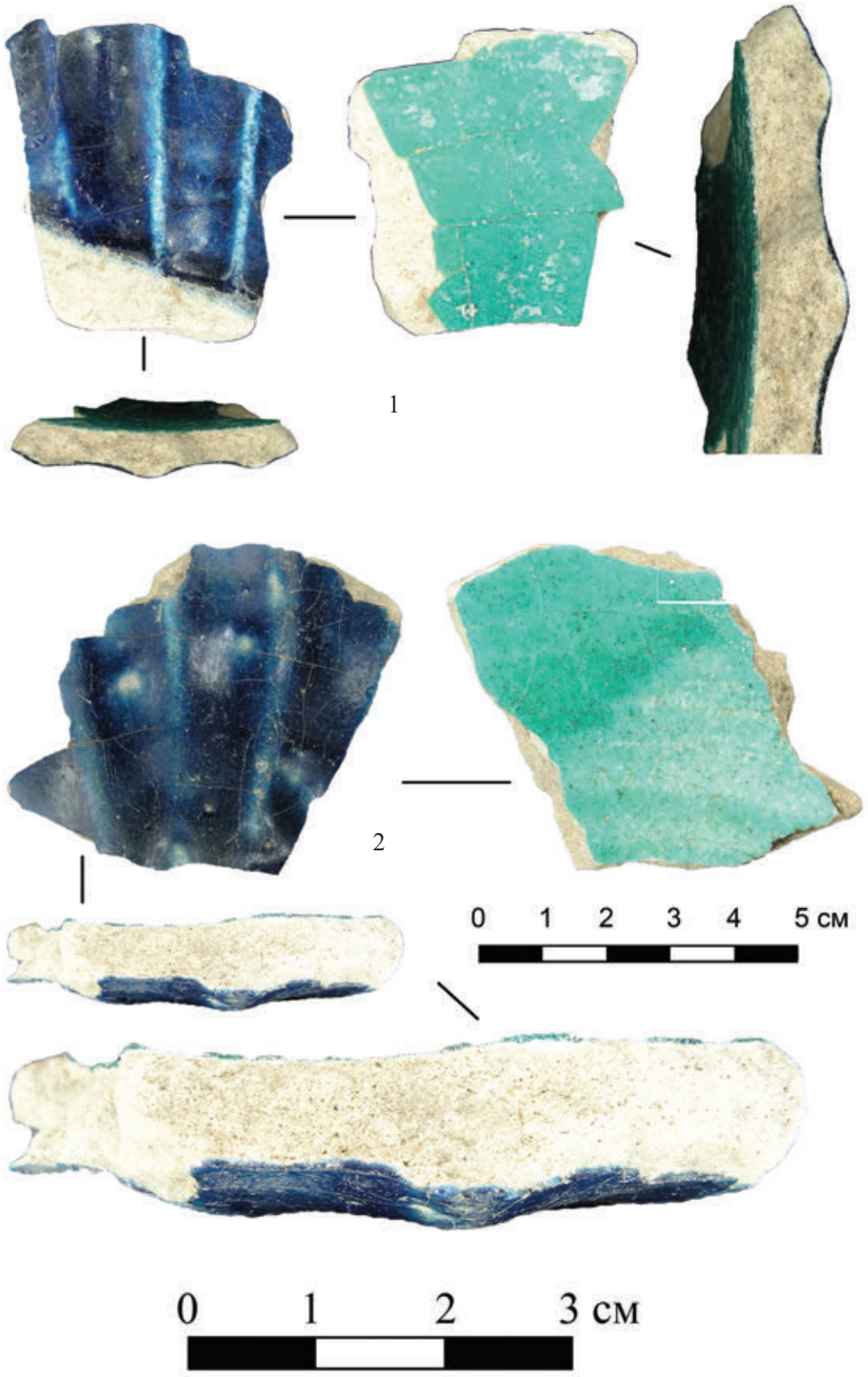

Рис. 49. Фрагменты кашинных гулабданов с бирюзовой глазурью изнутри и синей снаружи. Рельеф получен с помощью гипсовой формы для отливки.

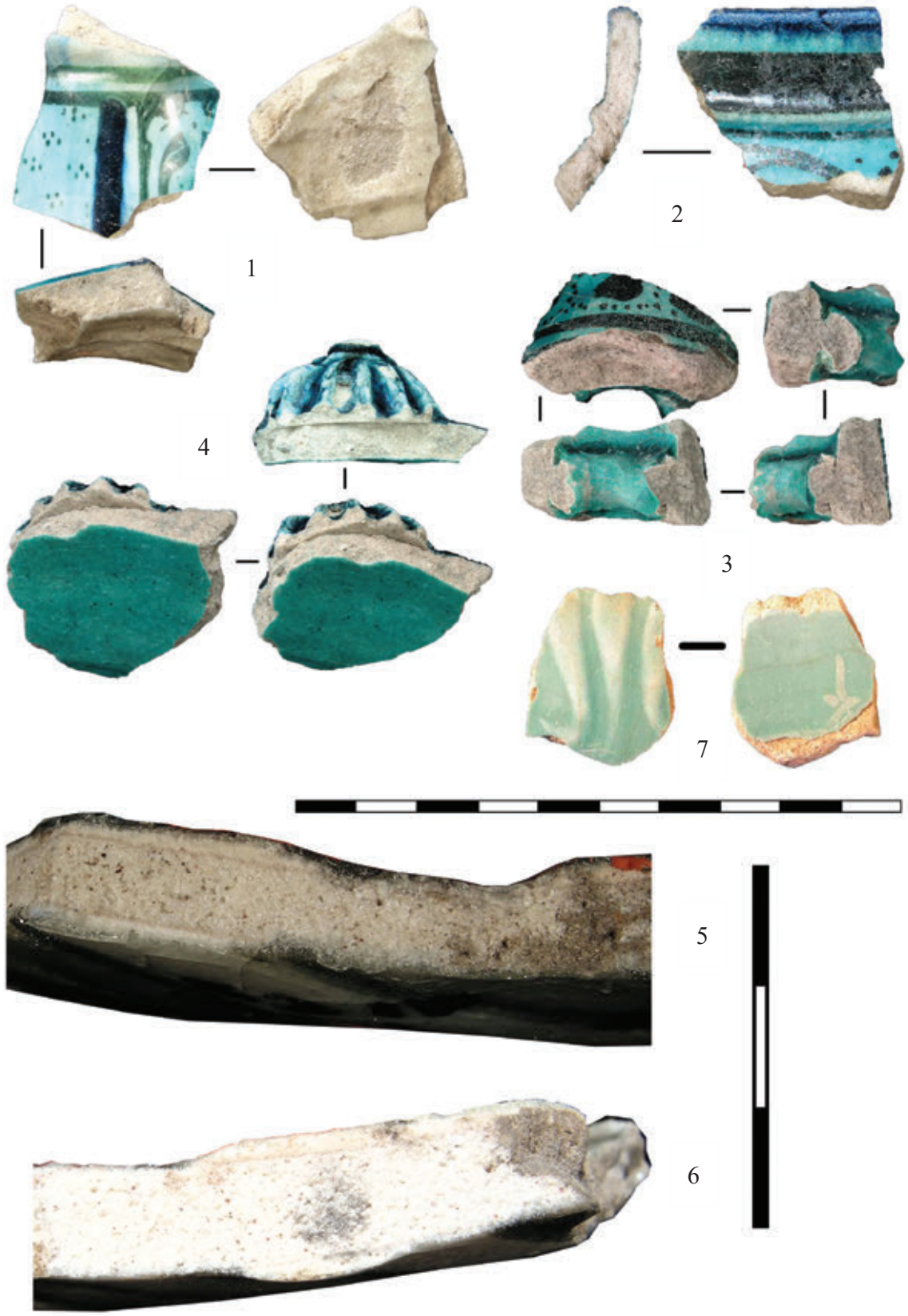

Рис. 50. Разные способы получения рельефа на кашинной керамике. 1 – граненое тулово по гипсовой форме; 2 – валик с гипсовой формы усилен тонким слоем ангоба; 3 – кольцо вклеено в горло чернильницы; 4 – отдельно отлитый рельефный конус наклеен на плечико гулабдана; 5-6 – низкий рельеф с формы усилен росписью толстым слоем ангоба. 7 – с росписью ангобом под полупрозрачной зеленоватой глазурью и надглазурной росписью эмалью (предположительно, иранский импорт).

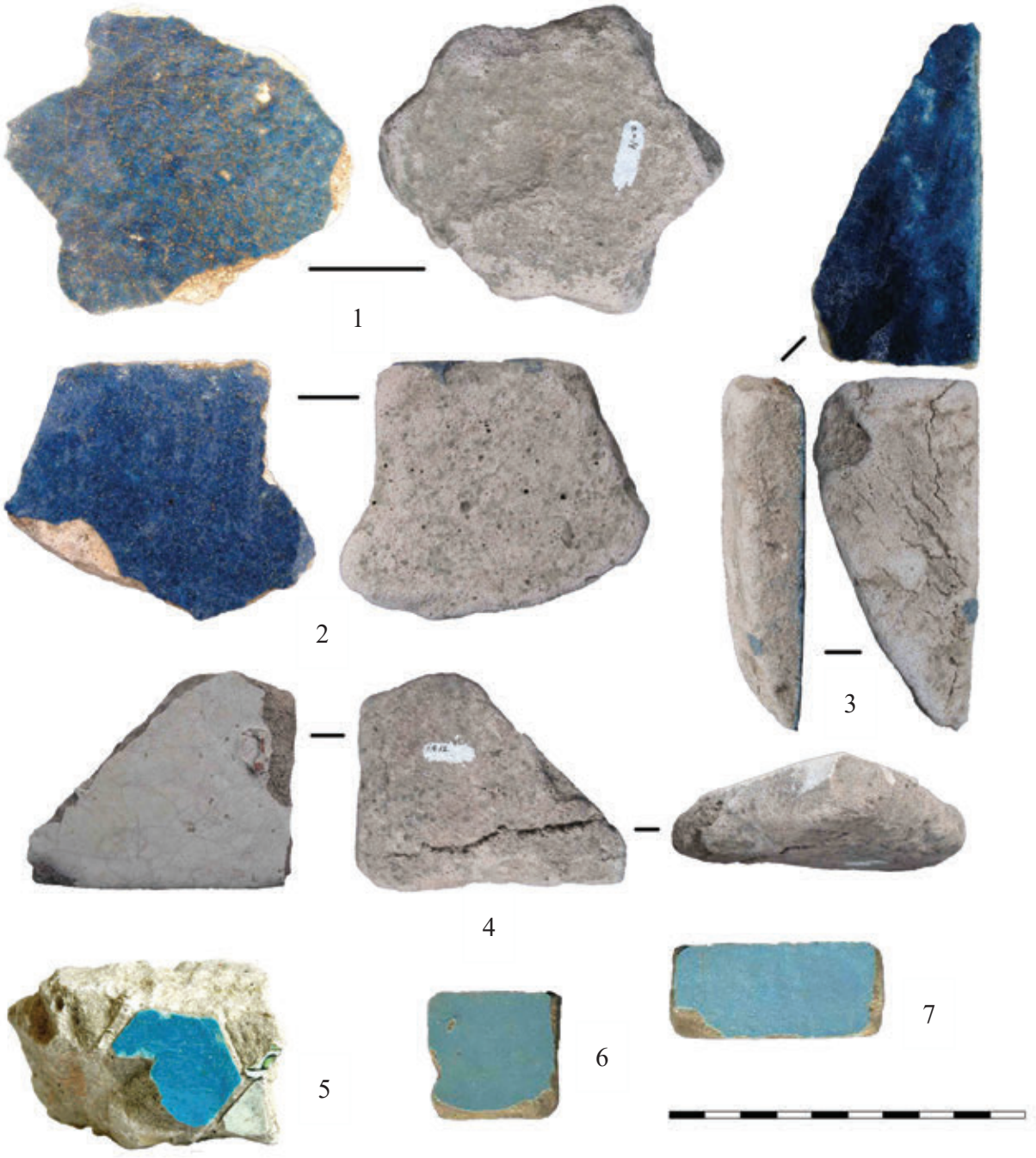

Рис. 51. Кашинные мозаичные плитки без росписи. 1-3 – синие; 4 – белая; 6-7 – бирюзовые; 5 – фрагмент мозаичного блока с бирюзовой, белой и плиткой в технике минаи.

Рис. 52. Кашинная керамика с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью.

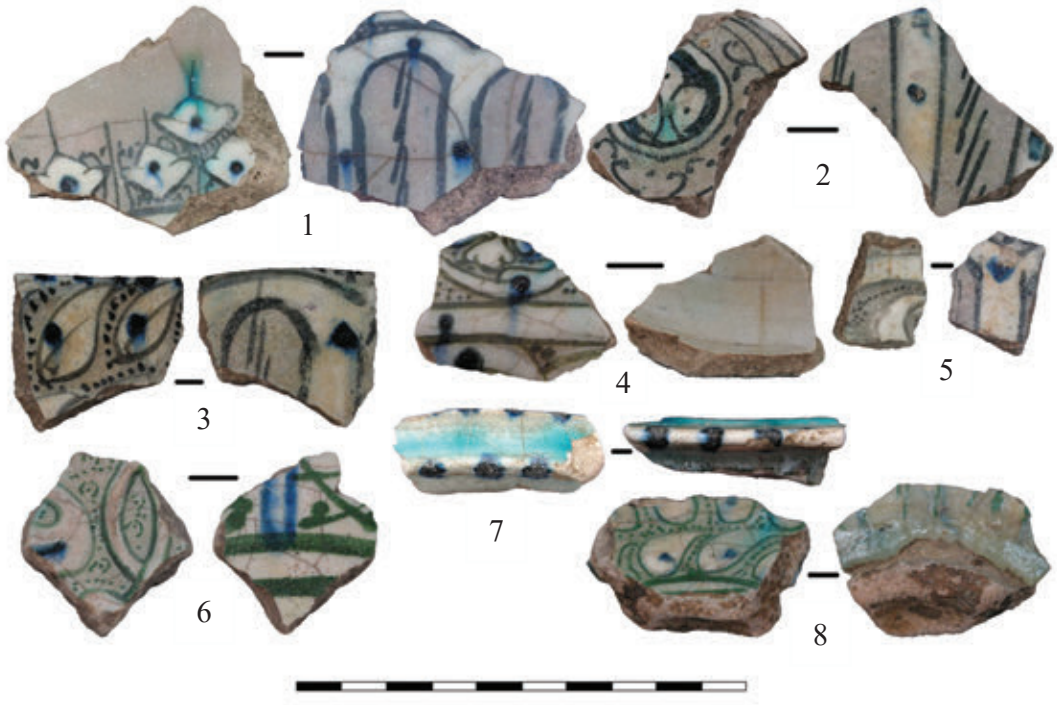

Рис. 53. Кашинная керамика с полихромной росписью под прозрачной бесцветной глазурью. 2, 4 – фрагменты, состав глазури которых анализирован (Ярош, Волков, 2007, с.18-19).

Рис. 54. «Тимуридская» керамика с подглазурной росписью кобальтом. 2 – для контурной росписи дополнительно использован черный цвет. Приобретения Ю.Д. Обухова.

Рис. 55. 1-7 - архитектурный декор в технике минаи (надглазурная роспись эмалями с золотой фольгой по глухой бирюзовой глазури, окрашенной медью. 8 – пряслице из кашинной плитки с красно-коричневой глухой глазурью. Приобретения Ю.Д. Обухова.

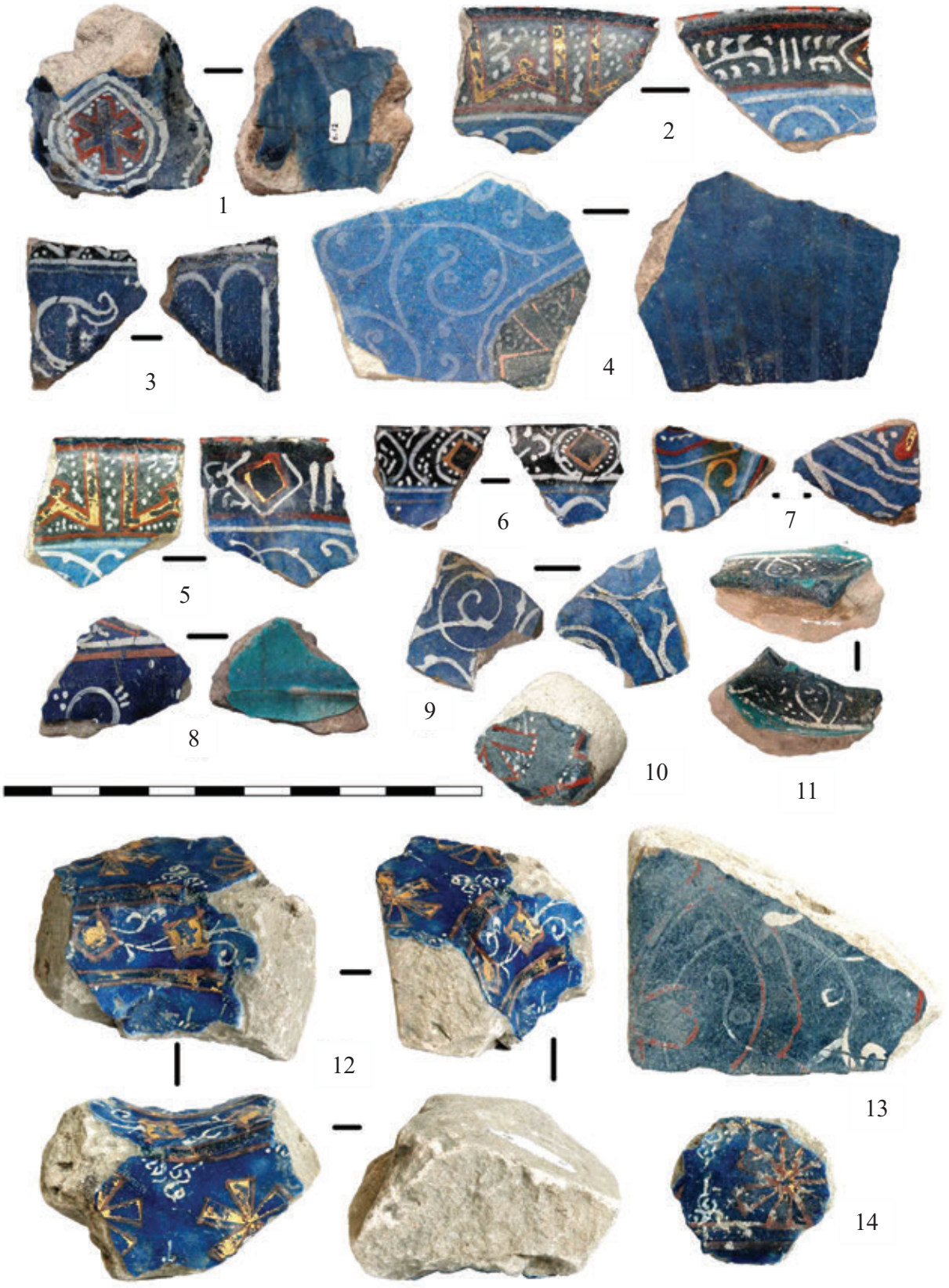

Рис. 56. Ладжвардина – кашинная керамика с глухой, полупрозрачной или прозрачной глазурью, окрашенной кобальтом, и надглазурной росписью эмалями с наложением золотой фольги. , 8 – фрагменты закрытых сосудов; 2-9, 11, 14 – фрагменты чаш; 12-13 – архитектурный декор; 10 – архитектурный декор с вторичной обработкой.

нее время в археологической литературе благодаря работам В.Ю.Коваля [*Коваль 1997а, с.8; 2003, с.361-362*], то формально фаянсами являются и персидские, и золотоордынские кашинные изделия, если у них глушеная (или полупрозрачная) глазурь. В целом же фаянсами называют настолько разнородные материалы [*Энциклопедия, 1977, Т.2, с.633-634*], в большинстве своем принципиально отличающиеся от средневековой керамики [*Новый политехнический словарь, 2000, с.577*], что само использование «термина» в археологической классификации теряет всякий смысл. Да и Э.К.Кверфельд писал вовсе не так однобоко: «Обожженные глины делят на две группы: на изделия с пористым черепком и на изделия со спекшимся черепком. К первой группе относятся простые гончарные изделия, терракоты и фаянсы (теперь в керамике фаянсами называют лишь изделия из так называемой английской массы)» [*Кверфельд 1947, с.8*]. Казалось бы, следует успокоиться и не называть фаянсами всё, что состоит не из «английской массы», по крайней мере, придумывать для остального свои особенные названия. Но почему-то плохо читающим археологам оказался более привлекательным следующий абзац того же автора: «В музейном деле удобно, в виду не совсем правильной терминологии, принятой в литературе, фаянсами называть изделия с пористым черепком, покрытые оловянной глазурью; изделия с таким же черепком с ангобом, т.е. с обмазкой из белой глины, покрывающей цветной от природы черепок, под прозрачной глазурью – полуфаянсами» [*Кверфельд 1947, с.8*]. В понимании В.Ю.Коваля и группы граждан, следующих за ним, это вылилось в немыслимую «классификацию». Теперь же просто обращаю внимание на то, что предмет, описанный Э.К. Кверфельдом как «полуфаянс» (для понимания достаточно приведенной цитаты), соответствует «полумайолике» в опусах В.Ю.Коваля (цветной пористый черепок, ангоб, прозрачная глазурь). Этих нехитрых наблюдений достаточно, чтобы понять, что (полу-) фаянсы, майолики – тупиковый путь попыток поиска терминологии для описания керамики.

Можно рассмотреть эту часть «терминологии» и более широко. Возьмем одно из наиболее общих и объективных определений фаянса нашего времени. «Фаянс (франц. faience, от названия итальянского города Фаэнца, одного из центров керамического производства), плотные мелкопористые (обычно белые) изделия тонкой керамики. Производство фаянса. Для изготовления фаянса применяется то же сырьё, что и для производства фарфора, меняются лишь рецептура сырья и технология обжига изделий. Фаянс отличается от фарфора большими пористостью и водопоглощением (до 9–12%), поэтому все фаянсовые изделия покрываются тонким сплошным слоем водонепроницаемой глазури. По составу и свойствам различают фаянс глинозёмный, известковый, шамотный и полевошпатовый» (БСЭ). Надеюсь, понятно, что под этим словом подразумевается все, что угодно, только вот кашинная керамика под определение гарантированно не подпадает, т.к. она высокопористая (заметно выше 12%) и состоит преимущественно из кварца, то есть не глинозёмная, не известковая, не шамотная и не полевошпатовая.

И это не единственное из предлагаемых определений фаянса. Возьмем узкое, применявшееся именно в керамическом производстве. «Фаянс А. Высший сорт (тонкий фаянс) с прозрачной глазурью. Изделия этого рода имеют белый или почти белый – не просвечивающий, мягкий черепок и землистый излом. Они всегда покрыты прозрачной свинцовой, реже борнокислой или баритовой глазурью» [*Будников 1923, с.26*].

Обращаю внимание на то, что предлагаемые определения – взаимоисключающие. Других определений можно набрать еще несколько десятков, но они все равно будут противоречить друг другу. Я вовсе не предлагаю признать какое-то одно из них, в ущерб другим. Обратите внимание только на то, что это слово не имеет четкого значения. Значит – это не термин. Придерживаться этого слова (как и полуфаянса, полумайолики и прочего из В.Ю.Коваля) не следует. Это просто слова без определенного значения. Тем более не имеет отношения к основной характеристике предмета прозрачность глазури: «Для уменьшения водопоглощения фаянс покрывают непрозрачной (глухой) или прозрачной глазурью [*Новый, 2000, с.577*].

Очень частично это понятно даже В.Ю.Ковалю: «Название «восточные фаянсы» нельзя считать очень удачным, однако оно уже давно вошло в множество археологических и искусствоведческих работ, став общеупотребимым, к тому же оно ничем не хуже имени «кашин» или «кварц-фритта» [*Коваль 2009, с.209*]. Увы, стадный инстинкт не должен увлекать тех, кто относит себя к людям науки, в использование «общеупотребительных» слов в неправильном смысле, затрудняющее понимание объективных явлений. «Артефакт», «парадигма» и прочие подобные слова используются широко, но они всего лишь отрицательно характеризуют тексты и их авторов. Лучше самим их не употреблять. Название «кашин» намного лучше, чем

«фаянс», поскольку оно очень ёмко характеризует технологию конкретной группы. При использовании названия «кашин» никогда не произошло бы такого анекдотичного казуса, фактически маразма, как в той же статье В.Ю.Коваля: «Месопотамский люстр IX в. изготавливался на глиняной основе, т.е. принадлежал к классу майолик, однако в данном случае его единственный проанализированный образец рассматривается нами в ряду фаянсовых изделий, поскольку месопотамский люстр был непосредственным предшественником египетских и сирийских люстровых фаянсов и полуфаянсов X-XII вв.» [*Коваль 2009, с.213*]. Спрашивается: зачем вообще деление на фаянсы, полуфаянсы, майолики, четверть-майолики и прочее, если можно просто сказать «месопотамский люстр», «египетский люстр»? Все словоблудие лжеклассификации оказывается просто ненужным. Тогда и позднюю турецкую продукцию, относимую к Кютахье, не придется рассматривать вместе с кашинной, поскольку в основе они не имеют ничего общего. Эту турецкую керамику действительно можно относить к фаянсу, поскольку она низкопористая, состоит преимущественно из каолина, а вариации прозрачности глазури настолько значительны, что разделение ее на «фаянс и полуфаянс», если захочется следовать В.Ю.Ковалю, окажется принципиально невозможным. И если в западной литературе действительно кашинную керамику называют фаянсом, то следовать этому не надо, напротив В.Ю.Ковалю следует помнить, что он пишет на русском языке и хоть как-то учитывать отечественные традиции. Прозрачность глазури – вообще признак второстепенный и не дискрет-

Рис. 57. Кашинная керамика с надглазурной росписью с золотой фольгой и прозрачной бесцветной глазурью. Большая часть золотой фольги утрачена. Куня-Ургенчский музей-заповедник, инв. №29.

ный. Конечно же не стоит ожидать полихромной подглазурной росписи при глушеной глазури, но и тут бывают исключения (рис. 38:6), а роспись ангобом под глухой глазурью – вообще явление нормальное (рис. 39:3). Надглазурная роспись по прозрачной глазури – также явление обычное, хотя и не массовое (рис. 57).

Да и понимание определения «кашинная» у В.Ю.Коваля – особое. «Такие массы в эпоху позднего средневековья в Иране и Средней Азии называли «кашином» (по имени города Кашан в Иране, славившегося своими изделиями этого вида)» [*Коваль 2009, с.209*]. В действительности в эпоху позднего средневековья такие массы никогда и нигде не называли кашином, не случайно у В.Ю.Коваля отсутствует ссылка на хотя бы один позднесредневековый источник. Это слово – археологический «жаргон», но очень точно отражающий суть предмета. В современном персидском языке, как и в письменном источнике рубежа XIII-XIV вв. (и более раннего времени) используется только слово «каши» для обозначения особой керамики [*Персидско-русский, 1985, с.297*]. Поскольку оно использовалось и в керамическом трактате 1301 г., и раньше [*Сайко 1969, с.85-86*], можно допускать, что уже с этого периода «развитого средневековья» оно использовалось в одном и том же значении.

Происхождение этого слова в отечественной археологической литературе, видимо, связано с названием мастеров, изготавливавших изразцы – «кашинчи», зафиксированным этнографами [*Джаббаров 1959, с.394*]. Действительно, эти мастера не пользовались гончарным кругом, применяли формовочную массу на основе кварцевого песка и предпочитали преимущественно белые и синие глазури. Они считались не керамистами, а ремесленниками-строителями [*Джаббаров 1959, с.394*].

Как раз этнографы, имевшие дело с позднесредневековой номенклатурой, возражали: «Термина *кашин*, введенного в последнее время в литературу рядом археологов для обозначения посуды, в состав черепка которой входит кварц, риштанские, так же как и гончары других мест Средней Азии не употребляют» [*Пещерева 1959, с.229*]. Но было уже поздно, употребление слова стало массовым в археологической литературе именно в силу точности отражения сути предмета.

Еще показательнее бессмысленность использования слов «майолика» и «полумайолика», в том смысле, который вложил в них В.Ю.Коваль. Происхождение слова майолика вообще не имеет отношения к обозначаемой им керамике. Итальянское maiolica происходит от архаичного названия острова Мальорка, через который в Италию поставляли испано-мавританскую люстровую керамику. Затем так стали называть специфическую итальянскую продукцию, и в узком смысле слово обозначает только керамику из Италии (Фаэнца, Флоренция, Кафаджоло, Сиена, Урбино, Кастельдуранте) (с люстром – Дерута, Губио). В широком смысле – «изделия из цветной обожжённой глины с крупнопористым черепком, покрытые глазурью» «В современной художественной практике майоликой также называют керамику с цветными глазурями на фаянсовом белом или цветном черепке» [*БСЭ, 1974, Т.15, с.222, стб.652-653*]. Как видите, этим словом обозначают совершенно разнородные предметы, что только затрудняет понимание текста. Допустимо использовать его в искусствоведческой литературе для любой поливной, но в научной это целесообразно только в том случае, если речь идет об итальянской продукции, в связи с которой оно появилось [*Белинский 1994, с.28-32; Белинский, Масловский 1998, с.36-37*]. Вполне обосновано также использование определения «протомайолика», широко распространенного а европейской литературе, поскольку им обозначается конкретная итальянская керамика преимущественно XIII в., которая послужила прототипом для классической итальянской майолики: оно характеризует и технологию, и набор росписей. Но вот использование слов этого корня в смысле, предложенном В.Ю.Ковалем – путь тупиковый.

Мало того, это нарушает традиции отечественной археологической литературы, пусть и слегка устаревшие. Определение «майолика» широко используется в золотоордынской археологической литературе, но в совершенно ином смысле. Им характеризуется поливная керамика, но только архитектурная, и вне зависимости от состава керамической основы. Она противопоставляется мозаике. Вся мозаика – пилёная, и чаще всего кашинная, а если облицовочные плитки представляют собой целые изделия (не важно – на глине или на кашине), то это – майолика [*Носкова 1972, с.175-183;1976, с.12-25; Фёдоров-Давыдов 1976, с.122-127; 1994, с.149-159; Фёдоров-Давыдов, Булатов, 1989. с.213-215*]. Список ссылок можно расширить в несколько раз, а представлены только наиболее читаемые работы. Такое членение, естествен-

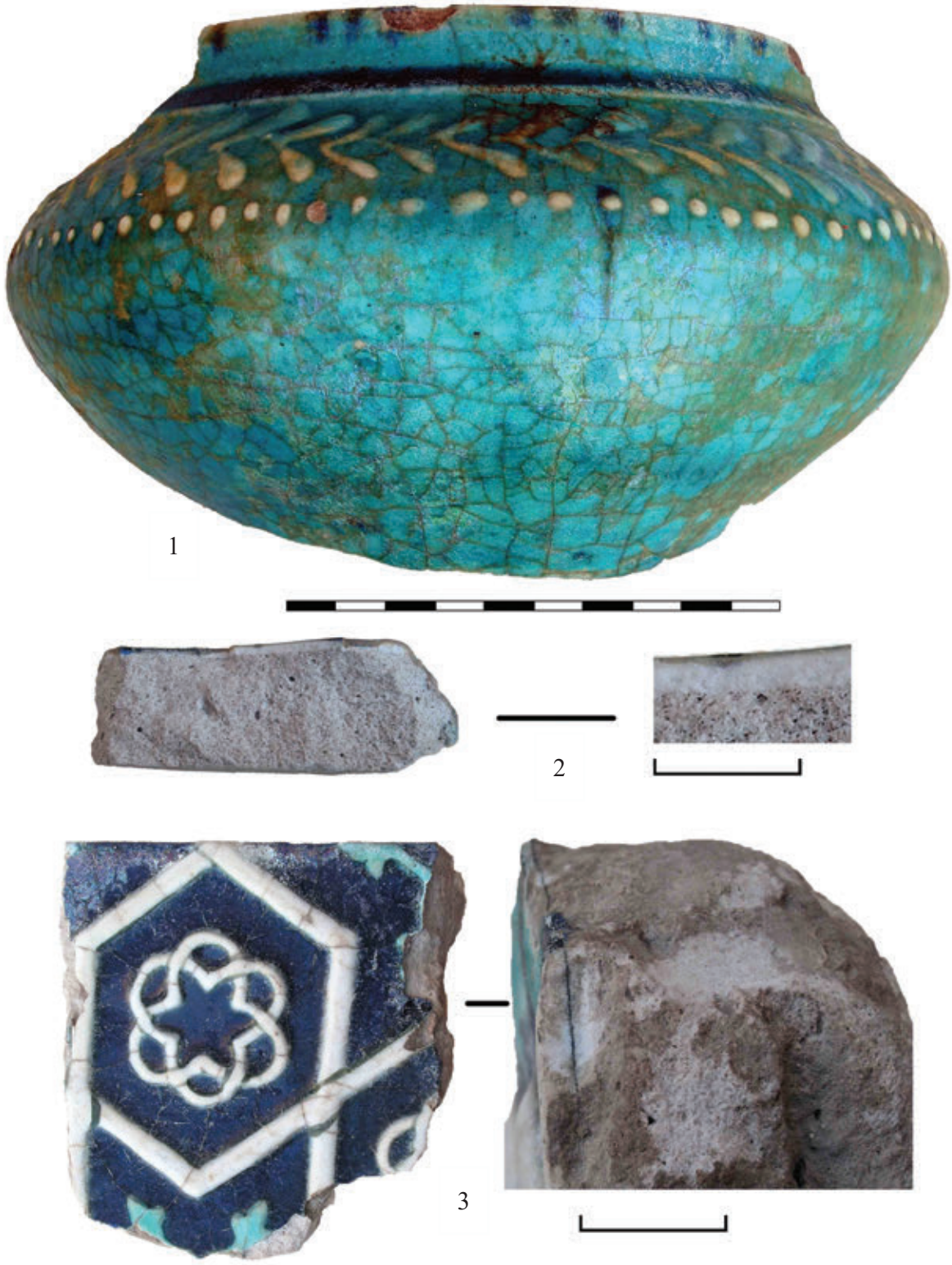

Рис. 58. Рельеф получен исключительно росписью толстым слоем ангоба. 3 – ангоб лежит поверх слоя кобальтового фона. Куня-Ургенч, музей.

но, зародилось в среднеазиатской археологии. Но В.Ю.Ковалю наплевать на этих исследователей, он даже не вдается в дискуссию, у него просто своё видение «терминологии».

Отдельный вопрос – это техники получения рельефа. В классификации Г.А.Фёдорова-Давыдова это одно из самых базовых делений массива кашинной керамики, и допускались только 2 варианта – с рельефом и без рельефа. В.Ю.Коваль вслед за Э.В.Сайко предложил выделять «роспись кашином». На золотоордынской керамике «роспись кашином» мне обнаружить не удалось. Техник получения рельефа в действительности несколько, особенно если рельефом считать все отклонения от фигуры вращения. 1. Наклеивание отдельных элементов сосуда (ручек, выступов гулабданов (рис. 50:4), колец внутри горла чернильниц (рис. 50:3). 2. Рельеф формы, дающий граненые в горизонтальном сечении сосуды и фестончатые венчики (рис. 49:1-2; 50:1). 3. Чисто орнаментальный рельеф формы. 4. Аналогичный предыдущему, но усиленный росписью ангобом (рис. 53:1). 5. Роспись густым белым ангобом на сосуде, имеющем форму фигуры вращения (рис. 58:1) или плоском архитектурном декоре (рис. 58:2-3). 6-7. Предыдущие 2 варианта могут сочетаться и наличием серой или коричневой «ангобной» (?) прослойки под глазурью и росписью. Впрочем, такого рода прослойка могла образоваться естественным путем в процессе сушки. Примечательно, что роспись ангобом могла быть сделана не только по «естественному» серому покрытию, но и по черной или ультрамариновой росписи (рис. 58:3). Варианты 3-7 не поддаются устойчивому разделению без подшлифовки излома. Роспись кашином на материалах Маджара выделить не удалось. Ангоб отличается от основы по более яркому цвету и однородному мелкодисперсному составу (рис. 50:5-6; 58:2-3).

Вся кашинная керамика – литая, о чем свидетельствует большое количество гипсовых форм для ее изготовления, хотя это материал легко утилизируемый [*Булатов 1972*]. Высказывания о том, что часть ее могла быть изготовлена на гончарном круге [*Коваль 2005, с.77*] – недоразумение. Также в настоящее время нет подтверждений второго обжига кашинной керамики.

Установка на то, что кашинная керамика изготовлена на месте под влиянием Хорезма или импортирована из Хорезма – ошибочна, об этом говорилось выше (отдельные исключения не меняют ситуацию принципиально). Еще во вступлении к статье Н.С.Гражданкиной и Э.В.Ртвеладзе авторы высказывают несогласие с утверждением Л.П.Матвеевой об импорте кашинных изразцов в Болгар из Хорезма: “С последним трудно согласиться; скорее всего, здесь, как и в Новом Сарае, работали хорезмийские мастера” [*Гражданкина, Ртвеладзе 1971, с.127; ср. Матвеева 1959, с.225-226*]. Трудно согласиться как раз с предположением о собственном производстве кашинной керамики в городе (не важно, Болгаре или Маджаре), где она составляет ничтожную долю в керамическом комплексе. Налаживать очень сложную технологию для украшения нескольких зданий экономически бессмысленно. Достоверных следов производства кашинной керамики ни в Болгаре, ни в Маджаре нет. А если это импорт, то умозрительно надо полагать, что это скорее продукция Поволжья, а не далекого Хорезма. При этом происхождение части кашина из Хорезма, Ирана и других стран отрицать нельзя, только его сложно вычленить из общей массы.

Еще одно устойчивое заблуждение – утверждение, что кашинная керамика Маджара имеет особенности по сравнению со столичной: “В основном ничем не отличающаяся по строго регламентированному набору форм и общепринятым в городских центрах государства технологическим принципам их украшения, она имеет четкие, характерные только для региона Маджары – Азак отличия в составе кашинного теста (визуально большинство фрагментов в изломе имеют желтоватый цвет) и характерные только для этого региона стилистические особенности орнамента на кашинных сосудах. Это позволяет говорить о местном производстве этого вида керамики” [*Булатов 1988, с.54*]. Аргументация такого утверждения нигде не обоснована, вернее, вся она представлена в этой цитате. Вероятно, основанием для утверждения послужили описания Э.В.Ртвеладзе: “тесто – кашин мелкозернистой структуры, светло-желтого цвета” [*Ртвеладзе 1975б, с.113*].

Просмотрев множество фрагментов кашинной керамики из раскопок и, главное, сборов на Маджарском городище, могу со всей ответственностью утверждать, что никаких ее принципиальных отличий от столичной продукции не существует. Действительно формовочная масса кашинной керамики варьирует по цвету. Стандартный и наиболее распространенный вариант – белая, реже – желтоватая или розоватая. Эти вариации в равной мере присутствуют как в местах производства, так и на периферии, в столицах даже в большей степени.

Рис. 59. Печной припас второго вида обязательный в производстве кашинной керамики с Селитренного городища (недалеко от мастерской раскопа II). 1 – подставка для пробы; 2 – «баранка»; 3 – «палочка »; 4 – подставка.

Отсутствие местного производства кашинной керамики в Азаке – факт вообще бесспорный. Регулярные многолетние раскопки города, покрывающие всю его площадь, хотя и точечно, не дали ни одного экземпляра характерного печного припаса. Нет ни одного свидетельства использования полив, применявшихся при производстве кашинных изделий, хотя гончарных горнов и остатков мастерских исследовано много.

В Маджаре бирюзовые и синие глазури (прозрачные и глушеные) применялись широко, но необходимого печного припаса также не встречено. Для сравнения: на Селитренном и Царевском городищах отдельные находки печного припаса для производства кашинной керамики встречены во всех раскопах, материалы которых мне приходилось просматривать, даже удаленных от мастерских (рис. 59).

На Селитренном городище обломки кварцита (основного сырья для получения кашинной формовочной массы) еще совсем недавно встречались на поверхности в радиусе полукилометра от керамической мастерской раскопа II. Ничего подобного в Маджаре нет, есть только один штырь с бирюзовой глазурью (рис. 34:6), один раструб (рис. 37) и один маленький «конус» (рис. 34:3), которые могли использоваться при изготовлении красно- и желтоглиняной архитектурной керамики.

Наиболее представительные отделы кашинной керамики выделяются по характеру обработки поверхности, причем они одни и те же для посуды и архитектурного декора. Это полихромная без рельефа монохромная (рис. 51) или полихромная; полихромная с рельефом с подглазурной росписью (рис. 53), с подглазурной черной росписью и прозрачной бирюзовой снаружи глазурью (рис. 50: 3;52), с рельефом и бирюзовой изнутри и ультрамариновой глазу-

рью (рис. 49), с синей кобальтовой росписью, копирующей китайскую цинхуа, обычно называемая тимуридской (рис. 54) ладжвардина (рис. 56), минаи (рис. 55).

Здесь требуется сделать отступление о наименовании разной кашинной керамики с надглазурной росписью и наложением золотой фольги (за исключением люстровой). Понятно, что для научного текста не подходят аргументы типа «так называют» и аппеляция к авторитету сомнительных искусствоведов. Ситуация сводится к тому, что: 1) есть разные варианты техники, которые иногда описывают пространно по отдельным признакам, 2) есть небольшое количество письменных источников, где описывается и называется керамика с надглазурной росписью, 3) есть современный персидский язык и жаргон антикваров и искусствоведов. Даже число названий в каждой группе не совпадает, не говоря уже о смысловой нагрузке в практике разных авторов.

Реально существующие варианты техники различаются по цвету основной кроющей глазури и ее прозрачности или непрозрачности (в реальности этот признак не дискретный, и можно говорить о степени прозрачности). Эти группы признаков группируются практически независимо: основная глазурь бывает белая глухая, бесцветная прозрачная, бирюзовая глухая, голубая прозрачная, синяя глухая, синяя прозрачная (обычно все же синяя бывает в разной степени полупрозрачная). При этом практически вся керамика с надглазурной росписью эмалями полихромна, практически всегда использованы белый, синий и бирюзовый цвета в росписи, и иногда бывает сложно определить, какая глазурь основная, т.е., какую часть поверхности должна занимать глазурь, чтобы ее признать основной. Помимо того, в редких случаях надглазурная роспись с позолотой может сочетаться с подглазурной росписью (при прозрачной основной кроющей глазури).

В реальности эти 5-6 вариантов техники представлены в находках очень неровно. Львиную долю всей массы составляют три варианта техники: с белой глухой глазурью, с бирюзовой глухой глазурью, с синей (ультрамариновой) глазурью очень слабой прозрачности. Роспись всех трех вариантов полихромна, но темный фон ультрамариновой глазури третьего варианта обусловил то, что в большинстве случаев на ней редко использовались эмали темного цвета: зеленая, бирюзовая, фиолетовая, но такое тоже бывает. Определить по фрагменту точно, сколько цветов использовано в росписи целого изделия невозможно, и не обязательно использовали весь набор доступных красителей.

В письменных источниках фигурируют только два названия для полихромной керамики с наложением золотой фольги: роспись семи цветов и ладжвардина [Ritter, Ruska, Sarre, Winderlich. 1935. S.59-60]. Им довольно точно соответствуют первый и третий варианты технологии, а со вторым возникают проблемы: получается, что его надо отнести к одному из двух имеющихся названий. Набор надглазурных эмалей практически тот же, что у первого варианта, но основная глазурь в целом с точки зрения этимологии может соответствовать названию ладжвардина, но не совсем. В современном персидском слово ладжвард (لاجورد) обозначает лазурит (ляпис-лазурь), ультрамарин и светло-синий цвет. Примечательно, что в словосочетании со словом глазурь «ладжвард-каши» (لاجورد كاشي) это слово значит «ультрамарин». Естественно, лазурит и ультрамарин могут относиться в темно-синей глазури, а светло-синий – к бирюзовой. Имеется некоторая неопределенность. Сам по себе камень лазурит пигментом в глазурях не был, а для их окрашивания в синий цвет использовали соединения кобальта, которые имели то же самое название. Бирюзовый же цвет глухих глазурей в абсолютном большинстве случаев получали с помощью соединений меди. Следовательно, «ладжвард» должно относиться к темному синему, получаемому с помощью соединений кобальта.

В практике искусствоведов, работающих с такой керамикой также используются два определения: уже знакомое средневековое ладжвардина и минаи. Слово минаи (مینایی) есть и в современном персидском со значением эмалевый, глазурный, лазурный, светло-синий. Если жестко исходить из первого значения, то слово подходит для всей керамики с надглазурной росписью, если из последних – то это вполне соответствует второму варианту технологии (с бирюзовой глухой глазурью). На искусствоведческом сленге оно обозначает керамику с белой или голубой глухой глазурью, надглазурной полихромной росписью эмалями и позолотой, что соответствует средневековой керамике семи цветов. Самое главное понять, что слово «минаи» в обиходе западных искусствоведов и торговцев древностями обозначало технику (technique), а не стиль росписи, сюжетный ряд и т.п. [Hobson 1932; Pope 1939, p.1596, 1627, pls. 651-655, 672,675, 686-699; Lane 1947, p.6-7; Lane 1971, p.6-7; Lane 1956, p.15; Atil 1973, p.111; Jenkins 1983, p.18].

Рассмотреть все случаи использования слов минаи и ладжваридина в искусствоведческой литературе невозможно, поэтому ограничусь несколькими выборочными примерами, иллюстрирующими разнобой в использовании этих слов. Например, чаши в совершенно одинаковой технике (роспись по бирюзовой глухой глазури с позолотой) в одном случае называют минаи [Curatola 2006, p.118,177], а в другом – ладжвардина [Curatola 2006, p. 121, 177]. Возможно, сбой в сознании произошел от того, что в первом случае изображены люди и сфинкс, а во втором – более простые рыбы, эпиграфика и растительные орнаменты. Впрочем, в первом случае при описании глазурь названа белой глухой. Бывают случаи, когда напротив чашу с белой глухой глазурью относят к числу ладжвардина [Watson 2004, p.377], хотя кобальтом покрыто меньше восьмой части поверхности. Возможно, сбой в сознании произошел из-за возможной более поздней даты – вплоть до XIV в. Здесь сдвиги сознания связаны с тем, что минаи и ладжвардина воспринимаются не как техники, а как стили росписи, связанные помимо прочего и с хронологическими изменениями. То есть, перелом свелся к тому, что если вещь домонгольская, с человеческими фигурами и белой или бирюзовой глазурью, то это минаи, а то же самое хулагуидского времени со сложными тонкими орнаментами и росписью без полутонов (без зеленого и фиолетового) – это ладжвардина. Реальность такому подходу не соответствует.

Увы, здесь значительный вред нанесла доверительная трактовка Абу-л-Касима ал-Кашани, согласно которому техника минаи в его время (в начале XIV в.) вышла из употребления. На это наложилось то, что культурных слоев XIV в. в Иране относительно немного, а большая часть европейских коллекций происходит из грабительских раскопок, как следствие, может быть датировано только умозрительно. В реальности все три основные варианта техники надглазурной росписи благополучно доживают до времени расцвета золотоордынских городов и переносятся в готовом виде в Хорезм и Нижнее Поволжье. Обращаю внимание, что в письменных источниках роспись семи цветов (то есть минаи) последний раз фигурирует в 1308 г. [*Pope 1939, p. 1639; Lane 1971, p.7-8*]. Следовательно, техника минаи благополучно существует до 1308 г. Это всего лишь какие-то 20-30 лет до развития этой технологии на Нижней Волге. Но это порядка 80 лет после монгольского завоевания Персии. А современные искусствоведы относят технику минаи (семи цветов) именно к домонгольскому времени [*Watson 2004, p.377*]. Следовательно, номенклатура искусствоведов существенно расходится с номенклатурой древней, соответствующей восприятию реальности персами хулагуидского времени.

Естественно, хронологические изменения росписи происходили. Но это не касалось технологии. Действительно, в монгольское время в росписи минаи почти нет полутонов, нет фиолетового и темно-коричневого цвета, но это не меняет названий технологии.

Итак, исходя из этимологии слов, следует считать, что кашинная керамика с белой или бирюзовой основной глазурью и полихромной надглазурной росписью с позолотой должна называться минаи, а аналогичная с основной глазурью окрашенной кобальтом – ладжвардина.

Первая группа Нижнего Поволжья представлена только фрагментами. Красноглиняная неполивная керамики **второй группы Нижнего Поволжья** представлена одним кувшином (рис. 60:2) и немногочисленными фрагментами. Поливная – одним неполным кувшинчиком (рис. 60:1), который впрочем, может относиться к родственной группе Азака, и значительным числом фрагментов разнообразных чаш с желтой и зеленой глазурью без орнамента, с подглазурной росписью ангобом и сграффито (рис. 61). Примечательно, что фрагментами представлены не только устойчивые отделы, но и образцы с нестандартными сочетаниями признаков, произведенными в больших мастерских с разделением труда и принципиально разными технологиями. Например, таковой является красноглиняная с росписью ангобом и прозрачной бирюзовой глазурью (рис. 62:1), которая в обычном случае использовалась только для кашинной керамики. Также смешение техник обработки поверхности на продукции крупных мастерских столиц с разделением труда являются красноглиняные изделия с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью (рис. 62:2); с копией росписи кашинной полихромной керамики без рельефа (рис 62:3); с копией росписи простейшей «тимуридской» керамики (рис. 62:5) и просто с бирюзовой глухой глазурью (рис. 62:4).

Импорт первой группы Азака выделяется в Маджаре с трудом, поскольку здесь значительное количество северокавказской лощеной керамики незначительно отличающейся от азовской. Поливные чаши второй группы Азака напротив выделяются по темной поверхности неполивной придонной части и неравномерности обжига видимой в изломах (рис. 63). Это сочетание признаков не характерно для городов Нижнего Поволжья, что позволяет связывать их с Азаком.

Рис. 60. 2-я группа Нижнего Поволжья. 1 – кувшинчик с зеленой поливой (практически не отличим от азовской продукции); 2 – неполивной кувшин с белесыми высолами. Приобретение Ю.Д.Обухова.

Группа Юго-Восточного Крыма выделяется весьма условно, это было сделано еще в 1980-х гг. [*Волков 1992, с.9-10, 21*]. Общими технологическими признаками обладает продукция трех самых больших городов Крыма, расположенных в его восточной части (Солхата, Каффы и Судака). Сходной была керамика их ближайшей округи [*Крамаровский, Гукин 2006, с.229*], хотя по публикациям нельзя утверждать это безоговорочно, так как есть некоторые особенности ассортимента и печного припаса. В настоящее время выявлены очаги аналогичного производства значительно западнее: в Алуште [*Тесленко 1998, с.182-184; 2005, с.324-348*], Балаклаве, где встречен соответствующий печной припас (сепаи) [*Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, с.233, рис.86, 38,59; 2005, с.164, рис.104, 13,43,53,68, с.179, рис.119, 2; 2006, с.162, рис.80, 8-11*]. Сложность связана с тем, что по составу формовочных масс и способам декора к группе близка продукция многих центров Причерноморья, Средиземноморья и Балкан. В частности, часть продукции этой группы по форме поддонов (рис. 65:9) бывает очень похожа на изделия Кипра [*Веневцева, 1997, с.137, рис.5-6*].

Наибольшее количество находок из подъемного материала – это фрагменты чаш (рис.64-65), аптечных двуручных кувшинов, штампованных кувшинов с зеленой глазурью. Неполивная часть ассортимента представлена только фрагментами, преимущественно, кувшинов.

Испано-мавританская люстровая керамика широко распространена в Средиземноморье и Причерноморье, хотя ее количество в целом уменьшается по мере удаления от источника производства. Фрагментарны материалы XIV в. из Маджара (рис.66) имеют преимущественно желтовато-зеленоватое люстровое покрытие. В торговле этим товаром самое деятельное уча-

Рис. 61. 5 – с подглазурной росписью ангобом; 1-4,6-7 – сграффито.

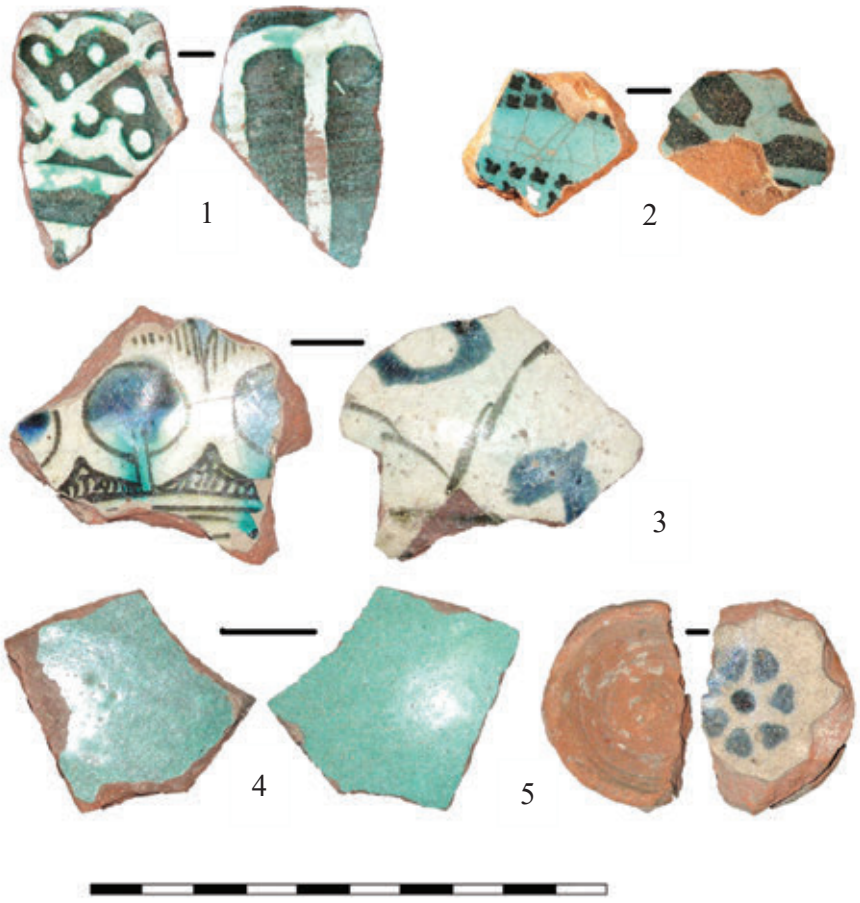

Рис. 62. 2-я группа Нижнего Поволжья, сборы Ю.Д, Обухова, нестандартые варианты росписи керамики, произведенной в крупных мастерских столиц с разделением труда. 1 - красноглиняная с росписью ангобом и прозрачной бирюзовой глазурью; 2 - красноглиняная с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью; 3 – красноглиняная с копией росписи кашинной полихромной керамики без рельефа; 4 – красноглиняная с бирюзовой глухой глазурью; 5 – красноглиняная с копией росписи простейшей «тимуридской» керамики.

Рис. 63. 2-я группа Азака, фрагменты чаш сграффито с зеленой поливой. Сборы Ю.Д.Обухова.

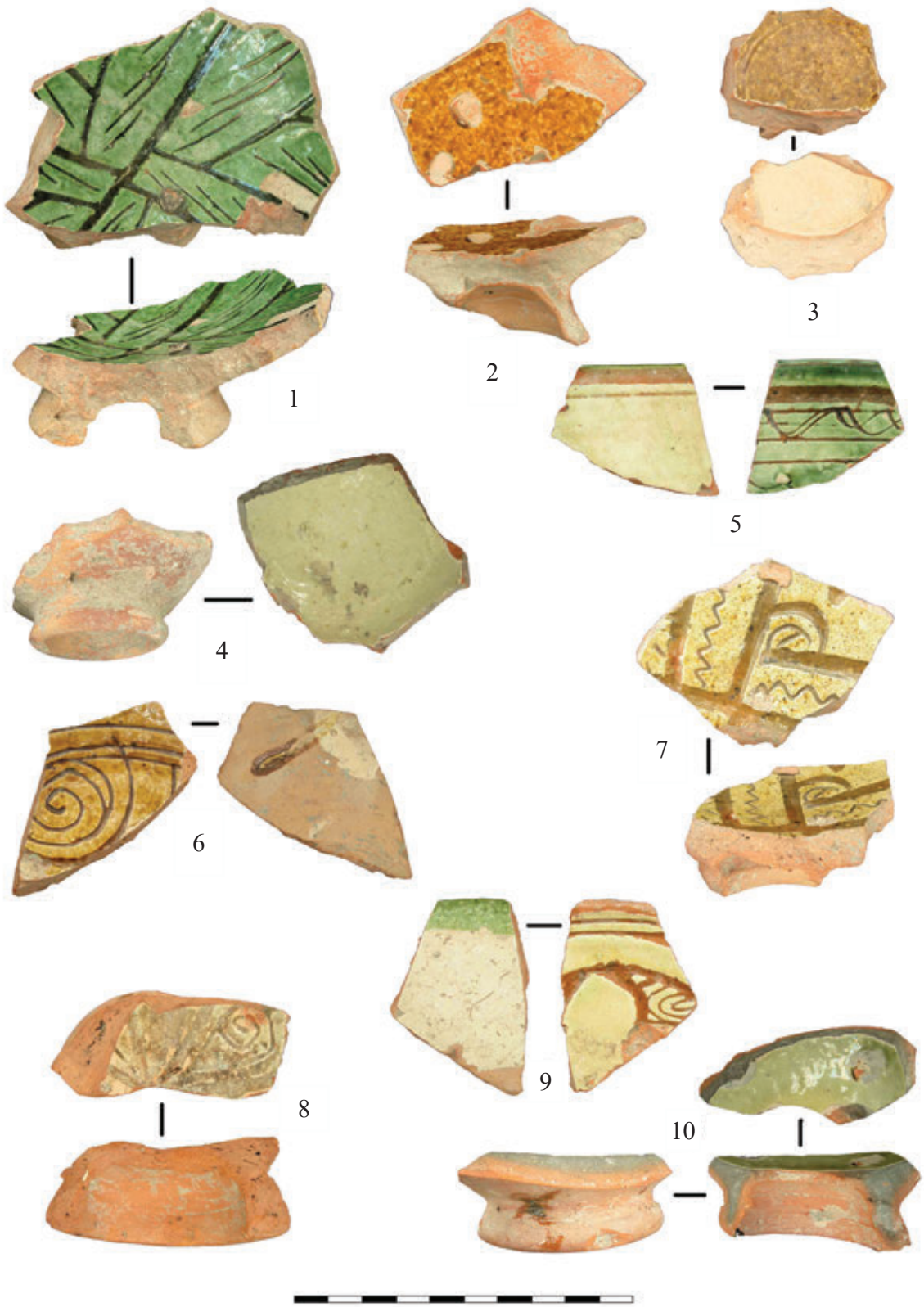

Рис. 64. Фрагменты поливных чаш группы Юго-Восточного Крыма (без росписи).

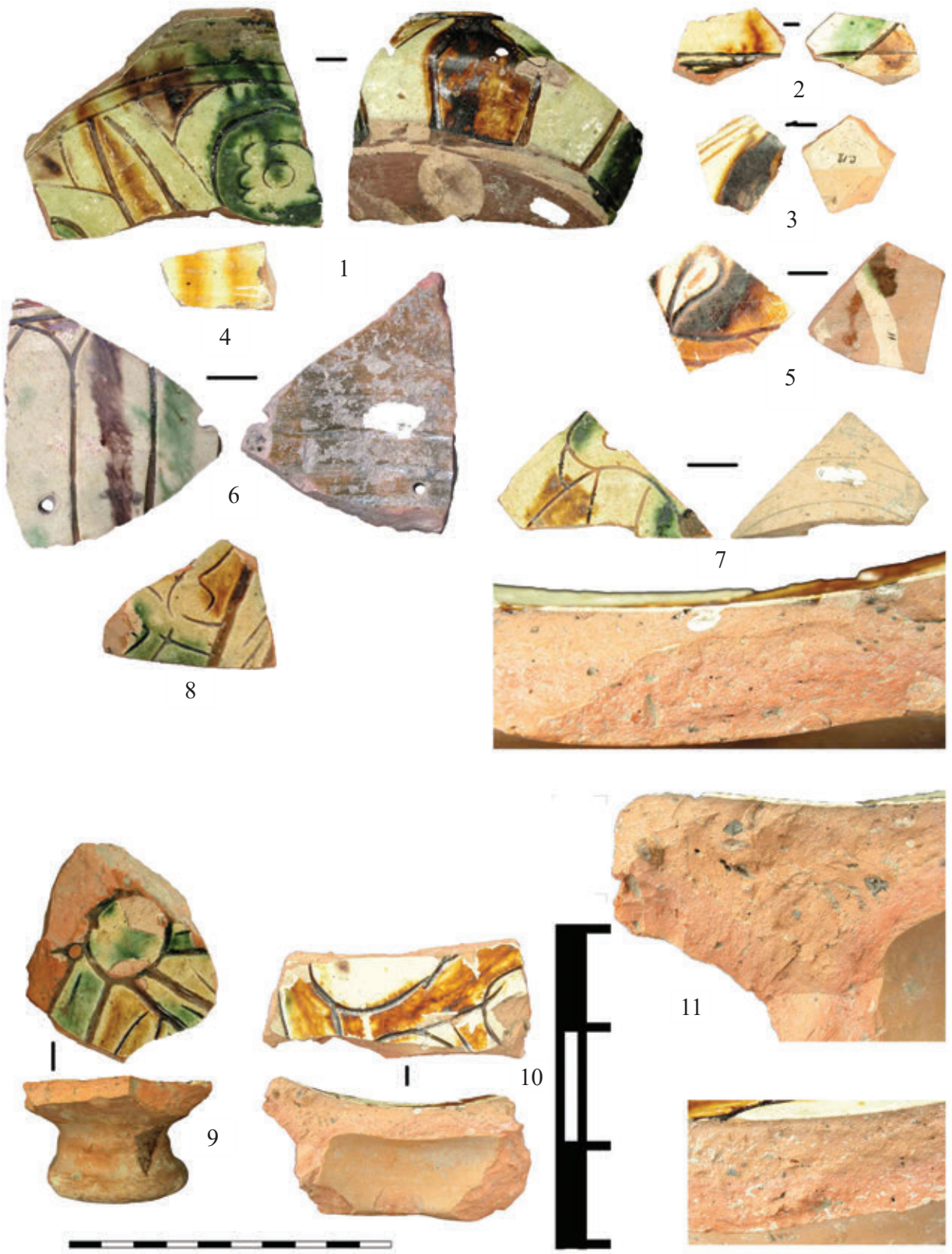

Рис. 65. Фрагменты поливных чаш (6 – закрытого сосуда) группы Юго-Восточного Крыма с полихромной росписью. Сборы Ю.Д.Обухова.

Рис. 66. Фрагменты испано-мавританской люстровой керамики.Сборы Ю.Д.Обухова.

стие принимали генуэзцы. Поэтому наиболее представительные коллекции испано-мавританского люстра происходят из тех мест, где находились генуэзские колонии и фактории.

Ширванская группа (рис.67-69) легко выделяется из всего комплекса керамики на городищах по форме, технологии, составу формовочной массы и стилю росписи. Обоснованию ширванского происхождения группы посвящена отдельная статья (*Волков И.В., 2001в, с. 45-50*). Это преимущественно чаши сделанные по донно-емкостной программе конструирования полого тела на этапе РФК-7, со следами вырезания ножом полости кольцевого поддона. Один фрагмент дна допускает использование донного начина или наклеивание плоскости поддона после формовки

Продукция этой группы представлена только фрагментами, но не приходится сомневаться, что основу ассортимента составляют две разновидности формы чаш. [*Волков, 2001в, рис.1, 3*]. В большинстве случаев это низкие широкие чаши с широким горизонтально отогнутым венчиком [*Волков, 2001в, рис.1,1-5,7-9*]. В редких случаях встречаются сосуды с вертикальным венчиком с утолщением снаружи [*Волков, 2001в, рис.1,10; 3,1,6*]. Все изделия группы имеют декор в технике *сграффито* и могут быть монохромными зелеными или полихромными, в исключительных случаях – монохромными с бирюзовой или желтоватой глазурью. Для гравировки использовали только тонкие линии приблизительно одной ширины. В исключительных случаях использовалось выскабливание ангобного фона (резерв) в сочетании с обычной гравировкой линией одной толщины (рис.67:9) [*Волков, 2001в, рис.2, 2-4*]. Основной кроющей поливой полихромных является светло-желто-зеленая, она лежит на всей внутренней поверхности (и частично внешней), однако внешняя чаще покрыта зеленой поливой. Интенсивный желтый и зеленый цвета использовались для расцвечивания выгравированных деталей орнамента, причем чаще всего без точного соответствия с линиями (но отклонения от контуров обычно незначительны); марганцевый краситель - для нанесения самостоятельных деталей орнамента (без гравировки), это обычно кольца, спирали, побеги, пятна из 3 точек. На внешней поверхности этим красителем наносили простейшие штриховки (чаще всего – обращенные вниз наклонные “арки”), которые часто оставались не покрытыми поливой. К редким находкам относится фрагмент зеленого блюда этой группы с остатками двух строк персидских стихов (рис.69).

Сероглиняная штампованная керамика, предположительно **хорезмского происхождения**, представлена небольшим количеством фрагментов. Вероятность ее происхождения из Нижнего Поволжья есть, но очень мала: на Царевском городище немного больше, чем в других местах, такой керамики с зеленоватым оттенком. Однако все известные калыпы из столиц – красноглиняные.

Немногочисленны находки импортов из **района Отрара** или смежных областей Средней Азии (рис.70). Их отличительными признаками являются желтый цвет (при большей плотности, чем в Маджаре), только вырезные поддоны, вытянутые трещинки на поверхности, обра-

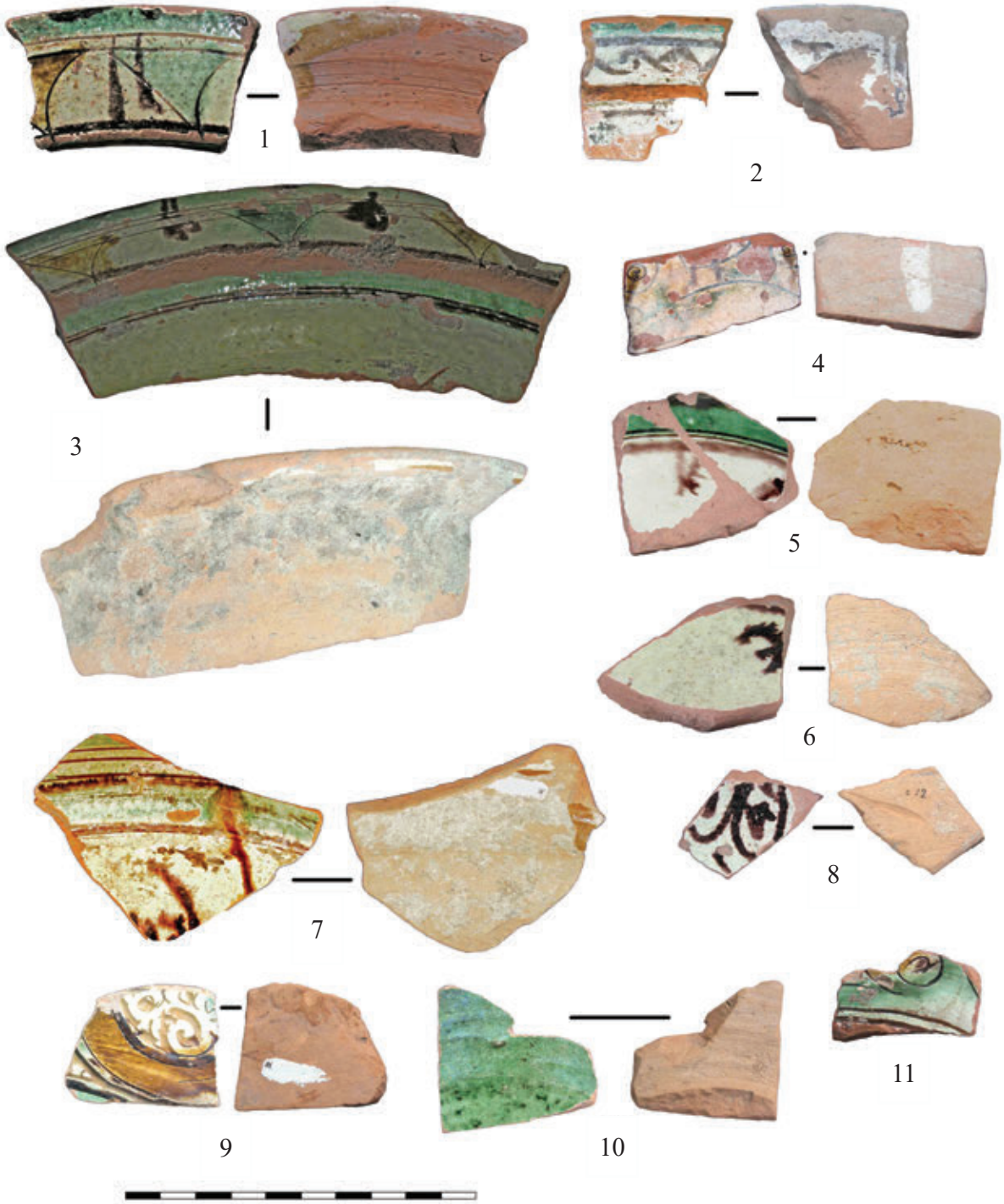

Рис. 67. Фрагменты блюд группы Ширвана. Сборы Ю.Д. Обухова.

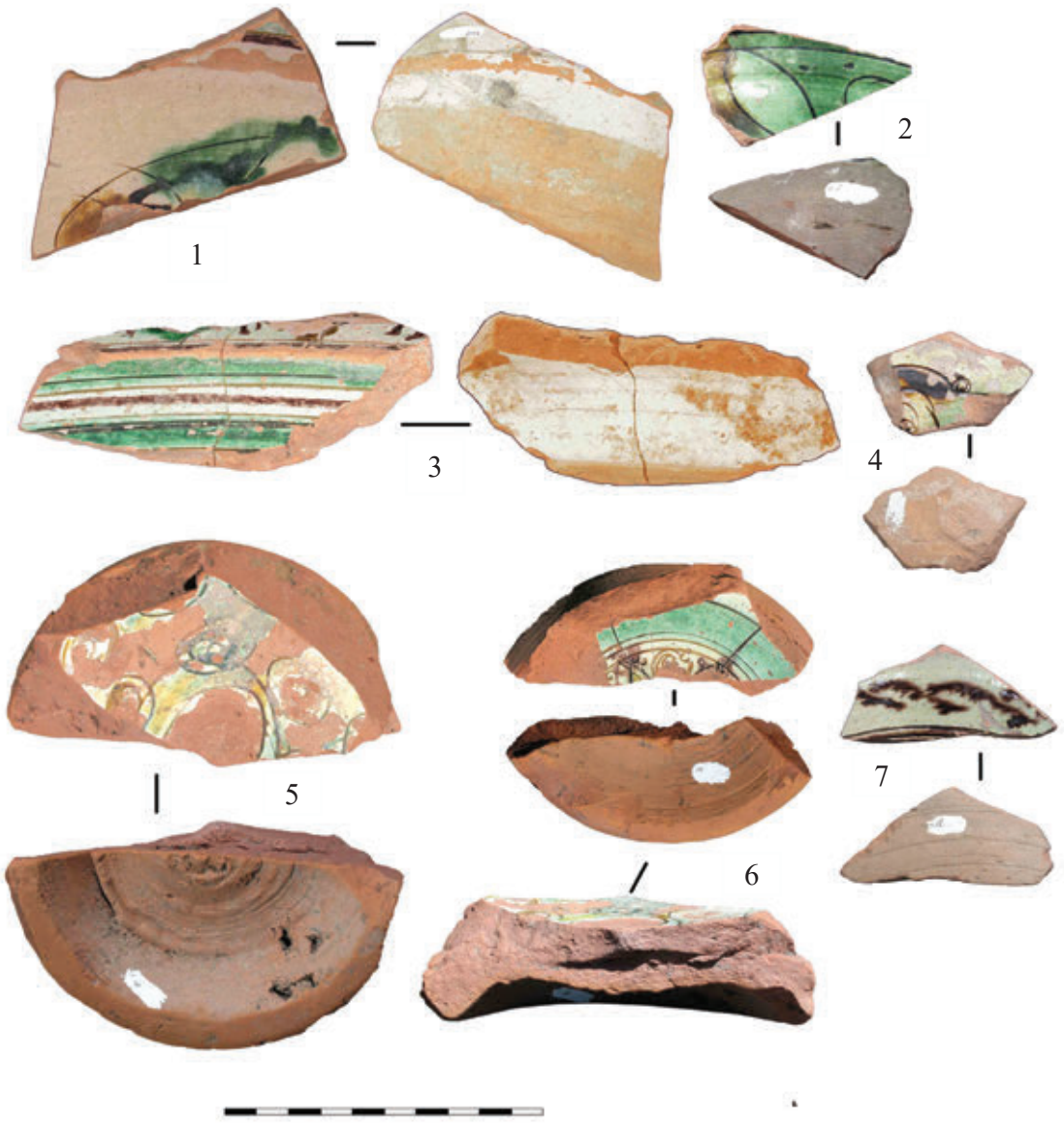

Рис. 68. Фрагменты блюд группы Ширвана. Сборы Ю.Д.Обухова.

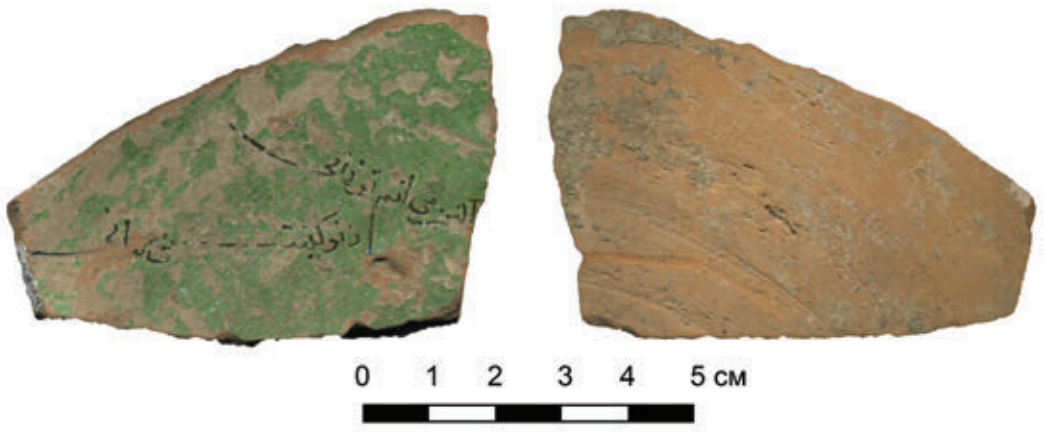

Рис. 69. Фрагмент блюда группы Ширвана в технике сграффито с обрывками персидских стихов. Приобретения Ю.Д. Обухова.

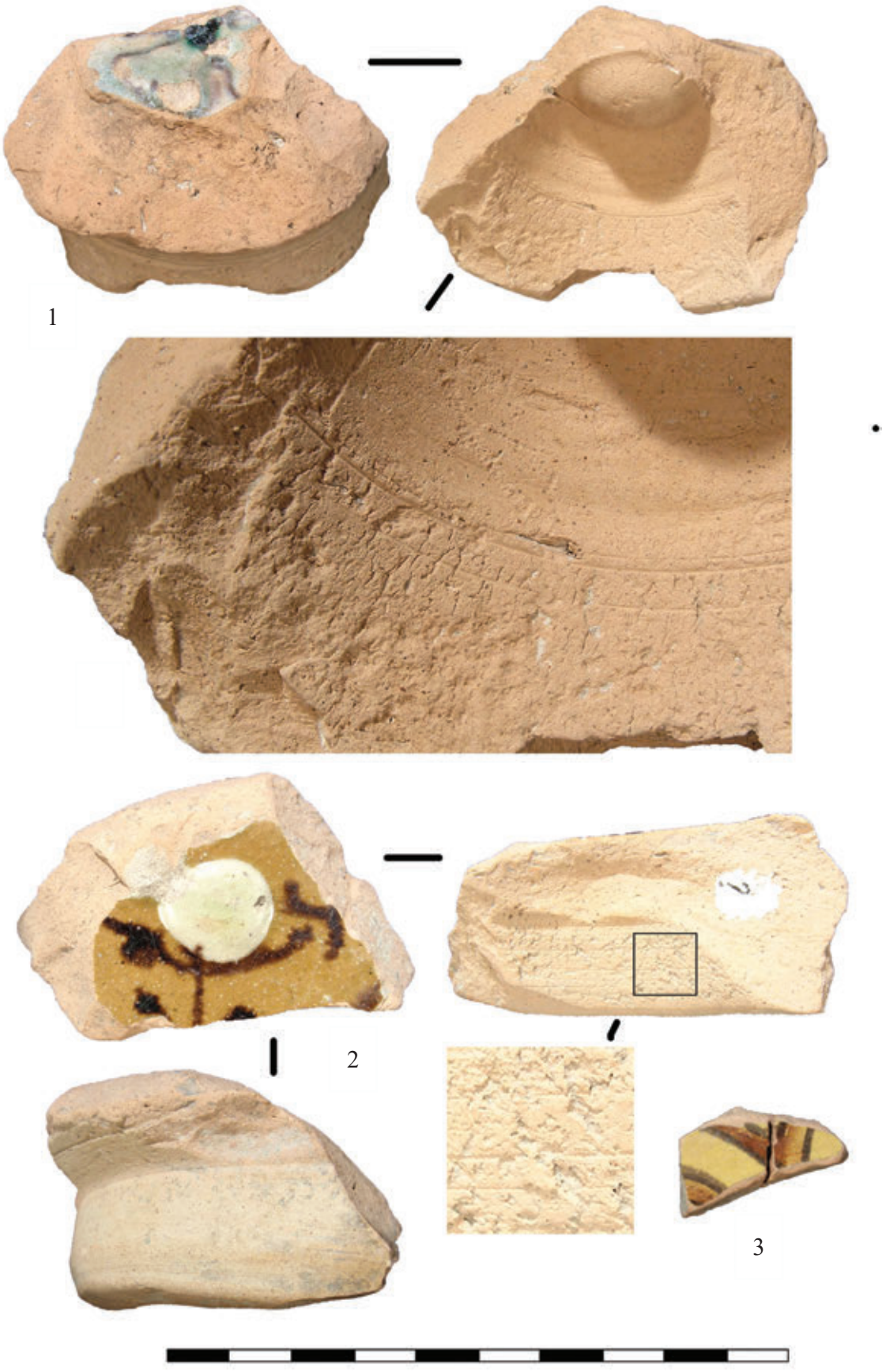

Рис. 70. Фрагменты керамики из бассейна Сырдарьи или сопредельных регионов. Видны вырезные поддоны, характерные трещинки от гончарного ножа, фаска с внешней стороны края поддона. Сборы Ю.Д. Обухова.

зовавшиеся при обработке гончарным ножом, перпендикулярные направлению его движения, фаска на внешней стороне края поддона (рис.70:1-2). Наиболее распространенная техника росписи – красной и темно-коричневой нерастекающимися красками под желтой глазурью интенсивного цвета. Происхождение группы определено на основании того, что на Селитренном городище ее больше, чем в Азаке, а на среднеазиатских и казахстанских памятниках золотоордынского времени встречено значительное количество целых форм [*Байпаков, Ерзакович 1991, с.147, 150, 151 и др.; Байпаков, Алдабергенов 2005, с.168-176*]. В Сарайчике ее количество значительно меньше [*Самашев, Кузнецова, Плахов 2008, с.72-73*].

Существует несколько групп сфероконусов, встречающихся повсеместно. Среди них выделяются две наиболее массовые. Это сероглиняные или черноглиняные сосуды с орнаментом из каплевидных оттисков вогнутого штампа, образующего разнообразные комбинации треугольников (рис.71:1-3). На них также могут быть углубленные орнаменты, оттиснутые выпуклым штампом: парные вертикальные оттиски, закругляющиеся сверху и т.п. Форма, состав формовочной массы, качество обжига и декор едины вне зависимости от того, в какой части Золотой Орды они найдены. О некоторых внутренних различиях все же можно говорить: обжиг изделий с вертикальными разделителями часто бывал недостаточно длительный, отчего спекание происходило неполно. В этих случаях формовочная масса очень напоминает обычную хорезмскую сероглиняную керамику, иногда с добавками шамота.

Надо полагать, что сфероконусы этой группы были тарой для ртути из самого крупного месторождения Ближнего Востока, поставлявшего “живое серебро” на рынки Золотой Орды.

Вторая по массовости группа представлена желтоглиняными (иногда с зеленоватым оттенком) плотными сфероконусами, орнаментированными почти исключительно выпуклыми оттисками вогнутого штампа (рис.71:4-5). Часто при этом использовалась дополнительная порция глины, которую “приклеивали” к стенке с помощью концевого штампа. Также их поверхность может быть инкрустирована обломками цветного кашина или стекла (рис.71:5). У одной из маджарских находок сохранилось клеймо мастера на уплощенном дне: «Сделал Ахмад сын…» (عمل احمد بن) (рис.71:4). Ареал находок не меньше, чем у предыдущей группы, но в Золотой Орде по количеству они уступают. Между тем в Закавказье и на Ближнем Востоке самыми массовыми являются именно они. Существенно, что в Закавказье, в частности, на территории Азербайджана, имела распространение желтоглиняная керамика местного производства [*Исмизаде, Ибрагимов 1983*].

Рис. 71. Сфероконусы дальнего импорта. 1-3 – сероглиняные, предположительно, хорезмские; 4 – желтоглиняный с рельефным орнаментом с помощью наложения порций глины штампом и клеймом «Сделал Ахмад»; 5 – зеленоватый со штампованным орнаментом и инкрустацией кусочками кашина.

Теперь остается только выяснить, какие месторождения могут соответствовать двум самым массовым группам сфероконусов.

Известно, что ртуть в XIV в. покупали в Тебризе [*Pegolotti 1936, с.29; Карпов 1990, с. 44*]. Однако это вовсе не значит, что месторождение находилось рядом: в Тебриз так или иначе попадал почти любой важный для внешней торговли товар. В «Минералогии» Бируни (X в.) есть указание на то, что месторождения ртути находятся в области города Сис (Шиз) в Азербайджане [*Ал-Бируни 1963, с.218*]. Это подтверждается и другими источни-

ками [*Абу Дулаф 1960, с.32-3*]. Однако к XIII в. о Шизе и его месторождениях сохранились лишь воспоминания [*'Аджа'иб 1993, с.217, N548,с.293, прим. 439*]. Тем не менее, трудно предположить, что многочисленные закавказские месторождения, описанные Абу Дулафом [*Абу Дулаф 1960, с.36-57*] перестали функционировать вообще.

В золотоордынское время продолжали использовать знаменитые месторождения Испании [*'Аджа'иб 1993, с.237,N647,с.299,прим.526; Pegolotti 1936, p.271*], но вероятность их попадания в улус Джучи – значительно меньше.

Однако наибольшую известность на смежной территории получают рудники Мавераннахра, то есть отчасти непосредственно на территории Золотой Орды [*'Аджа'иб 1993, с.238, N650*]. Примечательно, что автор называет вместе с ними рудники нашатыря, который, учитывая его свойства, тоже следовало хранить в сфероконусах. Следовательно, товары района могли характеризоваться и специфической тарой, благодаря которой шло знакомство покупателей с ними. Скорее всего, источник рассматриваемой группы сероглиняных сфероконусов находится именно в этом районе. Косвенно свидетельствует об этом и сходство цвета рядовой керамики Хорезма с окраской этой группы сфероконусов.

Следует остановиться на нашатыре подробнее. Он был другим распространенным и вместе с тем ядовитым препаратом (хлористый аммоний). Естественно, для этой соли сфероконус не мог быть самым удобным видом тары, но поскольку такое было возможно в силу традиций, следует рассмотреть возможные пути экспорта. Известно, что в Китай нашатырь привозили с запада [*Шефер 1981, с.288, 445*], где наиболее известными были месторождения долины Зеравшана [*Шефер 1981, с.226*]. Кроме того были известны месторождения нашатыря в Кермане [*Шефер 1981, с.445, прим.25*].

К числу традиционных ядов, требующих особого хранения относится мышьяк, (в соединениях – красный или желтый, другие названия - арсеник, реальгар, аурипигмент). Природное соединение чаще всего состоит из серы и мышьяка, оно обычно сопутствует месторождениям золота. Этот факт стал причиной китайского названия вещества - «сущность золота» [*Шефер 1981, с.290*], а цвет и состав породили другие наименования - «петушиная желтизна» «куриная желтизна» и «сущность киноварной горы» [*Шефер 1981, с.283,290*]. Как и ртуть, реальгар широко использовался в медицине, особенно для лечения кожных болезней. В Китай лучший мышьяк также ввозился из стран Запада [*Шефер 1981, с.291*]. При этом считалось, что особенно много мышьяка находится в окрестностях Мастуджа [*Шефер 1981, с.283*]. Поскольку в анонимном сочинении «'Аджа'иб ад-дунйа» месторождения ртути упоминается вместе с месторождением арсеника, можно допустить, что и то, и другое расфасовывалось в сфероконусы для экспорта. Во второй записке Абу Дулафа, где приводятся более ранние сведения, указано, что в окрестностях Шиза находились также рудники золота, свинца, серебра и желтого арсеника [*Абу Дулаф 1960,с.32*].

Таким образом, если связывать эти разрозненные и неполные сведения, получается, что основных областей добычи подходящих полезных ископаемых – две: Закавказье и Мавераннахр. Сероглиняные сфероконусы (рис.71:1-3) наиболее соответствуют по составу формовочных масс керамике Хорезма, а желтоглиняные (рис.71:4-5) находят больше аналогий в Южной части Средней Азии и Закавказье. Следовательно, в рамках рабочей версии, происхождение двух групп можно связывать с двумя этими областями. В любом случае это надо учитывать при анализе находок и не связывать их всякий раз с местным производством на Европейской территории Золотой Орды.

Хотя культурные слои золотоордынских городов отделены от момента завоевания интервалом почти в три поколения, заимствований из Китая много: чугунные цуны от колесниц, бронзовые зеркала с высоким бортиком, кольца для стрельбы из лука, мотивы орнамента на разнообразных предметах. Но больше предметов импорта: тканей, монет [*Обухов 2001, с.128-130.*], керамики. Последняя представлена несколькими устойчивыми группами, встречающимися в Маджаре, как и во всех городах.

Китайская керамика цычжоу. Хотя название произошло от мастерских Цычжоу яо (г. Хиньдань, провинция Хэбэй) [*Евтюхова 1965, с.221; Китайская 1990, с.12.*], очагов производства было много, об этом говорят существенные вариации состава формовочной массы, отличия в форме поддонов, цвете и плавкости глазурей. Вся эта керамика – не литая, а вытянутая на гончарном круге. Основные встреченные отделы – 1. С глазурью белого цвета (обычно – слоновой кости). 2. С аналогичной основной кроющей глазурью и подглазурной росписью

Рис. 72. Китайская керамика цыджоу с коричневой и желтоватой росписью по светлой глазури. 1 – с остатками бирюзовой глазури поверх основной кроющей. Приобретения Ю.Д. Обухова.

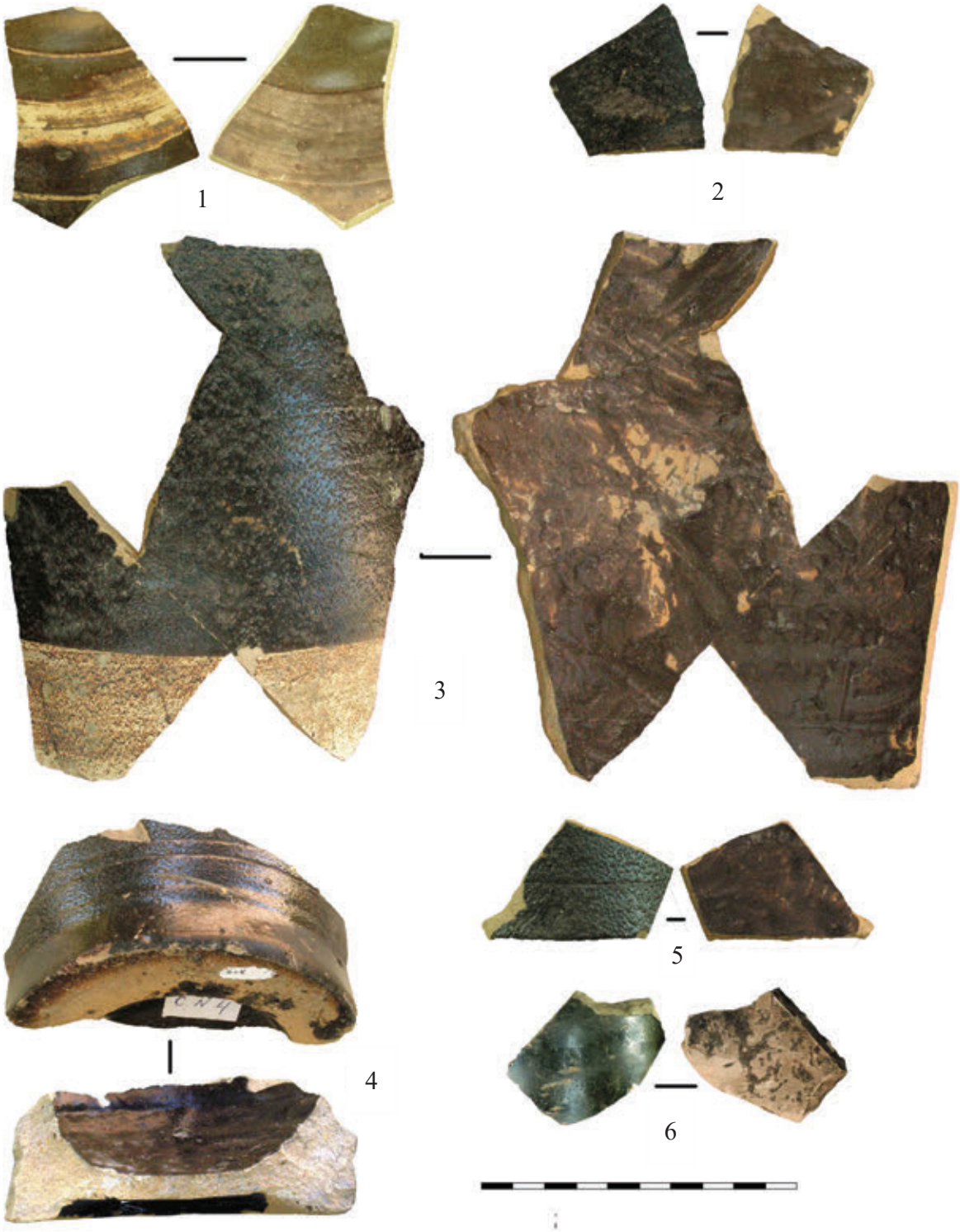

Рис. 73. Китайская керамика цыджоу с коричневой глазурью. Сборы Ю.Д.Обухова.

коричневым (рис.72:2-10). 3. Целиком покрытая коричневой глазурью, когда это именно покрытие, а не роспись (рис.73). В этом случае возможно использование гравировки по сырой глазури (рис.73:1). На фрагментах различимы лишь отдельные элементы изображения: драконов, цветов, иероглифов.

В Маджарах есть одно исключение: цычжоу с кроющей глазурью цвета слоновой кости и коричневой росписью, поверх которой нанесена бирюзовая прозрачная глазурь (рис.72:1).

Два слоя сплавились между собой очень плохо, что свидетельствует о разных обжигах. Большая часть верхней глазури осыпалась, поэтому невозможно точно установить было ли это сплошное покрытие или только роспись. Наиболее вероятное реальное объяснение находки – использование китайского сосуда для повторного глазурования в Маджаре или, по крайней мере, где-то в Золотой Орде.

Селадон – самая распространенная группа китайского импорта (рис.74). Традиционно связывается с продукцией мастерских Лунцюань яо (провинция Чжэцзян) [*Китайская…, 1990, с.12.*], для которых характерна серая основа. Хотя считается, что цвет изделий старались приблизить к нефриту, его вариации весьма велики, что свидетельствует о возможности производства во многих местах. Основной способ декора связан с отливкой изделий в рельефной форме. При этом широко распространена гравировка одно- или многозубым резцом. В отдельных случаях можно говорить о применении концевых штампов (рис.74:9). Устоявшееся название селадон – плод творчества торговцев и антикваров, оно подразумевает зеленоватый цвет.

В золотоордынских слоях широко представлены изделия с очень светлой голубоватой (рис.75:3-4) или почти белой глазурью (рис.75:1-2), на совершенно белой основе. Для самых светлых вариантов более приемлемо название шуфу [*Medley 1974, p-,26-28; Silva 2000., p.115-119.*].

Китайский бело-синий фарфор (цинхуа) (рис.76). Широкое распространение техника подглазурной росписи кобальтом получила при династии Юань (1271-1368). Главным центром производства был поселок Цзиндэчжень (провинция Цзянси) [*Китайская, 1990, с.12-13*]. Находки в золотоордынских городах относятся преимущественно ко второй половине XIV в. Само изобретение техники кобальтововй росписи связано с Халифатом и относится не позднее, чем к IX в. Между тем в Китае самые ранние находки фарфора с росписью кобальтом относятся ко времени династии Тан (618-907), причем с заимствованиями ближневосточных элементов в росписи [*Zhang Pusheng 1993, p.38-39*].

Набор элементов орнамента в XIV в. очень устойчив. На внешней стороне – лепестки лотоса с двойным контуром и стрельчатым окончанием (рис.76:3), на поле лепестка – также устойчивое изображение. Пояса часто заполнены двумя вариантами лозы с лепестками (рис.76:5). Более широкие пространства занимают изображения цветов (рис.76:2-3,5-6,9), драконов (рис.76:1), сетки из ромбов со штрихами с внутренней стороны (рис.76:4).

Один фрагмент фарфорового изделия заслуживает особых комментариев, поскольку такие находки единичны на всей территории Золотой Орды. Это венчик фарфоровой чаши с голубоватой глазурью и надглазурной росписью (рис.77). Венчик фестончатый, что говорит об отливке изделия в форму. Глазурь по его краю – несколько более толстая, но для китайских изделий это нормально, хотя они обжигались венчиком вверх. Часть надглазурной росписи осыпалась, а оставшаяся не позволяет сказать даже каков был цвет эмали из-за глубокой иризации. На внешней стороне под венчиком – отпечатки эмалевой «сельджукской цепи» с позолотой между линиями, ниже – листья с эмалевыми контурами (в отдельных местах виден голубой слой эмали под толстым слоем иризации) и позолотой внутри них. На внутренней стороне сохранились только следы накладной эмали росписи. По отпечаткам видно, что это была надпись хорошим почерком насх (يحد دفرلا... …), заключенная в контурные линии – фестончатую одинарную сверху и двойную прямую снизу.

Единственная отдаленная аналогия по технике исполнения происходит с Селитренного городища [*Булатов 1979, с.261-264*]. Это ваза, которую Н.М.Булатов оценивал все же не как фарфоровую, а как «близкую по цвету и структуре к известным голубоватым китайским селадонам» [*Булатов 1979, с.262*], с рельефным орнаментом из “высококремнеземистой массы”. Между тем сомнительно, что из кашинной массы можно изготовить сосуд с толщиной стенок в 3 мм. Н.М.Булатов отметил, что для определения состава был использован микроскоп. Но фарфоровые изделия отличаются от кашинных настолько ярко, что разница всегда видна невооруженным взглядом.

На ней же была и позолота, достоверных свидетельств использования которой в Китае XIV в. пока не зафиксировано. Это и дало основания Н.М. Булатову отнести находку к продукции персидских мастеров. За неимением возможности ознакомиться с изделием натурно, оставляю это определение без комментариев.

Маджарский фрагмент – безусловно фарфоровый. Поэтому счесть его также персидским – не представляется возможным. И здесь мы сталкиваемся со значительно более широкой проблемой.

Сочетание фарфора и арабской надписи вызывает вопрос: китайское ли это изделие, выполненное с учетом персидских вкусов, или искусная персидская подделка фарфора с использованием надглазурной росписи в технике минаи.

Первый вариант ответа возможен. Во время династии Мин (1368-1644) в Китае широко распространились техники полихромной росписи: уцай (буквально – «пять цветов», что передает просто понятие многоцветности; без полутонов) и доуцай (буквально – «игра цветов», сочетание подглазурной и надглазурной росписи с полутонами). Это напоминает полихромные росписи в Иране и соседних странах (в самом общем смысле). Тогда рассматриваемый фраг-

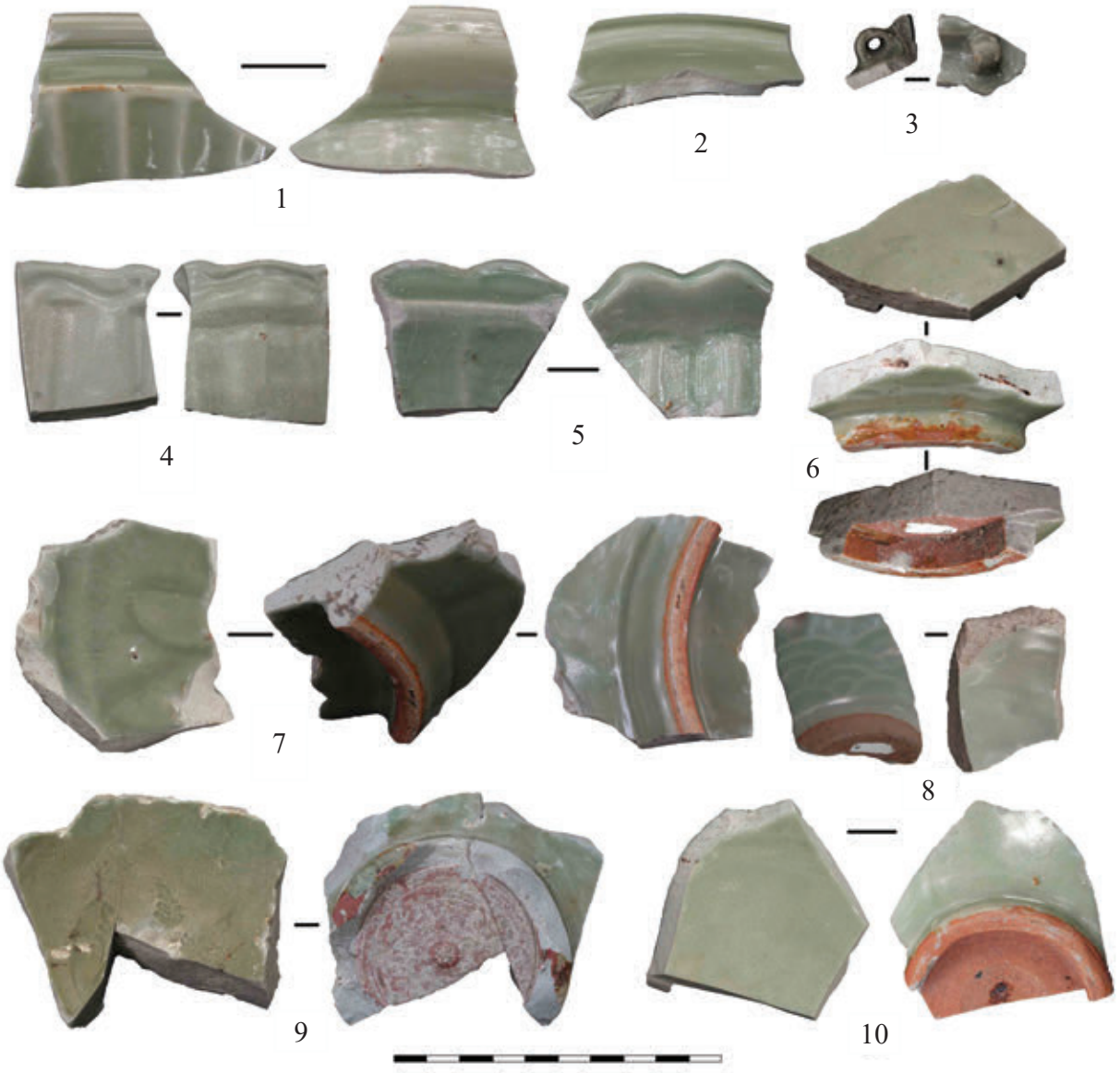

Рис. 74. Седладон. Приобретения Ю.Д. Обухова.

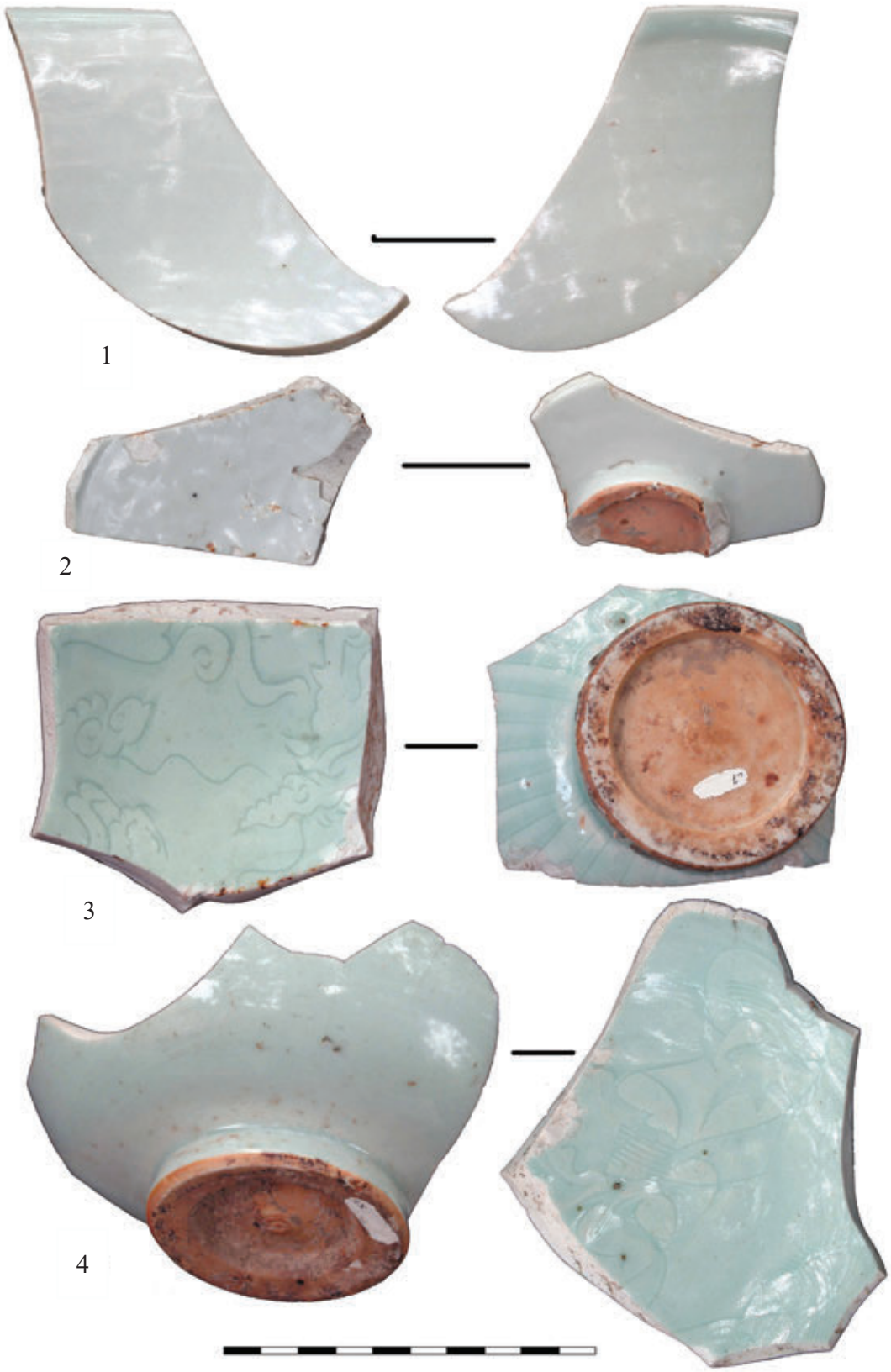

Рис. 75. Белый (1-2) и голубоватый (3-4) китайский фарфор. Сборы Ю.Д.Обухова.

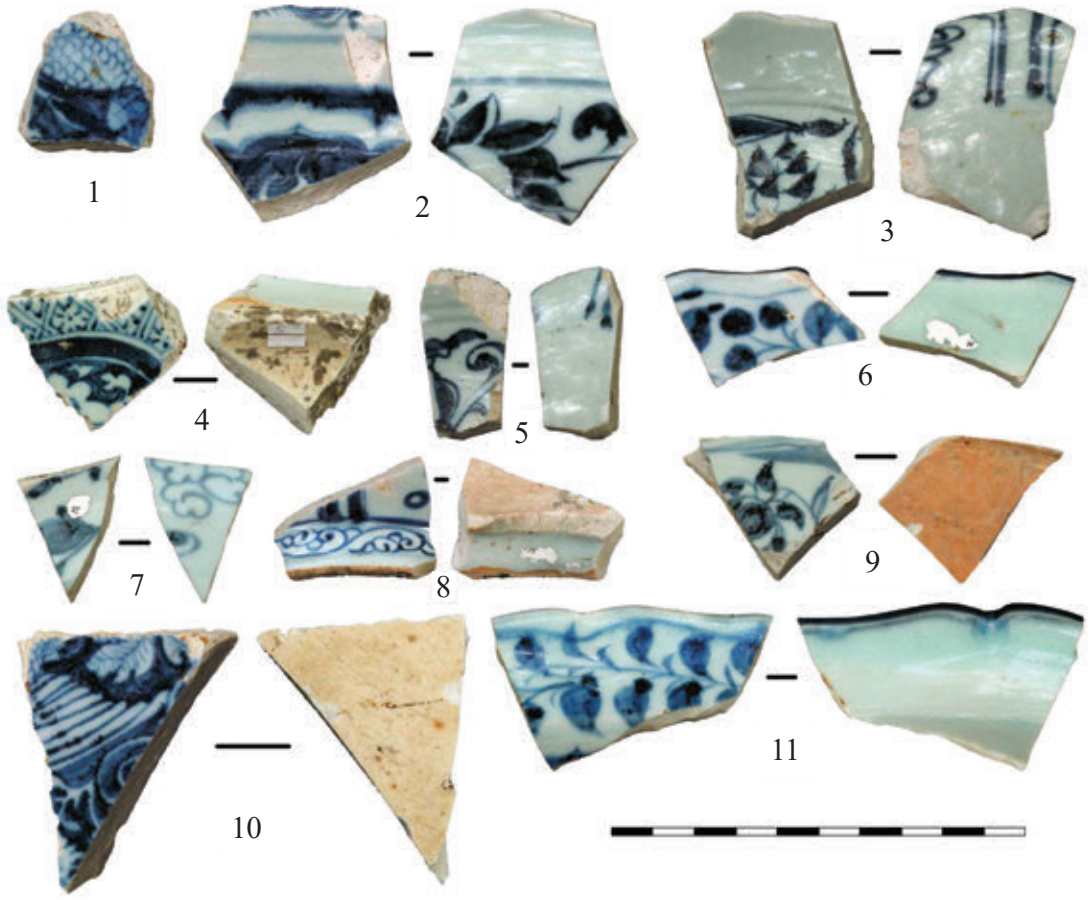

Рис. 76. Китайский фарфор с одноцветной кобальтовой росписью («цинхуа»). Сборы Ю.Д. Обухова

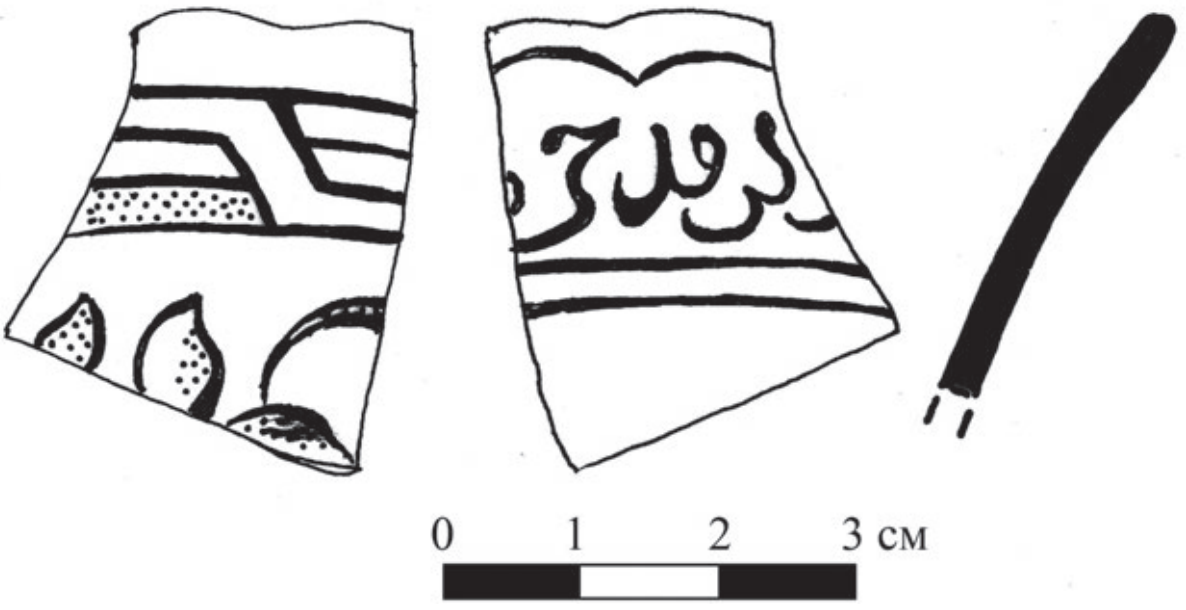

Рис. 77. Фрагмент фарфоровой чаши с надглазурной росписью. Сборы Ю.Д. Обухова.

мент может быть одним из первых опытов китайских мастеров в копировании на собственной продукции декора мусульманского мира.

Вторая версия представляется заметно менее вероятной. Хотя почти все развитие художественной керамики позднего средневековья и Нового времени на Западе и Ближнем Востоке можно расценивать как подражание китайским эталонам, ни одного экземпляра, который нельзя было бы отличить от фарфора на глаз мне встретить не удалось. Попытки копирования Бируни упоминает еще в IX в. [*Ал-Бируни 1963, 212-212*].

Есть сообщения, что подделки невозможно отличить от оригиналов [*Арапова, Рапопорт 1969, с.27*]. Находки XIV в., скорее, свидетельствуют об обратном.

Подражаний китайским изделиям в Золотой Орде и Персии – очень много. (Копировали селадон и бело-синий фарфор). Но все они настолько легко отличаются от китайских изделий по составу формовочной массы и глазури, что говорить об умелом копировании технологии не приходится.

Возможен и третий вариант решения проблемы. На готовое китайское изделие (болванку) персидские мастера нанесли роспись, применяя известные им технологии. Само по себе это не является чем-то невозможным. К X в. относится описание “пиратского” изготовления люстровой росписи с применением уже готовых глазурованных чаш [*Тифлиси 1976, с.128*]. В более позднее время в Голландии и Европе в целом практиковалась роспись фарфоровых китайских изделий [*Espir 1999, p.39-50*].

Но наиболее интересен первый вариант объяснения, который представляется наиболее вероятным. Тогда это едва ли не первый датированный образец использования полихромной надглазурной росписи на китайском фарфоре. Но возможно, что это персидская модификация дальневосточного изделия.

Весьма устойчиво поступали в Маджар наиболее распространенные группы византийского импорта. В первую очередь это амфоры «трапезундской» и «триллийской» (рис.80:2) групп. Последняя в золотоордынское время представлена преимущественно малообъемными амфорами со светлой поверхностью и зеленоватым оттенком и расчесами гребенчатого штампа. Хотя состав ее формовочной массы имеет много общего с группой Юго-Восточного Крыма, есть устойчивые отличительные признаки: ореолы вокруг пор от известковых включений, характерная шероховатость внутренней поверхности, шамотные зерна не отличаются по цвету от основного излома, и др.

Легко выделяется группа 15 [*Масловский 2006, с.397-399*], представленная на всех золотоордынских городищах вплоть до Среднего Поволжья (рис.78). Одна из чаш с формовочной массой в целом характерной для этой группы имеет форму поддона наиболее характерную для другой, 14 группы, но с нехарактерной обработкой поверхности – брызгами марганцевого красителя (рис.79:2). Сама 14 группа [*Масловский 2006, с.392-397*] керамики византийского происхождения также представлена на Маджарском городище, причем есть экземпляр с нехарактерной для группы подглазурной росписью ангобом (рис.79:1). Иногда однозначное отнесение импорта к какой-либо группе затруднено. Например, дно чаши с монограммой «Михаил» (рис.79:3) по формовочной массе ближе всего к группе Юго-Восточного Крыма, но имеет незначительные особенности глазури и остальной поверхности, что допускает ее происхождение с более отдаленных территорий.

Естественно, не все группы дальнего, и особенно ближнего импорта выделены и локализованы в настоящее время. В частности, здесь найден фрагмент амфоры очень редкой средиземноморской группы (рис.80:1), происхождение которой точно не определено [*Волков, Губайдуллин 2012*]. По мере накопления материала непременно найдутся все группы импорта, представленные в степной части Золотой Орды, добавятся и экзотические импорты из Закавказья и Северного Кавказа.

Соотношение групп импортной керамики показывает, что наиболее интенсивной была связь Маджара со столицами Золотой Орды и городами Восточного Крыма. Значительно меньшей - связь с Азаком, Хорезмом, Ширваном. Стабильно, но в меньших количествах, в слое выпадала керамика из Средней Азии (южнее Хорезма), Персии, Средиземноморья и Балкан. На городище собрана выразительная и непропорционально большая коллекция разнообразных керамических импортов из Китая (Восточной Азии). Свидетельством высокой степени связи города со столицами является то, что при массовом местном производстве и разнообразии изразцов импорт кашинного архитектурного декора из Поволжья (в том числе, в техниках

Рис. 78. Византийская керамика, группа 15 (Масловский, 2004, с.397-399). Сборы Ю.Д.Обухова..

Рис. 79. 1-2 – византийская керамика, группа 14 (Масловский, 2004, с.392-397). Сборы Ю.Д. Обухова.

Рис. 80. Импорты из-за Босфора. 1 фрагмент амфоры средиземноморского происхождения; 2 фрагмент амфоры «триллийской» группы. Сборы Ю.Д. Обухова.

ладжвардина и минаи, последняя часто на бирюзовой глушеной, а не на белой глазури) представлен более широко, чем, например, в Азаке.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абу Дулаф. 1960. Вторая записка Абу Дулафа / Изд. текста, пер., введ. и комм. П.Г. Булгаковаи А.Б.Халидова. М.

Абуль-Гази. 1906. Родословное дерево тюрков / Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань.

Абызова Е.Н. 1982. К вопросу о сфероконусах из Старого Орхея и Костешт // Археологические исследования в Молдавии в 1977-1978 гг. Кишинев.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л., 2004. Отчет об археологических исследованиях крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб., Симферополь.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л., 2005. Отчет об археологических исследованиях крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб., Симферополь.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л., 2006. Отчет об археологических исследованиях крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. СПб., Симферополь.

ʼАджāʼиб ад-дунйā (чудеса мира) / Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. И указатели Л.П.Смирновой. – М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература, 1993. (Памятники письменности Востока. – LXXXIII).

Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). /Пер. А.М.Беленицкого; ст. и примеч. А.М.Беленицкого и Г.Г.Леммлейна. М., 1963.

Арапова Т.Б., Рапопорт И.В., 1971. К истории культурных связей Ирана и Китая в XVI – начале XVIII вв. (по материалам керамического производства) // Искусство и археология Ирана: Всесоюзная конференция (1969 г.): Доклады. М.

Атагаррыев Е., 1976. Средневековая кашинная керамика Мисрианского оазиса и ее иранские параллели // Искусство и археология Ирана. II Всесоюзная конференция на тему “Проблема периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века”. М.

Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. 2005. Отрарский оазис / Общ. ред. И.Н. Тасмагамбетов. – Алматы: Баур.

Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1991. Керамика средневекового Отрара: Альбом. Алма-Ата.

Бартольд В.В., 1963а. История Туркестана // Сочинения. Т.2. Ч.1. М.

Бартольд В.В., 1963б. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т.2. М.

Бартольд В.В., 1963. Кавказ, Туркестан, Волга // Сочинения. Т.2. М.

Бартольд В.В., 1964. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. Т.3. М.

Бартольд В.В., 1964. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море // Сочинения. Т.3. М.

Белинский И.В. 1994. Итальянские полумайолики и майолики в керамическом импорте Азака-Таны //Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып.13. Азов.

Белинский И.В. 2000. Археологические работы на территории Азовского музея в 1998 году // ИАИАНД в 1998 году. Вып.16.

Белинский И.В., Масловский А.Н. 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // ИАИАНД в 1995-1997 гг. Вып.15.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Большаков О.Г., 1984. Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII в.): Социально-экономические отношения. М.

Будников П.П. 1923. Глина и глиняные изделия, глазури, фарфоровые краски и стекло / Изд. 2-е. М.

Булатов Н.М. 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. №4.

Булатов Н.М. 1969. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МУ. История. №2.

Булатов Н.М. 1969. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. Канд. Дисс. М.

Булатов Н.М., 1972. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища // СА. №1. М.

Булатов Н.М. 1974. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. №4.

Булатов Н.М., 1979. Иранская ваза с Селитренного городища // СА. №2. М.

Булатов Н.М., 1988. Археологические исследования культурного слоя г. Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году: Тез. докл. к областному семинару. Азов.

Вактурская Н.Н., 1959. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.). // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. Керамика Хорезма. М.

Васильчевский О.Л. 1961. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // СА. №2.

Веневцева Н.В. 1997. Средневековая глазурованная керамика Кипра из собрания Эрмитажа // Памятники старины: Концепции Открытия Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919-1997. Т.1. СПб.; Псков.

Волков И.В., 1991. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.): Тез. докл. региональной научно-практической конференции. Грозный.

Волков И.В., 1992. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Волков И.В. 1993. О назначении керамических шаров с золотоордынских городищ // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып.11. Азов.

Волков И.В., 2001а. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.II. Археология, антропология, палеоклиматология. М.

Волков И.В., 2001б. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.II. Археология, антропология, палеоклиматология. М.

Волков И.В., 2001в. Ширванский керамический импорт в Золотоордынских городах // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.

Волков И.В. 2002. Местные амфоры Азака // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды государственного исторического музея. Вып.135. М.

Волков И.В. 2004. Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сборник научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Часть I. / Под ред. С.И.Валиулиной. Казань.

Волков И.В. 2007. Поливная керамика Маджара // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв.»: II международная научная конференция (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.): Тез. конф. Ялта.

Волков И.В., Губайдуллин А.М. 2012.Редкие группы керамического импорта в Болгарах // Поволжская археология. №1.

Волков И.В., Зеленеев Ю.А. 2001. Золотоордынский керамический сосуд для возгонки // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.

Волков И.В., Зиливинская Э.Д., 1996. Керамическое производство и импорт в Маджаре // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Тез. докл.- М.

Волкова Н.Г., 1972. Маджары (Из истории городов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. T.V. М.

Галиева З.С. 2001. Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.

Галкин Л.Л. 1975. Керамические горны золотоордынского города Азака // СА. №1.

Галкин Л. 1998. Генуэзские пираты на… Каспии // Вокруг Света. №4.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. №1. С.127-139.

Давидович Е.А., 1960. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи // КСИИМК. Вып.80. (с.109-113).

Джаббаров И.М. 1959. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Керамика Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.4. М.

Джанполадян Р.М. 1982. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван.

Дудко О.А., 1963., Поливная золотоордынская керамика по материалам городища Маджар // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.

Евтюхова Л.А. 1965. Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города /Отв. ред. С.В. Киселев. – М.: Наука, – С.216-273, табл.XVI-XXI.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.

Ивлев Н.П., 1960. Отчет об археологических находках на золотоордынском городище Маджары, относящихся к 13 веку за 1959, 1960 годы // Архив СОМЗ, Ф.70, д.1. (на 63 л.).

Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А., 1983. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку.

Казанджян Т.Т. 1955. Очерки по истории химии в Армении. Ереван.

Казвини Зейнаддин бин Хамдаллах, 1990. Зейл-е тарих-е Гозиде. Баку.

Калинин А.Т. Русские и зарубежные сосуды с секретами. – М.: Граница, 2004. – 288 с., ил.

Каримов У.И. 1957. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». – Ташкент, 192 с., прил.

Кверфельдт Э.К. 1947. Керамика Ближнего Востока. Л.

Китайская керамика и фарфор, 1990. Пекин.

Коваль В.Ю. 1997а. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX-XVII вв.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Коваль В.Ю. 1997б. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации): Фаянсы и полуфаянсы // РА. №2.

Коваль В.Ю. 2003. Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Коваль В.Ю. 2005. Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. №2.

Коваль В.Ю. 2009б. Химический состав глазурей средневековых восточных фаянсов // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А.Фёдорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. Азов. (Донские древности. Вып.10).

Кононов А.Н., 1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.

Кравченко А.А. 1984. Керамические сфероконусы Белгорода XIV в. // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2006. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб.

Лунин Б.В. 1961. К вопросу о функциональном назначении сфероконусов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Вып.2. Ташкент.

Мамедов М.А. 2008. Архитектурный комплекс Меана-баба: Суфийский мавзолей в Центральной Азии как объект искусства. – СПб.: Евразия. 116 с., 16 цв. илл.

Масловский А.Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. - Азов: Азовский краеведческий музей, - Вып.21. С. 308-473.

Масловский А.Н. 2012. Керамический комплекс Низовьев Дона в XI-XV вв.: типология и хронология: Дисс. канд. ист. наук. – М., – 495 с., илл. (2 т., рукопись).

Матвеева Л.П., 1959. Поливные изразцы из Болгар // СА. №2. С.218-227.

Минаева Т.М. 1968. Новые находки на городище Маджара // СА. №1.

Михальченко С.Е. 1974. Сфероконусы Поволжья // КСИА АН СССР. N 140.

Недашковский Л.Ф. 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Новый политехнический словарь. 2000. М.

Носкова Л.М. 1972. Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище) // СА, №1.

Носкова Л.М. 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М.

Обухов Ю.Д., 2001. Китайскя монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.- Вып.II. Археология, антропология, палеоклиматология. М.

Обухов Ю.Д., Волков И.В. Китайская керамика из Маджара // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв.»: II международная научная конференция (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.): Тез. конф. – Ялта: Крымский филиал ИА НАНУ, 2007. – С.20-25.

Панина Э.Л., Волков И.В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. - М.: Государственный музей Востока, 2001.- С.89-91.

Перевозчиков В.И., 2006. Гончарное ремесло золотоордынского Азака. XIV в. (Опыт комплексного исследования технологии): Автореф. дисс… канд. ист. наук. Воронеж.

Персидско-русский 1985. Персидско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – Т.2. – 864 с.

Пещерева Е.М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.;Л. (Труды Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т.42).

Плано Карпини Дж. Дель, 1997. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. – 3-е изд. – Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. – 3-е изд. – Книга Марко Поло. – 4-е изд. / Вступ. Ст., коммент. М.Б.Горнунга. М.

Пругер Е.Б., 1975. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА. №2. М.

Пугаченкова Г.А., 1960. К открытию люстровой керамики Мерва // Известия АН Туркменской ССР. Сер. общественных наук. Вып.4. Ашхабад.

Пугаченкова Г.А., 1967. Искусство Туркменистана. М.

Рашид-ад-дин, 1960. Сборник летописей. М.; Л. Т.2.

Ртвеладзе Э.В., 1974. Сфероконические сосуды из Маджара // СА, №4.

Ртвеладзе Э.В., 1975а. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII-XIV вв. и ее связей со Средней Азией Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Ртвеладзе Э.В., 1975б. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII-XIV вв. и ее связей со Средней Азией. Дис. … канд. ист. наук. Ташкент. // РНБ, Дк 75-7 / 445.

Рябой Т.В., 1988. К вопросу о “больших” домах из Старого Орхея // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Сайко Э.В. 1969. Среднеазиатская глазурованная керамика XII-XV вв. / Отв.ред. А.И.Августиник. Душанбе.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. 2008. Керамика Сарайчика. – Алматы: ЖШС «Археология» шағариашылык топ,– 264 с., илл.

Тесленко И.Б., 1998. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустон в XIV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. г.Ялта, 25-29 мая 1998 г.: Тезисы докладов. Симферополь.

Тесленко И.Б., 2005. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Том I / Под ред. С.Г.Бочарова, В.Л.Мыца. Киев.

Тизенгаузен В.Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1

Тифлиси, Абу-л-Фазл Хубайш. Описание ремесел (Байан ас-сана-ат)/ Пер., введ. и комм. Г.П.Михалевич. М., 1976

Фёдоров-Давыдов Г.А. 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А. 1978. Золотая Орда и монгольский Иран // Вестник МУ. История. №6.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М. 1981. Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в 1981 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №9677-9677б.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г. 1972. Отчет о раскопках в 1972 г. на Водянском городище Волгоградской области // Архив ИА РАН, Р-1, №4710.

Шефер Э.Х. 1981. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.

Энциклопедия неорганических материалов. 1977. Киев.

Эпиграфические 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X- XVII вв. / Изд. текстов, пер., комм., статья и прил. Л.И. Лаврова. М.

Якубовский А., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Л. (ИГАИМК. Т.VIII. Вып.2-3).

Ярош В.Н., Волков И.В. 2007. Анализ пигментов двух образцов кашинной керамики из Маджара // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв.»: II международная научная конференция (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.): Тез. конф. Ялта.

Arnold D.E. 1985. Ceramic theory and cultural process. Cambridge.

Atil E. 1973. Freer Gallery of Art: Fifteenth anniversary exhibition. III. Ceramics from the World of Islam. Washington.

Biadene S. Carte da navigar: portolani e carte nautiche del Museo Correr 1318-1732. – Venezia: Marsilio Editori, 1990. – 132 p., ill.

Chuimei Ho, 1996. Social life under the Mongols as seen in ceramics // Transactions of the Oriental Ceramic Society. Vol.59. L.

Curatola G. 2006. Ceramiche persiane dal IX al XIV secolo. – Milano.

Espir H, 1999. Pretty China: Oriental porcelain decorated in Europe in the 18th century // Transactions of the Oriental Ceramic Society. Vol.62. L.

Ettinghausen R. 1965. The uses of sphero-conical vessels in the Muslim East // Journal of Near Eastern Studies. №3.

Hobson R.L. 1932. A guide to the Islamic pottery of the Near East. Oxford.

Jenkins M. 1983. Islamic Pottery. A Brief History. New York, (Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. XL. N 4).

Lane A. 1947. Early Islamic pottery. L.

Lane A. 1956. Islamic pottery from the ninth to the fourteenth centuries A.D. (third to eight centuries A.H.) in the collection of sir Eldred Hitchcock. L.

Lane A. 1971. Later Islamic pottery: Persia, Syria, Egypt, Turkey. L.

Medley M. 1974. Yuan porcelain and stoneware. L.

Pegolotti F.B. 1936. La prattica della mercatura. Cambridge (Mass.).

Pope A.U. 1939. A survey of Persian art. 6 vols. L.; N.Y.

Potocki J., 1829. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du caucase. Vol.1. Paris.

Ratti, A. A lost map of Fra Mauro found in a sixteenth century copy // Imago Mundi, 1988. - Vol. 40. - pp. 77-85.

Ritter H., Ruska J., Sarre F., Winderlich R. 1935. Orientalische Steinbücher und Persische Fayencetechnik. Istanbul. (Istanbuler Mittelungen. Herausgegeben von der Abteilung Istanbul des Archäologischen Institutes des Deutschen Reiches. Heft 3).

Rosser J. 1985. Excavations at Saranda Kolones, Pathos, Cyprus, 1981-1983 // DOP. №39. P. 81-97.

Silva J. da. Shufu ware // Transactions of the Oriental Ceramic Society. L., 2000., Vol. 63., p.115-119.

Watson O., 1985. Persian lustre ware. London.

Watson O. Ceramics from Islamic lands. – New York: Thames & Hudson, 2004. – 512 p., ills.

Zhang Pusheng. New discoveries from recent research into Chinese blue and white porcelain // Transactions of the Oriental Ceramic Society. L., 1993., Vol. 56., p.38-39.

ГЛАВА III

МАДЖАРСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ И МАТЕРИАЛЫ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ «ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД МАДЖАР XIII–XIV ВВ.» ИЗ СОБРАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМЕНИ Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г.К. ПРАВЕ.

Кравцова. С.Л.

Значительную часть археологического фонда Ставропольского музея-заповедника составляет коллекция «Золотоордынский город Маджар XIII-XIV вв.».

Наиболее яркие и информативные предметы из этого собрания уже более полувека выставляются в экспозиционных залах музея, неизменно привлекая внимание посетителей.

Интерес к коллекции со стороны исследователей, делает её востребованной научным сообществом. Многие предметы из коллекции опубликованы в научных работах Минаевой Т.М., Фёдорова-Давыдова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Волкова И.В. и других исследователей.

Однако научный потенциал данного собрания далеко не исчерпан. Более активному и плодотворному его использованию может способствовать предварительное описание коллекции, предлагаемое в данной статье.

Коллекция «Золотоордынский город Маджар XIII-XIV вв.», хранящаяся в Ставропольском государственном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, насчитывает **1276** единиц хранения основного фонда. Предметы сформированы в индивидуальные подколлекции по именам авторов и годам сборов.

1. *Коллекция «Древний город Мажары» из губернского музея Северного Кавказа /1905-1927 гг./* [*Волков 2001, с.68*].

Основу маджарского собрания в археологическом фонде Ставропольского музея Северного Кавказа составила личная коллекция Григория Николаевича Прозрителева, собранная в разные годы им самим, а также совместно с Василием Алексеевичем Городцовым в июле 1907 года во время полевого изучения памятника (Фото.1) [*Колесникова 2004, 67-68; Отюцкий 2008, с.60*]. По данным инвентарной книги музея Северного Кавказа от 1918 года, собрание Г.Н. Прозрителева насчитывало 48 единичных предметов, 20 картонных таблиц форматом А 4 с размещенными на них предметами[1] и нумизматический массив.

На сегодняшний день в фонде «Музея Северного Кавказа» отдела археологии Ставропольского музея-заповедника из 20 сформированных таблиц сохранилось только 17. Отсутствуют таблицы под номерами 1, 3, 13 [*Отюцкий 2008, с.60*]. На каждой из сохранившихся таблиц размещено от 13 до 54 предметов, общим числом 442 шт.

Таблица № 2 содержит 31 фрагмент глиняной посуды [оф. 3447].

Таблица № 4 – 24 фрагмента глиняной посуды и 14 косточек мелкого рогатого скота [оф. 3460] [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, № 3408/301*].

Таблица № 5 – 25 фрагментов глиняной посуды [оф. 3443].

Таблица № 6 – 30 фрагментов глиняной посуды [оф. 3444].

Таблица № 7 – 35 фрагментов глиняной посуды [оф. 3446].

Таблица № 8 – 20 фрагментов глиняной посуды [оф. 3449].

Таблица № 9 – 28 фрагментов глиняной посуды [оф. 3450].

[1] Все сведения по коллекции «Древний город Мажары» из губернского музея Северного Кавказа 1905-1927 годов приводятся по последнему, введённому в фондовую работу юридическому документу музея – инвентарной книге от 1918 года.

Таблица № 10 – 40 фрагментов глиняной посуды [оф. 3452].
Таблица № 11 – 15 фрагментов глиняной посуды [оф. 3448].
Таблица № 12 – 15 фрагментов глиняной посуды [оф. 3456].
Таблица № 14 – 16 фрагментов изделий из железа [оф. 344?].
Таблица № 15 – 20 костей животных [оф. 3459].
Таблица № 16 – 19 фрагментов глиняной посуды [оф. 3451].
Таблица № 17 – 32 астрагала и 22 фаланговые кости мелкого рогатого скота [оф. 3458] [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918,, № 3410/303; Масловский 2006, 60*].
Таблица № 18 – 31 фрагмент глиняной посуды [оф. 3447].
Таблица № 19 – 16 фрагментов глиняной посуды [оф. 3454].
Таблица № 20 – 10 фрагментов глиняной посуды, 2 куска кирпича и 2 куска изразца [оф. 3457] [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, № 3412/305*].

Индивидуальные предметы. Сохранилось 37 из 48 предметов. К ним относятся:

• кирпич строительный – плинфа [оф. 2800]. Красно-охристого цвета. Глина. Размер: 24,5х24,5х2,5 см, толщина 4-5 см. В инвентарной книге музея и в статьях Г.Н. Прозрителева о Маджаре подобный кирпич называется «мамайский».

• Декоративный элемент архитектурной конструкции с растительным (волютообразным) рельефом бежево-коричневого цвета [оф. 3148]. По записи в инвентарной книге – «карнизный камень». Глина. Размер: 17,8х13,4х3,0 см.

• Облицовочные кирпичи [оф. 3111-3115; 3414; 3515; 3548; 3595]. 8 ед. хр. Глина. Размер: от 18,7х8,9х4,5 см – до 24,5х7,3х7 см. Все кирпичи имеют форму усеченной четырехгранной пирамиды с прямоугольным основанием, являвшимся декоративной поверхностью, которая покрыта глазурью бирюзового и голубого цветов. По боковой поверхности длинной стороны некоторых кирпичей имеются углубления в виде желобков-держателей [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, № 4463; Прозрителев 1906, с.5*]. На боковой поверхности одного из кирпичей [оф. 3548] читается клеймо изготовителя (мастера или мастерской) в виде схематически изображенного глаза. Аналогии данному клейму нам неизвестны.

• Фрагмент изразцовой плитки бело-розового цвета [оф. 3546]. Глина. Размер: 14х28х2,7 см. Плитка имеет рельефный растительный орнамент.

• Надмогильные плиты с эпитафиями [оф. 3539-3541], 3 ед. хр. Орнаментированы, некоторые – с фигурно обрезанными краями. Известняк (?) [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918,* №№ 3151-3153/283-285, 6764-6771/534-541; *Прозрителев 1906, с.8-10*].

• Фрагмент трубы с глубокой кольцевой бороздкой по внешнему широкому краю [оф. 3442]. Глина. Размер: длина – 21,5 см, диаметр *А* – 10 см; диаметр *Б* – 9,0 см. Татьяна Максимовна Минаева считала данный фрагмент деталью водопроводных коммуникаций Маджара [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, № 4735; Минаева 1953, с.138*].

• Сосуд тюльпанообразной формы с восьмью гранями (ваза?) [оф. 3538]. Известняк. Размер: высота – 21,3 см, диаметр по венчику – 33,9 см, диаметр донца – 14,6 см. Стенки-грани сосуда покрыты рельефным растительным орнаментом (публикуется впервые).

• Сосуды сфероконические [оф. 3062, 3063]. 2 ед. хр. Глина. Сфероконический сосуд [оф. 3062] зеленовато-коричневого цвета, украшенный по плечикам двумя радиальными линиями желобков Размер: высота – 10,0 см, диаметр тулова в широкой части – 5,7 см.

• Сфероконический сосуд [оф. 3063] светло-коричневого цвета с деформированным (*брак?)* туловом без орнамента. Размер: высота – 8,1 см, диаметр тулова в средней части – 6,1 см.

• Фрагмент тулова сфероконического сосуда [оф. 3064]. Глина. Размеры: 7,0х6,9х0,4см. По фрагменту сосуда проходит рельефный орнамент в виде поясков с миндалевидными и округлыми розетками, заполненными по внутренней стороне и центру точками, подобно цветку.

• Сосуды миниатюрные поливные, предположительно для благовоний [оф. 3461, 3519, 3520, 3522, 3528, 3533], 6 ед. хр. (публикуются впервые). Глина (кашин?), глазурь.

Сосуд с туловом биконической формы и ровным горлом, сохранившимся фрагментарно и со слегка отогнутым венчиком-валиком [оф. 3461]. Ручка сохранилась во фрагменте от нижне-

го прилепа, прикреплённого к средней части тулова сосуда. Ножка имеет утраты, донце отсутствует. Сосуд покрыт глазурью зелёного цвета. Глина (?), глазурь. Размер: h-10,7 см, d тулова в средней части-8,6 см, d венчика-4,6 см, d предполагаемого донца-4,0 см.

Сосуд с туловом биконической широкой формы с двумя вертикальными ручками, которые крепятся верхними прилепами к венчику, возвышаясь над ним, а нижними прилепами – к средней части тулова [оф. 3519]. Сосуд покрыт глазурью синего цвета изнутри и снаружи до ножки. Глина (?), глазурь. Размер: h-7,9 см, d тулова в средней части-9,1 см, d венчика-4,8 см, d донца-4,5 см.

Сосуд с туловом округло-цилиндрической формы [оф. 3520]. По центральной линии окружности тулова проходит желобок. Выделенный венчик слегка отогнут. Горло прямое, плавно расширяющееся к плечикам. Сосуд покрыт глазурью кремового цвета, украшен синими полосками и черными точками. Глина (?), глазурь. Размер: h-10,9 см, d тулова в средней части-9,8 см, d венчика-5,5 см, d донца-5,3 см.

Сосуд с туловом биконической широкой формы [оф. 3522]. Ручка вертикальная, крепится верхним прилепом к венчику, возвышаясь над ним, а нижним прилепом – к средней части тулова. Сосуд покрыт глазурью тёмно-синего цвета, спускающейся «языками» к центру тулова. От центра тулова до ножки покрытие серо-голубого цвета. Глина (?), глазурь. Размер: h-9,3 см, d тулова в средней части-8,9 см, d венчика-4,7 см, d донца-3,9 см.

Сосуд с ровным горлом, венчиком-валиком и полусферической формой тулова в верхней части. Нижняя часть тулова усечённо-коническая, формирующая ножку с кольцевым поддоном. По средней линии тулова проходит пояс из шести овальных плоскостей, в результате чего вид сосуда сверху представляется в форме шестиугольника. Сосуд покрыт глазурью тёмно-синего цвета [оф. 3528]. Глина (?), глазурь. Размер: h-6,6 см, d тулова в средней части-6,5 см, d венчика-3,1 см, d донца-3,2 см.

Сосуд с туловом округлой формы [оф. 3533]. Одна ручка сосуда утрачена, другая, крепится верхним прилепом к венчику сосуда, а нижним – к плечикам. Верхняя часть сосуда (от венчика до середины окружности тулова) декорирована вертикальными линиями синего цвета и одной горизонтальной линией вдоль средней части тулова. Нижняя часть сосуда не декорирована и не покрыта глазурью. Глина (?), глазурь. Размер: h-7,5 см, d тулова в средней части-7,7 см, d венчика-4,3 см, d донца-4,1 см.

• Водолеи (афтоба) [оф. 3518; 3530], 2 ед. хр. Глина (кашин?), глазурь.

Водолей с округлым туловом, на ножке без кольцевого поддона, покрытый глазурью нежно-зелёного цвета [оф. 3518]. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 16,0 см, диаметр тулова – 11,1 см, диаметр венчика – 6,2 см, диаметр донца – 8,8 см

Водолей с шаровидным туловом и кольцевым поддоном, покрытый глазурью синего цвета [оф. 3530]. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 10,8 см, диаметр тулова – 8,0 см, диаметр венчика – 4,1 см, диаметр донца – 4,6 см.

Пользуясь классификаций А.А. Масловского, сосуд большего размера [оф. 3518] можно отнести к категории «стандартных», меньшего [оф. 3530] – к категории «миниатюрных» [*Масловский 2006, с.329, 368*].

• Светильники неполивные.

Светильник неполивной [оф. 3100], 1 ед. хр. (публикуется впервые). Глина. Размер: высота – 10,6 см, диаметр тулова в средней части – 9,4 см, диаметр горла – 2,8 см, диаметр донца – 8,6 см. Сосуд коричневого цвета, с ровным отогнутым венчиком, плавно переходящим в узкое горло и длинным массивным носиком-сливом. Носик-слив расположен в нижней части тулова под углом 40^0. Тулово конической формы. Донце круглое плоское. Ручка петлевидная, верхним прилепом крепится к горлу, нижним – к середине тулова. По венчику имеются сколы, частично утрачено верхнее покрытие.

• Светильники поливные [оф. 3517; 3523; 3524; 3527; 3529], 5 ед. хр. Глина (кашин?), глазурь. Предварительно можно выделить три типа.

1) Светильники с одним носиком-сливом [оф. 3517, 3523, 3527].

Светильник с одним носиком-сливом на поддоне [оф. 3517], объединённом с туловом посредством ручки, прикреплённой к тулову сосуда верхним прилепом. Нижнее соединение ручки – продолжение поддона. Сосуд покрыт глазурью бирюзового цвета. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 8,4 см, диаметр тулова – 5,1 см, диаметр венчика – 3,1 см, диаметр донца – 6,0 см.

Светильник с одним носиком-сливом на ножке с кольцевым поддоном покрыт глазурью изумрудного цвета [оф. 3523]. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 7,1 см, диаметр тулова – 7,2 см, длина сосуда от кончика носика до крайней внешней точки ручки – 9,7 см.

Светильник с одним носиком-сливом на поддоне [оф. 3527], объединённом с туловом посредством ручки, прикреплённой к тулову сосуда верхним прилепом. Сосуд покрыт глазурью бирюзового цвета. Носик-слив частично утрачен. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 7,2 см, диаметр тулова – 6,0 см, диаметр венчика – 2,8 см, диаметр донца – 5,4 см.

2) Светильники с двумя носиками-сливами.

Светильник с двумя носиками-сливами покрыт глазурью светло-зелёного цвета [оф. 3529], 1 ед. хр. Сосуд имеет отогнутый венчик и округлое тулово, плавно переходящее в ножку. По его венчику имеются сколы; донце утрачено. В средней части тулова, с противоположной стороны от носиков-сливов, читается след от прилепа, возможно, ручки. Частично утрачено верхнее покрытие. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 5,2 см, диаметр тулова – 5,7 см, диаметр венчика – 3,9 см, диаметр донца – 2,6 см.

3) Светильники редких форм.

Светильник поливной с чашей секторовидной формы [оф. 3524], 1 ед. хр. Сосуд покрыт глазурью светло-зелёного цвета. Имеет крупный носик-слив. Венчик сосуда направлен внутрь чаши. Ручка отсутствует, возможно, утрачена. Глина (?), глазурь. Размер: высота – 3,5 см, диаметр донца – 4,5 см, диаметр венчика с носиком – 11,0 см, диаметр венчика без носика – 10,2 см.

По определению А.А. Масловского, подобные образцы относятся к числу редких по секторовидной форме чаш [*Масловский 2006, с.343, 351*].

• Копилка с полусферическим вверху и усечённо-коническим внизу туловом [оф. 3542]. Имеет неширокое плоское донце. В верхней части небольшой округлый выступ. Сбоку, в верхней части тулова, прорезь. Возможно, копилка украшена горизонтальными полосами ангоба. Глина, ангоб (?). Размер: 7,5х9,0 см [*Минаева 1953, с.143*].

• Фляга в форме цилиндра с выпуклой анфасной стенкой, в центре которой медальон, обрамлённый валиком [оф. 3109]. Оборотная сторона – слегка вогнутая. Глина. Размер: 28,5х25,0х19,0 см.

• Ручка дверная с арабской надписью «Кто пришёл сюда, спасён будет» [оф. 3544]. Бронза, литьё [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, № 3133; Минаева 1953, с.137-138; Колесникова 2004, с.207*].

• Сосуд (ступка?) [оф. 3045]. Бронза (?), литьё. Размер: 7,5х9,5 см. Сосуд имеет биконическую форму тулова, покрытого продольными каннелюрами. По мнению Т.М. Минаевой, подобные «ступки были хорошо известны в средневековых городах Западной Европы и употреблялись для аптекарских надобностей» [*Минаева 1953, с.143; Фёдоров-Давыдов 2001, с.208*].

• Бляха-пронизь с рельефным изображением зайца [оф. 2835] [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, № 3132; Юрченко 2013, с.402*], предположительно, от уздечного набора. Бронза, литьё. Размер: 4,5х0,6 см.

• Игрушка-свистулька (?) в виде фигурки животного [оф. 3106]. По бокам торса животного и под хвостом отверстия Утрачены три ноги, хвост; на голове фигурки отсутствуют уши, нос и скол на затылочной части. Глина. Размер: 8,0х9,0х3,6 см

Важной частью маджарского собрания музея Северного Кавказа являются монетные находки. Судя по записям в инвентарной книге музея Северного Кавказа от 1918 года, нумизматическая коллекция составляла 166 единиц хранения [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918*, *№№ 9580-9646, 9949/1188-1200, 9951/1202-1287*]. Среди них монеты, которые были «куплены у Арзиманова»: 43 серебряных и 24 медных [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918, №№ 9950-9646*]. А также «мамайские» монеты, переданные Г.Н. Прозрителеву крестьянином Павлом Трофимовым из села Покойного Ставропольской губернии: 13 медных и 86 серебряных [*Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918*, *№№ 9949/1188-1200, 9951/1202-1287*]. Впоследствии число предметов коллекции изменялось и не всегда за счёт новых поступлений.

Сегодня эта часть коллекции насчитывает 323 единицы хранения. Из них 79 серебряных дирхемов [оф. 537/1-36, 3545/1-32, 2988/5, 12936/1-19] и 244 медных пула:

- хана Тохта (1290-1312 гг.) – 8 серебряных монет чекана Сарая и 1 медная монета г. Мохши (одна из первых медных монет в собрании);

- Узбека (1313-1341 гг.) – 40 серебряных и 41 медная монета – чеканы городов Сарая и Азака;

- Джанибека (1342-1357 гг.) – 9 серебряных и 65 медных монет – почти все чеканены в Сарай ал-Джедид, 1 монета чекана Гюлистана, 1 – Барджина. Есть анонимные медные монеты без указания монетного двора;

- Бердибека (1358-1359 гг.) – 4 серебряных монеты монетных дворов Азака и Гюлистана;

- Неврузбека (1359-1360 гг.) – 1 серебряная монета Гюлистана;

- Хызр-хана (1360-1361 гг.) – 2 медные монеты Сарай ал-Джедид;

- Кильдибека (1361 г.) – 10 медных монет чекана Азака;

- хана Мюрида (1361-1363 гг.) – 1 медная монета;

- Пулад-хана (1362 г.) – 2 медные монеты чекана Сарай ал-Джедид;

- Абдаллах хана (1363-1368 гг.) – 2 серебряные и 31 медная монеты чекана Азака;

- Мухаммад Булак-хана (1378-1380 гг.) – 5 серебряных и 18 медных монет чекана Орды;

- хана Тохтамыша (1380-1391 гг.) – 8 серебряных и 16 медных монет чекана Азака и Орды; 1 монета чекана г. Шабарана.

Около 40 медных анонимных монет, без года, с указанием места чекана Сарай ал-Джедид.

Кроме того, в музее хранятся две боспорские монеты II в. [о.ф. 1037/35, 36], найденные Г.Н. Прозрителевым на территории Маджара[2] [*Прозрителев 1906, с.10-11*].

Предметы коллекции «Древний город Мажары» из губернского музея Северного Кавказа стали платформой для формирования сегодняшнего археологического собрания и, в частности, археологической коллекции «Золотоордынский город Маджар XIII-XIV вв.» в Ставропольском государственном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

2. Коллекция «Золотоордынский город Маджар, 1959-1960, 1967 гг. Ивлев Н.П.» (Фото.2) хранится в музее-заповеднике под групповым номером оф. 13930/1-136. Инженер Ивлев Николай Петрович в конце 50-х начале 60-х годах XX века работал в строительном управлении занимавшейся, прокладкой дорог в Ставропольском крае, в том числе в Прикумском районе (ныне Будённовском). Ему не раз доводилось наблюдать, как население разоряет древний Маджар. Неравнодушие Н.П. Ивлева и потребность помочь в спасении памятника подтолкнули его лично заняться осмотром территории золотоордынского города. По итогам исследования он составил карту, на которую нанёс контуры городища, обозначив места скопления находок и сохранившихся построек [*Ивлев 1961*]. О проделанной работе Николай Петрович написал подробный отчёт. К отчёту приложил вышеназванную карту, рисунки и фотографии. Артефакты и отчёт Н.П. Ивлев передал в фонды Ставропольского краевого музея им. Г.К. Праве через научного сотрудника музея А.Л. Нечитайло.

Значительное место в коллекции инженера Н.П. Ивлева занимает *строительный материал* [*Ивлев 1961*].

• Кирпич строительный – плинфа [оф. 13930/22]. Глина, обжиг. Размер: 20х20 см.

• Кирпичи облицовочные [оф. 13930/4-14; 21-26-29; 31]. Глина, глазурь. Размеры: от 18,4х6,6х5,9 см до 20,7х5,9х5,2 см. «Имеют форму брусков клинообразно суженных к задней грани» [*Ивлев 1961*]. По бокам некоторых их них читаются углубления в виде желобков. Декоративная поверхность кирпичей покрыта голубой и бирюзовой глазурью.

• Кирпичи мозаичные с квадратной декоративной поверхностью, покрытой голубой и синей глазурью [оф. 13930/15-20; 35-37]. Глина, глазурь, обжиг. Размеры: от 4,2х3,7х2,0 см до 5,5х5,1х5,0 см.

• Фрагмент строительного камня с изображением тюльпана [оф. 13930/38]. Камень, резьба. Размер: 14,0х12,5х5,0 см.

• Фрагменты облицовочных плиток, покрытых разноцветной глазурью [оф. 13930/35-41]. Кашин, глазурь.

• Фрагмент изразцовой плитки с растительным рельефным орнаментом; покрыт голубой глазурью [оф. 13930/58]. Глина, глазурь. Размер: 10,5х9,0х3,4 см.

[2] Обзор нумизматической части собрания музея Северного Кавказа представлен по данным хранителя коллекции нумизматики, главного научного сотрудника отдела фондов музея-заповедника Барабановой Е.Г.

• Фрагмент рельефной плиты [оф. 13930/21]. Мрамор (сильно загрязнён или закопчён). Размер: 13,8х8,3х3,8 см.

• Фрагменты плит орнаментированных [оф. 13930/2-3].

• Ракушечник (?), резьба.

• Фрагмент плиты с частично сохранившейся арабской надписью [оф. 13930/1]. Мрамор, резьба. Размер: 8,0х4,3х4,0 см].

Массив керамического материала – поливных и неполивных сосудов разного качества, декора и назначения во фрагментах:

• Фрагменты кашинных (?) сосудов с полихромной росписью, с ангобом и без ангоба из Нижнего Поволжья [оф. 13930/76-136];

• Фрагмент сфероконического сосуда серого цвета с рядами цветочного орнамента, выполненного штампом [оф. 13930/134]. Глина. Размер: 9,2х8,9х3,0 см;

• Фрагмент сфероконического сосуда с декором из окружностей, вписанных в орнаментальный пояс, ограниченный двумя бороздками [оф. 13930/135]. Глина. Размер: 2,7х2,5х0,5 см;

• Фрагмент донца сосуда бежевого цвета [оф. 13930/191]. Глина. Размер 4,8х1,2х1,0 см;

• Ручка амфоры овальная в поперечном сечении оранжевого цвета, с фрагментом стенки тулова [оф. 13930/38]. Глина, ангоб (?). Размер: 15,5х6,2х3,5 см;

• Фрагмент горла сосуда серого цвета с прямым отогнутым венчиком, украшенным рядами параллельных горизонтальных бороздок и двумя линиями повторяющихся знаков «х» [оф. 13930/140]. Глина. Размер: 7,2х4,9х4,2 см;

• Ручка амфоры оранжевого цвета с фрагментом стенки горла, венчика и плечиков сосуда [оф. 13930/146]. Ручка амфоры крепится верхним прилепом к венчику, нижним – к плечику. Горло опоясывают три параллельные горизонтальные бороздки. Глина. Размер: 16х8,1х5,6 см;

• Фрагмент горла сосуда с широким плоским отогнутым венчиком желтого цвета [оф. 13930/135]. Глина. Размер: 9,6х5,4х5,3 см;

• Горло сосуда с фрагментом тулова оранжевого цвета [оф. 13930/136]. Верхние части тулова и горла, а также нижнюю часть горла опоясывает орнамент в виде диагональных штрихов, выполненных точечными вдавлениями. Глина. Размер: 8,1х7,9х6,4 см;

• Ручка сосуда с фрагментом узкого горла, резко переходящего в плечики и тулово бежевого цвета [оф. 13930/8]. Ручка сосуда петлевидная, крепится верхним прилепом к верхней части горла, нижним – к верхней части тулова. Декор голубой глазурью. Глина, глазурь. Размер: 11,2х8,6х5,0 см.

• Копилка со сферической верхней частью тулова и усеченно-конической нижней частью тулова резко переходящей в круглое донце; светло-коричневого цвета [оф. 13930/91]. Глина. Размер: 11,5х7,5х6,1 см. Сосуд склеен; отсутствует верхняя часть и стенка тулова.

• Бусина округлая украшена бело-чёрным рисунком [оф. 13930/31]. Стекло, эмаль? (по мнению Ивлева Н.П.). Размер: 1,4х1,5 см.

• Пуговица с тремя отверстиями для пришивания [оф. 13930/30]. Кость. Размер: 1,8х0,3 см.

• Оселок [оф. 13930/24]. Камень. Размер: 8,0х3,4х0,4 см.

• Камень точильный [оф. 13930/34]. Камень. Размер: 11,2х7,7х2,0 см.

• Прясло дисковидное оранжевого цвета [оф. 13930/25]. Глина. Размер: 4,0х1,4 см.

• Цепь [оф. 13930/27]. Железо, ковка. Звенья цепи в нескольких участках соединяются кольцами. Один её конец закручен в спираль из четырёх витков и прочно зафиксирован коррозией. Размер: 2,45х2,2 см.

• Нож (?) [оф. 13930/28]. Железо, ковка. Размер: 12,6х2,0 см.

• Астрагалы [оф. 13930/71-72]. Кость. Размер: 3,2х2,0 см; 3,8х2,6 см.

Нумизматика: 1 серебряная [оф. 13930/70] и 28 медных монет [оф. 13930/42-69], столичных чеканов в правление Джанибека и Узбека.[3]

3. Коллекция «Золотоордынский город Маджар, 1966-1968 гг. А.П. Рунич» (Фото.3) в музее-заповеднике зарегистрирована под двумя номерами основного фонда: оф. 16683 и 19888/1-64.

[3] По данным хранителя коллекции нумизматики, главного научного сотрудника отдела фондов музея-заповедника Барабановой Е.Г.

Археологические сборы Андрея Петровича Рунича в 1967, 1968 годах объединены под групповым номером основного фонда 19888/1-64 и преимущественно состоят из предметов, характеризующих гончарное дело жителей торгово-ремесленного центра Маджар, а также керамического импорта города:

• сфероконический сосуд [оф. 19888/1] бежевого цвета с орнаментом по плечикам. Глина, обжиг. Размер: 10,0х29,8 см.

• Фрагмент сфероконического сосуда [оф. 19888/2] серо-коричневого цвета с семечковидным орнаментом. Глина, обжиг. Размер: 8,3х6,9 см.

• Копилка [оф. 19888/59]. Глина, обжиг. Размер: 4,0х5,0х3,0 см.

• Подсвечник в форме цилиндрического стаканчика с фрагментами поддона [оф. 19888/5]. Глина, обжиг. Размер: 2,5х3,0 см.

• Пряслица [оф. 19888/7, 21]. Глина. Размер: 4,5х4,4 см; 6,0х5,6 см.

Помимо керамики, Андрей Петрович нашёл фрагменты стеклянных сосудов [оф. 19888/26, 60] и бронзовый колокольчик [оф. 19888/22].

В 1966 году А.П. Рунич во время рекогносцировки правого берега р. Кумы обнаружил два фрагмента беломраморной плиты, которые передал в фонды Ставропольского краеведческого музея.

• Плита в двух фрагментах строительная мраморная с арабской надписью «…Джанибек-хан да продлит Аллах (*царствие его*)…» [оф. 16683]. Мрамор, резьба; склеена. Размер: 39х11х4 см [*Ртвеладзе 1970, с.253-254*][4].

4. Коллекция «Золотоордынский город Маджар, 1967 гг. А.Т. Нестеренко» (Фото.4)**,** представляет собой случайные находки, обнаруженные на правом берегу р. Кумы в 1967 году Александром Нестеренко, студентом II курса историко-филологического факультета СГПИ. Предметы зарегистрированы под групповым номером основного фонда 15435/1-223. Среди них:

- Кирпичи облицовочные в форме усеченной четырехгранной пирамиды с прямоугольной поверхностью [оф. 15435/3, 4, 6 ,7]. По бокам имеются углубления в виде желобов. Поверхность покрыта глазурью голубого цвета. Глина, глазурь. Размеры: от 15,1х5,9х4,9 см до 19,5х7,0х5,1 см.
- Кирпич мозаичный с глазурью бирюзового цвета [оф. 15435/2]. Глина, глазурь. Размер: 4,2х3,7х2,0 см.
- Фрагмент плитки облицовочной неправильной формы покрыт глазурью голубого цвета и украшен рельефным растительным орнаментом [оф. 15435/8]. Глина, глазурь. Размер: 19х16х3,5 см.
- Фрагменты штампованных сосудов [оф. 15435/76, 86, 170], предположительно, из Хорезма. Глина, обжиг.
- Фрагменты кашинных (?) сосудов с полихромной росписью без ангоба [оф. 15435/109, 141, 156, 168, 171, 181]. Кашин (?), отливка (?), глазурь, обжиг, роспись.
- Фрагменты кашинных (?) сосудов с подглазурным ангобом и стилизованными лепестками лотоса из Нижнего Поволжья [оф. 15435/67, 78, 84, 85, 87, 104, 107, 111, 119, 120, 169, 174]. Кашин (?), отливка (?), ангоб, глазурь, обжиг, роспись.
- Донце сосуда с кольцевым поддоном и с внутренней ультрамариновой глазурью [оф. 15435/97]. Глина, глазурь, обжиг. Размер: 4,9х3,0х0,5 см.
- Налеп-«шишечка» гульабдана [оф. 15435/99]. Глина, глазурь. Размер: 2,8х2,0 см.
- Подсвечник с утратами [оф. 15435/73]. Глина, обжиг.
- Шарики глиняные [оф. 15435/14-15]. Глина. Размер: 2,7х2,5 см; 2,3х2,3 см.
- Фрагменты стеклянных сосудов [оф. 15435/235-236]. Стекло.
- Пластинка прямоугольная с тремя отверстиями в верхней части [оф. 15435/243]. Кость. Размер: 3,8х1,9 см.

5. Коллекция «Золотоордынский город Маджар, 1961 гг.

А.Л. Нечитайло» (Фото.5)**,** поступила в музей в результате поисковой работы Аннетты Леонидовны Нечитайло в восточных районах Ставропольского края под групповым номером основного фонда 13895/1-39. Центральное место в ней занимают два артефакта:

[4] Ртвеладзе Э.В. по какой-то причине опубликовал только часть плиты. Полную же публикацию предмета осуществил Обухов Ю.Д. в 2013 г.

• сосуд сфероконический бежевого цвета с растительным орнаментом [оф. 13895/2]. Глина. Размер: 12,0х9,0 см [*Масловский 2006, с.417-419*].

• Шар полый, состоящий из двух полусфер и покрыт бледно-голубой глазурью. На теле шара фиксируется отверстие [оф. 13895/3]. Глина, глазурь. Размер: диаметр - 12,5 см. И.В. Волков подобные шары разделяет на два вида: по размерам и количеству отверстий на теле предмета. Образцы с несколькими отверстиями и малыми размерами исследователь относит к *погремушкам*. Крупные шары, подобные нашему экземпляру, он считает *реакторами для химического производства*. А.А. Масловский же считает, что проводить разделение предметов правомернее не по числу отверстий, а по толщине его стенок [*Масловский 2006, с.336*].

• Оба предмета А.Л. Нечитайло нашла в Прикумском народном музее, куда артефакты поступили в 1961 году от учеников средней школы № 2, нашедших их на распаханной территории Маджар.

• Остальные тридцать семь предметов Аннетта Леонидовна лично собрала в апреле 1961 года на территории Маджар. Большая часть из них – это фрагменты керамики. Наиболее интересными, с экспозиционной точки зрения, представляются:

• сумак – гигиеническая трубочка-мочеотвод для младенцев мужского пола [оф. 13895/1]. Стекло. Размер: 8,5х3,9х1,1х2,0 см.

• Монеты (6 ед.) золотоордынские [оф. 13895/34-39]. Медь. Не определены.

Кроме того, в музее хранятся два золотых делийских динара XIV в. из Северной Индии, первый из них [о.ф. 13986] найден трактористом при распашке территории на правобережной части Маджара в ноябре 1961 года. Передан в музей через учителя истории Сербиненко В.Я. Второй динар [о.ф. 27467] [*Волков 2001, с.112*] найден в 1990 году на территории Маджара в ходе работы археологической экспедиции Ставропольского государственного педагогического института под руководством заведующего археологической лабораторией А.Б. Белинского и передан им в музей-заповедник.[5]

Общее количество предметов в археологической коллекции «Золотоордынский город Маджар» из собрания Ставропольского государственного музея-заповедника им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве составляет 1276 единиц хранения. Из них в фондохранилище находятся 1175 ед. хр., в экспозиционном зале выставляется 101 ед. хр.

Подавляющее большинство предметов коллекции остро нуждаются в реставрационных и консервационных работах, как для сохранения, так и для раскрытия их свойств, важных для эффективного экспонирования и научного изучения. Кроме того, предметам необходимо всестороннее исследование специалистами, которое позволит их правильно атрибутировать.

[5] Обзор нумизматической части собрания музея Северного Кавказа представлен по данным хранителя коллекции нумизматики, главного научного сотрудника отдела фондов музея-заповедника Барабановой Е.Г.

Фото.1 Коллекция Прозрителева Г.Н.

Фото. 2 Сборы Ивлева Н. П.

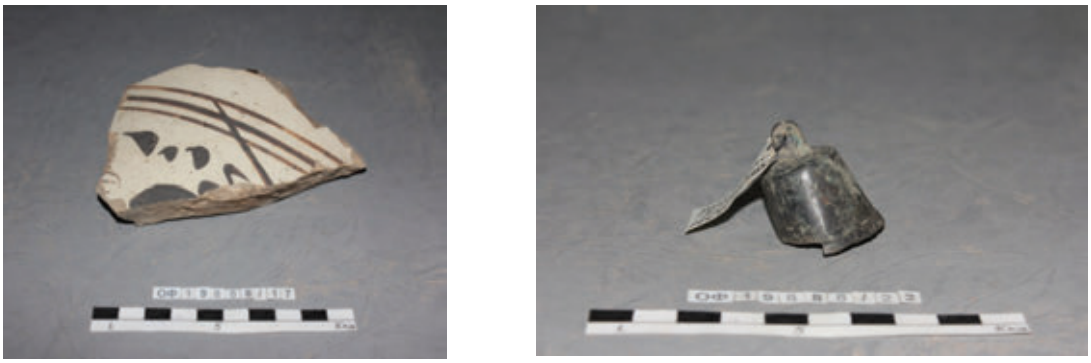

Фото. 3 Сборы Рунича А.П.

Фото. 4 Сборы Нестеренко А.Т.

Фото. 5 Сборы Нечитайло А.Л.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Волков И.В. 2001. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджара. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. М.

Колесникова М.Е. 2004. Ставропольские краеведы: Библиографические очерки. Ставрополь.

Масловский А.А. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. // Историко-археологические исследования в Азаке и на Нижнем Дону. Выпуск 21. Азов.

Минаева Т.М. 1953. Золотоордынский город Маджар. // Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 5. Ставрополь.

Минаева Т.М. 1965. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь.

Отюцкий И.В. 2006. О коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа. // Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 2. Ставрополь.

Отюцкий И.В. 2008. Археологические таблицы Г.Н. Прозрителева за 1907 год (к 100-летию исследований В.А. Городцова на месте развалин г. Маджара). // Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 4. Ставрополь.

Прозрителев Г.Н. 1906. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь.

Прозрителев Г.Н. 1910. Раскопки, производимые близ гор. Св. Креста, Ставропольской губ., Прасковейского уезда, председателем Ставропольской учёной архивной комиссии Г.Н. Прозрителевым 18-19 сентября 1909 года на месте развалин древнего Хозарского г. Мажары. // Труды Ставропольской Учёной Архивной Комиссии. Вып. II, Ставрополь.

Ртвеладзе Э.В. 1970. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар. // СА № 3. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А. 2001. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.

Юрченко А.Г. 2013. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.

Инвентарная книга Ставропольского Губернского музея Северного Кавказа. Отдел археологии (Общий список). 1918. Ставрополь.

Каталог учётных карточек Краевого музея краеведения г. Ворошиловска. 1941. Ставрополь.

Книга поступлений *№ 1. 1954.* ГБУК СК СГМЗ. Ставрополь.

Фонд № 70, ед. хр. 1; оф. 13930/136 ГБУК СК СГМЗ. Ставрополь. Отчёт об археологических находках на Золотоордынском городище Маджары XIII-XIV вв. за 1959, 1960 годы. *Ивлев Н.П.* 1961.

АРХИВ ИВЛЕВА Н.П.

Кравцова С.Л., Обухов Ю.Д.

Учитывая значимость хранящегося материала как источника раскрывающего неизвестные, широкому кругу специалистов, сведения о состоянии памятников археологии на востоке Ставрополья в том числе Маджар в конце 50-х начале 60-х годах XX века, и повышенный интерес к этой теме, представляем ранее не публиковавшийся материал фонда № 70 Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве «Ивлев Н.П. 1961. Отчёт об археологических находках на Золотоордынском городище Маджары XIII-XIV вв. за 1959, 1960 годы» имеющий непосредственно отношение к данной теме. Мы по возможности постарались сохранить орфографию и пунктуацию автора с учётом сделанных им изменений и добавлений.

Из записных книжек.
[Текст от лица Н.П. Ивлева]

Бродя по местам, некогда кишевшим движением, страстями, от чего не осталось и малейшей памяти в человечестве, грустно становилось на душе, и, охватывали раздумья о неустойчивости жизни не только взятого индивидуума, но и целых народов и многочисленных поколений. Глядя на россыпи половняка и курганы, пытаешься составить хотя бы отдаленное представление об укладе быта жителей Маджар, получить малейшее представление об образе их жизни, заботах, взаимоотношениях, помыслах, обычаях и так далее. И все это скрыто далью веков и разрушением.

В зарослях находил тутовник со спелыми ягодами и вишни. Я не был у правого древнего берега Кумы, потому озадачен следующим обстоятельством. Старики рассказывают, что еще при их памяти Кума протекала у правого берега, а на месте существующего русла была поильная канава. Кума изменила русло, уровень воды был несравненно выше. Ее перегораживали до 40-х годов многочисленные плотины. Глубина была большая, водилось много рыбы, особенно сомов. С разрушением плотин в 20-30 годы Кума стала заметно мелеть и углубляться. Ныне берега крутые, отвесные, высота их доходит до 15 метров и более. Сложены /они/ из плотного грунта – пылеватых суглинков, супесей, песка и прочих разностей. Вода настолько мутна, что на зубах и языке оседает осадок и пить невозможно. Вода забирается на поливные участки и виноградники. Насколько верно сообщение, трудно установить рекогносцировкой, но все в один голос утверждают, что некогда в долине Кумы, от Георгиевска до Величаевки, были сплошные фруктовые сады и виноградники.

Мне видится в этом явное преувеличение в отношении виноградников, а что касается садоводства – верю. Садов сейчас нет. Остатки их вырублены в военное и послевоенное время. Начитают создаваться массивы [новых садов и виноградников?].

7 февраля 1959 года.

Место действительно было занято сооружениями из обожженного кирпича. Заметен почти целый кирпич, характерный для золотоордынского времени, кусочек штукатурки с голубой и зеленой поливой и осколок посуды. Еще довольно хорошо прослеживаются места былых сооружений. Это, как правило, холм с правильным геометрическим очертанием, чаще всего четырехугольным. Грунт холма перемешан с кусочками кирпича и щебнем. Таких холмиков много на пустыре к северо-востоку и к северу от здания больницы. Она находится в некотором отдалении от города, метрах в 400-500. Сразу от стен больницы видны следы городища. Я внимательно осматривал поверхность земли у дорог, у раскопов, у выдуваний и размывов, но нигде не заметил, ни одного кружочка монеты.

У самого берега Кумы в небольшом обвале заметил отвалившуюся глыбу - в откосе открылся горшок. Кто-то лопатой подрыл его, вытащил и разбил. Горшок находился на метровой глубине в материковом грунте. Впрочем, там не было культурного слоя, только тонкая корочка растительного слоя грунта на /*дневной*/ поверхности.

Нашел небольшую часть кирпича с поливой. Взял с собой. Это единственная находка. Тщательности осмотра мешал сильный ветер и налетевшая поземка. Снег закрыл землю. Ветхое пальтишко мое продувалось, фуражка не защищала голову. Мерз и не мог долго бродить, но все же проходил часа два-три. Если завтра погода будет благоприятствовать степной прогулке, снова выйду вояжировать по городищу.

8 февраля 1959 года

Пристально просматривал поверхность земли, где проходил. Осматривал площади, тронутые и взрыхленные механизмами при строительстве дороги.

У самой окраины Прикумска, со стороны Покойного, строители разрабатывали карьер, откуда грунт возили в пойменную часть дороги. Разрабатывали два карьера. Они рядом друг с другом и, кажется, находятся на месте некогда бывшего кирпичного завода или карьера. Это заключено, во-первых, на основании плана местности Городцова, во-вторых, по наличию сохранившегося въезда в старый карьер, расположенный между новыми…[*?*].

Я очень тщательно осмотрел откосы забоя карьера. Во многих местах просматривается культурный слой, содержащий бараньи и лошадиные кости, черепки гончарных изделий и битый кирпич. Культурный слой, как правило, имеет толщину не более одного метра. Прикрывающий слой небольшой, 20-60 сантиметров, а иногда его нет совсем. В разрезе карьера видны помойные ямы. Таковые заметил в двух местах. Помойная яма четко видна. Она была углублена в необжитую толщу пылеватого грунта. В яму сбрасывался пепел, кости, бит*ую* керамик*у* и мусор.

Рис.1

В одном месте, ниже культурного слоя, но не в яме, [*а*] в забое карьера, заметил предмет, отдаленно напоминающий глиняный подсвечник или стакан, в который ныне канцеляристы ставят карандаши и ручки (Рис.1).

Это изделие, конечно, не целое. На его наружных плоскостях нанесен геометрический орнамент. Сохранилось полностью два пояска, образованных выдавленными двойными крестиками. Имеется третий поясок в два раза шире первых двух, он также образован крестами. Изделие из белой глины, изготовлено на гончарном круге.

Здесь же, в карьере, нашел черное грузило и часть оселка, долго бывшего в употреблении. Стал тонким, сломался и был выброшен. Кусок проржавевшего железа. Можно догадываться по ржавчине, что это железо. Очень интересна следующая находка в карьере. Это часть стены длиной около 3-х метров в 10-11 рядов кирпича. Кирпич сырцовый, размеры примерно такие же, как [и у] обожженных. Измерить было нечем. Швы из темной глины. Очевидно, сырец готовился где-то вне пределов сооружения из доброкачественной глины, а глина на раствор бралась у места кладки. От того, она черная, имеет примеси, значит, бралась где-то рядом.

Экскаваторщик пощадил стену, не стал разрушать. Из любопытства вдоль стены пробил забой, посмотрел и отвел механизм. Это я представил и очень благодарен ему. Стену сфотографировал, не знаю, как получится на бумаге.

Следует отметить, что эта стена находится в курганчике, который ни что иное, как место былого сооружения. Курганчики образованы остатками сооружений и наносным грунтом. Значит, чем обширнее курган, тем большее было сооружение, а курганы на городище есть очень большие. Несмотря на то, что городище подвергалось варварскому раскапыванию искателей кирпича, здесь можно еще найти места нетронутые лопатой.

Раскопки таких мест могли бы дать интересные материалы для характеристики бывшего города. Я подобрал несколько ручек от горшков, кусочки кирпичей с поливой голубого цвета и осколки чашек. На городище встретил подростков младшего школьного возраста.

«Нет ли, ребята, у кого старых монет?» – обратился я к ним. Один из них сказал, что есть дома. «Приноси, дам денег на кино». Они побежали и принесли две монетки. Дал найденную в кармане мелочь - что-то около рубля. Бумажной мелочи у меня не было. Зато сфотографировал, чему они были рады. Просил собирать монеты, летом обещал зайти и записал адрес одного из них: улица Кумская, 77, Дорохин Вася, ученик четвертого класса.

На ветру, на холоде, пробыл четыре часа, закоченел.

13 июня 1959 года.

Там, где село Бургун-Маджары цепью домов почти упирается в величественные курганы, находится место неизвестного золотоордынского поселения. Битый кирпич, изредка встречающийся с голубой поливой, покрывает небольшую территорию, примерно, длиной 1000 метров, шириной 200 метров. Половняк и щебень кирпича находится отдельными пятнами, густо усыпав еле заметное взбугривание поверхности земли.

Эти взбугривания – следы былых сооружений, размеры которых, очевидно, были весьма внушительны. Следы особенно большого сооружения находятся на окраине городища вверх по течению Кумы. Это сооружение совсем недавно подверглось раскопке с целью добывания кирпича. Возможно, что оно в центре имело подвальную часть, от которой сохранилось небольшое углубление. Рядом с сооружениями большие выемки. Такие выемки наблюдал и на Маджарах в Прикумске. Эти ямы, не являются ли остатками бассейнов, о которых упоминают в своей книге «Золотая Орда и ее падение» покойные Греков и Якубовский, когда речь шла о Сараях и о том, что жители этих городов устраивали возле своих жилищ бассейны, наполняемые водой. Возможно, что эти углубления являются местом взятия глины для изготовления кирпича.

На большей части городища лет пять тому назад проходил плуг, поэтому очень много кирпича оказалось вывернутым из глубин земли на поверхность.

Еще совсем недавно, в тридцатые годы, местные жители возами вывозили кирпич к себе во дворы и к артезианским колодцам замащивать дорожки.

У колхозного скотника или конюшни, недалеко от дорожной насыпи у крутого берега поймы Кумы, стоит дом колхозницы Надежды Страшновой (Рис.2).

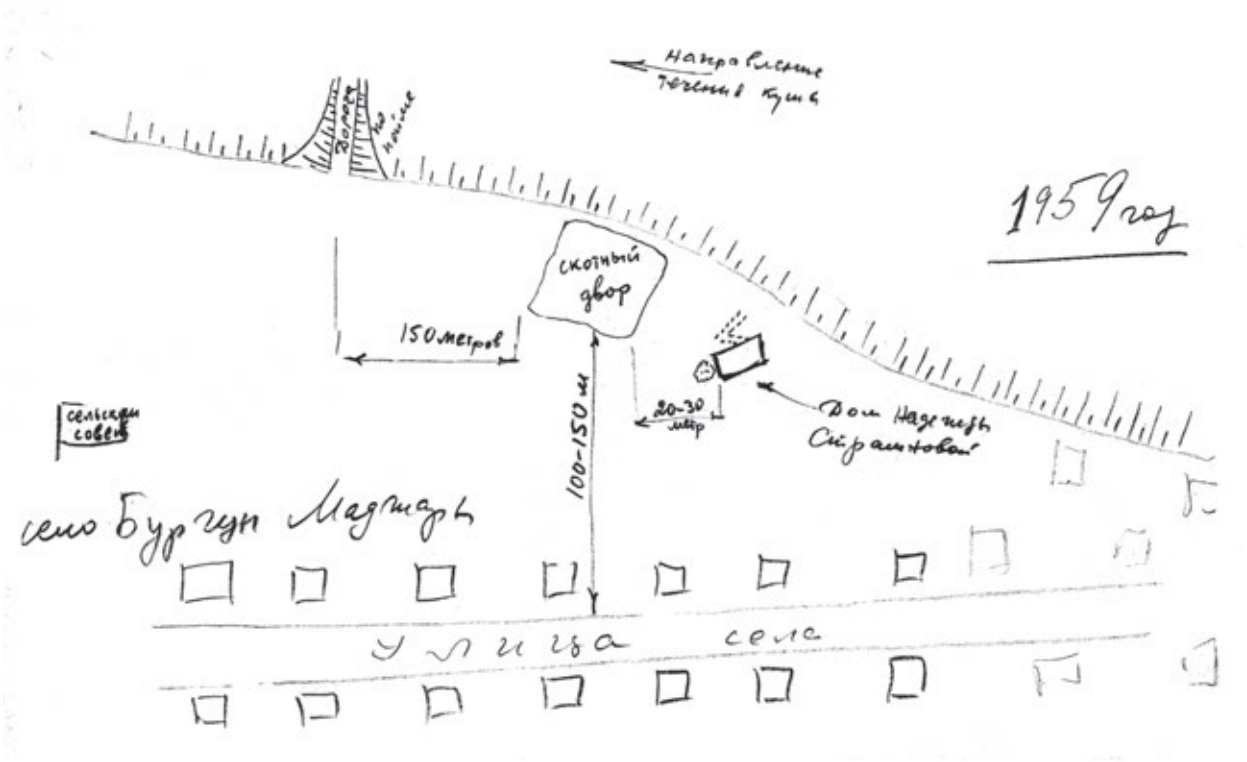

Рис.2

Рис.3

Мальчишки, к которым я обратился с вопросом, как найти дом Страшновой, не без лукавства ответили мне: «А она уже вышла замуж». Я улыбнулся и сказал, что мне не нужна красавица Страшнова, что мне очень нужно посмотреть то место, где в августе прошлого года был обнаружен в земле древний подвал. Они охотно вызвались мне показать и поведали историю.

При строительстве дома заготавливали саман и глину на обмазку во дворе из ямы. Яма располагалась перед входом в дом. Однажды, дно ямы провалилось. В обвале выявилась кирпичная кладка. Мужчины стали копать.

Оказалось, что кирпичом облицовано нечто похожее и на трубу и на лаз. Размеры для подвала, как мы обычно его понимаем, слишком малы (Рис.3).

Подземелье обнаружено на глубине не более одного метра. Оно раздваивалось на два рукава и несколько расширялось. Один рукав шел под дом, другой - в направлении к Куме. В нем нашли кости козы, собаки и несколько горшков с очень тонкими стенками. Пол, как и стены и потолок, был выложен кирпичом. Описание мальчишками кирпича подземелья убедило меня, что это сооружение может быть отнесено к золотоордынской эпохе.

Осмотр Бургун-Маджарского городища не дал никакой интересной находки. Жители находят монеты, но чрезвычайно редко. Даже досужие мальчишки их не видели.

Хозяин, охотно показывавший мне свои «хоромы», рассказывал, что на этом дворе стоял некогда дом прадеда. А эти сараи, наверное, если не прадед, то дед строил. Стропила сарая из леса, росшего тогда в пойме. Во дворе, когда рылись ямы, иногда находили монеты. А однажды нашли медную чашу. Ею долго пользовались.

Дом Страшновой находится между главной улицей села и древним берегом Кумы. Вход в дом со стороны Кумы. Перед фасадом растет одно дерево. По улице проходит профилированная грейдером дорога. Недавно, в этом году, два раза на дороге обнаруживались провалы после прохождения автомашин. Одна даже не могла выбраться.

Осмотр поверхности земли, небольших размеров грунта и берега не указывает на наличие здесь былых сооружений жилого назначения. Возможно, здесь находится место погребения. Не исключена возможность, что обнаружившееся подземелье является склепом.

Курганы №/№ 1, 2 и 3 останавливают внимание внушительностью размеров (Рис.4). Для Прикумья характерна масса курганов разных величин, расположившихся бесконечным рядом вдоль берегов Кумы. Они маячат и далеко в степи. Наибольшая высота их на левобережье. Располагаются группами по нескольку штук, до двух десятков и в одиночку.

Каждая группа является как бы самостоятельным звеном длинной цепи курганов. Группа от группы располагается на расстоянии от 0,5 до 4-5 километров. В Заволжье курганов значительно меньше и многие уступают здешним по размерам.

Несколько больших курганов у Бургун-Маджары попали в полосу отвода дороги и оказались разрезанными резервами, а у села Левокумка снесены совершенно. Тело курганов сплошное, при осмотре разрезов ничего не обнаружено.

Лишь один нарушенный курган, стоящий у канала, неподалеку от места, где канал пересекается со строящейся автодорогой на 40 километров, имеет в разрезе следы костяка. Чьего? Не мог определить. Кости разложившиеся. Собственно костей, как таковых, уже нет, они обозначены кусочками извести в теле грунта.

На двух курганах расположились современные кладбища. Вчера почти весь рабочий день потратил на осмотр территории у Бургун-Маджар и Левокумки. Перемещался на попутных машинах.

Виды городища, остатки фундаментов в виде окружного вала или курганной насыпи, поле, усеянное выпаханными кирпичами, вызывали далеко не светлые размышления о жизни целых народов и обществ. Здесь жил народ, он исчез со своими сооружениями.

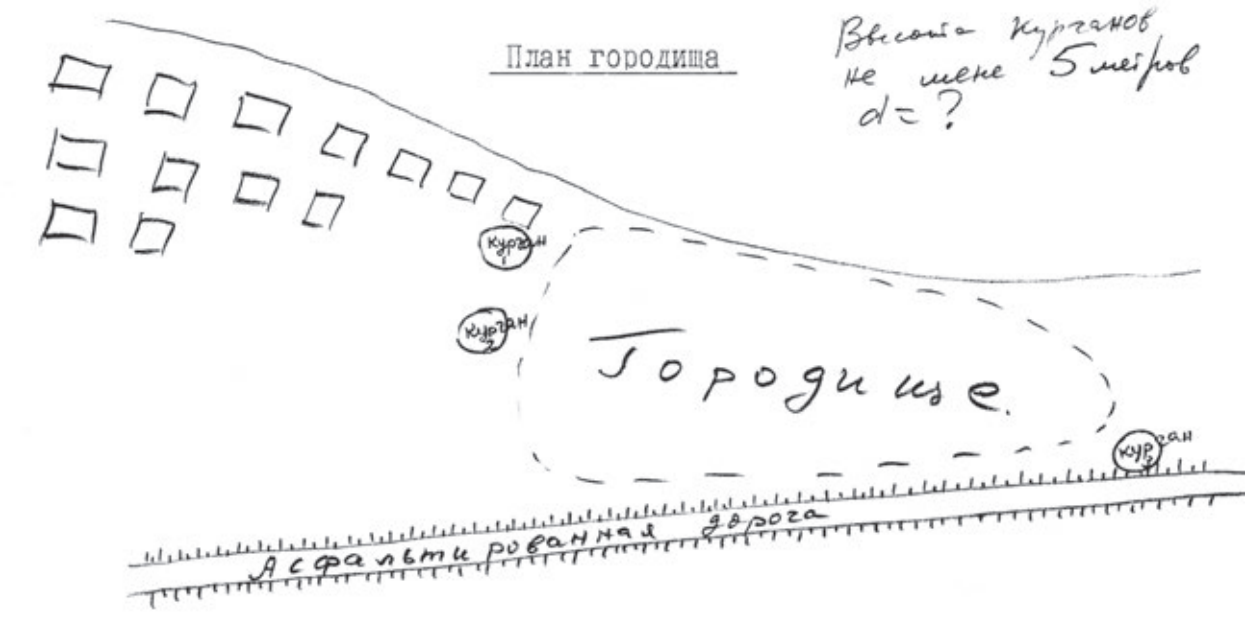

Рис. 4

К нашему времени не осталось буквально ничего, что могло бы пролить свет на их быт, занятия, развлечения, труд, культуру, связи с соседями и государствами. Не осталось памятников их верований, обычаев, духовной, нравственной и умственной жизни. Нет ничего, что могло бы осветить все сказанное. Мы не знаем о причине гибели городов, запустении здешних мест, о судьбе племен. О существовании народа говорят лишь осколки кирпича и посуды, усеявшие поле, а более раннего населения – величественные курганы, как бы застывшие в упоении своих тайн. Эти современники былых веков упорно и навсегда молчаливы. Со временем исчезнут и они. Плуг растаскивает их. Больно смотреть на это уничтожение. Нужна немедленная гигантская работа археологов, чтобы предупредить окончательное исчезновение курганов и перед их гибелью заглянуть внутрь. Авось найдется что-нибудь ценное по научной значимости. Но мы преступно равнодушны к прошлому, мало интересуемся им, увлечены текучкой дня. А жаль!

22 июня 1959 года.

Вчера восемь часов бродил за Кумой в ее древней долине. Цель – осмотр территории «бедной» части Маджар. На левый берег Кумы перешел вброд у горбольницы. Воды по грудь. Больше не одевался. В трусах и ботинках углублялся в заросли тростника и кустарника. Во-первых, хорошо загорел, во-вторых, получил некоторое представление о величине занимаемой Маджарами площади. В этой «бедной» части Маджар жилые сооружения отстоят друг от друга на значительно большем расстоянии, чем в «богатой» части. Они представляют собой как бы хуторки, отстоящие друг от друга на 200-500 метров. Каждый хуторок имеет несколько построек. Иногда они толпились, скучивались и образовывали улицы и кварталы в современном понятии.

Очевидно, население занималось ремесленничеством, виноградарством и огородничеством и такое расположение поселений (разбросанность домов) давало известные выгоды землевладельцам.

При этом нельзя не принять во внимание следующий обычай казахов. Они никогда не устраивают свое жилье у колодца или наоборот, а строят на значительном расстоянии. Мы удивлялись этому. Неужели им нравится ходить за водой за 500-1000 метров. Таков обычай, таковы степные привычки.

Остатки сооружений ныне представлены отдельно стоящими или группирующимися курганчиками, величина которых находится в прямой зависимости от былых размеров сооружения. На поверхности курганчиков находятся кирпичи и фрагменты керамики. При копке ям для столбов выбрасывался щебень кирпича, керамика. Все это залегает массивом в откосе на месте забора грунта у арыка. На ином курганчике, встречаются обнажения груд кирпича, и ясно прослеживается четырехугольная или прямоугольная планировка здания с расположением помещений. Я подобрал кусок дна чаши с круговым орнаментом и зеленой поливой с внутренней стороны и другие фрагменты.

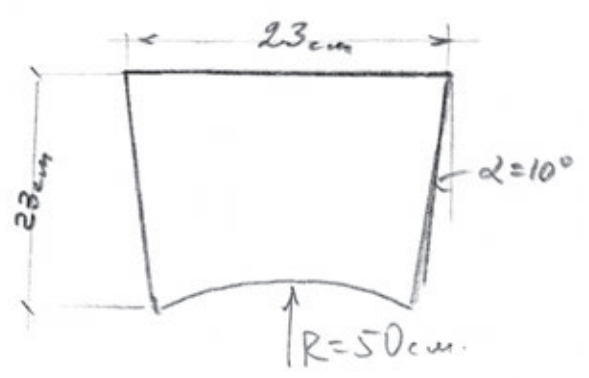

Рис.5

При расчистке площади под виноградник совхоза бульдозером срыт курган. Грунт распланирован. Поверхность густо усыпана целыми кирпичами и половняком. Здесь нашел кирпич следующей формы со следами известкового раствора (Рис.5).

Очевидно, этот фасонный кирпич был вложен в арочное перекрытие оконного или дверного проема, или же из таких кирпичей были выложены труба или сосуд. Хотел забрать с собой, но он слишком тяжел, а нести к квартире около восьми километров. Я устал – это, во-первых, а во-вторых, встречные сочтут за явно ненормального. Местным жителям «татарские» кирпичи вполне обычное явление, они привыкли к ним. Но их тоже волнуют неизвестная история жизни и гибели города. Они иногда собирают кирпич и вывозят его подводами.

В отдалении от жилья, в густых зарослях кустарника и тростника имеются курганы еще не тронутого орудиями труда человека наших столетий.

Голова кружится от желания произвести раскопку хотя бы одного кургана, посмотреть особенности планировки, толщину кладки стен, искусство каменщика. Возможно, удалось бы выявить назначение сооружения, наличие сохранившихся вещей и так далее. Это было бы страшно интересно и полезно не только лично для меня.

В отдаленной части Маджар встречается много камней и целых глыб ракушечника, сильно разрушенного временем. Каждый встретившийся камень переворачивал и с трепетом сердца внимательно рассматривал с тщетной надеждой заметить хотя бы следы надписи. Один кирпич привлек внимание отпечатком куриной лапы. Он глубокий и четкий. Видно, на сырец взбежала курица, и, след ее застыл на века, увековеченный в обжиговой печи. Осталась тщетной надежда найти монетку.

18 апреля 1960 года.

В воскресенье побывал на площади уже бывшего городища Маджар. Территория несколько раз распахивалась и пересечена ирригационными канавами. В центральной части нашел две медных монеты очень плохой сохранности. На восточной окраине обнаружил угол плиты с частью орнамента. Вынести не удалось, спрятал в старую канаву при пересечении ее с дорогой. Весенняя распашка вывернула снова большое количество кирпича. Его собирают в штабели, половняк - в кучи. Застройщики используют в своем хозяйстве. Встретил местного учителя с группой школьников. Заняты сбором подъемного материала. Учитель работает в интернате. Профан, что ему непростительно. Соперничает, вернее, решил соперничать с Сербиненко. Они оба ушли недалеко друг от друга по своей осведомленности. Работают слепо, без должного анализа находимого. Находимым предметам не знают научной или познавательной ценности. Сербиненко, например, орнаментированные камни не подбирал, не видя в них ничего полезного. От такого признания у меня исчезло к нему уважение. При его возможностях в свое время можно было бы спасти гораздо больше материала, чем собрано. Сербиненко работает по интуиции, по природному любопытству к старине. Но этого отнюдь недостаточно. Нужны познания. Необходимо, если не знать, то просто быть знакомым с работами предшественников. Нужно быть эрудированным. Этого Сербиненко не приобрел, да и не стремится приобрести, как мне кажется. Он не знаком даже с последним изданием Грекова и Якубовского, не говоря уже о результатах работы Городцова по Маджарам, Терещенко по Сарай Берке, Баллода по «Волжским Помпеям» и так далее.

Сербиненко – безграмотный собиратель. Если не вмешаться в его занятия, то все собранное им в Маджарах, по темам «Гражданская война» и «Коллективизация» будет *представлять собой* мертвый груз, не поддающийся обработке. Масса, до двухсот–трёхсот(!) фотографий, останется немыми изображениями. Он не систематизирует, не описывает, не фиксирует на местах находок. Фотографии не имеют даже надписей, кто и что, где и когда изображено.

Вместе со школьниками и учителем переворачивал и осматривал три громадных камня, на которые еще в прошлом году посматривал с тайной надеждой. Лицевая сторона одного из камней имела прямоугольное углубление (нишу) глубиной 10-12 миллиметров.

Камень напоминает вертикальное надгробие. Возможно, он и был таковым, но за давностью времени надписи, нанесенные краской, исчезли (Рис.6).

Второй камень имел примерно такое же углубление, но сходящее на нет (Рис.7).

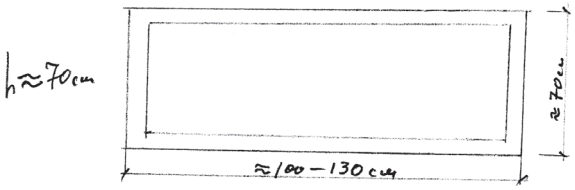

Рис.6

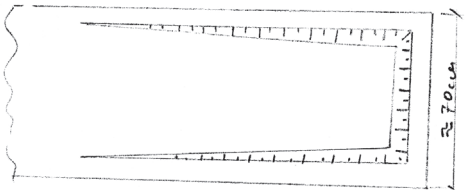

Рис.7

При возвращении в город небольшую часть пути прошел вдоль обрыва берега Кумы, где выковырял разбитый горшочек. Склеив части, можно иметь сосуд. В горшке находились окислившиеся три стальных стерженька. Это были или гвоздики или иголки.

Остановился у сторожки. Покурил и разговорился со сторожами. Один отдал мне серебряную монетку из клада, недавно переданного в местный музей Сербиненко. В кладе насчитывалось примерно 400 серебряных монет. Клад найден в горшке при распашке площади под огород вблизи берега Кумы, против существующего трубного акведука. Много монет потеряно, разобрано рабочими, горшок разбит.

У стана бригады среди собранных куч битого кирпича и камня нашел небольшой камень – то ли с орнаментом, то ли с письменами. Конечно, взял с собой.

26 сентября 1960 года.

Трасса дороги Дивное-Элиста на 34-м километре пересекает курган солидных размеров. Курган на участке дороги Приютное-Ульдигинь (Рис.8). В 3-4-х км от с. Приютное на восток. Через несколько суток он исчезнет. На половину высоты он уже разрезан бульдозером.

Рис.8

Осмотр вытолкнутого грунта и разреза тела кургана ничего не дал интересного. На глубине в 1 метр выковырнул два небольших осколка белого стекла. Сосуд был шаровидной формы. Судя по внешнему виду стекла и притупленным граням раскола, стекло отнюдь не нового времени. Найдена часть черепной коробки человека. Сохранность очень плохая. Череп не деформирован. Окрашен.

Курган высотой 3-3,5 метра. Хорошо сохранился круговой резерв, из которого брался грунт в насыпь кургана. Растительный слой, покрывающий сферу кургана, новообразован и такой же мощности, как поле. Следовательно, время возведения кургана таково, что на насыпном грунте успел образоваться растительный слой грунта типичной толщины для данного района. Рядом, вдоль невысокой полосы поднятия местности (к северу – спад к одному из Подманков), расположено целое семейство, до 10 штук, курганов. Скоро исчезнет не только этот разрываемый курган. В пятидесяти - ста метрах, небольшой по высоте, но в диаметре внушительный курган. Очевидно, он оказался недосыпанным до нормальных размеров или более древний, а потому, за счет смыва водами и развевания ветром, уменьшился. Он прикроется насыпью дороги. Этому обстоятельству я рад и опечален. С одной стороны – сохранится от разрушения на неопределенно долгое время, а с другой – окажется навсегда потерянным.

Около трех десятков курганов различных размеров имеются на горе Хамур (в 20-25 километрах от Элисты по дороге на село Дивное).

15 октября 1960 года.

На околице, примерно на поперечной осевой линии села Левокумское, расположена группа курганов. Насчитал их 6 штук. В центре группы самый большой. Высота его два метра. На запад от него несколько меньшей величины. Этот уничтожен. Строители городка нефтяников выбрали в теле кургана ядро. Грунт использовали:

1. На оштукатуривание сборно-щитовых домиков;
2. На присыпку небольшой нефтебазы.

Мимолетный осмотр разрезов кургана дал следующее наблюдение. В теле кургана оказался костяк очень нарушенный. Кости позвонка, ребер и черепной коробки окрашены краской красноватого или темно-оранжевого цвета. Сильно разложившиеся, мягки. Небольшим усилием пальцев ломаются и сминаются. Ватообразны.

Громадное число групповых курганов между Левокумкой и Бургун-Маджарами. Собственно говоря, курганы на этом участке тянутся цепью без заметных разрывов между группами.

Декабрь 1960 года.

Найдена орнаментированная плита. Плита сдана Пятигорскому краеведческому музею (Рис.9).

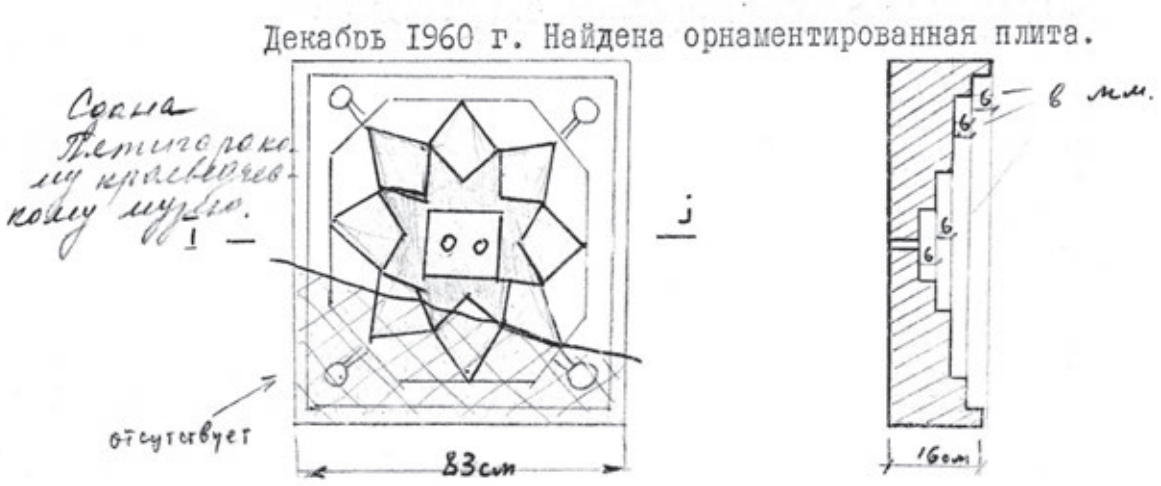

Рис.9

Статья из газеты «На стройке», органа управления партийной и профсоюзной организаций строительства № 7 Главдорстроя Министерства транспортного строительства СССР. Среда, 13 июля 1960 года, № 12 (53). Тираж 1000 экземпляров.

Берегите памятники прошлого

Автомобильные дороги, строящиеся нашим управлением, находятся в районах, богатых памятниками далекого прошлого. Это, главным образом, курганы-могильники различных эпох и размеров в плане и профиле.

У многих рабочих возникают вопросы: «Когда, каким народом созданы курганы? Какие тайны и предметы хранят они в себе?» Это совсем не праздный интерес. Он вызван любознательностью и естественным желанием глубже познать далекое историческое прошлое нашей страны. Ответы на эти вопросы дают труды советских археологов. К сожалению, не все у нас понимают научную ценность курганов. Некоторые, зараженные кладоискательством и по незнанию, пытаются вскрыть тело кургана.

Так, механизаторы МДО дорожно-строительного района № 12 скреперами разрыли и по существу уничтожили большой курган у села Новозаведенное. Курган был разрыт до погребения, защищенного срубом из дубовых бревен, давно превратившихся в труху. В дорожно-строительном районе № 1 уничтожено 4 кургана, а многие повреждены.

Более того, на участке ДСР № 1 при строительстве дороги, трасса проходила по территории некогда бывшего Золотоордынского города Маджар. Культурный слой городища с остатками кирпичных сооружений срезался грейдер-элеватором и скреперами и укладывался в насыпь дороги.

В результате варварского отношения к земельным угодьям и бескультурья производства работ, что выразилось в закладке разбросанных и чрезмерно широких резервов, погибла значительная часть древнего городища. А она ведь ждала своего исследователя – археолога! Сейчас в резервах и на откосах насыпи находят монеты, куски битого кирпича и фрагменты керамической посуды с орнаментом и разноцветной поливой.

Следует помнить, что в курганах находятся только костяки захоронений, керамические изделия ритуального обряда и быта и, возможно, истлевшее вооружение древних воинов. Кладоискатель в разрытом кургане не встретит ничего интересного для себя, но зато уничтожит много ценного и полезного для науки. История давно исчезнувших племен восстанавливается, как правило, не по письменным источникам, таковые почти не дошли до нашего времени, а по археологическим находкам материальной культуры: орудия труда, предметы быта и по способу захоронений. Каждый уничтоженный курган – большая потеря для науки. Каждый курган рано или поздно будет вскрыт и изучен специалистами. Специальное Постановление Правительства запрещает уничтожение и повреждение археологических памятников: курганов, городищ, каменных изваяний и так далее. Самовольные раскопки преследуются законом. Советский закон запрещает производить какие-либо археологические раскопки без специального разрешения, выданного Академией наук.

Товарищи механизаторы, мастера, прорабы и главные инженеры, не допускайте случаев уничтожения курганов, пресекайте всякие попытки повреждения и вскрытия могильников, разъясняйте товарищам по работе важность сохранения памятников древней культуры, находящихся вблизи строящейся дороги и на полосе отвода! Берегите наследие древности!

Н. Ивлев, *Старший инженер центральной лаборатории УС № 7*

Краткий отчет

Передаваемый подъемный материал собран на территории бывшего золотоордынского города Маджар в 1959, 1960 и 1961 годах. На прилагаемой схематической карте, затушевкой карандашом красного цвета обозначены места находок (Рис.1) . На находках наклеены ярлыки с указанием номера квадрата. Эта, весьма приближенная привязка находок к местности, мною не может быть точно осуществлена, за неимением в свое время подробного плана местности и, конечно, не мог по известным причинам использовать для привязки геодезический инструмент. Сбор материала производился эпизодически, и не преследовалось какой-либо цели.

После находки орнаментированных камней в местах ирригационных работ, очень сожалею, что не сумел эти находки привязать к местности с предельной точностью.

Более достойно сожаления то, что на месте производства ирригационных работ в 1960 году не было специалиста-археолога. Его повседневное присутствие могло бы спасти от разрушения и потери массу глазурованной посуды, монет, орнаментированных камней и других предметов быта.

Бывая по долгу службы в городе Прикумске, в каждый приезд обходил городище. Осматривал места, где производились земляные работы. Всё найденное старался сохранить.

Не имея возможности более хранить собранное в квартире, решил принести в дар музею.

Полагаю, что находки могут представить какой-то интерес. В связи с этим считаю долгом сообщить следующее.

1

В так называемой «бедной», луговой или правобережной части Маджар в 1959 году начались плантажные работы по подготовке площадей под виноградные сады. До лета 1959 года значительная часть территории городища была вне сферы деятельности местных совхозов. Территория городища, особенно восточная, центральная и юго-восточная части, была покрыта труднопроходимыми зарослями кустарника и тростника.

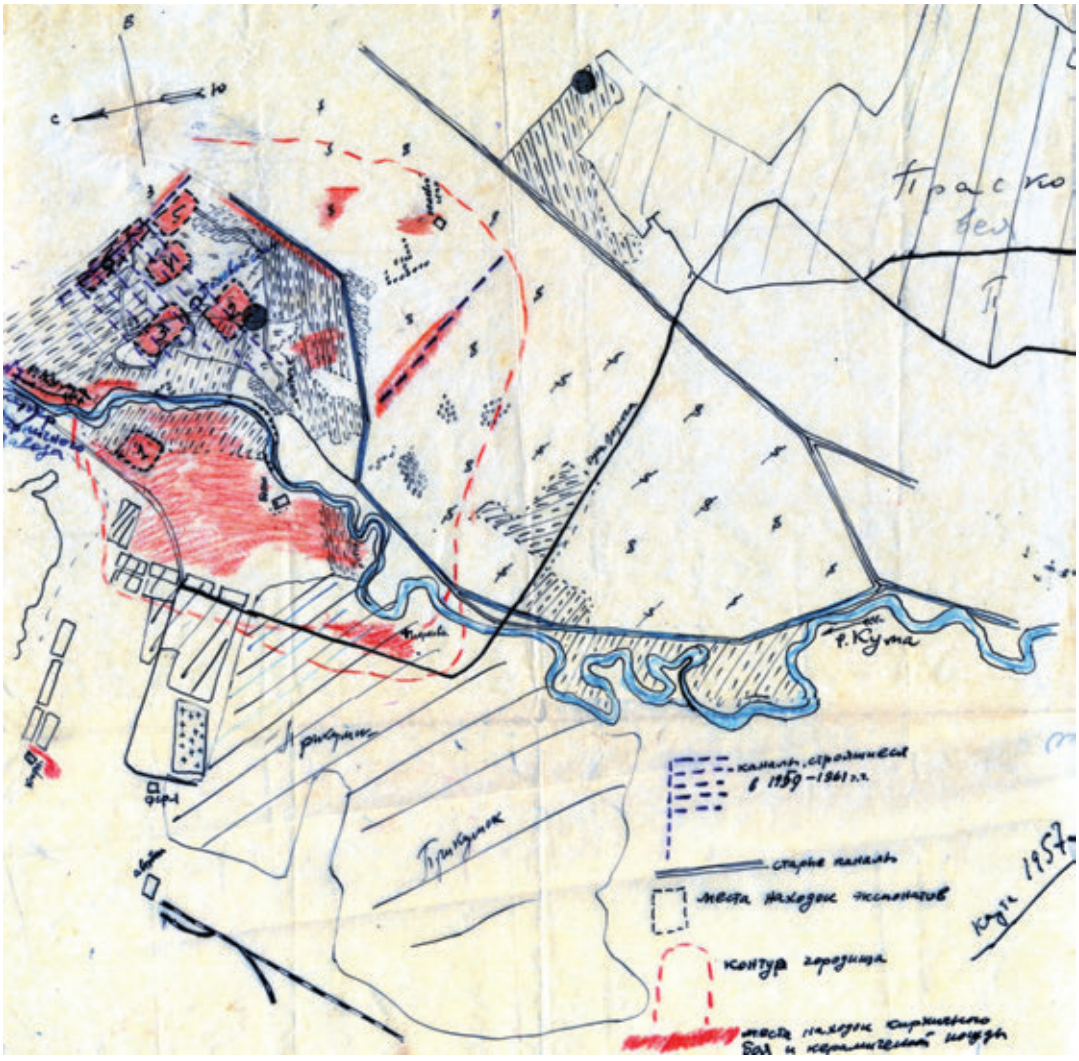

Рис.1

На всей площади встречались различной высоты курганы высотой до 1,5 метров и диаметром 10-15 метров. Нередко встречались курганы, деятельный слой почвы с которых был удален ветром, талыми и дождевыми водами. Здесь ясно проступали очертания плана соору-

жений из сохранившихся остатков контурных и внутренних стен. Остатки стен имели высоту 4-7 рядов кирпича. Чтобы изучить планировку и систему отопления сооружения, не требовалось произвести большого объема земляных работ. Очевидно, здесь можно было ожидать некоторую аналогию с Сарай Бату и Сарай Берке. Ориентировочно было достаточно выбросить 50-70 кубометров грунта, и нижняя часть сооружения могла быть обнажена для осмотра, фотографирования, обмера и снятия чертежей. Весной 1961 года этого я уже не мог обнаружить. За истекшие два года совхозами произведены работы по срезке кустарниковых зарослей и планировке площади.

Планировка производилась бульдозерами и скреперами, после чего площадь распахивалась. При планировке на поверхность земли выворачивался в большом количестве характерный для времени Золотой Орды квадратный кирпич, каменные блоки рваной и правильной геометрической формы, керамика и жернова от 40 до 130 сантиметров в диаметре. Рабочие совхоза все это собирали и вывозили автомашинами. После одного такого сбора мною было насчитано более десяти штабелей. В каждом штабеле находилось до 200 штук целого кирпича. Половняк не собирался. Каменные блоки совхоз складировал у полевого стана. Сбором кирпича и камня на городище старожилы занимались и в послевоенные и довоенные десятилетия. Вывозили подводами. При этом находили иногда каменные блоки с надписями и орнаментами. Так, по рассказу полевого бригадира Прасковейского совхоза в 1953 году была найдена плита, одна плоскость которой была испещрена надписями. Текст был врезной и углубления письма покрыты сохранившейся краской. Плита была увезена в Прасковею одним из жителей и положена у порога. Выяснить местонахождение не удалось. На распаханных площадях находилась масса кирпичного боя и керамики, игральные кости со следами обработки, окисленные кружочки медных монет. Монеты находились в квадратах №/№ 1, 3 и 4. Фрагменты орнаментированных плит найдены в квадрате № 3 и № 6 и на площади между этими квадратами.

В 1960 году производилось рытье оросительных канав, глубиной до 2 метров с помощью экскаватора типа «Драгляйн». В разрезе канав прослеживался строительный мусор, достигающий мощности 1 метра. Культурный слой городища довольно мощный. В некоторых местах (квадрат № 6 и обрыв берега Кумы квадрат № 7) достигает полутора метров. В культурном слое находится хорошей сохранности керамика. Ковшом экскаватора керамическая посуда разрушалась, а если выбрасывалась целой на поверхность, то разбивалась рабочими. Так, в квадрате № 5 экскаваторщиками был обнаружен горшок объемом не более одного литра. В нем нашли несколько штук медных монет, которые забрали ради любопытства, а горшок выбросили. В квадрате № 7 найден горшок с четырьмястами серебряных монет. Большая часть клада была передана учителю истории Прикумской школы № 1 Сербиненко Владимиру Яковлевичу, но много монет разошлось среди рабочих. Спустя несколько месяцев мне удалось у сторожа виноградника получить одну монету из этого клада. Небольших размеров жернова встречались почти повсеместно, а в квадрате № 5 встречено было два жернова диаметром 130 сантиметров, там же встречены большие каменные блоки весом не менее 200 килограмм. Один из блоков имел на одной из своих плоскостей следующее углубление (Рис.2).

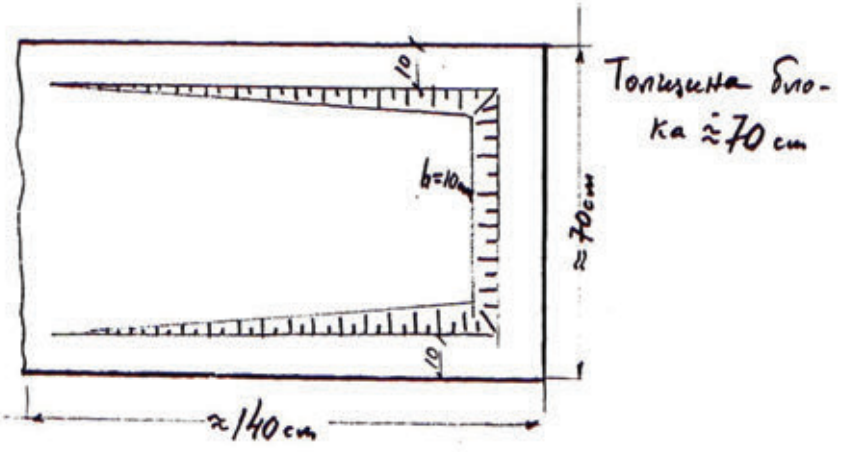

Рис.2

Кстати сказать, большая часть встреченных каменных блоков изготовлена из камня ракушечника. По визуальному определению этот камень тождественен ракушечнику из Бурлацкого каменного карьера. Встречаются камни из песчаника и известняка. Видел куски мрамора белого цвета, но весьма незавидного качества.

В квадрате № 1 находится грунтовый карьер, из которого грунт осенью 1958 года брался на строительство участка земляного полотна автомобильной дороги, проходящей через озеро Мокрая Буйвола.

В разрезе карьера встречена помойная яма золотоордынского времени. Здесь найдена одна бусинка диаметром 15 миллиметров, покрыта белой эмалью, по которой нанесены три черных эмалевых полоски. Бусина изготовлена из обожженной глины. Рядом найден трубчатый предмет из серой глины. Внешняя плоскость покрыта крестообразным орнаментом и круглыми поясками напоминает (подсвечник, калям или?).

Но самое интересное здесь встречено – это угол сооружения из 11 рядов сырцового золотоордынского кирпича. Кирпич укладывался на глиняном растворе (Фото.1).

В квадрате № 3 и № 4, находимый кирпич имел следы известкового раствора. В растворах использовался местный речной песок. В Куме встречается очень мелкий песок и притом, пылеватый. Сейчас такие пески не используются из-за их чрезвычайно низких строительных качеств. Золо-тоордынские строители ис-пользовали его по необ-ходимости, из-за отсутствия вблизи других месторожде-ний и следует отдать должное – умело. Раствор обладает большой прочностью.

Подходя с позиций существующей классификации песков и грунтов, местные пески можно называть не иначе, как пылеватой супесью плывунного типа.

Фото 1

Известковый раствор на основе пылеватой супеси очень прочно сцеплял кирпичи, что дало возможность видеть элемент свода у квадрата № 2, когда был разрыт курган бульдозером при планировке участка. В случае сохранения этого кирпичного блока (кирпичи клиновидные) из сводчатого элемента разрушенного сооружения он бы явился хорошим экспонатом и представил бы интерес для изучения строительного искусства Золотой Орды. В квадрате № 6, в разрезе канавы, кроме кирпичного боя, боя керамической посуды, видны слои пепла и костей

животных и рыбы. Рыбьих костей незначительно. На городище Сарай Бату слой рыбьих останков достигает полуметра. Здесь же встречаются очень небольшие скопления. Зола – древесная и кизяковая, но в целом - кизяковая.

В районе между 3 и 4 квадратами при срытии одного кургана вырыт хорошо сохранившийся череп человека. В области надвисочной кости - пролом, нанесенный тонким орудием. Человек умерщвлен ударом кинжала или концом сабли. Кости человека встречаются на всей территории, но очень редко. Особенно часто и много встречается их в левобережной части Маджар. При осмотре обрыва левого берега Кумы весной 1960 года на глубине полутора метров от дневной поверхности было замечено 6-8 костяков. Костяки не деформированы, не окрашены. Лишь в одном месте – на месте действующего ныне грунтового карьера кирпичного завода, встречено 3-4 черепа, окрашенных в цвет стальной окалины. Черепа получили окраску вследствие их нахождения длительное время в железистом песке. Окраска, во всяком случае, не охры. Черепа не деформированы.

Обвалы берега почти всегда содержат в себе кости человека. Костяки встречены в обрыве берега на участке от горбольницы до конца квадрата № 7. Здесь встречались каменные блоки. В Юго-Западной части городища кирпичного боя встречено мало, зато обильно встречаются куски спекшейся глины и бой керамики. Очевидно, следует предполагать, что в этой части жило наиболее бедное население, ремесленники по приготовлению посуды. Впрочем, куски спекшегося кирпича встречаются повсеместно на всей территории левого и правого берегов. Во время существования города Маджар, русло Кумы находилось на более высоких отметках. Русло располагалось, во всяком случае, не там, где находится сейчас. Я имею в виду участок русла от квадрата № 1 до конца квадрата № 7. На эту мысль наводит то обстоятельство, что на участке квадрата № 7 городище разрезано Кумой. В разрезе обрывистого берега виден культурный слой и прослойки целого и битого кирпича. Здесь, в обрыве, мною найден горшок, цепь и, немного западнее, металлическое изделие, напоминающее лезвие топорика. Металл полностью окислен. Левобережная часть Маджар в основном была застроена крупными кирпичными сооружениями, которые отстояли друг от друга на небольшом расстоянии, а в иных местах, буквально теснились. Остатки этих сооружений ныне представлены курганами. Особенно характерно для этой части то обстоятельство, что возле кургана расположено чашеобразное углубление различных размеров, иногда поражающих размеров. Но есть ли эти углубления местами взятия глины для изготовления кирпича? Зодчие того времени, для избежания излишних транспортных работ, могли изготавливать сырец-кирпич, а потом обжигать его непосредственно на строительной площадке, у места возведения сооружения. Эту догадку подтверждает, конечно, не случайное, наличие почти у каждого кургана спекшихся кусков кирпича. Ямы после окончания строительства могли быть соответствующим образом приведены в порядок и превращены в бассейны, о которых упоминают Греков и Якубовский в своей книге «Золотая Орда и ее падение». Не случайно же углубления сопутствуют курганам.

Подобные углубления, хотя и значительно реже, встречались и в правобережной части городища. Здесь и курганы значительно меньших размеров. Следует отметить, что сохранность остатков сооружений в правой части городища была хорошей. Курганы отстояли друг от друга на несколько десятков и даже сотен метров. Эта часть города представляется мне, судя по опыту личного осмотра, состояла из целого ряда комплексов сооружений. Каждый комплекс образовывал нечто подобное усадьбе. В юго-восточной части городища усадьбы друг от друга были удалены на 100-200 метров. В каждой усадьбе насчитывалось 3-5 сооружений.

2

В 24-х километрах восточнее города Прикумска расположено село Бургун-Маджары. На западной околице села 2 кургана громадных размеров. За курганами площадь степи, примыкающая к древнему берегу Кумы. Площадь покрыта холмиками. В послевоенное время поле неоднократно распахивалось. Сейчас оно обильно усеяно кирпичным боем. Кирпич золотоордынского времени. Старожилы рассказывают, что в период коллективизации на строительство колхозных построек требовалась известь. На городище отыскивали в земле каменные блоки и плиты, которые путем обжига в печах превращали в комовую известь-кипелку. На плитах и камнях, рассказывают, встречались письмена и рисунки.

В августе 1958 года у колхозной конюшни колхозница - вдова Надежда Страшнова - строила дом (Рис.5). На обмазку стен из сырцового кирпича брала глину из ямы. Н глубине 1

метр дно ямы провалилось. Увидели отверстие. По рассказам мальчишек можно представить следующее. Обвал ямы произошел из-за разрушения свода трубообразного сооружения, которое в двух-трех метрах разветвлялось на 2 рукава. Стены и дно сооружения облицованы кирпичом (Рис.4). Перекрытие устроено путем постепенного напуска кирпича.

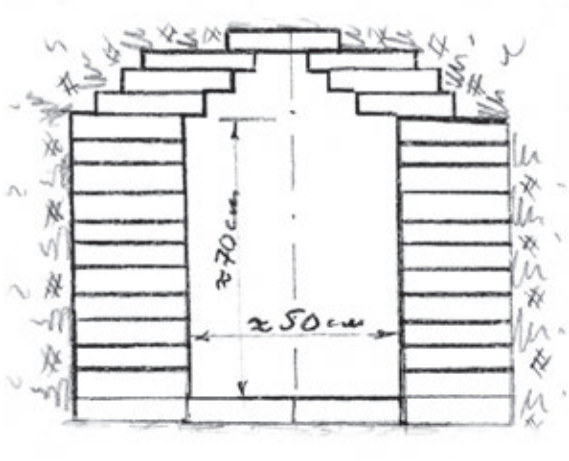

Рис.4

Одна ветвь сооружения уходила под дом, другая в глубину двора в сторону Кумы.

В сооружении найдены несколько небольших горшков, кости козы и собаки. Яму засыпали. Сооружение, таким образом, сохранено и может быть легко снова найдено.

В трех километрах западнее села, в пойме замечены остатки золотоор-дынского сооружения, кирпи-чи которого были выворочены плугом. Жители, собирая кирпич, гатили им сырые места у колодцев.

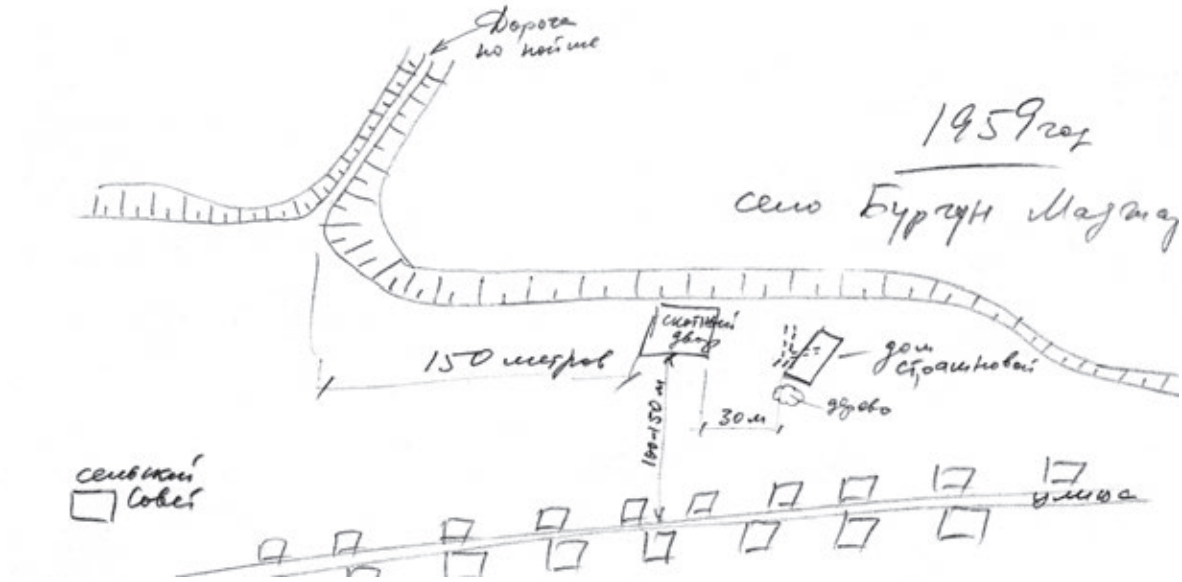

Рис.5

В одном из домов семидесятипятилетний колхозник рассказал, что в бытность его детства, при рытье погреба, нашли бронзовую чашу или небольшой казан, которым долго пользовались в хозяйстве.

Со слов колхозника, еще в прошлом веке в пойме Кумы росли леса, кустарники и дикий виноград. Леса вырублены, кустарники и камышовые заросли уничтожены скотом. Скот зимовал в тростниковых зарослях.

О времени основания Прасковеи, Святого Креста и Бургун-Маджар он говорит довольно точно. Осведомлен о гибели Михаила Тверского. Рассказывал подробности о жизни первых поселенцев.

В Бургун-Маджарах монеты находят чрезвычайно редко. Некогда находили как медные, так и из драгоценного металла. Мальчишки не имеют понятия о золотоордынских монетах.

3.

На восемьдесят втором километре от Прикумска, в полутора-двух километрах от Величаевки, вблизи автомобильной дороги Арзгирского направления, в песках, обнаружена керамика черного и красного цвета. Орнамент на черепках отсутствует. Фрагменты очень мелкие. Датировке керамика не поддается. Во всяком случае, она не нового времени.

4.

Вблизи пересечения Кумо-Манычского канала с автомобильной дорогой Прикумск-Урожайное, в откосе канала замечены следы деятельности человека. Эти следы проявлялись наличием четырех-пяти сантиметрового слоя пепла по длине один-полтора метра, мелких фрагментов керамики, бараньих костей и обожженного грунта. Судя по внешнему виду керамики, притупленным *её* обломкам, она не может принадлежать новому времени. Вероятно, здесь находился очаг, врытый в поверхностную толщу грунта. Так поступают сейчас сторожа бахчей и пастухи в Поволжье и Казахстане.

Восточнее, в двух километрах за мостом, через канал, в кювет-разрезе дороги, найдена ключица весьма плохой сохранности. Кость имела бумажно-белый цвет, растрескавшаяся на призмочки. Костяк находился не более 80 сантиметров от поверхности.

Примерные контуры городища нанесены на карту на основе личного обхода и осмотра указанной территории. Территория правобережной части города, указанная археологом Городцовым, значительно уменьшена. Эта ошибка, повторена Минаевой, автором статьи «Золотоордынский город Маджар». // Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск № 5. 1953 год.

Осмотр городища наиболее доступно и целесообразнее производить поздней осенью, когда наступило полное увядание трав, или ранней весной, до появления новой растительности. В эти периоды года хорошо просматривается рельеф, заметны пятнами остатки былых сооружений в виде небольших курганчиков.

В это же время также легкодоступны поиски монет на распаханном поле.

Сбор монет следует производить утром или после небольшого дождя, когда верхняя 0,5-1 сантиметровая корочка грунта на солнце и ветре подсохла и приобрела белесый цвет. На фоне этой поверхности хорошо видны монеты в виде темных пятен. Темный цвет обуславливается гигроскопичностью окисла меди. Гигроскопичность окисленной меди больше гигроскопичности грунта. Поэтому влага на кружочках монет долее удерживается, чем в грунте и дает возможность легко обнаруживать монеты не только на поверхности, но и под сантиметровым слоем грунта. Вот почему целесообразно проводить поиски с восхода солнца до 10-12 часов дня.

сентябрь 1961 года, инженер ***Н. Ивлев.***

Список находок

№	Наименование предметов	Кол-во штук
	Глазурованных прямоугольных в плане кирпичей	11
	Глазурованных квадратных кирпичей	6
	Глазурованных плиток (фрагменты)	7
	Кусок мрамора (фрагмент плитки)	1
	Кувшин	2
	Горловины	2
	Трубчатый предмет	1
	Оселки	2
	Ручки кувшинов	5
	Лезвие топорика	1
	Ручка с горловиной кувшина с пятнистой глазурью	1
	Фрагмент горловины и ручка кувшина зеленого цвета	1
	Фрагмент шарообразного сосуда из серой глины, орнаментирован штампованными цветочками	1
	Образцы днищ чаш покрытых поливой	5
	Целое днище чаши. Полива желтая. Орнамент	1
	Грузило	2
	Кусок металла (сталь)	1
	Бронзовая пластинка	1
	Пуговица из кости	1
	Мелкие фрагменты посуды	В газете и коробке
	Кирпич	1
	Орнаментированные фрагменты плит. Ракушечник	3
	Орнаментированные фрагменты плиты. Мрамор	1
	Цепь	1
	Папка с отчетом	1
	Коробка: 1. Бусинка 2. Бронзовые монеты 3. Бронзовая пластинка 4. Серебряная монетка 5. Глазок из стекла в бронзовой оправе	 1 28 1 1 1
	Череп	1

Ивлев, *26 сентября 1961 года.*

Акт приемки-сдачи за 1961 год. Город Ставрополь.

Мы, нижеподписавшиеся, заведующая фондами Ставропольского музея Бунькова Раиса Михайловна и инженер Главдорстроя (г. Пятигорск) Ивлев Николай Петрович, составили настоящий акт, в трех экземплярах, в том, что первый принял, а второй сдал коллекцию археологических предметов с городища Маджара музею в постоянное пользование. Сданы следующие предметы музейного значения:

№	Наименование предметов	Учетное обозначение	Сохранность предметов
1	Фрагмент плитки с арабскими письменами	1	Обломок
2	Орнаментированные фрагменты плит (ракушечник)	2	Обломок
3	Глазурованных, прямоугольных в плане кирпичей	11	Не полная
4	Глазурованных квадратных кирпичиков	6	Не полная
5	Кусок мрамора	1	Кусок
6	Сопло	1	Не полная
7	Оселок	1	Хорошая
8	Пряслице	1	Хорошая
9	Квадратный кирпич	1	Хорошая
10	Лезвие топорика железное	1	Не полная
11	Цепь железная	1	Не полная
12	Кусок металла	1	Кусок
13	Пуговка из кости	1	Хорошая
14	Бронзовая пластинка	1	Не полная
15	Сосуды глиняные	2	Склеенные
16	Бусина глазурованная	1	Полная
17	Глазок из стекла в бронзовой оправе	1	Не полная
18	Бронзовые монетки	28	Не полная
19	Серебряная монетка	1	Хорошая
20	Фрагменты глиняной глазурованной посуды	40	Фрагменты
21	Череп человеческий	1	Не полная
22	Грузило *вычеркнуто из списка!*	1	Не полная
23	Точильный камень	1	Хорошая
24	Глазурованные фрагменты плитки *вычеркнуты из списка!*	7	Фрагменты
25	Фрагменты глиняной посуды	21	Обломки
26	Игральные косточки	2	Хорошая
27	Отчет о сборах переименованных предметов, отпечатан на машинке на 17 страницах, к нему пришита карта с указанием места находок		
Всего по акту принято 136 предметов и отчет			

Н. П. Ивлев
г. Харьков, 1962 год, рукопись

[Письмо адресованное А.Л. Нечитайло - научному сотруднику-археологу Ставропольского музея краеведения.]

Уважаемая Аннета Леонидовна!

Вчера был в музее и хотел передать Вам новый вариант, предварительный. К сожалению, Вас не оказалось. Нужно было бы кое о чем поговорить и договориться. Просмотрите передаваемое. Изменяйте, сокращайте и дополняйте по своему усмотрению, после чего все материалы (мой черновик и Ваши записки и т.д.) вышлите в Харьков, дабы я мог вновь поработать и представить Вам второй вариант.

В мае месяце я вновь должен быть на Северном Кавказе. Тогда займусь фотографированием предметов и привезу карту Маджар.

Сейчас еду на два дня в Прикумск, где постараюсь внимательно просмотреть собрание В.Я. Сербиненко. Тоже самое сделаю в Пятигорске. Какие у Вас замечания пол стилистике и содержанию рукописи?

Шлите по адресу: город Харьков, переулок Студенческий, 1, общежитие № 2 ХАДИ, Ивлеву Н.П.

Желаю успехов и личного счастья.

Ивлев,

25 марта 1962 года

Новые экспонаты[1]

Осенью этого года инженер Ивлев Н.П. подарил Ставропольскому музею коллекцию древних вещей, собранную им в течение нескольких лет на распаханной территории золотоордынского города Маджара.

В настоящее время коллекция хранится в археологическом зале музея.

Среди переданных предметов большое место занимает строительный материал:

1. Кирпичик в форме квадратной двадцатисантиметровой плитки, толщиной в 4-5 см.;

2. Отделочный кирпич для зданий, имеющий форму брусков, клинообразно суженных к задней грани. Передняя, лицевая сторона покрыта голубой глазурью.

3. Цветные вставки в узорчатые украшения. Такие украшения располагались на карнизах зданий, косяках дверей и окон, стенах и полок.

4. Беломраморная орнаментованная плитка, неполно орнаментованные плитки из ракушечника, причем одна из них – с арабскими письменами.

В последнее десятилетие на территории золотоордынского города Маджар найдено большое количество различных памятников материальной культуры, хранящихся в музеях Ставрополя и Пятигорска.

Наибольшая часть находок сосредоточена в городе Прикумске, в музее, открытом на общественных началах на базе находок последних лет.

Преобладающее число археологического материала собрано силами местных краеведов и краеведческим кружком Прикумской школы № 1, организованным учителем истории В.Я. Сербиненко. В силу разобщенности мест хранения и случайного сбора, собранный материал не описан, не систематизирован и никем не изучен. Поэтому он пока не использован и не включен в научный обиход.

А между тем, научная ценность его несомненна. Соответствующая обработка и детальная систематизация богатого фактического материала должна бы в какой-то мере дополнить наши представления об архитектурном облике золотоордынского города, осветить условия материальной и культурной жизни, быт и взаимоотношения населения.

Известно, что исследование профессора-археолога А.В. Городцова дало исторической науке богатый материал и разрешило целый ряд спорных и неясных вопросов в истории города Маджар.

По существу, экспедиция 1907 года В.А. Городцова была единственной, которая производила полевые работы.

---

[1] Скорее всего, текст написан Н.П. Ивлевым совместно с Аннеттой Леонидовной Нечитайло (научным сотрудником-археологом Ставропольского краеведческого музея с 1961 года) письмо Николая Петровича к которой приведено в самом начале. Кроме того, Н.П. Ивлев писал о себе в первом лице, здесь он упоминается в третьем лице, упоминается он, также, и как «один из авторов настоящей статьи.

Последующие посещения городища Маметханова и Т.М. Минаевой и проведенные ими по заданию Северо-Кавказского краеведческого музея полевые исследования дали очень немного материала.[2]

Началу сбора предметов быта на маджарских развалинах положил Г.Н. Прозрителев, который привлек внимание и возбудил интерес археологов к Маджарам и, очевидно, благодаря которому, состоялась экспедиция профессора Городцова.

Целью настоящей статьи является описание нынешнего состояния городища, обстоятельств нахождения за последние годы некоторых предметов, краткое описание находок, находящихся в археологическом зале Ставропольского музея и музея в городе Прикумске.

1.

Осенью 1960 года одним из авторов настоящей статьи произведено обследование нижней террасы долины и левобережья Кумы с целью выяснения по визуальным признакам былой территории города Маджар. Это дало возможность оконтурить городище и нанести на карту в примерном приближении квадраты, где за три года нами выявлены и собраны памятники культуры (рисунок 1).[3]

Городище располагается на правом и левом берегах Кумы. Его левобережная территория непосредственно примыкает к юго-восточной окраине города Прикумска. Часть территории с конца прошлого века занята современными сооружениями. Левобережное городище было объектом внимания многих исследователей, местом полевых работ археолога Городцова и раскопок 1909 года Прозрителева. В середине прошлого века губернским землемером А.П. Архиповым произведена инструментальная съемка городища. К сожалению, генеральный план, вероятно, потерян. Но имеется сокращенное описание его. На плане Архипова «было обозначено 43 полных квартала и 7 неполных.

В пределах всех обозначенных кварталов было указано 426 холмов различной величины, 168 углублений малого размера, 4 среднего и 6 крупного; 32 окопа средней величины и 6 окопов значительных размеров; 1 кладбище, расположенное возле реки на горе и 4 основания каменных башен». (Цитировано по Т. М. Минаевой).

Картина только что описанная идентична современному состоянию городища.

Названные объекты в значительно измененном виде и уменьшенном количестве встречаются и ныне. Так же хорошо прослеживаются «кварталы» бывшего города, останавливают внимание своими внушительными размерами несколько углублений и холмы, вероятно, наиболее крупных сооружений. На всей территории встречаются фрагменты керамической посуды, кирпичный бой и куски штукатурного раствора.

Левобережная территория Маджара состоит из высокой всхолмленной части (от памятника Кочубею до долины Буйволы) и низкой, ровной, в плане Городцова названной «Кирки».

Можно сделать предположение, что в плане Архипова указана, возможно, только «высокая» часть левобережья Маджар, до сих пор поддающаяся некоторой натуральной расшифровке былой планировки Маджар, чего нельзя сказать о «низкой», равнинной части, Кирках, где на поверхности почвы почти или совсем незаметны места сооружений. А между тем, при сооружении вблизи Кумы канала и акведука в 1959 году, в разрезе грунта выявлен мощный культурный слой до 70 сантиметров, с обилием костей домашних животных и керамики. С 1960 года у берега Кумы северо-восточнее канала разрабатывается грунтовый карьер кирпичного завода. Здесь выявлено несколько человеческих костяков, находившихся *в* материковой толще грунта, а в пределах культурного слоя, на глубине 60-80 сантиметров, найдена металлическая цепь (рис. 2)[4].

Цепь состоит из 83 звеньев и четырех колец. Три кольца диаметром в 4,5 сантиметра по внешнему контуру, изготовлены из стержней круглого сечения, одно кольцо – из стержней прямоугольного сечения 0,6 х 0,85 сантиметров, наружный диаметр кольца – 5,5 и внутренний – 3,8 сантиметра. Цепные звенья по величине неравномерны. Длина их от 3,8 до 4,5 сантиметров по наружному обмеру. Перекручены и имеют вид, приближающийся к цифре «8».

В обрывистых берегах Кумы этой части виден культурный слой городища с фрагментами посуды, костей животных, иногда человека. На некоторых коротких участках видны залегания

[2] Этот абзац в статье вычеркнут.

[3] В рукописи рисунок отсутствует.

[4] В рукописи рисунок отсутствует.

целых массивов кирпича и строительного мусора. Встречаются блоки из камня-ракушечника. Осмотр культурного слоя и кирпичных включений, имеющихся в разрезе берега, возможен со стороны русла реки и со стороны степи при наличии веревочной лестницы.

При установлении уровня межейных вод в русле под водой и на прибрежной полосе находятся: кирпичный бой, черепки посуды, каменные блоки и кости из обломившихся массивов грунта, размытого и унесенного весенними разливами Кумы. Здесь, в разное время найдены амфоровидные, боспорского типа, сосуды и несколько экземпляров монет чеканки боспорских городов (?).

Значительное количество бытовых предметов периода Золотой Орды. Так, в береговом откосе у акведука найден из белой глины горшок (рисунок 3)[5], раздавленный тяжестью грунта. В нем находилось четыре проржавевших стальных стержня, возможно, иголок. На высокой части левобережья Маджар найдено наибольшее количество различных предметов при самых различных обстоятельствах – обвал берегов, рытье траншей и ям, разлив поверхностной толщи талыми и ливневыми водами, вынос ветром грунта с холмов – остатков сооружений.

В северной части этой территории, в том месте, где начинается долина Буйволы, в 100-200 метрах южнее автомобильной дороги летом 1958 года заложено 2 карьера, грунт из которых вывозился на отсыпку высокой насыпи дороги (Рис.1). Рабочие рассказывают, что в поверхностной толще были прослойки строительного мусора.

Обнаружены хорошей сохранности небольших размеров сосуд и большая корчага, разбитая ковшом экскаватора. Внимание рабочих занимала яркая расцветка поливных фрагментов кирпича, штукатурного слоя и сосудов. Сосуды имели орнамент. Их слова подтверждаются находками таковых предметов на откосах земляного полотна. При осмотре забоев карьера было выявлено, что культурный слой городища прикрыт незначительной толщиной новообразованной почвы или же выходит на дневную поверхность. Толщина слоя не более 50 сантиметров, а на некоторых участках исчезает совсем.

Слой темного цвета включает в себя минеральные и органические остатки жизнедеятельности человека.

В забое карьера четко вырисовывалась глубиной до двух метров, с почти вертикальными стенками яма, превращенная, в свое время, в свалку пепла, разбитой гончарной посуды, кирпичного боя и пищевых отбросов – раздробленных костей. Здесь найдена безупречной сохранности одна бусинка диаметром 15 миллиметров (рисунок 4)[6]. Изготовлена она из обожженной глины с последующим нанесением слоя белой эмали и трех черных эмалевых полосок. Яркость и чистота тонов расцветки изумительна. Трудно верится, что бусинка, потерянная золотоордынской модницей, пролежала в земле несколько столетий.

На другой стене карьера, где не было четко выраженного культурного слоя городища, и грунт палевого цвета, мощностью 3-4 метра представлял почти однородную массу, на глубине 70-80 сантиметров от поверхности обнаружен трубчатый предмет (рисунок 5)[7], изготовленный из серой глины. Судя по плоскостям и четкой форме, не может возникать сомнений в способе изготовления его с помощью гончарного круга.

На внутренней и внешней плоскостях видны технологические пояски по окружности изделия. На наружной плоскости по ещё сырой глине нанесен штампованный орнамент. Сохранилось два полных крестообразных пояска.

Здесь же, поблизости, найдена часть оселка из[8], долго бывшего в употреблении и кусок ржавчины, по которому можно представить приближенные размеры и форму стального предмета и грузило из полированного[9].

Но самой интересной и значительной находкой, к сожалению, не подлежащей сохранению и транспортировке, явилась угловая часть сооружения (рисунок 6)[10], встреченная и пощаженная обслуживающим персоналом экскаватора при разборке карьера. Стена была раскрыта

[5] В рукописи рисунок отсутствует.

[6] В рукописи рисунок отсутствует.

[7] В рукописи рисунок отсутствует.

[8] Слово в рукописи отсутствует.

[9] Слово в рукописи отсутствует.

[10] В рукописи рисунок отсутствует.

с двух сторон от окружающего грунта и, таким образом, стала доступна не столько для обозрения, сколько для окончательного разрушения.

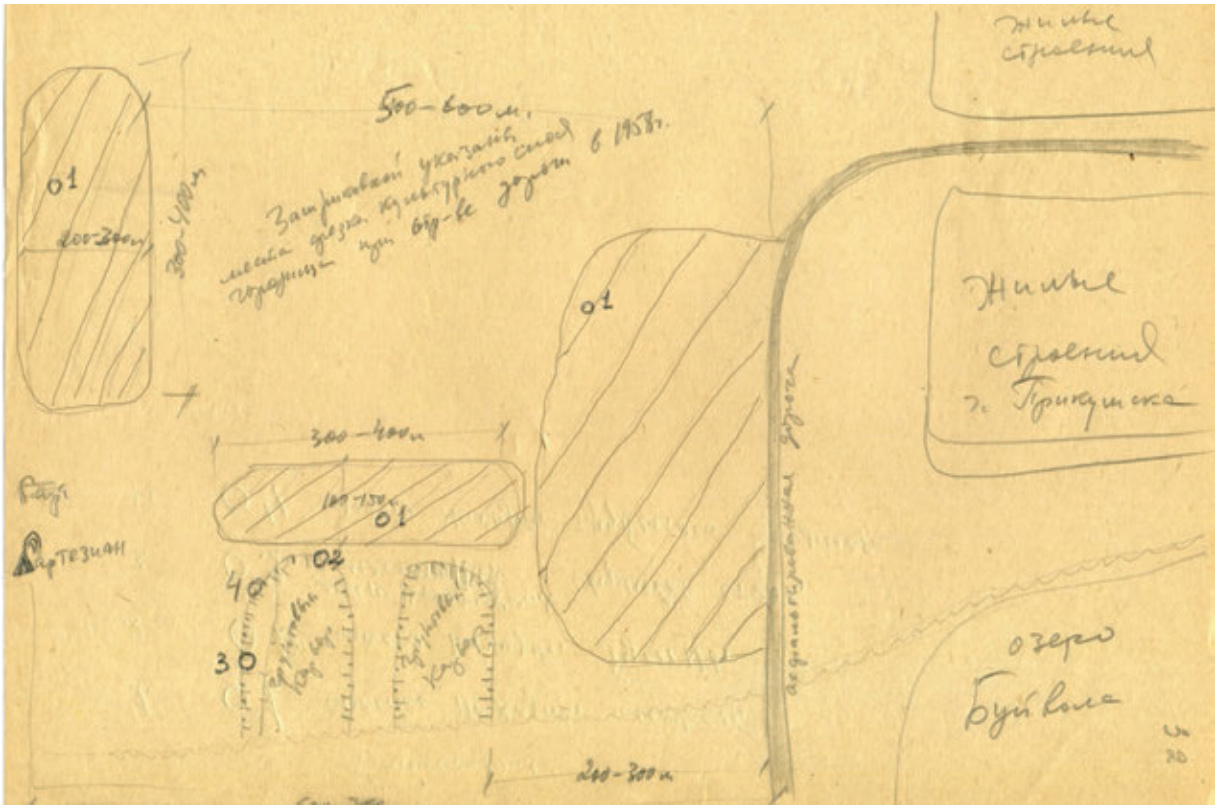

Рис.1

Сохранившаяся часть стены имела около трех метров длины и высоту из 11 рядов сырцового кирпича. Сооружение не имело фундамента. Кладка стены начата на выровненной поверхности. Непосредственным опорным слоем для стены является слой пепла из животного навоза. Толщина его под угловой частью сооружения – 30 сантиметров. Кладка кирпичей произведена на глиняном растворе темного цвета, тогда как сами кирпичи более светлые. Вероятно, он изготавливался где-то вне строительной площадки, а глина для раствора бралась у места работы. Пепел накопился задолго до времени возведения стены. Примесь пепла придала раствору более темную окраску.

Размеры сырцового кирпича, равновелики подвергавшемуся обжигу, а именно: 23-24х23-24х4,5-5,0 сантиметров. Осмотр примыкающей поверхности показал, что продолжение стены скрыто под холмом, под которым, вероятно, находится остальная часть обнаруженного строения. Холм небольших размеров: высотой до 80 сантиметров и в плане 5 х 5 метров, не имеет включений кирпичного боя, что нередко встречается на других подобных размеров холмах. Безусловно, сооружение было полностью возведено из сырцового кирпича. Но в 10-15 метрах встречаются холмы с включением кусков известкового раствора и кирпичей с поливой лазурного цвета.

Южнее, в непосредственной близости от карьеров, на площади в несколько гектаров с помощью землеройных машин срезан культурный слой городища. Из снятого слоя грунта возводилось земляное полотно дороги от улицы[11] до озера Буйвола. Слой городища также срезался по площади разрезов дороги.

При работе землеройных машин рабочие видели массу битого кирпича с лазурной поливой и без, фрагменты орнаментированных яркой расцветкой сосудов. Спустя более года, при осмотре участков местности со снятым слоем городища, было найдено несколько образцов отделочных кирпичиков, толщиной 3,5 сантиметра, представляющих собой плитку из обо-

[11] В рукописи слово пропущено.

жженной глины, покрытой изумрудно-зеленого цвета поливой (рисунок 7*),*[12] фрагмент чаши (рисунок 8)[13] и встречено много ручек сосудов разных размеров.

Обилие встреченных предметов быта и нумизматический материал указывают на принадлежность этой территории к жилому району городища. В 200-300 метрах восточнее городской больницы, за современным кладбищем, в 1959 году существовал свайный мост через реку Куму, построенный примерно в то же время. Для подхода к мосту с помощью бульдозера был прорезан в высоком берегу съезд. Грунт при пробивке траншеи сталкивался в реку. Осмотр разреза грунта в траншее съезда дал следующее: культурный слой на этой территории не отмечен, зато в стенке траншеи был замечен почти полностью разложившийся человеческий костяк, находившийся в 80-100 сантиметрах от поверхности земли. Рядом с костяком из стенки траншеи выковыряно лезвие стального топорика (рисунок 10)[14].

При осмотре высокого берега в направлении течения Кумы, в 1959-1960 годах было замечено 8 человеческих костяков. Часть их просматривалась со стороны реки в обрыве берега в полутора метрах от поверхности земли, часть же валялась в русле у самой воды. Последние попали сюда вследствие обвала массивов грунта вертикального берега. Судя по отсутствию культурного слоя грунта, но при наличии, хотя и незначительных, кусков известкового раствора и кирпича, часто встречающимся костякам, очевидно, следует считать этот район местом захоронения города Маджар. Тем более что он отождествляется с кладбищем, которое было нанесено на план А.П. Архипова.

К такому выводу приводит и следующее обстоятельство. После открытия в 1889 году Мамай-Маджарского Воскресенского монастыря, у стен последнего на самом возвышенном месте берега возникло монастырское кладбище.

Историческая преемственность наблюдается не только в возникновении городов, но и в расположении кладбищ. Несмотря не некогда культивируемую церковью враждебность друг к другу людей различного вероисповедания, смерть примеряла враждебные стороны и умиротворенные покойники ложились в непосредственной близости, что можно наблюдать в поволжских городах, старых русских поселках, в Казахстане, Средней Азии и на Северном Кавказе.

Совместные мусульманские, еврейские и православные [христианские] кладбища друг от друга, часто по одному лишь религиозному предубеждению жителей, отдаляются стыдливой оградой. Но нередко отсутствуют какие-либо «декорационные» линии, или разграничительные сооружения. Степные курганы русское население издавна считает могильниками, а в Нижнем Поволжье отождествляет с мамайскими или ногайскими захоронениями. Но, тем не менее, на «бусурманских» курганах устраивает кладбища, что имеет место, например, между селами Левокумское и Бургун-Маджары у левого берега Кумы.

При возникновении населенных пунктов Покойное, Прасковея и Святой Крест (г. Прикумск) сохранившиеся к концу XVIII века Золотоордынские постройки разбирались населением для своих нужд, а в XIX веке стали разбираться и подземные сооружения, и нижние части наземных построек. К концу прошлого века от былых построек остались различной величины холмы строительного мусора с включением битого кирпича. Полное исчезновение города справедливо лишь к его наземной части. Что же касается подземной, то здесь требуется в высказываниях осторожность и ряд оговорок. Имеется возможность сделать предположение о наличии сохранившихся (под некоторыми холмами), не тронутых кирпичеискателями, нижних и подземных частей сооружений, как разрушенных в период заката жизни города, так и в прошлые два века.

Дело в том, что русский поселенец, в основной своей массе, был землепашцем. Работая на добыче строительного материала в развалинах города, за неимением свободного времени, он, естественно, не мог раскапывать холмы. Кирпич он брал непосредственно лежащий на поверхности или выламывал из фундамента, если освобождение последнего из-под укрывающего материала не требовало большой затраты труда и времени. В том, что не все н*ижни*е и фундаментные части сооружений разобраны, говорит найденная в грунтовом карьере часть стены. Правда, она из сырцового кирпича, который не был столь большим соблазном, как обожженный. Следовательно, имеется надежда находить остатки сооружений, погребенных под

[12] В рукописи рисунок отсутствует.

[13] В рукописи рисунок отсутствует.

[14] В рукописи рисунок отсутствует.

холмами грунта и строительного мусора. Нахождение и вскрытие могло бы дать богатый археологический материал, способный осветить неясный вопрос времени, причин упадка и окончательной гибели некогда оживленного торгового города.

2.

Правобережная часть городища не менее богата археологическим материалом, чем левобережная. В последние годы здесь найдено большое количество предметов, в той или иной мере помогающих составить представление, как об архитектурном облике города, так и его бытовую и культурную стороны жизни. В Прикумском музее хранятся собранные здесь В.Я. Сербиненко две каменные базы колонн, испещренные орнаментными рисунками, несколько плит с арабскими надписями, бытовые предметы – кувшины, чаши, шаровидной формы копилки и богатый нумизматический материал. Весной 1961 года на месте существующего огорода при раскопке площади был вырыт кувшин примерно с четырьмястами серебряных монет золотоордынской чеканки. Большая часть этого клада приобретена местным музеем, меньшая – потеряна. Одна монета этого клада попала в коллекцию Ставропольского музея. Время и места чеканки их пока не выяснены.

Левобережная часть городища расположена на нижней террасе долины Кумы. Со стороны Покойного вдоль древнего гористого берега реки Кумы долина распахивается под различные злаковые культуры, а юго-восточнее, со стороны Буйволы и Прикумска, имеются огороды и виноградные сады еще с прошлого века. Территория левобережья пересечена линиями действующих и заброшенных каналов. На обрабатываемых полях встречается керамика, а на границах полей – блоки и жернова, некогда вынесенные сюда земледельцами.

До недавнего времени большая часть площади долины между городом Прикумском и селами Прасковеей и Покойным была занята труднопроходимыми зарослями камыша, ивы, тополя, ильчи, карагача, полевого клена, дикой яблони, кизила, боярышника и других пород. Среди зарослей и открытых полян встречались различного объема холмы, редко высотой до полутора метров, но чаще до одного метра и диаметром до 10-15 метров. Особенность застройки этой части городища была иной, чем на левобережье. Величина холмов, естественно, находится в какой-то зависимости от былых размеров сооружения. Следовательно, крупных сооружений здесь было несравненно в меньшем количестве. Это, во-первых. Во-вторых, сооружения здесь не образовывали, как на левобережье, подобие кварталов, не давали правильной планировки городских улиц. Они группировались в отдельные усадьбы, отстоящие друг от друга на несколько десятков и даже сотен метров. Каждая усадьба состояла из комплекса сооружений. Иногда они сближались и тогда ясно рисовались черты улиц и кварталов в современном понимании. К сожалению, в свое время, нам не удалось детальнее изучить территорию и, может быть, выявить, если имелась закономерность, расположения усадеб и составляющих их сооружений; выяснить примерные размеры самих сооружений и разрывы между ними, что могло бы указать на назначение сооружений и характер хозяйственного уклада владельцев. Вероятно, население этой территории занималось виноградарством и огородничеством. На поверхности холмов находились куски кирпичей и сосудов. При копке ям выбрасывался строительный мусор. Он сплошным массивом залегает в откосе на месте забора грунта у канала, расположенного в южном направлении от полевого стана.

Иногда встречались холмы, с которых частично вынесен ливневыми водами прикрывающий слой грунта и с обнаженными сбоку торцами, сохранившихся остатков стен, высотой в 4-7 рядов обожженного кирпича. Сверху, под холмом, просматривалось расположение контурных и внутренних стен. Для изучения сохранившейся части сооружения требовалось выбросить небольшой объём грунта - 50-70 кубических метров и интересующий объект был бы обнажен для осмотра, фотографирования и обмера.

До 1959 года значительная территория правобережного городища была вне сферы деятельности совхозов. Но начались работы по подготовке площадей под виноградные сады: последовательно производилась срезка кустарниковых зарослей, выкорчевка деревьев и бульдозерная планировка участков, после чего производилась распашка.

При планировке, когда срезались холмы, на поверхности земли появля*а*сь масс*а* золотоордынского кирпича, каменных блоков рванной и правильной геометрической формы. Обнаруживались жернова самых различных размеров – от 40 до 130 сантиметров в диаметре, что свидетельствует о занятии хлебопашеством Маджарского населения. Если небольшие жернова приводились в действие мускульной силой человека, то для вращения жерновов диаметром

130 сантиметров требовалось использование иной силы и соответствующих приспособлений. Способ вращения таких жерновов нами не выяснен.

Примером массового сбора строительного материала являются следующие случайные наблюдения. После распашки одного поля, примерно в 10 гектаров, было насчитано 12 штабелей, в каждом штабеле находилось до 200 штук целых кирпичей. При этом половняк почти не собирался.

В 1959 году, во время посещения полевого стана, камня имелось около 15 кубометров, а в 1960 году – уже 8-10 кубометров. Сбором поверхностного кирпича и камня, часто прикрытых небольшим слоем грунта, старожилы из Прасковеи занимались в послевоенные и довоенные десятилетия. Иногда находили каменные блоки с орнаментом и надписями. Так, по рассказу полевого бригадира, в 1953 году найдена плита, лицевая плоскость которой была испещрена затейливой вязью врезного письма. В углублениях имелись остатки шпаклевочной массы и краски. Плита увезена в Прасковею и положена у порога дома. Выяснить ее местонахождение не удалось.

На распахиваемых участках обнаруживались: битая керамика, кости животных, кружочки уже сильно окисленных медных монет. Монеты находились в квадратах № 2,3, 4 и 5.

В районе между квадратами № 3 и № 4 при выравнивании холма бульдозером разрушена нижняя часть кирпичного сооружения, в котором найден костяк человека. В области надвисочной кости черепа щель пролома, образованная прямым ударом кинжала или взмаховым ударом сабельного острия. Среди борозд распаханного поля в западном углу участка № 3 найдено глиняное сопло от горна (рисунок 12)[15]. Из глины серого цвета.

В левобережной и правобережной частях нередко находились шлак с явными признаками железа, куски оплавленного металла и дискообразной формы застывшие капли канифоли. Все это указывает на существование в Маджарах металлообрабатывающего ремесла из привозного металла, а возможно, даже руды.

Найдена часть оселка из мелкозернистого песчаника и дно чаши, покрытое бледно-зеленого и желтоватого цвета поливой, под которой орнамент в виде радиально расположенных кривых линий (рисунок 13)[16].

Из квадратов № 2, № 3 и № 4 вывезено особенно много каменных блоков произвольной и прямоугольной конфигурации. Один из блоков явно не строительного назначения. На широкой плоскости постепенно увеличивающееся углубление (рисунок 14)[17].

Толщина блока приблизительно 70 сантиметров. В квадрате № 2 найдена плитка шириной 17,5, толщиной 7,5 и сохранившейся 18-ти сантиметровой длиной (рисунок 15)[18]. Плитка интересна врезным текстом. Преобладающая часть осмотренных блоков изготовлена из ракушечника. По визуальному определению он тождествен камню-ракушечнику Бурлацкого карьера. Реже встречаются камни из песчаника (жернова) и известняка. В коллекции Ставропольского музея хранится мраморная плитка из квадрата № 3 (рисунок 16)[19], также имеется небольшой кусок второй мраморной плитки.

Осмотр плоскостей находимого кирпича в большинстве случаев указывал, что кладка сооружений из обожжённого кирпича производились на глиняном растворе, реже на известковом. В известковом растворе использовался очень мелкий песок. Такой песок имеется в отложениях Кумы. В настоящее время мелкие пылеватые пески из-за низких технических качеств не используются. Но золотоордынские строители использовали их по необходимости, за неимением вблизи других месторождений. К их чести, использовали весьма умело. Раствор до сего времени обладает большой прочностью, часто не уступающий прочности самого кирпича. На основе этих мелких песков раствор очень прочно сцеплял кирпичи, что дало возможность видеть элемент свода из фасонного кирпича.

На одном из кирпичей имеется четкий и довольно глубокий отпечаток куриных лап. Курица взбежала на сырец, а потом ее след был закреплен в обжиговой печи.

---

[15] В рукописи рисунок отсутствует.

[16] В рукописи рисунок отсутствует.

[17] В рукописи рисунок отсутствует.

[18] В рукописи рисунок отсутствует.

[19] В рукописи рисунок отсутствует.

С 1960 года на спланированных участках началось рытье оросительных канав глубиной до 2-х метров. (Примерное расположение и направление канав на карте указано пунктирными линиями).

Это дало возможность проследить грунтовый разрез значительной части правобережной территории, и подтвердило наземные наблюдения об усадебной застройке Маджар в районе квадратов №№ 8, 9, 2, 4, 7 и северо-восточнее квадрата № 6.

В разрезе канав прослеживается строительный мусор мощностью до 1 метра; слой пепла в квадрате № 6 достигал 80-90 сантиметров. В некоторых местах (квадрат № 3, № 6 и № 7) культурный слой был около полутора метров.

В культурном слое находилась в хорошей сохранности керамика. При копке канав ковшом экскаватора преобладающее число находок разрушалось, а если выбрасывались целые, то разбивались рабочими. Сохранился случайно горшок из красной глины (рисунок 17)[20] и найдена горловинная часть сосуда с ручкой (рисунок 18)[21]. Сосуд из белой глины, украшен пятнами голубого цвета поливы. Внутренние плоскости сосуда закопченые. В квадратах № 3 и № 6 и на площади между ними найдены фрагменты орнаментированных плит из камня ракушечника. Фрагменты двух плит находятся в Ставропольском музее, а в Пятигорском третья, наиболее сохранившаяся и содержащая 2/3 своей первоначальной площади (рисунок 19)[22]. Все три фрагмента с почти одинаковым орнаментом, по которому чувствуется, что плиты обработаны рукой одного мастера.

Назначение плит – художественное оформление зданий. Рядом с найденными плитами находилось много кирпича и каменных блоков. Из последних была сложена фундаментная часть здания. Здесь найдены фрагменты шестиугольного кирпича с примерными размерами: длина стороны – 25-30 и толщина 8-9 сантиметров. В разрезе канавы квадрата № 6 кроме обилия керамического боя виден мощный слой пепла, до 1,2 метра, дроблёные кости животных и кости рыбы. Последних не столь много, как на городище Сарай-Бату, где слой их достигает, вероятно, в свалке, полуметра. Здесь же встречен прослоек в 1-2 сантиметра.

Зола древесного и навозного происхождения. Но в целом – навозного. В квадратах №№ 3, 4, 5 и 6 собраны: часть шаровидной копилки из серой глины со штампованным орнаментом в виде групповых кружочков на полуокружных поясках (рисунок 20)[23], отделочные плитки, толщиной 1,8; 2; 3 и 3,5 сантиметров, но не выясненных размеров сторон. Плитки из обожженной глины покрыты поливой лазурного, синего и зеленого цветов. Найдены две плитки, совершенно отличные по материалу: одна с поливой синего цвета, другая – бледно-голубого с линейным и точечным орнаментом. Изготовлены плитки из известкового раствора. Толщина первой – 2 сантиметра, второй 3,2 сантиметра. В этих квадратах собраны фрагменты образцов прекрасно отделанных изделий: нежно-зеленого цвета часть горловины небольшого сосуда из обожженной глины, боковая часть чаши, покрытая с обеих сторон стекловидным прозрачным веществом, под слоем которого фон небесного цвета поливы и орнамент темного цвета. Орнамент в виде точек, в два ряда отдельных узких лепестков и бутона созревшего цветка. Часть днища чаши из серой глины. Внутренняя поверхность украшена радиально направления волнистыми линиями, покрыта нежными тонами зеленой поливы.

Днище чаши из обожженной глины. Внутренняя и наружная поверхности покрыты тонким слоем прозрачного стекловидного вещества, под которыми просвечивается полива приятной расцветки. Фон белый. В центре чаши пятно синего цвета незаметно переходящее в цвет неба. По наружной поверхности на белом фоне лучи такого же цвета. Золотоордынские художники прекрасно владели техникой изготовления предметов домашнего обихода и были богато наделены художественным вкусом, что проявилось подборе красочной гаммы расцветок и в полном оформлении чаш.

В расцветках большого количества собранных мелких фрагментов чаш не встречено черных и красных или вообще ярко-кричащих тонов. Преобладают голубые, нежно и темно-синие, светло-зеленые и желтые тона или их нежные созвучия. Чувствуется понимание красоты цветов. В оформлении изделий отражены настроения художника и краски окружающей при-

[20] В рукописи рисунок отсутствует.

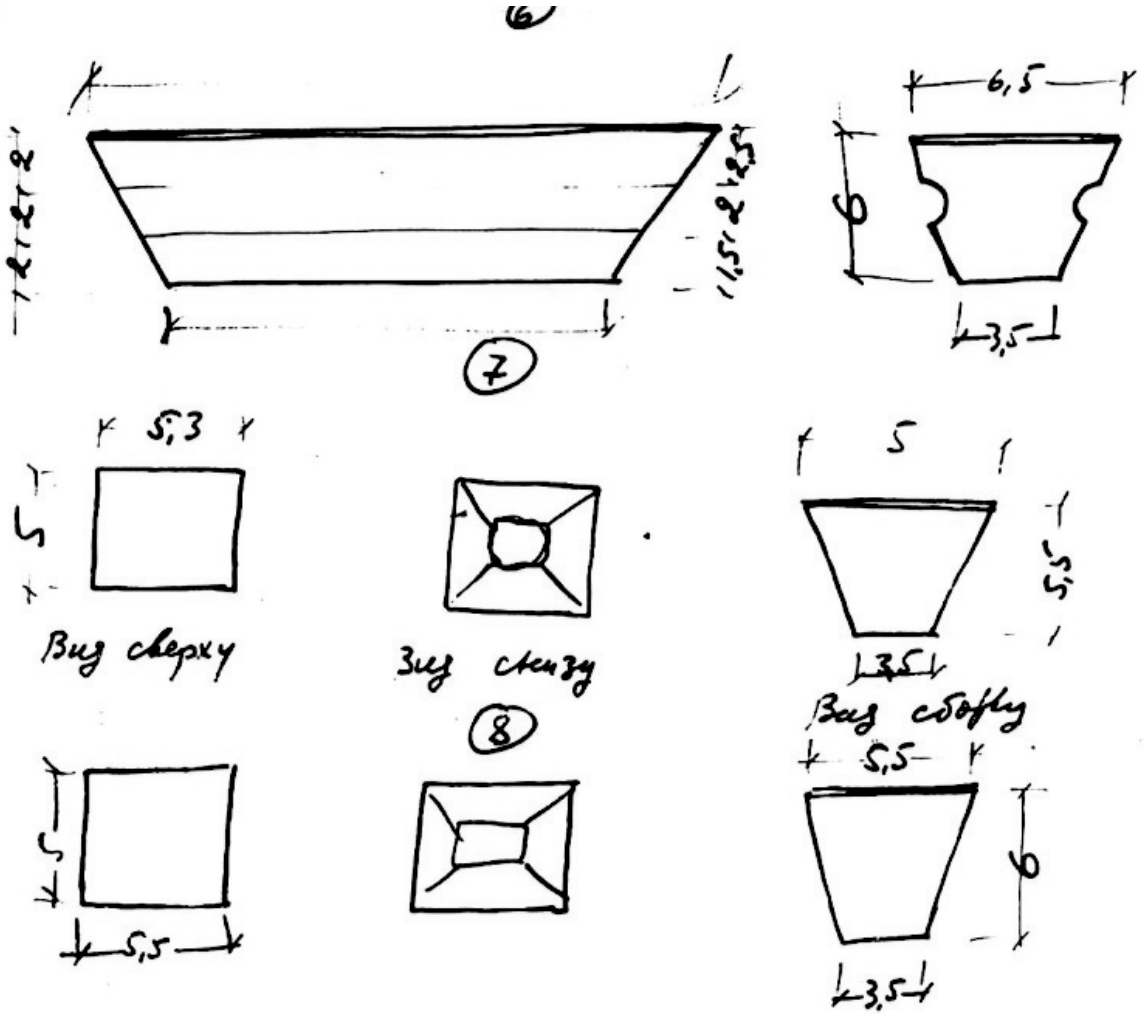
[21] В рукописи рисунок отсутствует.

[22] В рукописи рисунок отсутствует.

[23] В рукописи рисунок отсутствует.

роды: голубое небо, яркая зелень долины Кумы; налево - желтая ширь степи, направо - синеющий в дымке возвышенный берег, а по ясным утрам, на горизонте, белые вершины далеких гор Кавказа.

В юго-западной части правобережной территории Маджар в обилии встречаются куски спекшейся глины и бой неполивной керамики (квадрат № 8) и почти не видно кирпичного боя. Очевидно, следует предполагать, что именно в этом районе жили ремесленники по изготовлению посуды. Кстати, здесь не найдено ни одной монеты. Вполне вероятно, что производство наибольшей части ремесленников могло быть почти натуральным.

Предметы своего труда обменивали на необходимое для продления своего производства и продукты питания. В квадратах № 3 и № 4 собраны различные отделочные кирпичи, изготовленные из обожженной глины, лицевая сторона которых покрыта поливой лазурного цвета. В таблице приведены в двух

проекциях форма и размеры (в сантиметрах) (Рис.2).

Строительный кирпич изготавливался в простых деревянных формах на выровненной грунтовой площадке. В качестве исходного материала (сырья) использовался лёссовидный грунт. Грунт увлажнялся до

требуемой влажности, перемешивался таким же способом, как и при изготовлении самана, но без внесения арматурной добавки – соломы.

Тщательно перемешанная масса набрасывалась в формы несколько произвольных размеров, уплотнялась весом тела посредством рук. Некоторые кирпичи имеют следы, оставленные на сырце при выравнивании в форме массы и заглаживании поверхности кистями рук.

Процесс сушки, по всей вероятности, был аналогичен современному. Как, каким способом, и каким горючим материалом производился обжиг – неизвестно. Мы не решаемся в этом вопросе искать аналогии и проводить параллели с существующими кустарными способами

обжига кирпича. Лишь укажем, что в качестве горючего материала могли быть использованы травы, тростник, кустарниковые и древесные растения, которые в изобилии могли находиться в долине Кумы и Буйволы. На это указывают видимые на кирпичах борозды и ямки, нанесенные по сырцу тростником, ветками кустарника или толстым стеблем луговой травы.

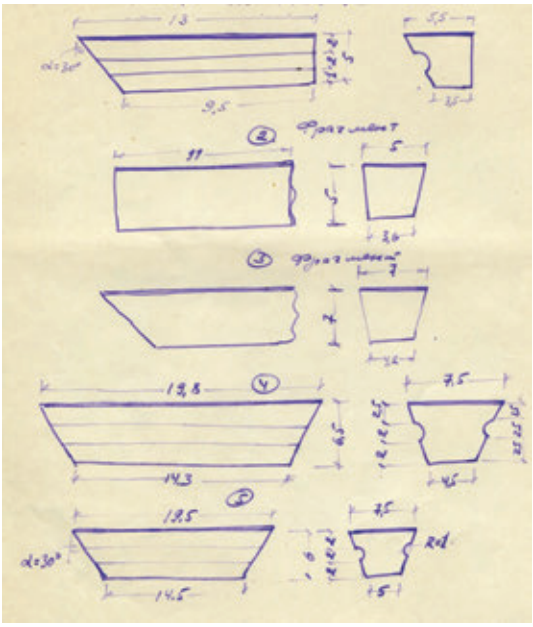

Рис. 2

Золотоордынскому кирпичу, как правило, присущи отличный обжиг и высокая прочность, достигнутая подбором состава глины, тщательным перемятием, уплотнением готовой массы и обжигом. Среди большого количества кирпича, опробованного на определение качества, путем озвучивания и простукивания, не встречено экземпляров плохо уплотненных или недообожженных. Это не говорит, что в производстве кирпича не было брака. В слоях строительного мусора находится немало кусков слабого кирпича, слабого по причине недообжига и использования песчанистого грунта. Строительный мусор, содержащий бой бракованных экземпляров кирпича, судя по его залеганию и включениям грунта, пепла, костей, керамики, образовался в процессе строительства и эксплуатации, а не в результате разрушения.

В кладке стен использовался кирпич с браком иного характера, с оплавленными углами и плоскостями. Оплавленных (в результате неравномерного обжига) кирпичей до состояния полной или частичной непригодности находилось много и часто, что, невольно думается - золотоордынские строители более опасались недообжечь, чем пережечь кирпич.

3.

Город Маджар в целом пострадал, вероятно, не столько от военного нашествия Тимура, сколько от последующего забвения в результате массового истребления, вымирания и ухода городского населения. История изобилует примерами, что длительные военные бедствия, каким явился приход в юго-восточную Европу среднеазиатского завоевателя, вызывают голод и эпидемии.

Возможно, от всех этих причин население Маджар настолько сократилось, что более он не мог уже возродиться. От воздействия климатических факторов и атмосферных явлений сооружения приходили в ветхость и разрушались. А в последние два века были превращены в каменоломни.

Для левобережной территории городища характерно то, что нередко у наиболее крупных холмов расположены чашеобразные углубления диаметром до 30 и глубиной до 6 метров. Возникновение и назначение их неизвестны. Не являются ли углубления местами взятия глины для изготовления кирпича? Зодчие того времени во избежание излишних транспортных работ могли изготавливать и обжигать кирпич-сырец непосредственно у места строительства. Это логично.

Некоторым подтверждением высказанного может служить наличие спекшихся кусков кирпича почти у каждого холма. Ямы после завершения строительства сооружения могли быть соответствующим образом приведены в порядок и превращены в водные бассейны, которые наблюдали Терещенко и Воейков на городище Сарай Бату.

О большом бассейне упоминает Клапрот, посетивший в 1808 году развалины Маджар. Не случайно же углубления сопутствуют холмам! Подобное, хотя и реже, наблюдалось в правобережной части городища. Но там и холмы небольших размеров.

На территории Маджар нами не найдено ни одного предмета военного назначения, да и за всю историю исследования найдено весьма ничтожное количество наименований и экземпляров. Это дает право полагать, что основная масса населения совсем не тяготела к военным разбоям и набегам на соседние народы, что ассоциируется с эпохой Золотой Орды и ее населением. Золотая Орда умела не только грабить и разрушать города сопредельных государ-

ственных и племенных объединений. Она умела и созидать города, одним из которых являлся Маджар, торгово-ремесленный центр Северного Кавказа.

В заключение следует еще раз отметить наши наблюдения: в правобережной части городища сохранность остатков сооружений была хорошей. Нижняя, фундаментная часть многих остатков не была затронута собирателями кирпича. Но в связи с проведенными работами по расширению площадей под виноградные сады, основная и, может быть, самая интересная часть городища оказалась утраченной, а для науки, вероятно, навсегда утрачена возможность прочитать страницу интересного и наименее ясного периода истории нашей страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Т.М. Минаева. Золотоордынский город Маджар. Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 5, Ставропольское книжное издательство, 1953 год.

Проф. Ф.В. Баллод. Приволжские «Помпеи». *Гос.* издательство, Москва-Ленинград. 1923 год.

Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. *Изд-во Ак.* Наук СССР. Москва-Ленинград, 1950 год.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ МАДЖАРА В СОБРАНИИ ПЯТИГОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Савенко С. Н.

Крупнейший на Северном Кавказе археологический памятник золотоордынского времени – городище Маджар, исследуемое уже около 300 лет [*Обухов 2014. с. 416-419*], интересовало кавминводских краеведов, археологов и музейщиков давно. Из района села Покойного происходит один их крупногабаритных каменных экспонатов первого в регионе музея древностей под открытым небом, созданного в Пятигорске в 1850 году. Это т.н. «порог» или жертвенный камень с рельефными изображениями животных, взятый А.С. Фирковичем на усадьбе жителя Покойного крестьянина Звездова [*Савенко 2011. с.178-185*]. По-поводу происхождения этого памятника еще в XIX в. возникли разные мнения. Его, в частности, связывали с районом станицы Боргустанской. Сначала «порог» находился среди других экспонатов «музеума», затем был перемещен в грот Лермонтова, где простоял продолжительное время. И, наконец, в 1930 году данный предмет перешел в собрание Пятигорского музея краеведения. Когда экспонат 03.06.1954 г. был записан в основной фонд, заведующий отделом истории музея Сороколетов не сомневался в происхождении его из села Покойного, что и было внесено в Книгу поступлений №1 под номером 2336 ОФ.

Из Маджар происходили плиты оформления дверного проема с арабскими надписями, находившиеся ранее у того же крестьянина Звездова. Эти плиты были установлены в Елизаветинской (с 1925 г. – Академической) галерее в Пятигорске. Однако еще в конце XIX в. они были утеряны [*Савенко, 2013. с.48-49*].

Одним из археологов, изучавшим памятники региона Кавминвод в начале XX века и имевшим непосредственное отношение к ранней истории Пятигорского краеведческого музея являлся В.Р. Апухтин (1874- кон.1920-х гг.) [*Коваленко, Савенко 2011*].

Он был на Северном Кавказе летом 1907 г., когда на Маджаре работал крупнейший русский археолог В.А. Городцов (1860-1945) [*Городцов 1911*]. По всей вероятности, Апухтину было известно об этих раскопках. Исследователь участвовал и на XIV археологическом съезде в Чернигове, на котором В.А. Городцов сообщал о результатах его работ на городище. В 1911 г. развернулась переписка В.Р. Апухтина с еще одним исследователем Маджара – Г.Н. Прозрителевым (1849-1933) [*Прозрителев 1906*]. Из нее известно, что Прозрителев направлял Всеволоду Ростиславовичу фотографии материалов могильника на городище Маджар и публикации Трудов Ставропольской архивной комиссии, в которых также содержались данные о памятнике [*Савенко 2005. с.112*].

В ранний советский период В.Р. Апухтин и пятигорский кавказовед Д.М. Павлов занимались организацией археологической науки, музейного дела и системы охраны культурного наследия на Кавминводах и всём Северном Кавказе. В 1921 г. было образовано Пятигорское (Прикумское) отделение Северо-Кавказского научно-исследовательского института краеведения. В разработанном тогда плане приоритетной исследовательской деятельности были специально указаны Рим-Гора под Кисловодском и Маджар у Святого Креста [*Коваленко, Савенко 2011. с.41*]. К сожалению финансовые проблемы того периода не позволили реализовать указанные актуальные планы. Появившийся в то же время в Пятигорске будущий директор и научный сотрудник Пятигорского окружного музея краеведения (сейчас – ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей») Н.М. Егоров (1876-1965) [*Савенко 2013. с.136*] вскоре серьезно увлекся археологией. Он также не мог оставить без внимания городище Маджар. С его деятельностью связано и начало формирования «маджарской коллекции» Пятигорского краеведческого музея.

Как директор музея Н.М. Егоров принял первые экспонаты. К ним относился описанный выше жертвенный камень и другие находки. Так, в 1929 г. из Прикумской (Буденновской) средней школы №4 от заведующего Фролова Я.И. в музей поступило 16 фрагментов крупного пифосообразного красноглиняного сосуда, обнаруженные в восточной части города в саду граждани-

на Шкут (ПКМ, 2489 ОФ). В предвоенный период в музей поступило еще несколько единичных предметов и небольших подборок (сосуды, кварцевая плитка, фрагменты поливных кирпичей), вторично записанные с 1953 г. в новую Книгу поступлений №1. До этого они фигурировали в двух довоенных книгах поступлений, заведенных Н.М. Егоровым в октябре 1924 г.

В музее сохранился черновой список предметов археологии, составленный в конце 1930-х годов. На обороте этого списка отпечатан документ о злодеяниях фашистов в Пятигорске, датированный 08.07. 1943г. (ПКМ, ОФ 321/33). В перечень были внесены предметы «Из развалин гор. Маджар» со старыми номерами: топор необычной формы, кувшинчик с отбитой ручкой (склеен), образцы поливных кирпичей, целый полностью зеленый поливной кирпич, изразцовая поливная плитка с бордюром и двумя арабскими буквами на синем фоне, увеличенный фотоснимок с зарисовки Палласа «Развалины Маджар. 1795 г.». Остальная большая часть коллекции формировалась с начала 1960-х годов, когда Н.М. Егоров в конце жизни уже переехал из Пятигорска к дочери в Баку.

Для полноты картины следует сказать, что Николай Михайлович анализировал опубликованные работы по изучению Маджара. В архиве кавказоведа, хранящемся в Пятигорском краеведческом музее, имеется, к примеру, комментированный конспект работы А.Н. Дьячкова-Тарасова «Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ» (Новый Восток. №28. 1930. – с.148-156), в котором отводится значительное внимание месту Маджара на этом пути. Егоров выделяет из высказываний Дьячкова-Тарасов шесть позиций, которые посвящены Маджару, включая его выгодное географической расположение, историю изучения, находки импортных вещей и т.п. Конспект датирован 28.01.1940 г. [*Архив Н.М. Егорова. Пятигорский краеведческий музей*], то есть временем, когда Н.М. Егоров, спустя продолжительное время, вновь являлся сотрудником Пятигорского краеведческого музея. Вероятно, тогда он готовился к более обстоятельному изучению городища. Великая Отечественная война и возраст исследователя, конечно, очень усложнили решение этой задачи. Но интерес к теме не ослабевал, о чем свидетельствует еще один конспект дореволюционной работы А. Семилуцкого о древнем городе Маджары, сделанный Егоровым через несколько дней после Великой Победы – 26.05.1945 г. [*Архив Егорова. ПКМ*]. Тогда он уже окончательно ушел с работы в музее на пенсию, оставаясь затем в составе общественных советов и Пятигорского краеведческого общества, связанного с ПКМ. В 1947 г., т.е. раньше, чем вышла крупная работа по истории Маджара Т.М. Минаевой [*Минаева 1953. с.131-158*], Николай Михайлович подготовил и рукопись статьи, посвященной торговому пути из Маджара в Сухуми [*Архив Егорова. ПКМ*]. В этой статье Егоров обосновывает ключевую роль в возникновении, развитии и падении золотоордынского города его положение на перекрестке торговых путей. Имеются в архиве Егорова и некоторые другие материалы, связанные с Маджаром.

С начала 1960-х до середины 1970-х годов изучением Маджара занимались Э.В. Ртвеладзе и А.П. Рунич. Об их деятельности в этой области уже немало написано, в том числе и в последнее время [*Ртвеладзе 2012. с.72,75-78; Обухов 2013. с.331-342*]. Для нашей темы важно, что эти исследователи пополняли в указанный период «маджарское собрание» Пятигорского краеведческого музея. Были среди поступлений и раритеты. Это створки русских бронзовых крестов-энколпионов. Первый в 1963 г. нашел Э.В. Ртвеладзе [*Ртвеладзе 1965*], а второй в 1968 г. - А.П. Рунич [*Обухов 2013. с.337-338*]. В настоящее время в фондах Пятигорского музея хранится только экземпляр, обнаруженный А.П. Руничем, а первая находка была утрачена еще в 1970-е годы по невыясненным причинам. Неоднократно опубликован уникальный бронзовый предмет – подвеска или поясная деталь с изображением всадника, поражающего змея из арбалета [*Нарожный 2006]*.

Пятигорский краеведческий музей в 1960-е годы организовывал собственные экспедиции на городище Маджар. Так, приказом по музею директора Л. Евдокименок от 01.08.1960 г. №37 была сформирована экспедиция в составе заведующего отделом истории дореволюционного периода Е.Е. Ивашнева, зав. фондами В.Б. Королева и трех рабочих для сбора археологических материалов на территории городища Маджары. Экспедиция проработала с 5 по 10 августа 1960 г. [*ГБУК СК ПКМ. КПр. за 1960 г*]. Музейные экспедиции 1964-1966 гг. отражены в Книгах поступлений экспонатов. Они осуществлялись с участием Э.В. Ртвеладзе, который в 1965 г. временно работал в музее художником – оформителем [*ГБУК СК ПКМ. КПр. за 1965 г*].

Помимо небольших сборов, в музее хранится и обширная коллекция полевых материалов отряда Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, проводив-

шей раскопки на Маджаре в июне-июле 1967 г. О подготовке этой экспедиции сообщал в своей дипломной работе, посвященной Маджару, выпускник кафедры археологии Ташкентского государственного университета Э.В. Ртвеладзе. Данный дипломный проект был подготовлен под руководством академика Узбекской АН М.Е. Массона и успешно защищен летом 1967 г., когда экспедиция уже работала. Она была совместной, т.к. в ее состав были прикомандированы сотрудники Пятигорского музея Е.Е. Ивашнев, М.И. Рыбенко и Г.Я. Симакин (приказ по музею директора М.К. Павлова от 30.05.1967 г. 3 24) [*ГБУК СК ПКМ. КПр. за 1967 г*]. Эти сотрудники образовали Пятигорскую группу экспедиции, работавшую на раскопе 1, где были погребения. В одном из детских захоронений была обнаружена типичная золотая серьга в виде знака «?», запечатленная но фото из архива М.И. Рыбенко.

В результате работ экспедиции, была получена обширная коллекция, включающая 776 единиц хранения (фрагменты поливной и неполивной керамической посуды, кирпичи с поливой и без нее, разноцветные изразцы, металлические и керамические шлаки, изделия из кости, металла, стекла, фрагмент плиты с арабской надписью, в которой читаются слова «Кутлу малик» и буквы «кур…» (прочтение И.В. Волкова), другие каменные и прочие предметы), системно собрана и упакована по квадратам раскопов, по материалу и видам находок. Однако записана данная коллекция была почему-то только 1983 г. в нескольких актах КП №№6-7. По всей видимости, из материалов этой экспедиции происходят часть из более 30 определенных медных монет из Маджара, внесенных позднее в КП-11 (1985-1986 гг.). К большому сожалению, в фонды музея не поступила и никакая полевая документация экспедиции 1967 года. Не выявлена она пока и в архиве Отдела полевых исследований ИА РАН.

Последние пополнения «маджарской коллекции» были связаны с записью в фонды материалов, поступивших в музей после смерти А.П. Рунича в 1986 г. из его квартиры, и внесенных в Книги поступлений №№12 и 14 в 1986-1987 гг.

Таким образом, формирование археологических коллекций из Маджар Пятигорского краеведческого музея началось еще 1849-1850 гг., продолжалось в 1920-е – 1930-е гг. и активно велось в послевоенные советские годы. Сегодня в музее хранятся более 1680 экспонатов маждарского происхождения (не считая документальных материалов и публикаций), накопленных учеными и краеведами-любителями Кавминвод, включая сотрудников учреждения (Н.М. Егоров, А.П. Рунич, Н.Н. Михайлов, Е.Е. Ивашнев, Э.В. Ртвеладзе, Г.Е. Афанасьев и др.). Материалы оформлены в 153 записях в книгах поступления. Коллекция имеет большое научное значение и заслуживает более обстоятельного углубленного изучения и систематизации. Накануне Первого Маджарского форума летом 2012 г. она стала более активно использоваться в экспозиции, а первый специальный выставочный проект, посвященный 270-летию научного исследования Маджар, был приурочен к работе названное важного и актуального форума 24-25.09. 2012 года. Представления о некоторых экспонатах коллекции можно получить на основании прилагаемых фотографий (Фото. 1).

Ниже приводится таблица с обобщенными сведениями о собрании экспонатов музея, происходящих с городища Маджары. Данные приведены по записям в книгах поступлений с сохранением в них возможных неточностей, неполных характеристик и неквалифицированных формулировок.

Фото 1. Кв.Плитка, Поступления 1953-1956 гг, оборотная сторона

Фото 2. Кв.Плитка, Поступления 1953-1956 гг, лицевая сторона

Фото.3 Створка креста энколпиона, оборотная сторона. А.П.Рунич 1968 г. Поступления 1969-75 гг

Фото.4 Створка креста энколпиона лицевая сторона. А.П.Рунич 1968 г. Поступления 1969-75 гг

Фото.5 Бляха бронзовая с изображением всадника в восьмиарочной окружности. Маджары, сборы 1969 – 1972 гг. А.П. Рунич.

Фото 6. Светильник без атрибуции

Таблица 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ПКМ ИЗ МАДЖАРА: Основной фонд. По записям в книгах поступлений.								
Инв.№ Акт №	Наименование предмета	Место находки, принадлежность и происхождение коллекции	Кол-во	размеры	№ КП	В наличии	Не выявлено	Примечание
КП 1-оф №№ 1-2736 - 1953-1956 гг.								
492 КН. Ег. 5632	Кувшин глиняный. Шаровидное тулово орнаментировано. С ручкой	М-к у Буденновска	1	87х34	1-оф	1		
(529) КН. Ег. 6951	Кувшинчик из красной глины, местами потемневший, перед узкой частью шейки утолщение с оттиснутым штампом рисунком, сохранились основания ручки чуть выше середины тулова и второй конец опирался на край венчика. Ручка не сохранилась. Сосуд разбит и склеен	Местонахождение не известно, вероятно татаро-монгольской эпохи	1	Выс. 150 мм, диам. горла – 75 мм, наиб. Окружность тулова – 306 мм.	1- оф			На дне номер – 529,
649	Кв. плитка	Маджары	1	19х 17 см	1-оф	1		
650/1-2	Обл. поливных кирпичей	Маджары	2		1-оф	2		
651/1-7	Об. поливные голубые	Маджары	7		1-оф		7	
652	Поливн. кирпич	Маджары	1	20х 10 см	1-оф	1		

653/1-3	Поливн. кирпичи	Маджары	3		1-оф	2	1	
2336	Погребальный памятник каменный из двух кусков с изображением двух животных	г. Маджары, взят археологом Фирковичем в с. Покойное в 1846 г. на усадьбе крестьянина Звездова, доставлен в Пятигорск, помещен на площадке Елизаветинского цветника выше Пушкинских ванн, затем перемещен в грот Лермонтова, где зарисован и описан археологом Макаренко, в музей доставлен в 1930-м году археологом Н.М. Егоровым. Изучен зав. Отделом Сороколетовым. Им дано 3.06.1954 г. описание в музей.	1	Дл.185 см, рабит на 2 части.	1-оф	1		
КП 2-оф - №№ 2737-4267 - 1956-1968 гг.								
3701	Крест-энколпион (створка)	Маджары, обнаружен летом 1963 г. студентом Э.Ртвеладзе	1		2 -оф		1	Не выявлен с 1982 г. списан
3709	Сосуд	Маджары	1		2 -оф	1		
3893/1-245	Коллекция фрагментов керамических сосудов	Маджары – экспедиция ПКМ, 1964-1966 гг.	245		2 -оф	245		
3896/1-27	Донца сосудов	- //-	27		2 -оф	27		

3895/1-29	Ручки керамических сосудов	-//-	29		2 -оф	29		
3896/1-6	Фрагменты сосудов	-//-	6		2 -оф	2	4	
3897/149	Фрагменты керамики	-//-	49		2 -оф	49		
3898/1-11	Пряслица керамические	-//-	11		2 -оф	11		
3899/1-9	Шлак	-//-	9		2 -оф	9		
3900/1-28	Фрагменты керамики	-//-	28		2 -оф	22	6	
3901/1-27	Фрагменты керамики	-//-	27		2 -оф	27		
3902/1-34	Фрагменты керамики	-//-	34		2 -оф	34		
3903/1-3	Фрагменты кирпича	-//-	3		2 -оф	3		
3904/1-54	Фрагмент керамических плиток	-//-	54		2 -оф	54		
3905/1-53	Фрагменты поливной керамики	-//-	53		2 -оф	53		
3906/1-6	Фрагменты поливной керамики	-//-	6		2 -оф	6		
3907/1-15	Фрагменты керамики	-//-	15		2 -оф	15		
КП 3-оф №№ 4268-4912 - 1969-1975 гг.								
4547	Створка креста энколпиона	Маджары, 1968 г., найдена А.П. Руничем	1	6,5 х5,5	3 -оф	1		

4639	Светильник керамический XIII-XIV вв.	Маджары, А.П.Рунич – 1972 г.	1	d-10 h-4	3 -оф	1		
4640	Утюг - гладилка из розового мрамора	-//-	1		3 -оф	1		
КП 5-оф №№ 54206307 - 1978-1983 гг.								
5655/1-90	Материалы с территории памятника.	Маджары, Рунич – 1978 г.	90		5-оф	89	1	Ниже роспись коллекции
5655	Свинцовые грузила - 2	-//-						
-//-	Костяные предметы - 4	-//-						
-//-	Игральная кость	-//-						
-//-	Фр-ты стекл. сосудов - 2	-//-						
-//-	Фр-ты камен. предметов - 2	-//-						
-//-	Бусы пастовая, сердоликовые - 3	-//-						
-//-	Пряжка бронзовая	-//-						
-//-	Предмет бронзовый с дырочками	-//-						
-//-	Пряслице	-//-						
-//-	Перламутровый предмет	-//-						
-//-	Амулет	-//-						

-//-	Кольцо пастовое	-//-						
5655	Монеты золотоордынские - 70	Маджары		медь				
КП 6-оф №№ 6308-6891 - 1983 г.								
6647/1-10 акт №142 от 8.07.1983г.	Кирпичи строительные	Маджары, Коллекция 1967 г. полевые материалы Поволжской экспедиции	10		6-оф	9	1	
6647/ 11-40	-//-	-//-	30		6-оф	28	2	
6647/ 41-42	Кирпичи облицовочные	-//-	2		6-оф	1	1	
6647/ 43-60	Фрагменты кирпичей	-//-	18		6-оф	15	3	
6648/1-594 акт № 143 от 8.07.1983г. г.	Находки на городище	Маджары, полевые материалы 1967 г. Поволжской экспедиции	594		6-оф	495	99	
6858/1-164 Акт№162 1983 г.	Находки на городище	Маджары, 1965 г., экспедиция ПКМ	164		6-оф	172		+8; без росписи коллекции
КП 7-оф №№ 6892-7647 - 1983 г.								
7274/1-35 Акт №261 от 1983 г.	Фрагменты облицовочных кирпичей	Маджары, найдены в 1967 г., июнь, Поволжская экспедиция	35		7-оф	32	3	
7275/1-2 Акт № 261 от 1983 г.	Фрагмент каменной плиты с арабской вязью	Маджары -//-	2		7-оф	2		
7276/1-58 -//-	Кирпичи строительные	-//-	58		7-оф	45	13	
7277/1-2 -//-	Фрагменты глазурованных плиток	-//-	2		7-оф	2		

7278/1-25 -//-	Коллекция археологических предметов из глины, железа, кости, стекла	-//-	25		7-оф	25		Без росписи предметов
КП 11-оф №№ 11095-12818 - 1985-1986 гг.								
11579/1-2 Акт 5 1986 г.	Монеты 16 денег Нового Сарая	Маджары, время и авторство находок - ?	2		11-оф	2		
11580 -//-	Монета Нового Сарая	-//-	1		11-оф	1		
11581 -//-	Монета времени Джанибека	-//-	1		11-оф	1		
11582/1-4 -//-	Монета времени Джанибека	-//-	4		11-оф	4		
11583 -//-	Монета (16 данг) Нового Сарая	-//-	1		11-оф	1		
11584 -//-	Монета 767-1365	-//-	1		11-оф	1		
11585 -//-	Монета времени Джанибека	-//-	1		11-оф	1		
11586 -//-	Монета времени Узбек-хана	-//-	1		11-оф	1		
11587 -//-	Монета времени Узбек-хана	-//-	1		11-оф	1		
11588/1-2 -//-	Монеты Нового Сарая города Маджара	-//-	2		11-оф	2		(?)
11589/1-4 -//-	Монеты Нового Сарая	-//-	4		11-оф	4		
11590/1-3 -//-	Монеты времени Джанибека	-//-	3		11-оф	3		

11591/1-4 -//-	-//-	-//-	4		11-оф	4		
11592/1-2 -//-	Монета «Высочайшее повеление»	-//-	2		11-оф	2		
11593 -//-	Монета времени Узбек-хана	-//-	1		11-оф	1		
11594 -//-	Монета Султан Тохтамыш-Хан	-//-	1		11-оф	1		
11595 -//-	Монета Султан Тохтамыш-Хан	-//-	1		11-оф	1		
11596/1-3 Акт 5 1986 г.	Монеты времен Джанибека	Маджары	3		11-оф	3		
11597, -//-	Монета Нового Сарая г.Маджара	-//-	1		11-оф	1		(?)
11598, -//-	Монета Тамга	-//-	1		11-оф	1		
11599 Акт № 6 от 13.01.86 г.	Зернотерка каменная закругленной формы, со шлифованными поверхностями	-//-	1		11-оф		1	
11600 Акт 6 1986 г.	Жернова каменного фрагмент	Маджары	1		11-оф	1		
11601 Акт 7 1986 г.	Сосуд керамический	-//-	1		11-оф	1		
11602 -//-	Сосуд керамический	-//-	1		11-оф		1	
11603 -//-	-//-	-//-	1		11-оф	1		
11604 -//-	Сосуда керамического фрагмент	-//-	1		11-оф	1		

11605/1-3 -//-	Фрагменты керамического сосуда	-//-	3		11-оф	3		
11606 -//-	Миска сероглиняная	-//-	1		11-оф	1		
11607 Акт 8 1986 г.	Сосуд керамический	-//-	1		11-оф	1		
11617/1-3 Акт 5 1986 г.	Монеты 16 пул Нового Сарая	Маджары	3		11-оф	3		
11618 -//-	Монета Нового Сарая	-//-	1		11-оф	1		
11619 -//-	Монета Нового Сарая	-//-	1		11-оф		1	
11620 -//-	-//-	-//-	1		11-оф		1	
11621 -//-	-//-	-//-	1		11-оф	1		
12654 Акт 147 1986 г.	Бляха бронзовая с изображением всадника в восьмиарочной окружности	Маджары, сборы 1969 – 1972 гг. А.П. Рунич	1	Ø 60 мм.	11-оф	1		
12655/1-2 -//-	Плитка глазурованная	-//-	2		11-оф	2		
12656	Кирпич трапециевидный	-//-	1		11-оф	1		
12657 -//-	Плитка мраморная	-//-	1		11-оф	1		
12658	Плитка серая	-//-	1		11-оф	1		
12659	Монета	-//-	1		11-оф	1		

12660/1-16 -//-	Монеты	-//-	16		11-оф	16		
12661	Монета Джанибека	-//-	1		11-оф	1		
12652 -//-	Монета Узбек-хана	-//-	1		11-оф	1		
12663 -//-	Монета Маджара Тохтамыш-хан	-//-	1		11-оф	1		
12664/1-3	Монеты с 1362 г.	-//-	3		11-оф	3		
12665 -//-	Монеты Бухара, деньга	-//-	1		11-оф	1		
12666 -//-	Монета Кашгара	-//-	1		11-оф	1		
12667	Монета Нового Сарая	-//-	1		11-оф	1		
12668/1-2, -//-	Монета 16 денг	-//-	2		11-оф	2		
КП 12-оф №№12819-13436 - 1986-1987 гг.								
13356 Акт 30 19.02.1987	Камень фигурный с голубой поливой	Городище Маджары. Работы 1966-1969 гг.	1		12-оф	1		
13357/1-2 -//-	Кирпич трапециевидный с голубой поливой	-//-	2		12-оф	2		
13358	Камень с остатками поливы	-//-	1		12-оф	1		
13359 -//-	Грузик из песчаника	-//-	1		12-оф	1		
13360	Ручка с остатками зеленой поливы	-//-	1		12-оф	1		

13361 -//-	Венчик сосуда с бурой поливой	-//-	1		12-оф	1		
13362	Керамический шлак	-//-	1		12-оф	1		
13363	Стенка сосуда с коричнево-желтой поливой	-//-	1		12-оф	1		
13364/1-3 -//-	Кирпичи с остатками фиолетовой глазури	-//-	3		12-оф	1	2	
13365/1-14 -//-	Керамика, глазурованная голубым цветом с внешней и внутренней сторон	-//-	14		12-оф	13	1	
13366	Стенка сосуда	-//-	1		12-оф	1		
13367 -//-	Стенка сосуда с сине-зеленой глазурью	-//-	1		12-оф	1		
13368	Стенка сосуда с орнаментом	-//-	1		12-оф	1		
13369	Кирпич	-//-	1		12-оф	1		
13370	Шлак керамический	-//-	1		12-оф	1		
13371/1-3 -//-	Фрагменты трапециевидного кирпича с белой поливой	-//-	3		12-оф	3		
13372 -//-	Стенка сосуда	-//-	1		12-оф	1		
13373/1-2 -//-	Стенки сосудов с голубой поливой с внутренней стороны	-//-	2		12-оф	1	1	
13374 -//-	Шлак	-//-	1		12-оф	1		

13375 -//-	Болванка глиняная конусовидная с отверстием в верхней части	-//-	1		12-оф	1		
13376 -//-	Форма глиняная с отверстием	-//-	1		12-оф	1		
КП 14-оф №№ 13904-14353 - 1987г.								
14259 Акт 176 3.09.1987г.	Фрагмент поливной керамики	Маджары , время и авторство - ?	1		14-оф		1	
14260 -//-	Кирпич	-//-	1		14-оф	1		
14261	-//-	-//-	1		14-оф	1		
14262 -//-	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14263 -//-	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14264	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14265 -//-	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14266 -//-	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14367 -//-	Фрагмент днища сосуда	-//-	1		14-оф	1		
14268 -//-	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14269 -//-	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14270 -//-	Венчик сосуда	-//-	1		14-оф	1		

14271 -//-	Фрагмент со светлой поливой с разводами	-//-	1		14-оф	1		
14272	Фрагмент керамики	-//-	1		14-оф	1		
14273 -//-	Фрагменты стенки сосуда	-//-	1		14-оф	1		
14274 -//-	Стенка сероглиняного сосуда	-//-	1		14-оф	1		
14275	-//-	-//-	1		14-оф		1	
14276	Венчик сероглиняного сосуда	-//-	1		14-оф		1	
14277 -//-	Фрагмент стенки сосуда	-//-	1		14-оф		1	
14278	Фрагмент венчика	-//-	1		14-оф		1	
14279 -//-	Фрагмент венчика	-//-	1		14-оф		1	
14280	Фрагмент стенки сероглиняного сосуда	-//-	1		14-оф		1	
14281 -//-	-//-	-//-	1		14-оф		1	
14282	Фрагмент венчика	-//-	1		14-оф		1	
14283 -//-	Фрагмент стенки сероглиняного сосуда	-//-	1		14-оф		1	
14284 -//-	-//-	-//-	1		14-оф		1	
14285 -//-	Фрагмент стенки бурого сосуда	-//-	1		14-оф		1	

14286 -//-	Фрагмент стенки сероглиняного сосуда	-//-	1		14-оф		1	
14287	Фрагмент бурой керамики	-//-	1		14-оф		1	
14288 -//-	Фрагмент керамики серого цвета	-//-	1		14-оф		1	
14289 -//-	Фрагмент венчика красноглиняного сосуда	-//-	1		14-оф		1	
14290	-//-	-//-	1		14-оф		1	
14291 -//-	Фрагмент венчика сероглиняного сосуда	-//-	1		14-оф		1	

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Труды XIV археологического съезда. Т.3. М., 1911. с. 169-207.

Коваленко А.Н., Савенко С.Н. Всеволод Ростиславович Апухтин: археолог, краевед, музейный деятель. – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2011. 130с.

Коваленко А.Н., Савенко С.Н. Всеволод Ростиславович Апухтин… с.41.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 5. – Ставрополь, 1953. с.131-158.

Нарожный Е.И. О поясной пластинке с изображением Бахрама Гура с территории золотоордынского города Маджара // РА. 2006. №2. с.160-163.

Обухов Ю.Д. «Город Золотой Орды Маджар - история изучения и сохранения»// Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Том III. Казань 2014. с.416-419.

Обухов Ю.Д. Вклад А.П. Рунича в некоторые вопросы исследования Маджара в перспективе дальнейшего изучения городища // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск XI. Археология, краеведение, музееведение. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. с.331-342.

Прозрителев Г.Н. Маджары. Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь: Тип. Наследников Берк, 1906. 16с.

Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Ташкент: San at, 2012. с.72,75-78.

Ртвеладзе Э.В. Крест – энколпион из Маджар // СА. 1965. №2. с.281-282.

Савенко С.Н. . Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10-11 мая 2011 г., г. Сухум). АбИГИ. – Сухум, 2011. с.178-185.

Савенко С.Н. Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н. Прозрителева с Д.М. Павловым и другими кавминводскими археологами-краеведами // Прозрителевские чтения. Выпуск 1. Сборник материалов научно-практической конференции. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2005. с.112.

Савенко С.Н. Вопросы ранней истории Пятигорского краеведческого музея (к 110-летию со времени открытия) // Ставропольский хронограф на 2013 год: краеведческий сборник / СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2013. с.136.

Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту. – Ставрополь: Ставролит, 2013. с.48-49.

Архив Н.М. Егорова. Пятигорский краеведческий музей. Научная библиотека. Папка 2. лл.115-117.

Архив Н.М. Егорова. Пятигорский краеведческий музей. Научная библиотека. Папка 3. лл.70-73, лл.82-94.

ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Книга приказов за 1960 год.

ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Книга приказов за 1965 год.

ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Книга приказов за 1967 год.

МАДЖАРСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ СОБРАНИЯ КИСЛОВОДСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ «КРЕПОСТЬ».

Лачинов И.А., Зайцева Е.И., Есаулов М.В.

Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость», основанный в 1965 году, является одним из крупнейших хранилищ историко-культурного наследия в Ставропольском крае [*Российская музейная энциклопедия, 2001, с.273*]. Он обладает обширным и разнообразным собранием музейных предметов, общим объемом более 80 тысяч [*Зайцева 2005, с.124-133*].

Наиболее крупным разделом музейного собрания является археологическая коллекция, составляющая более 25 тысяч единиц хранения и охватывающая время от эпохи энеолита (IV тыс. до н.э.) до материалов позднего средневековья (XV–XVII веков) [*Савенко 2006. с. 68-72*].

Большую часть археологических материалов составляют коллекции, собранные краеведами-археологами Михайловым Н.Н. и Руничем А.П., и их учениками Афанасьевым Г.Е., Ртвеладзе Э.В., Савенко С.Н., Березиным Я.Б. и др. В изучении археологических памятников Кисловодской котловины участвовали археологи из различных научных центров страны, а также зарубежные ученые: А.Л. Нечитайло, В.Б. Ковалевская, М.П. Абрамова, В.А. Козенкова, В.А. Кузнецов, В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Д.С. Коробов, А.Б. Белинский, С. Райнхольд и др. Основная масса археологических материалов Кисловодского музея происходит с объектов территории Кисловодской котловины. Имеются также комплексы из других районов: Ессентуки, Пятигорск, Железноводск, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия, Дагестан, Чеченская республика и Ингушетия.

С самого начала функционирования музея ведется научная обработка археологических коллекций. Многие древние и средневековые предметы и комплексы введены в научный оборот и опубликованы. Сведения об археологических комплексах музея часто публиковались в научных сборниках и периодической печати. [*Лачинов 2006, с.166-173*]

В конце XX века значительно повысился интерес историков, археологов, краеведов к проблемам истории Северного Кавказа в золотоордынскую эпоху (XIII-XV века) [*Егоров 2009, с.248; Власкин, Гармашов, Доде, Науменко 2006, с.6-8*]. Актуальность этой проблемы в современных условиях особо подчеркнута в докторской диссертации Е.И. Нарожного (2010 г.) [*Нарожный 2010*]. Значение данной темы также обусловлено возрастающей в последние годы угрозой разграбления и разрушения археологических памятников, в том числе и таких, как средневековое городище Маджары [*Евдокимова 2012*].

В археологической коллекции музея можно выделить несколько комплексов золотоордынского времени, происходящих из разных мест Северного Кавказа:

- Фрагменты облицовочных кирпичей и изразцовых плит, покрытых голубой глазурью 10 шт. (Белый уголь, 1982, Рунич А.П. подъемный материал) [*Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». Фонды*];
- Две серебряные монеты середины XIV века (1980 г., Чечено-Ингушетия, А.П. Рунич). Чеканена одна из монет, по определению академика М.Е. Массона, в Новом Сарае во время правления Хызыр-хана в 762 г.х. (≈1360 г. н.э.), другая в период царствования Джанибек-хана, т.е. после 1342 г.) [*КИКМ «Крепость». Фонды*];
- Фрагменты керамических изделий, предметов из бронзы, железа, кремня, обсидиана, кости, медные монеты, и др. с городища Маджары. Комплексы 1971 г. 108 шт. – Савенко С.Н., Березин Я.Б, Гуськов М.А; 1977 г. 39 шт. – Рунич А.П., Гуськов М.А.; 1983 г. 50 шт. – Климов Н., Чухаркин А. (Приложение 1-3) [*КИКМ «Крепость». Фонды*].

Указанные золотоордынские артефакты до настоящего времени не введены в научный оборот. Мы полагаем, что, несмотря на немногочисленность и фрагментарность данных предметов, они могут быть интересны для воссоздания полной картины военно-политических, социально-экономических и этнокультурных процессов, протекавших в средневековом городе Маджары.

Поэтому на маджарских комплексах остановимся более подробно.

В золотоордынское время на Северном Кавказе вместо небольших многочисленных поселков возникает несколько крупных городов, ставших центрами ремесла, торговли и административной власти. Наиболее значительными центрами являлись Верхний Джулат, Нижний Джулат и Маджары [*Зиливинская 2000, с.46-48*].

Местоположение золотоордынского города Маджары было определено еще в XVIII – начале XIX веков. В 1717 году его развалины посетил доктор Г. Шобер. В последующее время развалины обследовали полковник И.Г. Гербер (1723 г.), художник М. Некрасов и топограф А. Голохвостов (1742 г.), академик С.Г. Гмелин (1772 г.), И.А. Гюльденштедт (1773 г.) академик П.С.Паллас (1793 г.), граф Я. Потоцкий (1798 г.), Г.Ю. Клапрот в (1808 г.), французская путешественница А. Омер де Гель (1847 г.) и другие (*Доде З.В., Соснина Е.Л.*). Исследование Маджар было продолжено и позже – во второй половине XIX – и в XX веке [*Колесникова 2001, с.215; Бабенко 2008, с.27-28*]

Величественные развалины маджарских городищ издревле привлекали внимание исследователей и путешественников, но археолгическое их изучение началось только в XX веке (Г.Н. Прозрителев, Ф. Маметханов, Т.М. Минаева и др.) [*Прозрителев 1906; Городцов 1911*].

Город Маджар был крупнейшим населенным пунктом на Северном Кавказе в золотоордынское время [*Бабенко 2001, с.101-108; Волков 2001, с.199-207*].

Маджарские комплексы кисловодского музея сформировались в результате сборов подъемного материала на правом берегу реки Кумы. К сожалению, мы не имеем точных данных о местах сбора подъемного материала и, соответственно, отсутствует привязка к проводившимся на городище Маджары археологическим исследованиям.

Несмотря на то, что сбор подъемного материала проводился в разное время и в разных местах, их состав является схожим, а именно:

- *поливная керамика* - фрагменты сосудов зеленого, синего, голубого, фиолетового и желто-коричневого цвета с орнаментом и без;
- *неполивная керамика*, в том числе и штампованная.
- Выделяются такие фрагменты керамических изделий (сосуды, чаши, пиалы и т.д.) как ручка, носик-слив, донышко, горло, поддон, стенка сосуда.
- Фрагменты *стеклянных сосудов* и шлак стеклянный;
- фрагменты *керамических кирпичей* с глазурным покрытием синего; зеленого и голубого цвета (в том числе один с арабской надписью);
- фрагменты *плитки изразцовой* с голубым глазурным покрытием;
- фрагменты *изделий из бронзы и железа* и металлический шлак.

Указанные находки подтверждают вывод о том, что золотоордынские города были крупными центрами ремесел. Наиболее развитым было керамическое производство – изготовление строительных материалов (кирпич и изразцовая плитка) и гончарных изделий (кухонная посуда).

Высокую оценку качеству *маджарского кирпича* дал, в начале XX века, Г.Н. Прозрителев: «Кажется, ни один народ не оставил после себя такого великолепного строительного материал, который находится в этих развалинах в виде кирпича, называемого жителями «мамайским». Несмотря на многие протекшие столетия, он не только вполне годен для построек в настоящее время, но и далеко превосходит нынешний кирпич. Каким способом этот народ приготовлял кирпич, неизвестно, но, вероятно долгим опытом он нашел этот способ…» [*Прозрителев 1906*].

Окраска поверхностей изразцовых плиток, кирпичей и гончарных изделий отличается преобладанием ярких зелено-голубых тонов различных оттенков. Ряд исследователей полагает, что производство красок в указанное время было тесно сопряжено с характером и масштабами медеплавильного производства. Цвет определялся как количеством меди, железа и серы в составе породы для плавильного производства, так и способом обработки пород водой или кислотой [*Егоров 2009, с.135*].

Большую ценность представляют *медные монеты* из комплекса 1983 года, поскольку « … монеты позволяют не только расширить круг известных по письменным источникам населенных пунктов (так как на них выбивались места чекана), но и идентитфицировать исследуемые городища с конкретными известными городами» [*Нарожный 1992, с.47-51*]. Найденные монеты требуют серьезной атрибуции, так как доступными способами идентифицировать их не представляется возможным. Можно лишь предположить их местную чеканку.

Отметим также нетипичные находки: оселок, альчик, фрагменты обсидиана и кремня, пиленый рог оленя, грузило, свинцовую амулет-подвеску каплевидной формы.

Рассматривая Маджарские древности из собрания Кисловодского музея «Крепость», следует подчеркнуть, что как сами находки, так и исследования золотордынского времени связано с именем одного из основателей музея Андрея Петровича Рунича (1911-1986 гг.), замечательного краеведа и археолога-любителя, воспитавшего блестящую плеяду профессиональных археологов [*Библиография научных работ д.и.н. Э.В. Ртвеладзе, 1992, с.2-4*].

Еще в 1992 году Е.И. Нарожный отмечал, что А.П. Рунич заложил основу Кавминводского золотоордыноведения [*Нарожный 2011. с.134-137*]. Достаточно сказать, что в период с 1961 по 1970 год совместно с археологом Э.В. Ртвеладзе и группой краеведов он совершил 20 полевых выездов на городище Маджар. Было заложено 8 стратиграфических шурфов, проводились археологические исследования, сбор подъёмного археологического и нумизматического материала, выполнялись чертежи и т.д. [*Рунич, Палимпсестова Советская археология №2, с.269-289*].

В целом Маджарский комплекс Кисловодского музея «Крепость» нуждается в более тщательной, с привлечением специалистов разного профиля, атрибуции и полной публикации.

Приложение:

I. КОМПЛЕКС 1971 ГОДА. КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СБОРЫ НА ГОРОДИЩЕ МАДЖАРЫ (ВИНОГРАДНЫЕ ЧЕКИ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ РЕКИ КУМЫ), САВЕНКО С.Н., БЕРЕЗИН Я.Б., ГУСЬКОВ М.А.

1.Поливная керамика:

а) фрагмент чаши с поддоном, орнаментированная, с зеленым поливом – 1 шт.

б) фрагменты ручек с зеленой поливой – 4 шт.

в) фрагмент крышки орнаментированной с зеленой поливой – 1 шт.

г) фрагменты чаши с орнаментом и без него с зеленой поливой – 17 шт.

д) фрагменты чаши с синей, голубой и фиолетовой поливой – 34

е) фрагмент чаши с внутренней коричневой и внешней зеленой поливой – 1 шт.

ж) фрагмент стенки сосуда с коническим выступом с голубой поливой – 1 шт.

з) фрагменты чаши с поливой: на белом фоне серо-голубой орнамент – 21 шт.

и) фрагменты чаши с желто-коричневой поливой с орнаментом и без него - 5 шт.

к) поддон от сосуда с внутренней поливой: на белом фоне коричневые углубленные полосы – 1 шт.

2. Неполивная керамика

а) фрагменты керамических носиков от чайника или умывальника – 2 шт.

б) фрагменты чаши с орнаментом - 3 шт.

в) фрагменты керамических сфероконусов (для перевозки ртути и других веществ) – 2 шт.

3. Керамика неполивная штампованная

а) фрагменты стенок сосудов с орнаментом – 2 шт.

4. Фрагмент оселка (камень) – 1 шт.

5. Фрагменты пластинчатых бронзовых предметов – 3 шт.

6. Фрагменты кремня – 2 шт.

7. Фрагменты обсидиана – 2 шт.

8. Фрагменты железного прута и железного предмета – 3 шт.

9. Альчик – 1 шт.

10. фрагмент кирпича с разноцветной поливой – 1 шт.

II. КОМПЛЕКС 1977 ГОДА. ПОДЪЕМНЫЙ МАТЕРИАЛ С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА МАДЖАРЫ (С ПОВЕРХНОСТИ РАЗРУШЕННОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В РАЙОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ВИНОГРАДНЫХ ПЛАНТАЦИЙ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ РЕКИ КУМЫ) РУНИЧ А., ГУСЬКОВ М.

1. Фрагменты поливной разноцветной керамики – 10 шт.
2. Фрагменты стеклянных сосудов зеленого, белого и синего цвета – 9 шт.
3. Керамический шлак – 3 шт.
4. Фрагменты неполивной керамики – 2 шт.
5. Фрагменты поливных кирпичей синего, зеленого цвета и синего с коричневым – 3 шт.
6. Фрагменты кремня – 2 шт.
7. Грузило керамическое округлой формы с фрагментами полива – 1шт.
8. Обломки бронзовых предметов – 9 шт.

III. КОМПЛЕКС 1983 ГОДА. КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СБОРЫ НА ГОРОДИЩЕ МАДЖАРЫ (С ПОВЕРХНОСТИ РАЗРУШЕННОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В РАЙОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ВИНОГРАДНЫХ ПЛАНТАЦИЙ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ РЕКИ КУМЫ) КЛИМОВ Н., ЧУХАРКИН А.

1. Фрагменты кирпичей, усечено пирамидальной формы с глазурным покрытием голубого цвета. Красноглиняный обожженный – 4 шт.
2. Фрагмент изразцовой плитки с голубым глазурным покрытием. Глина, обжиг – 3 шт.
3. Фрагмент рога оленя пиленый – 1 шт.
4. Фрагменты донышка пиалы, изготовленой на гончарном круге. Глина, обжиг –7 шт.
5. Фрагмент сосуда конической формы с острым дном -2 шт.
6. Фрагмент стенки сосуда со сложным орнаментом, состоящим из вдавленных прямых и волнистых полосок по всему радиусу сосуда – 2 шт.
7. Фрагмент горла сосуда с орнаментом (косые черточки и параллельные вдавленные полосы) – 2 шт.
8. Амулет-подвеска каплевидной формы с петелькой для подвешивания, покрыт сложным геометрическим орнаментом, нижний конец обломан. На поверхности глубокие зарубки, оборотная сторона гладкая (свинец) – 1 щт.
9. Монета округлой не совсем правильной формы, медь, чеканка – 5 шт.
10. Плоский круглый предмет с отверстием в середине, похожий на грузило (свинец) – 1 шт.
11. Фрагмент бронзовых изделий неправильной формы, возможно отходы ремесленного производства – 5 шт.
12. Изразец (плитка) с глазурным покрытием темно-синего цвета. На покрытии красным и белым цветом выполнена арабская надпись – 1 шт.
13. Фрагмент каменного изделия, (возможно тесло) черного цвета – 1 шт.
14. Шлак стеклянный сине-белых и зеленоватых оттенков – 2 шт.
15. Ручка глиняного сосуда лентовидная. На внешней стороне ручки орнамент из двух пересекающихся волнистых линий, выделен двумя вдавленными бороздками – 1 шт.
16. Носик-слив трубковидный (глина, обжиг)– 1 шт.
17. Фрагменты расписной полихромной керамики – 11 шт.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Бабенко В.А. Из истории изучения городища Маджары в конце XIX-начале XX веков. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. – Владикавказ. 2008. с. 27-28

Бабенко В.А. Памятники Золотоордынского времени на территории Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск 2. – М.: «Памятники исторической мысли, 2001. с. 101-108

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Научный редактор Горелик М.В. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VI. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. с. 6-8.

Волков И.В. Два городища Маджары на старых картах// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск 2. – М.: «Памятники исторической мысли, 2001. с. 199-207

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджара в 1907 году. М., 1911.

Доде З.В. К истории изучения города Маджар. http://www.nasledie.org/ v3/ ru/?action=viev&id=247527

Евдокимова Е.А. Кто защитит Маджары?//Аргументы и факты.12 сентября 2012 г. № 37.

Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв./ Отв. Редактор В.И. Буганов. Изд.2-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Егоров В.А. Указ. соч. с. 135

Зайцева Е.И. Страницы музейной летописи (к 40-летию основания Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость») // Ставропольский хронограф на 2005 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 2005. С. 124-133

Зиливинская Э.Д. Археологические исследования золотоордынских городов Северного Кавказа в XX веке // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Кисловодск. 2000. с. 46-48.

Колесникова М.Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности 1921-1933 гг. // материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск 2. – М.: «Памятники исторической мысли», 2001 с. 215.

Лачинов И.А. Научно-просветительская деятельность музея. // Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 2.Под ред. к.и.н. С.Н. Савенко. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2006. с. 166-173.

Нарожный Е.И. А.П. Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й региональной конференции. Под. ред. к.и.н. С.Н. Савенко. Кисловодск 1992. с.47-51.

Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимовоздействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Армавир 2010.

Нарожный Е.И. «Золотоордынское наследие» А.П. Рунича и некоторые аспекты изучения золотоордынского периода истории центрального Кавказа. // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов научной конференции. Под ред. к.и.н. С.Н. Савенко. – Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2011. с. 134-137.

Прозрителев Г.Н. Маджары – один из древнейших городов Северного Кавказа. – Ставрополь. 1906 г.

Ртвеладзе. Э.В. Библиография научных работ д.и.н. Ташкент. Институт искуствознания им. Хамзы. 1992. с.2-4.

Рунич А.П., Палимпсестова Т.Б. О Ессентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА 1974.№2 . 269-289.

Савенко С.Н. Археологические коллекции Кисловодского краеведческого музея. // Пятигорье и Юг России: полистические, социально экономические и кльтурные связи XIX-XX веков. Сборник материалов научно-практической конференции. 3-7 октября 2005 г. Пятигорск, 2006. с. 68-72.

Соснина Е.Л. Материалы Яна Потоцкого о Маджарах (к 200-летию посещения Маджар Я. Потоцким) http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=viev&id=546945

Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов научной конференции. Под ред. к.и.н. С.Н. Савенко. – Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2011. 200 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: Наука, 1988. с. 199-200**.**

КИКМ «Крепость». Фонды. О.ф. №2294/АДМ 35; 2295/АДМ 36

КИКМ «Крепость». Фонды. О.ф. №2818/1-50

КИКМ «Крепость». Фонды. О.ф. № 2528/182-191

Российская музейная энциклопедия. Том 1. М., Прогресс, «Ренол-классик». 2001. с. 273.

ГЛАВА IV

ОБРАЗ МАДЖАРА И КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ, КУЛЬТУРНОМ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИИ.

ХРИСТОС ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ КАК СИМВОЛ ЕДИНОДЕРЖАВИЯ ТВЕРСКИХ ГОСУДАРЕЙ: К ВОПРОСУ О САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Лавренов В.И.

Сакрализация власти является старейшим осмысленным политическим институтом. Воспринимая Бога как отправную точку и программу развития мира, человек проецировал эту систему на земную жизнь с монархом во главе. Именно монарх воспринимался как невероятный феномен, осмысленный в литературе простой формулой: «институт власти спущен с небес». На представления о личности и власти монарха, соотношения в ней мирского и сакрального влияла христианская вера и традиции императорской власти античных цивилизаций.

Рождение и становление государственности всегда сопровождалось выбором соответствующей символики. Так было и во времена Киевской Руси, когда «знак Рюриковичей» стал восприниматься эмблемой всего княжества, так было при рождении Московского государства, где должное место занял двуглавый орёл, так было и в 1917 г., когда Советская власть, презрев почти тысячелетнюю традицию России, создала свою эмблематическую систему. Это мы наблюдаем и сегодня, когда смена политических режимов во многих странах мира сопровождается обязательным изменением геральдики. Поэтому символика власти – есть ключевое звено в понимании её сущности, объёма полномочий и политической программы на, вполне зримую, перспективу.

Если становление западноевропейской геральдики уже осмыслено как культурное явление и стержень европейской идентичности, то формирование геральдических знаков на Руси до сих пор не оценено как таковое. Конечно, не все знаки, которые мы встречаем на русских печатях, монетах, памятниках искусства можно назвать гербами. Однако устойчивый характер изображений и определенная иерархия знаков, функции обозначения власти, что свойственно геральдическим символам, позволяет предполагать, что в русском обществе их считали таковыми.

История становления тверского княжества сопровождалась целым рядом интересных символических образов, значение которых для Твери и Руси мы начинаем понимать только сегодня. Один из них – Христос Вседержитель, сюжет хорошо известный в Византии, Киевской Руси и Великом Новгороде. Так как слово «печать» в русском языке было эквивалентом слова «герб», обратимся к сюжетам тверских печатей XIII-XIV вв.

Ранние печати тверских князей, в частности, Михаила Ярославича, следуют установившемуся византийско-русскому канону. На одной стороне - святой покровитель князя - владельца печати, на другой - святой покровитель его отца. Более поздние печати князя Михаила Ярославича совсем другие. На одной стороне архангел Михаил, на другой Христос Вседержитель. На византийских печатях изображение Вседержителя, по-гречески - Пантократора, было присуще только императору. Кроме него лишь немногие члены семьи или самой близкой среды помещали этот рисунок на своих печатях [*Василевски 1991, с.226-232*]. Имя «Пантократор» сопровождает Христа с IX в. Оно использовано в надписи в тимпане храма св. Софии в Константинополе. Греческое слово «Пантократор» можно перевести как «все - властный, все - сильный, все - держитель». Сам сюжет Христа Пантократора представляет собой фронтальное изображение Спасителя, царственно восседающего на престоле (троне). Облачение его традиционно, а благословляющая рука вознесена перед грудью. На левом колене установлено Евангелие, придерживаемое сверху рукой, едва видимой из складок гиматия. Евангелие может

быть закрыто или раскрыто. На седалище престола обязательны подушки, в ногах может быть подножие [*Припачкин 2001, с.81*].

Иконография этого сюжета столь широка, что даже перечисление примеров может занять много места и времени. Скажем главное. Этот образ сложился в эпоху торжества христианства под влиянием канонов изображения римских императоров. В нём была воплощена идея власти. Именно «второй Рим» - Константинополь был тем городом, где процесс сложения типа Христа-триумфатора - нового властителя мира и победителя смерти, стал сближаться с образом императора-триумфатора. Сюжет Пантократора как символ высочайшей власти перешёл на Русь из Византии, и святой Владимир поместил его на своих монетах наряду с традиционным «знаком Рюриковичей». Во время монгольского ига это изображение мог помещать на печати только великий князь, власть которого распространялась на Новгород [*Янин 1970, с.224-226*]. Именно в Новгороде – своеобразном мериле полноты власти на Руси, сюжеты со Спасом Вседержителем имели большое распространение на печатях и иконописи [*Смирнова 1982, с.181*]. По - мнению академика Н.П. Лихачёва изображение Христа Вседержителя на Руси было равнозначно понятию «самодержец» и олицетворяло власть Киевского, а затем и великого Владимирского князя. Более того, изображение устанавливало прямое соотношение Христа Пантократора с самим князем, ибо даже внешне находилось много общего между, сидящим на престоле (троне), князем и восседающим Христом [*Лихачев 1928, с.67-71*]. Помимо Михаила Ярославича, этот сюжет был использован и его сыном - Александром Михайловичем - великим князем тверским и владимирским. Его печать сохранилась привешенной на красном шёлковом шнуре к грамоте с Новгородом. На печати изображён Вседержитель на престоле без спинки с мягкой подушкой [*Лихачев 1928, с.45*]. Изображение Вседержителя на тверских печатях сюжетно близко композиции миниатюры «Хроники Георгия Амартола», составленной в Твери в начале XIV в. На миниатюре изображен Спас на престоле с мягкой зеленой подушкой, по сторонам которого в молитвенных позах стоят князь Михаил Ярославич и мать его Ксения. В рисунке Христос осмысляется как Царь-Вседержитель, покровитель княжества и великокняжеской власти [*Евсеева 1983, с.11-12*]. Иисус Христос одет в хитон с золотой каймой, что является признаком царского достоинства. Данная композиция находит прямые аналоги с византийскими памятниками XI в., например в Хахульском триптихе из Государственного музея искусств в Тбилиси. На нём изображён Христос, восседающий на троне и предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей [*Пятницкий 2006, с.125*]. Ряд «сидящих владык» продолжают изображения князя на престоле (троне) с мягкой подушкой. Подобная традиция изображения правителей восходит к композиции первых русских монет X– XI вв., имеет продолжение в сюжетах тверских монет XV в. Аналогичные изображения, сидящих на столах, князей встречаются в русских миниатюрах. Поза, сидящего на престоле князя, считается канонической. Подобная композиция характерна и для оформления западноевропейской символики власти.

Эта общность сюжета царя земного и Царя Небесного, восседающих на троне (престоле), имеет смысловое единство, связанное с идеологией единодержавия, призыв к которому впервые прозвучал в «Повести о Михаиле Тверском» и позднее в «Слове похвальном инока Фомы о благоверном и великом князе Борисе Александровиче». Идея единства Руси, зародившаяся в Древнерусском государстве, не умерла в период феодальной раздробленности. В конце XIII - начале XIV вв. эта идея получает новый контекст, связанный с угрозой не только внутренних раздоров, но и внешней опасности. И одним из первых, кто на деле реализовывал эту идею, стал великий князь тверской и владимирский Михаил Ярославич.

В этой связи интересна гипотеза, изложенная в монографии немецкого историка Эккехарда Клюга, о «самодержавных тенденциях» власти князя Михаила [*Клюг 1994. с.103-104*]. Исследователи неоднократно отмечали, что памятники письменности этого времени пытаются повысить ранг великого князя Михаила Ярославича путем введения в титул формулы «великий князь всея Руси», косвенным именованием князя «царем» и «самодержцем» [*Кучкин 1974. с.261*]. Однако, как пишет Клюг, «свидетельства источников... не столь многочисленны, чтобы можно было ясно оценить значение и место подобных мотивов в политике Михаила» [*Клюг 1994. с.104*]. Но как раз сюжет Христа Вседержителя на тверских печатях, миниатюрах, памятниках искусства и свидетельствует о том, что эти «мотивы» были весьма значительны и последовательны в своей конкретной реализации.

Эти «мотивы» могли, при определенных условиях, стать политической программой очень раннего становления самодержавия, основанного на нормах презентации власти как явления

сакрального. А реализация такой программы требовала соответствующего эмблематического эквивалента, роль которого успешно взял на себя сюжет Христа Вседержителя. Но средневековая Русь, как и средневековая Европа, имели печальный опыт, когда в борьбе за власть даже сакральный статус не защищал монарха от политического убийства, что и произошло с Михаилом Тверским.

Тем не менее, при анализе подобных изображений на разных памятниках (печатях, монетах, миниатюрах) можно найти подход к решению одной из самых трудных геральдических задач – пониманию средневековой символики как явления духовной культуры, в формировании которой важную роль играет личность правителя, в нашем случае – князя Михаила Ярославича. И здесь нужно сказать следующее. В один ряд с перечисленными символами (Христа Вседержителя на престоле и правителя на троне) стоит поставить сюжет, как - бы в сокращённом виде повторяющий два первых. Это изображение венца (короны) на престоле (троне), что в XVI-XVII вв. станет восприниматься эмблемой Твери. Мы не можем точно сказать, когда изображение короны на столе стало восприниматься гербом Твери. Вероятно, это связано с деятельностью митрополита Макария. Его стараниями в 1549 г. прошла канонизация великого князя тверского и владимирского Михаила Ярославича [*Кучкин 1974. с.175-176*]. Весьма примечательно, что тверская эмблема - корона на престоле - появляется именно в XVI в., когда древний памятник тверской литературы – «Повесть о Михаиле Тверском» получает как - бы вторую жизнь. Таким образом, изображение Вседержителя на печатях тверских князей в период обладания ими великим княжением Владимирским говорит о серьёзной попытке формирования духовно-политической программы единодержавия, в центре которой стоял «Дом святого Спаса» – Тверь и личность самодержца – великого князя тверского и владимирского Михаила Ярославича. Эта работа имела и внешнее выражение – сюжет Христа Вседержителя. В смысловом единстве с сюжетами печатей, миниатюр и памятников искусства находится изображение князя, сидящего на престоле и изображение короны на троне.

Другое дело, что программа не удалась. Но в истории царской власти на Руси тверской сюжет играл роль своеобразного химического элемента, который реализуется только в определённой среде. Среда начала XIV в. – это ещё не та мировоззренческая опора, в которой была возможна реализация священной власти [*Хорошев 1986. с.176*]. Но на пути к теократической доктрине власти, получившей своё окончательное оформление в XVI в., (вот тоже совпадение – В.Л.), попытка тверских князей в своей сакральной единодержавной интуиции, занимает самое яркое и достойное место.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М.: 2007.

Василевски Т. Христос Пантократор на печатях и монетах монархов Руси и его Византийские и Болгарские образцы // Византийский временник. 1991. Т.52.

Евсеева Л.М., Кочетков И.А., Сергеев В.Н. Живопись древней Твери. М.: 1983.

Клюг Э. Княжество Тверское. Тверь: 1994.

Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М.: 1974.

Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л.: 1928. Вып.1.

Припачкин И.А. Иконография Господа Иисуса Христа. М.: 2001.

Пятницкий Ю.А. Две мозаичные византийские иконы из собрания А.П. Базилевского // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. Сб. научных трудов. СПб.: 2006.

Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М.: 1982.

Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М.: 1986.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М.: 1970. Т.1.

МИНИАТЮРЫ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА. ЖИТИЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО И АННЫ КАШИНСКОЙ

Никитина О. А., Никонова В. А.

Древний город Маджары упоминается в летописях в связи с тем, что в 1318 г. там было явлено чудо над телом убитого в Золотой Орде святого благоверного князя Михаила Ярославича Тверского. Цель нашей работы – рассмотреть, как эти события отражены в уникальном рукописном памятнике книжного искусства XVI в. – Лицевом летописном своде.

Лицевой летописный свод был создан по указу Ивана Грозного. Грандиозные по объему хронографические и летописные тома не имеют аналогов в мировой культуре ни по широте охвата исторических событий, ни по богатству иллюстративного материала. Лицевой летописный свод дошел до нас в составе 10 томов и излагает библейские события от сотворения мира до событий Византийской империи X в., а также освещает отечественную историю с 1114 по 1567 годы. Данный памятник интересен тем, что в то время зарождается книгопечатание на Руси, и Лицевой летописный свод как бы завершает время рукописной книги. Судьба Лицевого летописного свода исторически сложилась таким образом, что в XVII–XVIII веках памятник, создававшийся как единое целое, оказался разрозненным. История бытования отдельных томов до сих пор остается тайной. В начале XVIII в. несколько томов были вывезены в Петербург в составе библиотеки Петра I и личных собраний; отдельные тома еще в XVII в. попали в частные руки; часть томов осталась в Москве. В настоящее время три тома свода хранятся в Государственном историческом музее в Москве, четыре – в Российской национальной библиотеке и три – в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

В 2008 г. было выпущено факсимильное научное издание Лицевого летописного свода совместно ГИМ, РНБ, БАН и издательской фирмой «Актеон». Факсимильное издание этого памятника позволит сохранить оригинальное издание и предоставит возможность не только специалистам работать с ним, но и привлечет широкий круг читателей, интересующихся как всемирной историей, так и историей нашего Отечества. Данное издание представляет собой 19 факсимильных книг и 11 сопроводительных томов с описанием рукописей, транслитерацией текста и указателями. Особой ценностью этого грандиозного памятника русской культуры являются миниатюры, сопровождающие текст: в десяти томах их насчитывается около 16 000. [URL: http://www.rasl.ru/science/litsevoy_letopsvod.php] Над книгами Лицевого летописного свода работала целая мастерская: около 15 писцов и 10 художников. Рисунки-миниатюры не просто иллюстрируют текст, но и дополняют его: некоторые события не написаны, а только нарисованы. Для нас наибольший интерес представляют миниатюры, повествующие о жизни святого благоверного князя Михаила Тверского и его супруги святой благоверной княгини Анны Кашинской (в данном случае мы понимаем слово «житие» как жизнеописание канонизированного святого), которые находятся в 1-м Остермановском томе Лицевого летописного свода, хранящегося в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге. Там представлена фактически вся жизнь Михаила Ярославича, княгиня Анна же изображается редко: например, в моменты их свадьбы, рождения сыновей, преставления вместе с сыном – князем Василием Кашинским. Надо сказать, что миниатюры в Лицевом летописном своде расположены в хронологическом порядке, поэтому тексты и иллюстрации, посвященные Михаилу и Анне, необходимо вычленять из общего массива текста свода.

Впервые такая попытка была предпринята С. Писаревым и В. Успенским в начале XX в. Они ввели 113 миниатюр, повествующих о Михаиле Тверском и Анне Кашинской, в научный оборот, но опубликовали лишь их черно-белые прориси, и в данном издании транскрипция древнерусского текста и описание картинок отделены от самого воспроизведения рукописи. [*Успенский, Писарев 1903. с.3*] Уже в начале века XXI-го черно-белые прориси миниатюр были опубликованы в сборнике «Михаил Тверской. Тексты и материалы», но более удобно: там воспроизведены текст и миниатюры, причем описания миниатюр расположены рядом с текстом,

поэтому взаимодополняют друг друга, как в Лицевом летописном своде. [*Михаил Тверской. Тексты и материалы, 2005, с.15-143*] В 2009 г. тверским искусствоведом Н. А. Майоровой и кашинским историком В. А. Никоновой на средства, выделенные настоятельницей храма святой благоверной княгини Анны Кашинской в Санкт-Петербурге (подворье Введено-Оятского монастыря) игуменией Иоанной, были напечатаны репродукции миниатюр для масштабного музейно-выставочного проекта «Лики святой Руси». Репродукции, которые представляют собой цветные миниатюры, были сделаны с факсимильного издания Лицевого летописного свода. Затем несколько миниатюр в качестве иллюстраций были опубликованы в монографии Г. С. Гадаловой о матери Михаила Тверского – великой княгине Ксении [*Гадалова 2011*]. Особенностью миниатюр Лицевого летописного свода является то, что на большинстве из них события изображены на нескольких уровнях. Либо это разные события, происходящие параллельно: например, в низу одной из миниатюр изображен лежащий на ложе князь Михаил, а наверху – горящие и высохшие поля, лежащие на земле лошади; миниатюра сопровождается следующим текстом: «...бысть болезнь тяжка зело великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Того же лета сухмень бысть велий и загорахуся лесы и боры, и болота, мхи, поля. И бысть нужа велия и бысть мор на скот». Либо на миниатюрах представлена последовательность действий, например, миниатюра о чуде светостояния над телом Михаила (рис.1) выглядит так: на первом (нижнем) уровне изображена телега, везущая тело князя, на втором уровне (посередине) купцы с плащаницей в руках возле храма, затем хлев, куда заносят тело, снятое с телеги, на третьем (верхнем) уровне – огненный столп в виде креста над хлевом и люди, всплескивающие руками. Что примечательно, вокруг головы Михаила Ярославича нимб нарисован только на двух миниатюрах – в момент его рождения и мученической смерти. Возможно, это говорит о том, что миниатюры, посвященные святому благоверному князю Михаилу Тверскому, были созданы уже после его канонизации в 1549 г.

Как видим, работы, посвященные миниатюрам Лицевого летописного свода о жизни Михаила Тверского и его супруги Анны Кашинской, представляют собой в основном публикацию самих миниатюр, которые заслуживают дальнейшего исследования ученых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Гадалова Г. С. Благоверная великая княгиня Ксения Тверская. Тверь, 2011.

Успенский В., Писарев С. Святый благоверный князь Михаил Ярославич Тверской // Выпись из лицевого Царственного Летописца: В 2 ч. СПб. 1903.

Михаил Тверской. Тексты и материалы // Сост. вст. ст., переводы, подготовка текстов, примечания М. Строганова. Тверь ,2005. с. 15–143.

Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский. Тверь, 1995. с. 157–305.

URL: http://www.rasl.ru/science/litsevoy_letopsvod.php

Рис.1
Миниатюра о чуде светостояния над телом Михаила в Маджаре
из Лицевого летописного свода

ОБРАЗ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИКОНОПИСИ И ФАЛЕРИСТИКИ, СВЯЗАННЫХ С ВОСКРЕСЕНСКИМ МАМАЙ-МАДЖАРСКИМ МОНАСТЫРЕМ.

Обухов Ю.Д., Майорова Н.А.

Рис.1
Икона. Святой благоверного князь Михаил Тверской. Тверь. 1887 г. Храм иконы Казанской Богоматери,г. Будённовск.

В церкви иконы Казанской Богоматери г. Буденновска Ставропольского края хранится драгоценная реликвия - икона святого благоверного князя Михаила Ярославича Тверского с ковчегом-мощевиком, где сберегается частица его мощей (рис.1). История создания этого образа связана со строительством в 1879 - 1884 гг. Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря, на месте, ознаменованном некогда явлением небесного света над мощами князя Тверского, покоившимися там одну ночь по случаю препро- вождения их из Орды в Россию.

Епископ Ставропольский и Краснодарский Владимир в сентябре 1887 года обратился к тверскому владыке архиепископу Савве с просьбой обеспечить ново-построенный монастырь «иконою благоверного князя с частицею при ней святых мощей» [*ГАТО Ф. 160, оп. 3, д. 1152, 1887 г.*]. Как писал ставропольский владыка, «дабы обитель и посещающие ее богомольцы могли иметь перед собою видимый залог готовности молитвенной перед Господом Богом ходатайства угодника Божия, за всех притекающих с верою к заступлению его». Кафедральному протоиерею собора Григорию Первухину было поручено исполнить желание епископа Владимира. При настоятеле обители иеромонахе Никоне состоялось знаменательное событие в Кавказской епархии – перенос из Твери в Воскресенский монастырь святой иконы Михаила Тверского с частицею его мощей. Первоначально эту святыню доставили из Твери в Ставрополь и здесь, в специально изготовленном вызолоченном киоте, она была помещена в архиерейской домовой церкви. В июле 1888 года, во время торжеств, посвященных 900-летию крещения Руси, после торжественной литургии и молебна, икона с мощами крестным ходом, длившимся полтора месяца, была доставлена в Воскресенскую пустынь [*Аджимамедов 1992 г.*].

Время не пощадило монастырь, а икона чудом сохранилась в Казанском соборе г. Буденновска Ставропольского края. Тверской мастер изобразил Михаила Тверского в молении Спасителю перед Спасо-Преображенским собором по традиционному канону. Образ отличается торжественностью и определенной суровой силой, написан по тверской традиции неяркими красками, в правом нижнем углу помещен небольшой ковчег с частицей мощей. Иконографический извод сопоставим с многочисленными иконами, созданными в это время.

Пока остаётся открытым вопрос о времени написании иконы а также имя иконописца. Бросается в глаза «небрежность» нанесения золотого покрытия для придания торжественности образа и скрывшего возможно первоначальный слой. Возможно перед нами более древний

иконографический памятник, обновлённый и снабжённый ковчегом в конце 80-х годов 19 столетия для Мамай-Маджарского Воскресенского мужского монастыря (рис.2).

Конец XIX - начало XX века дает свое прочтение образа святого князя Тверского. Появляются однофигурные иконы, созданные для храмов, которые включались в местный ряд иконостасов, а также миниатюрные образки для паломников. Все они свидетельства того огромного чувства любви и благодарности, которое испытывали тверичане к своему земляку, отдавшему жизнь «за други своя». В основе этих икон лежит особенная личная молитва, предстояние перед Спасителем. На них святой изображен в молении, часто с приложенной к груди рукой, как на надгробных изображениях святых. Такие иконы часто больших размеров, вытянутых пропорций. Эти образы повторяли надгробное изображение князя Михаила на его раке и связаны с чудесами от его мощей.

Такой почитаемый образ находится в храме Михаила Тверского на острове Памяти в Твери. Он был найден в антикварной лавке Иерусалима и пожертвован в новоустроенный храм одним из его строителей. Другой образ находится в собрании Тверской областной картинной галереи. На иконе, исполненной маслом, Михаил Ярославич в длинной рубахе и красном плаще прижимает руку к груди жестом усиленного моления, возведя очи к небу. Мастер особенно выделяет здесь жертвенность облика князя, духовную силу его подвига.

Рис.2
Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь. Типолитография Фесенко.
Одесса. Конец 1898 г.

В росписи на одном из столбов трапезной кладбищенского храма Спаса Нерукотворного в г. Бежецке Тверской области, построенного и расписанного в начале XX века, имеется подобное изображение Михаила Тверского, практически идентичное по композиции.

Пожалуй, один из самых выразительных образов князя был создан тверским мастером Румянцевым в иконе, подаренной городу Кашину тверитянами во время празднования в 1909

году канонизации святой благоверной княгини Анны Кашинской (Кашинский краеведческий музей). Выразительна фигура князя, утвержденная как «столп веры» на фоне голубого неба над низкой линией горизонта. Князь Михаил – в нарядной узорчатой длинной одежде, на плечи накинута алая шуба, правая рука приложена к груди жестом моления, а в левой княжеская шапка.

Началом XX столетия может быть датирована миниатюрная икона в серебряном окладе мастера, оставившего свои инициалы «СГ». Князь Михаил Ярославич Тверской предстоит в молении Спасу Нерукотворному – (на облаках), левую руку он протягивает к условно изображенному Спасо-Преображенскому собору. Миниатюра награвирована штихелем на серебряном окладе. Встречаются иконы такой же композиции, но аналойного размера. Собор гравирован одноглавым, его изображение весьма условно. Эта композиция имеет много общего с распространенной в начале XX столетия небольшой литографированной иконой, где князь представлен стоящим на соборной площади Твери у Спасского собора. Скорее всего, у них был единый источник. В музейных и частных собраниях такие иконки не редкость. Степень их сохранности и распространенность свидетельствует о том, что они изготовлялись для паломников в больших количествах [*Майорова 2006 г.*]

В последние годы повысился интерес к православной и старообрядческой металлопластике 18-20 вв. Появляются статьи и книги на эту тему. Но некоторые предметы пока незаслуженно остаются без внимания искусствоведов, краеведов и исследователей православной иконографии. Прежде всего это штампованные и гравированные нательные образки 19–20 вв., встречаются они часто, большой ценности не имеют и не вызывает ажиотажного спроса у коллекционеров. В свою очередь исследовательский потенциал данных предметов на сегодняшний день не раскрыт в достаточном объёме.

Рис. 3
Лицевая сторона образка

В 2012 г. на рынке г. Будённовска был приобретён для Маджарского археологического музея образок овальной формы. Материал – бронза, техника изготовления - штамповка, состояние хорошее, оглавие в виде плоского ушка, первоначально расположенное перпендикулярно плоскости медальона, повёрнуто параллельно плоскости медальона и слегка наклонено вправо. Высота (с оглавием) 39 мм, ширина 26 мм.

На лицевой стороне (рис.3) вверху справа изображен образ Спаса Неруко- творного в облаках, в нижней части на заднем плане узнаваемый Спасо-Преображенский собор в Твери, освящённый в 1290 году. По краю зубчатый орнамент. Слева изображен в полуобороте святой великий князь Михаил Ярославич в полный рост, в княжеской шубе. Его голова не покрыта. Левая рука князя указывает по византийской традиции на собор; правая обращена в молении к облачному Спасу Нерукотворному.

Фундамент храма изображён чуть ниже линии горизонта, подчёркивая тем самым земное происхождение святыни, в отличие от облачного Спаса Нерукотворного. На оборотной стороне (рис.4) в окружении полос растительного и геометрического орнамента и зубчато-линейного ободка помещена надпись «**СВЯТЫЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ**». Слово **«БЛАГОВЕРНЫЙ»** выполнено с переносом, под надписью линейная виньетка.

Изображение святого благоверного князя Михаила Тверского, канонизированного Русской православной церковью в лике благоверных в 1549 году на втором Макарьевском соборе в Москве, на образке соответствует известной иконографии знаменитого тверского святого на иконе конца 19 века, исполненной для Мамай-Маджарского Воскресенского мужского монастыря и связана со строительством его в 1879-1887 гг. на месте, ознаменованном некогда

благодатным явлением небесного света над мощами князя, покоившимися там одну ночь по случаю препровождения их из Орды на Русь.

Миниатюрные иконы с такой композицией в частных собраниях Тверского края не редкость, их сохранность и распространённость свидетельствуют о том, что они изготовлялись для паломников в больших количествах, и датируются исследователями началом XX века. Представляемый образок мог также является массовой продукцией для паломников и, учитывая местонахождения данного образа, возможно, был произведен в стенах Воскресенской обители.

Рис. 4
Оборотная сторона образка

Однако в сюжете присутствуют некоторые различия. Обращает внимание отсутствие в сюжете медальона колокольни, в то время как на иконе она присутствует, кроме того видна и часть кремля отсутствующая на медальоне. Таким образом, говорить о точном копировании сюжета не представляется возможным. Хотя «лаконичность» сюжета можно объяснить миниатюрностью исследуемого предмета. В тоже время на подобных двухсторонних медальонах, посвящённых святым благоверной княгине Анны Кашинской и князю Михаилу Тверскому, Михаил стоит на фоне собора с колокольней, но отсутствует изображение Спаса. Данный тип предметов личного благочестия и двустороннюю композицию исследователи связывают со вторым прославлением святой благоверной кн. Анны Кашинской, завершившиеся грандиозными мероприятиями в 1909 году [*Хухарев 2010 г.*].

Все известные на сегодня иконки – образки происходят с территории Тверского края и сопредельных областей, связаны с Анной Кашинской и Михаилом Тверским, в то время как образок, обнаруженный на Прикумье, посвящён непосредственно Михаилу. Один из вариантов происхождения медальона – изготовление его всё-таки в Тверской земле в связи препровождением иконы с мощами святого кн. Михаила Тверского на Кавказ. Впоследствии, возможно, эта иконографическая схема явилась прообразом последующих образков, посвящённых второму прославлению святой благоверной княгини Анны Кашинской. Таким образом, найденный в г. Буденновске (г. Святого Креста) медальон является самым ранним, известным на сегодня, предметом личного благочестия с образом великого князя, а место его обнаружения говорит о почитании святого в семьях верующих в месте божественного прославления святого князя Михаила Тверского на Северном Кавказе, в частности на Прикумье. В этом историко-художественная и научная ценность этого памятника, впервые введенного в научный оборот.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1992, с. 165-169.

Майорова Н.А. Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской в иконописи и изобразительном искусстве с начала 14 в. до нашего времени. Тверь 2006 г.

Хухарев В.В. Образ «Святой благоверной кн. Анны Кашинской» на памятниках фалеристики Нового времени. Тверские святые и святыни: Материалы научных конференций. Тверь 2010 г.

ГАТО Ф. 160, оп. 3, д. 1152, 1887 г. Дело Тверской духовной консистории по отношению епископа Ставропольского и Екатеринодарского об обеспечении благосостояния обители Воскресенской Мамай-Маджарской, Ставропольской епархии, иконою святого благоверного князя Михаила Тверского с частицею при ней святых мощей.

ОБРАЗ ГОРОДА МАДЖАРА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Карибов Г.Г.

Изучение образцов русской художественной литературы, в которых упоминается город Маджар, привело к ожидаемому и логичному выводу: появление на страницах произведений этого средневекового города неразрывно связано с той или иной исторической личностью.

Сразу необходимо сделать важную оговорку: в поле исследования были включены литературные образцы известных авторов, хотя нельзя исключать также наличие определенного пласта литературы, где также звучит тема Маджара. В этом смысле изучение образа города не является полным, но, тем не менее, не лишенным пусть и первоначальных, но, тем не менее, обоснованных выводов.

Итак, установлено, что ни в одном из образцов русской художественной литературы образ Маджара не является главным. Он всегда присутствует на заднем плане, создавая своеобразный фон, исторический интерьер. Главным всегда является персонаж, личность, которая так или иначе соприкасается с городом или имеет к нему отношение. Причем, оно может быть обосновано документальными фактами, а может основываться исключительно на художественном вымысле.

Таких личностей в русской литературе выявлено две. Первая, это, несомненно, тверской князь Михаил Ярославич. Второй – ордынский темник Мамай. Именно они и задают тон, определяют своего рода знак, с которым предстаёт перед читателями Маджар. Через них мы видим и отношение авторов произведений. Для одних Маджар – это родина, родные края, которая представляет в настоящее время скрытую сокровищницу, а для других – чужбина, и место испытания и прославления русского духа, причем не только в средние века, но и в наше время.

Итак, анализу подверглись следующие произведения, ключевой фигурой которых выступает Михаил Тверской: «Великий стол» Дмитрия Михайловича Балашова, «Михаил Тверской (XIV век, Русь под игом)» Николая Сергеевича Плотникова (Фуделя), «Отечестволюбец Михаил Тверской» Георгия Николаевича Пономарёва и «Михаил Тверской» Александра Александровича Бестужева (Марлинского). Все произведения, за исключением последнего по списку, но первого по хронологии возникновения исполнены в прозе. Поэтому логично начать именно со стихотворения, написанного будущим декабристом в 1824 году, тем более, что это единственное их рассматриваемых произведений, где имя Маджара не называется впрямую, но при известной многослойности и множественности вариантов интерпретации художественного текста к городу можно применить следующие строки [*Бестужев (Марлинский) 1990. с.45*]:

В темнице мрачной и глухой
Ночною позднею порой
Лампада темная мелькает
И слабым светом озаряет…
На площади народ шумит
В столице хищных,
Злобных ханов,
России яростных тиранов…
Он внял ему, сей сильный бог,
Россиянам восстать помог
И снял с лица земли тиранов:
Их город стал жилищем вранов;

Мы видим, что образ города, которым, учитывая исторический контекст, вполне мог быть и Маджар, представляет собой буквально цитадель зла, которая неминуемо должна погибнуть.

В произведении Дмитрия Михайловича Балашова «Великий стол» [*Балашов 1986. с.446*] у города уже появляется имя: «Тело мертвого Михаила поскорее отправили в Мождежчарык, поскольку уже начались толки и пересуды. Кто-то видел свет над телом. Убитого всерьез начинали объявлять святым. В Мождежчарыке торговые гости хотели накрыть покойника плащаницами и поставить в церкви».

Почему автор решил остановиться именно на таком варианте имени города точно неизвестно, но по логике повествования именно так или почти так должны были называть его

русские люди – современники описываемых в романе событий, поскольку такое название, как предполагается, может основываться на летописных источниках.

Но для нас важен образ. А образ города заключен в сплаве двух главных идей: идеи земной несправедливости и небесного воздаяния.

Но совсем безликим предстаёт Маджар в романе Николая Сергеевича Плотникова (Фуделя), «Михаил Тверской (XIV век, Русь под игом)» [*Плотников (Фудель) 1996. с.511*]: «Через реку Адеж (или по-русски Горесть) тело повезли на Кумские Маджары на Курре, а потом к Волге в город Бездеж, что стоит при впадении речки Черемашни». В этом романе Маджар всего лишь проходное место, не более. Отметим только использование в произведении имени города – Кумские Маджары, что может в контексте повествования включать в себя не один Маджар, а ряд поселения с таким наименованием.

Наиболее полно Маджар осязаем и зрим в произведении Георгия Николаевича Пономарёва «Отечестволюбец Михаил Тверской» [*Пономарёв 1998. с.159*]. «Пусть в Маджарах во Храме взойдут на амвон — поминальный молебен свершат!» - говорит Михаил Ярославич. Здесь мы видим, как в привычном образе цитадели зла уже зреет свет – храм. И вокруг этого храма есть люди, которым не безразличен Михаил, которым не безразлична Русь. Этот образ отсылает нас к образу библейских немногих праведников, благодаря которым и спасётся мир и продолжится жизнь на земле. В Маджаре Георгия Пономарёва есть еще одно действующее лицо – это сам Господь. Если в Романе Николая Плотникова автор ограничился лишь простой констатацией «Кто-то видел свет над телом», то у Георгия Пономарёва уже звучит утвердительно: «И когда довезли до Маджар, люди, знавшие про Михаила, вышли встретить его и решили, что ночью телу в Храме лежать надлежит. Но бояре и стражники Юрьевы приказали не в Храме - во хлеве, заперев и поставив сторожу, до утра его положить. И прославил Господь этот хлев - ведь и сам он во хлеве родился! И лишь только пришла ночь в Маджары, яркий луч опустился с небес! Он меж небом и хлевом завис, и купцы, и бояре, и гости из стран иноземных наблюдали всю ночь невиданный, огненный плеск. И все поняли: сам Господь коснулся чела Михаила перстом, чтоб с мгновенья того нимб святого над ним воссиял!»

Мы можем засвидетельствовать, что это наиболее притягательный образ Маджара из всех, вышеупомянутых. Ведь здесь Маджар предстал городом, в котором себя проявил сам Господь. Однако благосклонность высших сил здесь явлена вовсе не Маджару, а только тверскому князю. Этот знак можно трактовать вполне однозначно: тот, то в тот момент был в славе – обратится в прах, а тот, кто лежал мёртв – воскреснет вовеки.

Рассмотрим, наконец, и представителя направления, проводящего так называемую «ордынскую» линию в русской литературе. Этим автором является уроженец Ставрополья Георгий Владимирович Пряхин. Неоднократно он упоминает Маджар в своём романе «Хазарские сны», старательно проводя не имеющую отношения к реальной действительности линию преемственности: «Маджар - Кара-Багла - Святой Крест - Буденновск - Прикумск и опять - Буденновск... Какое следующее? - Освенцим?.. Нью-Атлантида?..»

Тут Маджар, стоящи во главе нисходящей цепочки городов и символов, занимает наиболее почётное, наиболее высокое положение, потому как, согласно автору, получается, что чем далее продвигаться по цепочке, тем значит далее погружаться в небытие. И Маджар, наиболее далеко отстоящий от нас во времени предстаёт самым реальным из всего перечисленного [*Пряхин 2006*].

«Совсем недавно Сергей узнал, откуда Мамай двигался на Куликово поле. Из Буденновска. Из города Маджар… Мамай не мог жить в Золотой Орде, в ее столице, потому что был нелегитимным ее правителем, не чингизидом, бастардом. Потому и выбрал столицей город Маджар… Город, в котором встречались шелк и соболя, золотые слитки и фальшивые дукаты. Город глинобитных дворцов с устланными глазированной плиткой полами, с внутренними двориками, чьи стены, как старческие руки, перевиты ржавыми жилами вьющегося винограда, с каменным желобом водопровода… Стало быть, Мамай - первый детдомовец Буденновска. Наиболее чувствительные натуры в интернате, в котором воспитывался Сергей, ощущали себя прямыми наследниками Мамая… В соленом озере Буйвола, лежавшем, плавно, женственно огибая его, возле города, покоилась золотая мамаева колесница».

Вот такой вот гимн Орде, гимн Маджару, гимн Мамаю, «первому детдомовцу Будённовска». Кем же себя тогда считает сам автор? Он дал нам ответ на этот вопрос в своём рассказе

«Привет с берегов Керулена», ставшим вводной статьёй к роману бурятского писателя Алексея Сергеевича Гатапова «Тэмуджин», повествующей о Чингис-хане [*Гатапов 2012*]:

«Утверждаю и как уроженец города, носившего некогда славное имя Маджар и стоявшего – сухопутной торговой гаванью – на стыке двух миров: Европы и Азии».

Вот так, ни больше – ни меньше, но, согласно автору, мы имеем дело с фактически живущим в наши дни уроженцем Маджара, который сейчас только называется по-другому. То есть жив не только Маджар, фактически жив и Мамай, параллель с которым проводит автор и наследником которых (Маджара и Мамая) ощущал и ощущает.

Есть у Георгия Владимировича в «Хазарских снах» и упоминание о прасковейском музее, одном из организаторов Первого Маджарского межрегионального археологического форума [*Пряхин 2006*]: «В винодельной Прасковее, под Буденновском, в доморощенном сельском музее, среди разрозненных экспонатов, восходящих к располагавшимся на этих сиреневых прикумских холмах древним Маджарам и даже к самой Хазарии, повстречал совершенно удивительную реликвию. Кирпич с отпечатком детской ступни».

К сожалению, в настоящей работе нет возможности более детально осветить все возможные трактовки образа города Маджара, возникающие на основании хотя бы перечисленных литературных источников, но мой доклад будет не полным, если я не приведу здесь ещё одно произведение. Это моё стихотворение, написанное 30 августа 2012 года. Считаю, что достойно завершить свой доклад следует новым, еще неизвестным исследователям произведением, принадлежащим перу автора.

Михаил Тверской

Покинув славный град Маджар,
Князь Михаил грустил.
На север обратил он взор,
Вздохнул. Набравшись сил,
Он бросил взгляд на церкви крест,
Который сердцу мил,
Молитву Господу вознёс,
Колени преклонил…

Он знал, что впереди его
Ждут суд, хула и смерть.
Но верил князь, что в правде Бог,
И Он просил терпеть.

Последний миг, последний стон…
Вокруг – злорадный смех!
Но, снегом колокольный звон
Обрушился на всех.

«Тот князь – святой», - вскричал один
И, в страхе, бросил нож.
А небо повторило стон:
«Прав Михаил! Всё – ложь!»

И вот опять тот град Маджар -
На Тверь все держат путь.
Клеветники идут узнать
Где можно отдохнуть.

«Пусть в церкви на ночь светлый князь
Останется у нас!» -
Просили так бояр друзья,
Что знали князя в час,
Когда он, видя церкви крест,
Молился о всех нас.

«Нет, только в хлев его, к скотам!» -
Таков был им ответ.
Но только князя гроб туда
Поставили, как свет
Пронзил мрак ночи и, с небес
Исполнился завет.
«Тот князь – святой»!
Маджар не спал…
Так встретили рассвет…

Покинув славный град Маджар,
Отправились на Русь.
Везли в санях с собою в Тверь
Её печаль и грусть.

Прошли века. Сошла Орда…
Кто ж вспомнит о былом?
Расскажет кто, как князь лежал,
Про свет над тем челом?

Ушёл под землю град Маджар,
Но жизнь опять окрест,
Ведь Русь сама пришла туда,
Воздвигнув Святой Крест.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Балашов Д.М. Избранные произведения в 2-х т. М., 1986. Т. 2: Великий стол». 446 с.

Бестужев (Марлинский) А.А., «Михаил Тверской», Тверская панорама, 1990. № 2, с. 45.

Гатапов А.С., «Тэмуджин», М. 2012.

Плотников (Фудель) Н.С., «Великий князь Михаил Тверской. XIV век. (Русь под игом)». Тверь, 1996. 511 с.;

Пономарёв Г.Н., «Отечестволюбец Михаил Тверской», Тверь, 1998. с.159.

Пряхин Г.В., «Хазарские сны», М. 2006. 400 с.;

Государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края
«Пятигорский краеведческий музей»

Муниципальное учреждение культуры
«Краеведческий музей села Прасковея»

Пятигорское городское отделение
Ставропольского краевого отделения Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» ВООПИиК

РЕЗОЛЮЦИЯ ФОРУМА

г. Пятигорск,
с. Прасковея,
г. Буденновск

24-25 сентября 2012 г.

Первый межрегиональный Маджарский археологический форум, посвященный 270-летию научного изучения крупнейшего средневекового памятника археологии Северного Кавказа федерального значения «Маджарское городище» и приуроченный к 10-летию муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей села Прасковея», был проведен на базе ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», МУК «Краеведческий музей села Прасковея» и МАУ «Дом культуры» г. Будённовска. В форуме приняло участие более 30 ученых и специалистов в области археологии, средневековой истории, антропологии, археозоологии, охраны памятников истории и культуры и музейного дела из городов и районов России (с. Прасковея Ставропольского края, гг. Буденновск, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Минеральные Воды, Ставрополь, Нальчик, Азов, Элиста, с. Селитренное Астраханской области, гг. Волгоград, Саратов, Казань, Тверь, Кашин, С.-Петербург, Москва) и Украины (г. Симферополь – Крым). На форуме прозвучало 26 докладов и сообщений, посвященных различным аспектам изучения Маджарского городища конца XIII – начала XV в. н. э. и других средневековых объектов золотоордынской эпохи, исследованию межрегиональных и международных экономических, политических, культурных связей населения Маджар с другими регионами, городами и районами Золотой Орды. Важное место в докладах было уделено острым проблемам сохранения археологических памятников золотоордынского периода, в особенности городища Маджары, развития музеев археологического профиля и учреждений, имеющих в своей структуре археологические коллекции.

Участники Форума неоднократно указывали на особое значение города Маджар в средневековой истории региона, исключительную историко-культурную и социальную ценность археологических материалов, происходящих с территории городища и связанных с ним. Значительная часть из этих материалов хранится сегодня в нескольких музеях страны: с. Праско-

веи, гг. Буденновска, Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска, других городов России и некоторых зарубежных стран. Таким образом, материалы единого памятника оказались раздроблены, с ними трудно работать исследователям, не создается целостного впечатления об отдельных категориях предметов материальной культуры: местной и привозной керамики, изделиях из стекла и поделочного камня, кости и рога, архитектурном декоре и пр. Одним из важных результатов форума было обобщение данных о маджарских коллекциях из ряда музеев: ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», ГБУК СК «Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве», ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость», а также коллекции из фонда формирующегося «Маджарского археологического музея». В докладах звучала обоснованная мысль о необходимости реализации идеи самостоятельного Маджарского археологического музея, высказанной исследователем края и археологических памятников Северного Кавказа Г.Н. Прозрителевым (1849-1933) еще в начале XX века.

Заслушав и обсудив доклады, сообщения и выступления, участники форума

РЕШИЛИ:

1. Дать высокую оценку деятельности Оргкомитета по организации и проведению Первого межрегионального Маджарского археологического форума, образованного руководством ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» и МУК «Краеведческий музей села Прасковея» и выразить благодарность организаторам, органам местного самоуправления муниципальных образований города-курорта Пятигорска и села Прасковея Буденновского района Ставропольского края, на территории которых проходил данный форум, а также организациям и частным лицам, оказавшим содействие в его подготовке и проведении.

2. Признать городище Маджары не только объектом культурного наследия всероссийского и международного значения, представляющим неоценимую историческую сокровищницу, но также в качестве национального археологического ресурса, который можно использовать как источник для научных, культурно-просветительских (музеи, выставки, образовательные программы и т.п.), туристических и других целей.

3. Подчеркнуть, что, несмотря на то, что исследование Маджар ведется уже почти 300 лет, объемы изучения этого исключительно ценного памятника остаются несоизмеримыми с его масштабами. Оказать, в связи с этим, всемерное содействие организации постоянного полевого научного исследования Маджарского комплекса, включая не только его основную часть – Средние (Большие) Маджары, но и два других объекта – Нижние (Малые) Маджары (район с. Бургун-Маджары), и Верхние Маджары (на участке долины р. Кумы выше г. Буденновска по ее течению). Составления паспорта, определение территории охранной зоны для выше перечисленных объектов и постановку на гос.учёт Нижних и Верхних Маджар.

4. Научные исследования городища Маджары должны стать частью комплексных мер сохранения уже сильно пострадавшего от многолетних необдуманных хозяйственных действий и разрушительных преступных акций т.н. «черных искателей», неизмеримо возросших в последние два десятилетия. Научные методы должны идти параллельно с эффективными правовыми мерами и действиями, направленными против этих негативных разрушительных явлений и тенденций. В связи с этим участники форума очередной раз обращают внимание на остроту проблем сохранения культурного наследия городища Маджары и обращаются к представителям органов власти всех уровней и правоохранительным структурам с требованием усилить практические мероприятия, направленные на сохранение территории ценного памятника федерального значения и связанных с ним материалов. В качестве первостепенной меры предлагается развертывание кампании по изъятию участков земли в государственную собственность у тех владельцев, которые не имеют заключенных охранных обязательств по условиям их использования и не исполняют их. Параллельно следует усилить комплексные действия против «черных копателей».

5. Подчеркнуть большое значение работ по дальнейшей обработке, изучению, систематизации и подробной публикации маджарских музейных коллекций.

6. Выступить в поддержку идеи создания Маджарского археологического музея или специального филиала государственного краеведческого музея города Пятигорска, как центра Северокавказского федерально-

го округа, в городе Буденновске, на базе уже накопленных прекрасных археологических материалов, представляющих основные категории находок, как типичных для средневековых городов Восточной Европы, так и уникальных, свойственных исключительно данному памятнику.

7. Считать целесообразным издание материалов Первого межрегионального Маджарского археологического форума и создать редакционный свет из участников Форума для подготовки научного сборника.

8. Поддержать инициативу директора МУК «Краеведческий музей села Прасковея» Ю.Д. Обухова и проработать вопрос об организации постоянной Маджарской археологической международной конференции, на которой обсуждались бы актуальные вопросы археологии средневекового золотоордынского города и проблемы охраны подобных памятников. Периодичность проведения таких мероприятий установить не реже, чем 1 раз в 3-5 лет.

УЧАСТНИКИ ФОРУМА

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований

АЭ СГПИ – археологическая экспедиция Ставропольского государственного педагогического института

БАН – библиотека академии наук

БМ – Будённовский музей

БЭС – большая советская энциклопедия

ГАТО – государственный архив Тверской области

ГАУК РО – государственное автономное учреждение культуры Ростовской области

ГБУК СК – государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края

ГИМ – государственный исторический музей

ИА РАН – институт археологии Российской академии наук

ИАИАНД – историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем ДОНУ

ИИМК – институт истории материальной культуры

ИЭА РАН - Российской академии наук

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных иследований

КИКМ – кисловодский историко-краеведческий музей

НИИ МА- научно исследовательский институт и музей антропологии

ОФ СГМЗ – основной фонд Ставропольского государственного музея заповедника

РА – Российская археология

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РНБ – Российская национальная библиотека

РФК –

СА – Советская археология

СГКУНБ – Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лнрмонтова

СМИ – средства массовой информации

СМК – саратовский музей краеведения

СОМК – саратовский областной музей краеведения

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Игорь Викторович Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Россиийского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва. Москва.

Бабенко Виталий Александрович ведущий научный сотрудник ООО «Наследие» г. Ставрополь.

Березин Сергей Яковлевич старший научный сотрудник ООО «НИИ Севкавархеология» г. Кисловодск.

Бочаров Сергей Геннадьевич кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, г. Ялта.

Евтеев Андрей Алексеевич кандидат биологических наук, НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Москва.

Есаулов Михаил Викторович научный сотрудник ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». г. Кисловодск

Жербилов Сергей.Евгеньевич ГАУК РО «Донское наследие». ведущий археолог. г. Ростов-на-Дону.

Зайцева Елена Ивановна главный хранитель музейных предметов ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». г. Кисловодск

Зиливинская Эмма Давыдовна доктор исторических наук Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий научный сотруднмк. Москва.

Карибов Георгий Геннадьевич старший научный сотрудник МУК «Краеведческий музей села Прасковея» г. Будённовск.

Кольцов Пётр Михайлович доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого госуниверситета, г. Элиста.

Кольцова Кермен Петровна магистрант кафедры «Отечественной истории» Калмыцкого госуниверситета. г. Элиста.

Кравцова Светлана Леонидовна. Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, заведующий отделом археологии. г. Ставрополь.

Кравченко Светлана Александровна старший научный сотрудник, хранитель фондов археологии Золотой Орды и антропологии ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» г. Азов.

Кубанкин Дмитрий Алекснадрович старший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения г. Саратов.

Лавренов Владимир Ильич директор филиала РГГУ в г. Твери.

Лачинов Игорь Акимович зам. директора по научной работе ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». г. Кисловодск

Ли Джи Ын кандидат исторических наук, Университет Донг-А преподаватель кафедры археологии и истории искусства (Пусан, Корея).

Лопан Оксана Витальевна старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва. Москва.

Майорова Ната Анатольевна старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Тверской областной картинной галереи, г. Тверь

Масловский Андрей Николаевич кандидат исторических наук заведующий отделом археологии ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник». г.Азов

Нарожный Евгений Иванович доктор исторических наук, ОАО «Наследие Кубани». г.Армавир.

Нарожная Фарида Бариевна Преподаватель МБОУ-СОШ № 3, г. Армавир.

Недашковский Леонард Фёдорович доктор исторических наук доцент кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета г. Казань.

Никитина Ольга Александровна кандидат филологических наук, корреспондент газеты «Кашинский вестник», г. Кашин.

Никонова Вера Алексеевна краевед, общественный деятель г. Кашин.

Обухов Юрий Дмитриевич, директор МУК «Краеведческий музей села Прасковея» г. Будённовск

Пигарёв Евгений Михайлович - кандидат исторических наук, директор МКУК «Историко-культурный центр «Сарай-Бату» Астраханская область, Харабалинский район, с. Селитренное.

Полковский Дмитрий Георгиевич научный сотрудник ООО «НИИ Севкаварheология» г. Ессентуки

Савенко Сергей Николаевич г. Пятигорск, ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», директор, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, г.Кисловодск.

Швырёва Анна Константиновна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела природы Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, г.Ставрополь.

Юдин Никита Игоревич, магистрант, младший научный сотрудник ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» г. Азов

Юрченко Александр Григорьевич, научный редактор Издательства Евразия г. Санкт-Петербург

Яворская Лилия Вячеславовна, к.и.н., научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, доцент, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ:

ВСТУПЛЕНИЕ 3

ГЛАВА I ЗОЛОТАЯ ОРДА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ТЕРРИТОРИИ 4

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище. Исследование золотоордынского города в зоне сплошной застройки.....4

Недашковский Л.Ф. Александровское местонахождение и Болдыревское селище. 7

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина р. Адагум) (XIII-XIV вв.).....10

Юдин Н.И. О русских людях на Царевском городище (по материалам керамики). 16

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда).....20

Кравченко С. А. Посудное стекло из раскопок Азака. 39

Пигарёв Е.М. Красноярское городище - этапы развития.....45

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Средневековый караван-сарай Таскешу в Западном Казахстане 49

Кравцова С.Л., Ли Джи Ын. Об одном бронзовом зеркале из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.....53

ГЛАВА II ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД МАДЖАР – АДМИНИСТРАТИВНЫЙ, ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 57

Юрченко А. Г. Маджар как одна из ордынских столиц времени правления хана Узбека 57

Зиливинская Э.Д. Рисунки маджарских мавзолеев из Государственного Русского музея.....74

Лопан О.В. Новые находки металлических зеркал с Маджарского городища.....79

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Ещё раз о находках золотых делийских динаров на Маджарах.....90

Швырева. А.К. Реконструкция модели стада домашних животных древнего города Маджары.....95

Яворская Л. В. Методические аспекты изучения остеологических материалов из городских поселений, на примере городища Маджары.....99

Евтеев А.А. Краниологическая серия из Маджарского городища.....105

Бабенко В.А. Округа золотоордынского города Маджара (к постановке проблемы выделения границ).....125

Полковский Д.Г. Материалы из раскопок золотоордынских мавзолеев в районе г. Ессентуки 1963 и 1971 годов (Т. Б. Палимпсестова и А. П. Рунич). 130

Березин С.Я. Новая гончарная печь эпохи Золотой Орды из окрестностей города Новопавловска Ставропольского края. 136

Волков И.В. Керамика Золотоордынского города Маджар. 139

ГЛАВА III МАДЖАРСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ.....223

Кравцова. С.Л. Археологическая коллекция «Золотоордынский город Маджар XIII–XIV вв.» из собрания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. 223

Кравцова С.Л., Обухов Ю.Д. Архив Ивлева Н.П. из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.....234

Савенко С. Н. Материалы из Маджара в собрании Пятигорского краеведческого музея. 262

Лачинов И.А., Зайцева Е.И., Есаулов М.В. Маджарские археологические комплексы из собрания Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость». 281

ГЛАВА IV ОБРАЗ МАДЖАРА И КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ, КУЛЬТУРНОМ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИИ.....287

Лавренов В.И. Христос Вседержитель как символ единодержавия тверских государей: к вопросу о сакрализации власти в средневековой Руси.....287

Никитина О. А., Никонова В. А. Миниатюры Лицевого летописного свода. Житие Михаила Тверского и Анны Кашинской.....290

Обухов Ю.Д., Майорова Н.А. Образ святого благоверного князя Михаила Тверского в произведениях иконописи и фалеристики, связанных с Воскресенским Мамай-Маджарским монастырем. 293

Карибов Г.Г. Образ города Маджара в русской художественной литературе. 297

РЕЗОЛЮЦИЯ ФОРУМА.....301

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....304

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....305

«Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Будённовск – 2012 год»

Научное издание

Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*

Подписано в печать 31.10.2016 г. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$.
Усл. печ. листов 35,8. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 14787.

Отпечатано с готового оригинал-макета
ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»
420054, РТ, г. Казань, ул. Актайская, д. 21
www.apress-kzn.ru